

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ · ПОЛИТИКИ · ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ. — КНИГА 3-ья.

МАРТЪ. 1868.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 3-ья. — МАРТЪ, 1868.

«Записки о Россіи XVII и XVIII вѣка, по донесеніямъ голландскихъ резидентовъ», на
въ первомъ томѣ, по недостатку мѣста, отложены до апрѣльской книги второго тома.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ.

Third Year, 1868
3

ТРЕТІЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ XXXII. — ТОМЪ CLXXXIV. — $^{1}/_{13}$ МАРТА 1868.

ТИПОГРАФІЯ Ф. СУЩИНСКАГО.
УЛИЦА МОГИЛЕВСКАЯ, 2
С.ПЕТЕРБУРГЪ.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

ТОМЪ II.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Невскомъ просп., у Казан. моста,
№ 30.

Экспедиція журнала:
на Екатерингофскомъ проспектѣ,
№ 41.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1868.

1879, Oct. 6.
Gift of
Eugene Schuyler,
U. S. Consul, at
Birmingham, Eng.

КОРИНѲСКАЯ НЕВѢСТА

Изъ Гёте[1].

1

Изъ Аѳинъ въ Коринѳъ многоколонный
Юный гость приходитъ, незнакомъ, —
Но когда-то житель благосклонный
Хлѣбъ и соль тамъ велъ съ его отцомъ;
        И дѣтей они
        Въ ихъ младые дни
Нарекли невѣстой съ женихомъ.

2

Но какой для добраго пріема
Отъ него потребуютъ цѣны?
Онъ — дитя языческаго дома,
А они — недавно крещены!
        Гдѣ за вѣру споръ,
        Тамъ, какъ вѣтромъ соръ,
И любовь и дружба сметены!

---

[1]) Разсказъ, весьма схожій съ содержаніемъ этой баллады, находится въ книгѣ *Περὶ Θαυμασίων* (о чудесномъ) Флегона Траллійскаго, вольноотпущеннаго императора Адріана. У Флегона всѣ подробности событія переданы очень обстоятельно, и дѣйствующія лица названы по именамъ, а именно: невѣста—*Φιλίννιω*, женихъ—*Μαχάτης*, мать —*Χαρίτω*, а отецъ—*Δημόστρατος*. Въ книгѣ *Περὶ Θαυμασίων* недостаетъ начала, и не видно, чтобы дѣйствіе происходило именно въ Коринѳѣ. Трудно рѣшить утвердительно, что Гёте взялъ свою балладу изъ Флегона; мы знаемъ только, что она написана въ 1796 году, одновременно съ *Баядерой*, и принадлежитъ къ его первокласснымъ произведеніямъ по силѣ стиха, изящности картинъ и той объективности, съ которой онъ становится на точку зрѣнія язычества въ его тогдашней борьбѣ съ торжествующимъ христіанствомъ.

3

Вся семья давно ужъ отдыхаетъ,
Только мать одна еще не спитъ,
Благодушно гостя принимаетъ
И покой отвесть ему спѣшитъ;
Лучшее вино
Ею внесено,
Хлѣбомъ столъ и яствами покрытъ.

4

Такъ снабдивъ пришельца, доброй ночи
До утра ему желаетъ мать;
Но его смыкаются ужъ очи,
Онъ, одѣтъ, ложится на кровать;
И ужъ дремлетъ онъ,
Какъ ему сквозь сонъ
Слышно кто-то крадется, какъ тать.

5

И въ покой, онъ видитъ, полутёмный,
Вся покрыта бѣлой пеленой,
Входитъ дѣва поступію скромной,
На челѣ съ повязкой золотой;
Но его узрѣвъ,
Стала, оробѣвъ,
Съ приподнятой блѣдною рукой.

6

— Видно въ домѣ я уже чужая,
Такъ она со вздохомъ говоритъ,
Что вошла, о гостѣ семъ не зная,
И теперь меня объемлетъ стыдъ;
Спи-жъ спокойнымъ сномъ
На одрѣ своемъ,
Я уйду опять въ мой тёмный скитъ!

7

— Дѣва, стой, воскликнулъ онъ, со мною
Подожди до утренней поры!
Вотъ, смотри, Церерой золотою,
Вакхомъ вотъ посланные дары;
А съ тобой прійдетъ
Молодой Эротъ,
Имъ же свѣтлы игры и пиры!

8

— Отступи, о юноша, я болѣ
Не причастна радости земной;
Шагъ свершонъ родительскою волей:
На одрѣ болѣзни роковой
Поклялася мать
Небесамъ отдать
Жизнь мою, и юность, и покой!

9

И боговъ веселыхъ рой родимый
Новой вѣры сила изгнала,
И теперь царитъ одинъ Незримый,
Одному Распятому хвала!
Агнцы болѣ тутъ
Жертвой не падутъ,
Но людскія жертвы безъ числа!

10

И ея онъ взвѣшиваетъ рѣчи:
— Неужель теперь, въ тиши ночной,
Съ женихомъ не чаявшая встрѣчи,
То стоитъ невѣста предо мной?
О, отдайся-жъ мнѣ,
Будь моей вполнѣ,
Насъ вѣнчали клятвою двойной!

11

— Мнѣ не быть твоею, отрокъ милый,
Ты мечты напрасной не лелѣй,
Скоро взять должна меня могила,
Ты-жъ сестрѣ назначенъ ужъ моей;
Но въ блаженномъ снѣ
Думай обо мнѣ,
Обо мнѣ, когда ты будешь съ ней!

12

— Нѣтъ, да будетъ пламя сей лампады
Намъ Гимена факеломъ святымъ,
И тебя для жизни, для отрады,
Уведу къ пенатамъ я моимъ!
Вѣрь мнѣ, другъ, о вѣрь,
Мы вдвоемъ теперь
Брачный пиръ нежданно совершимъ!

13

И они мѣняются дарами:
Цѣпь она спѣшитъ златую снять, —
Чашу онъ съ узорными краями
Въ знакъ союза хочетъ ей отдать;
Но она къ нему:
— Чаши не приму,
Лишь волосъ твоихъ возьму я прядь!

14

Вотъ ужъ полночь. Взоръ, доселѣ хладный,
Заблисталъ, лицо оживлено,
И уста безцвѣтныя пьютъ жадно
Съ темной кровью схожее вино;
Хлѣба-жъ со стола
Вовсе не взяла,
Словно ей вкушать воспрещено.

15

И ему фіалъ она подноситъ,
Вмѣстѣ съ ней онъ токъ багровый пьетъ,
Но ея объятій какъ ни проситъ,
Все она противится — и вотъ,
Тяжко огорченъ,
Палъ на ложе онъ,
И въ безсильной страсти слезы льётъ.

16

И она къ нему, ласкаясь, сѣла:
— Жалко мучить мнѣ тебя, но ахъ,
Моего когда коснешься тѣла,
Не земной тебя охватитъ страхъ:
Я какъ снѣгъ блѣдна,
Я какъ ледъ хладна,
Не согрѣюсь я въ твоихъ рукахъ!

17

— Нѣтъ, клянусь любовію моею,
Эта ночь не даромъ насъ свела,
Я тебя въ объятіяхъ согрѣю,
Ты хотя-бъ изъ гроба изошла!
Онъ въ разгарѣ силъ
Дѣву охватилъ, —
И она въ блаженствѣ замерла.

18

Все тѣснѣй сближаетъ ихъ желанье,
Ужъ она, припавъ къ нему на грудь,
Пьётъ его горячее дыханье
И ужъ устъ не можетъ разомкнуть.
Юноши любовь
Ей согрѣла кровь,
Но не бьётся сердце въ ней ничуть.

19

Между тѣмъ дозоромъ позднимъ мимо
За дверьми еще проходитъ мать,
Слышитъ шумъ внутри необъяснимый
И его старается понять:
То любви недугъ,
Поцѣлуевъ звукъ,
И еще, и снова, и опять!

20

И недвижно, притаивъ дыханье,
Ждетъ она — сомнѣній болѣ нѣтъ —
Вздохи, слезы, страсти лепетанье
И безумнаго восторга бредъ:
— Скоро день — но вновь
Насъ сведетъ любовь!
— Завтра вновь! съ лобзаньемъ былъ отвѣтъ.

21

Долѣ мать сдержать не можетъ гнѣва,
Ключъ она свой тайный достаетъ:
— Развѣ есть такая въ домѣ дѣва,
Что̀ себя пришельцамъ отдаетъ?
Такъ возмущена,
Входитъ въ дверь она —
И дитя родное узнаетъ.

22

И воспрянувъ юноша съ испугу,
Хочетъ скрыть завѣсою окна,
Покрываломъ хочетъ скрыть подругу;
Но отбросивъ складки полотна,
Съ ложа, вся пряма,
Словно не сама,
Медленно подъемлется она.

23

— Мать, о мать, нарочно ты ужели
Отравить мою приходишь ночь?
Съ этой теплой ты меня постели
Въ мракъ и холодъ снова гонишь прочь?
И съ тебя ужель
Мало и досель,
Что свою ты схоронила дочь?

24

Но меня изъ тѣсноты могильной
Нѣкій рокъ къ живущимъ шлётъ назадъ,
Вашихъ клировъ пѣніе безсильно
И попы напрасно мнѣ кадятъ;
Молодую страсть
Никакая власть,
Ни земля, ни гробъ не охладятъ!

25

Этотъ отрокъ именемъ Венеры
Былъ обѣщанъ мнѣ отъ юныхъ лѣтъ,
Но для новой, для жестокой вѣры
Ты святой нарушила обѣтъ;
Знай-же, знай, о мать,
Дочь твою терзать
У тебя ужъ болѣ власти нѣтъ!

26

Знай, что смерти роковая сила
Не могла сковать мою любовь,
Я нашла того, кого любила,
И его я высосала кровь!
И покончивъ съ нимъ,
Я должна къ другимъ, —
Я должна идти за жизнью вновь!

27

Милый гость, вдали родного края
Осужденъ ты чахнуть и завять,
Цѣпь мою тебѣ передала я,
Но волосъ твоихъ беру я прядь.
Ты ихъ видишь цвѣтъ?
Завтра будешь сѣдъ,
Русымъ тамъ лишь явишься опять!

28

Ты-жъ услышь послѣднее моленье,
Мать, вели костеръ воздвигнуть намъ,
Свободи меня изъ заточенья,
Въ пепелъ дай разрушиться тѣламъ;
Такъ, въ дыму густомъ,
Мы, сквозь огнь и громъ,
Къ нашимъ прежнимъ улетимъ богамъ!

Гр. А. К. Толстой.

Веймаръ, сентябрь 1867.

ТЫСЯЧА-ВОСЕМЬСОТЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ

ВЪ

ГРУЗІИ.

I.

Положеніе дѣлъ до устройства русскаго правительства въ Грузіи.— Слухи о намѣреніяхъ персіянъ вторгнуться въ Грузію. — Сношеніе съ эриванскимъ ханомъ.— Движеніе Лазарева въ Шамшадыль для защиты ея отъ притязаній ганжинскаго хана.— Дѣйствія полковника Карягина противу нахичеванскаго хана.

Въ сентябрѣ 1801 года состоялся манифестъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи. Манифестъ засталъ Грузію въ самомъ разстроенномъ состояніи. Несчастная страна не имѣла покоя ни отъ внѣшнихъ, ни отъ внутреннихъ враговъ. Послѣдними были преимущественно члены древняго царскаго семейства, перессорившіеся другъ съ другомъ; тягаясь за право владѣнія страною, они искали только личнаго матеріальнаго обезпеченія. Число ихъ въ Грузіи было весьма значительно. Главнѣйшими дѣятелями явились: мачиха послѣдняго грузинскаго царя Георгія XII, царица Дарья, съ сыновьями Іулономъ, Вахтангомъ, Парнаозомъ и Александромъ. Противную имъ партію составляли приверженцы жены Георгія XII, царицы Маріи, съ сыновьями ея Давыдомъ и Теймуразомъ. Расположеніе большинства клонилось въ пользу первой партіи. Обѣ стороны, имѣя многочисленныхъ родственниковъ изъ грузинскихъ князей, вели интриги, волновали и разоряли народъ, который, съ появленіемъ манифеста, расчитывалъ на лучшую будущность. Грузины надѣялись

на исполненіе обѣщаній императора Павла I, на широкія льготы и привилегіи, которыя думалъ дать покойный императоръ, а главное на то, что, состоя въ подданствѣ Россіи, подъ ея охраною, Грузія будетъ управляться однимъ изъ царевичей.

Но предшествовавшая исторія края, подъ управленіемъ собственныхъ царей доказала, что виною всѣхъ бѣдствій Грузіи были злоупотребленія со стороны власти членовъ самаго царскаго дома. Потому манифестъ не могъ бы успокоить страну и обезпечить ее на будущее время. Введеніе русскаго правленія въ Грузіи дѣлалось необходимостью. Но при этомъ возникали для русскаго правительства многіе весьма важные вопросы; нужно было хорошо знать страну, ея обычаи, степень цивилизаціи, чтобы новые порядки, при всей ихъ доброй цѣли, не легли тяжкимъ бременемъ на жителей, и не заставили ихъ пожалѣть о старомъ, чѣмъ не преминула бы воспользоваться устраненная власть. Знали ли мы Грузію? Нужно было возложить введеніе новаго порядка на лица, которыхъ способности и качества стояли въ уровень съ трудностью дѣла. Таковы ли были первые представители русскаго правительства въ Грузіи?

Главнокомандующимъ въ Грузіи и на Кавказской линіи назначили генералъ-лейтенанта Кноринга, а дѣйствительнаго статскаго совѣтника Коваленскаго—гражданскимъ правителемъ вновь присоединенной страны. Много чиновниковъ опредѣлено въ составъ верховнаго грузинскаго правительства.

Избраніе первыхъ двухъ лицъ было не совсѣмъ удачно. Ни Кнорингъ, ни Коваленскій не пользовались добрымъ мнѣніемъ грузинъ. Первый, не умѣя примѣниться къ народному характеру, еще при прежнемъ посѣщеніи Тифлиса, своими дѣйствіями заслужилъ уже нерасположеніе народа; а второй, будучи посланъ въ качествѣ русскаго министра при дворѣ послѣдняго царя Грузіи Георгія XII, «навлекъ на себя отъ царя, вельможъ и народа неудовольствія» [1]).

Находившіеся въ Петербургѣ грузинскіе депутаты, кн. Герсеванъ Чавчавадзе и Половандовъ, узнавъ о состоявшемся назначеніи, тотчасъ же, отъ имени всего народа, обратились съ просьбою къ императору, перемѣнить какъ Кноринга, такъ и Коваленскаго. Они хлопотали о томъ, чтобы главнымъ начальникомъ въ Грузіи назначили кого нибудь изъ знатнѣйшихъ лицъ страны или одного изъ царевичей. Государственный совѣтъ, на разсмотрѣніе котораго была передана ихъ просьба, нашелъ, что императоръ, принявшій на свое попеченіе благосостояніе гру-

[1]) Записка кн. Чавчавадзе. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

зинскаго народа наравнѣ съ русскими подданными, «относить къ своему попеченію—и назначеніе главныхъ начальниковъ» [1]).

Такимъ образомъ, желаніе пословъ и народа осталось неисполненнымъ. Князь Чавчавадзе, не теряя еще надежды на успѣхъ, обратился тогда къ Лошкареву и просилъ его содѣйствія, какъ лица, черезъ котораго шли всѣ просьбы грузинъ. Лошкаревъ, находясь въ то время на службѣ въ Иностранной коллегіи, былъ назначенъ, вмѣстѣ съ гр. Растопчинымъ, для веденія переговоровъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи, и принялъ въ этомъ дѣлѣ самое живое участіе, оставшееся, однакоже, безъ успѣха. Онъ сообщалъ кн. Куракину, «что вся Грузія не терпитъ Коваленскаго» [2]); что онъ имѣетъ множество писемъ отъ пословъ, царевичей и другихъ лицъ Грузіи, которые единогласно писали, что они его «по извѣстнымъ причинамъ терпѣть у себя не могутъ».

Не дождавшись отвѣта Лошкарева, посолъ кн. Чавчавадзе отправилъ въ Грузію одинъ экземпляръ манифеста и штатъ. Онъ сообщалъ своимъ родственникамъ, что всѣ порученія, которыя онъ имѣлъ отъ покойнаго царя — не исполнились. «Царство уничтожили, писалъ онъ, *да и въ подданные насъ не приняли.* Никакой народъ такъ не униженъ, какъ Грузія.... Вы еще имѣете время, чтобы общество написало сюда одно письмо, дабы я здѣсь ходатайствовалъ о нашемъ состояніи, просилъ имѣть царя и быть подъ покровительствомъ. Знайте, если будете просить царя— дадутъ. Если же въ полномочіи мнѣ не довѣряетесь, то отправьте сюда одного кого нибудь изъ васъ, — ему и мнѣ дайте полную волю, и мы оба будемъ стараться о совершеніи сего дѣла [3])....»

Среди разнообразныхъ толковъ и пересудъ, грузины встрѣтили новый 1802-й годъ.

Генералъ-маіоръ Лазаревъ, начальникъ нашего военнаго отряда, явившійся въ Грузію, въ званіи полкового командира, еще при жизни Георгія XII, зналъ объ обнародованіи манифеста въ Москвѣ и Петербургѣ, но, не имѣя никакихъ оффиціальныхъ распоряженій, оставался въ нерѣшимости и затрудненіи.

Осаждаемый со всѣхъ сторонъ вопросами грузинъ о своей участи, и въ ожиданіи прибытія Кнорринга въ Тифлисъ, Лазаревъ отговаривался полнымъ незнаніемъ и употреблялъ всѣ усилія только къ тому, чтобы страна оставалась спокойною до введенія новаго правленія. Главная забота состояла въ воспрепят-

---

[1]) Засѣд. Госуд. сов. 6 февр. 1802 г. Арх. М. Внут. Д. Дѣла Грузіи, ч. II, 214.
[2]) Письмо Лошкарева кн. Куракину, 7 іюня 1802 г. Арх. Мин. Внут. Д. ч. II, 194.
[3]) Изъ слѣдственнаго дѣла надъ Коваленскимъ.

ствованіи царевичамъ и ихъ родственникамъ волновать народъ. Удерживая ихъ въ покорности, связывая произволъ, уничтожая на каждомъ шагу значеніе и власть, Лазаревъ, очень естественно, навлекъ на себя нерасположеніе царевичей и всѣхъ вообще членовъ царскаго дома.

Вдовствующая царица Марія была одна изъ тѣхъ, которая питала наибольшее неудовольствіе на Лазарева. Вдова-царица жаловалась Кнорингу, что ни она, ни дѣти ея не получаютъ жалованья, назначеннаго ей по 500 руб., а дѣтямъ по 100 руб. въ мѣсяцъ каждому; что данныя ей покойнымъ мужемъ имѣнія у нея отобраны, точно также отобраны имѣнія, принадлежащія ея дѣтямъ; что, наконецъ, отъ отца ея кн. Циціанова отобрано моуравство (земское начальство). Марія просила о возвращеніи имѣній ей и дѣтямъ — и моуравства отцу [1]).

Жалобы царицы были несправедливы. Лазаревъ, на запросъ Кноринга, отвѣчалъ, что царица и дѣти ея получали жалованье аккуратно до сентября 1801 года. Въ сентябрѣ же были написаны бараты (указы), чтобы она получила слѣдуемыя ей деньги отъ казаховъ [2]); но Марія, не желая почему-то получать съ нихъ, сама уничтожила тѣ бараты [3]). Лазаревъ не отрицалъ справедливости того, что кн. Циціановъ былъ удаленъ отъ управленія бамбакскою провинціею, но говорилъ, что то сдѣлано по необходимости. Возвратившіеся изъ Эривани, бамбакскіе агалары [4]) объявилъ, что причиною ухода ихъ въ Эривань было то, что кн. Циціановъ, на время своего отсутствія, поручилъ управленіе ими зятю своему кн. Аслану Орбеліани, который, бывши моуравомъ шамшадыльскимъ, совершенно разорилъ жителей. Бамбакскіе агалары просили избавить и ихъ отъ его управленія. Оставивъ званіе моурава и всѣ доходы, присвоенные этому званію, за кн. Циціановымъ, Лазаревъ запретилъ только кн. Орбеліани вмѣшиваться въ ихъ дѣла и касаться ихъ управленія.

Претензіи царствовавшей фамиліи, ихъ недовольство причиняли Лазареву частыя огорченія. Онъ писалъ Кнорингу о своемъ безвыходномъ положеніи, и, не получая никакого удовлетворительнаго отвѣта, долженъ былъ вести свои дѣла по русской пословицѣ такъ, чтобы «и овцы были цѣлы, и волки — сыты»; недостатка же въ послѣднихъ не было.

---

[1]) Письмо царицы Маріи Кнорингу, 22 октяб. 1801 г.

[2]) *Казахи* — особое племя татаръ, жившихъ въ Грузіи — и ея подданныхъ.

[3]) Рап. Лазарева, 10 дек. 1801 г. № 500.

[4]) *Агалары*, высшее сословіе, — ушли въ Эривань еще при Георгіѣ XII; см. подробности этого дѣла въ моей книгѣ: «Послѣдній царь Грузіи, Георгій XII, и присоединеніе ея къ Россіи», стр. 219. Спб. 1867.

Царевичъ Давыдъ, на увольненіе котораго въ отставку императоръ Александръ не изъявилъ согласія, вошелъ въ сношеніе съ своими дядями и переговаривался съ ними о мѣрахъ къ удержанію престола въ рукахъ царствовавшаго въ Грузіи дома.

Давыдъ, Дарья и Вахтангъ, жившіе въ Тифлисѣ, имѣли частыя ночныя свиданія.

Царевичъ Александръ поручилъ сказать Лазареву, что пока въ Грузіи нѣтъ царя, до тѣхъ поръ его нога не будетъ въ этой странѣ [1]).

Царица Дарья въ Тифлисѣ, а царевичъ Іулонъ въ Имеретіи, были двумя главными руководителями, отъ которыхъ гонцы ежедневно доставляли письма другъ другу. Давыдъ, Іулонъ, Александръ и Вахтангъ, бывшіе противниками, стали теперь друзьями и единомышленниками. Они поклялись между собою удержать царское достоинство въ родѣ Богратіоновъ, и избрать царемъ того изъ царевичей, кого назначитъ Дарья [2]). Съ этою цѣлію союзники завели переписку съ окружными ханами, прося ихъ помощи и рѣшились просить о допущеніи одного изъ членовъ царскаго дома въ составъ правленія, чтобы затѣмъ подъ рукою «работать о возстановленіи царскаго достоинства».

Царевичъ Александръ увѣрялъ Давыда, что во всякое время готовъ оказывать ему услуги, какія отъ него потребуютъ [3]), а царицѣ Дарьѣ поручилъ передать, «что русскіе обманываютъ ее, подобно царю Георгію, и чтобы она ничему не вѣрила».

Дарью не нужно было предупреждать въ этомъ; она была гораздо опытнѣе Александра во всякаго рода интригахъ. Имѣя большое вліяніе надъ умами народа, царица, по выраженію Лазарева, сама управляла всею машиною. Обѣщая всѣмъ милости, прося помощи, какъ внутри такъ и внѣ царства, Дарья не теряла надежды на успѣхъ, и переписываясь съ ханами и горскими владѣльцами, не забывала наставленіями и своихъ дѣтей.

Одинъ изъ сыновей ея, Вахтангъ, живя въ Тифлисѣ, задавалъ пиры, приглашалъ на нихъ князей и старался привлечь ихъ на свою сторону. Царевичъ разглашалъ, что, съ устройствомъ русской губерніи, грузины обязаны будутъ платить особыя подати, поставлять рекрутъ и нести другія повинности. Въ присутствіи же преданныхъ намъ говорилъ, что «ихъ домъ разоренъ отъ

---

[1]) Письмо Лазарева Кнорингу, 19 февраля 1802 г. Константиновъ; ч. I, прилож. 294 (рукоп.). Арх. Глав. Шт. въ С.-Петерб.

[2]) Рапортъ Лазарева Кнорингу 26 янв. 1802 г. Тайн. Арх. Канц. Нам.

[3]) Рапортъ его же, 14 февр. 1802 г. Тамъ же.

несогласія, и что нужно быть всѣмъ согласнымъ, дабы получить милость великаго государя».

Двуличное поведеніе его не было тайной. Никто не полагался на искренность послѣднихъ словъ царевича. Извѣстно было, что Іулонъ, Вахтангъ, Александръ, Парнаозъ, Давыдъ и царица Дарья, — всѣ вмѣстѣ отправили въ Персію за печатями письмо къ Баба-Хану, прося его защиты, покровительства и войска. При содѣйствіи лицъ себѣ преданныхъ, царевичи успѣли взволновать осетинъ, на усмиреніе которыхъ были посланы войска. Подговоренный народъ отказался повиноваться поставленному правительствомъ нацвалу (управляющему), несмотря на то, что за три мѣсяца передъ этимъ самъ одобрялъ его. Грузины ожидали прибытія Кноринга для того, чтобы просить объ отмѣнѣ податей, рекрутской повинности и о назначеніи царя изъ дому Багратіоновыхъ [1]).

Кнорингъ спѣшилъ отъѣздомъ въ Грузію. Въ мартѣ собрались на Кавказской линіи всѣ русскіе чиновники, назначенные въ составъ новаго правленія страны. 30 марта, Кнорингъ выѣхалъ въ Тифлисъ для скорѣйшаго открытія правленія и уничтоженія волненій и безпорядковъ, производимыхъ осетинами. Жившіе по рѣкамъ Пацѣ и Большой-Ліахвѣ въ ущельяхъ Кавказскихъ горъ, осетины съ древнихъ временъ находились въ подданствѣ Грузіи и имѣли начальниковъ наслѣдственныхъ въ фамиліи грузинскихъ князей Мочабеловыхъ.

Въ послѣдніе дни жизни Георгія XII, при слабости тогдашняго грузинскаго правленія, осетины пришли въ такое неповиновеніе и буйство, что, умертвивъ одного изъ своихъ князей, производили набѣги на грузинскія селенія, похищали имущество жителей, уводили ихъ въ плѣнъ и продавали сосѣднимъ жителямъ Кавказскихъ горъ.

Подстрекаемые царевичами, жившими въ Имеретіи, осетины еще болѣе усилили свои вторженія и хищничества, такъ что Кнорингъ вынужденъ былъ унять ихъ силою.

Двѣ роты 17-го егерскаго и три роты Кавказскаго гренадерскаго полковъ, два легкихъ полевыхъ орудія и 77 казаковъ назначены въ составъ отряда, подъ командою Кавказскаго гренадерскаго полка подполковника Симоновича, долженствовавшаго усмирить осетинъ и привести ихъ къ покорности [2]).

---

[1]) Письмо Лазарева Кнорингу, 17 февраля 1802 г.

[2]) Рап. Кноринга Г. И. 26 марта 1802 г. Въ отрядѣ находилось штабъ и оберъ-офицеровъ 19; нижнихъ чиновъ строевыхъ 703, и нестроевыхъ 62 человѣка. См. Рап. Симоновича, 20 февраля 1802 г. Т. А. К. Н.

19-го февраля, отрядъ выступилъ изъ грузинскаго селенія Цхинвалъ и въ тотъ же день прибылъ къ урочищу Сусрисхеви. Отсюда Симоновичъ отправилъ къ осетинамъ двухъ парламентеровъ, съ письменнымъ объявленіемъ о причинѣ его движенія внутрь ихъ жилищъ [1]). Отрядъ перешелъ между тѣмъ въ осетинскую дерев. Джавы. Устрашенный народъ, не ожидавшій прихода нашихъ войскъ въ свои жилища, прислалъ старшинъ въ Джавы, съ просьбою о помилованіи и съ заявленіемъ, что осетины, живущіе по рѣкамъ Пацѣ и Большой-Ліахвѣ, будутъ спокойными и покорными русскому правительству. Симоновичъ привелъ ихъ къ присягѣ, взялъ аманатовъ изъ лучшихъ фамилій и, оставивъ здѣсь одно орудіе съ надежнымъ прикрытіемъ, самъ двинулся далѣе къ другимъ селеніямъ. Повсюду жители приходили къ нему съ покорностію, присягали на вѣрность и давали аманатовъ по выбору.

Для лучшаго удержанія въ повиновеніи осетинъ на будущее время рѣшено было учредить у нихъ правленіе въ формѣ гражданскихъ судовъ [2]) и поставить ихъ въ зависимость отъ уѣзднаго суда и полицейской управы, учреждаемой въ г. Гори. Суды эти были устроены въ дер. Джавы и Чриви. Въ первой, для жителей обитавшихъ по рѣкамъ Пацѣ и Большой-Ліахвѣ, а во второй — по рѣкамъ Арагвѣ и Малой-Ліахвѣ [3]).

Возвратившись въ Сурамъ, Симоновичъ привелъ съ собою 13 чел. аманатовъ отъ осетинскаго народа, котораго насчитывали тогда до 35 т. душъ обоего пола.

Волненія въ Осетіи усмирены и кончились неблагопріятно для членовъ царской фамиліи: вовсе не такъ, какъ они ожидали. Все вниманіе ихъ было обращено на Персію и на тѣ мѣры, которыя предприметъ Баба-Ханъ. Властитель Персіи былъ одинъ, на чью помощь они могли теперь разсчитывать.

Въ январѣ, въ Эривани получено извѣстіе, что Баба-Ханъ поручилъ одному изъ своихъ военачальниковъ, Аббасъ-Кули-Хану, отрядъ войскъ съ тѣмъ, чтобы онъ, отправившись въ Тавризъ и собравъ тамъ войска, слѣдовалъ къ Нахичевани, выгналъ тамошняго хана и самъ занялъ бы его мѣсто. Потомъ, если эриванскій ханъ не исполнитъ требованій властителя Персіи,

[1]) Объвщеніе осетинамъ, приложенное къ рапорту Симоновича 5 марта 1802 г. № 121.

[2]) Въ составъ суда назначены: 4 князя Мочабеловыхъ, 6 осетинскихъ старшинъ, 6 грузинскихъ есауловъ и столько же осетинскихъ; одинъ священникъ для распространенія христіанства.

[3]) Рап. Кноринга Г. И. 26 марта 1802 г.

то Аббасъ-Кули-Хану приказано было двинуться къ Эривани. Туда же обѣщалъ прибыть и самъ Баба-Ханъ.

Эриванскій ханъ приготовлялся къ оборонѣ и отправилъ посланнаго къ Лазареву. Онъ писалъ теперь, что считаетъ свое ханство составною частію Грузіи, и зная, что послѣдняя находится въ подданствѣ Россіи, ханъ считаетъ себя также подданнымъ русскаго императора. Онъ просилъ разрѣшенія отправить своего чиновника въ Петербургъ, и, сложивъ съ грузинскихъ купцовъ по 2 рубля пошлины съ каждаго вьюка, обѣщалъ платить нашему правительству ту дань, которую платилъ царямъ грузинскимъ.

Отправленные Лазаревымъ въ Эривань лазутчики принесли извѣстія, подтверждавшія о приготовленіи персіянъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ.

До властителя Персіи, говорило одно изъ писемъ полученныхъ въ Тифлисѣ, дошло «извѣстіе, что въ Грузіи дымится, и надобно сей дымъ искоренить». Шахъ сдѣлалъ распоряженіе о сборѣ 45 т. войска, поручилъ ихъ своему сыну Аббасъ-Мирзѣ и сардарю Сулейману, и приказалъ съ окончаніемъ «навруза» двинуться къ Эривани, и оставивъ у этого города 10 т., съ остальными 35 т. идти въ Грузію. Побужденіемъ къ этому было полученное Баба-Ханомъ письмо царевича Александра, просившаго о помощи. Театромъ военныхъ дѣйствій избраны Казахи и Бамбаки. Склонивъ на свою сторону тамошнихъ татаръ и занявъ эти провинціи, Аббасъ-Мирза долженъ былъ, по повелѣнію своего отца, отправить посланнаго въ Тифлисъ съ требованіемъ очистить Грузію и вывести оттуда русскія войска [1].

Справедливость слуховъ какъ бы подтверждалась тѣмъ, что эриванскій ханъ укрѣплялъ городъ и запасалъ въ немъ военные и съѣстные припасы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ханъ снова отправилъ своего посланнаго къ Лазареву, съ увѣреніемъ о приверженности своей къ Россіи, просилъ покровительства и дозволенія принять присягу на вѣрность, если будетъ удостовѣренъ въ томъ, что наши войска будутъ его защищать, и «онъ не будетъ уже имѣть никакой опасности отъ своихъ непріятелей» [2].

Лазаревъ отвѣчалъ, что безъ разрѣшенія не можетъ вступать ни въ какіе переговоры, и обѣщалъ спросить о томъ Кнорринга. Посланный остался въ Тифлисѣ до полученія отвѣта. Кноррингъ обнадеживалъ хана, высказывалъ свою готовность вступить съ нимъ въ переговоры и заключить актъ о принятіи

---

[1]) Рапортъ Лазарева Кноррингу, 27 февр. № 126.

[2]) Рап. Лазарева Кноррингу, 9 марта 1802 г. № 162.

хана въ покровительство Россіи. Посланный не имѣлъ письменной довѣренности Мехметъ-хана, — по этому Кнорингъ просилъ уполномочить или его, или прислать другого довѣреннаго въ Тифлисъ къ его пріѣзду. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ханъ долженъ былъ написать форменное прошеніе на имя императора Александра съ объясненіемъ условій, на которыхъ желаетъ вступить въ подданство Россіи [1]).

Приготовленіе эриванскаго хана къ оборонѣ и его искательства о подданствѣ, хотя и недавали права заключать объ искренности расположенія хана, но за то указывали на достовѣрность намѣреній Баба-Хана вторгнуться въ его владѣнія, а, въ случаѣ успѣха, двинуться и въ Грузію. Для обезпеченія ея Кнорингъ предписалъ гренадерскому баталіону изъ ротъ Кабардинскаго и Кавказскаго полковъ, съ находящеюся при нихъ артиллеріею, флигель-ротамъ Кавказскаго гренадерскаго полка, Нарвскому и Нижегородскому драгунскимъ полкамъ—быть готовыми къ походу съ Кавказской линіи въ Грузію. Атаману войска донскаго генералъ-лейтенанту Платову сообщено, чтобы онъ поспѣшилъ выслать въ Моздокъ одинъ казачій полкъ, изъ числа пяти полковъ назначенныхъ на линію, для смѣны полковъ тамъ находившихся. Въ Моздокѣ заготовлялись сухари въ мѣсячной пропорціи, а въ Екатериноградѣ предписано заготовить ихъ для 7 т. челов. Въ Грузію отправленъ второй комплектъ боевыхъ патроновъ и артиллерійскихъ припасовъ. Для обезпеченія Кавказской линіи собрано съ разныхъ полковъ 700 казаковъ [2]).

Кнорингъ спрашивалъ императора, какъ поступить съ искательствомъ хана эриванскаго, и просилъ разрѣшенія отправить въ Грузію, кромѣ полковъ туда уже назначенныхъ, еще одинъ гренадерскій баталіонъ и флигель-роты Кавказскаго гренадерскаго полка изъ Моздока и Кизляра — мѣстъ ихъ расположенія.

Покорность и исканіе покровительства ханомъ эриванскимъ было весьма важно для насъ въ политическихъ отношеніяхъ съ Персіею. Грузія была открыта со стороны Эривани до такой степени, что вторгнувшемуся непріятелю нельзя было противупоставить никакихъ естественныхъ препятствій. Персіяне, всегда вторгавшіеся со стороны Эривани или Ганжи, думали и теперь сдѣлать тоже самое. Встрѣтивъ ихъ въ границахъ эриванскаго ханства, мы избавляли отъ разоренія грузинъ, разоренія неизбѣжнаго для народа, во владѣніяхъ котораго производятся во-

---

[1]) Рап. Кноринга Г. И. 11 марта 1802 г. Рапортъ его же отъ 26 марта. Арх. Мин. Внутр. дѣлъ, ч. II, 18—23.

[2]) Рап. Кноринга Г. И. 11 марта 1802 г. Т. А. К. Н.

енныя дѣйствія. Не обременяя народъ грузинскій требованіемъ о доставленіи всего необходимаго для войскъ, оставляя его при своихъ земледѣльческихъ занятіяхъ, мы могли обезпечить себя провіантомъ и фуражемъ на счетъ жителей эриванскаго ханства, «по изобилію въ ономъ жизненныхъ потребностей». Поэтому Кнорингъ просилъ разрѣшенія, не только поддержать хана нашими войсками, но и искать случая встрѣтиться съ персидскимъ войскамъ въ предѣлахъ Эриванской области. Императоръ Александръ согласился на всѣ просьбы Кноринга, какъ объ отправленіи въ Грузію новыхъ войскъ [1]), такъ и о припятіи хана эриванскаго подъ покровительство Россіи и встрѣчѣ персидскихъ войскъ въ предѣлахъ его владѣній.

«Привязанность сего владѣльца во всякое время для Грузіи полезна, писалъ Александръ [2]), а въ настоящемъ случаѣ она необходима». Императоръ поручилъ Кнорингу настоять на томъ, чтобы ханъ предоставилъ охраненіе эриванской крѣпости нашимъ войскамъ. Эривань и Ганжа были два пункта, владѣя которыми мы могли быть совершенно обезпеченными отъ всякаго нечаяннаго вторженія персіянъ въ Грузію.

Важность эта и заставляла наше правительство желать, чтобы ханы ихъ искали покровительства или подданства Россіи. «Занявъ два важныя сіи мѣста, писалъ императоръ главнокомандующему, вы поставите Грузію не только внѣ опасности, но и внѣ дѣйствія войны, отнимите у непріятеля лучшіе его способы и, что всего важнѣе, дадите весьма нужныя владѣльцамъ сихъ мѣстъ убѣжденія въ покровительствѣ Россіи и усилите ихъ довѣріе» [3]).

Вскорѣ Джаватъ, ханъ ганжинскій, подалъ причины къ непріязненнымъ противу него дѣйствіямъ.

22 марта, Лазаревъ доносилъ Кнорингу [4]), что ганжинскій ханъ, заявлявшій права свои на владѣніе Шамшадыльскою провинціею, прислалъ туда съ войсками своего сына Гусейнъ-Кули-Агу, который, съ цѣлію перевести жителей въ свои владѣнія, прибылъ въ шамшадыльскую деревню Акрумъ. Кнорингъ писалъ Джаватъ-хану, удивлялся поступкамъ сына, когда отецъ увѣрялъ его въ добромъ расположеніи къ Россіи, и требовалъ

---

[1]) «Я желалъ бы только, писалъ императоръ, чтобы гренадерскій баталіонъ составленъ былъ изъ ротъ одного котораго либо полка, поелику сводныхъ гренадерскихъ баталіоновъ уже не будетъ, какъ извѣстно сіе вамъ изъ указовъ воинской коллегіи».

[2]) Повелѣніе Кнорингу 23 апрѣля 1802 г. Арх. Мин. Внут. дѣлъ ч. II, 25.

[3]) Ibid.

[4]) Рапортъ Лазарева, 22 марта, № 213.

удовлетворенія за причиненное шамшадыльцамъ разореніе [1]). Главнокомандующій обѣщалъ въ противномъ случаѣ достигнуть того же силою оружія.

Ханъ молчалъ. Кнорингъ предписалъ Лазареву слѣдовать съ отрядомъ въ Шамшадыль и защищать ее отъ покушенія ганжинскаго хана. Въ составъ отряда назначены изъ Тифлиса 17-го егерскаго полка баталіоны: генералъ-маіора Лазарева 4 роты, подполковника Ляхова три роты; одна рота Тифлисскаго мушкетерскаго полка, бывшая въ Шамшадылѣ, три полевыхъ орудія и 70 человѣкъ казаковъ донскаго Щедрова 2-го полка [2]).

23-го мая, Лазаревъ прибылъ къ Шамшадыльскую провинцію и сталъ при р. Гассанъ-су на самой ганжинской дорогѣ. Онъ примкнулъ свой лѣвый флангъ къ Курѣ, и стоялъ въ 30 верстахъ отъ пограничнаго мѣстечка Шамхоры, и около 60 верстъ отъ Ганжи.

Имѣя провіанта только до 1-го іюня, Лазаревъ просилъ о скорѣйшей его доставкѣ, потому что на мѣстѣ достать его было негдѣ.

«Провинція, въ коей я теперь нахожусь, писалъ онъ [3]), совсѣмъ пуста, какъ людями, такъ и произрастеніями. Я еще ни одной деревни не видалъ, исключая находящейся передъ лагеремъ верстахъ въ пяти, да и та теперь пустая».

25-го мая, отрядъ подвинулся на 16 верстъ впередъ и къ вечеру достигъ границы, отдѣляющей Шамшадыльскую провинцію отъ ганжинскаго ханства. Здѣсь Лазаревъ узналъ, что изъ 33-хъ деревень, осталось не болѣе четырехъ, кочевавшихъ въ горахъ, въ верховьяхъ р. Гассанъ-су. Прочія двадцать девять деревень съ татарскими агаларами и армянскими кевхами находились во владѣніяхъ ганжинскаго хана. Число ушедшихъ простиралось до 1,900 семей. Причиною такого переселенія жителей были подговоры шамшадыльскаго старшины Мамадъ-Гуссейна. Претендуя на званіе и достоинство шамшадыльскаго султана, Мамадъ, сидѣвшій уже за это въ Тифлисской крѣпости и успѣвшій освободиться, искалъ защиты ганжинскаго хана. Джаватъ-ханъ послалъ въ Шамшадыль свои войска и, при содѣйствіи ихъ и подговоровъ Мамада, перевелъ въ свое ханство большую часть жителей. Переселившіеся кочевали сначала въ верховьяхъ р. Шам-

---

[1]) Письмо Кноринга хану, 6 мая 1802 г.

[2]) Всего въ отрядѣ было: 24 офицера, 59 унтеръ-офицеровъ, 18 музыкант., 530 рядов., 52 нестр. и 31 рекрутъ.

[3]) Письмо Лазарева Кнорингу, 24-го мая 1802 г.

хоръ, но, съ приходомъ нашихъ войскъ, ушли въ глубь ганжинскаго ханства [1]).

Простоявъ нѣкоторое время на р. Ахансѣ, Лазаревъ придвинулся ближе къ Борчаламъ, а вскорѣ за тѣмъ долженъ былъ возвратиться въ Тифлисъ по случаю отъѣзда Кноринга на линію.

Передъ отъѣздомъ его, Джаватъ-ханъ прислалъ своего посланнаго въ Тифлисъ съ доказательствами своихъ правъ на владѣніе Шамшадылью. Кнорингъ не соглашался съ мнѣніемъ хана, основываясь на томъ, что при жизни послѣдняго царя Георгія XII провинція эта находилась подъ властію Грузіи, а потому и теперь должна оставаться во владѣніяхъ Россіи. Упорные съ обѣихъ сторонъ переговоры были продолжительны: ни та, ни другая сторона не хотѣли уступить. Поэтому рѣшено было оставить жителей въ томъ положеніи, въ которомъ находились, но съ условіемъ, что ганжинскій ханъ не будетъ болѣе безпокоить «оставшихся въ Шамшадыли народовъ, во взаимство чего и область Ганжинская тревожена отъ побѣдоносныхъ войскъ россійскихъ не будетъ [2])».

Вскорѣ послѣ экспедиціи противу ганжинскаго хана, войскамъ нашимъ пришлось дѣйствовать противу нахичеванскаго хана. Кіалъ-Балы-Ханъ нахичеванскій, лишенный зрѣнія Ага-Магометъ-ханомъ, былъ человѣкъ властолюбивый и предпріимчивый. Зная свойства его характера, царевичъ Александръ, оставивъ Имеретію, пробрался сначала въ Ахалцыхъ, а потомъ въ Нахичевань. Царевичъ успѣлъ уговорить обоихъ владѣльцевъ дѣйствовать совокупно противу Грузіи. Соединеніе паши ахалцыхскаго и хана нахичеванскаго могло произойти только черезъ Карскую провинцію, владѣтель которой имѣлъ миролюбивое расположеніе къ Грузіи, удерживалъ равновѣсіе между сосѣдними владѣльцами и отказывался принять участіе въ дѣлѣ союзниковъ.

Кіалъ-Балы-ханъ хотѣлъ заставить его къ тому силою. Онъ подошелъ съ войсками къ границѣ отдѣляющей Грузію отъ Карскаго пашалыка [3]). Отрядъ его состоялъ, по свѣдѣніямъ, изъ 12,000 конницы, 2500 чел. пѣхоты и двухъ орудій. Кнорингъ, узнавъ объ этомъ, приказалъ, расположеннымъ въ Бамбакскихъ грузинскихъ селеніяхъ, двумъ мушкетерскимъ ротамъ Тифлисскаго, тремъ ротамъ 17-го егерскаго полковъ и 70 казакамъ—всего 381 человѣкъ и 200 бамбакскихъ татаръ присоединенныхъ къ отряду подъ начальствомъ полковника Карягина, подвинуться къ границѣ,

[1]) Рапортъ Лазарева Кнорингу, 26-го мая 1802 г.

[2]) Письмо Кноринга хану, 29-го мая 1802 г.

[3]) Рапор. Кноринга, Г. И. 8-го іюня 1802 г.

стать противъ Кіалъ-Балы-хана и наблюдать за его движеніемъ. Въ то же время, Кнорингъ спрашивалъ хана о причинахъ его приближенія къ границѣ Грузіи. Тотъ отвѣчалъ, что причина эта не относится къ Грузіи, а потому отвѣчать на вопросъ считаетъ не нужнымъ.

Такой отвѣтъ и просьбы карскаго паши защитить его отъ нападенія Кіалъ-Балы-хана заставили Кноринга согласиться на это. Карскій паша, по совѣту главнокомандующаго, собралъ свои войска въ числѣ 6,000 конницы и 2,000 пѣхоты и присоединилъ ихъ къ отряду Карягина.

28-го мая, нахичеванцы атаковали наши войска и турецкія войска карскаго паши. Турецкая конница была сначала опрокинута, но сильный артиллерійскій огонь изъ шести орудій, трехъ русскихъ и трехъ турецкихъ, далъ совершенно другой оборотъ дѣлу. Нахичеванцы начали сначала отступать, а потомъ обратились въ совершенное бѣгство.

Кіанъ-Балы-ханъ, столь самоувѣренно говорившій, долженъ былъ отказаться отъ своихъ намѣреній.

II.

Объявленіе манифеста. — Открытіе верховнаго грузинскаго правительства.

9-го апрѣля 1802 года, въ среду на Страстной недѣлѣ, Кнорингъ, въ сопровожденіи дѣйств. статск. совѣтн. Коваленскаго и многочисленной свиты русскихъ чиновниковъ, имѣлъ торжественный входъ въ Тифлисъ — столицу Грузіи.

Черезъ три дня, 12 апрѣля, въ великую субботу былъ обнародованъ въ Тифлисѣ манифестъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи. Въ соборныхъ храмахъ грузинскомъ, армянскомъ, римско-католическомъ и въ магометанской мечети одновременно читался манифестъ, послѣ прочтенія котораго начата присяга.

Собравъ къ себѣ всѣхъ князей, знатныхъ особъ и прочихъ обывателей Тифлиса, Кноррингъ приказалъ окружить ихъ войсками, *«аки штурмомъ»* [1]), и въ такомъ положеніи совершать присягу. Народъ, самъ искавшій покровительства и просившій подданства, былъ озадаченъ такою безтактностію главнокомандующаго [2]). Многіе изъ князей спѣшили оставить церковь и не

---

[1]) Переводъ писемъ къ кн. Герсевану Чавчавадзе, отъ 18 апрѣля 1802 г. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ, по департ. общихъ дѣлъ. Ч. II, стр. 197.

[2]) «Кнорингъ съ Коваленскимъ въ политикѣ своей ошиблись, писалъ Лошкаревъ кн. Куракину, и не слѣдовало бы имъ окружать церковь войсками, а надлежало бы

хотѣли присягать насильно. По приказанію Кноринга, нѣкоторыя лица были за то арестованы [1]).

Нужно ли говорить, какое впечатлѣніе произвело на народъ подобное дѣйствіе новой для нихъ власти.

Такой поступокъ привелъ грузинъ, вовсе не ожидавшихъ такого распоряженія, въ уныніе и поселилъ въ нихъ ропотъ. Призванныя къ присягѣ, царицы высказывали Кнорингу свое неудовольствіе и порицали его дѣйствія. Онѣ укоряли его въ томъ, что, будучи въ Грузіи, онъ обѣщалъ ходатайствовать объ утвержденіи въ царскомъ достоинствѣ того, кому по праву наслѣдства оно будетъ принадлежать. Какъ та, такъ и другая имѣли, по ихъ мнѣнію, основаніе къ такимъ укорамъ. Царица Дарья основывалась на завѣщаніи своего супруга Ираклія II, по которому долженъ былъ царствовать царевичъ Іулонъ, а царица Марія на томъ, что сынъ ея, царевичъ Давыдъ, признанъ и утвержденъ императоромъ Павломъ I наслѣдникомъ грузинскаго престола. Такимъ образомъ, каждая изъ царицъ хлопотала о сохраненіи престола въ своемъ родѣ. Сознавая затруднительность своего положенія, Кнорингъ, еще болѣе увеличилъ недоразумѣніе, сказавъ, что относительно царствованія никакихъ повелѣній не имѣетъ; что царствованіе прекращено въ Грузіи по представленію тайнаго совѣтника Лошкарева, князя Герсевана Чавчавадзе и прочихъ пословъ грузинскихъ [2]),—а ему повелѣно только привести въ исполненіе новое положеніе о Грузіи.

Вскорѣ Тифлисъ узналъ, что генералъ-маіоръ Тучковъ, по приказанію Кноринга, былъ у царицы Маріи, супруги послѣдняго царя Георгія XII, и отобралъ у нея всѣ царскія регаліи [3]).

поставить оныя въ нѣкоторой отдаленности, на открытомъ мѣстѣ, и по приведеніи къ присягѣ, отдать честь точно такъ, какъ въ бытность мою въ Крыму министромъ я приводилъ къ такой же присягѣ татаръ....» Арх. М. В. Д.: Дѣла Груз., ч. II, стр. 194.

[1]) Арестованы были карталинскіе князья Мочабеловъ и Амреджибовъ.

[2]) Переводъ писемъ князю Герсевану Чавчавадзе изъ Грузіи, 18 апрѣля 1802 г. Письмо Лошкарева кн. Куракину 7 іюня 1802 г. Арх. Мин. Внут. Дѣлъ, дѣла Грузіи. Ч. II, стр. 194, 197 и 198. «Вашему сіятельству извѣстно, писалъ Лошкаревъ, что положеніе сіе сдѣлано въ Москвѣ, безъ всякихъ представленій, а сколько мнѣ помнится, сказано, что, по возвратѣ изъ Москвы, грузинскія дѣла здѣсь (Петербургѣ) будутъ кончены, да и самъ Кноррингъ, при отъѣздѣ, то же самое мнѣ объявилъ. Я не знаю, откуда же онъ взялъ и объявилъ оное царицамъ?..»

[3]) Корона, скипетръ, знамя, порфира и тронъ внесены были сначала для сбереженія въ верховное грузинское правленіе. Сабля же и оба ордена, пожалованные Георгію XII, царица Марія не возвратила, а высказала желаніе оставить у себя. Кнорингъ спрашивалъ, какъ поступить? (Письмо его Трощинскому 25 мая 1802 г. № 23) Императоръ Александръ приказалъ саблю и ордена оставить у царицы (рескриптъ Кнорингу 25 іюня: Арх. Мин. Внут. Дѣлъ, дѣла Грузіи кн. I). Впослѣдствіи всѣ ото-

Подобныя дѣйствія до крайности раздражили всѣ сословія народа.

Царевичи Давыдъ и Вахтангъ были недовольны правительствомъ. Незначительныя обстоятельства послужили поводомъ къ тому. Первому Кнорингъ въ ноябрѣ 1801 г. сообщилъ, что ему пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго, но орденъ не былъ данъ Давыду, а вскорѣ затѣмъ онъ былъ уволенъ въ отставку безъ прошенія и мундира, который былъ всегда «предметомъ его усиленнѣйшихъ желаній». Царевичу Вахтангу былъ данъ орденъ св. Анны, а грамата по ошибкѣ была написана и выслана на орденъ св. Александра Невскаго. Кнорингъ отобралъ эту грамату для замѣны другою, а Вахтангъ принялъ это «въ уничиженіе себѣ, почелъ за чувствительную обиду».

«Весь здѣшній народъ, писали грузины князю Чавчавадзе [1]), васъ проситъ не оставить всѣхъ насъ увѣдомленіемъ, подлинно ли Кнорингъ поступаетъ такъ по высочайшей е. и. в. волѣ, или здѣшнему дворянству и всѣмъ обывателямъ дѣлаетъ самовольно такія огорченія. По извѣщеніи вашемъ, будемъ стараться себя защитить, ибо таковыхъ непріятныхъ поступковъ мы не въ состояніи болѣе сносить. Весь народъ ожидалъ и ожидаетъ отъ васъ увѣдомленія, дабы узнать достовѣрно о высочайшей волѣ и намѣреніи. Но какъ по нынѣ отъ васъ о томъ еще не извѣщенъ, то и остается въ крайнемъ изумленіи и не знаетъ, на что̀ рѣшиться».

Въ ожиданіи отвѣта, всѣ состоянія людей присягали между тѣмъ на вѣрность новаго подданства. Присяга шла на столько успѣшно, что Кнорингъ могъ донести, что она совершена «при радостномъ восклицаніи народа» [2]). Въ теченіе апрѣля и въ началѣ мая, вся Грузія присягнула русскому императору. Страна раздѣлена была для этого на нѣсколько епархій. Въ каждую епархію посланы чиновники для объявленія манифеста и принятія присяги въ мѣстныхъ церквахъ [3]).

Послѣ торжества объявленія, Кнорингъ отправился для обозрѣнія границъ Грузіи, преимущественно со стороны Персіи и Эривани, а правителю Грузіи дѣйствительному статскому совѣтнику Коваленскому поручилъ сдѣлать приготовленія къ откры-

---

бранныя регаліи привезены были въ Георгіевскъ, гдѣ и хранились. (См. Акты Кав. Арх. Ком. Т. I, 194. № 154)

[1]) Арх. Мин. Внут. Дѣлъ, по деп. общ. д., дѣла Грузіи, ч. II, стр. 198.

[2]) Всепод. рап. Кноринга, отъ 12 апрѣля 1802 г. Акт. Кав. Арх. Ком. Т. I, 443. № 560.

[3]) Письмо Кноринга католикосу царевичу Антонію 19 апрѣля 1802 г. Тиф. Арх. Канц. Намѣстн.

тію правленія. Имеретинскій царь Соломонъ, паша ахалцыхскій [1]), ханъ ганжинскій и джаро-бѣлоканскіе лезгины [2]) получили письма Кноринга, въ которыхъ онъ, объявляя объ обнародованіи въ Тифлисѣ манифеста, приглашалъ ихъ оставаться спокойными, не нарушать добраго согласія, и присовокуплялъ, что императоръ Александръ готовъ оказывать свою помощь и пособіе всѣмъ тѣмъ, которые будутъ искать ее, и своими искренними поступками того заслужатъ. Отъ джаро-бѣлоканцевъ главнокомандующій требовалъ, чтобы они прислали своихъ старшинъ въ Тифлисъ для объявленія имъ «нѣкоторыхъ миролюбивыхъ предложеній».

Между тѣмъ, приготовленія къ открытію правленія приходили къ концу. 7 мая, комендантъ Тифлиса съ барабаннымъ боемъ и музыкою объявлялъ, на открытыхъ мѣстахъ и площадяхъ города, что на слѣдующій день послѣдуетъ открытіе верховнаго грузинскаго правительства, со всѣми его экспедиціями, и приглашалъ всѣхъ царевичей и чиновниковъ, назначенныхъ въ правленіе, собраться въ домъ, нарочно для того избранный.

Въ 7 часовъ утра 8 мая, произведено послѣдовательно три пушечныхъ выстрѣла съ полу-часовыми промежутками. За послѣднимъ выстрѣломъ, въ половинѣ девятаго часа, начался во всѣхъ церквахъ благовѣстъ и продолжался до начала церемоніи.

Въ домѣ, избранномъ для правленія, собрались тифлисскіе жители всѣхъ званій и состояній. Туда же прибылъ и Кнорингъ. Встрѣченный на крыльцѣ и залахъ дома чиновниками и князьями, онъ занялъ мѣсто у стола, на которомъ положено было: учрежденіе о губерніяхъ, манифестъ, штатъ и постановленіе о Грузіи.

Послѣ рѣчи главнокомандующаго и отвѣта на нее князя Ивана Орбеліани, прочтенъ сначала списокъ всѣмъ чиновникамъ, назначеннымъ въ составъ верховнаго грузинскаго правленія, и за тѣмъ послѣдовало торжественное шествіе въ Сіонскій соборъ.

Впереди шелъ комендантъ съ полиціймейстеромъ и полицейскими служителями, двѣнадцать грузинскихъ князей и дворянъ по два въ рядъ. Двое изъ первѣйшихъ князей: карталинскихъ — Иванъ Орбеліани, и кахетинскихъ — Андрониковъ, несли на парчевыхъ подушкахъ, первый учрежденіе о губерніяхъ, а второй — манифестъ, штатъ и постановленіе о Грузіи. Четыре князя-ассистента при каждомъ поддерживали за кисти края подушекъ.

Далѣе слѣдовалъ главнокомандующій со свитою и генерали-

[1]) Письма Кноринга, отъ 16 апрѣля 1802 г.

[2]) Письма его же, отъ 18 апрѣля 1802 г.

тетомъ; Коваленскій съ чиновниками, царевичи, князья, дворяне, и народъ замыкали шествіе [1]).

Впереди и сзади процессіи слѣдовали войска.

На паперти Сіонскаго собора процессія встрѣчена духовенствомъ. Два архіерея, принявъ отъ князей подушки, отнесли ихъ въ церковь, размѣстили на столахъ, покрытыхъ парчею и поставленныхъ по обѣимъ сторонамъ амвона.

Тифлисскій митрополитъ Арсеній совершалъ божественную литургію. По окончаніи ея, два чиновника, одинъ по-русски, а другой по-грузински, читали обвѣщеніе Кнорринга, въ которомъ тотъ, заявляя объ открытіи верховнаго грузинскаго правительства, обязывался: «ограждать области сіи отъ внѣшнихъ нашествій, сохранить обывателей въ безопасности личной и имущественной и доставить всѣмъ покровъ, увѣренность и спокойствіе правленіемъ бдительнымъ и сильнымъ, всегда готовымъ дать правосудіе обиженному, защитить невинность и, въ примѣръ злыхъ, наказать преступника [2]).

«Любящіе миръ да убѣдятся, писалъ Кноррингъ, что прилежаніе и труды, а не происки, избыточество обывателей, а не нищета ихъ, твердая и непоколебимая надежда на благость Господню, а не отчаяніе, наконецъ, ни коварство, кровопролитіе, буйство, жестокости и дерзости, но простодушіе, человѣколюбіе и снисхожденіе, — добродѣтели, долженствующія отличать христіанина, —суть источники спокойствія и благоденствія народовъ».

За тѣмъ прочтенъ штатъ, постановленіе о Грузіи, и всѣ чины, назначенные въ составъ правленія, приведены къ присягѣ.

Послѣ благодарственнаго молебствія, сопровождаемаго колокольнымъ звономъ и 101 пушечнымъ выстрѣломъ, процессія въ томъ же порядкѣ отправилась въ домъ назначенный для присутственныхъ мѣстъ, гдѣ и совершено было также молебствіе.

Въ присутственной комнатѣ, было тотчасъ же открыто первое засѣданіе верховнаго правительства и составленъ протоколъ «къ свѣдѣнію и незабвенную память на вѣчныя времена высокомонаршаго къ грузинскому народу благоволенія и милости» [3]).

Въ тотъ же день открыты одна за другою экспедиціи: исполнительная, казенная, уголовная и гражданская.

Торжество дня закончилось обѣдомъ, баломъ и ужиномъ у главнокомандующаго. Присутственныя мѣста и городъ были иллюминованы.

---

[1]) Обрядъ открытія правительства 8 мая 1802 г.

[2]) Полн. Собр. Зак. Т. XXVII, № 26.438.

[3]) Рапортъ Кнорринга Г. И., 25 мая 1802 г.

Въ теченіи мая открыты присутственныя мѣста въ городахъ Гори, Сигнахѣ, Телавѣ, Лори и Душетѣ.

Въ день открытія правленія, двадцать девять человѣкъ грузинскихъ князей просили Кноринга о дозволеніи отправить въ С.-Петербургъ депутатами князей Ивана Орбеліани и Соломона Моуравова съ благодарностію къ императору Александру о принятіи Грузіи въ подданство Россіи [1]).

Съ открытіемъ правленія, лица царскаго дома навсегда устранены отъ управленія народомъ. Нѣкоторые изъ нихъ вызваны въ Россію, другіе остались въ Грузіи. Царевичи Іулонъ, Парнаозъ и Александръ оставили свое отечество. Первые два находились въ Имеретіи, а послѣдній переѣзжалъ отъ одного хана къ другому. Кнорингъ приглашалъ каждаго изъ нихъ возвратиться въ Грузію и вступить во владѣніе принадлежащими имъ имѣніями [2]). Ни одинъ изъ трехъ царевичей не принялъ такого приглашенія. Находившіеся въ Грузіи члены царскаго дома были также недовольны. Лишившись права произвольно располагать имуществомъ своихъ подданныхъ, удовлетворять всѣмъ своимъ прихотямъ, они были возбуждены противъ русскаго правительства. Русское правительство хотя и торопилось принять мѣры къ тому, чтобы не поставить ихъ въ затруднительное положеніе относительно матеріальныхъ средствъ, но забота эта, увеличивъ расходы казны, не привела къ удовлетворительному результату. Царевичи, находившіеся въ Россіи, получили пенсіи по 10 т. р. каждый. Царица Марія, по тогдашнимъ свѣдѣніямъ, имѣла обезпеченные доходы, простиравшіеся до 18 т. р. грузинскою серебряною монетою [3]). Царицѣ Дарьи назначено по 500 р., царевнамъ Софьи и Рипсимѣ по 100 р., а Гаянѣ и Нинѣ по 75 р. въ мѣсяцъ каждой [4]). Русскія деньги не произвели того дѣйствія, котораго отъ нихъ ожидали. Честолюбіе и жажда власти не были заглушены золотомъ. Лица царской фамиліи не могли оставаться праздными. Они сожалѣли, что корона ушла изъ рукъ дома Багратіоновъ, и всѣми силами, всѣми зависящими отъ нихъ средствами, старались вернуть ее [5]).

---

[1]) Письмо князей Кнорингу 8 мая 1802 года. Императоръ Александръ отклонилъ ихъ желаніе, какъ поступокъ съ «важными для нихъ издержками сопряженный и по увѣренности моей въ усердіи ихъ излишній». Арх. Мин. Внут. Дѣлъ, дѣла Грузіи, кн. I. Рескриптъ Кнорингу 25 іюня 1802 г.

[2]) Акты Кавк. Археогр. Ком. Т. I, 245.

[3]) Рапортъ Кноринга Г. И. 5 іюля 1802 г.

[4]) Высоч. рескриптъ Кнорингу, 5 августа 1802 г.

[5]) Письмо гр. Мусина-Пушкина Трощинскому, 20-го августа, № 61. Акты Кав. Арх. Ком. Т. I, 395—401.

— Можете ли вы торжественно утвердить, спрашивалъ какъ-то графъ Мусинъ-Пушкинъ царевича Вахтанга, что съ матерью вашею не сожалѣете о грузинской коронѣ, вышедшей изъ дому Багратіоновъ. Скажите мнѣ откровенно, какъ другу.

— Не могу! отвѣчалъ царевичъ въ порывѣ откровенности. Жалѣемъ и сильно жалѣемъ. Мы заслуживали бы названія безумныхъ, если бы такого сожалѣнія не существовало.

Надежда на возможность вернуться къ старому порядку вещей и, вслѣдствіе того, принимаемыя царевичами мѣры къ достиженію своихъ цѣлей, были причиною многихъ безпорядковъ въ Грузіи, безпорядковъ, клонившихся къ разоренію бѣднаго класса народа....

Правленіе открыто. Кнорингъ уѣхалъ въ Георгіевскъ, поручивъ командованіе войсками, расположенными въ Грузіи, генералъ-маіору Лазареву, а управленіе дѣлами гражданскими дѣйствительному статскому совѣтнику Коваленскому. Народъ остался въ унынiи, какъ отъ поступковъ Кноринга, такъ и отъ совершенно чуждаго для него порядка веденія дѣлъ, начавшагося съ образованіемъ новаго правленія. Новому правительству прежде всего предстояло уяснить себѣ понятіе о томъ, что̀ такое Грузія? Каковъ характеръ народовъ, ее населяющихъ? Каковъ общественный, нравственный и юридическій строй народа?

Остановимся на этихъ вопросахъ, знакомство съ которыми необходимо какъ для того, чтобы объяснить политическій смыслъ грузинъ, а также и для того, чтобы сложить съ нихъ многія обвиненія, которыя заявляются иногда при изученіи историческихъ событій у этого народа, чисто отъ недостаточнаго знакомства съ его нравами и обычаями.

III.

Рожденіе. — Крещеніе. — Свадьба и вѣрованія грузинъ.

Жизнь грузина представляетъ много любопытнаго для наблюдателя, привыкшаго къ общему европейскому строю жизни. По лощинамъ и скатамъ горъ раскинуты грузинскія деревни. Издали онѣ кажутся неправильною насыпью или грудою развалинъ. Въ Карталиніи многія села и деревни лишены садовъ; въ Кахетіи, напротивъ того, всѣ тонутъ въ зелени. Въ самомъ расположеніи деревни нѣтъ собственно ничего характеристичнаго, опредѣленнаго: двухъ-этажный домъ стоитъ рядомъ съ землянкою, едва видною отъ горизонта земли.

Каждый строится тамъ, гдѣ ему вздумается, не обращая вниманія на то, «нарушитъ ли онъ удобство другихъ или займетъ дорогу». Улицъ нѣтъ; проходы между домами такъ узки, и наполнены такими рытвинами, что одиночные всадники едва подвигаются впередъ. Грузины не имѣютъ привычки очищать улицъ; соръ и падаль валяются въ глазахъ всѣхъ, и своимъ разложеніемъ заражаютъ воздухъ....

Посреди плоскихъ крышъ домовъ, возвышаются конусообразныя насыпи, съ отверстіемъ для выхода дыма, а вокругъ нихъ набросаны связки хвороста и терновника, идущаго на топку. Досчатый курятникъ и плетеный кузовъ на сваяхъ для кукурузы, на кормъ птицамъ, — необходимыя пристройки къ дому.

Неподалеку отъ деревни раскинуты мякинницы, большіе стога сѣна, и длинныя, ушедшія въ землю, *гомури* — гдѣ содержится рабочій скотъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ видна церковь, построенная въ видѣ русской избы съ покатою, по черепичною крышею. Она всегда мала и можетъ помѣстить не болѣе десятой части поселянъ [1]). Скромное кладбище, омываемое чистымъ ручейкомъ или рѣчкою, составляетъ принадлежность почти каждой деревни.

Хата (сакля) простолюдина первобытной постройки. Она строится изъ плетня, съ двумя отдѣленіями, одно для семейства, другое для кладовыхъ. Сакля доступна только со стороны входа. Крыша и заднія стѣны приходятся въ уровень съ землею. Ее окружаютъ приземистый колючій заборъ и деревья орѣшника, виноградника и плакучей ивы. Входъ въ саклю закрытъ навѣсомъ, устроеннымъ на небольшихъ столбикахъ, испещренныхъ весьма часто разными узорами.

Входная дверь ведетъ прежде всего въ *дарбази* — главную и самую большую комнату, посреди которой стоятъ два, а иногда и одинъ столбъ (*деда-бодзи*), служащій опорою всему дому. Пріемная, гостиная, кухня и самая семейная жизнь селянина сосредоточивается въ этой комнатѣ. Къ потолку придѣлана желѣзная цѣпь съ крючкомъ, на которомъ вѣшается котелъ. Въ дарбази же разводится огонь или устраивается небольшой очагъ — углубленіе выложенное камнемъ, — служащій для приготовленія пищи и согрѣванія во время холода. Вокругъ очага семья собирается обѣдать; здѣсь же она и спитъ. Полъ въ саклѣ земляной и неровный. Вдоль задней стѣны дарбази идутъ деревянныя полки, съ симметрически разставленною посудою.

Посуда состоитъ изъ *азарпеши* — небольшой серебрянной ча-

---

[1]) Д. Бокрадзе: «Грузія и грузины», Кавк. 1851 г. № 30, 123. «Сцены изъ грузин. жизни», Ив. Сл... Кавк. 1860 г. № 91.

шечки съ тонкою продолговатою ручкою. Азарпеша имѣетъ видъ суповой разливательной ложки, на которой часто написано во всю длину ея, кому принадлежитъ, и что̀ стоитъ.

Кула — кувшинъ, съ узкимъ горлышкомъ, сдѣланный изъ орѣховаго наплыва, покрытаго краснымъ лакомъ, или изъ корня грушеваго дерева, съ пустотою внутри.

Азарпеша и кула — сосуды, изъ которыхъ по преимуществу пьютъ вино. Когда пьютъ изъ кулы, то вино, стремясь изъ широкаго въ узкое и спиральное отверстіе, производитъ звукъ, похожій на воркованіе горлинки. Изъ кулы меньше выпьешь, за то скорѣе опьянѣешь.

Самый замѣчательный кубокъ грузинъ — это турій рогъ, часто оправленный въ серебро; въ него помѣщается до полтунги вина (тунга 5 бутылокъ).

Остальная посуда состоитъ изъ деревянныхъ чашекъ грубой работы и глиняныхъ кувшиновъ, иногда натуральнаго цвѣта, а иногда муравленыхъ.

Въ противоположной входу стѣнѣ сакли устроена большая нишь, въ которую укладываютъ постель. Мебель составляютъ широкіе, но низкіе *тахты* (родъ дивана), сколоченные изъ досокъ. Тахты поставлены вдоль одной или двухъ стѣнъ, покрыты разноцвѣтными коврами, съ красною *мутакою* (продолговатая подушка). У третьей стѣны стоятъ сундуки, окованные желѣзомъ или обтянутые кожею, *кидобани* (деревянный ящикъ) для храненія хлѣба. Тутъ же стоятъ кувшины для воды и другая мелкая утварь.

По стѣнамъ развѣшаны военные доспѣхи хозяина, покрытые весьма часто значительнымъ слоемъ копоти. Пища приготовляется въ самой саклѣ, въ висящемъ надъ очагомъ котлѣ, и оттого постоянное пребываніе въ комнатѣ дыма рѣжетъ глаза и коптитъ всю внутренность дома [1]). Пламя, поднимаясь, нагрѣваетъ саклю. Къ балкѣ, упирающейся въ потолокъ, привѣшенъ глиняный или желѣзный шкаликъ съ растопленнымъ саломъ. Горящій фитиль его даетъ тусклый мерцающій свѣтъ и вмѣстѣ съ пламенемъ костра составляетъ все освѣщеніе сакли, застланной дымомъ горящаго костра.

Вокругъ очага сидятъ дѣти съ раскраснѣвшимися пылающими щеками. Скинувъ съ себя обувь и развалившись на тахтѣ, раз-

---

[1]) «Письма изъ Кахетіи», кн. Р. Эристовъ, Кавк. 1846 г. № 25.—«Грузинскіе очерки и типы», К. Вилемска, Кавк. 1847 г. № 16.—«Грузія и грузины», Д. Бокрадзе, Кавк. 1851 г. № 30.—«Очерки деревенскихъ нравовъ Грузіи», Н. Берзеновъ, Кавк. 1854 г. № 98.—Гакстгаузенъ, «Закавказскій край»; изд. 1857 г. Часть I, стр. 67, 75, 145.

говариваютъ хозяева громко и торжественно. Снявъ головной уборъ и накрывшись платкомъ, сидитъ мать семейства, у деревянной рѣзной колыбели, и погремушками забавляетъ дитя или тихою пѣснею убаюкиваетъ его. Ребенокъ не слушается, капризничаетъ. Мать стращаетъ его чудовищемъ. Простой народъ вѣритъ въ существованіе *булы*— страшилища, которое, имѣя огромный ротъ и предлинный языкъ, хватаетъ ребенка, бросаетъ его въ глотку и пожираетъ. По увѣренію и понятію многихъ, *була* ходитъ по ночамъ около дворовъ и уноситъ попадающихся ему дѣтей. Угрозы матери не дѣйствуютъ, ребенокъ кричитъ и капризничаетъ по прежнему. Какъ унять плачь неугомоннаго? Остается привѣсить къ его колыбели ослиное копыто, или дать ему сокъ подорожника, разведенный въ молокѣ матери. Средство это испытанное, и ребенокъ навѣрно перестанетъ плакать и кричать.

Одного убаюкали, другія просятъ ужинать. Накормивши всѣхъ, хозяйка застилаетъ постели, подкладываетъ подъ подушки деревянную подставу, и все семейство ложится. Ложится спать и она.

Передъ сномъ почти каждая грузинка читаетъ особую молитву. «Лягу, засну, произноситъ она, осѣнюсь крестнымъ знаменіемъ. Девять иконъ, девять ангеловъ осѣнятъ мои ноги и голову. Милуетъ меня крестъ и на немъ распятый, а потому и не можетъ вредить мнѣ искуситель» [1]).

Глубокая полночь. Все семейство давно уже спитъ; въ саклѣ тихо, — тихо и кругомъ. Чей-то стукъ въ двери нарушаетъ окружающую тишину; то стучится посланный отъ сосѣда или родственника.

— Что такое? спрашиваютъ проснувшіеся хозяева.

— У барыни заболѣлъ животъ (калбатона муцели сткова), отвѣчаетъ посланный.

Неожидая никакихъ дальнѣйшихъ распросовъ, вѣстникъ спѣшитъ къ другимъ саклямъ, гдѣ живутъ еще родственники или знакомые пославшаго его господина. Разбуженные хозяева также не задерживаютъ посланнаго, не спрашиваютъ его о причинѣ такой болѣзни, ибо всѣмъ извѣстно, что, по обычаю, онъ присланъ отъ мужа женщины, которая чувствуетъ приближеніе родовъ. Хозяйка тотчасъ же одѣвается и отправляется къ родильницѣ, — это необходимо исполнить по принятому обыкновенію. Мало по малу со всѣхъ концовъ собираются родные и знакомые больной, которая лежитъ среди комнаты, на постелѣ.

Существуетъ повѣрье, что при родахъ нечистая сила въ об-

---

[1]) Агебисъ-гаме (заговѣнье), Ив. Гзеліева, Закавк. Вѣстникъ. 1855 г. № 6.

разѣ змія старается напасть на новорожденнаго и задушить родильницу. Чаще же всего *Али* — духъ женскаго пола, преслѣдуетъ родильницъ. Онъ является имъ въ образѣ повивальныхъ бабокъ, умерщвляетъ дитя, а родильницу уводитъ и бросаетъ въ рѣку.

Слово *Али* значитъ собственно—пламя. Грузины считаютъ его злымъ духомъ и вѣрятъ, что онъ тотчасъ же исчезаетъ при крестномъ знаменіи и произнесеніи имени какого-либо святого. Народъ разсказываетъ, что *Али* живетъ вездѣ, но преимущественно въ Базалетскомъ озерѣ. По представленію народа, *Али* — прекрасная очаровательная женщина съ распущенными волосами, постоянно плещущаяся въ озерѣ и поющая сладострастныя пѣсни. Духи эти проказничаютъ надъ тѣми, кто ихъ не узнаетъ. Одна изъ подобныхъ продѣлокъ разсказывается и до сихъ поръ устами суевѣрныхъ грузинокъ. Въ селеніи Базалети жила повивальная бабка. Въ темную ночь пришли къ ней прекрасныя женщины, прося помочь одной матери, страдающей родами. Старуха отправилась. Въ огромныхъ палатахъ нашла она женщину, мучившуюся родами. Бабка подала ей помощь, приняла и показала матери чуднаго ребенка, за что̀ и получила полный платокъ золота. Прекрасныя женщины проводили старуху до двора, но здѣсь спутницы ея исчезли со смѣхомъ и шумомъ, а старуха увидѣла, что въ платкѣ ея вмѣсто золота, — зола. Она догадалась, что то были *Али*.

Грузинъ впрочемъ имѣетъ средство овладѣть этими прекрасными женщинами. Стоитъ только схватить Али за косы, изъ которыхъ она не можетъ оставить въ рукахъ противника ни одного волоска, и тогда она окончательно побѣждена.

Побѣжденныя, онѣ дѣлаются кроткими, послушными и полными рабынями поймавшаго.

Али не чужды превращеній. Изъ прекрасной женщины онѣ могутъ сдѣлаться чудовищемъ, у котораго «зубы словно кабаньи клыки, а коса во весь ростъ, и говоритъ-то она хотя и человѣческимъ языкомъ, но все наоборотъ: вся она создана на изнанку, и всѣ члены ея выворотные» [1]).

Въ защиту отъ такого чудовища подъ голову родильницы кладутъ обнаженные кинжалъ и шашку, а самую кровать, гдѣ лежитъ она, вмѣсто занавѣса окружаютъ освященною сѣтью.

Несмотря ни на какія страданія, больная не можетъ позвать къ себѣ мужа, лишеннаго теперь права входить въ комнату

[1]) «О грузинской миѳологіи вообще и объ Али въ особенности», А. Саванели. Закавк. Вѣст. 1854 г. № 43. — См. также Кав. Кал. 1857, 499.

жены, около которой сидитъ бабка и двѣ или три женщины для услугъ. Попеченію бабки поручается главнымъ образомъ больная. Чтобы облегчить страданія больной—если бы таковыя случились—бабка запасается на всякій случай, если она опытная и бывалая, разными снадобьями. Въ пузырькѣ у нея есть, напримѣръ, желчь отъ ежа, которую, по повѣрью народа, необходимо развести въ водѣ и дать выпить больной, у которой, по несчастію, умретъ ребенокъ въ утробѣ. Средство это вѣрное и испытанное: оно облегчаетъ роды [1]).

Шумъ, веселье, разговоры и закуска окружаютъ больную. Хохотня гостей вмѣстѣ со стономъ больной наполняютъ комнату. Случается, что родильница не выдерживаетъ приличій и зоветъ мужа.

— Смотрите, говорятъ тогда блюстительницы чистоты нравовъ, смотрите, какая грѣховодница, умираетъ, а все-таки думаетъ о мужѣ. Просто стыдъ и срамъ!...

Насмѣшки и колкости дѣлаютъ то, что мучащаяся женщина рѣдко зоветъ къ себѣ мужа. По большей части онъ сидитъ въ сосѣдней комнатѣ и тамъ ожидаетъ себѣ наслѣдника или наслѣдницу. Сынъ предпочитается дочери, и будущій отецъ по всѣмъ признакамъ увѣренъ, что новорожденный будетъ мужескаго пола. Признаки эти хорошо сохранились въ его памяти. Для провѣрки ихъ онъ можетъ развернуть рукописную книгу, извѣстную у грузинъ подъ именемъ *Карабадима* — нѣчто въ родѣ народнаго лечебника.

Въ 38-й главѣ этой книги онъ прочтетъ: если у беременной женщины «правая сторона живота замѣтно выдается, то будь увѣренъ, что родится сынъ, если же лѣвая, то дочь. Если у женщины, въ періодѣ интереснаго положенія, цвѣтъ лица румяный, то непремѣнно будетъ сынъ, а если она блѣдна—то дочь. Если женщина, идя на зовъ, сперва шагаетъ правою ногою, то будетъ сынъ, а если лѣвою—дочь». Всѣ эти признаки, казалось, улыбались будущему отцу. Онъ сожалѣетъ только о томъ, что для лучшаго убѣжденія себя не прибѣгалъ прежде къ другому опытному и достовѣрному средству, которое совѣтуетъ тотъ же «Карабадимъ». «Возьми, сказано въ немъ, чашку съ водою, влей туда немного молока беременной женщины и наблюдай: сосредоточится ли оно на поверхности воды или смѣшается съ нею и пойдетъ ко дну; въ первомъ случаѣ жди сына, и наоборотъ» [2]).

Мысль о рожденіи сына вызываетъ улыбку отца, которая,

---

[1]) «Очерки дерев. нрав. Грузіи», Н. Берзеновъ. Кавк. 1858 г. № 56.

[2]) О грузинской медицинѣ, Кавк. Календ. на 1857 г. стр. 484.

впрочемъ, можетъ скоро исчезнуть отъ мысли, что̀ станется съ новорожденнымъ? Какая судьба ожидаетъ его впереди? — И на эти вопросы есть отвѣты въ томъ же «карабадимѣ» — этомъ оракулѣ грузинскаго народа.

«9 и 22-е марта, 6 и 25-е апрѣля, 4 и 29-е мая, 5 и 22-е іюня, 9 и 26-е іюля, 7 и 29-е августа, 3 и 22-е сентября, 6 и 21-е октября, 6 и 20-е ноября, 5 и 22-е декабря, 5 и 27-е января, 9 и 22-е февраля — безусловно несчастливы для всего: для работъ, построекъ, путешествій, покупки и продажи; для займовъ, перестройки, перехода въ новый домъ, для свадебъ, кровопусканія, сновъ, посѣвовъ, посадокъ, — короче сказать, для всего; въ эти дни лучше ничего не дѣлать. Ребенокъ, родившійся въ одинъ изъ этихъ дней, едвали будетъ жить, а если и останется въ живыхъ, будетъ несчастливъ, потому что сказанныя числа называются *петикони*, т. е. роковыми. Несдобровать тому, кто заболѣетъ въ эти дни; отъ того-то Господь повелѣлъ израильтянамъ строго наблюдать ихъ» [1]).

Положимъ, будущій новорожденный избѣжалъ этихъ роковыхъ чиселъ, и родители захотѣли бы узнать, какого онъ будетъ характера, счастливъ или несчастливъ; на это есть лунный календарь, хорошо извѣстный каждому грузину [2]).

Кто родится въ первый день луны будетъ счастливъ и долголѣтенъ. Во второй день уже не хорошо родиться, потому что новорожденный будетъ изувѣромъ и развратникомъ по своей волѣ, независимо отъ Бога или отъ планеты.

Родившійся въ III день луны, будетъ фанатикъ и лжецъ; будетъ счастливъ, но медленно расти; изъ него выйдетъ воевода; въ IV день — нездороваго тѣлосложенія, гнѣздилище недуговъ, долженъ остерегаться огня, воды и меча — они могутъ прекратить дни его. Въ V день — проживетъ долго; въ VI — будетъ счастливъ, но вспыльчивъ; въ VII — едвали останется въ живыхъ, а если останется, то изъ него выйдетъ злой человѣкъ; въ VIII — будетъ ученъ и исполненъ мудрости; въ IX — скоро выростетъ, будетъ счастливъ, всѣмъ любезенъ, но также скоро и умретъ; въ X — будетъ счастливъ, долголѣтенъ, полюбитъ трудъ, но будетъ тяжелъ, строптивъ и пьяница; въ XI — отмѣченъ большимъ знакомъ, счастливъ, но немножко злорѣчивъ; въ XII — добродѣтеленъ, охотникъ до путешествій, долженъ остерегаться

---

[1]) Тамъ же, стр. 508.

[2]) Лунный календарь переведенъ акад. Броссе на французскій языкъ и напечатанъ въ его книгѣ: Mémoires inédits relatifs à l'Histoire et à la langue Géorgienne. Paris. 1833 г. Переводъ съ французскаго помѣщенъ въ газетѣ Кавказъ 1853 г. № 71.

огня и воды; умретъ злою смертію; въ XIII — будетъ безбожникъ и зараженъ проказою.

Кто родится въ XIV день, будетъ праведникомъ, познаетъ волю Божію и спасется, но будетъ преслѣдуемъ многими болѣзнями и злоключеніями; въ XV—угрюмъ и лжесвидѣтель; въ XVI—проживетъ долго и будетъ добръ; въ XVII — будетъ длинноволосъ и проживетъ только 12 лѣтъ; въ XVIII — насладится радостною жизнію до глубокой старости; въ XIX — будетъ красавецъ и проживетъ долго, но будетъ жаденъ, неблагомыслящъ, гордъ, корыстолюбивъ, сквернословенъ и умретъ отъ жестокосердія; въ XX — недовѣрчивъ; въ XXI — будетъ мудрый торговецъ и любитель правды; въ XXII — молчаливъ и счастливъ; въ XXIII — хищникъ и злорѣчивъ, а въ остальномъ надѣленъ всѣми дарами природы; въ XXIV — умретъ отъ меча.

Если XXV день придется въ субботу, то бѣда въ этотъ день родиться, потому что въ XXV день, и именно въ субботу, «родится *Анте* (антихристъ), человѣкъ съ багровымъ лицемъ, съ веснушками, съ длинными голенями, съ рѣдкими волосами; правый глазъ у него будетъ па лбу, правое ухо на темени—носъ смрадный. Онъ погубитъ всю вселенную».

Родившійся въ XXVI день спасется, будетъ богобоязненъ и любимъ высшими; родъ его скоро распространится; въ XXVII день хорошо родиться, но сны ничего не стоютъ; въ XXVIII день—будетъ злодѣй и умретъ отъ руки женщины; въ XXIX—проживетъ много лѣтъ, будетъ любезенъ, а потому и развратенъ. Родившійся въ XXX день проживетъ 60 лѣтъ, будетъ тароватъ, счастливъ, и имѣть родимый знакъ на правомъ плечѣ и на щекѣ.

Въ какой же день лучше всего родиться—задаетъ себѣ вопросъ грузинъ, прочитавшій эти примѣты, но вотъ уже слышится крикъ новорожденнаго.

Въ комнатѣ, гдѣ лежитъ больная, поднимается еще бо̀льшій шумъ и разгулъ присутствующихъ женщинъ. Поздравленія сопровождаются пѣснями, въ которыхъ мать сравниваютъ съ луною, а новорожденнаго младенца — съ солнцемъ. Больной желаютъ здоровья, а младенцу золота, чиновъ и чудной красоты. Шумъ и хохотъ гостей смѣшиваются со стономъ хозяйки и оглашаютъ комнату...

Грузины бываютъ очень недовольны, когда родится дочь. Отцу не возвѣщаютъ тогда о рожденіи ребенка, и онъ, догадавшись о такой невзгодѣ, сердится на жену, и, если у него родилось нѣсколько дочерей сряду, то огорчается не на шутку.

— И, батюшка! утѣшаютъ его простодушно родственницы,

точно съ нимъ приключилось какое нибудь серьёзное несчастіе. Полно огорчаться; что̀ дѣлать, видно на то воля Божія, — онъ наказуетъ, онъ и милуетъ; авось на будущій разъ родится у васъ сынокъ; вы еще молоды, напрасно отчаяваетесь.

Рожденіе сына, и въ особенности перваго, составляетъ истинное удовольствіе для родителей. Тотчасъ же дается праздникъ *дзеоба*, т. е. рожденіе сына. Выстрѣлъ изъ ружья возвѣщаетъ о появленіи на свѣтъ младенца мужескаго пола. Служанка изъ дому новорожденнаго бѣжитъ извѣстить всѣхъ родныхъ и знакомыхъ съ пріятною новостію и получаетъ отъ нихъ въ подарокъ *самохоробло*, деньги за радостное извѣстіе. Въ теченіи цѣлой недѣли посѣщаютъ больную родные, знакомые, и проводятъ около ея постели цѣлые дни и ночи.

Въ защиту матери и младенца, отъ всякихъ покушеній *Али*, принимаются мѣры.

«Насъ было три брата, — сказано въ молитвѣ противу Али, молитвѣ, которую иногда читаетъ одна изъ женщинъ, — во имя св. Троицы, и носили мы каждый двойное имя: Арозъ-Марозъ, Эмброзъ-Эдварозъ, Эвмарозъ-Антіохосъ. Охотились мы на полѣ дамасскомъ, гдѣ есть гора изобилующая оленями, и напали мы на слѣдъ прямой-превратный: пятки прямые, а животъ на оборотъ; спина прямая, а лицо на оборотъ. Отправились мы по тому слѣду и увидѣли стоявшую въ пещерѣ дѣвушку: волосы у нея пурпурные, зубы жемчужные. Мы спросили ихъ, кто вы? и какъ ваше имя? Она отвѣчала: — Я — *Али*, нечистая сила, что̀ прихожу къ родильницѣ, хватаю ее за волосы и удавливаю вмѣстѣ съ ребенкомъ. — Тутъ мы обнажили мечи и стали поражать злодѣйку. Тогда начала она умолять насъ и сказала съ клятвою: — Господа мои, пощадите меня, и я впредь на сто милліоновъ триста осьмнадцать стадій (мѣра длины около 115 шаговъ) не осмѣлюсь приблизиться къ тому мѣсту, гдѣ будутъ произносить ваши имена или будетъ находиться хартія съ вашими именами. Явились св. архангелы Михаилъ и Гавріилъ; вышелъ черный всадникъ, ведя чернаго коня, въ черной сбруѣ, съ черною плетью. Сѣлъ онъ на того коня, отправился по черной дорогѣ. Спросили его: куда ѣдешь, злодѣй смрадный, съ зубами ядовитыми? Отстань отъ сего раба Божьяго и войди въ голову дракона. Христосъ, — Богъ милосердія, благости и отрады. Помоги Матерь Христа Марія и даруй облегченіе рабу Божію [1])».

Молитва отъ *Али* прочтена, остается оградить младенца и родильницу отъ всякой другой нечистой силы въ образѣ змія.

---

[1]) Н. Берзеновъ: «О грузинской медицинѣ», Кавк. календ. на 1857 г. стр. 499.

Для этого учреждается ночная стража *(гамисъ-тева)*, обязанная защищать ихъ отъ нечистой силы, такъ какъ дознано опытомъ, «что новорожденный и мать только пятнадцать дней бываютъ въ опасности отъ змѣя».

Пятнадцати-дневный срокъ назначается для стражи при рожденіи одного первенца; за тѣмъ, при рожденіи слѣдующихъ дѣтей, срокъ для стражи уменьшается послѣдовательно на одинъ день. Такъ для второго новорожденнаго стража собирается только на четырнадцать дней, для третьяго—на тринадцать дней и т. д.

Находящіеся на *гамисъ-тева* размѣщаются на балконахъ, крышахъ или въ комнатѣ больной. Число ихъ бываетъ различно, смотря по состоянію и значенію отца новорожденнаго; иногда число это доходитъ до ста человѣкъ. Въ караулѣ этомъ принимаютъ участіе какъ мужчины, такъ и женщины. Они занимаются пляскою и пѣніемъ, а главное стрѣляніемъ изъ ружей, чтобы напугать нечистую силу, и при случаѣ ранить или убить змія.

Подъ утро для всѣхъ караульныхъ устраивается ужинъ, который извѣстенъ подъ именемъ *сирисъ-куди* (хвостъ ужина, т. е. остатки послѣ ужина, — закуска). Названіе это присвоено потому, что *сирисъ-куди* бываетъ послѣ семейнаго ужина и состоитъ только изъ однихъ сластей.

Крещеніе совершается обыкновеннымъ образомъ. Грузины часто къ христіанскому имени прибавляютъ другое, заимствованное ими или отъ мусульманъ, или же выражающее какое-либо качество, напримѣръ: Асланъ, Парсаданъ, Бардисахаръ (розоподобная) и проч. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Грузіи существовало обыкновеніе новорожденнаго мальчика обсыпать солью съ головы до ногъ. Увѣряютъ, что отъ такого дѣйствія младенецъ выйдетъ человѣкомъ крѣпкимъ, могучимъ, и въ состояніи будетъ, безъ всякаго опасенія, перенести всѣ житейскія бури. У грузинъ, соль — эмблема твердости, вкуса и изобилія во всемъ.

Въ колыбель младенца кладутъ иногда собачій зубъ, потому что, по народному повѣрью, онъ ускоряетъ прорѣзываніе и рощеніе зубовъ младенца.

Мальчикъ ростетъ на совершенной свободѣ, а дѣвочка подъ надзоромъ матери. Послѣднюю, нерѣдко на восьмомъ году отъ рожденія, отдаютъ въ монастырь для изученія рукодѣлій и грамотѣ. Обычай этотъ, какъ надо полагать, произошелъ изъ желанія скрыть своихъ дочерей отъ персіянъ, ежегодно посылаемыхъ прежде собирать хорошенькихъ дѣвицъ въ гаремъ шаха.

Вѣроятно, таже самая причина заставила грузинъ обручать дочь чуть-ли не со дня ея рожденія, въ самой колыбели. По

уложенію царя Вахтанга, дѣвочка, достигшая 12-ти лѣтъ, считалась совершеннолѣтнею и могла выйти замужъ.

Какъ всегда и вездѣ, родители хлопочутъ о скорѣйшей выдачѣ дочери замужъ. Желаніе свое они приводятъ въ исполненіе при помощи свахъ, которыхъ выбираютъ или изъ числа родственницъ или духовныхъ лицъ, или же, всего чаще, изъ близкихъ знакомыхъ женщинъ.

Переговоры о бракѣ происходятъ всегда между родителями. О приданомъ прежде не очень заботились, но каждая невѣста получала въ приданое непремѣнно одну или двѣ азарпеши, которыя и переходили всегда по наслѣдству. Въ послѣднее время стали впрочемъ появляться *сіа* — списокъ приданому, которое обѣщаютъ дать родители за невѣстою. Теперь почти каждая сваха имѣетъ такой *сіа*, въ которомъ значится, напримѣръ:

Личаковъ тюлевыхъ, атласныхъ и блондовыхъ на .	100 р.
Тавксакрави разныхъ сортовъ	50 »
Сумублей	25 »
Сурмы	5 »
Чхирей разныхъ сортовъ	3 » и т. д.

Покончивъ переговоры, женихъ, черезъ своего дядю или другого родственника, посылаетъ своей невѣстѣ *хелисъ-дасадеби* — сахаръ и колечко. Родители невѣсты призываютъ священника, который читаетъ надъ перстнемъ молитву, и отецъ, передавая его дочери въ знакъ обрученія, говоритъ что она невѣста такого-то. Молодая дѣвушка только теперь узнаетъ, что жребій ея брошенъ, и что она выходитъ замужъ.

Спустя нѣкоторое время послѣ сговора, назначается *пирис-нахва*, т. е. день, въ который женихъ въ первый разъ является посмотрѣть лицо невѣсты. Хороша-ли она или дурна, онъ не можетъ уже, послѣ обрученія, отказаться отъ нее, не заплативъ пени. Женихъ, послѣ посѣщенія невѣсты, признается роднымъ, и въ честь его дается *ертаджала*—обѣдъ жениха съ невѣстою,— на которомъ онъ имѣетъ полное право, не только смотрѣть на свою будущую жену, но и сдѣлать ей подарокъ, состоящій по преимуществу изъ платка и чётокъ. Приготовленіе къ сватьбѣ лежитъ на обязанности жениха, который, въ свою очередь, поручаетъ позаботиться о томъ шаферу (*меджваре* или *натлія*), пользующемуся у грузинъ большимъ уваженіемъ. Меджваре бываетъ обыкновенно кто нибудь изъ почетныхъ родныхъ и впослѣдствіи креститъ дѣтей.

Грузинскія сватьбы какъ въ городахъ, такъ и деревняхъ бываютъ большею частію съ ноября до масляницы; на масляницѣ вѣнчаются только одни армяне.

За нѣсколько дней до сватьбы, въ назначенный вечеръ гости собираются въ домѣ жениха. Хозяинъ старается убрать свое помѣщеніе самымъ изысканнымъ образомъ, насколько позволяютъ его средства. Богатые увѣшиваютъ стѣны и потолки коврами, которые берутъ на прокатъ на базарѣ.

Наканунѣ сватьбы, шаферъ собираетъ молодыхъ людей (*макари*) и вмѣстѣ съ ними ведетъ жениха въ баню. Невѣста обязана исполнить тоже самое.

Баня для грузина — это истинное удовольствіе; у нихъ есть даже обыкновеніе поздравлять съ *абано*, какъ съ праздникомъ. Посѣщать баню и понѣжиться въ ней, особенно любятъ женщины. Собираясь въ баню, безъ различія, будетъ ли то праздничный или воскресный день, онѣ нагружаютъ бѣльемъ перваго попавшагося *мушу* [1]) и слѣдуютъ за нимъ со всѣми домочадцами.

Шумъ, крикъ, а иногда и ссоры слышатся въ банѣ. Посѣтители, усѣвшись въ кружокъ и разославъ на полуковеръ, размачиваютъ хлѣбъ и сыръ въ горячей сѣрной водѣ и съ удовольствіемъ принимаются утолять свой голодъ. Въ банѣ нерѣдко происходитъ цѣлый пиръ, въ баню собираются цѣлыми партіями, собственно для того, чтобы покутить на славу и потомъ освѣжиться ея водою. Звуки пѣсенъ, зурны и другихъ инструментовъ оглашаютъ бани, и, скользя по ея сводамъ, раздаются и громче и звучнѣе. Полунагіе грузины часто пируютъ въ баняхъ до самаго разсвѣта; — тамъ же моется и женихъ наканунѣ сватьбы.

Въ назначенный для сватьбы день, женихъ посылаетъ въ домъ невѣсты *сакорицило* — съѣстное, состоящее по преимуществу изъ коровъ, овецъ и свиней.

Въ Тифлисѣ, гдѣ цивилизація пустила уже свои корни, женихъ отправляетъ къ невѣстѣ священника и съ нимъ посылаетъ *халавъ* — свадебный подарокъ. Онъ состоитъ: изъ салопа, шалей, разныхъ галантерейныхъ вещей, двухъ головъ сахару и четырехъ свѣчей, обвитыхъ розовыми лентами. Священникъ оставляетъ у невѣсты подарки, одну голову сахару и двѣ свѣчи, а остальной сахаръ и свѣчи приноситъ обратно жениху, чтобы не одна невѣста, но и женихъ могъ провести супружескую жизнь также сладко, какъ сахаръ.

Собравъ *макреби* — родственниковъ и знакомыхъ, женихъ ѣдетъ вѣнчаться часто за 80 и за 100 верстъ. По обычаю, онъ

---

[1]) *Муша*—это вѣчный труженикъ, переносчикъ тяжелыхъ грузовъ съ одного мѣста на другое.

выбираетъ себѣ такую дорогу, по которой не пришлось бы проѣзжать обратно съ молодою женою. На время сватьбы женихъ принимаетъ названіе *мепѐ* (царь), а невѣста *дедопали* (царица). Огромная свита сопровождаетъ жениха; все, чтò попадается на пути: овца, корова, курица—все рѣжется въ честь мепé, который обязанъ уже платить за нихъ. Проѣздъ черезъ деревни сопровождается пѣснями въ два хора...

На дворѣ сакли невѣсты, въ нѣсколькихъ мѣстахъ дымятся разложенные костры. Толпы мальчишекъ бѣгаютъ вокругъ нихъ съ крикомъ: *корцилія!* (сватьба). Одинъ изъ дѣтей забирается на верхушку самаго высокаго дерева и смотритъ вдаль. Въ самой саклѣ суматоха. Всѣ одѣты по праздничному. Тахта (низкій диванъ) убирается новымъ ковромъ, на верхъ котораго во всю длину положенъ тюфякъ, а на немъ *мутака*—круглая, продолговатая подушка изъ разноцвѣтнаго бархата, обшитаго по краямъ цвѣтнымъ канаусомъ. Въ особой комнатѣ *мдаде*—женщина убираетъ невѣсту. Материнскія наставленія не оставляютъ дочь ни на минуту. Ей разсказываютъ такія вещи, о существованіи которыхъ она и не подозрѣвала. Замкнутая въ кругу своего семейства и въ своей свѣтлицѣ, дѣвушка не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о предстоящей ей новой жизни, о ея потребностяхъ и невзгодахъ. Ей убираютъ голову и читаютъ наставленія.

— Не осрами меня, говорятъ ей, предъ своими и чужими. Веди себя такъ, какъ слѣдуетъ примѣрной царицѣ; не поднимай глазъ вверхъ, не смотри ни на кого и не оглядывайся по сторонамъ,—чтò я говорю, по сторонамъ! старайся не моргать даже глазами; губы должны быть закрыты и самое дыханіе не слышно.

Отецъ невѣсты хлопочетъ объ угощеніи, музыкантахъ (сазандреби) и приглашаетъ *сазандара* (пѣвецъ), который долженъ непремѣнно присутствовать на каждой сватьбѣ. За удовольствіе его послушать часто платятъ по 60 руб. въ сутки. Болѣе же всего будущій тесть заботится о томъ, чтобы сдѣлать приличный подарокъ своему зятю и его макреби. Подарокъ этотъ обыкновенно состоитъ или изъ хорошей лошади, или изъ оружія.

Мало по малу въ домѣ все приходитъ въ порядокъ, стихаетъ и успокоивается. Къ воротамъ дома посланъ слуга съ азарпешей и кувшиномъ вина; онъ ждетъ кого-то.

— Макреби непіони (ѣдутъ поѣзжане)! вскрикиваетъ вдругъ мальчикъ, сидѣвшій на деревѣ и нарушаетъ тѣмъ общее спокойствіе.

Все семейство вскакиваетъ опять на ноги, всматривается вдаль по дорогѣ и различаетъ одинокаго всадника, скачущаго къ

дому. Подъѣхавъ къ дому невѣсты, всадникъ производитъ выстрѣлъ и въѣзжаетъ на дворъ. Онъ молодъ и щеголевато одѣтъ. Простая баранья шапка его, окрашенная въ черный цвѣтъ, какъ-то особенно заломлена на бокъ. Рубашка изъ синяго бумажнаго холста застегнута на правой сторонѣ голой шеи. Только во время сильныхъ холодовъ грузинъ повязываетъ шейный платокъ. Широкіе суконные шальвары поддерживаются на таліи снуркомъ съ кисточками, и, по привычкѣ, общей всѣмъ грузинамъ, торчатъ на виду. Ситцевый архалукъ застегнутъ на рукахъ и груди множествомъ мелкихъ пуговицъ и стянутъ тремя обхватами канаусоваго пояса, къ которому привѣшенъ кинжалъ. Сверхъ архалука надѣта чёха, «которой рукавовъ мужикъ никогда не закидываетъ на плечи». Икры его, всегда обтянутые кожаными онучами — для сватьбы обтянуты вязанными шелковыми; въ нихъ запущены «концы исподень, которые у щиколки застегнуты тесемками, концами спускающимися внизъ». Обыкновенно употребляемые шкуровые лапти замѣнены теперь сапогами изъ сырцовой кожи, хотя и грубой работы, но съ подковами и ременными тесемками или пуговками. На немъ надѣта мохнатая бурка, особенно любимая грузинами, «съ перевязью изъ полушелковаго платка на груди».

Грузинъ вообще неопрятенъ; въ продолженіи многихъ лѣтъ носитъ двѣ рубашки и не-охотникъ мыть и стирать бѣлье. Надѣваетъ новое платье только тогда, когда старое свалится съ плечь или въ особенныхъ торжественныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, когда самъ женится, бываетъ на сватьбѣ, праздникѣ и т. п.

Чрезвычайно крѣпкаго тѣлосложенія, грузинскій простолюдинъ говоритъ живо и свободно. Онъ чрезвычайно добродушенъ, гостепріименъ, благороденъ, балагуръ и вообще веселаго нрава.

Одного изъ такихъ балагуровъ, записныхъ весельчаковъ, женихъ отправляетъ впередъ въ домъ невѣсты.

Онъ принимаетъ названіе *махаробели*—вѣщатель радости.

— *Мепè мобдзандеба* (царь ѣдетъ), говоритъ онъ. Я благовѣстникъ, радователь дома. Ѣлъ я ягоды, подвяжите мнѣ плечо.

— Побѣда тебѣ! побѣда! отвѣчаютъ присутствующіе; да будетъ добра твоя вѣсть.

Къ нему подходитъ слуга, стоявшій у воротъ, подвязываетъ къ плечу свѣтло-красный кусокъ ткани изъ шелковой матеріи [1]) и подноситъ азарпешу съ виномъ. Осушивъ разъ, другой, и

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Грузіи обязанность эту исполняетъ женщина при входѣ махаробели въ саклю.

третій, махаробели затыкаетъ ее за воротникъ, какъ полученный по обычаю подарокъ. Посланнаго ведутъ въ саклю, гдѣ встрѣчаютъ съ глиняною чашкою, наполненною виномъ. Опорожнивъ её залпомъ, онъ, со всего размаха, бросаетъ въ потолокъ и разбиваетъ въ дребезги.

— Вотъ такъ разсыпятся всѣ враги твои, говоритъ онъ хозяину.

— Да будетъ слухъ и вниманіе! обращается за тѣмъ махаробели ко всѣмъ присутствующимъ. Сейчасъ долженъ пожаловать сюда царь со свитою. Я его передовой и объявляю вамъ объ этомъ. А что, дедопали (царица-невѣста) готова?

— Царица давно наряжена, отвѣчаютъ ему, но она поступитъ въ распоряженіе мепѐ (жениха) неиначе, какъ послѣ щедраго вознагражденія ея наставницѣ.

Женихъ обязанъ заплатить *саостато* — плату за воспитаніе невѣсты—прежде чѣмъ поведетъ ее къ вѣнцу. Онъ долженъ заплатить также *пирисъ-мосартави* — плата за уборъ лица.

— За всѣмъ этимъ, говоритъ махаробели, дѣла не станетъ, мать моя, клянусь въ томъ твоимъ солнцемъ; нашъ мепѐ богатъ и такъ щедръ, какъ никто.

На дворѣ слышны ружейные выстрѣлы, пѣсни, крикъ и шумъ.

— *Мепѐ мобдзандеба* (царь ѣдетъ), слышится со всѣхъ сторонъ и на разные голоса.

Женихъ пріѣхалъ. Онъ окруженъ свитою, состоящею изъ поѣзжанъ — людей всякаго возраста, но преимущественно изъ такихъ, которые любятъ кутнуть на славу. Для большинства изъ нихъ ни почемъ осушить сряду нѣсколько турьихъ роговъ вина. Они обязаны, по возвращеніи молодыхъ отъ вѣнца, сколько пить, столько же пѣть, кричать и шумѣть.

Будущіе тесть и теща привѣтствуютъ и обнимаютъ жениха. Отправляются въ церковь. Женихъ подаетъ невѣстѣ одинъ конецъ платка, а самъ держитъ другой и въ такомъ положеніи идутъ до самой церкви. Шаферъ, скрестивъ сабли надъ дверями церкви, пропускаетъ новобрачныхъ въ храмъ и подводитъ жениха съ невѣстою къ налою. Передъ ними на полу постланъ кусокъ шелковой матеріи (піандазы), которая отдается потомъ священнику. Поверхъ её кладутъ сабли, на которыя становятся новобрачные,—и кто первый наступитъ на саблю, тотъ изъ нихъ будетъ властвовать въ будущемъ семействѣ. Если женихъ наступитъ первый, то, кромѣ власти, онъ, по народнымъ предразсудкамъ, можетъ надѣяться на то, что сынъ его будетъ мужественный и храбрый герой.

Обрядъ вѣнчанія исполняетъ священникъ той церкви, къ ко-

торой принадлежитъ невѣста [1]). Женихъ хотя и привозитъ своего священника, но онъ не вѣнчаетъ, а приходитъ съ крестомъ, послѣ вѣнца, къ отцу невѣсты, говоритъ, что привезъ зятя его невредимымъ и исчисляетъ его достоинства. Тесть обвязываетъ крестъ шелковою матеріею и дѣлаетъ подарокъ пастырю церкви.

Вѣнцы въ Грузіи не есть принадлежность церкви; ихъ заказываетъ и привозитъ женихъ и передаетъ одной изъ служанокъ невѣсты. Во время вѣнчанія священникъ спрашиваетъ у шафера вѣнцы, тотъ обращается съ такою же просьбою къ служанкѣ.

— Дай, милая, вѣнцы, говоритъ онъ, украсить ими твою барыню.

— Дайте, сударь, выкупъ, отвѣчаетъ та.

— А сколько тебѣ надо, душенька?

— Чѣмъ болѣе, тѣмъ красивѣе будетъ казаться вашъ кумъ. Шаферъ (меджваре [2]) почти всегда бываетъ крестнымъ отцомъ дѣтей у новобрачныхъ, оттого женихъ часто заранѣе называетъ его кумомъ.

Два-три червонца отданы за выкупъ вѣнцовъ...

Во время самаго обряда, публика, слѣдя за новобрачными, рѣшаетъ вопросъ, кто изъ молодыхъ дольше проживетъ. На это есть особыя правила и примѣты.

«Разочти по пальцамъ буквы, изъ которыхъ состоятъ имена ихъ (вѣнчающихся) и потомъ считай порознь, приговаривая: Адамъ, Ева и т. д. Если по числу буквъ послѣднимъ выйдетъ имя Адама, то мужу суждено умереть прежде жены, и на оборотъ».

Обрядъ вѣнчанія кончился. Союзъ скрѣпленъ нѣсколькими поцѣлуями молодыхъ и *наротомъ* (узы супружества)—бумажный снурокъ, которымъ священникъ, при послѣднихъ словахъ обряда, связываетъ руки новобрачныхъ, съ приложеніемъ церковной печати изъ воска съ изображеніемъ на немъ креста.

Поздравленія, шумъ, крикъ, стрѣльба и пѣсни сопровождаютъ

---

[1]) Городскія сватьбы, и въ особенности тифлисскія, нѣсколько отличаются отъ деревенскихъ. Женихъ не ѣздитъ въ домъ невѣсты, а ѣдетъ прямо въ церковь, куда привозитъ невѣсту шаферъ. Въ день сватьбы въ домѣ жениха собираются гости: мужчины на одной половинѣ, женщины на другой. Первые занимаются разговорами, игрою въ карты, закусываютъ, слушаютъ сазандара, а послѣднія, сидя на тахтѣ и поджавъ подъ себя ноги, слушаютъ пискливые звуки зурны и раскатистый громъ бубна и дайры—горшокъ обтянутый кожею. По мѣрѣ прибытія гостей, они садятся на тахту и принимаются за варенья и разныя сласти. Въ антрактахъ пляшутъ лезгинку съ акомпаниментомъ всеобщаго боя въ ладоши, необходимымъ условіемъ этого танца...

[2]) Шаферъ носитъ два названія, или *меджваре* или *еджипи*.

сочетавшихся къ дому невѣсты, въ которомъ давно уже ожидаютъ ихъ и приготовились къ встрѣчѣ. Въ комнатѣ устроено нѣчто въ родѣ трона. Подлѣ тахты къ стѣнѣ прикрѣпляютъ занавѣсъ изъ дорогой матеріи. На тахту кладутъ парчевыя подушки, а сверхъ нихъ постилаютъ *піандазы;* другой такой же *піандазы* постланъ отъ дверей къ трону. Первый отдается въ подарокъ служанкѣ невѣсты, а второй — слугѣ жениха.

Впереди молодыхъ идутъ макреби и дѣлаютъ нѣсколько сабельныхъ ударовъ надъ дверьми.

— Царь и царица идутъ, провозглашаютъ они.

Въ дверяхъ встрѣчаетъ молодыхъ одна изъ родственницъ и даетъ имъ откусить немного сахару, съ пожеланіемъ прожить и состарѣться также сладко какъ сахаръ [1]). Отсюда ведутъ ихъ по разостланному піандазу къ тахтѣ или трону. Мѣсто, гдѣ должны сѣсть молодые, занято мальчикомъ, который лежитъ въ растяжку, заложивъ за спину руки, и ожидаетъ выкупа за мѣсто. Не смотря на просьбы, брань и даже удары плетью, онъ не оставляетъ мѣста, пока ему не дадутъ нѣсколько денегъ и яблокъ—таковъ обычай. Получивъ плату, мальчикъ встаетъ, при огромномъ смѣхѣ присутствующихъ. Молодые заняли мѣсто: женихъ сѣлъ съ правой, невѣста съ лѣвой стороны. Возлѣ нихъ, рядомъ съ невѣстою, помѣстилась старуха, обязанная, въ теченіи цѣлаго вечера, поправлять головное покрывало молодой, то платокъ ея, то платье, хотя бы они были и въ отличномъ порядкѣ. Старуха нашептываетъ ей на ухо различныя наставленія, необходимыя для будущаго ея поведенія.

На молодыхъ надѣты вѣнцы, сдѣланные изъ разноцвѣтной мишуры «въ видѣ кружка, надѣваемаго на голову, съ крестомъ впереди и съ четырьмя кистями опускающимися до плечь». Вѣнцы эти молодые носятъ по обычаю въ теченіи трехъ дней [2]).

Приходитъ священникъ и снимаетъ наротъ. Приносятъ лакомства и молодые испытываютъ первое удовольствіе супружества—вкушая двѣ-три капли варенья изъ одной и той же ложки.

Передъ ними кладутъ хлѣбъ — такъ называемый *джварисъ-пури* — съ воткнутымъ въ него деревяннымъ крестомъ, на оконечностяхъ котораго торчатъ яблоки и шелковый платокъ. По-

---

[1]) У городскихъ жителей принимаетъ молодыхъ посаженный отецъ. Онъ скрещиваетъ надъ головами ихъ обнаженныя шашки, а подъ ноги подбрасываетъ тарелку, которую они обязаны раздавить, — «какъ гидру дурныхъ замысловъ нечистыхъ силъ». Послѣ подносятъ шербетъ (напитокъ), и начинается вторичное поздравленіе и цѣлованіе.

[2]) У городскихъ жителей ихъ снимаютъ въ тотъ же день, вскорѣ по возвращеніи отъ вѣнца домой.

слѣдній переходитъ потомъ во владѣніе шафера. Къ молодымъ подходятъ два человѣка, — одинъ слуга жениха, а другой невѣсты — съ серебрянымъ подносомъ, и становятся передъ ними на колѣни.

— Дай Богъ вамъ состарѣться вмѣстѣ, жить въ согласіи и любви, говорятъ присутствующіе, подходя одинъ за другимъ къ молодымъ для поздравленія, и кидаютъ деньги на подносъ.—Деньги дѣлятся потомъ между слугами, держащими подносъ и составляютъ ихъ достояніе.

Поздравляющіе, кромѣ того, обязаны сдѣлать подарокъ молодымъ или вещами или деньгами, которые въ самомъ бѣдномъ семействѣ достигаютъ цѣнностію отъ 50 до 60 рублей. Лицо, избранное отъ всего присутствующаго общества, подноситъ подарки молодымъ, говоря громко, какой подарокъ и кѣмъ именно жертвуется.

Сазандреби играютъ лезгинку; молодые танцуютъ первые. За ними должны плясать почти всѣ безпрерывно, — одинъ кончитъ и легкій поклонъ уже выводитъ другого на сцену. Только ужинъ прерываетъ этотъ танецъ».

Общество раздѣляется на двѣ половины: почетные (*дарбаислеби*) сажаются на избранномъ мѣстѣ, а остальные располагаются, кто на тахтѣ, кто на земляномъ полу. Пиръ открытъ...

Грузинъ любитъ попировать, пообѣдать и поужинать въ компаніи. Одинъ онъ ѣстъ очень мало; часто довольствуется сухимъ хлѣбомъ, зеленью и сыромъ. Для того же, чтобы пообѣдать въ компаніи, въ кругу пріятелей, грузинъ готовъ истратить за одинъ разъ сумму, ассигнованную на недѣльное его пропитаніе. «Для дорогого гостя, для важнаго семейнаго случая рѣжутъ свою корову, нѣсколько барановъ и открываютъ непочатый кувшинъ вина, а въ кувшинѣ томъ можетъ быть болѣе 200 ведеръ». Большіе праздники и сватьбы поглощаютъ множество хлѣба и вина, которое льется рѣкою.

Передъ обѣдомъ всѣ умываютъ руки и за тѣмъ обыкновенно располагаются на тахтахъ или вокругъ очага, на коврахъ или войлокахъ; ѣдятъ и пьютъ, поджавши подъ себя ноги; папахъ не снимается съ головы, рукава чёхи закинуты за плечи. Передъ обѣдающими растянута *супра* (скатерть) преимущественно синяго цвѣта, съ разными фигурами, не отличающимися изяществомъ рисунка. На ней, безъ приборовъ и безъ всякаго порядка, разбросаны чуреки, турьи рога, цвѣты и любимая грузинская зелень: астрагонъ, крессъ-салатъ и другія травы. Вмѣсто тарелокъ служатъ виноградные листья, или *леваши* — тонкія и весьма длинныя прѣсныя лепешки. Ихъ пекутъ двухъ ве-

личинъ, поменьше для тарелокъ, а побольше употребляютъ вмѣсто салфетокъ. На левашахъ разложенъ сыръ, балыкъ, икра и храмуля (рыба изъ р. Храма). Тамъ и сямъ видны ароматическіе цвѣты и травы, услаждающія обоняніе грузина.

Хозяйка разливаетъ и подаетъ блюда; три пальца замѣняютъ вилки, а ножъ у него неотлучно въ карманѣ, или въ особыхъ ножнахъ кинжала.

Обѣдъ почти никогда не обходится безъ вина; каждому подносится кубокъ. Даже переносчикъ тяжестей и нищій никогда не садятся безъ вина за свою скудную трапезу.

Старшій въ домѣ провозглашаетъ здоровье всѣхъ присутствующихъ и отсутствующихъ, пьетъ за упокой умершихъ, и по обычаю проливаетъ при этомъ каплю вина на полъ.

Прежде горячаго подаютъ большіе куски говядины, сыръ съ зеленью, тешку, балыкъ и овощи. Жирный *бозбашъ* — супъ съ бараниной, приправленный маленькими кусочками курдючьяго сала, и *чихиртма* — мучной бульонъ, или скорѣе соусъ, на маслѣ съ яйцами и нарѣзанною курицею, — употребляются грузинами предпочтительно передъ всѣми горячими. Шашлыкъ жарится во время самаго обѣда и подается въ нѣсколько перемѣнъ; пловъ ѣдятъ въ заключеніе обѣда.

Растительная пища изъ зелени до чрезвычайности разнообразна. Изъ одного и того же матеріала приготовляется нѣсколько разныхъ блюдъ, приправляемыхъ миндалемъ, изюмомъ, медомъ, шафраномъ, сушенымъ кизилемъ и прочими сластями и кислотами.

Всѣми этими вещами, въ компаніи и на воздухѣ, а не въ саклѣ, гдѣ ему душно, грузинъ любитъ лакомиться. Вѣчно-сонливый *бичо* (мальчикъ-слуга) не успѣваетъ, въ это время, удовлетворять затѣйливымъ прихотямъ своего *батони* (господина). Музыка и пѣніе болѣе всего необходимы для туземца во время обѣда. Въ антрактѣ его, онъ поетъ, выплясываетъ лезгинку, «искусно лавируя носками сапогъ между тарелокъ и бутылокъ». Если грузинъ обѣдаетъ одинъ, то и тогда поетъ, играетъ на *дайрѣ* или *чонгурѣ* (особаго устройства балалайка съ мѣдными струнами).

Вина̀ во время обѣда выпивается много, но грузины пьяны бываютъ весьма рѣдко. «Здѣсь — отъ материнскихъ сосцевъ, прямо къ лапкѣ *бурдюка*» (кожаный мѣшокъ съ виномъ). Къ вину привыкаютъ съ малолѣтства. Въ Кахетіи, особенно обильной виномъ, часто мать не уложитъ спать ребенка, пока не дастъ ему выпить вина, «несвойственнаго его возрасту»; десятилѣтній мальчикъ легко отличаетъ въ винѣ примѣсь воды.

Въ этой благословенной части Грузіи вино не цѣнится ни во что. Еще не далеко то время, когда жители, изъ лѣни ходить за водою, виномъ умывались, на винѣ готовили кушанье и виномъ обрызгивали полъ.

На шумныхъ грузинскихъ обѣдахъ женщины не принимаютъ участія; любезность и грація ихъ въ это время считается помѣхою. Женщины обѣдаютъ отдѣльно, въ сторонѣ, не смѣшиваясь съ мущинами, и, случается, кутятъ на славу. Въ памяти многихъ жителей Тифлиса сохранилось, что лѣтъ 20 тому назадъ «приводила въ изумленіе одна женщина-грузинка, по имени Гука, во всеувидѣніе истреблявшая невѣроятное количество кахетинскаго. Вѣсть о ней разнеслась по всему краю; отовсюду начали пріѣзжать въ городъ, чтобы посмотрѣть на диво,— одни изъ любопытства, а другіе съ цѣлію поспорить въ питьи съ необыкновенною женщиною. «Какъ намъ извѣстно навѣрное, говоритъ очевидецъ, соперникъ однакоже не выискался въ цѣлой Грузіи; да и едва ли была къ тому физическая возможность. Гука пила вино за разъ не тунгами, а ведрами, и ничуть не напивалась. Ведерную посуду она не иначе называла, какъ *стаканомъ*, а тунгу (5 бутылокъ) *рюмкою;* это даже вошло въ пословицу, которую и теперь нерѣдко слышишь въ Тифлисѣ» [1]).

Затворничество женщинъ и отдѣленіе ихъ отъ мужчинъ сообщало грузинскимъ праздникамъ особый, своеобразный колоритъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, кажется, не особенно сожалѣли о такомъ раздѣлѣ и предавались увеселеніямъ съ полнымъ энтузіазмомъ, особенно на сватьбахъ. Въ одномъ углу сакли кричатъ, поютъ и пьютъ мужчины; въ другомъ,—пляшутъ и также пьютъ женщины.

Одни молодые не принимаютъ, повидимому, никакого участія въ общемъ весельи. Женихъ сидитъ безмолвно посреди пирующихъ. Подлѣ него, подъ вуалью, молодая супруга, потупившая взоры. Случается весьма рѣдко, что молодая съѣстъ что-нибудь, а то по большей части строго исполняетъ народный обычай.

— Женихъ не ѣстъ! кричитъ одинъ изъ гостей и обращаетъ на это вниманіе тещи.

До сихъ поръ платившій за всякій шагъ, женихъ въ свою очередь ожидаетъ теперь *пирисъ-гасахенели* — вознагражденія отъ тещи, которая подноситъ ему пару чулокъ, полотенце, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Получивъ подарокъ, женихъ проясняется. На сцену являются турьи рога, огромные муравленыя чаши съ

[1]) «О грузинской медицинѣ», Н. Берзеновъ.

виномъ и прочіе инструменты. Полная виномъ посуда переходитъ изъ рукъ въ руки, при взаимныхъ поздравленіяхъ и пожеланіяхъ.

— Удача царю и дружкѣ, произносятъ одни.

— Да будетъ удача! отвѣчаютъ другіе, выпивая вино.

Веселая компанія разгулялась, пиръ въ полномъ разгарѣ....

— Толубаша! кричитъ нѣсколько голосовъ.

Начинается выборъ *толубаша* — главы пира и блюстителя его законовъ. Онъ — представитель разгульнаго Бахуса, закаленная сталь въ пирушкахъ, *пирвели-дардымани*, т. е. кутила.

Толубашъ единогласно избранъ. Онъ одѣтъ въ широкіе шелковые шальвары, въ щегольскую чѣху, рукава которой закинуты за плечи; шея голая во всякую погоду. На немъ высокая папаха, ухорски заломленная на бекрень; носки сапоговъ загнуты крючкомъ къ верху. Походка его медленная; движенія исполнены сознанія своего превосходства. Толубашъ долженъ быть веселъ, безпеченъ, говорливъ и остроуменъ. Кто не выросъ въ мараняхъ (винныя давильни и хранилища этого напитка), тотъ лучше не суйся въ толубаши. Этого званія достигаютъ только тѣ, которые могутъ единовременно помѣстить огромное количество вина въ своемъ желудкѣ, — тѣ, которые подчуютъ гостей виномъ изъ стакана, а сами пьютъ изъ бутылки. Толубашъ только тогда отдыхаетъ на лаврахъ, когда всѣ кувшины съ виномъ, сколько бы ихъ ни было, окажутся пустыми. Онъ пользуется деспотическою властію надъ пирующими; каждый его тостъ—законъ для всѣхъ остальныхъ; всѣ его требованія должны исполняться безпрекословно. Онъ прикажетъ растегнуть *гулиспири* — косой воротъ рубашки — и раскрыть грудь; всѣ исполнятъ его приказаніе.

— Ѣшь! кричитъ онъ, разорвавъ руками курицу и бросая кусокъ ея сосѣду.

— Пей! говоритъ онъ другому, пей, говорю, а не то вылью этотъ рогъ тебѣ на голову—и дѣйствительно выльетъ, не смотря на то, что рогъ этотъ вмѣщаетъ въ себѣ иногда полтунги, и нѣтъ никакой возможности его выпить.

Впрочемъ, кто не въ силахъ выпить поднесеннаго ему вина, обязанъ, по обычаю, вылить остальное черезъ голову. Неисполнившій же этого подвергается штрафу, обязывающему докончить недопитое и выпить еще столько же, хотя бы провинившійся оплошалъ и, клонясь къ землѣ, пришелъ «въ положеніе надутыхъ бурдюковъ».

— Покойся милый другъ! говоритъ такому толубашъ, смерть есть начало безсмертія.

Вообще, во время кутежа, грузины стараются угодить другъ другу и подѣлиться, если не со всѣми, то съ сосѣдомъ, каждымъ лакомымъ кусочкомъ.

— Если только травой можно спастись, то эшаки (ослы) первые вбѣгутъ въ рай, говоритъ толубашъ, когда замѣтитъ, что кто-нибудь изъ гостей ѣстъ только одну зелень.

У толубаша отняли въ шутку нѣсколько бутылокъ съ виномъ. Онъ вспоминаетъ, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Кахетіи, женщины, у которыхъ находится въ плѣну кто либо изъ родственниковъ, носятъ платья на изнанку, пока не выкупятъ или не освободятъ изъ плѣна,—онъ вспоминаетъ это и примѣняетъ тотъ обычай къ своей личности.

— Вижу, что войска въ вашихъ рукахъ, говоритъ толубашъ, качая головою и хладнокровно выворачивая чёху на изнанку. Но кто въ нынѣшнія кичливыя времена поручится, что въ рядахъ его стоятъ воины (т. е. бутылки), въ сердцахъ которыхъ не остыла приверженность ко мнѣ, ревностному сподвижнику своему. Они выжидаютъ перваго благопріятнаго случая, перваго усыпленія или оплошности непріятеля, чтобы выступить своею кровью за обиду моей славы.

— Ты хорошій ораторъ, замѣтилъ ему кто-то.

— Я учился риторикѣ, отвѣчаетъ онъ, изъ руководства къ винодѣлію и поощренію этой промышленности.

Выручивъ изъ плѣна бутылки, толубашъ выпиваетъ вино и перевертываетъ чёху на лицо.

— Пейте лѣтомъ больше, чѣмъ зимой, совѣтуетъ онъ присутствующимъ, для того, чтобы внутренній жаръ ровнялся внѣшнему; тогда только человѣкъ можетъ избѣжать болѣзней, свирѣпствующихъ здѣсь обыкновенно въ жаркую погоду.

Слова толубаша не дѣйствуютъ, гости пьютъ мало, — онъ начинаетъ сердиться.

— Господа, кричитъ онъ, вы обижаете хозяина! Плюйте ему въ кувшины, если не нравится вамъ его вино. Вы выходите изъ повиновенія. Если вы избрали меня въ толубаши, то предоставьте пользоваться моими законными правами или умертвите меня какъ измѣнника — вотъ вамъ кинжалъ!

Обнаживъ кинжалъ, онъ подаетъ его гостямъ.

— Солнце равно свѣтитъ, продолжаетъ онъ, и на умныхъ и на дураковъ, поэтому и мы должны равно пить. Стыдитесь, господа! не кровь, а молоко течетъ въ вашихъ жилахъ. Пусть скажетъ каждый: робѣлъ ли кто при видѣ непріятеля? Или вы кувшины съ виномъ приняли за вражье войско? Пейте, господа, спасайте божій даръ отъ порчи. Не для того вино дано чело-

вѣку, чтобы обращать его въ уксусъ... Я знаю ваше доброе сердце; вамъ трудно будетъ отказать моей убѣдительной просьбѣ...

И гости пьютъ за здоровье другъ друга.

— Алла-верды (Богъ далъ), говоритъ грузинъ сосѣду, поднося къ губамъ азарпешу.

— Яхши-іолъ (добрый путь — на здоровье), отвѣчаетъ тотъ, дѣлая тоже самое.

Компанію обносятъ сначала азарпешей, кулой, стаканами, а потомъ пускаютъ въ ходъ и турьи рога [1]. Продолжителенъ кутежъ веселой компаніи, и только храпѣніе и пьяный бредъ, по временамъ, нарушаютъ общее веселье....

Изъ дома невѣсты пирующіе отправляются въ домъ жениха. Молодая ѣдетъ верхомъ на осѣдланной новымъ чепракомъ лошади или на убранной и устланной коврами *арбѣ* [2]. Сопровождающіе ихъ гости всю дорогу поютъ пѣсни. Если на пути придется обогнать другой такой же поѣздъ, то надо объѣхать его непремѣнно справа, иначе, по народному предразсудку, не избѣжишь бѣды. Очень естественно, что желаніе каждаго не подвергаться бѣдѣ, ведетъ нерѣдко къ соперничеству и спорамъ. Народная находчивость и тутъ даетъ средство уладить дѣло. «Оба жениха спѣшиваются, садятся за импровизованную закуску, пьютъ за здоровье другъ друга и разстаются пріятелями».

Въ домѣ жениха свекровь встрѣчаетъ молодую также съ сахаромъ.

Въ сопровожденіи шафера, невѣста входитъ въ *дарбази* — главную комнату. Ее обводятъ кругомъ очага. Присутствующіе обнажаютъ оружіе, бьютъ крестообразно по столбамъ, поддерживающимъ потолокъ, и по цѣпи, на которой привѣшенъ котелъ для варенія пищи. На колѣни невѣсты сажаютъ мальчика, — чтобы она подарила мужа наслѣдникомъ. Въ присутствіи молодыхъ поднимается снова кутежъ до глубокой ночи....

Молодые встаютъ и хотятъ снять вѣнцы до другого дня, но служанка не позволяетъ этого сдѣлать — она требуетъ платы. Расплатившись съ нею молодые входятъ въ спальню въ сопровожденіи родныхъ. Поперегъ кровати лежитъ постельничая и, никого не пуская, требуетъ также платы. Удовлетворивъ и ея требованія, молодой мужъ сажаетъ на постель жену, снимаетъ съ правой ноги ея башмакъ и растегиваетъ крючки на правой

---

[1] «Письма изъ Кахетіи», кн. Р. Эристова. Кавк. 1846 г. № 25.—«Грузинскіе очерки и типы», Кавк. 1847 г. № 16 и 17.—«Грузія и грузины», Бокрадзе. Кавк. 1851 г. № 31.

[2] Арба — туземный экипажъ, нѣчто въ родѣ розвальней на двухъ огромныхъ колесахъ, вѣчно скрипучихъ.

рукѣ. Присутствующіе оставляютъ комнату, пожелавъ молодымъ покойной ночи.

Оставшись вдвоемъ, молодая супруга кажется недовольною и отворачивается. Она ждетъ *хмисъ-гасацемы* — подарка за разговоръ и, получивъ отъ мужа какую нибудь вещь, дѣлается ласковою и разговорчивою. Если «на другой день подадутъ *полустаки* — сласти, приготовленныя изъ меду, масла и муки — это значитъ, что молодые... условились жить мирно, въ согласіи и любви, «и довольны другъ другомъ».

Когда участники недовольны сватьбой и угощеніемъ, то, не скрывая своего неудовольствія, высказываютъ его жениху при прощаніи.

— Женихъ! говорятъ они, твой вѣнецъ благословенъ, но поясы наши затянуты туго, потому что брюхи пусты....

Три дня продолжается пиръ послѣ сватьбы. На третій день, при собраніи гостей, шаферъ подходитъ къ молодой, бывшей все время подъ покрываломъ, и концомъ сабли приподнимаетъ его. Присутствующіе при этомъ гости подносятъ *пирисъ-саханави* — подарокъ за смотръ лица. Каждый обязанъ сдѣлать подарокъ по своему состоянію: азарпешу, серебрянную вещь, нѣсколько червонцевъ или другую какую нибудь цѣнную вещь.

— Дай Богъ здоровья такому-то, онъ даритъ новобрачнымъ столько-то дымовъ крестьянъ, провозглашаетъ меджваре о каждомъ, принимая вещь отъ дарящаго.

Спустя нѣсколько времени послѣ сватьбы, наканунѣ какого-нибудь большого праздника, отецъ молодой, или братъ или родственникъ, привозитъ ей *мосакитхи* — гостинецъ, состоящій изъ коровы, барана, пары куръ, гусей и сдобнаго хлѣба *(назуки)*; люди бѣдные обходятся и безъ коровы.

Празднованіе сватьбы окончено. Казалось бы, молодымъ предстоитъ впереди веселый медовый мѣсяцъ и пріятная жизнь. Въ дѣйствительности такое заключеніе оказывается не совсѣмъ вѣрнымъ. По народному обычаю, выйдя за-мужъ и вступивъ въ новую, чуждую для нея семью, молодая женщина не имѣетъ права говорить съ отцомъ, матерью и братьями своего мужа до тѣхъ поръ, пока у нее не будетъ дѣтей. Если промежутокъ этотъ будетъ продолжителенъ, то бѣдная женщина вынесетъ не одну укоризну отъ *дедамтили* (свекрови) — названія, съ которымъ въ Грузіи, какъ и вообще въ большей части странъ, соединяется понятіе о сердитой, строптивой старушенкѣ, подъ пытливымъ надзоромъ которой изнываетъ не одно молодое существо.

Безплодная женщина не только не пользуется уваженіемъ своего мужа и его семейства, но, въ кругу простого народа, под-

вергается многимъ и важнымъ стѣсненіямъ. Пытка эта продолжается иногда нѣсколько лѣтъ, и во все это время мужъ отвѣчаетъ за свою жену, которая объясняется пантомимами. Неудивительно послѣ того, что всѣ грузинки такъ пламенно желаютъ имѣть дѣтей и употребляютъ къ тому всѣ средства, какія только создало народное суевѣріе. Безплодная женщина на востокѣ считается неблагословенною Богомъ. Она молитъ Творца о прощеніи ей грѣховъ, даетъ обѣты и спѣшитъ въ монастырь св. Давыда, гдѣ есть ручей, имѣющій, по преданію, силу оплодотворять безплодныхъ женщинъ. Монастырь этотъ находится подлѣ самаго Тифлиса.

Во всю западную сторону города тянется отвѣсная гора, называемая туземцами Мта-цминда (святая гора). На самой вершинѣ горы стоитъ монастырь св. Давыда, высоко виднѣясь надъ цѣлымъ городомъ и его окрестностями.

Преданіе разсказываетъ, что св. Давыдъ, одинъ изъ 13-ти сирійскихъ отцовъ, нѣкогда подвизался на горѣ Мта-цминдской. То же преданіе гласитъ, что молодая дѣвушка, дочь одного знатнаго человѣка, жившаго неподалеку горы, сдѣлалась беременною и, по наущенію виновника своего проступка, оклеветала отшельника въ томъ, что онъ виновникъ ея беременности.

Св. Давыда потребовали къ суду. Онъ всенародно обличилъ клеветницу. Дотронувшись до ея чрева посохомъ, святой спросилъ, онъ ли отецъ зачатаго ребенка? Изъ утробы матери послышался голосъ, назвавшій имя обольстителя дѣвушки. Несчастная внезапно почувствовала тяжкія мученія и по молитвамъ святого, родила вмѣсто ребенка, — камень. Камень этотъ послужилъ въ послѣдствіи основаніемъ квашветской церкви, получившей отъ него и свое названіе (ква — камень, шва — родила). Въ награду за взведенную на него клевету, угодникъ испросилъ у Господа открытія на горѣ источника живой воды, которая бы имѣла силу оплодотворять безплодныхъ женщинъ. На заднемъ углу, близъ монастыря, гдѣ гора снова поднимается отвѣсною скалою, выходитъ изъ нея источникъ чистой ключевой воды, и «неумолкаемою струею падаетъ въ устроенный въ землѣ бассейнъ».

Сверхъ обыкновеннаго четверга, — дня, еженедѣльно посвящаемаго св. Давыду, — въ семикъ, т. е. въ четвергъ на седьмой недѣлѣ послѣ пасхи, бываетъ въ монастырѣ особенно большое стеченіе народа. Толпы туземцевъ отовсюду спѣшатъ въ монастырь.

Приложившись къ иконѣ, каждая грузинка обходитъ три раза церковь, обвивая ее кругомъ бумажною ниткою. Смыслъ этого

обряда нѣкоторые объясняютъ тѣмъ, что у грузинъ обходить кругомъ кого нибудь, значитъ выражать тому безграничную преданность и любовь. Лаская нѣжно любимаго ребенка грузинка говоритъ ему: «обойду кругомъ твою голову» *(тавъ шемогевлеби)*.

Сѣверная стѣна храма, куда спѣшатъ женщины послѣ усердной молитвы, вся усѣяна мелкими камушками, довольно крѣпко приставшими къ ней. Почти каждая грузинка — одна явно, другая украдкою, съ сильно бьющимся сердцемъ — прикладываетъ къ стѣнѣ небольшіе голыши, въ значительномъ количествѣ разсыпанные на землѣ. Приставшій къ стѣнѣ камушекъ или слышанный во время молитвы въ горѣ шорохъ, означаетъ исполненіе желанія, угодность молитвы и особенно сулитъ: дѣвушкѣ — жениха, а замужней женщинѣ рожденіе ребенка.

Несчастныя матери, у которыхъ умираютъ дѣти, также прибѣгаютъ къ заступничеству святого: служатъ молебны и обѣщаютъ посвятить новорожденнаго святому на извѣстное число лѣтъ. Такіе посвященные называются: *бери*. Они носятъ бѣлую одежду и ходятъ съ длинными, неостриженными волосами.

По окончаніи срока посвященія, ребенка босаго ведутъ въ церковь. На церковной паперти священникъ обрѣзаетъ ему волосы и надѣваетъ цвѣтное платье. Служатъ молебенъ, послѣ котораго закалываютъ быка или барана и роздаютъ его нищимъ.

Съ такою же надеждою и благоговѣніемъ спѣшатъ грузины на праздникъ алавердскаго храма, который бываетъ 15-го сентября. Богомольцы собираются еще наканунѣ. У самыхъ дверей церкви лежитъ куча проволокъ, — свидѣтелей предразсудковъ грузинъ. Заболѣвшій надѣваетъ на себя проволоку,носитъ ее до облегченія отъ болѣзни, и затѣмъ отправляется, по обѣту, въ такую-то церковь, на храмовой праздникъ, гдѣ, скинувъ съ себя проволоку, кладетъ ее у дверей церкви и служитъ молебенъ. Многія женщины и здѣсь ходятъ на колѣняхъ вокругъ церкви и, обводя ее нитками, просятъ выздоровленія заболѣвшему ребенку или близкому родственнику....

Но мы еще возвратимся къ разсмотрѣнію суевѣрія грузинъ, ознакомившись предварительно съ ихъ городскимъ бытомъ.

Н. Дубровинъ.

ПОСЛѢДНЯЯ СУДЬБА
ПАПСКОЙ ПОЛИТИКИ
ВЪ РОССІИ.

(1845 — 1867 гг.)

IX *).

Враждебныя Россіи польскія партіи.—Ихъ отношеніе къ духовенству.—Воспитаніе въ видахъ участія въ приготовляемомъ возстаніи.—Съѣзды латинскаго духовенства въ 1862 г. — Значеніе подлясской епархіи.

Тяжело вспоминать тѣ явленія, которыми сопровождалось послѣднее польское возстаніе, руководимое такъ называемою *народовою справою* и кровавыми исполнителями ея своекорыстныхъ предпріятій. Но, ограничиваясь предѣлами занимающихъ насъ вопросовъ, мы можемъ не останавливаться на нихъ, и, указавъ только въ общихъ чертахъ главныя свойства мятежа, сосредоточиться на опредѣленіи участія, какое принимало въ немъ польское духовенство латинской церкви.

Приготовленія къ мятежу начались издавна. Съ одной стороны, раздѣлъ областей прежней Рѣчи-Посполитой между тремя государствами представлялъ всѣ удобства къ составленію заговоровъ, съ другой—польская эмиграція, которой покровительствовали нѣкоторыя изъ европейскихъ державъ, сосредоточенная по

---

*) См. выше, т. I, стр. 23—119, и 522—590.

преимуществу въ Парижѣ, представляла источникъ, изъ котораго разливалась и проповѣдь о возстановленіи Польши въ предѣлахъ 1772 года, и приготовленія къ возстанію. Но все это совершалось въ предѣлахъ одного шляхетскаго сословія, раздѣлявшагося на двѣ главныя партіи: аристократическую и демократическую, представителей прежнихъ пановъ и мелкой шляхты. У обѣихъ партій цѣли были одни и тѣже, но онѣ различались въ воззрѣніяхъ на способъ дѣйствія и на будущее устройство независимой Польши; въ глазахъ однихъ носился образъ прежней Рѣчи-Посполитой съ необузданнымъ своеволіемъ пановъ; въ глазахъ другихъ—фантомъ соціальной и коммунистической республики, созданной демагогами всѣхъ странъ и народовъ, съ которыми въ постоянныхъ связяхъ находились польскіе эмигранты. Предположенія, созрѣвшія въ шляхетскихъ головахъ, могли имѣть вліяніе только на это сословіе въ царствѣ польскомъ и въ тѣхъ губерніяхъ имперіи, которыя входили, въ прежнее время, въ составъ польскаго королевства. Но между этимъ сословіемъ и народомъ многовѣковая исторія прорыла цѣлую бездну. Въ западныхъ губерніяхъ имперіи, народъ чисто русскій по происхожденію, въ огромномъ большинствѣ исповѣдовавшій восточное православіе, не имѣлъ ничего общаго съ панами и шляхтою, поляками и римскими католиками, и ненавидѣлъ ихъ за угнетенія и религіозныя гоненія. Повидимому, мирныя отношенія между этими сословіями поддерживались, съ одной стороны, существовавшимъ въ то время крѣпостнымъ правомъ, а съ другой—русскою администраціею, къ помощи которой, чтобы держать въ покоѣ угнетаемый ими народъ, постоянно прибѣгали поляки и постоянно ее обманывали. Эти отношенія должны были сильно поколебаться съ уничтоженіемъ крѣпостного права и обезпеченіемъ самостоятельности крестьянъ поземельною собственностью.

Но законоположенія 19-го февраля 1861 года должны были оказать вліяніе и на царство польское. Хотя единство племени и вѣроисповѣданія, несуществованіе крѣпостного права, должны бы поставить его въ отношенія мирныя и дружелюбныя съ высшимъ сословіемъ; но на дѣлѣ этого не было. Угнетая и презирая крестьянъ, упорно не давая ходу ни одной изъ мѣръ правительства, клонившихся къ улучшенію ихъ быта, шляхетское сословіе и въ царствѣ польскомъ было ненавидимо крестьянами, которые постоянно сочувствовали нашему правительству и въ немъ одномъ видѣли спасеніе и защиту отъ произвола и угнетенія пановъ.

Такое положеніе дѣлъ было извѣстно коноводамъ возстанія,

и противъ него они принимали всѣ мѣры. Они хорошо понимали, что ни русскій, ни польскій народъ не будетъ за нихъ. Но какія же представлялись средства привлечь его на свою сторону? Требованія демократической партіи о надѣлѣ крестьянъ землею встрѣчали необоримый отпоръ въ своекорыстіи пановъ, которыхъ поддерживала аристократическая партія. Проповѣдь возстанія посредствомъ сочиненій и эмиссаровъ эмиграціи, небезопасная сама по себѣ, могла ограничиваться только шляхтою и панами. Распространить эту проповѣдь въ народныя массы, оградить ее по возможности отъ вниманія нашего правительства и даже защитить отъ вмѣшательства съ его стороны, представлялось только одно средство: дѣйствовать чрезъ духовенство! Только это сословіе представляло орудіе дѣйствительное, сильное для того, чтобы питать несбыточныя надежды на успѣхъ въ коноводахъ польской справы.

Составленное по преимуществу изъ польской шляхты и пановъ, оно представляло среду, весьма способную для того, чтобы превратиться въ главнаго дѣятеля въ мятежѣ. Общій характеръ латинскаго духовенства не только не могъ служить препятствіемъ къ такому направленію его дѣятельности, но, напротивъ, способствовалъ. Занятое постоянно вмѣшательствомъ въ свѣтскія дѣла, латинское духовенство вездѣ и повсюду представляетъ не собственно христіанскихъ служителей алтаря, но политическую партію, тѣмъ болѣе сильную и опасную, что религіею она прикрываетъ свою дѣятельность, направленную къ политическимъ цѣлямъ, и опирается на защиту чуждой государству власти римскаго первосвященника, котораго считаетъ своимъ государемъ, а себя—его вѣрноподданными. Это безбрачное духовенство повсюду оказываетъ сильное вліяніе на женщинъ и чрезъ нихъ врываясь въ семью, увлекаетъ за собою всѣхъ ея членовъ.

Такое значеніе имѣло латинское духовенство особенно въ Польшѣ; это понимала эмиграція, и обѣ ея партіи совершенно сходились между собою во взглядѣ на то, какую важную услугу оно можетъ оказать мятежу, если приметъ въ немъ непосредственное участіе. *Красные* уговаривали молодыхъ людей изъ своей среды поступать въ ксендзы, не смотря на отсутствіе въ нихъ всякихъ христіанскихъ вѣрованій; *бѣлые* опутывали своими сѣтями римскій дворъ, и всѣ вмѣстѣ возбуждали общественное мнѣніе Европы противъ Россіи. Изъ дома князя Чарторысскаго препровождались папѣ и денежныя пособія, въ которыхъ онъ также нуждался, въ видѣ лепты св. Петра со стороны Польши, и вмѣстѣ съ тѣмъ всевозможныя извѣстія о мнимыхъ гоненіяхъ,

которыя претерпѣваетъ латинская церковь въ имперіи и царствѣ, и клеветы на русское правительство.

Сѣмена мятежа, усердно разсѣеваемыя польскими возмутителями, упадали въ этомъ случаѣ на плодоносную почву: латинское духовенство вошло въ ихъ виды, начиная съ главы и до послѣдняго плебана. Духовно-учебныя заведенія, какъ академія и семинаріи, на которыя правительство не щадило издержекъ, желая поднять просвѣщеніе латинскаго духовенства, сдѣлались школами для приготовленія будущихъ руководителей возстанія. Въ Петербургѣ даже, въ духовной римско-католической академіи, еще въ 1858 г., ксендзъ Феллинскій, въ послѣдствіи архіепископъ варшавскій, въ тайныхъ бесѣдахъ съ своими учениками, будущими служителями церкви, выражалъ слѣдующія правила: «Власть духовная совершенно различна отъ свѣтской, ибо эта послѣдняя установлена только для поддержанія порядка, и мы обязаны ее почитать, какъ отъ Бога установленную, хотя бы она и была зла; но повиноваться ей должны только въ томъ случаѣ, когда ея распоряженія не противорѣчатъ *церковному праву*. Между тѣмъ, съ властью духовною соединена *благодать*; отъ папы, какъ отъ главы церкви, изливается благодать и на всѣхъ членовъ церкви». Но понятіе о церковномъ правѣ, по ученію ультрамонтановъ и іезуитовъ, сводится исключительно къ предписаніямъ папы, и потому повиновеніе свѣтской власти они допускаютъ только въ той мѣрѣ, въ какой сама она повинуется повелѣніямъ Рима. «Обращая вниманіе на современное положеніе церкви, замѣчаетъ Феллинскій, съ утѣшеніемъ видимъ, что все наше наличное духовенство болѣе, чѣмъ когда либо, заявляетъ преданности и привязанности къ апостольскому престолу. Само французское духовенство уже добровольно отреклось отъ галликанизма, въ Австріи заключенъ конкордатъ въ томъ смыслѣ, чтобъ духовенство имѣло непосредственныя сношенія съ Римомъ. Добрый это признакъ и доброе дѣло, потому что не могутъ члены быть отдѣлены отъ главы. Мы по опыту видимъ, какія происходили и происходятъ невыгоды, пока духовенство *зависитъ отъ правительства*, безъ котораго оно не могло ни епископа избрать, ни что̀ либо подобное совершить. Отсюда же происходили и неоднократныя нарушенія церковнаго права: становой тамъ какой-нибудь погрозитъ доносомъ, духовный и молчитъ, будучи какъ бы оторванъ отъ престола, который одинъ можетъ защитить его. Дѣйствительно, нынѣ духовенство за границею поняло, что совершенное *подданство* Риму, не только не составляетъ для него какого либо ярма, напротивъ, служитъ крѣпкою защитою. Поэтому оно старается, сколько

возможно, освободиться изъ подъ свѣтской власти, хотя еще не вполнѣ умѣетъ дѣйствовать (т. е. нигдѣ еще не рѣшалось возставать противъ него съ оружіемъ въ рукахъ); давнишняя привычка сдѣлала его боязливымъ и неувѣреннымъ въ себѣ. Повторяю: эта перемѣна мнѣній обнаруживается вездѣ, быть можетъ со временемъ очередь дойдетъ и до насъ».

Дѣйствительно, ультрамонтанское направленіе, послѣ французской революціи, сдѣлало огромные успѣхи: все высшее духовенство въ латинской, по исповѣданію, Европѣ отреклось отъ основныхъ началъ церковнаго устройства, отъ самостоятельнаго значенія епископской власти и соборнаго управленія, и превратилось изъ служителей алтаря въ вѣрноподданныхъ папы въ государственномъ смыслѣ. Такое значеніе духовенства, конечно, ставило его въ особенныя исключительныя отношенія къ мѣстной верховной власти и вообще къ правительству.

«Свѣтская власть можетъ быть двоякая, говоритъ Феллинскій; надо различать власть законную, которую любимъ, которая происходитъ отъ собственныхъ королей, и власть наброшенную, подъ которой мы находимся теперь». Отъ этой послѣдней власти, конечно, позволительно желаніе избавиться; но заговоровъ и возстаній еще прямо не проповѣдуетъ духовный наставникъ; онъ ждетъ избавленія отъ *воли Божіей*, но понятіе объ этой волѣ онъ выражаетъ въ надеждѣ на чуждую помощь. «Какъ нѣкогда опомнившихся іудеевъ спасалъ Богъ, такъ и съ нами кающимися можетъ сдѣлать; какъ имъ послалъ Кира, такъ и намъ можетъ даровать избавителя и помощника во время, когда мы и не ожидаемъ. Вѣдь когда французы перешли за Рейнъ, или были подъ Севастополемъ, развѣ не показалъ Богъ очевидно возможность нашего избавленія. Пусть бы французы только заняли эти области, и пусть бы только пало въ нихъ русское правительство, тогда бы всѣ поднялись; но такъ какъ мы не были этого достойны, то Богъ только показалъ, что можетъ насъ избавить и затѣмъ отнялъ свою руку»? Пропаганду католицизма считаетъ Феллинскій отличительною чертою исторіи Польши. «Пока она сохраняла чистоту вѣры и нравовъ, до тѣхъ поръ и была могущественною. Должно еще замѣтить, что она всегда отличалась шляхетностію и просвѣщеніемъ, воевала не для добычи и завоеваній, но единственно для распространенія католической вѣры, что возрасла не корыстію, но въ слѣдствіе добровольнаго подчиненія и сліянія съ другими. Напримѣръ, Литва братски породнилась, отнюдь не войною, но чрезъ принятіе католической вѣры; такъ и съ Русью Польша воевала для распространенія католической вѣры и для защиты уніатовъ; тоже

и казакамъ Баторій далъ особенныя права и большія льготы, которыя не отнимались у нихъ никогда, а Польша хотѣла привить къ нимъ католицизмъ. Итакъ, мы видимъ, что Польша никогда не руководствовалась корыстью, но имѣла въ виду чистую цѣль введенія и распространенія католической вѣры». Но, какими средствами дѣйствовала она, чтобы достигнуть этой цѣли?—нашъ проповѣдникъ благоразумно о томъ умалчиваетъ. Впрочемъ, въ глазахъ латинскаго прелата такая *высокая* цѣль можетъ оправдать всѣ *низкія* средства насилія и обмана, о которыхъ такъ громко засвидѣтельствовала исторія гоненій православной церкви въ областяхъ бывшей Рѣчи-Посполитой. Въ виду той же цѣли — защиты латинской церкви, и ксендзъ Феллинскій дозволилъ себѣ искажать всѣмъ извѣстныя историческія явленія.

Считая русскую власть незаконною въ отношеніи къ Польшѣ, насильно ей навязанною, желая освободиться отъ нея и не пренебрегая никакими средствами для достиженія цѣли, какъ же могъ онъ проповѣдовать до нѣкоторой степени покорность этой власти? Двѣ причины заставляли ксендза Феллинскаго неясно выражаться въ этомъ случаѣ: съ одной стороны, папское посланіе, осуждавшее польское возстаніе 1831 г. и предписывавшее духовенству покорность власти; съ другой, въ рукахъ русскаго правительства была сила. Поощряя возстаніе и подготовляя его подъ вліяніемъ эмиграціи, необходимо было, однако, не прямо противорѣчить Риму, но постепенно вовлечь его въ свои виды; а въ тоже время обезсилить русское правительство, передавъ все управленіе въ руки поляковъ. Но тайная мысль однакоже выразилась съ достаточною ясностью въ совѣтахъ наставника петербургской академіи, которые онъ предлагалъ для руководства будущимъ служителямъ алтаря въ отношеніи къ исповѣди. «Что касается до заговоровъ и тѣмъ паче участія въ войнѣ, соединенной съ присягою, говоритъ онъ, то слѣдуетъ замѣтить, что *ни дозволять этого нельзя*, ни также *запрещать совершенно*, на исповѣди. Но мы должны напомнить и предостеречь кающагося, чтобы не участвовалъ. Если же замѣчаемъ, что въ его дѣйствія не входитъ никакого личнаго разсчета, что онъ дѣлаетъ это для общаго, по его мнѣнію, блага; то совершенно ему отказывать въ разрѣшеніи не можемъ, да и не обязаны» [1]).

Нужно ли объяснять приведенныя слова изъ бесѣдъ Феллинскаго? Въ нихъ слышится голосъ, направленіе и мнѣнія давно знакомыя всѣмъ, кому извѣстны ученія папъ, іезуитовъ

[1]) «Дружескіе совѣты и бесѣды» Феллинскаго. Вѣстникъ Западной Россіи 1866 г.

и ихъ послѣдователей ультрамонтановъ. Они ясны, впрочемъ, и сами по себѣ и весьма скоро объяснили себя на самомъ дѣлѣ. Пропитанное такими ученіями духовенство сдѣлалось самымъ ревностнымъ проповѣдникомъ мятежа и горячимъ участникомъ во всѣхъ его преступныхъ дѣйствіяхъ. Но къ ультрамонтанскому направленію, во взглядѣ на значеніе Польши между другими народами, присоединилось и другое, — фантастическое ученіе, выработанное нѣкоторыми изъ эмигрантовъ, послѣдователями Товинскаго и Мицкевича объ историческомъ и религіозномъ призваніи Польши въ судьбахъ европейскихъ государствъ. Оно доведено было до послѣдней степени богохульства въ такъ называемой польской революціонной обѣднѣ, въ которой Польша уподобляется I. Христу, а ея историческія судьбы — страстямъ Христовымъ. «Какъ Христосъ пострадалъ за весь міръ, воспѣвается въ молитвахъ этой обѣдни, такъ и Польша совершаетъ свой крестный путь; нечестивые народы, отъ которыхъ отступила благодать Божія, ее разчетвертовали, она распята на крестѣ, положена во гробъ, но наступаетъ третій день послѣ погребенія, она скоро воскреснетъ для спасенія всѣхъ народовъ, какъ единая, избранная ихъ руководительница на историческомъ пути къ обѣтованной Спасителемъ цѣли, когда побѣжденное и униженное зло потухнетъ на землѣ окончательно, любовь же соединитъ всѣ народы въ одно стадо, подъ однимъ пастыремъ, *видимымъ главою церкви*. I. Христосъ — единый сынъ Божій, а Польша — единая дщерь божья, хранительница божественной истины, всемірная очистительная жертва» и т. д. [1]). Дѣйствительно ли была утверждена эта месса польскою католическою церковью, какъ значится въ рукописи, найденной кіевскою слѣдственною коммиссіею, мы не хотимъ говорить утвердительно; но это возможно, если припомнимъ едва минувшія дѣйствія польскаго духовенства. Въ церквахъ говорились возмутительныя проповѣди и пѣлись революціонныя пѣсни, духовныя процессіи превратились въ революціонныя демонстраціи, монастыри были главными притонами шаекъ мятежниковъ и складовъ оружія, духовные не только благословляли возстаніе, приводили къ присягѣ подземному правительству; но сами становились въ ряды мятежниковъ и отличались звѣрскимъ неистовствомъ. «*Большая часть*—говоря словами князя Горчакова, основанными на многочисленныхъ и всѣмъ извѣстныхъ фактахъ — римско-католиче-

---

[1]) Священная месса польскаго народа или молитвы въ нынѣшнихъ крайнихъ нуждахъ ойчизны для чтенія во время священной мессы, изъ ея текста составленныя и утвержденныя польскою католическою церковью. Вѣстникъ Запад. Россіи 1866 г.

скаго духовенства въ царствѣ Польскомъ пошла по такому пути, что нарушила обязанности, лежащія на священнослужителяхъ и нанесла ущербъ матеріальнымъ и религіознымъ интересамъ ввѣренной попеченію ея паствы. Пользуясь вліяніемъ на низшіе классы народонаселенія и въ особенности на женщинъ, прибѣгая къ исповѣди, какъ могущественному орудію, для упроченія этого вліянія, духовенство содѣйствовало революціонной организаціи. Религіозный фанатизмъ, привычка вмѣшиваться непрерывно и безъ зазрѣнія совѣсти въ дѣла мірянъ, упадокъ нравственности какъ бѣлаго, такъ и чернаго духовенства, повели *къ чудовищному союзу* между церковью и революціею». Воспитаніе, полученное латинскими духовными лицами, на которое мы указали, конечно, могло подготовить многихъ двигателей и пособниковъ мятежа изъ этого сословія. Не одни однакоже только отдѣльныя личности вступали въ этотъ *чудовищный союзъ*, но все латинское духовенство въ полномъ его составѣ; исключенія составляли только отдѣльныя личности, и то весьма немногія и притомъ постоянно хранившія молчаніе. Монашескіе ордена прежде всѣхъ примкнули къ мятежной организаціи, когда бѣлое духовенство еще колебалось, стать ли на сторону бѣлыхъ или красныхъ. Съ цѣлію достигнуть общаго соглашенія въ томъ, какое участіе должно принять духовенство въ возстаніи, назначались съѣзды. Изъ многихъ такихъ съѣздовъ особенно замѣчателенъ, по своимъ постановленіямъ, многочисленный съѣздъ подлясскаго духовенства 13 ноября 1862 г.

На этомъ съѣздѣ постановлено: «Подлясское духовенство, собравшись на общее засѣданіе и разсмотрѣвъ тѣ средства, которыми можно-бы помочь ойчизнѣ, выслушавъ мнѣніе всѣхъ присутствовавшихъ и обсудивъ подробно основныя начала и стремленія двухъ комитетовъ, шляхетскаго и центральнаго, и прочтя протоколы засѣданія сандомірскаго духовенства, постановило слѣдующее:

1. Оно принимаетъ программу центральнаго комитета во всей силѣ и цѣлости, исключая лишь то, что̀ могло-бы нарушить свободу и права римско-католической церкви.

2. Чтобы сохранить полное единство въ дѣйствіяхъ, оно подчиняется распоряженіямъ центральнаго комитета.

3. Во главѣ общаго движенія въ епархіи должно быть поставлено выборное духовное лице. Оно по всѣмъ предметамъ должно сноситься съ представителями власти центральнаго народнаго комитета въ воеводствѣ. Въ помощь этому лицу могутъ быть назначены, выбранные по большинству голосовъ, ксендзы, по одному изъ деканата.

4. Оно положило оказывать полное повиновеніе, какъ уже вышедшимъ, такъ и впредь имѣющимъ выходить, распоряженіямъ и предписаніямъ комитета, во сколько они окажутся согласными съ благомъ церкви.

5. Принятое такимъ образомъ рѣшеніе обязательно для духовныхъ лицъ всѣхъ степеней, которыя должны подчиняться ему съ полною рѣшимостію, безусловно и безстрашно.

6. Организованное такимъ образомъ духовенство обязано приносить всякаго рода пожертвованія, какія будутъ опредѣлены довѣреннымъ лицемъ комитета.

7. Духовенство обязано всегда, когда это можетъ потребоваться, принимать и приводить къ присягѣ всѣ лица, занимающіяся *работами* (т. е. кинжальщиковъ и жандармовъ-вѣшателей) по порученію центральнаго комитета.

8. Согласно этимъ правиламъ, каждое духовное лицо должно исполнить возложенныя ими на него обязанности подъ страхомъ отвѣтственности какъ предъ духовною, такъ и предъ свѣтскою властью.

«Устроенную такимъ образомъ организацію какъ въ общемъ ея видѣ, такъ и во всѣхъ частностяхъ, духовенство архіепископства варшавскаго и епископства холмскаго, въ лицѣ своихъ выборныхъ, присутствующихъ на сегодняшнемъ общемъ собраніи, торжественно признаетъ, а духовенство подлясское, съ своей стороны, призываетъ духовенства всѣхъ епархій какъ конгрессовки, такъ и иныхъ провинцій единой и нераздѣльной Польши къ тому, чтобы оно, не теряя минуты времени, поспѣшило организоваться, съ цѣлію немедленнаго приведенія въ исполненіе какъ основной программы, такъ и самыхъ рѣшеній центральнаго комитета.

«Мужъ довѣрія епископства подлясскаго приглашаетъ депутатовъ архіепископства и холмской епархіи, немедленно по возвращеніи своемъ въ свои епархіи, созвать подобные же съѣзды и о послѣдствіяхъ оныхъ увѣдомить какъ центральный комитетъ, такъ и его самого—довѣренное лице подлясскаго духовенства и членовъ шляхетскаго комитета».

Такимъ образомъ, подлясское духовенство, съ депутатами отъ другихъ епархій, какъ бы призванное на политическій сеймъ, является судьею и рѣшителемъ спора между двумя революціонными комитетами, шляхетскимъ и центральнымъ, представителями двухъ разъединенныхъ между собою революціонныхъ партій, такъ называемыхъ бѣлыхъ или аристократовъ, и красныхъ или демократовъ. Торжественному слову духовенства крайняя демократическая партія обязана была окончательною побѣдою надъ

такъ называемыми бѣлыми, и вступленіе духовенства въ мятежную организацію центральнаго комитета было знакомъ къ всеобщему вооруженному возстанію. Менѣе нежели чрезъ два мѣсяца послѣ съѣзда подлясскаго духовенства, повсюду вспыхнулъ мятежъ; и въ костелахъ читалась извѣстная проповѣдь ксендза Сикстуса, члена центральнаго комитета, объ изгнаніи русскихъ изъ Польши, въ которой объявлялось во всеобщее свѣдѣніе, что устроилось народное правительство, которому отнынѣ всѣ обязаны повиноваться [1]).

Подлясскому духовенству выпало на долю начать вооруженный мятежъ, своимъ съѣздомъ 13-го ноября 1862 г., и окончить, въ лицѣ одного изъ своихъ членовъ, буйнаго предводителя послѣдней мятежнической шайки, — ксендза Бржоско! Подлясское духовенство и не безъ причины стало во главѣ возстанія и увлекло за собою духовенство всѣхъ другихъ латинскихъ епархій.

До 1818 г., въ царствѣ польскомъ было только семь епархій; въ этомъ году, по представленію правительства, была учреждена осьмая, именно подлясская, буллою Пія VII. Какая нужда требовала учрежденія новой епархіи на восточной границѣ новосоставленнаго царства польскаго? Въ проектѣ новаго раздѣленія епархій, составленномъ въ 1817 г., упоминается только та причина, чтобы границы епархій совпадали съ границами воеводствъ. Но, очевидно, одно это обстоятельство не могло служить достаточнымъ поводомъ для новаго разграниченія епархій, на которое римскій дворъ вообще не охотно соглашается, когда предположенія о такомъ разграниченіи предлагаются свѣтскою властью. Въ обѣихъ епархіяхъ, подлясской и люблинской, число латинскихъ приходовъ было гораздо менѣе, нежели въ одной, напримѣръ, варшавской или краковской и куявской [2]), а пространства, весьма незначительныя и до того времени, не представляли затрудненій для дѣятельности одного епископа. Но подъ этою явно выраженною причиною скрывались другія — тайныя. Большая часть народонаселенія этой новой епархіи состояла изъ уніатовъ; въ самомъ Яновѣ, гдѣ была учреждена епископская каѳедра, весьма незначительное число жителей принадлежало къ латинскому исповѣданію, и притомъ этотъ городъ лежитъ не въ центрѣ новой епархіи, а почти на самыхъ ея границахъ съ Гродненскою губерніею. Очевидно, что учрежденная вновь каѳедра не была

---

[1]) Докладъ особ. коммиссіи, учрежден. въ Варшавѣ по дѣлу о римско-католическихъ монастыряхъ въ царствѣ Польскомъ, стр. 96—99.

[2]) И въ настоящее время въ подлясской и люблинской епархіи считается 239 приходовъ, а въ одной варшавской 281, калишской 337, плоцкой 235, келецкой 228.

простымъ епископствомъ, но, въ тоже время, и миссіею для совращенія въ латинство уніатовъ царства и православныхъ смежной съ нимъ губерніи имперіи. Въ виду этого обстоятельства, становится понятно, почему Римъ не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія посланному нашего правительства для переговоровъ съ нимъ по этому вопросу, Льву Потоцкому, и безъ возраженій утвердилъ учрежденіе новой епархіи.

Значеніе этой епархіи немедленно послѣ ея учрежденія обнаружилось на дѣлѣ; съ одной стороны, постепенно начало умножаться, ежегодно возрастая, число совращеній не только уніатовъ, но и православныхъ въ латинство; съ другой, правительство постоянно начало получать жалобы отъ уніатскаго и православнаго духовенства на насилія и обманы духовныхъ и особенно монаховъ подлясской епархіи. Самый выборъ лицъ на эту каѳедру служитъ лучшимъ доказательствомъ того, какое значеніе придавалъ ей римскій дворъ. Всѣ они отличались крайнимъ ультрамонтанскимъ направленіемъ и ожесточенною нетерпимостію къ другимъ исповѣданіямъ. Прикрываясь папскими предписаніями и каноническими постановленіями, они явно не признавали законовъ страны по отношенію къ устройству и управленію церкви и не исполняли предписаній правительства; совращеніе-же въ латинство, безъ разбора средствъ, считали своимъ призваніемъ. Мы уже указывали на образъ мыслей и дѣйствій епископа Гутковскаго; но и всѣ другіе дѣйствовали совершенно въ томъ-же духѣ, такъ-что, кажется, одинъ и тотъ-же епископъ Гутковскій, котораго ксендзъ Феллинскій выставлялъ своимъ ученикамъ за образецъ для подражанія, управлялъ этою епархіею, отъ ея основанія и до конца, по временамъ перемѣняя только имя и прозвища.

Воспитанное въ такихъ преданіяхъ подлясское духовенство, отличавшееся ненавистью ко всему русскому, весьма естественно, первое заключило союзъ съ революціею и увлекло за собою духовенство всѣхъ другихъ епархій. «Польское духовенство, говоритъ издатель документовъ по сношеніямъ съ Римомъ польскаго народоваго жонда, видя въ національномъ правительствѣ защитника святой вѣры и церкви, добровольно подчинилось его власти и прежде всего стремилось возобновить древнюю зависимость отъ св. престола [1])». Участіе въ мятежѣ отдѣльныхъ ду-

[1]) Insurrezione Polacca nel 1863 i 1864 ann.—Эта брошюрка издана въ Римѣ, слѣдовательно, съ вѣдома и согласія папскаго правительства, въ дополненіе, какъ сказано въ предисловіи къ ней, тѣхъ актовъ, которые обнародованы папскимъ правительствомъ. Въ ней, кромѣ предисловія и введенія (стр. 3—8), помѣщены семь актовъ революціон-

ховныхъ лицъ возможно было бы объяснять личными наклонностями, увлеченіемъ и вообще испорченною нравственностью духовенства. Но чѣмъ объяснить совокупное дѣйствіе всего духовенства? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ, конечно, не затруднялось общественное мнѣніе Россіи, давно знакомое съ отношеніями къ намъ римскаго двора; но теперь обнародованные документы, какъ въ запискѣ нашего канцлера, такъ и въ папскомъ сборникѣ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что польское духовенство дѣйствовало во время мятежа согласно съ видами римскаго двора.

X.

Сношенія Рима въ 1861—63 годахъ съ нашимъ правительствомъ и польскимъ народовымъ жондомъ.

Римскій дворъ, въ сношеніяхъ съ нашимъ правительствомъ послѣ 1830 года, постоянно выставлялъ, какъ особенную заслугу, вызывающую на благодарность ему и уступки со стороны Россіи его требованіямъ, то обстоятельство, что онъ не оказывалъ поддержки польскому возстанію и внушалъ латинскому духовенству повиновеніе законной власти. Въ объяснительной запискѣ, обнародованной въ 1842 году, при аллокуціи 22 іюля, римскій дворъ говоритъ: «Польша, сдѣлавшись жертвою преступнаго соблазна, была возмущена политическими событіями, всѣмъ извѣстными. Тогда святой отецъ, вселенскій учитель великой семьи католиковъ, обладатель и ревностный хранитель истиннаго ученія вѣры, въ виду котораго, между прочимъ, всегда было священнымъ то правило, что подданные обязаны сохраненіемъ вѣрности, подчиненія и покорности своему государю въ порядкѣ гражданскомъ, усмотрѣлъ необходимость и почувствовалъ долгъ напомнить и внушить это правило, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, польскому народу, опасаясь, чтобы страсти времени и обманчивыя внушенія тѣхъ, которые злоупотребляли религіею для ихъ преступныхъ видовъ, не исказили и не уничтожили его въ этомъ народѣ. Сверхъ того, онъ желалъ положить предѣлъ многочисленнымъ бѣдствіямъ, которыя, хотя и вытекаютъ изъ началъ противныхъ католической вѣрѣ, но могли обратиться во вредъ не только увлеченнымъ соблазномъ его духовнымъ дѣтямъ, но и самой этой вѣрѣ, и такъ уже угнетенной въ Польшѣ. Подвигнутый такими чувствами,

---

наго польскаго правительства по сношеніямъ съ Римомъ и обѣщано изданіе такихъ же актовъ по сношеніямъ съ Франціею.

его святѣйшество безъ замедленія отнесся къ епископамъ этой несчастной страны, заклиная ихъ поддерживать какъ въ духовенствѣ, такъ и въ народѣ, вѣрность, подчиненность и миръ, напоминая и тѣмъ и другимъ, какъ виновны передъ Богомъ и церковью тѣ, которые возстаютъ противъ законной власти. И такъ какъ можно было предполагать, что вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ голосъ верховнаго пастыря не достигъ до этой страны, святой отецъ, принявъ во вниманіе желаніе императора, сообщенное ему его посланникомъ, кн. Гагаринымъ, возобновилъ свои совѣты епископамъ царства, съ цѣлію содѣйствовать прочности только-что водвореннаго тамъ общественнаго порядка и особенно возвратить на путь долга тѣхъ изъ духовныхъ, которые съ него уклонились». Дѣйствительно, въ нотѣ, переданной кардиналу Бернетти нашимъ посланникомъ, 20 апрѣля 1832 года, извѣщая римскій дворъ объ усмиреніи польскаго мятежа и указывая на то, что духовенство принимало въ немъ дѣятельное участіе, даже съ оружіемъ въ рукахъ, наше правительство полагало, что водворенный въ царствѣ порядокъ можетъ быть прочень только въ томъ случаѣ, если—«духовенство раскается въ своихъ преступныхъ заблужденіяхъ и будетъ покоряться законамъ», и на этотъ путь можетъ направить его только власть папы. Съ этою цѣлію оно приглашало римскаго первосвященника—«возвысить свой голосъ» и внушить ему правила покорности законной власти. На этотъ призывъ папа отвѣчалъ посланіемъ къ польскимъ епископамъ, 9 іюня 1832 г., въ которомъ внушалъ имъ повиноваться верховной власти и тоже повторилъ въ окружномъ посланіи, 15 августа того же года. Въ 1845 году, въ запискѣ, переданной лично императору Николаю Павловичу въ Римѣ, Григорій XVI упоминаетъ объ этихъ документахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ, что римское правительство не приняло депутата, который былъ присланъ польскимъ революціоннымъ правительствомъ просить помощи папы, и даже—съ негодованіемъ выслало его изъ Рима. Нельзя не обратить вниманія, что этотъ именно поступокъ римскаго двора и эти посланія къ польскому духовенству Пій IX счелъ возможнымъ покрыть молчаніемъ въ своей многословной запискѣ, обнародованной въ обличеніе нашего правительства въ 1866 году!

Дѣйствительно, такъ поступалъ римскій дворъ въ 30-хъ годахъ; но послѣдовалъ ли Пій IX примѣру своего предшественника, и такъ ли дѣйствовало римское правительство во время послѣдняго польскаго возстанія, въ которомъ латинское духовенство принимало еще гораздо большее участіе?

«При первыхъ проявленіяхъ преступныхъ замысловъ, императорскій кабинетъ, сказано въ запискѣ нашего канцлера, приложенной къ нотѣ 7 января, увѣдомилъ о нихъ правительство святаго престола, призывая вмѣшательство верховной власти папы, чтобы она возвратила латинское духовенство къ мирному исполненію его священнаго призванія». Но это представленіе оставлено римскимъ дворомъ безъ отвѣта и безъ всякихъ послѣдствій. Такимъ образомъ, Пій IX поступилъ, въ этомъ случаѣ, совершенно противоположно тому, какъ поступилъ при подобныхъ же обстоятельствахъ его предшественникъ, и не могъ поступить иначе, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, какъ мы увидимъ далѣе.

Долго длилось долготерпѣніе нашего правительства, долго не принимало оно никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ противъ мятежныхъ безпорядковъ, повторявшихся ежедневно, и въ размѣрахъ, угрожавшихъ полнымъ возмущеніемъ. Съ мирными цѣлями еще назначенъ былъ намѣстникомъ графъ Ламбертъ; но прибывъ въ Варшаву и удостовѣрившись, наконецъ, въ грозящей опасности, онъ вынужденъ былъ объявить ее на военномъ положеніи, 14 октября 1861 года. Удаленный военнымъ положеніемъ съ улицъ и площадей, мятежъ нашелъ себѣ убѣжище въ костелахъ и монастыряхъ: духовенство гостепріимно отворило ему двери храма, на другой же день по объявленіи военнаго положенія. Цѣлый день, въ наполненныхъ толпами народа храмахъ, раздавались съ каѳедръ мятежныя проповѣди, и ихъ своды оглашались революціонными пѣснями. Такое напряженное состояніе дѣлъ естественно привело къ столкновенію между войсками, размѣщенными по городу для предупрежденія безпорядковъ, и толпами мятежниковъ. Воспользовавшись этимъ случаемъ, епархіальныя власти закрыли всѣ церкви въ Варшавѣ и предписали повсемѣстный трауръ. Съ этого времени и высшее духовенство открыто стало въ ряды мятежниковъ; но, чтобы прикрыть свои дѣйствія, оно представило гр. Ламберту свои требованія, изложенныя въ 16 статьяхъ. Указавъ, что римско-католическая вѣра такъ тѣсно связана съ жизнью польскаго народа, что на ней по преимуществу зиждется и общественное благоденствіе и частное спокойствіе, что прежніе короли оказывали ей всевозможное покровительство и попеченіе, и что въ настоящее время она находится въ положеніи угнетенномъ, духовенство просило намѣстника представить императору слѣдующія его требованія:

1) Чтобы возстановлено было прежнее значеніе римско-католической вѣры (pristinam auctoritatem).

2) Чтобы статьи, 193, 195, 196, 197, 198, 199, 200 и 201, уголовнаго уложенія, а равно и постановленія о смѣшанныхъ бракахъ были отмѣнены.

3) Также и распоряженія правительства, противныя началамъ католической церкви и Евангелію, чтобы не принимать на исповѣдь лицъ, неизвѣстно къ какому исповѣданію принадлежащихъ, чтобы отмѣнить декретъ намѣстника (1854 г.), ограничивающій свободу проповѣди и распоряженіе правительственной коммиссіи, чтобы епископы свои посланія и постановленія не обнародовали безъ предварительнаго ея согласія.

4) Чтобы коммиссія не вмѣшивалась въ дѣла духовныя, какъ процессіи, проповѣди, церковныя церемоніи и т. п.

5) Чтобы коммиссія устранена была отъ участія въ духовномъ судѣ.

6) Чтобы епископы могли составлять епархіальные соборы, праздновать юбилеи и посылать миссіи.

7) Чтобы на мѣста епископовъ капитулы избирали кандидатовъ.

8) Чтобы число учениковъ семинарій, духовныхъ и монаховъ не было ограничено.

9) Чтобы при академіяхъ были открыты бурсы для постороннихъ учениковъ.

10) Чтобы изъ доходовъ упраздненныхъ монастырей были основаны въ каждой епархіи домà для призрѣнія престарѣлыхъ духовныхъ съ жалованьемъ каждому.

11) Чтобы учрежденъ былъ домъ покаянія для духовныхъ въ Monte Calvo.

12) Чтобы безъ согласія духовенства, коммиссія не дѣлала назначеній изъ доходовъ упраздненныхъ монастырей, и вообще, чтобы они распредѣлялись согласно съ буллою Пія VII.

13) Чтобы епархіальныя консисторіи по дѣламъ духовнымъ могли свободно сноситься съ святымъ престоломъ.

14) Чтобы смягчены были правила объ исправленіи церквей и построеніи новыхъ.

15) Чтобы измѣнены были правила о фундушахъ; и —

16) Чтобы духовныя лица, подвергшіяся удаленію или заключенію, были возвращены къ своимъ мѣстамъ и впредь не были бы заключаемы или удаляемы безъ согласія духовныхъ властей [1]).

Вникая въ сущность этихъ требованій, нельзя не замѣтить, что въ это время все высшее духовенство царства польскаго

[1]) Esposiz. document. № LVI, стр. 175—77.

повторило въ нихъ то же самое, что нѣсколько лѣтъ прежде въ общихъ и дерзкихъ выраженіяхъ высказалъ епископъ Гутковскій о декретѣ 1817 года. Удовлетвореніе этимъ требованіямъ равнялось бы полной отмѣнѣ этого декрета, и тогда дѣйствительно духовенство латинское оказалось бы внѣ законовъ того государства, въ которомъ находится, и устранило бы всякое на него вліяніе правительства. Духовенство ясно выразило мысль, чтобы свѣтская власть не касалась духовныхъ лицъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они явно возстаютъ противъ нея. Правительство удаляло изъ царства или подвергало заключенію ихъ, не какъ духовныхъ, а какъ преступниковъ, явныхъ и обличенныхъ участниковъ мятежа. Могло ли оно полагаться въ этихъ случаяхъ па духовныя власти, которыя сами принадлежали къ мятежной организаціи и были главными двигателями возстанія?

Но этого мало; въ требованіяхъ польскаго духовенства заключались тѣже притязанія, которыя постоянно предъявлялъ Римъ при переговорахъ съ нашимъ правительствомъ. Очевидно, безъ полномочія со стороны римскаго двора, или не разсчитывая на его покровительство въ этомъ случаѣ, оно не рѣшилось бы на подобныя требованія. Примѣръ покровительства, оказаннаго Римомъ епископу Гутковскому, уже могъ указать, кто руководилъ и въ этомъ случаѣ дѣйствіями польскаго духовенства: посредствомъ возстанія римскій дворъ надѣялся вынудить у Россіи тѣ уступки, которыхъ не удалось ему достигнуть помощію дипломатическихъ переговоровъ. Неожиданный случай скоро обнаружилъ дѣйствительное участіе папской власти въ этомъ поступкѣ польскаго духовенства.

Отъ 6 іюня того же 1861 г., папа Пій IX тайными путями отправилъ варшавскому архіепископу Фіалковскому «бреве». Оно сдѣлалось извѣстнымъ только по смерти, скоро послѣдовавшей, этого архіепископа, когда нѣкоторыя изъ преданныхъ Риму газетъ обнародовали его въ числѣ другихъ документовъ. Но еще прежде, нежели огласился этотъ поступокъ римскаго двора,—сообщая нашему посланнику въ Римъ, доставленныя гр. Ламбертомъ свѣдѣнія о происшествіяхъ въ Варшавѣ и участіи, какое принимало въ нихъ духовенство, нашъ канцлеръ писалъ, 9 окт. 1861 г., что латинское духовенство упорно держится того же направленія, которое оно приняло съ самаго начала мятежа. «Если оно закрыло церкви въ Варшавѣ, считая ихъ поруганными, то я нахожу, что оно было совершенно право въ этомъ отношеніи: поруганіе началось съ того дня, когда человѣческія страсти проникли въ священныя ограды, и когда раздавшіяся тамъ революціонные гимны замѣнили христіанскія молитвы. Съ

этой точки зрѣнія, конечно, храмы поруганы, и, — если латинское духовенство, очистивъ дома молитвы, откроетъ ихъ съ твердою рѣшимостію не терпѣть въ нихъ ничего инаго, кромѣ того, что Господомъ заповѣдано совершать въ храмахъ, то оно исполнитъ только свой долгъ. Но не таковы, какъ кажется, мнѣнія польскаго духовенства: полагаютъ, напротивъ, что оно намѣревается приступить къ закрытію церквей во всемъ царствѣ польскомъ, намѣревается положить на всю страну, такъ сказать, церковное запрещеніе и, лишивъ вѣрующихъ возможности слушать слово Божіе, обратить ихъ на служеніе возбужденнымъ мірскимъ страстямъ». Такова, дѣйствительно, и была цѣль латинскаго духовенства. Смягченнымъ слогомъ дипломатической ноты была выражена, горькая для всякаго христіанина, истина, что латинское духовенство поругало самого себя и поругалось надъ своею все-таки христіанскою церковью, ставъ не только въ ряды мятежниковъ, но сдѣлавшись коноводомъ возстанія. Но достоинство имперіи побудило канцлера замѣтить нашему посланнику въ Римѣ, что онъ — «необязываетъ его въ настоящее время обратиться съ формальнымъ представленіемъ объ этомъ къ папѣ, не хочетъ повторять призыва, который однажды уже не былъ выслушанъ», но поручилъ сообщить эти свѣдѣнія кардиналу Антонелли, надѣясь, что онъ пойметъ и оцѣнитъ по достоинству дѣйствія латинскаго духовенства въ царствѣ польскомъ.

Кардиналъ Антонелли не замедлилъ отвѣчать нашему посланнику отъ лица папы. «Святой отецъ, говорилъ онъ, *конфиденціально* не одобрилъ поведенія польскаго духовенства»;—но когда посланникъ выразилъ мысль, чтобы это неодобреніе главы латинской церкви было *гласно* заявлено, тогда кардиналъ отвѣтилъ, что—«святому отцу тѣмъ труднѣе высказаться *открыто* по этому вопросу, что до него доходятъ постоянныя жалобы польскаго духовенства на затрудненія, которыя оно встрѣчаетъ въ исполненіи своихъ религіозныхъ обязанностей». Чтобы отвлечь вниманіе отъ тщательно скрываемыхъ своихъ дѣйствій, папскій дворъ возбудилъ, при этомъ случаѣ, переговоры о посылкѣ въ Варшаву своего уполномоченнаго.

Между тѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ обнародованное въ газетахъ посланіе Пія IX къ архіепископу Фіалковскому, 6 іюня 1861 г. «Римскій первосвященникъ — говоримъ словами нашего канцлера—выражалъ въ немъ сочувствіе къ желаніямъ польскаго народа, которыя называлъ законными, несмотря на то, что они выражались въ насильственныхъ и разрушительныхъ дѣйствіяхъ». Это посланіе заслуживаетъ особеннаго вниманія и, чтобы по-

нять все его значеніе, необходимо припомнить слѣдующее обстоятельство.

Аллокуція и посланіе къ польскому духовенству Григорія XVI, въ 1832 г., въ которыхъ онъ осуждалъ мятежъ и проповѣдовалъ покорность и повиновеніе законной власти, были чрезвычайно непріятны польской революціонной партіи, отвлекая духовенство отъ дѣятельнаго участія въ ея замыслахъ,—и самому духовенству, питавшему полное сочувствіе къ революціи. Они говорили, что дѣло революціи есть, въ тоже время, и дѣло латинской церкви, поэтому она должна благословлять его и оказывать ему свое содѣйствіе. Освобождая страну отъ русскаго владычества, они освобождаютъ, въ тоже время, и церковь отъ угнетеній, которымъ она будто-бы подвергается. Поэтому папа, въ виду сохраненія мирныхъ отношеній къ Россіи, осуждая возстаніе, жертвуетъ интересами латинской церкви въ Польшѣ. Не будемъ рѣшать затруднительнаго вопроса: могъ ли римскій дворъ приписывать важное значеніе подобнымъ упрекамъ польскихъ возмутителей, боялся-ли дѣйствительно утратить свое значеніе въ польскомъ народѣ, или желалъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, какъ средствомъ исторгнуть у русскаго правительства тѣ уступки, которыхъ не удалось ему получить путемъ переговоровъ? Не будемъ гадать о тайныхъ замыслахъ Рима, но вникнемъ въ самыя явленія. Папа Григорій XVI счелъ нужнымъ торжественно, въ аллокуціи 1842 г. іюля 22, опровергать то мнѣніе, какъ злонамѣренную клевету, пущенную въ ходъ врагами латинской церкви.

Въ обширномъ посланіи къ архіепископу варшавскому, о которомъ идетъ рѣчь, Пій IX развиваетъ туже мысль, защищается отъ этой *безсовѣстной клеветы* и поручаетъ епископамъ и ихъ суффраганамъ въ этомъ смыслѣ поучать свою паству. Съ этою цѣлію онъ разсказываетъ длинный рядъ требованій, которыя римскій дворъ предъявлялъ русскому правительству. Перечисляя эти требованія, онъ особенно упираетъ на тѣ, которыя внесены были въ отдѣльный протоколъ къ конкордату 1847 г. Объ исполненіи этихъ притязаній римскій дворъ особенно поручалъ настаивать, а равно и о назначеніи постояннаго нунція при нашемъ дворѣ, своему посланнику, отправленному имъ для поздравленія нынѣ царствующаго императора съ восшествіемъ на престолъ. Наконецъ, папа жалуется на то, что всѣ старанія, какъ его предшественника, такъ и его самого, остались тщетны.

Такимъ образомъ, изъявляя сочувствіе какъ польскому духовенству, такъ и страданіямъ страны, излагая всѣ требованія, съ которыми обращался къ русскому правительству, отказываясь

отъ открытаго заявленія противъ возмущенія и не упоминая въ этомъ посланіи о враждебныхъ дѣйствіяхъ духовенства противъ законной власти,—очевидно, на какую сторону становился папа, и какую программу для будущихъ требованій онъ указывалъ для польскаго духовенства.

Какъ содержаніе, такъ и самое изложеніе этого посланія, обнародованнаго теперь самимъ римскимъ дворомъ въ сборникѣ документовъ 1866 г. [1]), не представляло никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ могъ выдти только изъ папской канцеляріи. «Не было почти никакой возможности сомнѣваться въ его достовѣрности, тѣмъ не менѣе императорскій кабинетъ, говоритъ кн. Горчаковъ, протестовалъ противъ содержанія этого *бреве*, въ видѣ изъявленія сомнѣнія, и противъ незаконной передачи его непринятыми путями». Нельзя не обратить особеннаго вниманія на отвѣтъ кардинала Антонелли, когда нашъ посланникъ передалъ ему этотъ протестъ. «Святой отецъ, говорилъ онъ, вынужденъ былъ оправдываться противъ взводимыхъ на него обвиненій въ томъ, что онъ не обнаруживаетъ достаточной ревности къ интересамъ церкви. Притомъ *бреве*, строго говоря, не было,—а было писанное по-латыни письмо папы, такое, правда, какъ обыкновенно бываютъ письма папъ, но только писанное не на пергаментѣ изъ секретаріата латинскихъ писемъ, и не изъ канцеляріи бреве». Недостойная уловка, но столь обычная для римскаго двора.

Въ запискѣ, обнародованной римскимъ дворомъ въ 1866 г., сказано: «Приближались еще болѣе тяжелые дни для польской церкви. Сильно взволнованный столькими бѣдствіями, польскій народъ выразился въ опасныхъ манифестаціяхъ, которымъ не былъ чуждъ могущественный элементъ религіознаго чувства, глубоко укорененнаго во всемъ народѣ. Получивъ извѣстіе объ этихъ явленіяхъ, которыя все болѣе и болѣе развивались, глава церкви вознесъ теплыя молитвы къ милосердому Богу, чтобы онъ освободилъ этотъ несчастный народъ отъ столькихъ бѣдствій, угрожавшихъ поколебать и самую вѣру. Его святѣйшество извѣстился также, что враги католицизма, пользуясь затрудненіемъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ между святымъ престоломъ и религіознымъ народомъ, съ цѣлію отдѣлить его отъ средоточія католичества, пускаютъ въ ходъ ненавистную мысль (odiata insinuazione), что св. престолъ мало заботится объ ихъ духовныхъ нуждахъ и ихъ плачевномъ положеніи, и высокимъ интересамъ церкви предпочитаетъ соображенія низшаго разряда. Чтобы не

[1]) Esposiz. documentata, № LV, стр. 168—74.

быть предметомъ такого неблагочестиваго подозрѣнія, камнемъ преткновенія и поводомъ къ соблазну для лицъ ему преданныхъ, онъ отправилъ 6 іюля 1861 г. письмо къ варшавскому архіепископу, чтобы объяснить съ истинной точки зрѣнія тѣ старанія, которыя, хотя и съ малымъ успѣхомъ, съ самаго начала его первосвященствованія, онъ предпринималъ въ пользу польской церкви и любимой части его стада, и тѣмъ разрушить злоухищренія неблагонамѣренныхъ людей.

«Грустно припоминать, что этотъ поступокъ, внушенный святому отцу самыми благородными чувствами вѣры, былъ враждебно (sinistramente) истолкованъ правительству, какъ будто бы онъ сдѣланъ съ намѣреніемъ поощрять политическія цѣли этого народа. Но святой престолъ, горько оплакивая народныя волненія, не одобряя тѣхъ, кои возмущаются противъ своего государя, прикрываясь защитою церкви, не могъ однако же не исполнить другой своей обязанности, священной и ненарушимой, составляющей его божественное призваніе, защищать права церкви и благовременно наставлять своихъ вѣрныхъ противъ злоумышленій враговъ. Императорское правительство, напротивъ того, во многихъ случаяхъ видѣло ясныя доказательства того интереса, который святой престолъ соединяетъ съ покорностію и повиновеніемъ власти свѣтской во всемъ томъ, что̀ не противно законамъ божественнымъ и церковнымъ» [1]).

Такъ публично оправдываетъ римскій дворъ въ 1866 г. папское посланіе къ варшавскому архіепископу, когда мятежъ былъ усмиренъ, и крестовый походъ Европы, который онъ воздвигалъ противъ Россіи, не состоялся. Отказывая явно выразить, по примѣру папы Григорія XVI, порицаніе мятежу въ самомъ его началѣ и тѣмъ, быть можетъ, удержать духовенство отъ многочисленныхъ преступленій, онъ началъ говорить вновь о повиновеніи свѣтской власти, когда силою оружія она достигла уже этого повиновенія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выставляетъ, какъ благодѣтельное послѣдствіе этого папскаго посланія именно просьбу, поданную польскимъ духовенствомъ гр. Ламберту, — вслѣдъ за которой послѣдовало, по распоряженію этого же духовенства, закрытіе церквей въ Варшавѣ и затѣмъ длинный рядъ мятежныхъ дѣйствій. Впрочемъ, римскій дворъ говоритъ о повиновеніи свѣтской власти, пока ея распоряженія не противорѣчатъ божескимъ и церковнымъ законамъ (in cio che non si oppone alle leggi di dio e della chiesa), что̀ на языкѣ латинской церкви означаетъ: папскимъ приказаніямъ и притязаніямъ!

---

[1]) Тамъ-же, стр. 39—41.

Когда по смерти архіепископа Фіалковскаго наше правительство представило, какъ кандидата на его мѣсто, Фелинскаго, римскій дворъ, которому, конечно, былъ извѣстенъ образъ мыслей этого прелата, былъ доволенъ его назначеніемъ. «Папа лично выразилъ г. Киселеву, въ аудіенціи 15 дек. 1861 г., свое удовольствіе и прибавилъ, что онъ искренно благодаритъ императора столько же за благосклонныя чувства и расположеніе къ нему лично его величества, сколько и за неизмѣнное его желаніе поддержать дружественныя отношенія, существующія между обоими правительствами (прилож. къ нотѣ 7 янв.)». Свидѣтельствуя о желаніи нашего двора поддерживать добрыя отношенія къ Риму, Пій IX въ тоже время, въ посланіи къ новому архіепископу варшавскому, 20 февр. 1862 г., писалъ, что предвидитъ всю для него тягость управлять его паствою при тогдашнихъ обстоятельствахъ и въ виду «многихъ законовъ, изданныхъ свѣтскою властію, и противныхъ церковнымъ правиламъ». Съ этою цѣлію онъ поручаетъ ему постоянно «имѣть передъ глазами» его посланіе отъ 6 іюня 1861 г., писанное къ Фіалковскому, и противъ котораго протестовало наше правительство. Соболѣзнуя о бѣдствіяхъ польскаго народа, онъ поручалъ новому архіепископу ходатайствовать предъ императоромъ о помилованіи и освобожденіи мятежниковъ, отданныхъ въ руки правосудія, и наконецъ требовалъ, чтобы онъ самъ лично явился въ Римъ [1]). «Въ то самое время, когда императорскій кабинетъ, сказано въ запискѣ канцлера 7 янв., обнаруживалъ самое искреннее желаніе привести къ желанному окончанію начатые Римомъ переговоры о назначеніи нунція, Пій IX, въ противность законамъ имперіи, *тайно* отправилъ посланіе къ варшавскому архіепископу, въ которомъ его святѣйшество, становясь, такъ сказать, на мѣсто государя страны, приглашалъ монсиньора Фелинскаго покинуть свою епархію и отправиться въ Римъ въ такое время, когда его присутствіе на своемъ мѣстѣ едва могло заставить подчи-

[1]) Esposiz docum. № LXII стр. 189. Jam vero nostris in votis est, venerabilis frater, ut nunquam intermittas ab ipso serenis. ac potent. Imperatore enixe exposcere, ut suam omnem clementiam et humanitatem adhibere velit erga illos tum ecclesiasticos, tum laicos viros, qui post ultimas in Poloniae regno significationes vel in vincula coniecti vel damnati fuerunt. Cum autem nobis vel maxime cordi sit, ut ecclesiasticus vir (Бѣлобрежскій), qui in ista diocesi vicarii capitularis munere fungebatur, quique omni commendatione dignus, a quavis angustia et modestia liberetur, iccirco quantum consilio te opera eniti et efficere potes, nihil praetermitte, ut idem pristinam suam recuperare queat libertatem. Scias autem velimus, nobis gratissimum fore, si te in hac alma urbe nostra praesentem intueri, et amplecti poterimus, cum plures solemni Pentacostes die hoc anno sanctorum caelitum ordinibus, Deo bene iuvante, adscribere laetabimur.

ненное ему духовенство исполнять возложенныя на него обязанности, которыми оно, съ каждымъ днемъ, пренебрегало все болѣе». Фелинскій очень хорошо понялъ указанія Рима и сталъ рѣшительно дѣйствовать противъ правительства.

Въ Варшавѣ обыкновенно въ день св. Марка совершалась церковная процессія. Подобныя процессіи въ это время служили только революціонными демонстраціями и давали поводъ къ многочисленнымъ безпорядкамъ, грозившимъ кровавыми столкновеніями. Правительство было предувѣдомлено, что, по этому случаю, приготовляется въ большихъ размѣрахъ именно такая демонстрація, и обратилось къ архіепископу Фелинскому съ предложеніемъ, чтобы эта церемонія была совершена въ церквахъ, а не на улицахъ. Кажется, ни каноническое право, ни свобода латинской церкви и ея догматы нисколько не были оскорблены подобнымъ предложеніемъ; между тѣмъ архіепископъ счелъ нужнымъ возбудить при этомъ случаѣ вопросъ о вмѣшательствѣ свѣтской власти въ духовныя дѣла и, наперекоръ предложенію правительства, устроилъ процессію съ особенною торжественностію. Но этого мало; на запросъ правительства объ этомъ происшествіи, онъ отвѣчалъ, что духовенство дѣйствовало по его приказанію, и что въ будущій разъ онъ самъ отправится во главѣ процессіи, не обращая вниманія ни на какое запрещеніе правительства, за которымъ онъ не признаетъ никакого права воспрещать свободное отправленіе обрядовъ вѣры, что, въ случаѣ же нужды, онъ предпишетъ закрыть церкви, и что, наконецъ, онъ «предпочитаетъ лучше видѣть на землѣ десять тысячъ труповъ (!), нежели отказаться отъ самаго незначительнаго права, присвоеннаго ему каноническими постановленіями».

Эти слова, сказанныя по поводу простой церковной процессіи, не имѣющей никакого значенія въ виду высшихъ цѣлей христіанства, постановленій и догматовъ самой латинской церкви, конечно, заставятъ содрогнуться всякого искренняго христіанина, какъ дикая выходка революціоннаго террора; но Фелинскій былъ папскій прелатъ, слѣдовалъ внушеніямъ римскаго двора и не ошибался въ своемъ разсчетѣ.

Эти слова не поразили и римскій дворъ, когда нашъ посланникъ сообщилъ ихъ и вообще дѣйствія польскаго духовенства кардиналу, папскому статсъ-секретарю. Наше правительство, какъ представитель христіанскаго народа, сообщая о нихъ римскому первосвященнику, полагало, что вызоветъ его наконецъ на вмѣшательство въ дѣло во имя вѣры; но его представленія остались безъ всякихъ послѣдствій. Римъ только возражалъ противъ распоряженій и узаконеній нашего правительства,

какъ, напримѣръ, противъ положенія 27 дек. 1861 г. о правительственной коммиссіи просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ въ царствѣ [1]), или предъявлялъ требованія, возвышая ихъ постоянно по мѣрѣ уступокъ съ нашей стороны. Въ письмѣ къ императору, отъ 22 апр. 1863 г., папа говорилъ: «Ваше величество не должны удивляться, что въ виду столькихъ несчастій, которымъ подвергнуто въ настоящее время польское королевство, возбудившихъ живѣйшее участіе во всѣхъ государствахъ и народахъ къ будущей его судьбѣ, мы, подвигнутые этими постоянно повторяющимися бѣдствіями, обращаемся къ вамъ, съ цѣлію обратить ваше благосклонное вниманіе на главныя причины теперешнихъ возмущеній и средства, которыя представляются намъ самыми дѣйствительными для достиженія скораго успокоенія духа, сильно возбужденнаго упорною и жестокою борьбою». Подробно изложивъ всѣ мѣры русскаго правительства, о которыхъ мы уже говорили, и представя ихъ въ видѣ гоненій латинской церкви, и, какъ свои, такъ и предшественниковъ своихъ притязанія, Пій IX такъ заключаетъ свое письмо: «Мы далеки отъ того, чтобы одобрять дѣйствія тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя принимаютъ участіе въ политическихъ возмущеніяхъ и даже съ оружіемъ въ рукахъ дѣйствуютъ противъ правительства. Мы, напротивъ, оплакиваемъ и порицаемъ подобныя явленія; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, желаемъ указать вашему величеству ихъ причины и источникъ, изъ котораго они проистекаютъ. Если бы наша апостольская власть восприяла благодѣтельное вліяніе на нашихъ католическихъ *подданныхъ* (sudditi), если епископамъ возвращено будетъ свободное отправленіе ихъ власти, въ предѣлахъ каноническихъ правилъ, если духовенство получитъ вліяніе на обученіе и направленіе народа, если монашескіе ордена будутъ находиться въ полномъ повиновеніи своимъ генераламъ, если бы частныя лица могли свободно исповѣдывать католическую вѣру, тогда ваше величество убѣдились бы, что источникъ постоянныхъ политическихъ возмущеній Польши заключается въ религіозныхъ преслѣдованіяхъ, въ стѣсненіи совѣсти, паденіи клира, униженіи пастырей и въ распространеніи безрелигіозныхъ началъ и ученій» [2]).

Такимъ образомъ, папа, какъ частное лице и христіанинъ, *плачетъ*, видя такое глубокое паденіе духовенства, тайно осуждаетъ его дѣйствія; но, какъ глава латинской церкви, явно ему покровительствуетъ и считаетъ позволительнымъ всю вину польскихъ возмущеній возложить на русское правительство за то,

---

[1]) Тамъ же, №№ LXIV, LXV и LXVI, стр. 194 — 211.

[2]) Тамъ же, № LXXI, стр. 218 — 222.

что оно не уступало притязаніямъ Рима на полновластіе въ своей имперіи, — притязаніямъ, противъ которыхъ боролись и борются европейскія государства, и не позволило милліонамъ своихъ подданныхъ сдѣлаться исключительно подданными папы!

Въ отвѣтъ на это письмо папы, императоръ, въ письмѣ отъ 11 мая 1863 г., отвергая ложный взглядъ римскаго двора, указалъ на одну изъ существенныхъ причинъ, поддерживающихъ возстаніе. «Ваше святѣйшество считаете исключительною причиною безпорядковъ, происходящихъ, къ сожалѣнію, въ настоящее время въ странѣ, то обстоятельство, что нѣкоторыя требованія римско-католической церкви въ царствѣ польскомъ остались неудовлетворенными. Однако не много найдется въ Европѣ государствъ, которыя бы испытали столько жестокихъ революцій, какъ тѣ государства, гдѣ римско-католическая церковь господствовала безгранично. Изъ этого слѣдуетъ вывесть то заключеніе, что причины зла совсѣмъ иныя. Я указалъ отчасти на эти причины, обративъ вниманіе вашего святѣйшества на предосудительное поведеніе и даже на преступныя дѣйствія большинства членовъ римско-католическаго духовенства въ царствѣ польскомъ. Я сдѣлалъ это не для того, чтобы выразить укоры и неудовольствія, но въ томъ твердомъ убѣжденіи, что достаточно было бы поставить вашему святѣйшеству на видъ столь предосудительные поступки, чтобы вы, слѣдуя внушеніямъ своей совѣсти, осудили ихъ съ негодованіемъ и воспользовались нравственнымъ своимъ авторитетомъ, на обращеніе на путь истины тѣхъ членовъ духовенства, которые съ этого пути совратились. Этотъ-то союзъ между служителями алтаря и виновниками безпорядковъ, грозящихъ обществу, составляетъ самое возмущающее душу явленіе нашего времени. Ваше святѣйшество, конечно, должны желать не менѣе моего, чтобы подобному порядку вещей положенъ былъ предѣлъ».

Но римскій дворъ самъ поддерживалъ этотъ союзъ. Григорій XVI, въ запискѣ, врученной имъ императору Николаю Павловичу, указывалъ, что папское правительство, въ 1830 г., не приняло уполномоченнаго отъ революціоннаго польскаго правительства и принудило его выѣхать изъ Рима. Правительство Пія IX находилось, напротивъ, въ постоянныхъ сношеніяхъ съ мятежною шайкою, именовавшею себя національнымъ правительствомъ. Съ 1863 г., въ Римѣ находился ея уполномоченный и состоялъ въ правильныхъ сношеніяхъ — «съ его преосвященствомъ кардиналомъ статсъ-секретаремъ, и съ его преосвященствомъ монсиньоромъ секретаремъ конгрегаціи духовныхъ дѣлъ».

Революціонное правительство, отправляя своего повѣреннаго

въ дѣлахъ, дало ему, 10 ноября 1863 г., слѣдующую инструкцію, которую онъ обязывался исполнить подъ личною отвѣтственностію:

«1) Пока представитель національнаго правительства не будетъ признанъ оффиціально, не заботиться о гласности, публичности и внѣшнемъ блескѣ своего посольства, но оффиціозно стараться объ исполненіи дѣйствительнаго своего назначенія.

«2) Повѣренный обязанъ дѣйствовать согласно съ началами, провозглашенными національнымъ правительствомъ въ манифестахъ 22 января и 31 іюля, и настоящею инструкціею, а, главнымъ образомъ, всѣми способами защищать дѣйствія національнаго правительства предъ св. отцомъ, его правительствомъ и духовными сановниками посредствомъ личныхъ сообщеній и печати, въ оффиціальныхъ и частныхъ изданіяхъ. Онъ долженъ быть посредникомъ между св. престоломъ и польскимъ духовенствомъ согласно съ видами національнаго правительства, сообщать о его положеніи и нуждахъ и испрашивать разрѣшеній.

«3) Объяснить св. престолу, что національное правительство, представляя католическую націю, въ своей политикѣ дѣйствуетъ согласно съ вѣчными началами общественнаго порядка, но въ духѣ покорности св. апостольскому престолу въ дѣлахъ духовныхъ. Искренно и горячо желая распространять и защищать святую католическую вѣру, особенно противъ московской схизмы и насилій, которыми оно угнетаетъ уніатовъ,—но въ распространеніи и защитѣ вѣры, правительство употребитъ мѣры убѣжденія и любви.

«4) Прежде всего повѣренный долженъ представить св. отцу письмо національнаго правительства и благодарить его за назначеніе публичныхъ молебствій за Польшу, что подкрѣпило и пробудило новую бодрость въ воюющихъ. Затѣмъ выразить надежду, что святой престолъ не откажетъ имъ въ защитѣ противъ варварской и лицемѣрной Московіи и возбудитъ католическія державы, и особенно Францію и Австрію, заступиться за дѣло Польши. Особенно, чтобы онъ оказалъ свое вліяніе на Австрію, чтобы духовенство Галиціи пристало къ народному дѣлу.

«5) Извѣстно, что Московія ненавидитъ св. престолъ, не уважаетъ его духовной власти, но уваженіемъ къ ней только прикрываетъ свои намѣренія. Поэтому, необходимо ярко представить состояніе католической церкви въ Польшѣ, и что Московія ее преслѣдуетъ, желая уничтожить унію какъ въ Литвѣ, такъ и Рутеніи. На этотъ аргументъ повѣренный обязанъ обратить особенное вниманіе. Въ Римѣ существуетъ мнѣніе, съ которымъ особенно слѣдуетъ бороться, будто посредствомъ добы-

тыхъ отъ Московіи уступокъ, можно постепенно обратить ее въ католическую вѣру, или поставить, по крайней мѣрѣ, въ сносныя для этой церкви отношенія. Такого рода воззрѣнія сообщаютъ римскому двору, или сами же московскіе агенты, или люди близорукіе, желающіе только мира во что-бы то ни стало; они могутъ только повредить дѣлу католицизма, потому что *вся политическая сила Россіи основана только на ея схизмѣ.* Надо убѣдить, что отправленіе нунція въ настоящее время въ Петербургъ не принесетъ пользы церкви, а напротивъ, дастъ средство Россіи отстранить бдительность св. престола, потому что московское правительство весь запасъ своихъ обмановъ обратитъ на одно лице нунція, и, лишивъ его возможности узнать настоящее положеніе католической церкви въ ея владѣніяхъ, еще болѣе начнетъ ее преслѣдовать. Надо замѣтить св. престолу, что болѣе всѣхъ народовъ поляки оставались ему вѣрными и своему призванію на востокѣ, въ отношеніи къ которому поддержаніе и распространеніе уніи составляетъ главнѣйшую цѣль.

«6) Позаботиться о скорѣйшей канонизаціи блаженнаго Іосафата (Кунцевича) въ виду того вліянія, которое это можетъ имѣть на народъ въ Литвѣ и Рутеніи.

«7) Въ этомъ смыслѣ должна быть представлена св. престолу записка, въ которой должно указать и практическіе пріемы для дѣйствій св. отца въ защиту вѣры и нашей народности, а равно и въ сношеніяхъ по этому случаю съ Франціей и Австріей».

Мы привели почти слово въ слово этотъ любопытный документъ, съ которымъ вполнѣ согласовалась политика римскаго двора въ отношеніи къ Россіи въ послѣдніе годы [1]).

Своему повѣренному подпольное правительство поручало строго наблюдать за поляками въ Римѣ, а самого его подчинило наблюденію его же секретаря. Революціонное правительство, еще въ іюлѣ 1863 г., вошло въ сношенія съ Римомъ и отъ 26 этого мѣсяца извѣщало папу, что «польскій народъ прибѣгъ къ оружію, какъ единственному средству противъ угнетеній и вѣкового рабства врага варварскаго и коварнаго». «Наши отцы—сказано въ этомъ письмѣ—въ продолженіи вѣковъ были щитомъ для Европы противъ азіатскихъ ордъ, и викаріи І. Христа, ваши предшественники, св. отецъ, своимъ благословеніемъ подкрѣпляли ихъ силу и преданность вѣрѣ. Мы, дѣти этихъ христіанскихъ воиновъ, вступивъ въ бой съ этими же ордами, лицемѣрно прикрывающимися просвѣщеніемъ, за вѣру и свободу,

---

[1]) Insurrezione Polacca nel 1863 e 1864 an. Docum. № III, стр. 13—18.

умоляемъ, преклоняя колѣна: благословите св. отецъ — польскій народъ» [1]).

Когда, послушный этому голосу, римскій престолъ предписалъ торжественныя молебствія за Польшу, и революціонное правительство узнало, что вѣнскій нунцій, монсиньоръ Фалчинелли, весьма къ нему расположенъ, оно назначило въ Римъ своего повѣреннаго и вручило ему письмо для представленія папѣ [2]), въ которомъ выражало благодарность, отъ имени всего народа, за эти молебствія, и просило подвигнуть на ихъ защиту всѣ католическія державы. Постоянно сносясь съ римскимъ дворомъ, оно желало ускорить канонизацію Іосафата Кунцевича, хватало самыхъ ярыхъ фанатиковъ изъ польскаго духовенства и называло царскими проконсулами тѣхъ, которые еще не совсѣмъ забывали свои христіанскія обязанности. Конечно, съ паденіемъ самого подпольнаго правительства окончилось и это посольство; но еще прежде секретарь успѣлъ перессориться съ уполномоченнымъ, и національное правительство хотѣло его смѣстить и замѣнить этимъ секретаремъ, но уполномоченный не послушался [3]). Такимъ образомъ, общій характеръ польской управы выразился и въ этомъ случаѣ!

Въ такихъ отношеніяхъ находился Римъ къ тайному правительству польскихъ мятежниковъ; но, конечно, онъ скрывалъ такія свои дѣйствія, не хотѣлъ окончательно прерывать сношеній съ Россіею, не будучи еще увѣренъ въ достиженіи своихъ сокрытыхъ цѣлей, пока Европа не окажетъ дѣятельной помощи польскому мятежу. Съ этою цѣлію папа возбудилъ переговоры о назначеніи своего нунція въ Россію.

XI.

Переговоры римскаго двора съ нашимъ правительствомъ о назначеніи постояннаго нунція въ Россію. — Значеніе папской нунціатуры.

Желаніе Рима, имѣть постояннаго папскаго нунція при нашемъ дворѣ, не ново. Со временъ императрицы Екатерины II, послѣ перваго раздѣла Польши, папы постоянно стремились къ этой цѣли. Уже въ 1796 г., Пій VI предназначалъ на это мѣсто графа Литту, бывшаго легата въ Польшѣ; но императрица

---

[1]) Тамъ же: Doc. № I, стр. 9 — 10; № IV, стр. 19.
[2]) Тамъ же: Doc. № II, стр. 11 — 12.
[3]) Тамъ же: Doc. №№ V, VI и VII, стр. 21—31, и введен. стр. 7 и 8.

отклонила назначеніе. При переговорахъ съ Римомъ по этому случаю, она требовала, чтобы напередъ было означено, съ какимъ порученіемъ будетъ присланъ папскій нунцій. Опредѣляя такимъ образомъ его будущую дѣятельность отдѣльными вопросами, она тѣмъ самымъ устраняла самую мысль о постоянномъ его пребываніи при нашемъ дворѣ. Но подобныя условія не предшествовали пріѣзду кардинала гр. Литты при императорѣ Павлѣ.

По случаю новаго разграниченія латинскихъ епархій въ имперіи, въ 1798 г. онъ прибылъ въ Петербургъ, какъ будто бы только съ цѣлію утвердить папскою властію принятыя русскимъ правительствомъ мѣры. Но, окончивъ это порученіе, онъ продолжалъ свое пребываніе при нашемъ дворѣ, независимо распоряжался управленіемъ латинской церковью въ имперіи, часто вопреки видамъ и распоряженіямъ правительства, и вмѣшивался въ дѣла, не относившіяся къ прямымъ его обязанностямъ. Такія дѣйствія нунція послужили поводомъ къ тому, что императоръ Павелъ приказалъ ему въ 24 часа выѣхать изъ Петербурга и уничтожилъ нунціатуру [1]). Но эта неудача не заставила папу отказаться отъ своихъ намѣреній. Въ 1801 г., когда, по дѣламъ мальтійскаго ордена, былъ посланъ въ Римъ сенаторъ Лизакевичъ, Пій VII возобновилъ свои требованія о назначеніи постояннаго нунція, прибавивъ: «Мои желанія простираются далѣе, я хотѣлъ бы достигнуть соединенія церквей и съ этою цѣлію даже самъ готовъ отправиться въ Петербургъ. Такое дѣло обезсмертило бы имя императора Павла».

Царствованіе императора Александра I весьма важно въ отношеніи къ этому вопросу. Въ началѣ 1802 г., онъ, по собственному благоусмотрѣнію, учредилъ постоянное наше посольство въ Римѣ и въ тоже время призналъ постояннымъ у насъ уполномоченнымъ отъ римскаго двора аббата Бенвенути, который давно уже находился въ Россіи. Такимъ образомъ, желанія Рима осуществлялись сами собою. «Еслибъ римскій дворъ руководился единственно желаніемъ блага религіи, справедливо замѣчаетъ гр. Д. А. Толстой,—то, безъ сомнѣнія, онъ удовлетворился бы установленіемъ этихъ постоянныхъ отношеній, совер-

---

[1]) Въ именномъ указѣ 1799 г. апрѣля 29, генералъ-губернатору генералу-отъ-инфантеріи Беклешеву сказано: «Нашедъ ненужнымъ всегдашнее пребываніе папскаго посла при дворѣ нашемъ, а еще менѣе *правленіе его католическою церковью въ имперіи нашей,* разсудили мы за благо, окончивъ нунціатуру архіепископа Ѳивскаго, повелѣть ему оставить и владѣнія наши, начальство же надъ духовенствомъ католическимъ препоручить митрополиту Сестренцевичу, о коемъ во всѣ епархіи и будетъ послано о семъ извѣщеніе». Полн. Собр. Зак. т. XXV, № 18.949.

шенно достаточныхъ для правильнаго теченія всѣхъ дѣлъ, въ которыхъ потребовалось бы участіе римскаго престола; но, возбуждаемый желаніемъ властвовать надъ духовенствомъ, онъ настаивалъ на учрежденіи нунціатуры въ Петербургѣ. Не произнося однако же названія нунціатуры, папа изъявлялъ желаніе отправить посланника для поздравленія императора съ восшествіемъ на престолъ. Новое министерство, образованное молодымъ государемъ изъ людей тоже молодыхъ, умныхъ и съ добрыми намѣреніями, но неопытныхъ, не сдѣлало никакихъ препятствій для принятія этого посольства. Только въ послѣдствіи, когда папа уже назначилъ монсиньора Ареццо посланникомъ въ Россію,—собравъ свѣдѣнія о дѣятельности прежнихъ у насъ нунціевъ, оно измѣнило свой взглядъ на дѣло» [1]). Съ тѣхъ поръ оно начало уже употреблять всевозможныя средства, чтобы отклонить это посольство, предлагая различныя условія папскому правительству; но папа соглашался на все. Согласился даже на то, что монс. Ареццо будетъ принятъ не какъ нунцій, но какъ посланникъ, наравнѣ съ посланниками всѣхъ другихъ государствъ, что съ этою цѣлію въ вѣрющихъ письмахъ будетъ прямо опредѣлено какъ его значеніе, такъ и цѣль самаго посольства, которое не должно быть постояннымъ, но можетъ продолжаться не болѣе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ [2]).

Въ 1803 г., монсиньоръ Ареццо прибылъ въ Петербургъ, а въ тоже время графъ Бутурлинъ былъ назначенъ нашимъ посланникомъ въ Римъ. Но онъ не успѣлъ еще выѣхать изъ Россіи, какъ неожиданное происшествіе прервало наши сношенія съ Римомъ. Папское правительство выдало Наполеону I одного французскаго эмигранта, принявшаго наше подданство и находивша-

---

[1]) Гр. Д. А. Толстой, Le cathol. Romain en Russie; vol. II, pag. 386 и слѣд.

[2]) Il fut très-difficile de faire gouter notre proposition (чтобы монс. Ареццо остался постояннымъ нунціемъ въ Россіи), говоритъ К. Консальви, et nous fûmes obligés de convenir avec la cour de Russie que le nouveau Nonce serait extraordinaire et non pas ordinaire, ainsi que le S. Siége le désirait pour mieux servir les intérêts de la religion dans ce vaste empire... Le nonce M-r Arezzo, archevêque de Seleucie, se rendit à S. Pétersbourg. Ses manières et sa conduite y obtinrent tant de succès, que notre nonce extraordinaire ne donna pas lieu de craindre que cette mission serait de courte durée. On traita plusieurs affaires ecclésiastiques relatives aux diocèses et aux évêques, ainsi qu'à certaines lois auxquelles Rome désirait qu'on apportât des modifications. Malgré les efforts des ennemis de la chaire de S. Pierre, et spécialement malgré ceux de l'archevêque de Mohilew, ne voyant pas de bon oeil un nonce dans une capitale où, sans cela, il aurait tenu le premier rang, les choses prirent un bon pli. On obtint les concessions; on espérait même d'autres avec certitude. Une cordiale entente faisait chaque jour de nouveaux progrès, lorsque la déplorable aventure de Varnegues brisa complètement tous les liens, qu'on avait si péniblement noués avec la cour de Russie....

гося на службѣ при нашемъ посольствѣ въ Римѣ. Кардиналу Конзальви князь Чарторыскій, по порученію императора, писалъ, что такой поступокъ русское правительство считаетъ или явнымъ недоброжелательствомъ, или признакомъ того, что папское правительство потеряло уже всякую самостоятельность. Поэтому, монсиньору Ареццо велѣно было удалиться изъ Петербурга, а нашему посольству въ Римѣ, возвратиться въ Россію [1]).

Сношенія возобновились только послѣ 1815 года. «Если ваше величество за насъ, то кого-же мы можемъ бояться», — писалъ папа императору Александру I въ это время, и дѣйствительно никому болѣе его онъ не былъ обязанъ, что удержалъ за собой прежнее значеніе и области, составлявшія папское государство. Но это нисколько не измѣнило отношеній римскаго престола къ Россіи, нисколько не смягчило его притязаній. Римъ остался тѣмъ-же, чѣмъ былъ прежде, не смотря на всѣ бѣды, испытанныя имъ съ начала французской революціи и до возстановленія папскаго государства, послѣ паденія Наполеона I. Кардиналъ Конзальви, статсъ-секретарь Пія VII, въ посмертныхъ запискахъ, упомянувъ о своихъ тщетныхъ усиліяхъ преобразовать римское устройство и управленіе, говоритъ: «Если провидѣніе даруетъ намъ *второе возстановленіе*, то надо желать, чтобы новая власть, найдя все *измѣненнымъ* и *разрушеннымъ*, воспользовалась бы своимъ положеніемъ лучше, нежели послѣ *перваго* возстановленія (restauration). Поддерживая основанія и уставы святого престола, необходимо силою преодолѣть препятствія, затрудняющія устраненіе порчи въ старыхъ учрежденіяхъ, и злоупотребленія. Ихъ слѣдуетъ преобразовать, принявъ въ соображеніе опыты, различіе временъ, характеровъ, воззрѣній и обычаевъ [2])».

Но для того, чтобы могло преобразоваться римское правительство или, лучше сказать, латинская церковь, даже по словамъ такого ея защитника, какъ кардиналъ Конзальви, необходимо первоначально все *измѣнить* и *разрушить*. Хотя желаніе кардинала исполнилось въ наше время, *провидѣніе* послало *второе возстановленіе* власти римскаго престола; но правительство Пія IX воспользовалось имъ такъ-же, какъ и при его предшественникѣ Піѣ VII, и — Римъ остался тѣмъ-же, чѣмъ и былъ. Императора Александра I всего болѣе поразило то, что папа не только отказался присоединиться къ священному Союзу, имъ созданному, которымъ онъ такъ дорожилъ, и на который столько

[1]) Mémoires du Card. Consalvi; vol. II, стр. 317—338; изд. Crétineau-Joly. 1864 г.

[2]) Consalvi, Mémoires sur mon ministère; t. II, стр. 229—30.

возлагалъ надеждъ; но даже протестовалъ противъ него. Съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе становились сдержаннѣе и осторожнѣе наши отношенія къ Риму, и мысль о нунціѣ постоянно была отклоняема.

Таже политика въ отношеніи къ этому вопросу продолжалась и во все послѣдующее царствованіе, не смотря на то, что Римъ постоянно возбуждалъ его. Въ 1832 г., въ нотѣ іюня 12, кардиналъ Бернетти, описывая плачевное состояніе латинской церкви въ имперіи, въ числѣ причинъ, указывалъ на то, что при русскомъ дворѣ нѣтъ постояннаго папскаго нунція. Утверждая, что свобода сношеній римскихъ католиковъ и духовенства съ папою составляетъ одно изъ существенныхъ правилъ латинской церкви, онъ говоритъ, что не слѣдуетъ въ этомъ случаѣ приводить въ примѣръ ограниченій этихъ сношеній, существующихъ въ другихъ государствахъ, потому что, все-таки, тамъ представляется болѣе свободы этимъ сношеніямъ, нежели въ Россіи, и притомъ—«при ихъ правительствахъ святой престолъ содержитъ своихъ постоянныхъ представителей». «Извѣстно, говоритъ онъ далѣе, какую пользу приносили отправляемые въ разныя времена святымъ престоломъ къ петербургскому двору нунціи и чрезвычайные посланники въ лицѣ прелатовъ и кардиналовъ, какъ Аркетти, Литта, Ареццо, Бернетти; извѣстно, что чрезъ это были приняты и приведены ими въ исполненіе, не смотря на важныя пожертвованія со стороны католической церкви, проекты о новомъ распредѣленіи и границахъ епархій какъ въ Россіи, такъ и въ Польшѣ; они согласились на закрытіе и соединеніе нѣкоторыхъ церквей и бенефицій, утвердили отчужденіе не малаго количества церковныхъ имуществъ и снабдили епископовъ чрезвычайною апостольскою властію, сообразно требованіямъ обстоятельствъ и случаевъ. Однакоже св. престолъ принужденъ былъ соболѣзновать, что дѣла католической церкви шли и идутъ все хуже и хуже. Святой отецъ не переставалъ заявлять свои жалобы передъ августѣйшимъ императорскимъ престоломъ, но безъ всякихъ послѣдствій, благопріятныхъ и постоянныхъ. Поэтому и теперь онъ снова возвращается какъ къ предметамъ изложеннымъ въ этой нотѣ, такъ и къ нѣкоторымъ другимъ, о которыхъ имѣетъ многія и достойныя вѣроятія свѣдѣнія, но о которыхъ умалчиваетъ потому, что, при отсутствіи прямыхъ сношеній, не можетъ ихъ вполнѣ удостовѣрить. Чтобы достигнуть цѣли и опредѣлить дѣйствительныя и постоянныя мѣры по вопросамъ, о которыхъ идетъ рѣчь, онъ проситъ, чтобы былъ принятъ при петербургскомъ дворѣ уполномоченный посланникъ со стороны святого престола, посредствомъ котораго

доходили бы до Рима точныя свѣдѣнія о состояніи католической церкви какъ въ имперіи, такъ и въ царствѣ польскомъ». Въ сношеніяхъ по дѣлу епископа Гутковскаго, дѣйствуя враждебно въ отношеніи къ нашему правительству, папа говорилъ, что онъ не можетъ имѣть точныхъ свѣдѣній о положеніи латинской церкви въ Россіи и Польшѣ, особенно потому, что нѣтъ при петербургскомъ дворѣ постояннаго папскаго нунція [1]). Въ 1845 г., во время пребыванія покойнаго императора въ Римѣ, папа, въ поданной ему запискѣ, выразилъ туже мысль; но она была отклонена какъ при переговорахъ о конкордатѣ, такъ и при дальнѣйшихъ переговорахъ съ римскимъ дворомъ. Съ 1815 г. сдѣлалось уже постояннымъ преданіемъ, неизмѣннымъ правиломъ, не отвѣчать на предложенія римскаго двора объ учрежденіи нунціатуры въ Петербургѣ.

Возобновилъ это требованіе и монсиньоръ Киджи, во время пребыванія его въ Россіи, и папа Пій IX въ письмѣ къ нынѣ царствующему императору, 31 янв. 1859 г. Онъ указывалъ на туже причину, которою, между прочимъ, оправдывалъ это требованіе и его предшественникъ, что онъ не можетъ утверждать представленныхъ на епископскія каѳедры кандидатовъ правительствомъ, не имѣя свѣдѣній о ихъ личныхъ свойствахъ. «Это главная причина, писалъ папа, почему я возобновляю наши настоянія, чтобы, какъ при насъ находится вашъ представитель, такъ равно и мы къ августѣйшему лицу вашего величества могли бы отправить своего уполномоченнаго, который бы и увѣдомлялъ насъ о качествахъ представляемыхъ кандидатовъ на епископскія каѳедры». Мы видѣли уже, что римскій дворъ очень хорошо зналъ о свойствахъ представляемыхъ ему кандидатовъ, тайно сносясь съ латинскими епископами. Это была придирка, которой въ это время римскій дворъ надѣялся прикрыть совсѣмъ иныя цѣли. Въ отвѣтѣ на это письмо, не отклоняя рѣшительно предложенія папы, императоръ увѣдомлялъ, что поручилъ своему посланнику въ Римѣ объясниться съ кардиналомъ Антонелли — «съ тѣми чувствами чистосердечія и взаимнаго благорасположенія, какія положены въ основу сношеній между обоими государствами». Но чистосердечіе не свойственно политикѣ римскаго двора. Не признаваясь въ поощреніи мятежа и уклоняясь въ этомъ случаѣ отъ настояній нашего правительства, которое желало, чтобы папское правительство выразило наконецъ открыто свой взглядъ на дѣйствія польскаго духовенства, кардиналъ Антонелли, по прежнему, объяснялъ дѣйствія Рима тѣмъ, — «что

---

[1]) Галль-Морель, № VI, стр. 16 и 17; № LXVIII, стр. 138.

папа не находится въ свободныхъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ польскимъ духовенствомъ, и, не имѣя своего представителя въ С.-Петербургѣ, правительство папы не имѣетъ такимъ образомъ оффиціальнаго органа и прямого средства для того, чтобы дѣйствовать на духовенство, съ которымъ оно не находится въ свободныхъ непосредственныхъ отношеніяхъ [1])».

Безъ сомнѣнія, наше правительство понимало все значеніе словъ кардинала. Тайныя цѣли римскаго двора, соединенныя съ назначеніемъ нунція въ Россію, давно были извѣстны. Не трудно было подозрѣвать и то, что настоянія Рима въ отношеніи къ этому вопросу въ *это время* прикрывали только другіе тайные замыслы. Римъ не предполагалъ, чтобы русское правительство могло уступить ему въ этомъ вопросѣ и, настаивая на немъ, надѣялся только поддержать на нѣкоторое время переговоры. Неожиданная для него уступка повела бы къ обличенію его тайныхъ замысловъ. Вѣроятно съ этою цѣлію — императорскій кабинетъ рѣшился сдѣлать важную уступку римскому двору, изъявивъ согласіе допустить въ Россію римскаго прелата. Поэтому поводу вице-канцлеръ, по приказанію его величества, сообщилъ слѣдующую депешу г. Киселеву: «Передавъ вамъ слова римскаго первосвященника, кардиналъ государственный секретарь упомянулъ о дошедшихъ до папы жалобахъ польскаго духовенства на затрудненія, встрѣчаемыя имъ при исполненіи его религіозныхъ обязанностей и объ отсутствіи прямыхъ, непосредственныхъ сношеній между святымъ престоломъ и польскимъ духовенствомъ, лишающимъ римское правительство возможности получать увѣдомленія и дѣйствовать на латинское духовенство въ царствѣ польскомъ. Его высокопреосвященство передалъ вамъ въ заключеніе желаніе папы получить возможность отправить въ Варшаву какого-нибудь римскаго прелата, который бы могъ сдѣлать, отъ имени римскаго первосвященника, увѣщанія польскому духовенству и преподать ему нужные совѣты. Если въ Россіи, какъ и во многихъ даже католическихъ странахъ Европы, отношенія духовенства къ свѣтской власти были обусловлены извѣстными формальностями, то это дѣлалось въ силу политическаго начала, усвоеннаго всей Европой, и конкордата, свободно заключеннаго съ святымъ престоломъ. Отступить отъ этого правила было бы совершенно напрасно, потому что оно нисколько не затрудняетъ сношеній католическаго духовенства съ святымъ престоломъ, а установляетъ только форму ихъ». «Признавая начала самой широкой вѣротерпимости», сказано далѣе въ

---

[1]) Донес. г. Киселева, 29 окт. 1861 г.

этой нотѣ, «вы можете увѣрить его высокопреосвященство кардинала государственнаго секретаря, что императоръ неизмѣнно готовъ удовлетворять духовнымъ потребностямъ своихъ римско-католическихъ подданныхъ. Въ вящшее доказательство этой готовности императоръ соизволилъ принять въ серьезное соображеніе—изъявленное святымъ отцомъ желаніе, послать въ Россію прелата для увѣщанія польскаго духовенства и поданія ему нужныхъ совѣтовъ. Императоръ соизволилъ изъявить на это свое согласіе, въ доказательство своего желанія сдѣлать угодное его святѣйшеству. Его императорское величество не скрываетъ своихъ дѣяній, отражая лишь клевету, усиливающуюся подорвать довѣріе. Посолъ святого отца въ состояніи будетъ удостовѣриться собственными глазами въ истинѣ и передастъ ее святому отцу. Онъ убѣдится, что религіозными причинами нѣтъ никакой возможности объяснить современныхъ событій въ Польшѣ, и что напротивъ, религію насильственно тамъ предаютъ недостойному поруганію, погружая въ омутъ людскихъ страстей» [1]).

На предложенія нашего правительства вразумить польское духовенство и отвлечь его отъ участія въ мятежѣ, римскій дворъ выразилъ желаніе послать въ Варшаву своего уполномоченнаго и, оказывая такимъ образомъ недовѣріе къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ ему нашимъ правительствомъ, о происшествіяхъ совершавшихся на виду у всѣхъ, онъ, конечно, полагалъ, что оно не согласится исполнить его желаніе. Расчитывая на отказъ, онъ имѣлъ въ виду другія цѣли, для которыхъ мятежъ служилъ ему средствомъ; не желая выпустить его изъ своихъ рукъ, онъ тайно ободрялъ мятежъ. Но тайныя свои дѣйствія онъ прикрывалъ переговорами съ Россіею объ отправленіи временнаго посольства по случаю особыхъ обстоятельствъ. Конечно, римскій дворъ и въ этомъ случаѣ, какъ и прежде, замышлялъ временное посольство превратить впослѣдствіи въ постоянное, но русское правительство его предупредило. Г. Киселеву поручено было (при сообщеніи кардиналу Антонелли о согласіи нашего правительства, чтобы римскій дворъ отправилъ своего прелата въ Варшаву), дать ему — «понять, что императорскій кабинетъ готовъ изъявить свое согласіе на то, чтобы временная миссія отправленнаго въ Варшаву прелата обратилась въ постоянную». Вслѣдствіе этого Пій IX, въ аудіенціи 15 декабря 1861 года, выразилъ русскому посланнику именно это желаніе, чтобы временно отправляемый въ Варшаву прелатъ остался постояннымъ представителемъ римскаго престола въ Россіи. Но, вѣроятно, расчи-

---

[1]) Записка прилож. къ нотѣ кн. Горчакова, 7 янв. 1867 г.

танная напередъ снисходительность нашего правительства поставила, въ этомъ случаѣ, въ затруднительное положеніе даже римскій дворъ. Кардиналъ Антонелли счелъ нужнымъ *конфиденціально*, какъ будто Римъ дѣлалъ уступку нашимъ требованіямъ, сообщить нашему посланнику, что Римъ назначаетъ монсиньора Бернарди папскимъ нунціемъ къ нашему двору. Конечно, въ виду предшествовавшихъ переговоровъ, онъ не могъ ожидать возраженій. Но, вызывая самъ возраженія, чтобы въ послѣдствіи имѣть предлогъ обвинить наше правительство, онъ—«обратился къ нашему послу съ вопросомъ, явно обнаружившимъ намѣреніе римскаго двора принять великую уступку, сдѣланную ему с.-петербургскимъ кабинетомъ не иначе, какъ усиливъ свои требованія. Онъ спросилъ: — Будутъ ли касаться и папскаго нунція законы, воспрещающіе непосредственныя сношенія въ Россіи между римскимъ престоломъ и католическимъ духовенствомъ? Конечно, подобный вопросъ, въ отрицательномъ отвѣтѣ на который никогда не могъ сомнѣваться римскій дворъ, обличалъ съ очевидностію, что при каждой уступкѣ съ нашей стороны, увеличивая свои требованія, Римъ желалъ только затянуть переговоры. Онъ прибѣгалъ къ этому средству, чтобы скрыть настоящія свои дѣйствія, выражавшія не только разрывъ, но прямо враждебныя къ Россіи отношенія, — *войну*.

Мы сказали слово: война; но считаемъ нужнымъ замѣтить, что Римъ не такъ ведетъ войну, какъ всѣ другія государства. Для войны *духовной*, силою слова, обличенія и отлученія отъ церкви, въ настоящее время онъ чувствуетъ себя слишкомъ слабымъ, даже въ отношеніи къ державамъ латинскимъ по исповѣданію, какъ то доказалъ современный опытъ въ его отношеніяхъ къ Италіи и Франціи. Что же касается до православной Россіи, то, въ этомъ случаѣ, оружіе Рима, конечно, не могло бы уязвить ее и обратилось бы вспять. Еще менѣе могъ бы Римъ вести дѣйствительную войну вооруженною рукою; въ возможность образованія папскихъ войскъ вѣрилъ только генералъ Ламорисьеръ, и—вѣроятно, не вѣрилъ—кардиналъ Меродъ! Римъ очень хорошо понималъ свое отношеніе къ Россіи: дѣйствуя враждебно противъ нея, онъ могъ опираться только на силу другихъ государствъ. Дѣйствительно, Римъ въ это время находился съ нами въ отношеніяхъ воинствующей державы. Съ одной стороны, своими дѣйствіями въ отношеніи къ латинскому духовенству въ имперіи и царствѣ польскомъ, онъ поощрялъ мятежъ; съ другой, возбуждалъ европейскія государства къ вмѣшательству во внутреннія наши дѣла. Еще памятенъ дипломатическій походъ, предпринятый тогда западною Европою противъ Россіи по по-

воду польскаго мятежа. «Самое сильное участіе въ этомъ дѣлѣ, сказано въ запискѣ нашего канцлера отъ 7 января, принимало римское правительство. Мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать, что эта причина окончательно опредѣлила тѣ дѣйствія, которыя достаточно только перечислить для неоспоримаго доказательства, что инидіатива разрыва, происшедшая теперь между двумя державами, и вся отвѣтственность за него и за отмѣну конкордата 1847 г. падаетъ исключительно на римскій дворъ».

Русскій посланникъ, выслушавъ странный вопросъ кардинала Антонелли, попросилъ изложить его письменно для доставленія нашему правительству. Въ отвѣтѣ канцлера на эту ноту, 27-го марта 1862 года, поручалось г. Киселеву объявить римскому правительству удовольствіе императора за выборъ въ посланники монсиньора Бернарди и — «выразить надежду, что присутствіе этого прелата въ Россіи просвѣтитъ папу относительно духа и направленія, руководящихъ дѣйствіями императорской администраціи и устранитъ всѣ препятствія къ соглашенію, которыя зложелательство пытается воздвигнуть между двумя правительствами. Что же касается до папскаго нунція, то къ нему будутъ примѣнены также тѣ законы, въ силу которыхъ оффиціальныя сношенія между римскимъ престоломъ и католическимъ духовенствомъ въ имперіи и царствѣ польскомъ должны происходить при посредствѣ императорскаго правительства. Это правило основано на законахъ страны и не можетъ быть отмѣнено, не по чувству какого-либо недовѣрія или зложелательства, — но единственно въ виду высшихъ политическихъ соображеній, что только одинъ государь можетъ судить объ общихъ государственныхъ интересахъ, между которыми интересы религіи имѣютъ право на особое вниманіе съ его стороны, и что только одному ему предоставлено оцѣнять въ совокупности всѣ эти интересы, дабы направлять ихъ къ указанной имъ конечной цѣли, составляющей благоденствіе страны. Если начало правительственнаго посредничества примѣнено въ Россіи къ прямымъ оффиціальнымъ сношеніямъ между римскимъ престоломъ и католическимъ духовенствомъ, тѣмъ съ бо̀льшимъ правомъ оно должно быть примѣнено къ сношеніямъ апостольскаго нунція, служащаго только посломъ и представителемъ римскаго престола. Наконецъ, это начало повсемѣстно усвоено въ государствахъ, гдѣ католическая религія признается господствующею, и не исключаетъ возможности пребыванія тамъ постоянныхъ римскихъ нунціевъ».

Въ отвѣтъ на это въ конфиденціальной нотѣ, отъ 2-го мая 1862 года, кардиналъ Антонелли писалъ, что — «для того, чтобы присутствіе папскаго уполномоченнаго привело къ тѣмъ послѣд-

ствіямъ, которыхъ надѣется для блага церкви достигнуть св. отецъ, безусловно необходимо, чтобы заботы, которыя апостольскій нунцій въ Петербургѣ, какъ и вездѣ, обязанъ предпринимать въ силу своего высокаго назначенія для блага и пользъ католиковъ, не встрѣчали никакихъ затрудненій и препятствій. Всѣмъ извѣстно, какое существуетъ различіе между апостольскимъ нунціемъ и представителемъ какого бы то ни было другого, свѣтскаго правительства. Верховный первосвященникъ, глава церкви, основанной Богомъ, какъ совершеннѣйшее изъ обществъ и потому независимое, обязанъ простирать свои апостольскія заботы на всѣхъ вѣрныхъ (fideli), разсѣянныхъ по разнымъ частямъ католическаго міра (orbe cattolico). Въ слѣдствіе такого вселенскаго (universale) своего призванія, если онъ посылаетъ куда либо своихъ легатовъ, то съ цѣлью посредствомъ ихъ ближайшимъ способомъ оказывать пособіе вѣрнымъ въ ихъ духовныхъ нуждахъ, исполнять наиболѣе настоятельныя потребности церкви, находиться въ полной извѣстности о положеніи дѣлъ, касающихся вѣры, и своевременно предпринимать мѣры. Къ обязанностямъ представителей папы принадлежитъ также, чтобы входить въ дружелюбныя отношенія съ свѣтскою властью, дабы по общему согласію споспѣшествовать религіозному благоденствію народа. Такимъ образомъ, обязанности апостольскаго нунція не имѣютъ ничего общаго съ гражданскими или политическими интересами государства, въ которомъ онъ находится. Если какая нибудь мѣра, по своей сущности касающаяся вѣры и церкви, имѣла бы соотношеніе и съ интересами государства, нунціи предварительно сносятся съ свѣтскимъ правительствомъ для поддержанія полнаго согласія между *двумя верховными властями* (fra le due supreme autorità). Поэтому нельзя понять, почему государственные интересы Россіи требуютъ удержанія законовъ и постановленій, ограничивающихъ свободныя и прямыя сношенія духовенства и мірянъ съ святымъ престоломъ и его законными представителями. Напротивъ, при существованіи такихъ законовъ, ни святой престолъ, ни его представители не могутъ узнать настоящаго и дѣйствительнаго положенія дѣлъ, духовные и міряне не могутъ свободно открыть свои сердца и обнаружить святому отцу ихъ духовныя нужды, епископы не будутъ свободно предъявлять потребностей ихъ церквей, и, такимъ образомъ, останется тоже стѣсненіе совѣсти, оплакиваемое теперь, и политическіе интересы не пріобрѣтутъ выгодъ, а положительный ущербъ.

«Переходя за тѣмъ къ указанію князя Горчакова о другихъ правительствахъ, католическихъ по исповѣданію, я позволю себѣ замѣтить, что ни въ одной странѣ, католической или некатоли-

ческой, не существуетъ такихъ строгихъ и безусловныхъ запрещеній свободы сношеній католиковъ съ святымъ престоломъ, какъ въ Россіи. Положительно извѣстно, стòитъ лишь обратить на это вниманіе, не говоря уже объ Испаніи, Португаліи, Австріи, Бельгіи, Баваріи и Франціи, но даже въ Англіи, Пруссіи и Голландіи, во всѣхъ этихъ странахъ существуетъ полная и безусловная свобода сношеній не только непосредственно съ святымъ престоломъ, но и съ его представителями, напримѣръ, въ странѣ некатолической, какъ Голландія.

«Хотя, конечно, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ государствъ существуютъ законы, которые, до нѣкоторой степени, ограничиваютъ эти сношенія, во многихъ даже введено въ практику, вслѣдствіе злоупотребленія, и еще признается, такъ называемое, regio exequatur; но большая часть этихъ законовъ, хотя и не отмѣнены законнымъ порядкомъ, однакоже потеряли свою силу; что же касается до regio exequatur, то противъ этого злоупотребленія (abusiva prattica) всегда и открыто возставалъ святой престолъ, что оно не прилагается къ вопросамъ по сущности своей духовнымъ и церковнымъ, но только къ нѣкоторымъ случаямъ столкновенія съ свѣтскою властью, какъ, напримѣръ, по замѣщенію епископскихъ каѳедръ; и наконецъ, даже существованіе этого правила нисколько не мѣшаетъ тому, чтобы католики находились въ постоянныхъ и свободныхъ сношеніяхъ съ святымъ престоломъ и его представителями. Между тѣмъ какъ въ Россіи запрещеніе сношеній съ святымъ престоломъ простирается на всѣ предметы, касающіеся церкви, не исключая простой переписки, которая также должна происходить чрезъ посредство правительства, чтобы не подлежать установленнымъ въ законѣ взысканіямъ» [1]).

Очевидно, Римъ затягивалъ только дѣло. Слѣдуя своей постоянной политикѣ, при каждой новой уступкѣ, онъ предъявлялъ новыя требованія. Но, въ этомъ случаѣ, онъ разсчитывалъ не только на бòльшія и бòльшія уступки со стороны нашего правительства, но прямо на отторженіе отъ Россіи почти всѣхъ ея подданныхъ латинскаго исповѣданія, на возстановленіе прежней Польши, посредствомъ мятежа и заступничества за поляковъ европейскихъ государствъ. Русскій дворъ понималъ положеніе дѣлъ, но не хотѣлъ самъ прерывать сношеній. Въ письмѣ къ папѣ, 11-го мая 1863 г., императоръ упоминалъ, что въ прошломъ году изъявилъ согласіе на присылку постояннаго нунція, и сожалѣлъ, что не отъ него зависѣвшія препятствія за-

---

[1]) Esposiz. document. № LIII, стр. 191 и 192.

медлили до настоящаго времени исполненіе этого предположенія. Въ тоже время, въ конфиденціальной нотѣ канцлера, нашему посланнику въ Римѣ поручено было передать папскому правительству, что нунцій будетъ поставленъ въ Россіи въ тоже положеніе, въ какомъ онъ находится во Франціи, на основаніи ея законоположеній. «Я готовъ думать, сказано въ этой нотѣ, что римскій дворъ желаетъ бо̀льшаго, однако трудно допустить, чтобы онъ рѣшился выразить подобное желаніе открыто потому, что это значило-бы снять съ себя маску передъ лицемъ всей Европы. Если папское правительство не удовольствуется тѣмъ, что папскій нунцій при императорскомъ дворѣ будетъ принятъ точно такъ, какъ принимаютъ папскихъ нунціевъ въ странѣ, гдѣ римско-католическая религія считается господствующею, то въ такомъ случаѣ отвѣтственность за нежеланіе принять дѣлаемое нами предложеніе падетъ не на насъ — и вы позаботитесь тогда огласить тѣ льготы, какія предоставляемы были римскому двору императорскимъ правительствомъ».

Дѣйствительно, Римъ и не рѣшился предъявить бо̀льшихъ требованій—что, впрочемъ, едва-ли и было возможно—не рѣшился снять маску въ глазахъ Европы,—даже и теперь, не обнародовалъ того въ изданномъ имъ изложеніи и сборникѣ документовъ такой важности; но—онъ не одобрялъ нашихъ предложеній. Пій IX, принявъ г. Киселева, 6 іюля 1863 г., въ особой аудіенціи, сказалъ: «Я полагаю, что въ настоящее время обстоятельства слишкомъ затруднительны; такъ что присутствіе нунція въ С.-Петербургѣ едва-ли принесло бы существенную пользу, и даже при такомъ положеніи дѣлъ присылка нунція надѣлала бы хлопотъ».

Такъ окончились переговоры о назначеніи папскаго нунція къ нашему двору. Чтобы вполнѣ оцѣнить все значеніе той *великой*, по выраженію кн. Горчакова, уступки, которую, единственно въ виду успокоенія взволнованнаго мятежемъ края, Россія готова была сдѣлать римскому двору, мы постараемся объяснить, какое имѣетъ значеніе, по понятіямъ Рима, присутствіе его нунція въ какомъ либо государствѣ?

Значеніе папскаго нунція, какъ справедливо замѣтилъ кардиналъ Антонелли, въ нотѣ 2 мая 1862 г., не похоже вообще на значеніе посланника всякаго другого государства, и потому, чтобы понять его, мы должны объяснить общій взглядъ римскаго двора на его отношенія къ другимъ государствамъ. Въ продолженіи нашего разсказа, намъ приходилось уже не разъ указать на отношенія понятій Рима къ гражданскому и государственному правамъ европейскихъ государствъ; теперь постараемся,

словами его же канонистовъ, изложить его взглядъ на международное право.

«Важнѣйшее, основное начало церковнаго управленія заключается въ томъ понятіи, что вся вселенная составляетъ епархію (Diozese) папы. Тамъ, гдѣ епархіальное управленіе или еще не совершенно устроено, или по какимъ-нибудь причинамъ подверглось разстройству, или дурно дѣйствуетъ,—вступаетъ въ свою силу епископское значеніе папы, и тѣ, которые исполняютъ его порученія, суть его уполномоченные — vicarii apostolici. Когда управленіе не устроено, или только устроивается, равно, когда вслѣдствіе отпаденія страны въ ересь или схизму, слѣдуетъ вести дѣла посредствомъ папскихъ уполномоченныхъ, и тогда эти страны находятся въ завѣдываніи *пропаганды*. Точно также, если мѣстные епископы дурно управляютъ церковью, то папа отстраняетъ ихъ и назначаетъ своего викарія. Значеніе епископства основано на ихъ преемствѣ отъ апостоловъ. Но оно въ собственномъ смыслѣ сосредоточивается въ римскомъ епископѣ, который представляетъ собою лицо и санъ апостола Петра; другіе-же епископы, только въ ихъ совокупности, считаются преемниками апостоловъ. Поэтому папѣ принадлежитъ епископская власть надъ всею вселенною; каждый же епископъ обладаетъ этою властью только по единенію съ нимъ, и притомъ въ отношеніи къ отдѣльной паствѣ. Папа обладаетъ правомъ ординаціи, онъ можетъ и имѣетъ право для всей церкви безъ исключенія или самъ посвящать, или дать это право другимъ епископамъ. Какъ намѣстникъ Христа, онъ также соединенъ, какъ Христосъ, съ церковью, своею невѣстою; онъ также какъ и Искупитель, котораго мѣсто онъ занимаетъ, есть духовный отецъ всѣхъ вѣрующихъ» [1]).

Такимъ образомъ, вся епархія папы, т. е. весь міръ, распадается на два разряда областей: совершенно покорныя власти римскаго первосвященника, гдѣ дѣйствуетъ вполнѣ благоустроенное епархіальное начальство,—и невѣрныя, еретическія или отпадшія, покоряемыя или вновь завоевываемыя усиліями пропаганды. Хотя и первыя входятъ въ составъ папской епархіи, но въ нихъ папская власть дѣйствуетъ не непосредственно, а при помощи мѣстной епископской власти. Въ другихъ, напротивъ, хотя бы представитель папы (викарій) и былъ епископомъ, онъ дѣйствуетъ не въ силу епископскихъ своихъ правъ, но по упол-

---

[1]) Phillips, Kirchenrecht; т. VI, § 340, стр. 746. Das wichtigste Grundprinzip für die kirchliche Verfassung, dass der ganze Erdkreis des Papstes Diozese ist. T. I, § 40, стр. 969; ср. т. VI, § 330.

номочію папы и въ мѣру уполномочія, такъ-что, въ собственномъ смыслѣ, папа непосредственно управляетъ этими областями.

На этомъ основаніи, въ отношеніяхъ папы къ различнымъ странамъ міра, установлена слѣдующая постепенность:

Первыми піонерами папской власти въ странахъ невѣрныхъ являются *миссіонеры* (in partibus infidelium). Римскій дворъ раздѣляетъ эти страны по миссіямъ, иногда отдѣльнымъ, иногда по нѣскольку миссій соединяетъ вмѣстѣ, подъ главнымъ руководствомъ особаго делегата. Такое значеніе придавалъ Римъ латинскимъ духовнымъ, присылаемымъ въ Россію для отправленія богослуженія и духовныхъ требъ при латинскихъ церквахъ. До 1769 года они и назывались постоянно миссіонерами, пока въ этомъ году императрица Екатерина II не запретила имъ употреблять это наименованіе въ регламентѣ с.-петербургской римско-католической кирхи: «Суперіоръ или начальникъ и его товарищи должны именовать себя парохами или кураторами душъ, а не миссіонерами; ибо они для отправленія службы исповѣданія своего въ Россію призваны, а не для новой проповѣди» [1]). На этомъ основаніи наше правительство издавна обращало вниманіе на то, какихъ орденовъ монахи были присылаемы, отклоняя назначеніе такихъ, которые, по уставу ордена, преимущественною цѣлію имѣли пропаганду, и постоянно желало, чтобы вообще монахи были замѣняемы простыми плебанами.

Вторую степень церковнаго устройства составляютъ уже, въ собственномъ смыслѣ, vicarii, облеченные обыкновенно епископскимъ саномъ, но не въ качествѣ мѣстныхъ епископовъ, а лишь по уполномочію папы, какъ его повѣренные.

Третью степень составляютъ епархіи, вполнѣ устроенныя, съ епископами и капитулами, подъ главнымъ руководствомъ примаса. Этотъ титулъ изобрѣтенъ Римомъ для того, чтобы устранить значеніе митрополитовъ и патріарховъ мѣстныхъ церквей.

Четвертую и послѣднюю степень составляютъ нунціатуры, служащія выраженіемъ окончательнаго торжества папскаго полновластія въ той странѣ, гдѣ онѣ учреждаются.

Для того, чтобы достигнуть этой окончательной цѣли, римскій дворъ употреблялъ въ продолженіе вѣковъ многочисленныя средства; но главнѣйшія изъ нихъ заключались въ томъ, чтобы, съ одной стороны, унизить самостоятельное значеніе епископской власти, присвоивъ исключительно себѣ бо̀льшую часть ея правъ и особенно древнѣйшее, на апостольскихъ преданіяхъ основанное право посвященія епископовъ самими епископами въ числѣ

---

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XVIII, № 13.252, п. 2.

двухъ или трехъ, и утвержденія старѣйшимъ изъ нихъ, митрополитомъ или патріархомъ; а съ другой — искоренить мысль о томъ, что власть вселенскаго собора выше папской власти. Знаменитая булла In coena domini предаетъ проклятію даже и тѣхъ, которые позволятъ себѣ возбуждать этотъ вопросъ. Но, лишенные многихъ изъ существенныхъ своихъ правъ, епископы не могли бы управлять епархіями, особенно удаленными отъ Рима, поэтому папы уступали нѣкоторыя изъ этихъ правъ, въ отношеніи къ суду, дѣламъ брачнымъ, отпущеніямъ (индульгенціямъ) и т. под. временно, на нѣсколько лѣтъ, или навсегда, и въ той мѣрѣ, въ какой римскій дворъ считалъ благонадежными представителей мѣстныхъ церквей. Но въ этомъ случаѣ они дѣйствовали уже не въ силу своего сана, не на основаніи присвоенныхъ епископскому достоинству правъ, но по уполномочію только папы; а чтобы не дать возможности развиться самостоятельной мѣстной церкви, Римъ облекалъ главнаго представителя ея духовенства особыми правами съ наименованіемъ *примаса*, которые, въ собственномъ смыслѣ, считаются *прирожденными* папскими легатами (legati nati). Но и это сообщеніе правъ мѣстнымъ представителямъ церкви, хотя бы и въ качествѣ прирожденныхъ представителей папы, римскій дворъ постоянно считалъ опаснымъ для папскаго полновластія и старался замѣнить его учрежденіемъ *нунціатуръ*. Нунцій, являясь въ страну, становился уже представителемъ мѣстной церкви и непосредственно подчинялъ ее власти римскаго первосвященника; ему подчинялись примасы, митрополиты, архіепископы, епископы, и вообще все духовенство и вся паства [1]). Такимъ образомъ, мѣстная церковь приводится въ полное подчиненіе римскому престолу, и ея духовенство превращается въ исполнителей приказаній и распоряженій нунція, даваемыхъ именемъ и властію папы.

Но, сверхъ того, нунцій, какъ дипломатическое лице, какъ представитель папы въ качествѣ свѣтскаго государя, облеченъ международнымъ характеромъ, и слѣдовательно неподчиненъ свѣтской власти той страны, въ которой находится. Это обстоятельство, на которое указалъ нашему правительству и кардиналъ Антонелли, даетъ ему возможность совершенно независимо управлять латинскою церковью въ странѣ и устранить всякое на нее вліяніе свѣтской верховной власти, всякій надзоръ за ея дѣй-

---

[1]) Раздѣленіе на—legati a latere, legati missi или nuntii apostolici cum potestate legati a latere, состоитъ въ томъ, что первые должны быть всегда кардиналы, а вторые могутъ не имѣть этого сана. Филлипсъ, Kirchenrecht: §§ 337, 338 и 339. Ср. Le Rome des papes. 1859. Bâle. T. I, гл. 2 и 3.

ствіями, часто переходящими предѣлы ея духовнаго призванія. Однимъ словомъ, въ государствѣ образуется окончательно другое, совершенно независимое отъ него, государство.

Такой двойственный характеръ представителей папы весьма удобенъ для римскаго двора; съ одной стороны, онъ даетъ ему возможность постоянно поддерживать свои притязанія, опираясь на духовное значеніе нунція; съ другой, въ виду какой-либо опасности, дѣлать уступки требованіямъ свѣтскихъ правительствъ, оправдывая ихъ дипломатическимъ значеніемъ нунція. Но чрезъ это не только не водворяется въ странѣ миръ, но, наоборотъ, вносится въ ея нѣдра и узаконяется постоянная борьба.

Прилагая эти общія воззрѣнія Рима къ его отношеніямъ къ Россіи, прежде всего нельзя не замѣтить, что онъ считаетъ ее страною, въ которой латинскую церковь необходимо держать подъ непосредственнымъ управленіемъ папы, частію, какъ страну *невѣрную*, куда Римъ посылаетъ своихъ миссіонеровъ, затѣмъ, по присоединеніи западныхъ губерній, какъ *отпадшую*, въ лицѣ уніатовъ, которыхъ онъ стремится возвратить въ лоно латинской церкви; и, наконецъ, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ въ царствѣ польскомъ, хотя и господствуетъ это исповѣданіе, но церковное устройство и управленіе *пришли въ разстройство*, потому что преграждены пути для насильственной пропаганды, и притомъ властью, не принадлежащею къ латинскому исповѣданію. Устранить эту власть отъ всякого вліянія на дѣла латинской церкви, — вотъ цѣль римскаго престола, которой онъ стремится достигнуть въ отношеніи къ Россіи, и учрежденіе постоянной нунціатуры является въ этомъ случаѣ единственнымъ средствомъ. Съ этой точки зрѣнія представляетъ особое значеніе длинный рядъ переговоровъ нашего правительства съ римскимъ дворомъ объ утвержденіи Сестренцевича въ санѣ архіепископа, потомъ митрополита и наконецъ кардинала. Наше правительство стремилось къ тому, чтобы расширить власть мѣстныхъ представителей латинскаго духовенства, согласно съ древними каноническими правилами и для удобства управленія. Римъ, съ своей стороны, неохотно дѣлалъ уступки, давалъ нѣкоторыя права митрополиту, но только временно, въ качествѣ папскаго уполномоченнаго, и вовсе отклонилъ предложеніе возвесть его въ санъ кардинала. Зная образъ мыслей Сестренцевича о значеніи епископской власти, Римъ опасался, что въ Россіи можетъ образоваться мѣстная довольно самостоятельная церковь, въ родѣ галликанской. Нѣтъ сомнѣнія, что къ этому и стремилась политика Россіи въ отношеніи къ Риму при императрицѣ Екате-

ринѣ Великой [1]), и что только въ этомъ видѣ, согласномъ съ началами и преданіями христіанской церкви и несовмѣстномъ съ папскими притязаніями на полновластіе, и возможно мирное существованіе латинской церкви въ русской имперіи, подъ покровомъ самой широкой терпимости. Но не того желаютъ ультрамонтаны и іезуиты, которыхъ воззрѣнія постоянно преслѣдовалъ Римъ въ отношеніи къ Россіи. «Чтобъ дать понятіе о томъ, что называется здѣсь терпимостію, говоритъ графъ де-Местръ, довольно замѣтить, что римско-католическіе подданные его императорскаго величества не имѣютъ къ нему доступа въ качествѣ католиковъ, т. е. неимѣютъ оффиціальнаго представителя ихъ вѣры, посредствомъ котораго могли бы приносить государю свои представленія и жалобы; они должны приносить ихъ чрезъ министра *духовныхъ дѣлъ*, который ничего не знаетъ, что слѣдуетъ знать, не для того только, чтобы правосудно относиться къ нимъ, но даже, чтобы понять ихъ. Государь, безъ сомнѣнія, лучшій европейскій судья въ дѣлѣ приличій и такта, легко можетъ убѣдиться, что для всякого человѣка, и особенно католическаго священника, который долженъ оффиціально вести дѣла церковныя, прихожая министра духовныхъ дѣлъ, безспорно, самая большая пытка, послѣ чести говорить съ нимъ». Въ письмѣ къ кардиналу Североли, 1816 г., жалуясь, что истина о состояніи латинской церкви не можетъ доходить до императора, онъ говоритъ: «Уполномоченный нунцій могъ бы многое устроить, въ этомъ заключается великая надежда [2])».

---

[1]) И при императорѣ Александрѣ I, послѣ многихъ неудачныхъ опытовъ установить мирныя отношенія къ Риму, русское правительство, кажется, имѣло въ виду эту цѣль, даже въ отношеніи къ царству польскому. Графъ де-Местръ въ 1816 г., 3 декабря, писалъ, предостерегая его, къ кардиналу Североли изъ Петербурга: «Je ne puis guère douter du projet arrêté de soustraire la Pologne à l'obédience du saint-siége par des moyens qui pourraient même échapper, dans le principe, à l'oeil juste et attentif du souverain. Les plus terribles ennemis de la religion sont à la tête des choses dans ce malheureux pays; jamais nous n'eumes plus besoin de toute la sollicitude de sa sainteté. Lettres et opusc. inédites ed. 1865 г. т. I, стр. 439.

[2]) Lettres et opusc. inédites: т. I, стр. 446; т. II, стр. 384 и 386; въ письмѣ къ кардиналу Североли такъ описываетъ гр. де-Местръ кн. А. Н. Голицына: «Cette masse énorme de *onze millions* (?) d'hommes ne peut aborder le souverain (j'entends dans l'ordre religieux) que par l'organe d'un ministre des cultes (titre funeste inventé par Bonaparte), russe de croyance, que j'honnore infiniment comme gentilhomme, comme honnête homme, comme homme d'esprit, comme homme du monde, comme bon sujet de l'empereur, mais qui en sait autant qu'un enfant de dix ans sur tout ce qu'il faudrait savoir pour nous comprendre, nous juger et nous conduire. Après ce qui s'est passé ailleurs il n'a ni ne peut avoir notre confiance». Только нунцій можетъ пользоваться довѣріемъ и доводить истину до государя! «Quand on se demande par quels organes la verité peut arriver jusqu'a l'empereur de Russie, говоритъ гр. де-Местръ, on ne sait en imaginer que deux parmi les créatures: un ange, ou une dame!» Тамъ же, т. II, стр. 398.

Такимъ образомъ, учрежденіе въ Россіи постояннаго нунція составляетъ постоянное и даже почти единственное желаніе папскаго правительства, если нельзя вполнѣ отторгнуть отъ Россіи тѣхъ областей, гдѣ по преимуществу сосредоточивается латинская церковь. Безотчетно передъ правительствомъ страны управляя этою церковью, устранивъ его отъ всякого на нее вліянія и надзора за нею, нунцій непосредственно бы относился къ государю, но какъ представитель другого государя. Но, кромѣ общаго значенія, на которое мы указали, нунцій имѣлъ бы у насъ еще другое, особенное. Онъ не былъ бы только намѣстникомъ папы въ особомъ латинскомъ по исповѣданію государствѣ, находящимся въ предѣлахъ имперіи, но и государства польскаго, потому что римскій католицизмъ, вслѣдствіе особыхъ историческихъ обстоятельствъ у насъ тождественъ съ польскою народностью, и латинская пропаганда есть въ тоже время и пропаганда польской народности. Такимъ образомъ, полная независимость римско-католической церкви отъ русскаго правительства, какъ желалъ Римъ, равнялась бы независимости Польши. Съ этой точки зрѣнія смотря на вопросъ о нунціѣ, нѣтъ нужды и доказывать, какая могла грозить опасность благосостоянію государства.

Поэтому, слова нашего канцлера, что Россія готова была сдѣлать *великую* уступку—совершенно справедливы. Нельзя не повторить, съ особенною благодарностью, слѣдующихъ строкъ изъ записки, приложенной къ нотѣ 7 января: «Притязанія, чтобы сношенія нунція не подлежали никакимъ ограниченіямъ на основаніи законовъ страны, ограниченіямъ, существующимъ даже въ странѣ латинской по исповѣданію, какъ Франція, обличали затаенныя цѣли римскаго двора, которыхъ, конечно, императорское правительство должно было опасаться, и необходимымъ послѣдствіемъ которыхъ было устраненіе вопроса о назначеніи нунція не только въ настоящее время, но и *въ будущемъ*».

XII.

Отношеніе римскаго двора и латинскаго духовенства къ мѣрамъ нашего правительства, принятымъ по усмиреніи мятежа: крестьянской реформѣ, сокращенію числа монастырей, праву патроната и устройству бѣлаго духовенства.—Разрывъ съ Римомъ. — Заключеніе.

Польскій мятежъ былъ усмиренъ вооруженною рукою; угроза европейскаго вмѣшательства въ дѣла внутренняго управленія Россіи смолкла, и отзывается только въ тайныхъ подстрекатель-

ствахъ Франціи и враждебныхъ дѣйствіяхъ безсильной и коварной политики Австріи. Чѣмъ болѣе разгарался мятежъ, чѣмъ сильнѣе выражалось давленіе на наше правительство иностранныхъ державъ, тѣмъ яснѣе и опредѣленнѣе высказывалось общественное мнѣніе Россіи. «Русскій народъ, говоря словами нашего канцлера, соединился вокругъ трона съ такимъ порывомъ, какого мало примѣровъ представляетъ исторія. Онъ заявилъ предъ цѣлымъ міромъ, что готовъ пролить до послѣдней капли свою кровь, защищая достоинство государя и неприкосновенность русской земли». Блистательный подвигъ нашей дипломатіи былъ достоинъ подъема общественнаго мнѣнія, и имя князя Горчакова займетъ почотное мѣсто на страницахъ нашей исторіи. Литература, при посредствѣ своихъ органовъ, была вѣрнымъ отголоскомъ русскихъ воззрѣній, и сослужила великую службу родной странѣ. За прекращеніемъ мятежа послѣдовалъ рядъ преобразованій; излишне объяснять ихъ необходимость, не нужно доказывать благонамѣренныхъ цѣлей правительства, всѣ они совершались открыто, и каждое законоположеніе обнародовалось съ изложеніемъ побудительныхъ причинъ. Мы должны только разрѣшить вопросъ: какъ относилось къ нимъ латинское духовенство и римскій дворъ?

Два сословія должны были прежде всего обратить на себя вниманіе правительства по причинамъ совершенно противоположнымъ: крестьяне, оставшіеся вѣрными и преданными Россіи, постоянно угнетаемые панами и не принимавшіе добровольнаго участія въ мятежѣ, и — латинско-польское духовенство, какъ главный двигатель мятежа.

Совершенно справедливо въ запискѣ нашего канцлера указано на соотношеніе между польскимъ мятежемъ и освобожденіемъ крестьянъ въ имперіи. Законоположенія 19 февр. 1861 г. начали новую, благодѣтельную эпоху въ жизни русскаго народа, а для поляковъ послужили сигналомъ къ вооруженному возстанію.

Поляки хвастались передъ русскими, конечно, передъ тѣми, кому было незнакомо настоящее положеніе дѣлъ, указывая, какъ на признакъ высшаго развитія общественной жизни, на то, что крестьяне царства были свободны. Но эта свобода, не добровольно дарованная поляками ихъ крестьянамъ, но провозглашенная Наполеономъ I, была только свободою на словахъ и на бумагѣ,—на дѣлѣ же крестьяне царства польскаго находились гораздо въ худшемъ положеніи, нежели крѣпостные люди въ имперіи. Это была свобода только личная, а въ имущественномъ отношеніи крестьяне находились въ полномъ и произвольномъ распоряженіи пановъ и доведены были до крайняго разоренія.

Но и самая личная свобода была сильно стѣснена правомъ сельскаго суда и управленія, находившагося въ рукахъ пановъ или назначаемыхъ ими лицъ. Желая обезпечить положеніе крестьянъ въ царствѣ польскомъ, наше правительство принимало мѣры, даже путемъ законодательнымъ; но они не приводились въ исполненіе по упорству пановъ и мѣстной польской администраціи. Постоянный поземельный надѣлъ съ правомъ выкупа и самоуправленіе въ широкихъ размѣрахъ, дарованное положеніями 19 февр. 1861 г. крестьянамъ имперіи, заставили обратить вниманіе поляковъ на то, что правительство рано или поздно, но на тѣхъ же основаніяхъ, принуждено будетъ разрѣшить его и въ отношеніи къ царству. «Аристократическая партія рѣшилась во что бы то ни стало воспротивиться осуществленію реформы, необходимымъ послѣдствіемъ которой было бы уничтоженіе привилегій феодальной власти. Разорвавъ всякую связь съ прошедшимъ и отступивъ отъ своихъ принциповъ, она заключила союзъ съ космополитическою революціонною партіею въ Польшѣ, которая была уже на-сторожѣ. Постановленіе объ отмѣнѣ крѣпостнаго права было обнародовано въ Петербургѣ 19 февр. 1861 г.; а 24 февр. того же года земледѣльческое Общество, собравшись въ Варшавѣ и придавъ себѣ значеніе учредительнаго собранія, утвердило мѣры, предложенныя Мѣрославскимъ, который, спустя восемь дней послѣ того, писалъ изъ Парижа, что эти мѣры должны послужить точкой исхода для народнаго возстанія» [1]).

Но вліяніе положеній о крестьянахъ на западныя губерніи было еще сильнѣе. Едва мысль объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости сдѣлалась предметомъ трудовъ правительства, польскіе помѣщики этихъ губерній, предупреждая русскихъ, поспѣшили съ предложеніями своихъ услугъ. Они хотѣли взять этотъ, жизненный для Россіи вопросъ, въ свои руки и разрѣшить его такъ, чтобы русскій народъ, населяющій эти губерніи, не ускользнулъ изъ-подъ ихъ власти, а съ тѣмъ вмѣстѣ не разрушилась бы желанная ихъ мечта о возстановленіи Польши въ предѣлахъ 1772 г. Но ихъ предположенія о личномъ только освобожденіи съ сохраненіемъ въ сельскихъ обществахъ суда и управленія въ рукахъ помѣщиковъ, не были приняты правительствомъ и тѣмъ нанесенъ былъ рѣшительный ударъ стремленію ополячить и обратить въ латинство русскихъ крестьянъ этихъ губерній. Какъ за послѣднее средство, ухватились они за приведеніе въ исполненіе положеній 19 февраля, которое ввѣрялось лицамъ избраннымъ самимъ дворянствомъ

[1]) Записка къ нотѣ 7 янв. 1867 г.

изъ своей среды. Но это средство помогло имъ только обмануть крестьянъ и тѣмъ раздражить ихъ еще болѣе противъ себя, ограничить на время свои потери, но все-таки мысль о границахъ Польши 1772 г. надо было бросить, или — завоевать эти границы. Давно приготовляемый мятежъ былъ вызванъ такимъ положеніемъ дѣлъ, обнаружилъ коварные замыслы поляковъ и, въ свой чередъ, пособилъ правительству окончательно разрѣшить крестьянскій вопросъ въ западныхъ губерніяхъ, исправленіемъ неправильныхъ дѣйствій мировыхъ учрежденій, состоявшихъ изъ поляковъ, пропитанныхъ ненавистью къ русскимъ крестьянамъ, уничтоженіемъ временно-обязанныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, посредствомъ обязательнаго выкупа и устроить бытъ крестьянъ въ царствѣ польскомъ, примѣняясь къ главнымъ началамъ положеній 19 февраля 1861 г. Крушеніе политическихъ замысловъ поляковъ въ отношеніи къ западнымъ губерніямъ, послѣ обнародованія этихъ положеній, было, въ тоже время, и окончательнымъ разрушеніемъ возможности совращать русскихъ крестьянъ въ латинство. Положенія 19 февраля наносили такимъ образомъ рѣшительный ударъ и римско-католической пропагандѣ. Многовѣковая исторія этого края засвидѣтельствовала, что эта пропаганда только и возможна при помощи внѣшняго насилія. Съ паденіемъ государственной власти бывшей Рѣчи-Посполитой въ рукахъ поляковъ, кромѣ мѣстной администраціи, на которую они постоянно имѣли вліяніе, оставалось одно только надежное орудіе, крѣпостное право помѣщиковъ на крестьянъ, помощію котораго они могли усердно помогать латинскому духовенству въ дѣлѣ пропаганды. Это очень хорошо и давно понимала латинская церковь, и это, въ свой чередъ, объясняетъ союзъ польскаго духовенства съ мятежемъ [1]).

Обращаясь къ тѣмъ мѣрамъ, которыя приняло наше правительство въ отношеніи къ польскому духовенству, считаемъ нужнымъ замѣтить, что мы укажемъ только на тѣ, которыя

---

[1]) Любопытно въ этомъ случаѣ припомнить, что писалъ въ 1811 г. замѣчательный иностранецъ, долго жившій въ Россіи, считавшій себя ея другомъ, но ревностный римскій католикъ и защитникъ іезуитовъ графъ де-Местръ. Вотъ какіе давалъ онъ совѣты нашему правительству по случаю предположеній объ освобожденіи крестьянъ: restreindre l'affranchissement, loin de le favoriser par aucune loi, car toute loi faite dans ce sens serait mortelle; et retrancher en même temps, par tous les moyens possibles, les abus, qui pourraient le faire trop desirer par le peuple. Ne jamais récompenser l'affranchissement comme une action moralement bonne et politiquement utile de la part des nobles!—«Quatres chapitres inédits sur la Russie»,—сочиненіе, изданное по смерти автора въ 1859 г., стр. 145 — 46.

были приняты до окончательнаго разрыва нашихъ сношеній съ Римомъ, и ограничимся лишь объясненіемъ общаго ихъ значенія, не входя въ подробности, всѣмъ извѣстныя и такъ еще недавно обнародованныя. Эти мѣры заключаются въ постановленіяхъ о сокращеніи числа монастырей въ царствѣ польскомъ, 27 октября 1864 г., о церковномъ патронатѣ, іюня 14 того же года, и объ устройствѣ свѣтскаго римско-католическаго духовенства, 14 декабря 1865 г.

Имѣютъ ли эти мѣры значеніе карательныхъ, которое желаютъ придать имъ враги Россіи, и обличаютъ ли угнетеніе и преслѣдованіе латинской церкви, какъ торжественно заявляетъ римскій дворъ?

Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что наше правительство могло бы приступить и къ карательнымъ мѣрамъ въ отношеніи къ сословію, принимавшему такое дѣятельное участіе въ мятежѣ; но карательныя мѣры оно ограничило только отдѣльными лицами, сравнительно весьма немногими изъ числа явныхъ возмутителей, или мятежниковъ, дѣйствовавшихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Общія же мѣры, ни въ чемъ не нарушавшія догматовъ латинской церкви, клонились къ пользамъ самого духовенства, конечно, въ качествѣ служителей алтаря, а не революціонныхъ агитаторовъ и мятежниковъ. Оно не уничтожило римско-католическихъ монастырей, какъ это было сдѣлано многими изъ западно-европейскихъ государствъ, но только сократило ихъ число. Россія, въ этомъ случаѣ, не послѣдовала примѣру этихъ державъ, даже латинскихъ по исповѣданію, и — не послѣдовала въ качествѣ православнаго государства, которое признаетъ монашество однимъ изъ коренныхъ установленій вселенской церкви. Сверхъ того, этою мѣрою оно привело только въ исполненіе желанія и предположенія самого польскаго правительства, нѣсколько разъ заявляемыя со временъ учрежденія царства польскаго, въ 1815 г.

Сокращая, однакоже, число монастырей, оно прежде всего приняло въ соображеніе каноническія правила самой латинской церкви и закрыло тѣ, въ которыхъ было менѣе установленнаго ими числа монаховъ. Римскій дворъ, со времени учрежденія царства польскаго, въ продолженіи слишкомъ 50 лѣтъ, терпѣлъ и поощрялъ нарушеніе этихъ правилъ, отклоняя всѣ представленія нашего правительства, конечно, не въ видахъ пользъ и достоинства латинской церкви, а съ иными цѣлями. Кто же нарушалъ каноническія правила, неужели наше правительство, какъ торжественно заявляетъ Римъ? Сверхъ того подверглись закрытію монастыри, явно обличенные въ участіи въ мятежѣ и

принадлежавшіе орденамъ, которые не имѣли ничего общаго съ монашествомъ древней церкви, но составляли общества для политической и религіозной пропаганды. За приведеніемъ въ исполненіе этой мѣры въ царствѣ польскомъ осталось еще слишкомъ значительное число монастырей, сравнительно съ народонаселеніемъ края [1]), управленіе которыми подчинено епископамъ на основаніи правила, которымъ руководствовалось наше правительство со временъ императрицы Екатерины II.

Рядъ преобразованій въ отношеніи къ свѣтскому духовенству начался постановленіемъ о церковномъ патронатѣ или, такъ называющейся въ Польшѣ, *коллятуръ*, который измѣнялъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ существовавшій порядокъ патронатства. Право патронатства, на основаніи котораго патроны церквей представляли кандидатовъ на мѣста священниковъ и предсѣдательствовали въ комитетахъ или *дозорахъ*, которые завѣдывали церковными имуществами и зданіями, принадлежало къ числу средневѣковыхъ обычаевъ феодализма, противъ котораго постоянно дѣйствовалъ Римъ, причисляя его къ такъ называемымъ имъ *ненавистнымъ* правамъ, jura odiosa. Новое постановленіе не отмѣняло этого права, но только согласовало съ новыми правами, дарованными крестьянамъ, допустивъ сельское населеніе къ участію въ управленіи дѣлами своихъ приходскихъ церквей. Но патронами бывали въ Польшѣ паны-католики и въ греко-уніатскихъ церквахъ, что, конечно, отмѣнено новымъ закономъ, равно какъ постановленіемъ о десятинахъ уничтоженъ несправедливый обычай, по которому лица не-латинскаго вѣроисповѣданія обязывались платить эту подать римско-католическому духовенству. Что же касается до постановленія о свѣтскомъ духовенствѣ то достаточно замѣтить, что оно составляетъ только исполненіе тѣхъ предположеній, которыя заявляло само польское правительство въ 1817 г., что, назначивъ постоянныя духовнымъ лицамъ жалованья, оно равномѣрнѣе распредѣлило доходы съ церковныхъ имуществъ. Обезпечивъ сельское духовенство, крайне нуждавшееся въ средствахъ существованія, оно, конечно, убавило огромные доходы высшаго духовенства, но тѣмъ не менѣе

[1]) На 3,800,000 жителей въ царствѣ польскомъ было 155 мужскихъ и 42 женск. монастырей; въ нихъ находилось 1,624 монаховъ и 578 монахинь, т. е. по 11 на монастырь круглымъ числомъ. По недостаточному числу монаховъ закрыто 71 муж., въ коихъ было 304 монаха, и женскихъ 4. За участіе въ мятежѣ упразднено 39 муж. монастырей. Оставалось 45 муж. и 38 жен., которые были раздѣлены на штатные, 25 мужск. и 10 женск., и сверхъ-штатные, которые современемъ предположено такъ же закрыть. См. статью А. Θ. Гильфердинга о значеніи монаст. реформы въ царс. польскомъ, въ «Русск. Инвалидѣ» 1864 г. V.

совершенно обезпечило безбѣдное его существованіе, что доказывается тѣмъ, что назначенныя нашимъ правительствомъ жалованья превышаютъ тѣ, которыя получаютъ духовные чины во Франціи.

Какъ же отнеслось ко всѣмъ этимъ преобразованіямъ латинское духовенство? Оно, повидимому, распалось на двѣ стороны, которыя хотя въ сущности и были между собою согласны, но различались въ способѣ дѣйствія.

Нѣкоторые прямо и рѣшительно пытались возставать противъ этихъ мѣръ, и въ своихъ представленіяхъ въ правительственную коммиссію духовныхъ дѣлъ обвиняли постановленія о крестьянахъ въ коммунизмѣ и соціализмѣ, а всѣ другія — въ нарушеніи каноническихъ правилъ и отказывались приводить ихъ въ исполненіе. Бо̀льшая же часть епископовъ, не возражая противъ самыхъ постановленій, считала однакоже необходимымъ испросить разрѣшеніе папы прежде ихъ исполненія. И тѣ и другіе составили представленія къ папѣ, одни прямо въ видѣ жалобъ на русское правительство, другіе, одобряя даже самыя мѣры, испрашивали только папскаго утвержденія. Администраторъ варшавской епархіи писалъ папѣ: «Указъ вовсе не уничтожаетъ у насъ учрежденій иноческой жизни, но уменьшаетъ только число монастырей и конгрегацій и остается еще много монастырей мужскихъ и женскихъ. При церквахъ, находящихся при упраздненныхъ монастыряхъ, правительство оставило по одному, по два и даже по три ксендза для отправленія богослуженія, такъ что ни одна изъ церквей не закрыта и вездѣ богослуженіе совершается. Нынѣ на 120,000 католическихъ жителей, въ Варшавѣ, состоитъ только пять приходовъ. Они будутъ раздѣлены на 12 викаріевъ, считая на каждаго по 2 тыс. душъ; правительство будетъ содержать ихъ на свой счетъ. Отъ такого устройства приходовъ ожидается не мало пользы въ управленіи архіепархіею. Имѣнія монастырей правительство, принимая въ свое вѣдѣніе, въ замѣнъ оныхъ назначаетъ изъ казны содержаніе для монашествующихъ... Остающіеся монастыри, подчиняясь непосредственно епархіальному начальству, принесутъ большую пользу въ отношеніи благочинія между монахами, ибо затрудненія, встрѣчавшіяся доселѣ генеральными настоятелями въ посѣщеніи монастырей въ царствѣ, и дальнее разстояніе отъ Рима способствовали ослабленію монашескихъ правилъ».

Слѣдуетъ замѣтить, что такъ дѣйствовали польскіе епископы, послѣ только-что усмиреннаго мятежа, зная отношенія римскаго двора къ нашему и, конечно, не сомнѣваясь въ смыслѣ отвѣта, который бы послѣдовалъ отъ папы. Безъ сомнѣнія, наше пра-

вительство отклонило въ этомъ случаѣ всякія сношенія съ Римомъ, въ угоду польскаго духовенства.

Но римскій дворъ самъ поспѣшилъ заявить свой взглядъ. Онъ воздержался отъ представленія своего мнѣнія о положеніи о крестьянахъ; но лишь только постановленіе, 27 октября 1864 г., о сокращеніи числа монастырей въ царствѣ, дошло до свѣдѣнія Рима, кардиналъ Антонелли сообщилъ нашему уполномоченному пространную ноту, 30 января 1865 г. [1]), въ которой изложенъ взглядъ папскаго правительства на эту мѣру. «Главныя начала этого постановленія — сказано въ ней — сводятся къ слѣдующимъ тремъ положеніямъ:

1) Уничтоженіе и закрытіе почти всѣхъ монастырей, мужскихъ и женскихъ, въ царствѣ польскомъ;

2) Отобраніе ихъ имуществъ въ казну, и —

3) Подчиненіе епископской юрисдикціи оставшихся незакрытыми монастырей».

Указавъ на польскую конституцію 13 мая 1815 г., органическій статутъ 14 февраля 1832 г. и тайный протоколъ къ конкордату 1847 г., основываясь на которомъ Пій IX въ буллѣ Universalis ecclesiae cura, 5 іюля 1848 г., объявилъ, что число монастырей, существующихъ въ имперіи и царствѣ, останется неприкосновеннымъ—кардиналъ статсъ-секретарь продолжаетъ:

«Основатель нашей вѣры, І. Христосъ, ввѣривъ церкви власть пасти, наставлять и управлять исповѣдующими ея ученіе, также уполномочилъ ее избирать средства для лучшаго исполненія своего великаго призванія. Поэтому, церковь, признавая весьма полезными для своей великой цѣли монастыри, учреждала ихъ сообразно съ потребностями времени и пользою вѣрующихъ. Эти знаменитыя общества обязаны своимъ происхожденіемъ исключительно церкви, которая одна и можетъ судить о ихъ пользѣ и произносить рѣшеніе о ихъ судьбѣ. Свѣтская власть не можетъ ихъ закрывать, сокращать и уничтожать потому, что не она ихъ учредила, и учреждать не имѣетъ власти; поступая же такимъ образомъ, она нарушаетъ публичное исполненіе евангельскихъ наставленій, образъ жизни, указанный церкви ея основателемъ, и права этой церкви, которыя были признаны и уполномоченными, заключившими конкордатъ. Точно также несогласно съ правами Христовой церкви и отобраніе монастырскихъ имуществъ и назначеніе изъ казны жалованья монахамъ, — потому что, право владѣть тѣмъ, что̀ имѣемъ, существенно проистекаетъ изъ права существовать и поддерживать свое существованіе, и

[1]) Esposizione docum. № LXXXVI, стр. 261 — 68.

всегда несправедливо покушаться на собственность другого. И такъ какъ католическая церковь есть общество видимое и открытое (visibile et publica), не изъ духа одного состоящая, но и изъ людей, а пріобрѣтать и владѣть имуществомъ есть естественное право каждаго человѣка, то этого права не могутъ и не должны быть лишены монахи, ибо во всѣ времена и у всѣхъ народовъ это право въ отношеніи къ лицамъ, посвятившимъ себя Богу, было уважаемо, и имущества, пожертвованныя благочестіемъ вѣрныхъ на поддержаніе богослуженія и священнослужителей, всегда щадились какъ по законному ихъ происхожденію, такъ и высокому и священному ихъ употребленію. Въ заключеніе, нельзя не замѣтить, что постановленіе объ отобраніи этихъ имуществъ не согласно съ прежними императорскими постановленіями и новыми многихъ даже не-католическихъ, но не революціонныхъ правительствъ Европы; оно открываетъ путь къ коммунизму и нарушаетъ публичное довѣріе, достоинство и честь предшественниковъ его величества....

«Когда русское правительство относилось къ святому престолу съ требованіемъ, чтобы епископамъ предоставить право распоряженія надъ монастырями, то ему было замѣчено, вопервыхъ, что монастыри, на основаніи древнѣйшихъ привилегій, изъяты изъ-подъ власти епископовъ и непосредственно подчинены святому престолу, но что это не препятствуетъ епископамъ пользоваться надъ ними правомъ юрисдикціи въ случаяхъ, довольно частыхъ, но опредѣленныхъ канонами и особенно тридентинскимъ соборомъ. Во-вторыхъ, надо замѣтить, что св. престолъ иногда, въ случаѣ особыхъ обстоятельствъ, уступалъ эту власть епископамъ, облекая ихъ званіемъ апостольскаго визитатора временно (ad tempus), какъ поступилъ Пій VI въ отношеніи къ Сестренцевичу въ 1778 г. Эти соображенія были представляемы русскому правительству въ 1817 г., когда оно требовало тѣхъ же правъ для польскихъ епископовъ, и святой престолъ не согласился на ненавистную (odiosissima) мѣру и совершенно новую въ исторіи церкви, въ качествѣ общей и постоянной мѣры, лишить монашескіе ордена устройства и управленія, основаннаго на каноническихъ правилахъ, по которымъ, въ отдѣльныхъ областяхъ, монастыри подчиняются провинціаламъ, находящимся въ зависимости отъ генераловъ орденовъ или другихъ властей, опредѣленныхъ святымъ престоломъ. Наконецъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что изъять монастыри изъ-подъ власти орденскихъ начальствъ, было бы равносильно уничтоженію бдительнаго за ними надзора, визитацій и капитуловъ провинціальныхъ и генеральныхъ, въ чемъ заключалась бы

главнѣйшая причина паденія дисциплины; ибо епископы недостаточно знакомы съ постановленіями каждаго ордена, чтобы своевременно оказывать имъ помощь въ ихъ нуждахъ, и не могутъ, за множествомъ пастырскихъ заботъ, всегда быть къ тому готовы».

Въ заключеніе, кардиналъ статсъ-секретарь выразилъ слѣдующее мнѣніе о причинахъ, которыя побудили наше правительство прибѣгнуть къ сокращенію числа монастырей:

«Эти причины сводятся въ собственномъ смыслѣ только къ двумъ: недостаточному числу монаховъ во многихъ изъ нихъ, менѣе осьми, и къ тому участію, которое принимали монахи въ послѣднемъ мятежѣ.

«И въ указѣ 1832 г., которымъ уничтожено множество монастырей въ русско-польскихъ провинціяхъ, упоминается тоже о каноническихъ постановленіяхъ, о числѣ монаховъ. Но не говоря о томъ, что, по декрету Иннокентія X, монастыри, съ недостаточнымъ числомъ монаховъ по каноническимъ правиламъ, не предназначались къ уничтоженію, но отдавались въ вѣдомство епархіальнаго начальства; не говоря о томъ, что рѣшеніе, когда эти каноническія правила должны быть прилагаемы къ частнымъ случаямъ, принадлежитъ власти св. престола, которому они обязаны своимъ происхожденіемъ; не говоря о томъ, что малые монастыри, особенно гдѣ недостаточно бѣлаго духовенства, чрезвычайно полезны и даже необходимы для духовныхъ потребностей вѣрующихъ,—слѣдуетъ замѣтить только, что значительное уменьшеніе числа монаховъ въ польскихъ монастыряхъ зависѣло отъ тѣхъ преградъ, которыя полагало правительство для желавшихъ вступить въ монашество. Что касается до второй причины, указанной въ постановленіи, то императору извѣстны правила св. престола въ отношеніи къ вѣрности, покорности и повиновенію свѣтскому государю въ дѣлахъ гражданскихъ (nell'ordino civile). По тому, что монашествующіе въ послѣднихъ происшествіяхъ отступили отъ этихъ правилъ,— нарушеніе ихъ *нѣкоторыми* не можетъ служить поводомъ къ уничтоженію *всѣхъ*; и еслибы императорское правительство представило свои жалобы св. престолу, то онъ не замедлилъ бы принять дѣйствительныя мѣры. Нельзя не повторять постоянно, что существенная причина этихъ *безпорядковъ* заключалась въ новыхъ постановленіяхъ правительства, клонившихся ко вреду католической религіи, производившихъ соблазнъ для вѣрующихъ и разрушавшихъ уваженіе. Эти нововведенія и постановленія, которыя, вѣроятно, послужили поводомъ къ паденію дисциплины въ монастыряхъ, нѣкогда столь святыхъ и цвѣтущихъ, состояли

особенно въ запрещеніи свободно сноситься съ апостольскимъ престоломъ, въ совершенной независимости монастырей отъ ихъ орденскихъ генераловъ, въ уничтоженіи провинціаловъ, и потому визитацій и капитуловъ, въ предписаніи о произнесеніи монашескихъ обѣтовъ, разрушавшихъ отъ начала до конца всѣ каноническія правила, о религіозномъ воспитаніи, ученіи въ университетѣ и лицеяхъ; и наконецъ—въ Петербургѣ не было представителя св. престола».

Мы привели подробныя выписки изъ этой послѣдней, между помѣщенными въ папскомъ сборникѣ, ноты римскаго правительства, чтобы показать, какимъ языкомъ оно позволяло себѣ говорить съ русскимъ дворомъ послѣ того, какъ польскій мятежъ былъ усмиренъ, и участіе въ немъ духовенства вполнѣ обнаружено вмѣстѣ съ тѣми отношеніями, въ какихъ находился къ нему римскій престолъ. Конечно, на эту ноту не послѣдовало отвѣта, какъ и на многія другія заявленія. Было несовмѣстно съ достоинствомъ Россіи и ея императора, нашему правительству входить въ пререканія съ подобными противниками. Съ большею частію доказательствъ, и въ этой нотѣ повторенныхъ римскимъ дворомъ, намъ уже не разъ приходилось встрѣчаться въ этомъ изслѣдованіи, и мы говорили уже о ихъ силѣ и значеніи. Поэтому, избѣгая повтореній, мы укажемъ только на тѣ особенности, съ которыми повторяются старыя доказательства въ новой нотѣ, и прежде всего разсмотримъ новый взглядъ римскаго престола на право монаховъ владѣть имуществами.

Во все продолженіе многовѣковой своей жизни, римская церковь, при постоянномъ стремленіи ея духовенства скоплять какъ можно болѣе имуществъ въ своихъ рукахъ, не основывала этого права на правѣ вообще *лица* владѣть имуществомъ, на правѣ частной собственности. Оно помнило завѣтъ божественнаго основателя христіанской вѣры въ отношеніи къ служителямъ алтаря, и, въ безконечныхъ спорахъ о церковныхъ имуществахъ со всѣми европейскими государствами, *никогда* не называла ихъ имуществами духовенства, какъ *лицъ*,—но *достояніемъ бѣдныхъ*, имуществами, предназначенными для поддержанія церквей, отправленія богослуженія, содержанія благотворительныхъ и вообще благочестивыхъ учрежденій, ввѣренныхъ попеченію духовенства. Духовныя лица считались только *хранителями* этихъ имуществъ, и сами, единственно въ качествѣ *служителей* церкви и *бѣдныхъ*, могли пользоваться частію доходовъ. Между тѣмъ, въ нотѣ кардинала Антонелли, 30 января 1865 г., выраженъ совершенно новый, даже для латинской церкви, взглядъ, и право собственности духовенства основано на *естественномъ правѣ всякого*

человѣка пріобрѣтать имущества и владѣть ими. Но этого еще мало: какъ въ православной, такъ и въ латинской церкви, въ числѣ главнѣйшихъ монашескихъ обѣтовъ заключается именно отказъ отъ права собственности; между тѣмъ, въ нотѣ кардинала Антонелли прямо выражено, что *монахи*, въ качествѣ *лицъ*, имѣютъ право на пріобрѣтеніе и обладаніе имуществомъ (che il diritto di acquistare e di possedere è naturale in ogni uomo, che da questo diritto non sono e non possono essere esclusi i regolari!) Неужели, въ заботахъ о поддержаніи падающей свѣтской власти папъ, римскій дворъ забылъ о коренныхъ правилахъ церкви, объ отношеніяхъ монашествующихъ къ имуществу, и полагаетъ даже, что правительство страны, неизмѣнно сохраняющей уставы вселенской церкви, не знаетъ этихъ правилъ?

Нельзя не замѣтить также постояннаго и умышленнаго, конечно, смѣшенія понятій о сокращеніи числа монастырей съ совершеннымъ ихъ уничтоженіемъ, о распоряженіяхъ свѣтской власти, какъ будто-бы они касались существенныхъ догматовъ, а не внѣшней только стороны церковной дисциплины, непосредственно соприкасающейся съ общею гражданскою и государственною жизнію. Многія изъ возраженій имѣли бы нѣкоторое значеніе, еслибъ дѣло шло объ уничтоженіи всѣхъ монастырей, а не сокращеніи только ихъ числа, о наказаніи *всѣхъ*, какъ выражается кардиналъ, монаховъ за преступленія *нѣкоторыхъ*, о нарушеніи догматовъ; но ничего подобнаго не было. Отказаться же русскому правительству отъ всякаго отношенія къ латинской церкви, значило бы отказаться отъ своихъ верховныхъ правъ.

Переходя къ происшествіямъ послѣдняго времени, обвинительная записка римскаго двора подробно перечисляетъ дѣйствія нашего правительства, въ которыхъ, по его мнѣнію, обнаруживается преслѣдованіе латинской церкви. Осудивъ ограниченіе права патроната, которое самъ Римъ постоянно порицалъ и преслѣдовалъ, и уничтоженіе десятинъ, она говоритъ: «Во время кровавыхъ столкновеній, духовныя лица только за то, что не отказывали въ пособіяхъ вѣры раненымъ въ сраженіяхъ и мятежникамъ, были удаляемы и заключаемы въ тюрьмы; монастыри были обращаемы для постоя войскамъ; священные сосуды и церковныя украшенія предаваемы разграбленію; ничтожныя жалованья епископовъ и капитуловъ обременяемы контрибуціями, весьма значительными во все время осаднаго положенія. Во многихъ приходахъ были прерваны церковныя службы и самое отправленіе таинствъ почти сдѣлалось невозможнымъ, потому, что ксендзовъ постоянно ссылали во внутрь имперіи или въ Сибирь, и такія мѣры принимались по преимуществу въ отношеніи къ приходамъ, въ кото-

рыхъ старались противодѣйствовать распространенію ереси. Въ виду такихъ намѣреній генералъ Муравьевъ, назначенный въ это время генералъ-губернаторомъ Литвы, предпринималъ жестокія мѣры для того, чтобы обрусить литовскія губерніи, посылая тысячами русскихъ какъ въ города, такъ и въ села, гдѣ были лишены собственности помѣщики, изгнаны или сосланы въ Сибирь, гдѣ граждане и народъ были принуждаемы или переселяться въ отдаленныя варварскія страны или измѣнять своей вѣрѣ. Съ этою цѣлію, вмѣстѣ съ еретическимъ митрополитомъ литовскимъ, предположили учредить еретическую богословскую академію въ Вильнѣ для вспомоществованія распространенію господствующаго исповѣданія; увѣдомляли еретическаго калужскаго епископа о тѣхъ мѣрахъ, которыя предполагали принять въ отношеніи къ сельскому управленію и въ отношеніи къ первоначальному образованію; чтобы разрушить въ Литвѣ латинскія и польскія начала, разослали секретный циркуляръ о томъ, чтобы обученіе крестьянъ не было ввѣряемо католикамъ, изгнали изъ катихизиса и школъ польскій языкъ, и образовали сельскія школы подъ управленіемъ еретическихъ священниковъ въ видахъ русской народности и вѣры. Съ этою же цѣлію еретическій минскій епископъ разослалъ по своей паствѣ пастырское посланіе, въ которомъ увѣщевалъ духовенство не употреблять польскаго языка, и праздновалось въ Вильнѣ, какъ особое торжество, двадцати-пятилѣтіе несчастнаго отпаденія, насильственными способами, греко-уніатовъ отъ католической церкви. Между тѣмъ, какъ такими мѣрами распространяли ересь въ Литвѣ, преслѣдуя насильственнымъ образомъ католическую церковь, почтенный епископъ виленскій, потому только что не одобрялъ насильственныхъ и несправедливыхъ дѣйствій правительства, былъ похищенъ у своей паствы и удаленъ въ изгнаніе, въ невѣдомыя страны. Мало того: новый поступокъ, небывалый въ лѣтописяхъ церкви, явно показалъ отношенія русскаго правительства къ епископской власти. Правительственнымъ постановленіемъ уважаемый прелатъ варшавскій былъ лишенъ епископской юрисдикціи въ своей епархіи, запрещено его прихожанамъ имѣть съ нимъ сношенія и сдѣлано распоряженіе, чтобы на мѣсто угнетеннаго епископа назначенъ былъ въ качествѣ администратора монсиньоръ Ржевускій, его суффраганъ и викарій [1])».

Читая эти строки и забывая о времени, въ которое мы живемъ, можно бы подумать, что рѣчь идетъ о временахъ Діоклетіана; но вспоминая, что между русскимъ правительствомъ, искони

[1]) Esposiz. document. стр. 46—48.

отличавшемся вѣротерпимостію, и римскими и языческими императорами, гонителями христіанской церкви, ничего нѣтъ общаго, точно такъ же, какъ ничего общаго между папизмомъ и древнею христіанскою церковью, невольно задумываешься: для кого это писано, кого желали обмануть, и, наконецъ, чего-же хотѣло само папское правительство?!

Исторію обмануть нельзя, особенно въ наше время; что-же касается до желаній папскаго правительства, то въ этомъ отношеніи и сомнѣній быть не можетъ: самъ Римъ выразилъ ихъ съ совершенною ясностію. Въ то время, какъ въ переговорахъ съ нашимъ правительствомъ папа *конфиденціально* порицалъ мятежныя дѣйствія польскаго духовенства, онъ отказывался открыто выразить свое неодобреніе, а напротивъ, тайными путями поощрялъ его упорно слѣдовать избранному имъ направленію. «24-го апрѣля 1865 г., когда праздновалась память св. Фиделія Сигмарингенскаго, папа произнесъ, въ коллегіи пропаганды, аллокуцію, которой смыслъ и выраженія въ послѣдствіи хотѣли смягчить, но въ которой однакоже Пій IX прямо обвинялъ лично императора въ угнетеніи церкви, покушеніи на католическую вѣру и преслѣдованіи несчастныхъ, которыхъ вина состояла только въ томъ, что они до смерти пребывали вѣрными религіи Христа [1])». Въ посланіи къ польскому духовенству, 30-го іюня 1864 г., тайно доставленномъ варшавскому епископу-суффрагану, Пій IX мѣры русскаго правительства противъ мятежниковъ называетъ «ожесточенною войною, воздвигнутою имъ противъ католической церкви, ея правъ и духовенства», осуждаетъ эти мѣры, а напротивъ епископа Феллинскаго, за его дѣйствія, называетъ «достойнымъ всякой хвалы», повелѣваетъ повиноваться его предписаніямъ вопреки распоряженію правительства, отмѣняетъ это распоряженіе и предписываетъ, съ своей стороны, духовенству *до конца быть* вѣрнымъ тому образу дѣйствій, которому оно до сихъ поръ слѣдовало [2]). А между тѣмъ польское духовенство въ это время

---

[1]) Записка кн. Горчакова 7-го янв.

[2]) Esposiz. document. № LXXXI, стр. 237—41: At etiam in hoc acerrimo bello a russico gubernio catholicae ecclesiae, ejusque sacris juribus, ministris, rebusque illato, alium novum prorsus in ecclesiae fastis, et ante hunc diem inauditum ausum lamentari et exprobare cogimur, ven. fratres. Siquidem gubernium ven. fr. Sigismundum egregium, omnique laude dignum Varsaviensem archiepiscopum a suo grege divulsum in longinquas regiones amandavit, verum etiam non dubitavit decernere, eundem, ven. fr., episcopali in Vars. diocesim auctoritate et jurisdictione esse privatum et neminem e sua diocesi cum ipso posse communicare... Verba quidem desunt, ven. fr., ad hujusmodi factum reprobandum ac detestandum. Ecquis enim non vehementissime mirabitur, cum sciat eo advenisse russicum gubernium, ut perperam autumet et audeat, episcopos, quos Spiritus Sanctus posuit regere ecclesiam Dei, sacra eorum auctoritate ipsis a Deo tradita, et nullo pror-

торжественно заключало союзъ съ революціею и вступало въ распоряженіе подземнаго центральнаго комитета, приводило къ присягѣ повстанцевъ и жандармовъ-вѣшателей, освящало отравленные ядомъ кинжалы тайныхъ убійцъ, съ оружіемъ въ рукахъ дѣйствовало въ шайкахъ мятежниковъ, въ церквахъ, и особенно монастыряхъ, устроивало имъ притоны, склады оружія и запасы пищи и одежды. Римскій дворъ очевидно хотѣлъ, чтобы русское правительство не противодѣйствовало вооруженному возстанію, не принимало мѣръ противъ мятежниковъ; въ силу естественнаго самоохраненія, потому только, что въ немъ принимало дѣятельное участіе польское духовенство, пользуясь покровительствомъ папскаго правительства; чтобы русскіе люди добровольно отдали себя въ жертву безчестнымъ убійцамъ, и русское государство отказалось отъ своего историческаго призванія и значенія въ пользу безсильной Польши, и притомъ не дѣйствительно существующей, а созданной болѣзненнымъ воображеніемъ эмиграціи. Притязанія Рима простирались такъ-же широко, какъ и притязанія повстанцевъ: папскій дворъ негодуетъ, жалуется предъ *всѣмъ свѣтомъ*, по его выраженію, что въ западныхъ губерніяхъ имперіи русскій народъ не хочетъ отказаться отъ своей народности и вѣры и превратиться въ поляковъ и папистовъ. Опытъ многихъ столѣтій противоборства этого народа насилію и хитрости поляковъ и ксендзовъ безплодно прошелъ для Рима, и онъ называетъ гоненіемъ латинской церкви тѣ мѣры, которыя русское правительство, внемля воплямъ угнетеннаго народа, приняло для того, чтобъ положить предѣлъ коварной и насильственной пропагандѣ польской и латинской. Римъ мечтаетъ о старой Польшѣ въ границахъ 1772 г., вмѣстѣ съ повстанцами!

Не считая нужнымъ доказывать, до какой степени подобныя желанія несогласны съ ученіемъ христіанской церкви и, глубоко скорбя о томъ крайнемъ паденіи, до котораго дошла одна изъ старѣйшихъ церквей западной Европы, не можемъ не удивляться однако же, что въ этомъ случаѣ оставили Римъ его обычное благоразуміе и осторожность, и онъ самъ выдалъ себя. Неужели, публично возвѣщая свои притязанія, онъ думалъ, что Россія можетъ согласиться на разрушеніе себя самой въ угоду папы, откажется отъ естественнаго права необходимой обороны,

---

sus modo laicae potestati unquam obnoxia privare, eosque a propriae diocesis regimine et procuratione amovere? Dum autem haec reprobamus et damnamus, eodem tempore clare aperteque declaramus, neminem memoratae ordinationi posse obedire, omnesque Varsaviensis diocesis fideles debere eidem ven. fratri Sigismundo sedulo obtemperare, qui verus legitimusque est Varsaviensis antistes.

и мятежнымъ толпамъ шляхты и ксендзовъ принесетъ въ жертву мирный польскій народъ, непринимавшій участія въ ихъ дѣйствіяхъ, и на русское правительство возлагавшій всѣ свои надежды, и даже позволитъ отторгнуть отъ себя русскія области и насильственно ихъ ополячить и совратить въ латинство!

Римскому двору были хорошо извѣстны причины, понудившія наше правительство первоначально удалить архіепископа Феллинскаго изъ Варшавы и потомъ прервать его сношенія съ епархіею. По удаленію въ Ярославль, онъ, несмотря—«на формальное и письменное обѣщаніе, тайно посылалъ предписанія своему викарію Ржевускому поддерживать церковный трауръ въ царствѣ польскомъ». Несмотря на то, папа восхваляетъ его дѣйствія въ указанномъ выше посланіи къ польскимъ епископамъ, 30 іюля 1864 г., и въ тоже время настойчиво требуетъ посвященія въ уніатскіе епископы М. Калинскаго, явно обличеннаго въ участіи въ мятежныхъ замыслахъ и фанатически обращавшаго уніатовъ въ латинство, вводя въ ихъ служеніе обряды и церемоніи римской церкви [1]). Самъ Пій IX — «24 апр. 1864 г., въ день праздника Фиделія Сигмарингенскаго, въ коллегіи пропаганды, произнесъ аллокуцію, которой смыслъ и рѣзкія выраженія впослѣдствіи желалъ смягчить римскій дворъ, и въ ней лично обвинялъ императора въ угнетеніи церкви, гоненіяхъ римско-католическаго исповѣданія и преслѣдованіи несчастныхъ за то, что они до смерти оставались вѣрными вѣрѣ І. Христа». За этою аллокуціею послѣдовало и посланіе папы къ польскимъ епископамъ, 30 іюля 1864 г., въ которомъ выразилось тоже воззрѣніе папы на польскій мятежъ.

Такія дѣйствія римскаго престола должны были положить конецъ долготерпѣнію русскаго правительства. Долго, и даже слишкомъ можетъ быть долго, оно не рѣшалось на крайнія мѣры, недоумѣвая, въ виду не подлежавшихъ сомнѣнію отношеній къ нему Рима, какъ можетъ представитель христіанской вѣры западнаго патріархата поощрять мятежъ и одобрять участіе въ немъ духовенства, и желало объяснить дѣйствія папскаго двора незнаніемъ обстоятельствъ и ложными внушеніями. Но ходъ событій неминуемо привелъ къ неизбѣжнымъ историческимъ послѣдствіямъ. «Было бы несовмѣстно съ достоинствомъ императора продолжать пребываніе посланника при дворѣ государя, который такъ относился къ его величеству. Г. Киселевъ былъ отозванъ изъ Рима, а завѣдываніе дѣлами императорскаго по-

[1]) Записка кн. Горчакова къ нотѣ 7-го янв.—Espositione documentata, №№ LXXXVIII, LXXXIX и XC; нота кардинала Антонелли 10 февр. 1865 г., стр. 272—77.

сольства поручено было первому секретарю, барону Мейендорфу, которому дано было вмѣстѣ съ тѣмъ приказаніе держаться въ сторонѣ и, по собственной инціативѣ, не дѣлать никакихъ дипломатическихъ заявленій. Въ тоже время императорское правительство, считая безполезнымъ поддерживать постоянныя сношенія съ дворомъ, очевидно, враждебнымъ и недоброжелательнымъ, ограничилось тѣмъ, что увѣдомляло папское правительство о полученіи доставляемыхъ отъ него сообщеній, не вступая ни въ какія разсужденія. Исполняя предписанія правительства, баронъ Мейендорфъ не являлся даже въ Ватиканъ въ продолженіе цѣлаго года. Наконецъ, ему дано было стороною знать (officieusement), что отчужденіе, въ какомъ онъ себя держитъ, производитъ на папу весьма тягостное впечатлѣніе, и что папа былъ бы очень доволенъ, если бы баронъ Мейендорфъ пересталъ чуждаться Ватикана. Испросивъ разрѣшенія императорскаго правительства, баронъ Мейендорфъ долженъ былъ засвидѣтельствовать свое почтеніе папѣ при представленіи, по случаю праздниковъ Рождества Христова, всѣхъ членовъ дипломатическаго корпуса». 15 декабря 1865 г., онъ представлялся папѣ, и эта аудіенція, надѣлавшая столько шуму, была послѣдняя. Газеты наполнялись ложными разсказами, на которыя однако же наше правительство не считало приличнымъ отвѣчать, потому что при этой аудіенціи не присутствовалъ никто изъ постороннихъ, и, стало быть пришлось бы противупоставлять свидѣтельства простого дипломатическаго чиновника заявленіямъ римскаго первосвященника и государя. Но и въ этомъ случаѣ римскій дворъ прервалъ молчаніе. Въ запискѣ, 15 ноября 1866 г., онъ такъ разсказываетъ это происшествіе:

«При представленіи русскаго уполномоченнаго, разговоръ склонился къ указанію на печальное положеніе религіозныхъ дѣлъ, и первосвященникъ не могъ не выразить громко жалобъ на препятствія къ посвященію избраннаго въ епископы Холмской епархіи, приписывая ихъ не императору, котораго великодушіе ему извѣстно, но тѣмъ, которые злоупотребляютъ его довѣріемъ. Затѣмъ онъ выразилъ свое сокрушеніе, что архіепископъ Феллинскій до сихъ поръ находится въ удаленіи отъ своей епархіи, что его викарій содержится въ заключеніи, что варшавскій капитулъ угрожается постоянными насиліями со стороны директора внутреннихъ дѣлъ и исповѣданій, который, стѣсняя совѣсть его членовъ, побуждаетъ ихъ избрать викарія на каѳедру, которая имѣетъ своего архіепископа, и, когда въ числѣ самыхъ членовъ капитула, есть два каноника въ качествѣ представителей этого прелата. Повѣренный въ дѣлахъ не поколе-

бался однако же опровергать достовѣрность всѣмъ извѣстныхъ фактовъ, и, сдѣлавъ нѣсколько неприличныхъ намековъ въ отношеніи къ самому святому отцу, дозволилъ себѣ сказать, что ничего бы не случилось подобнаго, если бы католики вели себя такъ, какъ вели протестанты. Эти послѣдніе, ставъ во время возмущенія на сторону правительства, получили отъ него много льготъ, въ которыхъ католикамъ было отказано за ихъ враждебныя отношенія къ правительству; и, наконецъ, онъ простеръ свою дерзость до того, что сказалъ, будто онъ ни мало не удивляется тому, что подобнымъ образомъ поступали католики, потому что католицизмъ тождественъ съ революціею. При этихъ словахъ святой отецъ, воспламенясь справедливымъ негодованіемъ и считая въ своемъ лицѣ оскорбленными всѣхъ вѣрующихъ, которыхъ онъ почитается августѣйшею главой, сказалъ, отпуская отъ себя повѣреннаго въ дѣлахъ: — Я уважаю и почитаю его величество императора; но не могу сказать того же въ отношеніи его повѣреннаго въ дѣлахъ, который, конечно, вопреки воли своего государя, рѣшился наносить мнѣ оскорбленія въ собственномъ моемъ кабинетѣ. — Это неприличное происшествіе, послужившее началомъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ находится теперь святой престолъ съ петербургскимъ кабинетомъ, не могло не огорчить святого отца потому, что императорское правительство, къ великому его удивленію, не опорочило неслыханнаго поведенія своего уполномоченнаго и не устранило такимъ образомъ затрудненій, которыя встрѣтитъ святой престолъ въ случаѣ назначенія новаго посланника».

Къ сожалѣнію, и въ этомъ случаѣ, какъ и часто бываетъ, разсказъ римскаго двора оказался не вѣренъ и вызвалъ слѣдующій отвѣтъ со стороны нашего правительства:

«Повѣренный въ дѣлахъ русскаго правительства не позволилъ себѣ сказать, будто бы католицизмъ и революція одно и тоже. Онъ сказалъ, что въ Польшѣ католицизмъ вступилъ въ союзъ съ революціей. Этотъ печальный фактъ, не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію, перешолъ уже въ область исторіи. Римскому двору онъ былъ неоднократно поставляемъ на видъ, и отъ него зависѣло принять мѣры для его предупрежденія. Такъ какъ папа приписывалъ императору намѣреніе воздвигнуть гоненіе на католиковъ, то повѣренный въ дѣлахъ его величества не только могъ, но даже долженъ былъ опровергнуть столь неосновательное обвиненіе, и высказать истину, какъ бы ни была она прискорбна.

«Повѣренный въ дѣлахъ русскаго правительства отпущенъ былъ святѣйшимъ отцомъ съ рѣзкостью, поэтому дипломатическія сно-

шенія съ римскимъ дворомъ становились уже невозможными, и императорское правительство предписало барону Мейендорфу увѣдомить кардинала Антонелли, что, вслѣдствіе пріема, сдѣланнаго его святѣйшествомъ повѣренному въ дѣлахъ, политическая миссія послѣдняго оканчивается, такъ какъ императоръ не можетъ содержать при римскомъ дворѣ представителя интересовъ Россіи, личное достоинство котораго не было бы ограждено отъ оскорбленій.»

Баронъ Мейендорфъ исполнилъ данное ему предписаніе 28-го января (9-го февраля) 1866 года.

Кардиналъ Антонелли, выразивъ свое соболѣзнованіе, спросилъ, долженъ ли онъ считать сдѣланное ему заявленіе — за отозваніе императорскаго посольства. Баронъ Мейендорфъ отвѣтилъ на это, что онъ остается въ Римѣ впредь до дальнѣйшихъ приказаній въ качествѣ простого экспедитора по текущимъ дѣламъ, и что дѣла посольства будутъ идти по прежнему; подобное положеніе дѣлъ продолжалось до 1-го (13-го) марта. Но, конечно, такое неопредѣленное положеніе долго продолжаться не могло. Недосказанное нашимъ правительствомъ *послѣднее* слово выражено было самимъ папою.

«Этого числа кардиналъ Антонелли заявилъ барону Мейендорфу оффиціально — что, послѣ сдѣланнаго имъ объявленія о томъ, что политическая его миссія окончилась, римскій дворъ считаетъ русское посольство болѣе несуществующимъ; если папа не выслалъ ему паспортовъ, то сдѣлалъ это только потому, что святѣйшему отцу было извѣстно, что онъ долженъ будетъ уѣхать чрезъ нѣсколько недѣль; такъ какъ онъ самъ объявилъ, что остается въ Римѣ, ожидая дальнѣйшихъ приказаній, въ качествѣ простого экспедитора текущихъ дѣлъ, то его эминенція согласился на то, чтобы дѣла посольства продолжали идти по прежнему, и чтобы онъ могъ привести эти дѣла къ окончанію до своего отъѣзда; что святѣйшій отецъ откажется принять преемника, который назначенъ будетъ на мѣсто барона Мейендорфа по отъѣздѣ послѣдняго изъ Рима; что святѣйшій отецъ не желаетъ, чтобы въ Римѣ учредилось снова русское посольство, и что баронъ Мейендорфъ можетъ поручить защиту интересовъ русскихъ подданныхъ представителямъ иной какой-либо державы.

«Вслѣдствіе подобнаго заявленія, второй секретарь русскаго посольства, остававшійся въ Римѣ для храненія архивовъ, получилъ немедленно приказаніе снять государственный гербъ съ фронтона дома, занимаемаго русскимъ посольствомъ, и заявить кардиналу Антонелли, что такъ какъ папа сдѣлалъ первый шагъ

къ разрыву, то его величество слагаетъ съ себя отвѣтственность за могущія возникнуть послѣдствія» [1]).

Такъ окончились сношенія нашего правительства съ римскимъ престоломъ.

Дальнѣйшія мѣры въ отношеніи къ устройству и управленію латинской церкви въ имперіи и царствѣ польскомъ, открываютъ новую эпоху отношеній къ папѣ, какъ главѣ этой церкви. Мы должны остановиться, такъ сказать, въ преддверіи этой, только начинающейся эпохи, которая, послѣ отмѣны конкордата, вызоветъ, конечно, органическія измѣненія въ тѣхъ частяхъ нашего законодательства, которыя связаны съ правилами, изложенными въ конкордатѣ 1847 г., и построены на ихъ основаніи.

Представивъ отношенія нашего двора къ римскому престолу, по возможности подробно, на сколько позволили намъ доступные теперь для всѣхъ документы, мы не можемъ не обратиться назадъ, чтобы окинуть ихъ послѣднимъ, общимъ взглядомъ.

Безъ сомнѣнія, Россія и Римъ поставлены исторіею совершенно въ иныя отношенія между собою, нежели всѣ другія государства западной Европы. Поэтому, еслибъ Россія захотѣла въ своихъ къ нему отношеніяхъ дѣйствовать также, какъ и другія государства, или, еслибъ Римъ измѣрялъ Россію по той же мѣркѣ, по какой измѣряетъ другія государства; то, безъ сомнѣнія, обѣ державы ошиблись бы въ своихъ разсчетахъ, и неумолимый законъ исторической правды поставилъ бы ихъ подъ-конецъ въ безвыходное положеніе.

Слѣдующія два обстоятельства придаютъ особенныя свойства этимъ отношеніямъ: во 1-хъ, господствующее въ Россіи исповѣданіе принадлежитъ, по праву, къ единой вселенской христіанской церкви, между тѣмъ римскій католицизмъ объявляетъ свои исключительныя притязанія на вселенское значеніе; и во 2-хъ, римскій католицизмъ въ Россіи тождественъ съ польскою народностью и съ ея притязаніями.

Когда къ Россіи было присоединено, при императрицѣ Екатеринѣ, нѣсколько областей бывшаго польскаго королевства, въ которыхъ народонаселеніе принадлежало къ русскому племени, частію исповѣдывало православную вѣру, частію находилось въ уніи, и только въ незначительномъ меньшинствѣ, хотя и обла-

---

[1]) Записка кн. Горчакова къ нотѣ 7-го янв. 1866 г., и Esposizione documentata, стр. 53 и 54.

давшемъ властію, какъ все тамошнее польское или ополяченное дворянство, принадлежало къ латинской церкви; тогда только наше правительство вступило въ постоянныя и частыя сношенія съ римскимъ дворомъ. Наше правительство, признавая православную церковь господствующею, предоставило полную свободу латинскому исповѣданію, согласно съ торжественно выраженнымъ императрицею Екатериною началомъ вѣротерпимости и пользованія всѣми правами, какими она до того времени была надѣлена, — но, конечно, безъ вреда для государственной власти имперіи и господствовавшей въ ней церкви.

Могла ли латинская церковь спокойно продолжать свое существованіе при этихъ условіяхъ?

Если припомнимъ сношенія Россіи съ польскимъ королевствомъ, во все время независимаго существованія послѣдняго, то замѣтимъ, что однимъ изъ главныхъ фактовъ былъ слѣдующій: польское правительство, находившееся постоянно подъ вліяніемъ латинскаго духовенства, отличалось нетерпимостью и преслѣдовало всѣ исповѣданія, а особенно православную церковь, къ которой принадлежало все населеніе ея русскихъ и литовскихъ областей. Преслѣдуемые православные подданные Польши постоянно обращались къ Россіи, ходатайствуя о заступничествѣ; Россія постоянно обращалась къ польскому правительству, совѣтуя ему не употреблять насильственныхъ мѣръ въ дѣлѣ вѣры и совѣсти. Польское правительство постоянно обѣщало положить предѣлъ религіознымъ преслѣдованіямъ, и никогда не имѣло достаточно силы исполнить свои обѣщанія, находясь подъ вліяніемъ духовенства и клерикальной партіи. Послѣдствіями такого положенія дѣлъ были съ одной стороны — унія, а съ другой, — постоянныя отторженія областей отъ Польши, начавшіяся съ Малороссіи и окончившіяся раздѣломъ Рѣчи-Посполитой въ 1794 г.

Судьба уніатской церкви въ предѣлахъ имперіи была главнѣйшимъ обстоятельствомъ, опредѣлившимъ наши отношенія къ папскому двору. Римъ смотрѣлъ на унію, какъ на временную сдѣлку, которая, рано или поздно, должна окончиться полнымъ присоединеніемъ уніатовъ къ латинской церкви. Поэтому онъ поощрялъ переходы изъ уніи въ латинство, постоянно вводилъ латинскіе обряды въ уніатское богослуженіе, латинскіе обычаи и ученія. Такое стремленіе Рима естественно вызвало противодѣйствіе, выразившееся въ желаніи поддержать чистоту обрядовъ и ученій, одинаковыхъ съ православною церковію. Въ то время, какъ эти области присоединились къ имперіи, уніатское исповѣданіе уже значительно было искажено латинскими нововведеніями и взволновано постоянною борьбою съ латинскою пропагандою.

Все уніатское монашество уже превратилось въ римско-католическій орденъ и сдѣлалось усерднымъ орудіемъ Рима въ дѣлѣ совращенія уніатовъ, а равно и бо̀льшая часть высшаго духовенства. Но народъ, низшее духовенство и нѣкоторые изъ епископовъ, большею частію тѣ, которые изъ бѣлаго духовенства достигали до этого сана, желая поддержать чистоту своего исповѣданія, постоянно находились съ ними въ борьбѣ. Въ этой борьбѣ правительство не могло не принять участія и не преградить пути для латинской пропаганды, уже потому, что она пользовалась всѣми насильственными средствами для достиженія своихъ цѣлей и потому, что до него доходили непрерывныя жалобы и просьбы о защитѣ. Но лишь только были приняты нѣкоторыя мѣры противъ явныхъ насилій со стороны латинскаго духовенства и польскихъ пановъ, какъ, въ 1794 году, присоединились къ православной церкви болѣе полутора милліона уніатовъ. Въ то время Римъ еще не позволялъ себѣ говорить о насильственныхъ мѣрахъ обращенія; да никакое насиліе и не могло бы присоединить къ православной церкви такое количество лицъ въ продолженіе почти одного года. Насиліе, напротивъ, было съ другой стороны, — со стороны латинскаго духовенства, польскихъ пановъ, и отчасти отъ мѣстной администраціи, увлекаемой ихъ кознями, которыя, по смерти великой императрицы, продолжали постоянно усиливаться и развиваться. Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, не только пріостановлено было возвращеніе уніатовъ въ православную церковь, но, усилившіеся у насъ іезуиты увѣрили даже императора Павла Петровича, что всѣ уніаты, которые желали присоединиться къ православію, уже присоединились въ 1794 г., а остальные уже тѣмъ самымъ изъявили готовность присоединиться къ латинской церкви, такъ что съ этого времени особаго уніатскаго исповѣданія и не существуетъ болѣе въ имперіи. Усиленная полонизація этого края въ первую четверть текущаго столѣтія, постоянно увеличиваясь, вполнѣ благопріятствовала видамъ латинскаго духовенства и пановъ.

Казалось, безъ всякаго противодѣйствія, истощены были всѣ способы насилія и коварства, чтобы не только обратить уніатовъ въ латинство, но и ополячить — и, несмотря на это, существованіе уніатскаго исповѣданія, какъ отдѣльнаго и самостоятельнаго въ отношеніи къ латинству, заявляло себя болѣе и болѣе постоянною борьбою, продолжавшеюся въ немъ самомъ, между двумя сторонами. Съ трудомъ пробивали себѣ путь жалобы уніатовъ на притѣсненія со стороны римскихъ католиковъ; медленно, шагъ за шагомъ достигало уніатское исповѣданіе признанія за

нимъ права самостоятельнаго и независимаго отъ латинской церкви существованія. Но лишь только оно достигло этой цѣли и лишь только, послѣ польскаго мятежа 1830 года, положены были преграды полонизаціи западныхъ губерній, какъ вновь, дѣйствительно уже, почти всѣ, уніаты присоединились къ православію. Съ этого времени въ собственномъ смыслѣ и начался разрывъ между Римомъ и нашимъ правительствомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что папскій дворъ не могъ равнодушно смотрѣть на присоединеніе уніатовъ; но онъ, съ голосу поляковъ и ксендзовъ, заговорилъ о насильственныхъ мѣрахъ со стороны нашего правительства, какъ будто возможны такія насильственныя мѣры, которыми, въ настоящее время, удалось бы отвлечь милліоны народонаселенія отъ церкви, въ которую они не утратили вѣры, и самъ поощрялъ насильственныя мѣры, развившіяся наконецъ въ полный мятежъ, полагая, посредствомъ ихъ, возвратить навсегда утраченное.

Не можетъ подлежать также сомнѣнію и то, что Россія не могла не принять *съ любовію* въ нѣдра своей церкви, нѣкогда бывшихъ своихъ сыновъ, *отторгнутыхъ* отъ нея *насиліемъ*, но постоянно сохранявшихъ къ ней сочувствіе и влеченіе. Предлагая латинской церкви широкую терпимость въ своихъ предѣлахъ, Россія ограничивала ее только двумя условіями, естественно вытекающими изъ ея значенія какъ самостоятельной державы: неприкосновенностію господствующей церкви и свободою и независимостію верховной своей власти. Поэтому она не могла не положить предѣловъ неразборчивой на средства латинской пропагандѣ, не могла согласиться на требованія Рима и, въ его угоду, нарушить каноническія правила нашей церкви, какъ, напримѣръ, о дѣтяхъ отъ смѣшанныхъ браковъ. Охраняя прежде всего свою государственную самостоятельность, Россія не могла дозволить непосредственныхъ сношеній съ папою, какъ съ главою латинской церкви, который, въ тоже время, и независимый свѣтскій государь; не могла допустить подчиненія монашескихъ орденовъ властямъ, находящимся внѣ предѣловъ государства, и не могла, наконецъ, исключить изъ числа своихъ подданныхъ, исповѣдующихъ римскій католицизмъ, хотя бы и въ духовенствѣ, и дозволить имъ не только не признавать законовъ гражданскихъ и государственныхъ имперіи, нарушать ихъ безнаказанно, но даже не карать ихъ за преступныя дѣйствія.

Какъ же Римъ, постоянно стремящійся къ неограниченному господству, могъ относиться къ этой терпимости?

Краснорѣчивый защитникъ папства, котораго слова мы уже не разъ приводили, графъ де-Местръ, въ 1818 г., въ обширномъ

разсужденіи, въ которомъ каждая глава начинается словами: «великая держава вредитъ латинской церкви»,—говоритъ между прочимъ: «вредитъ и нѣкотораго рода преслѣдованіемъ, которому она постоянно подвергаетъ эту церковь непосредственно въ своихъ областяхъ и посредственно повсюду. Слово *преслѣдованіе*, конечно, удивитъ и поразитъ слухъ наиболѣе благодушнаго изъ государей (т. е. императора Александра I-го), если только оно до него достигнетъ; но слѣдуетъ только вникнуть въ мысль, чтобы исчезли всѣ недоумѣнія. Преслѣдованіе не предполагаетъ, какъ необходимое условіе—колесованіе, костры и изгнаніе; преслѣдованіе Юліана было гораздо опаснѣе Діоклетіанова и Бонапарта, который это понялъ и усвоилъ себѣ съ дьявольскою ловкостью. Россія хвалится, и ее хвалятъ за терпимость, но обѣ стороны одинаково ошибаются. Россія терпитъ всѣ возможныя *заблужденія*, ибо всѣ заблужденія сродны между собою и легко между собою примиряются. Но не въ такомъ положеніи находится *истина* или, сказать прямѣе, римско-католическая церковь, которая наименѣе всего терпима. У императора Россіи, по крайней мѣрѣ, восемь милліоновъ подданныхъ римско-католическаго исповѣданія. До десяти тысячъ находится въ его столицѣ; естественно, что они пользуются правомъ свободно отправлять свое богослуженіе; — это не называется терпимостью, а справедливостію (justice). Но не слѣдуетъ предполагать, что католикъ—терпимъ, даже злоупотребляя этимъ словомъ, когда ему позволяютъ имѣть свой храмъ и слушать въ немъ обѣдню. Та религія не *терпима*, которую не *терпятъ* въ томъ смыслѣ, какъ она сама себя понимаетъ, по ея сущности и ея началамъ (son essence et ses maximes). Конечно, никто бы не сказалъ, что еврейское исповѣданіе терпимо въ такой странѣ, гдѣ бы евреевъ заставляли работать или играть комедіи въ субботніе дни. А именно въ такомъ положеніи находится католическая церковь въ Россіи. Не только она не свободна, но ея самыя основныя начала, наиболѣе существенныя, наиболѣе жизненныя, если можно такъ выразиться, нарушены и отвергнуты безъ милосердія» [1]). Далѣе, гр. де-Местръ подробно излагаетъ эти основныя начала латинской церкви, которыя, по его мнѣнію, заключаются въ полномъ невмѣшательствѣ русскаго правительства въ дѣла церковнаго управленія, которое должно отказаться отъ всякаго наблюденія за дѣйствіями духовенства и избавить его отъ отношеній къ существовавшему въ то время министерству народнаго просвѣщенія и духовныхъ

---

[1]) Lettres et opuscules; изд. 1865 г., томъ II: Sur l'état du christianisme en Europe. стр. 383 — 92.

дѣлъ, въ правѣ латинскаго духовенства безотчетно владѣть имуществами и въ свободныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ какъ духовенства, такъ и вообще всѣхъ римско-католиковъ, съ папою.

Вникая въ сущность такого взгляда, нельзя не обратить вниманія на слѣдующія два обстоятельства:

1. Если государство обязано оказывать терпимость каждому вѣроисповѣданію, согласно съ тѣми началами, которыя каждая изъ нихъ считаетъ для себя существенными; то, конечно, терпя напримѣръ магометанъ, оно должно бы безнаказанно дозволить имъ истреблять *гяуровъ*, какъ предписываетъ ихъ вѣроученіе, или истребить самихъ магометанъ въ своихъ предѣлахъ. Но въ послѣднемъ случаѣ и рѣчи быть не можетъ о терпимости.

2. Ни одно изъ основныхъ началъ, на которыя особенно указываютъ ультрамонтаны и ихъ союзники, не имѣетъ религіознаго значенія, не касается ученій и догматовъ латинской церкви, какъ христіанской. Напротивъ, всѣ они чисто политическаго свойства. Дѣйствительно, они требуютъ терпимости для латинской церкви не въ смыслѣ общества, исповѣдующаго извѣстное вѣроученіе, но въ качествѣ политической корпораціи, — требуютъ не вѣротерпимости, но независимаго церковнаго государства въ нѣдрахъ имперіи. Однимъ словомъ, требуютъ совершенно не того, что предлагаетъ имъ Россія.

Если съ этой точки зрѣнія взглянемъ на мнѣнія и притязанія, изложенныя римскимъ дворомъ въ многочисленныхъ нотахъ, которыми онъ обмѣнивался съ нашимъ правительствомъ въ продолженіи почти цѣлаго столѣтія; то нельзя не замѣтить, что въ нихъ выраженъ тотъ же взглядъ, развитый до послѣднихъ его предѣловъ. Такимъ образомъ, всѣ притязанія Рима сводятся къ одному: основать въ предѣлахъ имперіи особое государство, независимое отъ ея верховной власти и подчиненное исключительно римскому первосвященнику.

Но—какое же это могло быть государство? Мирное-ли въ своихъ отношеніяхъ къ Россіи, какъ постоянно увѣряютъ ультрамонтанскіе писатели и римскій дворъ, или враждебное?

Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, достаточно указать на одно важное явленіе, которое въ этомъ случаѣ придаетъ особенное свойство нашимъ отношеніямъ къ Риму. Латинская церковь, особенно послѣ присоединенія уніатовъ къ православію, въ предѣлахъ русской имперіи, исключительно соединяется съ польскою народностью. Поэтому, то государство, которое желалъ бы Римъ создать въ русскихъ предѣлахъ, было бы государство польское.

Нѣтъ нужды доказывать, въ какой степени могутъ быть мирны

отношенія этого государства къ имперіи, и какое участіе приметъ въ нихъ латинское духовенство и — папскій престолъ. Это явленіе совершилось передъ нашими глазами въ послѣдній польскій мятежъ.

Такимъ образомъ, между наступательными требованіями Рима и оборонительнымъ положеніемъ Россіи — *бездна великая утвердилась!*

Если и есть возможность перебросить мостъ черезъ эту бездну, то, конечно, не силою дипломатическихъ сношеній. Совершенно справедливо въ нотѣ нашего правительства, 31-го января 1841 г., было заявлено, что наши переговоры съ Римомъ не должны доходить до *главныхъ началъ*, до принциповъ, и могутъ лишь ограничиваться частными сдѣлками по отдѣльнымъ вопросамъ; но Римъ, постоянно возводя ихъ до основныхъ началъ, неминуемо вызывалъ полный разрывъ, который и совершился. Если и есть возможность примиренія, то не съ тѣмъ направленіемъ, которое въ настоящее время господствуетъ въ латинской церкви. Но, въ этой церкви, съ перваго времени ея отдѣленія отъ вселенской церкви постоянно существовали два направленія, въ сущности противуположныя одно другому. Одно, образовавшись именно вслѣдствіе отдѣленія и развиваясь постоянно, достигло исключительнаго господства въ наше время; таково направленіе ультрамонтанское, которое превратило церковь въ государство, и съ которымъ боремся не одни мы, но и страны, исповѣдующія католичество; другое же, сохранявшее ученія и преданія вселенской церкви, постоянно ослабѣвало, и нынѣ едва замѣтно. Съ этимъ послѣднимъ направленіемъ примиреніе, конечно, возможно. Однимъ словомъ — примиреніе возможно съ латинскою церковью, но не съ римскимъ церковнымъ государствомъ, съ которымъ не могутъ примириться даже въ самихъ католическихъ странахъ.

А. Поповъ.

ВОСТОЧНЫЯ ДѢЛА

ВЪ

ДВАДЦАТЫХЪ ГОДАХЪ [1].

Тяжелыя событія, сопровождавшія восшествіе на престолъ императора Николая I-го, могли имѣть вредное вліяніе и на внѣшнія сношенія наши; правда, мы были въ мирѣ со всѣми европейскими державами, но *восточный вопросъ*, этотъ кошемаръ, гнетущій Россію и высосавшій столько лучшей крови русской, былъ въ полномъ разгарѣ. Князь Меттернихъ, парившій, какъ злой духъ, на политическомъ горизонтѣ, отзывался громко, что молодой государь, едва подавившій внутреннюю революцію и озабоченный умиротвореніемъ страны, не рѣшится ни на какія сильныя мѣры внѣ ея. Меттернихъ еще опасался проницательности Александра, знавшаго его насквозь, и вліянія Каподистріи, на пагубу котораго онъ употребилъ столько интриги и козней,—но теперь, со свойственною ему самоувѣренностію, онъ надѣялся вліять на русскій кабинетъ безусловно. Возбуждаемая имъ Турція становилась въ положеніе угрожающее въ отношеніи къ намъ, а изъ Персіи, гдѣ господствовала въ то время англійская партія, получены были извѣстія, которымъ отказывались вѣрить въ Петербургѣ, какъ ни привыкли къ всевозможнымъ нарушеніямъ международныхъ правъ и вѣроломству восточныхъ государствъ.

---

[1]) Изъ неизданной книги, т. II, гл. 2.

Чтобы понять затруднительное положеніе, въ которомъ такъ неожиданно очутился молодой государь, надо припомнить прошедшее.

I.

Турція, какъ вулканическая почва, постоянно колеблется отъ внутреннихъ смутъ. Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, волненія эти часто доходили до общаго возстанія. Еще не успѣли сломить Али-пашу Янинскаго, не разъ торжествовавшаго надъ войсками султана, какъ подымалась противъ него новая сила.

Изъ всѣхъ, постоянно волнующихся провинцій Турціи, Греція сознательнѣе и съ большею предусмотрительностію, чѣмъ другія, задумала свое освобожденіе. Образованіе, повсюду подавленное турками, стало пробиваться и проникать въ греческія провинціи, какъ предвѣстникъ свободы, сначала изъ константинопольскаго *Фанаря* [1]), — этого тусклаго и не всегда надежнаго свѣтильника. Много способствовало взаимному объединенію и нѣкоторой общности дѣйствіе въ Греціи муниципальныхъ учрежденій, основанныхъ еще во времена византійской имперіи и оставленныхъ турками во всей силѣ, для облегченія собственнаго управленія, особенно при сборѣ податей.

Этеріи — извѣстно — покрыли, какъ сѣтью, всю Европу и перешли въ Малую Азію; нуженъ былъ только первый толчекъ, чтобы пустить въ ходъ эту сложную машину и тщательно скрывать до поры, до времени, ея пружины. Греки всегда славились умѣньемъ вести интригу и заговоры, и, потому, имъ не трудно было ублажить турокъ, увѣривъ ихъ, что этеріи, въ томъ видѣ, какъ ихъ представляютъ, существуютъ только въ разгоряченномъ воображеніи фанатиковъ: въ сущности, это затѣи праздныхъ людей.

Первая мысль объ образованіи обширнаго общества, составленнаго изъ христіанъ всѣхъ національностей и вѣрованій для совмѣстнаго дѣйствія противъ турокъ, возникла давно; она принадлежитъ молодому греку Ригасу. Пылкій, страстный, съ душою чистою, возвышенною, чуждый всякихъ интригъ, онъ предназначенъ былъ для дѣйствія, но не для заговора—быть жертвой, но не жрецомъ, а время дѣйствія еще не настало. Вѣнскій кабинетъ, зорко слѣдившій за нимъ, во время переѣздовъ его черезъ австрійскія владѣнія, гдѣ онъ, легковѣрный, считалъ себя безопаснымъ, измѣннически схватило его и предало турецкому пашѣ

---

[1]) Собственно: *Фаналь* — извѣстная часть города въ Константинополѣ.

въ Бѣлградѣ. Ригасъ палъ мученическою смертью (1798 г.). Умирая, онъ произнесъ пророческія слова: «Я бросилъ сѣмя; прійдетъ время, и греки соберутъ желанные плоды». Извѣстный стихъ, которымъ вожди греческаго возстанія такъ часто увлекали въ битву своихъ сподвижниковъ, заимствованъ изъ его поэмы: «Одинъ часъ свободы стóитъ тысячи длинныхъ годовъ подъ ярмомъ рабства и владычества тирана!» Эти слова были тогда безпрестанно на устахъ писателей, членовъ правительственныхъ комитетовъ и даже простого народа; съ этими словами мирные дотолѣ жители кидали свои селенія, предавая ихъ пламени, чтобы не достались туркамъ, и уходили съ семьями въ горы.

Ригасъ не ошибся. Сѣмя не погибло. Образовались новыя общества, изъ которыхъ иныя расчитывали на помощь иностранныхъ революціонеровъ, другіе на покровительство Наполеона I; но опыты вѣковъ показали, что безкорыстнаго пособія отъ другихъ ожидать нельзя—и, тѣмъ менѣе, отъ Наполеона. Государство можетъ сплотиться только собственною кровью и плотью. Возникли этеріи, сначала только съ цѣлію дѣйствовать печатнымъ словомъ на умы, подготовляя ихъ, но потомъ измѣнившія свое мирное направленіе. Нѣкто Николай Скуфасъ, принадлежавшій къ аѳинскому обществу «филомузовъ» или друзей просвѣщенія, образовалъ этерію, сначала въ Одессѣ, потомъ въ Москвѣ, на иныхъ началахъ, съ уставомъ болѣе обширнымъ, который послужилъ образцемъ для всѣхъ другихъ этерій. Этеріи стали походить на большую часть тайныхъ обществъ тогдашняго времени въ Италіи, Испаніи и Германіи, и особенно на общество карбонаріевъ. Послѣ первыхъ совѣщаній между эфорами или предсѣдателями клубовъ, рѣшено было перенести главное управленіе въ Константинополь, и оттуда разсылать пропагандистовъ во всѣ края христіанскаго міра. Для сохраненія тайны въ дѣлахъ общества, члены его были раздѣлены на 8 степеней, такъ что младшія степени рѣшительно не знали главной цѣли общества и даже членовъ высшихъ степеней: они только обязаны были имѣть оружіе и боевыя принадлежности по первому призыву. *Посвященные* находились въ 6-й степени, а начальники посвященныхъ въ 7-й ст. Осьмая степень заключала тайную власть,—главу общества; но ея не было, хотя каждому посвященному намекали, что, въ главѣ общества, стоитъ коронованное лицо, и воспаленное воображеніе каждаго останавливалось на Александрѣ I, такъ какъ всѣ знали дружбу его къ Каподистріи, извѣстному греческому патріоту. Въ обществѣ допускались всѣ средства для достиженія цѣли, не исключая и кинжала. Это одно

уже служитъ яснымъ опроверженіемъ тѣхъ изъ иностранныхъ писателей, которые утверждаютъ, что не только Каподистріа, но даже императоръ Александръ I зналъ о тайныхъ цѣляхъ общества и терпѣлъ ихъ. Напротивъ, едва дошли до него слухи о замыслахъ грековъ въ южной Россіи, онъ приказалъ произвести строгое изслѣдованіе на мѣстѣ (генералу Шеншину и Дашкову [1]). Что касается до Каподистріи, то существуетъ его письменный документъ (1819 г.), въ которомъ онъ убѣждаетъ грековъ не компрометировать своего дѣла отдѣльнымъ опрометчивымъ поступкомъ, но идти къ своему освобожденію болѣе вѣрнымъ путемъ образованія и матеріальной подготовки.

Графъ Каподистріа, пока состоялъ при Александрѣ, отклонялъ отъ себя всякія предложенія, настойчиво дѣлаемыя ему греками, безпрестанно являвшимися въ Петербургѣ; онъ зналъ, что за нимъ строго слѣдятъ иностранные агенты, и, конечно, не дозволилъ бы себѣ компрометировать политику Александра, которую онъ оберегалъ такъ тщательно, нерѣдко въ противность своимъ національнымъ интересамъ. Членъ этеріи, Камириносъ, отправленный греками съ порученіемъ въ Петербургъ, возвратившись въ Морею, говорилъ во всеуслышаніе, что на Каподистрію, и вообще на поддержку Россіи надѣяться нельзя; но его собственные братья убили его, чтобы это обезнадеживающее извѣстіе не распространилось въ странѣ и не привело въ отчаяніе патріотовъ. Весьма естественно, что греки, изъ-за собственныхъ выгодъ, распространяли слухъ о содѣйствіи ихъ дѣлу нашего правительства, и западныя державы, побуждаемыя обычнымъ недовѣріемъ и недоброжелательствомъ къ Россіи, дали значеніе народному слуху. Турецкое же правительство готово на кого нибудь свалить свою собственную вину, и потому обвиняло, какъ всегда, одну Россію во всѣхъ возстаніяхъ райевъ

Александръ, въ душѣ своей, желалъ освобожденія Греціи. Въ мистическихъ тайникахъ Священнаго союза можно найти мысль о независимости эллиновъ, какъ и другихъ христіанъ; о томъ же говорилъ Александръ и съ Наполеономъ въ Тильзитѣ во время непродолжительной съ нимъ дружбы; говорилъ на конгрессѣ въ Вѣнѣ, особенно повѣрялъ свои мысли королю прусскому, своему искреннему союзнику. На конгрессѣ же, по желанію графа Каподистріи, онъ предложилъ коронованнымъ лицамъ собрать сумму въ пользу аѳинскаго Общества друзей просвѣщенія, цѣль котораго состояла въ сохраненіи древностей Аѳинъ отъ окончательнаго истребленія, и въ устройствѣ греческихъ училищъ; самъ

[1]) Архивн. Дѣло о Булгари.

пожертвовалъ довольно значительную сумму; другіе послѣдовали его примѣру. Возродившіяся такимъ образомъ училища впослѣдствіи во многомъ содѣйствовали возрожденію своего отечества. Но Александръ I желалъ достигнуть освобожденія Греціи не посредствомъ революціи, а путемъ мирныхъ, дипломатическихъ сношеній. Цѣлый рядъ народныхъ возстаній въ Испаніи, Неаполѣ и Піэмонтѣ заставилъ его смотрѣть иначе и на дѣло Греціи.

Не такъ благоразумно, не такъ осторожно, какъ гр. Каподистріа, дѣйствовали другіе. Молодой, честолюбивый, пылкій, связанный семейными историческими преданіями, князь Ипсиланти принялъ предложеніе этеристовъ и сталъ во главѣ ихъ. Съ обычнымъ ему легкомысліемъ, безъ всякой подготовки средствъ, онъ приступилъ прямо къ дѣлу. Онъ даже не оставилъ русской службы и своего генеральскаго мундира, и уѣхалъ въ отпускъ въ Одессу. Здѣсь совѣтовали ему отправиться въ Пелопоннезъ, и оттуда дѣйствовать; но онъ разсчитывалъ на поддержку господарей Молдавіи, кн. Михаила Суццо, тайнаго этериста,—съ горстью людей кинулся черезъ Прутъ, и торжественно вступилъ въ Яссы (въ концѣ февраля 1821 г.)... Торжество его продолжалось не долго. Онъ очутился безъ помощи, безъ поддержки, лицомъ къ лицу противъ турокъ и мѣстнаго населенія, которое не сочувствовало ему. Съ тѣмъ же самымъ легкомысліемъ, Ипсиланти положился на обѣщаніе австрійскаго правительства, перешелъ его границы, былъ задержанъ и посаженъ въ крѣпость. Въ тоже почти время (въ мартѣ), случай ускорилъ возстаніе на югѣ. Али-паша, тѣснимый турками, обратился къ грекамъ. Греки не любили его; еще недавно суліоты были его врагами и съ отчаяніемъ дрались противъ него; но Али-паша давалъ имъ оружіе и порохъ, ввѣрялъ имъ безусловно горные проходы, стоившіе имъ прежде столько крови, и нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ, и тѣ же суліоты изъ первыхъ отозвались на призывъ его.

Али-паша палъ, но греки удержались. Начало было сдѣлано. На голосъ свободы, присущій душѣ каждаго райи болѣе, чѣмъ голосъ этеріи, откликнулись пелопоннезцы. Этотъ полуостровъ, со своими неприступными скалами и ущельями, служитъ природною крѣпостью. Напрасно султанъ посылалъ своего лучшаго воина и дипломата Кушридъ-пашу, который еще недавно строилъ пирамиды изъ срубленныхъ головъ несчастныхъ сербовъ, чтобы силою или ласкою склонить пелопоннезцевъ положить оружіе — греки не поддавались; они сами лукавы, и знаютъ съ кѣмъ имѣютъ дѣло.

Поднялась Сфакія, и за нею вся Кандія. Турки, застигнутые въ расплохъ, бѣжали съ острова. Кандія имѣетъ свои «бѣлыя горы», Бѣлогорье, которое для нея, да и для всего Архипелага тоже, что Черногорія на Балканскомъ полуостровѣ; Кандію можно подавить на время, но покорить нельзя. Она останется грозою Турціи, пока не будетъ свободна. Черногорія сбросила съ себя постылое иго рабства и ратуетъ за другихъ. Кандія съ перваго возстанія не переставала сопротивляться насилію турокъ; если она, по временамъ, опускала оружіе, то только для того, чтобы перевести духъ; и теперь ея Бѣлогорія ведетъ отчаянную борьбу на смерть! Христіане дерутся одинъ противъ десяти, и это въ виду всей христіанской Европы!

Затѣмъ поднялась вся Греція. Монтескьё говоритъ: «Деспотическія державы походятъ на дикихъ, которые рубятъ дерево, чтобы достать плодъ». Турки, при завоеваніи христіанскихъ областей поступали также; они истребляли цѣлыя селенія или для того, чтобы завладѣть ихъ имуществомъ, или изъ опасенія возмездія, или просто по животному инстинкту разрушенія и по жаждѣ крови побѣжденнаго врага. Но корни срубленнаго дерева остались, пустили новые ростки и вѣтви, которыя разрастаются все гуще и гуще, и, поднявшись высоко, готовятся въ свою очередь заглушить плевела, заслонявшія имъ свѣтъ. Время жатвы близко, благо почва сильно утучнена кровью и трупами.

Вскорѣ послѣ легкомысленнаго вторженія Ипсиланти въ Молдавію и почти одновременнаго возстанія въ Греціи, началась въ Константинополѣ извѣстная страшная рѣзня грековъ, а частію и другихъ христіанъ православнаго исповѣданія, напоминавшая Варѳоломеевскую ночь. Ни полъ, ни возрастъ, ни духовный санъ,— ничто не спасало отъ изувѣрства турокъ. Окровавленныя, истерзанныя тѣла патріарха и епископовъ, были преданы евреямъ, и въ день самой Пасхи, съ позоромъ влачились по улицамъ Константинополя во всеувидѣніе, въ укоръ христіанскому міру. Къ несчастію, Ипсиланти, въ своихъ письмахъ къ сербскому князю Милошу, перехваченныхъ турецкимъ правительствомъ, навелъ подозрѣніе и на самого Милоша и на многихъ изъ русскихъ подданныхъ; а потому послѣднихъ особенно преслѣдовали. Тщетно баронъ Строгановъ, бывшій нашъ посланникъ, возставалъ и протестовалъ противъ наглаго насилія и позора, совершающагося въ глазахъ всѣхъ представителей европейскихъ державъ. Выставки у воротъ сераля головъ и ушей, этихъ жалкихъ трофеевъ, привозимыхъ изъ Мореи, по прежнему возбуждали народный фанатизмъ мусульманъ. Также безполезно требовалъ онъ вывода турецкихъ войскъ изъ княжествъ Молдавіи и Валахіи,

безчинствовавшихъ и грабившихъ страну уже вполнѣ успокоенную и не подававшую никакого повода къ продолженію военнаго занятія. Требовалъ онъ и возвращенія сербскихъ воеводъ, содержавшихся въ заточеніи въ противность международныхъ правъ. Но всѣ его протесты, столь законные и основанные на силѣ трактатовъ, были отклоняемы, а иногда, съ дерзостью, возвращаемы. Баронъ Строгановъ, наконецъ, послалъ свой ультиматумъ Портѣ, назначивъ осьмидневный срокъ для отвѣта.

Положеніе нашей миссіи было тяжелое; нужна была вся сила характера Строганова, чтобы бороться съ нимъ. Онъ находился въ Буюкдере́, своемъ лѣтнемъ пребываніи; орта [1]) янычаръ съ нѣсколькими офицерами, приставленными турецкимъ правительствомъ, сторожили всѣ его движенія; не допускали къ нему ни прислуги, ни вещей изъ Константинополя. Министры шведскій и датскій одни оказывали ему сочувствіе, но были до того безсильны, что не могли ему даже доставить необходимыхъ для него предметовъ; ихъ люди были задерживаемы, и протесты въ нарушеніи правъ посланника оставляемы безъ удовлетворенія. Недавно прибывшій англійскій посланникъ, принятый съ необыкновеннымъ торжествомъ, былъ совершенно на сторонѣ Порты и даже приставилъ своего соглядатая за дѣйствіями русской миссіи. Французскій повѣренный въ дѣлахъ находился подъ вліяніемъ англійскаго посланника. Австрійскій интернунцій, гр. Литцовъ, хотя по личнымъ отношеніямъ съ барономъ Строгановымъ не могъ отказать ему въ нѣкоторомъ вниманіи, но ничего не дѣлалъ въ защиту его международныхъ правъ.

Наступилъ рамазанъ. Въ народѣ ходили слухи, что въ это время бѣшенаго фанатизма мусульмане вырѣжутъ нашу миссію. Баронъ Строгановъ зналъ это и писалъ управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ: «Что̀ бы ни случилось, будьте увѣрены въ одномъ, что честь Россіи никогда не запятнается дѣйствіями и слабостью русской миссіи». Съ тѣмъ вмѣстѣ, Строгановъ укладывалъ и отправлялъ архивы, послалъ совѣтнику посольства Дашкову, осматривавшему наши консульства въ Левантѣ, приказаніе немедленно вернуться въ Константинополь; спасалъ и отправлялъ на корабляхъ въ Россію тайно, съ большою опасностью, несчастныхъ подданныхъ нашихъ, грековъ, отъ явной опасности. Не получивъ отвѣта въ назначенный срокъ, баронъ Строгановъ со всѣмъ посольствомъ и остатками православныхъ христіанъ выѣхалъ, наконецъ, изъ Константинополя.

Присланный въ послѣдствіи отзывъ Порты, исполненный все-

---

[1]) Т. е. рота.

возможныхъ хитросплетеній, указывающихъ на участіе иностранцевъ въ составленіи его, вмѣстѣ съ тѣмъ заносчивый и дерзкій, полученъ былъ Александромъ I, въ августѣ 1821 г., во время пребыванія государя въ Царскомъ Селѣ. Онъ послалъ немедленно за графомъ Каподистріею. Это было вечеромъ. Мы передаемъ часть разговора со словъ Каподистріи, имъ самимъ записанныхъ, сколько для разъясненія послѣдующихъ обстоятельствъ и поученія дипломатовъ, столько для пополненія характеристики императора Александра I. Государь былъ взволнованъ; его заботилъ этотъ отвѣтъ, не самъ по себѣ, но по своимъ послѣдствіямъ; не войны съ Турціей опасался онъ, но другихъ, болѣе угрожающихъ событій.

— Если мы будемъ отвѣчать войной, сказалъ государь,—то парижскій революціонный комитетъ восторжествуетъ, и тогда ни одно правительство не удержится на ногахъ. У меня вовсе нѣтъ охоты давать волю врагамъ порядка. Всѣми мѣрами надо стараться избѣгнуть войны съ Турціей. Поразмыслите объ этомъ хорошенько и представьте дѣльный трудъ по этому жгучему вопросу.

— Ваше величество, позвольте мнѣ изложить съ полною откровенностью свое мнѣніе, отвѣчалъ я (пишетъ графъ Каподистріа).

— Затѣмъ я и пригласилъ васъ.

— Допустимъ, государь, что въ Парижѣ или въ другомъ мѣстѣ дѣйствительно существуетъ комитетъ, неусыпно работающій надъ разрушеніемъ существующихъ правительствъ; допустимъ, что у правительствъ нѣтъ иныхъ средствъ состязаться съ этимъ внутреннимъ врагомъ и побѣдить его, кромѣ матеріальной силы; допустимъ, наконецъ, что другіе государи прибѣгнутъ къ вашему величеству, прося помощи войсками;—даже и при этомъ предположеніи, развѣ ваше величество не достаточно сильны, чтобы подать просимую помощь и съ тѣмъ вмѣстѣ заставить турокъ опомниться, двинувъ войска на Прутъ, а если понадобится, то и на Дунай. Съ другой стороны, предавая христіанъ изувѣрству турокъ, не потворствуемъ ли мы тѣмъ самымъ преступнымъ замысламъ революціонныхъ дѣятелей, вмѣсто того, чтобы нанести имъ ударъ. Несомнѣнно, что если только у нихъ есть составленный планъ, то именно въ томъ духѣ, чтобы подорвать всякое довѣріе къ правительствамъ и возбудить къ нимъ презрѣніе и ненависть народовъ. Греки, преданные въ жертву магометанамъ, будутъ сопротивляться съ отчаяніемъ. Тогда случится одно изъ трехъ: или Грецію послѣдуетъ теперешняя участь Дунайскихъ Княжествъ, или она навсегда сброситъ иго Турціи,

или, наконецъ, борьба будетъ длиться съ перемѣннымъ счастьемъ. Въ первомъ случаѣ — союзные кабинеты станутъ сообщниками турецкаго правительства; во второмъ, они вынуждены будутъ признать тотъ порядокъ вещей, который до этого времени отвергали; въ третьемъ, они подадутъ поводъ къ самому соблазнительному для народовъ примѣру, который, конечно, всего менѣе способенъ обратить умы ихъ къ спокойствію и порядку. Заставить турокъ образумиться путемъ дипломатическихъ сношеній — тщетная надежда! Опыты вѣковъ и собственные наши должны убѣдить въ томъ. Только силою оружія, пока еще есть время, можно умиротворить Левантъ; этимъ мы нисколько не нарушимъ Союза, а еще болѣе укрѣпимъ его связи, которыя значительно поослабли отъ переговоровъ въ Троппау и Лайбахѣ.

Государь не соглашался съ послѣднимъ заключеніемъ; напротивъ, утверждалъ, что хотя Англія и уклонилась отъ Союза, онъ, однако, еще сильнѣе скрѣпился между остальными государствами.

Это противорѣчіе нисколько не помѣшало государю выслушать милостиво до конца предположеніе Каподистріи; сущность его заключалась въ слѣдующемъ: при содѣйствіи черноморскаго флота, прогнать силою турокъ изъ Княжествъ, занявъ ихъ своими войсками. Причемъ объявить манифестомъ, что такая мѣра принимается въ видахъ умиротворенія Княжествъ, и что въ опасеніи постоянныхъ нарушеній международнаго права, мы требуемъ отъ Турціи болѣе прочныхъ гарантій, какъ для Молдавіи и Валахіи, такъ для Сербіи и грековъ.

Мы обяжемся не нарушать ничьей территоріальной собственности, не требовать для себя ни пяди земли и сохранить въ данномъ случаѣ полное statu quo. Заявленіе нужно сдѣлать циркуляромъ не только европейскимъ державамъ, но и православнымъ христіанамъ, подданнымъ Турціи, даже Персіи; и кто пожелаетъ, можетъ присоединиться къ Россіи, для исполненія этого подвига, основаннаго единственно на желаніи спасти христіанъ отъ окончательнаго истребленія; въ противномъ случаѣ — мы одни можемъ порѣшить дѣло.

— Да, конечно, все это было бы прекрасно, — отвѣчалъ государь, — но планъ вашъ нельзя иначе привести въ дѣйствіе, какъ по взаимному, полному соглашенію съ союзными кабинетами; постараемся же нашими переговорами съ Турціей выиграть время, необходимое для взаимныхъ соглашеній.

— Государь, выигрывая время, мы теряемъ его безвозвратно. Революція сдѣлается столь общею, что невозможно будетъ совладать съ нею. Когда пожаръ одолѣваетъ, тогда нельзя ту-

шить его, а надо ломать зданіе. Что теперь такъ сильно волнуетъ общественное мнѣніе въ пользу христіанъ, въ послѣдствіи утратитъ свое нынѣшнее значеніе и будетъ истолковано иначе. Къ тому же, весьма сомнительно, чтобы союзныя державы дѣйствовали за-одно, единодушно съ вашимъ величествомъ; они слишкомъ боятся второстепенной роли; вы сами въ томъ убѣдились: союзъ противъ Бонапарта могъ составиться только на полѣ битвы, силою неизбѣжныхъ обстоятельствъ, а потому и удался. Напротивъ, всѣ тѣ коалиціи, которыя обсуживались въ кабинетахъ и обусловливались дипломатіею, рушились ранѣе, чѣмъ успѣли составиться. Ваше величество съ береговъ Дуная легко устроите участь Леванта; не только европейскія государства, даже южная Америка, возставшая противъ метрополіи, почувствуетъ благодѣтельное вліяніе вашей политики; но ничего добраго нельзя ожидать, если мы ограничимся пересылкою депешъ: нужно дѣйствовать!

Государя, однако, не могли поколебать всѣ убѣжденія, продолжавшіяся до поздней ночи. Революція, какъ страшное видѣніе, возстала во многихъ мѣстахъ: въ Испаніи, въ Неаполѣ, въ Піемонтѣ. Ее выставляли даже тамъ, гдѣ ея не было, утверждая, что революціонеры только и ждутъ какого-нибудь столкновенія между правительствами, чтобы накинуться на нихъ, на каждое порознь, и потому государь видѣлъ спасеніе только въ согласіи, въ союзѣ державъ между собою. Если Каподистріа утверждалъ противное, то были и такіе, которые старались его поддержать въ установившемся убѣжденіи, и раздражать воображеніе, потрясенное великими событіями.

Александръ окончилъ тѣмъ, что приказалъ своему статсъ-секретарю составить *agenda* (какъ онъ называлъ свои памятныя записки), присовокупивъ, чтобы онъ не увлекался одними своими идеями исключительно.

Я уже имѣлъ случай сказать, какой исходъ имѣлъ для графа Каподистріи этотъ вопросъ; но въ дипломатіи ему было суждено не скоро кончиться; онъ запутывался съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, пока, наконецъ, одинъ мечъ могъ разрѣшить его.

II.

Турецкая имперія не упоминается ни въ одномъ изъ общеевропейскихъ трактатовъ 1814 и 1815 гг., и потому мы по прежнему не допускали ничьего посторонняго вмѣшательства въ дѣла наши съ Турціей, которыя обусловливались особыми взаимными договорами; но въ 1821 г., Александръ, вѣрный «Священному союзу», добровольно отступилъ отъ пріобрѣтеннаго кровью права, которое слѣдовало бы оберегать ревностно.

Убѣжденный въ правотѣ своихъ дѣйствій, онъ выставилъ ихъ на видъ европейскимъ державамъ, призвалъ ихъ къ участію въ переговорахъ и требовалъ отъ нихъ содѣйствія въ понужденіи Порты къ выполненію его законныхъ и самыхъ умѣренныхъ требованій. Но тутъ онъ вполнѣ убѣдился, какъ мало могъ онъ полагаться на содѣйствіе ихъ, когда рѣчь шла объ интересахъ Россіи, и какъ безвозмездно и напрасно потрачены были средства наши въ пользу союзниковъ. Одна Пруссія изъявила искреннее желаніе свое присоединиться къ намъ для защиты и поддержки правоты дѣла. Франція, заявляя свое сочувствіе, выражалась не совсѣмъ опредѣлительно, хотя и готова была настаивать у Порты объ облегченіи участи христіанъ. Англія, удалившись изъ союза, заняла особое, самостоятельное мѣсто въ дѣлахъ материка; заявляя гласно о невмѣшательствѣ своемъ во внутреннія дѣла государствъ, она втайнѣ покровительствовала возмущавшимся народамъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ пріобрѣтала все бо̀льшее и бо̀льшее вліяніе съ распространеніемъ на нихъ ига промышленности и мануфактуръ, которыя, въ силу повсемѣстныхъ внутреннихъ потрясеній, приходили въ упадокъ въ другихъ государствахъ. Что касается до Австріи, то она начала дѣйствовать смѣлѣе въ пользу Турціи.

Князь Меттернихъ, въ полномъ сознаніи своего авторитета, говорилъ тѣмъ, которые опасались войны съ Турціею и пагубныхъ ея послѣдствій, что Александръ не рѣшится на войну, что онъ за это ручается. Въ отвѣтахъ своихъ русскому кабинету, онъ постоянно совѣтовалъ добиваться исполненія своихъ требованій путемъ переговоровъ, постоянно обѣщалъ содѣйствіе вѣнскаго кабинета, а между тѣмъ поддерживалъ Порту (гдѣ совѣты его принимались весьма охотно) упорствовать въ своемъ отказѣ, и посылалъ австрійскихъ офицеровъ на флотилію Ибрагимъ-паши, опустошавшаго берега Греціи. Князю Меттерниху нужно было выиграть время для того, чтобы турки могли покончить безпрепятственно съ возстаніемъ въ Греціи. И время

тянулось, депеши, ноты, меморандумы по турецкимъ дѣламъ писались во всѣхъ кабинетахъ.

Протоколъ Веронскаго конгресса не привелъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Онъ только раздражилъ противъ насъ грековъ. На свиданіи двухъ императоровъ въ Черновицѣ, куда Александръ прибылъ послѣ смотра войскъ южной арміи, государь показалъ еще болѣе уступчивости. Изъ всѣхъ нашихъ требованій Турція исполнила только одно, и то въ видахъ пользъ Англіи и по настоянію ея посланника, лорда Странгфорда: она отмѣнила тѣ стѣснительныя мѣры при проходѣ купеческихъ судовъ черезъ Босфоръ, которыми убили было совершенно нашу торговлю въ Черномъ морѣ. Австрійскій кабинетъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы настаивать у императора Александра возобновить наши прямыя сношенія съ Портой въ Константинополѣ, такъ какъ со времени отъѣзда барона Строганова, мы не имѣли своего представителя. Государь рѣшился послать туда, впрочемъ не болѣе, какъ въ качествѣ агента для покровительства торговли и защиты русскихъ подданныхъ, терпѣвшихъ бѣдственную участь, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Минчаки, назначеннаго консуломъ въ Дунайскихъ княжествахъ, бывшаго долгое время въ томъ же званіи въ Мореѣ и коротко знакомаго съ дѣлами Турціи.

Заступничество Минчаки за несчастныхъ христіанъ и его настоянія у иностранныхъ представителей, не могло облегчить участь ни славянъ, ни грековъ, ни румыновъ. Можно положительно сказать, что со времени покоренія ихъ, они никогда такъ не страдали, какъ въ эту памятную для нихъ эпоху, а они ли не натерпѣлись! Султанъ объявилъ священную войну за вѣру; вслѣдствіе чего рѣзня происходила почти съ одинаковымъ остервененіемъ на улицахъ Константинополя, какъ и на поляхъ битвъ въ Мореѣ, Кандіи и другихъ островахъ, находившихся въ полномъ возстаніи. Въ княжествахъ, гдѣ запуганные и забитые жители не смѣли шевельнуться, турецкіе солдаты, прогнавши господарей, замѣнили всѣ законныя власти своими штыками, предавались безнаказанно грабежу, убійствамъ и всякаго рода насилію. Сербскіе депутаты все еще томились въ Константинополѣ. Жители Іоническихъ островов, находившіеся подъ властію Англіи, терпѣли всякаго рода угнетенія; они готовы были взяться за оружіе и, конечно, сдѣлали бы это, если бы перемѣна англійскаго кабинета не измѣнила ихъ положенія. Министерство виговъ, съ Каннингомъ во главѣ, замѣнило министерство Лондондери. Оно не противилось болѣе сочувствію народа, доходившему до энтузіазма къ судьбѣ несчастныхъ грековъ, и отмѣнило

многія стѣснительныя мѣры, принятыя прежнимъ министерствомъ какъ относительно возстанія грековъ, такъ и Іоническихъ островъ. Хотя явно оно еще не высказывалось въ пользу возставшихъ, но уже можно было предвидѣть, что оно рѣшится на болѣе дѣйствительныя мѣры.

Невольно сжимается стыдомъ и соболѣзнованіемъ сердце при чтеніи этой массы бумагъ въ періодъ времени отъ 1821 до смерти Александра Павловича по восточному вопросу. Что же долженъ былъ чувствовать государь, еще недавно такъ самостоятельно и повелительно стоявшій во главѣ Европы! Мы, однако, сильно ошиблись бы и впали въ несправедливое увлеченіе, если бы такое терпѣливое выжиданіе времени и медленность въ принятіи рѣшительныхъ мѣръ отнесли безусловно къ нравственной слабости, къ упадку силъ и духа Александра. Прежде произнесенія такого строгаго приговора, мы должны глубже всмотрѣться въ направленіе и характеръ государя. Предъ нимъ еще носилась грозная фигура Наполеона во всеоружіи брани, достигшая преобладанія власти однимъ мечемъ. Для сохраненія этой власти, онъ не опускалъ своего меча во все время царствованія и держалъ его поднятымъ надъ трепетной Европою. И чѣмъ окончилось его владычество, и что оставило оно по себѣ! Пожарища селъ, развалины городовъ, опустошеніе государствъ! У семейнаго очага бѣдной избы, какъ и у разрушенныхъ троновъ низвергнутыхъ государей, слышались ненависть и проклятіе памяти великаго завоевателя. Александръ не разъ видѣлъ поле битвы, видѣлъ его и въ то время, когда, оставленное побѣдителями и побѣжденными, оно представляло страшную картину смерти и разрушенія. Тутъ узналъ онъ всѣ ужасы войны. Какъ человѣкъ, какъ христіанинъ, онъ желалъ, онъ надѣялся избавить отъ нее родъ человѣческій. Онъ готовъ былъ жертвовать своимъ личнымъ вліяніемъ, не искалъ, но скорѣе избѣгалъ блеска военной славы; пренебрегая своей жизнію, онъ щадилъ жизнь другихъ и думалъ рѣшать всѣ возникающіе въ Европѣ споры судомъ государей. Убѣдившись въ суетности стремленій Наполеона, который пронесся духомъ брани надъ Европой, онъ искалъ славы миротворца. Однимъ словомъ, онъ увлекался теперь, какъ увлекался не разъ, увлекался, конечно, самыми благородными побужденіями, но отъ нихъ терпѣли наши собственные интересы, терпѣло народное чувство, уязвленное въ его лучшихъ побужденіяхъ; отъ нихъ страдало наше вліяніе въ Европѣ. Дошли, наконецъ, до того, что Порта, не только не удовлетворяла нашихъ домогательствъ, но въ дерзкихъ выраженіяхъ требовала отъ насъ

выдачи спасшихся отъ константинопольской рѣзни, и большею частію пріѣхавшихъ съ барономъ Строгановымъ, христіанъ.

Конечно, война—наибольшее зло, какое люди могли придумать на собственную пагубу, и если бы дипломатія могла предупредить его или заговорить, какъ заговариваютъ знахари нѣкоторыя болѣзни, она была бы благодѣтельницей человѣческаго рода; но дѣло въ томъ, что въ знахарей не всегда вѣруютъ, да и самыя цѣли дипломатіи бываютъ не всегда миротворныя. Во всякомъ случаѣ, эти цѣли должны быть съ точностію опредѣлены, и къ нимъ необходимо стремиться съ отвагою и смѣлостію, которыя одинаково должны быть присущи какъ воину, такъ и дипломату, стремиться во чтобы то ни стало, хотя бы въ концѣ пути былъ вонженъ мечъ, за который пришлось бы схватиться, чтобы защитить права свои. Только въ такомъ случаѣ голосъ дипломата будетъ звучать отчетливо и внушать уваженіе, а не дребезжать страхомъ и нерѣшительностію, только въ такомъ случаѣ дипломатія достигнетъ цѣли; взявшись за мечъ, можетъ быть, ей не прійдется обнажить его. Иначе ея письменный трудъ будетъ походить на работу бѣлки въ колесѣ, которая, какъ ни силится, не подвигается ни на шагъ впередъ; на болѣзненныя, судорожныя страданія родильницы, которой физическіе недостатки препятствуютъ родамъ; женщина благоразумная и рѣшительная скорѣе согласится на всякую операцію, хотя бы то было и цесарское сѣченіе, чѣмъ оставаться въ страхѣ и нерѣшительности до тѣхъ поръ, пока уже никакая помощь невозможна.

Къ прискорбію, никого не было близъ Александра, чтобы поддержать его въ эту пору тяжкихъ испытаній, изнеможенія нравственнаго и физическаго. Мы уже имѣли случай упомянуть, какъ исчезали дѣятели славной эпохи его царствованія, и не даромъ сказали, что потеря Каподистріи была чувствительнѣе проиграннаго сраженія. Правда, оставался Поццо-ди-Борго, но онъ былъ далеко, и, по принятой имъ системѣ осторожности, выражалъ свое мнѣніе только тогда, когда его спрашивали. Его отвѣтная депеша, вызванная впослѣдствіи по требованію государя, была пророческимъ словомъ; но она послужила путеводною нитью уже для преемника Александра. Въ ту же пору вліяніе Меттерниха тяготѣло всѣмъ своимъ гнетомъ надъ русскимъ кабинетомъ, и представитель нашей политики въ Вѣнѣ былъ его почитателемъ. Когда, наконецъ, дѣла заходили слишкомъ далеко и истощали терпѣніе Александра, или чувствовались сильнѣе удары, наносимые горстью грековъ войскамъ турецко-египетскимъ, тогда князь Меттернихъ изъ Вѣны и лордъ Странгфордъ

въ Константинополѣ разрѣшали Портѣ нѣкоторыя уступки нашимъ требованіямъ, но Турція всегда обусловливала ихъ разными стѣсненіями, которыя, конечно, уничтожали все ихъ значеніе. Она, наконецъ, назначила господарей въ Дунайскія княжества, но съ такимъ вопіющимъ нарушеніемъ правъ народныхъ и нашихъ трактатовъ, что мы должны были протестовать, а мѣстные жители почувствовали надъ собою двойное иго — пашей и господарей.

III.

Есть люди, которые силою своего генія возвышаютъ обстоятельства, дѣйствія и окружающую ихъ среду до той высоты, на которой сами стоятъ; есть другіе, которые великими событіями времени и случаемъ выдвигаются на эту высоту, и все ихъ достоинство состоитъ въ томъ, чтобы цѣпко держаться на ней: князь Клементій фонъ-Меттернихъ принадлежитъ къ послѣднимъ. Въ молодости онъ учился плохо, какъ свидѣтельствуютъ его майнцскіе и страсбургскіе товарищи; впослѣдствіи онъ могъ только забыть и то, чему учился, а нисколько не развить себя; ему некогда было ни читать, ни призадуматься о томъ, что дѣлается вокругъ, ни углубиться въ самого себя. Онъ жилъ со всею силою страсти и чувства, предаваясь наслажденіямъ и порокамъ и отличаясь своею распутною жизнью даже въ такомъ безнравственномъ обществѣ, какимъ было въ его время вѣнское. Ловкій, вкрадчивый, искательный, блистательный въ разговорѣ, «самаго милаго нрава, отличнѣйшій кавалеръ», какъ писалъ о немъ нѣкогда Кауницъ, съ большими связями и пользовавшійся особенно покровительствомъ женщинъ, онъ безъ труда шелъ по лѣстницѣ возвышеній, и достигнувъ извѣстной высоты, гдѣ уже эти качества были недостаточны, онъ мастерски умѣлъ приладиться къ своему положенію, такъ что его не могли вполнѣ ни проникнуть, ни разоблачить. Чувствуя, что ему не подъ силу тогдашніе великіе вопросы, онъ, такъ сказать, дробилъ ихъ на мелочь, запутывалъ въ кабинетныя или придворныя интриги и съ рѣдкою изворотливостью умѣлъ сдѣлаться необходимымъ, чтобы руководствовать въ томъ лабиринтѣ, который созидалъ. Онъ тратилъ огромныя суммы, чтобы вывѣдывать тайны кабинетовъ, дворовъ, наконецъ семейныя, и, владѣя ими, являлся всевѣдущимъ чародѣемъ, наводя ужасъ на однихъ, дѣлаясь необходимымъ для другихъ и въ томъ числѣ для своего государя, который полагалъ, что въ этомъ и состоитъ искусство государственнаго управленія; презирая его лично по нравственнымъ ка-

чествамъ, онъ считалъ этого новаго Мазарини необходимымъ для государства.

Князь Меттернихъ не затруднялся ни въ выборѣ людей, ни въ выборѣ средствъ. Такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ дорогою цѣною Генца; блестящій талантъ этого государственнаго человѣка и обширныя свѣдѣнія равнялись только съ его пороками, передъ которыми иногда даже самъ Меттернихъ призадумывался, но потомъ, махнувъ рукой, говаривалъ со своей обычной милой улыбкой: — Пусть его! Чѣмъ невозможнѣе онъ для другихъ, тѣмъ крѣпче будетъ держаться за меня.

Князь Меттернихъ поглотилъ несмѣтныя суммы и своего государства, и другихъ, и собственныя свои. Гервинусъ исчислялъ въ нѣсколько милліоновъ суммы, полученныя имъ отъ Франціи въ 1814 году, и выгоды отъ французскаго займа 1817—18 годовъ. А вознагражденія за многочисленные мирные и торговые трактаты; за доставленіе свѣдѣній великимъ державамъ и покровительство малыхъ; а пенсіи и подарки такіе, напримѣръ, какъ Іоганнисбергъ! Независимо отъ всего этого, онъ довелъ расходы на тайную полицію, внутреннюю и внѣшнюю, до 13 милліоновъ гульденовъ въ годъ, въ которыхъ никому не отдавалъ отчетовъ. Наполеонъ назвалъ его въ глаза взяточникомъ; Александръ зналъ это лучше других; король прусскій, Веллингтонъ, Россель, Каннингъ, Штейнъ, Каподистріа отзывались о немъ съ негодованіемъ и презрѣніемъ [1]).

Неистощимый въ изворотливости, князь Меттернихъ въ крайнихъ случаяхъ прибѣгалъ подъ защиту конференцій или конгрессовъ. Тутъ онъ стоялъ на почвѣ болѣе твердой. Для него конгрессы важны были еще потому, что происходили на германской почвѣ и большею частію въ австрійскихъ владѣніяхъ, а это придавало ему особое значеніе; и на этотъ разъ онъ предлагалъ собрать конференцію въ Вѣнѣ, но, по настоянію императора Александра, рѣшено было вести переговоры въ Петербургѣ.

Австрія, Франція и Пруссія изъявили немедля свою готовность участвовать въ конференціяхъ; но Англія медлила. Съ одной стороны, кабинетъ Каннинга не желалъ связывать своей политики никакими обязательствами, ни входить въ коллективныя

---

[1]) Изъ книгъ, напечатанныхъ о Меттернихѣ, можно составить цѣлую библіотеку. Въ числѣ панегиристовъ, не отвергающихъ, впрочемъ, его господствующихъ пороковъ, назовемъ Биндера; въ противуположность ему, Гормайра (Kaiser Franz und Metternich. 1848). Любопытны секретные акты, захваченные при взятіи Милана и изданные италіанцами.

соглашенія; съ другой — ему не хотѣлось допустить Россіи до войны съ Турціей. Конечно, въ этомъ случаѣ Меттернихъ стоялъ зоркимъ стражемъ у *высокаго порога Порты*, но Каннингъ не вѣрилъ Меттерниху и боялся его измѣны. При такихъ обстоятельствахъ, англійскій кабинетъ рѣшился дать согласіе своему представителю только присутствовать при конференціяхъ, не участвуя въ рѣшеніяхъ и, принимая ихъ къ свѣдѣнію (ad referendum), сообщать обо всемъ происходящемъ въ Лондонъ; это значило наложить тормозъ на весь ходъ дѣла, которое и безъ того, по своему составу, не могло идти быстро. Не смотря на то, Александръ согласился открыть переговоры, надѣясь, что правота, наконецъ, восторжествуетъ; канцелярія работала усердно: отвѣтъ англійскаго кабинета послѣдовалъ только въ декабрѣ 1823 года; а въ началѣ 1824 года (9 генв.) уже была составлена и разослана членамъ конференціи записка по дѣламъ Греціи.—Представители своихъ дворовъ, не исключая и англійскаго, остались довольны умѣренностію требованій императора Александра и не могли не согласиться, что основаніемъ ихъ служила одна мысль — облегчить участь христіанъ на Востокѣ, совершенно чуждая всякихъ личныхъ, честолюбивыхъ замысловъ. Александръ требовалъ независимости Греціи въ дѣлахъ внутренняго управленія, невмѣшательства въ нихъ со стороны турокъ, и наконецъ того, чтобы правители греческихъ областей избирались изъ своей среды; онъ не думалъ отдѣлять Грецію отъ общаго состава владѣній султана, но хотѣлъ дать ей устройство, подобное тому, какое существовало въ Придунайскихъ княжествахъ.

Повидимому, начало благопріятствовало дипломатической работѣ. Каннингъ объявилъ нашему послу въ Лондонѣ, графу Ливену, что если мы возобновимъ непосредственныя сношенія съ Константинополемъ, отправивъ своего представителя къ Портѣ, то онъ уполномочитъ Бегота при с.-петербургскихъ конференціяхъ. Въ тоже время, онъ сообщилъ, что Порта торжественно заявила англійскому послу свое обѣщаніе вывести войско изъ княжествъ. Желая скорѣе достигнуть положительныхъ результатовъ, императоръ согласился назначить посланника въ Константинополь, и конференціи, въ которыхъ принялъ участіе и Беготъ, торжественно были открыты 5 іюня 1824 года.

Назначенный посланникомъ въ Константинополь, Рибопьеръ, былъ, однако, остановленъ кабинетомъ въ Петербургѣ сколько потому, что турки все еще не приступали къ исполненію обѣщаній относительно княжествъ, столько и потому, что въ это время были получены извѣстія о взятіи турецко-египетскими войсками Писары. Оно сопровождалось такими неслыханными

варварствами, что даже самые туркофилы были поражены ужасомъ и какимъ-то недоумѣніемъ. Только князь Меттернихъ не останавливался передъ подобными событіями; онъ, напротивъ, усилилъ свою тайную работу въ Петербургѣ, и послѣдствіемъ ея было то, что, подъ предлогомъ успѣшнаго дѣйствія въ Константинополѣ, а въ сущности, въ угоду австрійскаго и англійскаго кабинетовъ, императоръ поручилъ аккредитовать находившагося въ Константинополѣ Минчаки повѣреннымъ въ дѣлахъ при Портѣ, впредь до отправленія Рибопьера. За тѣмъ, государь отправился въ дальную свою поѣздку на Уралъ.

По возвращеніи своемъ, онъ нашелъ дѣла измѣнившимися,— но еще къ худшему. Во первыхъ, — во всѣхъ англійскихъ, а потомъ и французскихъ журналахъ, былъ помѣщенъ урывками, въ искаженномъ видѣ, извѣстный меморій, отъ 9 генваря 1824 года, по греческимъ дѣламъ. Онъ былъ напечатанъ съ видимою цѣлію возбудить противъ Россіи негодованіе христіанъ, которые возлагали на нее всѣ надежды, и дѣйствительно цѣль была достигнута. Греки протестовали противъ вмѣшательства союзниковъ и просили покровительства и помощи исключительно одной Англіи. Во вторыхъ, — кабинетъ Каннинга дѣйствовалъ иначе. Онъ не приносилъ въ жертву Турціи интересовъ Греціи, но увлекаемый народнымъ движеніемъ, старался снискать ея симпатію. Правда, онъ не зналъ, на что̀ ему рѣшиться въ подобномъ положеніи, не желая предпринять что̀-либо въ пользу грековъ, безъ союзниковъ, но никакъ не желалъ уступить кому нибудь первенствующую роль въ этомъ дѣлѣ. Дѣйствія же Беготи онъ рѣшительно порицалъ и заявилъ, что оставляетъ конференціи. Самая цѣль поѣздки въ Россію Стратфорда-Каннинга, назначеннаго посломъ въ Константинополь вмѣсто Странгфорда, которымъ были недовольны въ Лондонѣ, также приняла другой оборотъ; сначала ему, какъ лицу близкому къ первому министру по родственнымъ и служебнымъ отношеніямъ и уже знакомому съ дѣлами Турціи, гдѣ онъ былъ секретаремъ посольства, поручалось заѣхать въ Петербургъ, именно съ тѣмъ, чтобы придти къ какому либо соглашенію между двумя кабинетами въ дѣлахъ восточныхъ и дѣйствовать за одно въ Константинополѣ: такъ доносилъ Ливенъ изъ Лондона; но потомъ ограничили его порученіе только дѣлами по протесту Англіи относительно нашего американскаго берега. Стратфордъ-Каннингъ, которому суждено было играть такую важную и пагубную роль въ дѣлахъ Востока, пріѣхалъ въ Петербургъ именно въ то время, когда открылись новыя конференціи, безъ участія Англіи (въ февралѣ 1825 г.); недовольный исходомъ возложен-

наго на него порученія по американскимъ колоніямъ, онъ уже тогда, своимъ положеніемъ, которое сразу занялъ по уму и знаніямъ въ дипломатическомъ корпусѣ, дѣйствовалъ на ходъ конференціи, хотя, конечно, неявно. Какъ бы-то ни было, но предложеніе нашего кабинета, состоявшее въ томъ, чтобы предъявить извѣстное уже рѣшеніе обоимъ враждующимъ націямъ — Турціи и Греціи, и, въ случаѣ несогласія какой либо изъ двухъ сторонъ, прервать съ нею всѣ сношенія и даже понудить къ соглашенію, — это предложеніе не было принято ни одною изъ державъ, вслѣдствіе чего Александръ приказалъ объявить, что конференціи прекращаются, и онъ предоставляетъ себѣ полную свободу дѣйствовать, какъ сочтетъ нужнымъ, помимо союзниковъ.

Казалось бы, послѣ этого, не оставалось другого образа дѣйствій, какъ прибѣгнуть къ оружію; такъ думали многіе, и въ Европѣ даже утверждали, что поѣздка Александра въ Таганрогъ служила только предлогомъ для осмотра южной арміи, готовой къ выступленію. Но государь, повидимому, еще ни на что не рѣшился и приказалъ спросить мнѣніе нѣкоторыхъ изъ своихъ представителей при иностранныхъ державахъ — именно, Поццо-ди-Борго, Ливена, Алопеуса и Татищева.

IV.

Таково было положеніе дѣлъ турецкихъ, и едва ли не худшее — дѣлъ персидскихъ, когда на престолъ вступилъ императоръ Николай Павловичъ, который, до того времени, изъ всѣхъ отраслей государственнаго управленія, конечно, менѣе другихъ занимался иностранной политикой. Онъ, однако, изъ первыхъ представленныхъ ему работъ министерства удостовѣрился въ односторонности его направленій, нерѣшительности и внѣшнемъ вліяніи иностранныхъ державъ, а потому обратился къ самымъ источникамъ, — депешамъ нашихъ посланниковъ при иностранныхъ державахъ. Къ счастію, одною изъ первыхъ попался ему отвѣтъ нашего посла при французскомъ дворѣ на циркуляръ графа Нессельроде, — отвѣтъ, полученный за нѣсколько дней до смерти Александра. Въ ней отразился весь свѣтлый умъ Поццо-ди-Борго. Какъ соколъ, спущенный наконецъ съ руки охотника, онъ понесся прямо и неудержно къ цѣли; съ высоты, недосягаемой для другихъ, окинулъ онъ поле дѣйствія, и указывая на враговъ, поражалъ ихъ перомъ своимъ. Онъ писалъ, что Россія, въ томъ положеніи, въ которомъ заявила себя передъ Европой, уклонившись отъ нея и предоставивъ себѣ полную свободу дѣйствій,

конечно, поставитъ ее въ недоумѣніе, но это только на первое время. Европейскія державы, руководимыя княземъ Меттернихомъ, проникающимъ во всѣ тайны кабинетовъ путями темными, ему одному доступными, скорѣе поймутъ настоящее значеніе «нашей свободы дѣйствій»; если она, хотя временно, обратится въ бездѣйствіе, они будутъ очень довольны имъ, и постараются воспользоваться обстоятельствами, чтобы отучить Европу обращаться за разрѣшеніемъ международныхъ вопросовъ къ Россіи. А что однажды утрачено, то не легко возвращается. Положеніе наше на материкѣ не то, что Англіи на острову; при томъ же, у нея есть и другіе пути преобладанія — ея богатства, торговля, узаконенія, соблазняющія другіе народы. У насъ только одна сила матеріальная. Нужно, чтобы негодованіе наше противъ союзниковъ выразилось не однимъ пассивнымъ молчаніемъ, но и мѣрами болѣе существенными.

Поццо-ди-Борго, вмѣстѣ съ тѣмъ, радовался временному разрыву нашему съ Союзомъ, который принесъ существенную пользу для другихъ, но не для насъ: Англія, напримѣръ, пользуясь затишьемъ, охраняемымъ союзниками, не только устроила и умиротворила взволнованное и потрясенное состояніе страны, но успѣла развить свою торговлю и промышленность до того, что не только уплатила важную часть изъ несмѣтныхъ долговъ, но опять стала изобиловать накопившимися капиталами.

Австрія ни минуты не стѣсняется обязательствами Союза, когда рѣчь идетъ не о ея матеріальныхъ пользахъ, или не задѣты ея политическія цѣли; такимъ образомъ, она оставила на рукахъ другихъ дѣла Португаліи и Бразиліи. Въ распрѣ же нашей съ Турціей, въ кровавомъ уничтоженіи грековъ, она стала ревностной сторонницей Турціи, и, если участвуетъ въ конференціяхъ и старается продлить ихъ, то только для того, чтобы удержать насъ отъ болѣе рѣшительныхъ мѣръ и дать время Портѣ расправиться съ несчастными христіанами. Она составляетъ для турокъ планъ кампаніи, посылаетъ къ нимъ своихъ офицеровъ, въ качествѣ руководителей и наставниковъ, даетъ такія инструкціи своему флоту на Адріатическомъ морѣ, которыя возмущаютъ весь христіанскій міръ. Поццо-ди-Борго, подобно Каподистріи, вполнѣ проникъ двуличную политику князя Меттерниха; зорко слѣдя за нимъ, онъ указалъ, что еще при началѣ греческаго возстанія, въ бытность англійскаго короля въ Ганноверѣ, Меттернихъ видѣлся съ нимъ и съ Кестельри и условился не допускать Россію къ вмѣшательству въ дѣла Греціи. Извѣстно также было, что во время самыхъ конференцій въ Петербургѣ, онъ, подъ предлогомъ болѣзни жены, пріѣзжалъ въ

Парижъ и старался всячески возбудить французскій кабинетъ противъ предложенія Александра. Священный союзъ служилъ Австріи щитомъ отъ внутреннихъ потрясеній и внѣшнихъ враговъ; пользуясь только имъ, она пріобрѣла такое сильное вліяніе въ Европѣ, которое рушилось, какъ скоро отклонился отъ нея главный союзникъ.

Пруссія также воспользовалась поддержкою Союза. Оставаясь въ сторонѣ отъ пожертвованій, которыя онъ требовалъ отъ другихъ, она успѣла залечить раны, нанесенныя кровопролитною и продолжительною войною, и совершить свои обширныя и общеполезныя реформы внутри государства.

Что касается до Франціи, то Союзъ ей напоминаетъ времена ея униженія; она охотно оставила бы его, но слабость и нерѣшительность кабинета и двора не дозволяютъ ей слѣдовать самостоятельной политикѣ.

Если Поццо-ди-Борго не говоритъ, что Россія, стоявшая въ послѣднее десятилѣтіе на стражѣ спокойствія Европы, въ полномъ вооруженіи, такъ дорого ей стоившемъ, не только не извлекла никакой пользы отъ своего союза, какъ ясно показали турецкія дѣла, но возбудила явное негодованіе народовъ и скрытую зависть правительствъ, — если Поццо-ди-Борго не высказываетъ этой мысли, то ясно даетъ ее выразумѣть.

Затѣмъ, онъ обращается непосредственно къ мѣрамъ, которыя Россія обязана принять—«для возстановленія достоинства, правъ и интересовъ, попранныхъ насиліемъ Турціи». Онъ предлагаетъ представить Портѣ ультиматъ, назначивъ самый короткій срокъ для отвѣта, а въ случаѣ отказа въ удовлетвореніи нашихъ требованій — двинуть войска въ княжества, и выгнать оттуда турокъ. Такъ какъ въ этомъ случаѣ не со стороны Турціи можно ожидать серьёзнаго сопротивленія и преграды, но отъ вмѣшательства европейскихъ державъ, то Поццо-ди-Борго, со всею тонкостію ума и знаніемъ дѣла, разбираетъ ихъ политику и военныя силы, и приходитъ къ тому заключенію, что ни одна изъ державъ не заинтересована достаточно, не приготовлена къ тому, чтобы рѣшиться дѣйствовать противъ насъ открыто, кромѣ развѣ Австріи, которая, конечно, приметъ дипломатическія мѣры для удержанія нашихъ войскъ отъ перехода черезъ Прутъ и, можетъ быть, станетъ вооружаться, а потому, Поццо совѣтуетъ, оставивъ на Дунаѣ только обсерваціонный корпусъ, быть на-готовѣ на юго-западной границѣ, чтобы ринуться всѣми силами на Австрію и съ разу порѣшить съ нею, прежде чѣмъ начать дальнѣйшія военныя дѣйствія противъ Турціи. Но онъ заранѣе предсказываетъ, что вѣнскій кабинетъ не

допустить до этого и ограничить свои дѣйствія изворотливостью, интригами и, такъ-называемой, нравственной поддержкой или тайной помощью Турціи, что̀, конечно, не принесетъ ей существенной пользы противъ такого врага, какъ Россія.

Полученный въ тоже время отъ графа Ливена отвѣтъ служилъ подтвержденіемъ убѣдительныхъ доводовъ Поццо-ди-Борго; нашъ посолъ въ Лондонѣ положительно доказывалъ, что Англія не рѣшится дѣйствовать силою, въ случаѣ войны съ Турціей. Алопеусъ, бывшій тогда въ Петербургѣ, ручался за союзъ Пруссіи, да и самъ государь вполнѣ былъ въ немъ увѣренъ. Только отъ Татищева, изъ Вѣны, получены были свѣдѣнія неопредѣлительныя, уклончивыя; онъ говорилъ, что, конечно, Австрія будетъ поражена объявленіемъ войны съ Турціей, что война задѣнетъ ближайшіе ея интересы, но что едва ли императоръ рѣшится двинуть войска на защиту своей союзницы; вообще, прибавляетъ онъ, *трудно предвидѣть всѣ случайности* этого неожиданнаго оборота дѣлъ.

Императоръ Николай I, со всею впечатлительностью ума, чуждаго политическихъ предубѣжденій, усвоилъ себѣ воззрѣніе Поццо-ди-Борго. Онъ ожидалъ обычнаго, по случаю восшествія на престолъ, съѣзда представителей европейскихъ державъ, зная, что въ числѣ ихъ будутъ вліятельнѣйшіе люди государствъ; съ ними хотѣлъ онъ предварительно обусловить нѣкоторыя обстоятельства сдѣланныхъ имъ рѣшеній. Къ тому же, онъ не могъ не замѣтить перемѣны въ дѣйствіяхъ англійскаго кабинета, начинавшаго склоняться къ нашей политикѣ въ греческомъ вопросѣ и предвидѣлъ возможность воспользоваться ею.

Два обстоятельства содѣйствовали къ такой перемѣнѣ: во-первыхъ, англійскій кабинетъ былъ особенно возмущенъ одною изъ варварскихъ мѣръ Порты, которая рѣшилась переселить часть египтянъ на земли Греціи, на мѣста истребленныхъ и выселенныхъ въ Азію и Африку ея жителей, и такимъ образомъ грозила образовать со временемъ новое мусульманское государство въ центрѣ Европы. Во-вторыхъ, продолжительная борьба грековъ волновала единовѣрныхъ имъ жителей Іоническихъ острововъ—а главное, начинала сильно вредить ея торговлѣ на Средиземномъ и Черномъ моряхъ; наконецъ, покровительство, котораго просили отъ нея греки, хотя и льстило ея тщеславію, тѣмъ не менѣе налагало на нея нѣкоторыя нравственныя обязанности. Отказавшись отъ фактическаго вліянія на страну, правительство, увлекаемое общественнымъ мнѣніемъ всей страны, не могло оставаться въ бездѣйствіи. Былъ и еще одинъ поводъ сближенія. Каннингъ, подобно императору Александру I-му въ

послѣдніе годы его царствованія, смотрѣлъ съ недовѣріемъ, негодованіемъ—чтобы не сказать болѣе—на двуличную политику князя Меттерниха и желалъ окончательно расторгнуть Священный союзъ. Вотъ что, между прочимъ, писалъ онъ къ лорду Ливерпулю: «Ясно, что князь Меттернихъ не признаетъ никакой законности, и что съ нимъ рука-объ-руку идти нельзя; можно быть заранѣе и вполнѣ увѣреннымъ, что онъ измѣнитъ намъ; это не только его обычный способъ дѣйствій, но, въ данномъ случаѣ — его гордость и счастье» [1]).

Желая изгладить непріятныя впечатлѣнія, возбужденныя въ нашемъ кабинетѣ послѣдними сношеніями англійскихъ представителей и поднять греческій вопросъ, Каннингъ рѣшился предложить предстоявшее экстренное посольство въ Петербургъ герцогу Веллингтону, столь высоко стоявшему въ общественномъ мнѣніи всей Европы, русскому фельдмаршалу, лично извѣстному императору Николаю, который пользовался его радушнымъ пріемомъ и руководствомъ во время пребыванія въ Лондонѣ. Веллингтонъ, не смотря на противность своихъ убѣжденій съ кабинетомъ виговъ, принялъ это порученіе, ради его цѣли, и по чувству глубокой привязанности къ усопшему императору, праху котораго желалъ отдать послѣдній долгъ.

Не менѣе разборчивости въ выборѣ своихъ представителей показали и другія державы, чтобы почтить память великаго императора. Такимъ образомъ, петербургскій съѣздъ представлялъ самый удобный случай для политическихъ переговоровъ. Князь Меттернихъ, подозрѣвая, что герцогъ Веллингтонъ можетъ имѣть какія либо особыя порученія, настоялъ, чтобы былъ противопоставленъ достойный ему соперникъ, и выборъ палъ на герцога Фердинанда Эстъ, внука Маріи Терезіи, пользовавшагося извѣстностью умнаго и ловкаго дипломата, участника войнъ противъ Наполеона, въ которыхъ онъ, впрочемъ, ознаменовалъ себя только несчастіями. Король Фридрихъ Вильгельмъ III, этотъ вѣрный и преданнѣйшій другъ Александра, отправилъ сына своего Вильгельма (брата императрицы), особенно привязаннаго къ императору Николаю Павловичу. Послѣ него пріѣхалъ герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій, мужъ сестры императрицы, Леопольдъ, впослѣдствіи герцогъ Баденскій, ближайшій родственникъ овдовѣвшей Елисаветы; онъ не успѣлъ за распутицей встрѣтить ее на возвратномъ пути и уже привѣтствовалъ гробъ ея! Принцъ Оранскій, впослѣдствіи король Голландіи, мужъ великой княгини Анны Павловны, пріѣхалъ по собственному искреннему влеченію;

[1]) Stapleton, Canning and his times.

онъ, можно сказать, обожалъ покойнаго императора. Представителемъ Франціи былъ Сенъ-При (Saint-Priest); Баваріи — извѣстный фельдмаршалъ князь Вреде; не станемъ называть другихъ.

Скажемъ кстати, что изъ всѣхъ посѣтителей, привѣтливѣе и съ бо́льшею любовью принимали какъ въ обществѣ, такъ и въ народѣ, принца Оранскаго. Еще помнили его недавній пріѣздъ въ Петербургъ, дружбу къ нему Александра; видѣли его глубокую скорбь и безусловно сочувствовали ей. Веллингтонъ, въ своемъ русскомъ фельдмаршальскомъ мундирѣ, очень неловко на немъ сидѣвшемъ, привлекалъ къ себѣ общее вниманіе; но его некрасивый видъ и еще болѣе сухіе, холодные, гордые пріемы не снискивали ему большого расположенія [1]).

Переговоры между Нессельроде и герцогомъ Веллингтономъ велись тайно, хотя и дѣятельно, судя по обширнымъ меморіямъ, представляемымъ англійскимъ посломъ при собственноручныхъ запискахъ и не менѣе пространныхъ отвѣтахъ. Но за этими переговорами велись другіе, болѣе существенные, личные, между государемъ и герцогомъ Веллингтономъ. А потому, если политическій міръ и былъ изумленъ неожиданностью посланной отъ русскаго двора и переданной Портѣ изъ рукъ Минчаки рѣшительной ноты, то вовсе не противодѣйствовалъ ей, не зная, что за нею находится другой дипломатическій актъ. Напротивъ, Стратфордъ-Каннингъ и особенно Меттернихъ побуждали верховнаго визиря согласиться на умѣренныя требованія русскаго кабинета,—благо, что въ нихъ ничего не говорилось о Греціи, отъ которой всячески старались отклонить вліяніе Россіи. На этотъ разъ, Турція отвѣчала очень любезно. Княжества были, наконецъ, очищены отъ ея войскъ, и несчастные сербскіе депутаты, томившіеся столько времени въ заточеніи, освобождены. Болѣе того, рѣшено было назначить съѣздъ обоюдныхъ уполномоченныхъ для окончанія вопросовъ, возбужденныхъ неопредѣлительностью бухарестскаго трактата, заключеннаго въ 1812 году наскоро, по случаю тогдашней европейской войны; о нихъ заявлялъ уже нѣсколько разъ Портѣ баронъ Строгановъ, въ бытность свою въ Константинополѣ.

Уполномоченными назначены были съ нашей стороны Новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ Воронцовъ и Рибопьеръ, со стороны Турціи—Мегемедъ-Хади и Ибрагимъ-Афетъ. Мѣстомъ съѣзда избранъ пограничный городъ Акерманъ.

Графъ Воронцовъ, съ обширнымъ образованіемъ, умомъ тон-

---

[1]) Histoire intime de la Russie etc., par J. H. Schnitzler. Par. 1847.

кимъ, гибкимъ, соединялъ въ себѣ качества англійскаго джентльмена и русскаго вельможи. Онъ былъ дипломатъ, если не по службѣ, то по способностямъ. Александръ Павловичъ хорошо зналъ это, поручая ему щекотливую обязанность командующаго русскимъ отрядомъ въ занятой послѣ примиренія европейскими войсками Франціи. Графъ Воронцовъ доказалъ вполнѣ, что оба государи не ошиблись въ выборѣ. Стремясь достигнуть исполненія существа дѣла, онъ съ ловкостью избѣгалъ всего, что̀ могло унизить гордость турокъ какъ въ изложеніи своихъ домогательствъ, такъ и въ обращеніи съ представителями Порты. Конечно, 80,000 армія поддерживала его требованія, но все-таки быстрое исполненіе возложеннаго на него порученія превзошло ожиданіе. Достоинство Россіи было возстановлено; покровительство наше надъ тремя княжествами упрочено; сербскіе депутаты не только были освобождены, но турецкіе министры должны были войти съ ними въ сношенія для разбора ихъ жалобъ; довѣріе христіанъ къ Россіи возвратилось. Потери нашихъ подданныхъ по торговлѣ, или непосредственно отъ грабежей турокъ происшедшія, должны были вознаградиться Портой въ самомъ непродолжительномъ времени. Наконецъ, опредѣлены пограничные пункты по западную сторону Чернаго моря. Что же касается до восточной азіятской границы, то рѣшено было устроить ее впослѣдствіи, по обоюдному обсужденію.

Порта согласилась на всѣ эти условія *совершенно добровольно*, даже по *собственному побужденію*, желая доказать полное согласіе со своимъ добрымъ сосѣдомъ и постоянную къ нему дружбу, а между тѣмъ возбуждала Персію къ открытой противъ насъ войнѣ и, конечно, готова была воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы прервать эту *постоянную* дружбу; но, въ то время, какъ увидимъ , она была слишкомъ занята у себя дома, а потому ей необходимо было обезопасить себя со стороны Россіи.

Какъ скоро ратификованы были эти условія, сдѣлался извѣстнымъ и протоколъ, подписанный между герцогомъ Веллингтономъ и графомъ Нессельроде, 23 марта (4 апрѣля) 1826 года, почти наканунѣ выѣзда Веллингтона изъ Петербурга (онъ выѣхалъ 6 апрѣля). Этотъ протоколъ относился собственно до устройства греческихъ дѣлъ и послужилъ основаніемъ извѣстной конвенціи 1827 г., къ которой приступила и Франція.

Князь Меттернихъ былъ внѣ себя отъ негодованія, когда узналъ о существованіи этого протокола: депеша его къ Лебцельтерну ясно свидѣтельствуетъ о томъ. Если онъ не препятствовалъ акерманскимъ переговорамъ, то только въ увѣренности,

что Россія навсегда устранила себя отъ дѣлъ Греціи. Онъ попытался-было повторить русскому кабинету рутинную фразу, которою привыкъ пугать монархическія правленія, что греки—бунтовщики своего законнаго повелителя, и покровительствуя имъ, мы потворствуемъ революціонерамъ вообще и своимъ особенно; но государь былъ увѣренъ, что покончилъ со своими навсегда, и Меттернихъ потерпѣлъ сильное дипломатическое пораженіе. Австрія очутилась по дѣламъ Греціи единственнымъ союзникомъ Турціи, которой не могла оказать существенной помощи.

Прежде, однако, чѣмъ приступимъ къ изложенію дѣлъ въ Греціи, мы, слѣдуя, по мѣрѣ возможности, хронологическому порядку, должны обратиться къ враждебнымъ дѣйствіямъ, уже обнаруженнымъ Персіей.

V.

Къ несчастію, для насъ «восточный вопросъ» не ограничивается одною турецкою имперіей, но простирается на Персію, переходитъ въ среднюю Азію и нѣкогда разразится на крайнемъ востокѣ. Онъ и теперь разъѣдаетъ, какъ ржавчина, самостоятельность двухъ сильныхъ государствъ, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ предметомъ европейскаго соперничества, и намъ, можетъ быть, прійдется выдерживать и тамъ сильную борьбу общей къ намъ зависти и недоброжелательства.

Вліяніе на Персію тѣсно связано съ нашими интересами. Не матеріальная сила ея имѣетъ для насъ значеніе, ни даже ея частыя предательства, и не тѣ, наконецъ, религіозныя и племенныя отношенія, которыя мы призваны защищать въ Турціи. Въ Персіи только армянское населеніе связано съ нами религіозными узами, признавая главою своей церкви Эчміадзинскаго патріарха-католикоса; но ихъ не болѣе 100 тыс., и они пользуются отъ правительства совершенной свободой исповѣданія; если ихъ нужно защищать, то развѣ отъ миссій — католическихъ и реформатскихъ.

Персія, не смотря на свое десяти-милліонное населеніе, разсѣянное на огромномъ пространствѣ, но связанное единствомъ религіи [1]), не смотря на свою постоянную армію, часть которой, подобно турецкой, устроена по наружному виду по-европейски, усиліями Франціи и Англіи, не смотря на постоянныя субсидіи, выдаваемыя послѣднею при всякой войнѣ съ нами,—Пер-

---

[1]) Изъ числа 10 м. магометанъ можно считать 7 м. шіитовъ и менѣе 3 м. суннитовъ; гебровъ, армянъ, евреевъ и др. менѣе полумилліона.

сія, сама по себѣ, представляетъ сосѣдство еще менѣе опасное, чѣмъ Турція. Между османами сохранился религіозный фанатизмъ, которымъ, какъ опіумомъ, разжигаютъ дикія страсти, хотя временно; еще осталась суевѣрная привязанность къ династіи и вѣра въ ея сверхъ-естественное происхожденіе. У персіянъ и того нѣтъ: мечемъ пріобрѣтается право на престолъ, и слабостію утрачивается оно; такъ было не разъ. Народъ не принимаетъ участія въ переворотахъ и покоряется первому смѣльчаку, которому удастся захватить шахскую казну, главнѣйшее, если не единственное выраженіе верховной власти въ Персіи. Случалось шаху оставлять народную вѣру и обращаться въ суннитство, столь ненавистное для персіянъ, и народъ покорялся иновѣрцу. Если бы Иранъ не имѣлъ своихъ страницъ исторіи, своихъ остатковъ цивилизаціи, его можно было бы причислить къ тѣмъ средне-азіятскимъ ханствамъ, которыя, подобно движущимся пескамъ пустынь въ Африкѣ и Азіи, по волѣ вѣтра, переносятся съ мѣста на мѣсто, измѣняя свою форму и сбивая съ пути довѣрчиваго путника. Персія, то расширялась до предѣловъ Индіи, внося въ нее разрушеніе, подчиняя себѣ Бухару, Хиву, Белуджистанъ и др. (при Надирѣ-шахѣ), то, терзаемая на клочки сосѣдними ханствами, сжималась и едва держалась въ своихъ внутреннихъ провинціяхъ.

Персія имѣетъ для насъ значеніе иного рода. Во-первыхъ, опираясь на южное прибрежье Каспійскаго моря, на судоходство по которому съ завистью засматриваются англичане, она можетъ соблазниться иностранными предложеніями. Правда, въ силу трактатовъ, мы одни имѣемъ право свободнаго на немъ плаванія, какъ бы на морѣ, внутри имперіи находящемся; но что значатъ трактаты для азіятцевъ! Во-вторыхъ, по географическому положенію своему, она не могла не имѣть въ то время вліянія на наши закавказскія владѣнія, находившіяся въ постоянномъ броженіи, и можетъ современемъ дѣйствовать на наши новыя средне-азіятскія владѣнія, еще не окрѣпшія въ своихъ границахъ, особенно черезъ посредство туркменскихъ ордъ, подданныхъ обоихъ государствъ, но, въ сущности, признающихъ то, которое считаютъ для себя въ данную минуту болѣе выгоднымъ, или не признающихъ никакого. Въ-третьихъ, въ настоящее время Персія служитъ препятствіемъ къ слитію во едино огромнаго магометанскаго населенія сунни, которое бы безъ того простиралось сплошною массою до внутреннихъ провинцій Индіи, гдѣ нашло бы до 15 мил. своихъ единовѣрцевъ, и въ Китай, гдѣ, по послѣднимъ извѣстіямъ, число магометанъ достигаетъ той же цифры. Христіанскому міру уже

грозила опасность такого слитія. Надиръ-Шахъ питалъ мысль соединить мусульманъ въ одно цѣлое, и для этого присоединился къ большинству вѣроисповѣданій, оставивъ религію предковъ. Въ глазахъ же англичанъ, Персія представляла наибольшую важность для насъ, какъ единственный будто бы путь въ Индію. Они не могутъ забыть союза консула Бонапарта съ императоромъ Павломъ I, въ силу котораго русскія войска должны были двинуться въ Индію; и вѣрятъ въ непогрѣшимость расчета «великаго генерала», по которому русскія войска, опираясь на Астрабадъ у Каспійскаго моря, могутъ оттуда достигнуть въ 40 дней предѣловъ индѣйскихъ владѣній: вотъ причина той раздражительности, соперничества, наконецъ, всей политики Англіи, которая тщетно усиливается пріобрѣсти тоже вліяніе въ Тегеранѣ, какъ и въ Константинополѣ, тѣхъ щедрыхъ субсидій, которыя расточала она Персіи во время ея частыхъ войнъ съ нами.

Теперь это послѣднее значеніе утратило прежнюю важность. Наши владѣнія уже не отдѣляются отъ англійской Индіи прежними безводными пустынями, и если остались между ними громады горъ, то путешествіе въ Кашгаръ и изслѣдованія замѣчательнаго и въ высшей степени предпріимчиваго молодого человѣка, къ несчастію такъ рано умершаго Велиханова, со стороны Россіи, и Шлигентвейта со стороны Индіи (въ Кашгаръ же, гдѣ онъ погибъ), и послѣдовавшія открытія русскихъ путешественниковъ убѣдили, что эти горы не непроходимы. Такимъ образомъ, является другой путь, тотъ путь, о которомъ мечталъ еще великій Петръ, снаряжая свою экспедицію для открытія на югѣ Азіи сокровищъ металловъ, и отыскивая новые пути для привлеченія въ Россію торговли.

Прежняя, еще недавняя политика, обусловленная петербургскимъ и лондонскимъ кабинетами, состояла въ томъ, чтобы между азіятскими владѣніями обоихъ государствъ оставались огромныя, такъ сказать, нейтральныя пространства съ ихъ полукочующими дикими обитателями. Политика эта, возможная только въ теоріи, рушилась. Условія дипломаціи уступили мѣсто непреложному закону природы. Цивилизація подвигаясь съ юга, со стороны Индіи, и съ сѣвера, съ нашихъ границъ, мало по малу вытѣсняетъ варварскія племена, или водворяетъ между ними гражданственность, повсюду за собою прокладываетъ пути торговли, оберегая ихъ военною силою и такими обязательствами взаимной безопасности, которымъ, волею или неволею, должны подчиняться самые ханы, жившіе до сихъ поръ грабежами сосѣдей, насиліемъ и истязаніемъ своихъ подданныхъ. Обѣ великія

державы, противъ воли, какъ бы по закону притяженія, идутъ на встрѣчу другъ другу. Какія будутъ политическія послѣдствія такого географическаго сближенія — неизвѣстно; но, во всякомъ случаѣ, человѣчество и образованіе отъ этого много выиграетъ.

VI.

Персидскій вопросъ перешелъ по наслѣдству императору Николаю Павловичу отъ предшествовавшаго царствованія и, по времени, относится къ такой же далекой давности, какъ и турецкій. Причины, породившія оба вопроса, на этотъ разъ были довольно тождественны. Гюлистанскій трактатъ, подобно букарестскому, заключенъ былъ на-скоро въ 1813 году; хотя онъ послѣдовалъ за славной войной съ Фетъ-Али-Шахомъ, и мы могли вполнѣ удовлетворить свои требованія, но то время было для насъ исполнено иныхъ, болѣе существенныхъ тревогъ и заботъ, а потому, какъ и трактатъ букарестскій, онъ носитъ на себѣ всѣ слѣды работы спѣшной, неудовлетворительной; въ немъ оставались нѣкоторые пробѣлы, въ которые противная сторона могла вносить всякія толкованія, сообразно съ своими выгодами.

Въ 1816 году, персидское посольство прибыло въ Петербургъ, желая уладить по-своему пограничный вопросъ и, силою разныхъ изворотовъ и толкованій гюлистанскаго трактата, добыть себѣ хоть часть земель со стороны карабахской области. Государя еще не было въ Россіи, а когда онъ вернулся, то все было въ такомъ упоеніи славы и величія, кромѣ развѣ самого государя, который приписывалъ одному провидѣнію *побѣду свѣта надъ мракомъ*, что тогда рѣшительно было не до переговоровъ, всегда продолжительныхъ съ азіятцами. Александръ рѣшительно готовъ былъ отдать имъ клочекъ земли, о которомъ шла рѣчь, но никто не хотѣлъ вникнуть въ сущность дѣла и не понималъ хорошенько, какое значеніе можетъ имѣть земля, Богъ-знаетъ гдѣ лежащая, а потому очень были рады, что нашли возможность отдѣлаться отъ навязчиваго посольства, не разрѣшая вопроса. Еще прежде рѣшено было отпустить наконецъ съ Кавказа устарѣлаго Ртищева, который давно просился оттуда. Отправляя новаго военнаго губернатора, астраханской, кавказской и грузинской губерній и командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса генерала-отъ-инфантеріи Алексѣя Петровича Ермолова 1-го, уполномочили его, разсмотрѣвъ дѣло на мѣстѣ, ѣхать чрезвычайнымъ посланникомъ въ Тегеранъ и порѣшить этотъ вопросъ, какъ признаетъ лучше, только безъ нарушенія нашихъ дружескихъ

отношеній съ Персіей, и никакъ не посягая на расширеніе нашихъ владѣній.

Ермоловъ встрѣтился въ Тифлисѣ съ персидскимъ посольствомъ, принятымъ въ Петербургѣ очень милостиво и возвращавшимся съ большими надеждами. Выступая на дипломатическое поприще, онъ отбросилъ всѣ принятыя условныя формы и началъ съ того, что сократилъ составленное для него посольство и опредѣленныя для того издержки. Самъ писалъ большею частію бумаги, какъ къ персидскимъ властямъ, такъ и въ Петербургъ, и никогда не сдерживалъ негодованія, возбуждаемаго первыми, ни въ бумагахъ, ни при личномъ свиданіи. Ермоловъ первый заставилъ шаха отмѣнить тотъ унизительный этикетъ, которому подвергались посланники, объявивъ на отрѣзъ, что ни за что не подчинится ему. Представитель Александра дѣйствовалъ вліяніемъ его могущества, о которомъ, конечно, персидское посольство, видѣвшее пріемъ государя по возвращеніи его изъ-за границы, успѣло поразсказать, и грозою своего имени, своей величественной фигуры и поступковъ, исполненныхъ силы, энергіи, твердости и благородства. Онъ достигъ цѣли: устрашилъ шаха, но не ублажилъ его. Онъ неуступилъ ни пяди земли, не сдался ни по одному вопросу, — шахъ радъ былъ только избавиться отъ него.

Конечно, система дѣйствія страхомъ и угрозою самая дѣйствительная на Востокѣ, гдѣ напрасно станете вы прибѣгать къ убѣжденіямъ или обращаться къ благоразумію, разсудку, логикѣ: для азіятцевъ понятны только сила и слабость — всякія доказательства, доводы признаются за выраженіе слабости. Система Ермолова, въ данномъ случаѣ, вполнѣ удалась; но за то глубоко затаенная злоба накоплялась болѣе и болѣе, униженіе правительства иноземцемъ явилось во всеувидѣніи, и если въ народѣ сохранилась хотя малѣйшая доля самосознанія, она должна была, со временемъ, пробудиться и возстать въ неудержимой мести. Но Ермоловъ не питалъ большого уваженія къ человѣчеству вообще, и къ персіянамъ въ особенности; онъ ихъ глубоко презиралъ, и это чувство не могло не выражаться въ его дѣйствіяхъ во время управленія краемъ и способствовать, хотя частію, къ той катастрофѣ, которая впослѣдствіи разразилась.

Петербургскій кабинетъ имѣлъ, однако, въ виду предупредить, если возможно, враждебныя столкновенія съ Персіей. Мы не могли прослѣдить, съ какого времени начинаются не совсѣмъ пріязненныя сношенія Ермолова съ управлявшимъ тогда министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, но знаемъ, что онѣ возникли именно по поводу персидскихъ дѣлъ. Еще въ послѣдній годъ царствованія Але-

ксандра Павловича, Нессельроде, недовольный донесеніями и дѣйствіями нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Персіи, статскаго совѣтника Мазаровича, назначеннаго на этотъ постъ по указанію Ермолова и имъ поддерживаемаго, убѣдилъ государя отозвать его и предлагалъ вмѣсто его барона Мейендорфа, бывшаго въ то время въ Мадритѣ; но государь находилъ нужнымъ послать въ Тегеранъ лицо военное, одного изъ своихъ генералъ-адъютантовъ съ большимъ уполномоченіемъ, такъ какъ онъ находилъ, подобно Нессельроде, что личная непріязнь Ермолова съ Аббасъ-Мирзой препятствовала переговорамъ. Онъ даже рѣшился сдѣлать нѣкоторыя уступки персіянамъ, чтобы покончить всѣ ихъ домогательства и возстановить согласіе между обѣими державами.

Императоръ Николай, слѣдуя той же миролюбивой политикѣ, отправилъ въ первые дни своего царствованія (въ январѣ 1826 года) къ Фетъ-Али-Шаху чрезвычайнымъ посланникомъ генералъ-маіора князя Меншикова, какъ для обычнаго извѣщенія о вступленіи своемъ на престолъ, такъ, главное, для того, чтобы окончить пограничные вопросы и предупредить войну, хотя бы это стоило уступки съ нашей стороны части талышинскаго ханства. Нессельроде извѣстилъ, отъ 31-го января, Ермолова, что обязанности Мазаровича, какъ повѣреннаго въ дѣлахъ, прекращаются; а генералъ Ермоловъ недовольный министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, просилъ избавить его на будущее время отъ всякаго вліянія на нашихъ дипломатическихъ агентовъ въ Персіи, и чтобы они, на будущее время, непосредственно сносились съ петербургскимъ кабинетомъ и вели переговоры съ министрами шаха, только по его инструкціямъ.

Между тѣмъ, все болѣе и болѣе тревожные слухи разными путями доходили изъ Персіи. Ермоловъ, извѣщая о нихъ, просилъ поспѣшнѣе прислать подкрѣпленіе. Вооруженныя, нестройныя толпы стекались къ Аббасъ-Мирзѣ, и присоединялись къ его регулярнымъ полкамъ, которые служили зерномъ этой рыхлой и непрочной массы; агенты персидскіе, разсѣявшись по нашимъ магометанскимъ провинціямъ, всюду проповѣдывали религіозную войну, возбуждали къ фанатизму и сопротивленію русскимъ властямъ. Наконецъ, въ іюлѣ того же 1826 года, огромныя полчища (въ числѣ 25-ти тысячъ) Аббасъ-Мирзы перешли Араксъ и вторглись въ русскіе предѣлы, увлекая за собою магометанскіе народы, уже подготовленные къ возстанію противъ нашего владычества. Истребивъ нѣсколько передовыхъ постовъ, сынъ шаха наткнулся на стѣны Шуши, защищаемыя горстью храбрыхъ подъ начальствомъ полковника Реута, и не овладѣвъ ею, не смотря на всѣ усилія, двинулся къ Ели-

саветполю, и занялъ его безъ сопротивленія. Нельзя было отвѣчать за спокойствіе Грузіи и особенно Кахетіи. Тифлисъ былъ въ страхѣ, тѣмъ болѣе, что сердарь Эриванскій съ другимъ отрядомъ подвигался со стороны крѣпости Гумры, которую оставилъ нашъ гарнизонъ, успѣвъ соединиться съ прочими мелкими постами.

Князь Меншиковъ, еще въ Тавризѣ принятый съ должными почестями, достигнувъ лагеря въ Султаніé, гдѣ находился дворъ, очутился внезапно въ безвыходномъ положеніи. Едва добился онъ аудіенціи у шаха, подвергшись самымъ тяжелымъ испытаніямъ, какъ будто на немъ хотѣли вымѣстить своеобразные пріемы посольства Ермолова. Когда, представляясь шаху, кн. Меншиковъ хотѣлъ поднести ему собственноручное письмо государя, согласно своему предварительному условію съ персидскими министрами, изъ рукъ въ руки, и уже подходилъ къ трону, одинъ изъ министровъ взялъ письмо и повергъ его къ ногамъ шаха. Оскорбленный такимъ поступкомъ, кн. Меншиковъ, при выходѣ, отказался отъ предложенной ему по обычаю въ подарокъ отъ шаха лошади. Если еще персидское правительство соблюдало нѣкоторыя приличія въ отношеніи къ русскому посольству, то только потому что желало воспользоваться заключеннымъ съ Англіею трактатомъ. Въ силу этого трактата, Англія обязалась, въ случаѣ войны, возбужденной противъ Персіи какою нибудь европейскою державою (главнымъ образомъ, разумѣется, имѣлась въ виду Россія), уплачивать шаху по 200,000 томановъ въ годъ [1]. Но поведеніе Персіи въ этомъ случаѣ было до такой степени возмутительно, что представитель Англіи Виллокъ, находившійся въ это время въ Султаніé, объявилъ шаху, что Англія не только откажетъ въ субсидіи, но и отзоветъ своихъ офицеровъ изъ персидской арміи, если дѣло дойдетъ до войны. Между тѣмъ, послѣ тяжелыхъ переговоровъ съ министрами, кн. Меншиковъ, въ отвѣтъ на всѣ свои предложенія, получилъ короткое приглашеніе оставить Султаніé и возвратиться въ Россію, безъ всякой аудіенціи у шаха. Но не смотря на неприкосновенность званія представителя государя, кн. Меншиковъ былъ задержанъ сначала въ Тавризѣ, а потомъ въ Эривани, около мѣсяца, окруженъ стражею и содержался словно плѣнникъ; его отдѣлили отъ членовъ посольства, отняли даже прислугу; сообщенія съ нимъ были прерваны, и онъ никакъ не могъ увѣдомить Ермолова ни о томъ, что̀ узналъ дорогою о замыслахъ Аббасъ-Мирзы, ни о собственномъ своемъ положеніи, такъ что

[1]) Секретный трактатъ Англіи съ Персіею, 24 ноября 1814 г., п. 4.

не только въ Петербургѣ, даже въ Тифлисѣ не знали, живъ ли онъ. Когда, наконецъ, ему удалось вырваться изъ Эривани, его не допускали соединиться съ русскимъ отрядомъ, намѣреваясь ограбить дорогою. Виллокъ, сопутствовавшій шаху до Арбедиля, порицалъ явно поступки персидскихъ министровъ въ отношеніи Меншикова и содѣйствовалъ его освобожденію.

Слишкомъ явны и побудительны были причины для объявленія войны съ Персіей; тѣмъ не менѣе, императоръ Николай, въ пространной деклараціи управлявшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ (16-го сентября), изложилъ со всею подробностію всѣ дѣйствія петербургскаго кабинета, при немъ и его предшественникѣ, для сохраненія мира. Государь видимо желалъ отнять всякій поводъ сомнѣваться въ искренности его политики и заподозрить его въ самолюбивыхъ видахъ, столь свойственныхъ въ молодомъ государѣ, едва вступившемъ на престолъ и обладавшемъ многочисленною и готовою къ войнѣ арміею.

Между тѣмъ какъ Ермоловъ принималъ энергическія мѣры противъ столь неожиданнаго нападенія, на него собиралась гроза съ другой стороны. Въ Петербургѣ были недовольны имъ еще прежде случившагося событія. Въ военномъ кругу — говорили, что онъ распустилъ войска, что въ нихъ нѣтъ порядка, знанія службы, выправки, нѣтъ даже дисциплины, что и одѣты они не по формѣ и съ виду не походятъ на солдатъ. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ—упрекали его въ крутыхъ и жестокихъ мѣрахъ съ персіянами, а равно и съ владѣтелями покоренныхъ народовъ. Приписывали ему планы, которыхъ онъ никогда не имѣлъ. Наконецъ, упрекали его въ томъ, что онъ не принялъ никакихъ мѣръ на границахъ, не успѣлъ соединить разбросанныхъ постовъ, не усилилъ гарнизоновъ въ пограничныхъ крѣпостцахъ.

Конечно, на Кавказѣ войска не такъ обучены фрунтовой службѣ, какъ внутри Россіи; оно и понятно: имъ некогда; но знаніе боевой службы, своего рода образованіе солдата существовало, то образованіе, какое, по крайней мѣрѣ, по началамъ своимъ, признали нынче у насъ за единственное раціональное; Ермоловъ, въ этомъ случаѣ, былъ учителемъ опытнымъ и свѣдущимъ, въ чемъ нельзя не сознаться. Въ томъ же духѣ была и дисциплина, правда, своеобразная и въ то время можетъ быть поражавшая людей, не привыкшихъ къ ней, но теперь она кажется естественной.

Мы уже указали на его систему дипломатическихъ дѣйствій съ азіятцами вообще; скажемъ нѣсколько словъ о послѣднемъ обвиненіи. Дѣйствительно, ходила молва о сборѣ Аббасъ-Мирзой несмѣтныхъ будто бы полчищъ за Араксомъ; но на Востокѣ такъ

привыкли недовѣрять слухамъ, которые обыкновенно, по мѣрѣ отдаленія, растутъ съ необыкновенною силою и изъ комка превращаются въ глыбу, что не мудрено, если не вполнѣ вѣрили имъ, да и какъ можно было предположить, чтобы во время совершеннаго мира, безъ всякаго повода, даже безъ предлога, безъ предварительнаго объявленія, тогда какъ посланникъ нашъ съ мирными предложеніями находился при дворѣ шаха, когда онъ принимался съ почетомъ тѣмъ же Аббасъ-Мирзой (въ передній его путь),—этотъ принцъ крови, признанный наслѣдникомъ престола, въ противность международнымъ, даже общечеловѣческимъ правамъ, внезапно вторгнется съ нѣсколькихъ сторонъ въ наши области и, обхвативъ грабежемъ и убійствомъ мирныхъ жителей, станетъ истреблять захваченные врасплохъ посты. Ермоловъ, однако, писалъ объ опасномъ положеніи дѣлъ въ Петербургъ; требовалъ объясненій отъ Аббазъ-Мирзы въ его поступкахъ и вообще готовился къ набѣгамъ со стороны Персіи; но такого внезапнаго, быстраго и въ такихъ силахъ, нападенія онъ не ожидалъ, тѣмъ болѣе, что изъ пограничныхъ мѣстъ получались свѣдѣнія хотя тревожныя, но неугрожавшія еще общею войною; при томъ же, при малочисленности вообще войскъ въ то время на Кавказѣ, при ненадежномъ состояніи горскихъ народовъ, при трудности передвиженія отрядовъ, не легко было и соединить ихъ въ одномъ мѣстѣ въ достаточномъ числѣ, особенно, если самый пунктъ нападенія неизвѣстенъ.

Впрочемъ, когда бы ни возникло негодованіе противъ Ермолова, на какихъ бы причинахъ не основывалось оно, какими бы обстоятельствами ни сопровождалось, ему не слѣдовало просить о своемъ увольненіи отъ занимаемаго поста, даже въ тѣхъ неопредѣленныхъ словахъ, какъ писалъ онъ [1]): не то было время! Когда весь край въ пламени, тогда не до личныхъ отношеній, и какъ бы ни было уязвлено его тщеславіе, ему слѣдовало, по

[1]) Вотъ его письмо государю:

«Не имѣвъ счастія заслужить довѣренность В. И. В., долженъ я чувствовать, сколько можетъ безпокоить В. В. мысль, что, при теперешнихъ обстоятельствахъ, дѣла здѣшняго края поручены человѣку, не имѣющему ни довольно способностей, ни дѣятельности, ни доброй воли. Сей недостатокъ довѣренности В. И. В. поставляетъ и меня въ положеніе чрезвычайно затруднительное. Не могу я имѣть нужной въ военныхъ дѣлахъ рѣшительности, хотя бы природа и не совсѣмъ отказала мнѣ въ оной. Дѣятельность моя охлаждается тою мыслію, что не буду я умѣть исполнить волю Вашу, Всемилостивѣйшій Государь!

«Въ семъ положеніи, не видя возможности быть полезнымъ для службы, не смѣю, однако же, просить объ увольненіи меня отъ командованія Кавказскимъ корпусомъ; ибо въ теперешнихъ обстоятельствахъ можетъ это быть приписано желанію уклониться отъ трудностей войны, которыхъ я совсѣмъ не почитаю непреодолимыми; но устранивъ всѣ виды личныхъ выгодъ, всеподданнѣйше осмѣливаюсь представить

нашему мнѣнію, оставаться на Кавказѣ, пока не смѣнили бы его помимо просьбы. Славный примѣръ Барклай-де-Толли, бывшаго начальника Ермолова, долженъ былъ остановить его.

Какъ бы то ни было, но при первыхъ неблагопріятныхъ извѣстіяхъ съ Кавказа, государь, во время смотра, подозвалъ къ себѣ генералъ-адъютанта Паскевича и объявилъ ему, что онъ долженъ поспѣшнѣе собираться въ дорогу на Кавказъ, куда онъ назначается въ помощь генералу Ермолову.—Паскевичъ до того времени извѣстенъ былъ государю, какъ храбрый офицеръ и точный исполнитель своихъ обязанностей. Императоръ Николай, въ бытность свою великимъ княземъ, на себѣ испыталъ его строгое требованіе исполненія служебныхъ обязанностей. Однажды, въ качествѣ бригаднаго начальника, онъ получилъ отъ него жесткое замѣчаніе, которымъ былъ тогда очень недоволенъ [1]). На Кавказѣ суждено было Паскевичу обнаружить свои военныя способности.

Встрѣча его съ Ермоловымъ была весьма не дружелюбна. Послѣдній зналъ, что Паскевичъ имѣлъ приказаніе писать обо всемъ въ Петербургъ помимо его, и уже смотрѣлъ на него, какъ на своего преемника. Тѣмъ не менѣе, Ермоловъ собралъ отрядъ во сколько могъ, никакъ не желая подвергать личнымъ разсчетамъ успѣха и славы нашего оружія. Онъ не отправился самъ съ отрядомъ—и это ставятъ ему въ вину или ошибку, но пусть вспомнятъ тогдашнее положеніе края: въ самомъ Тифлисѣ, угрожаемомъ Аббасъ-Мирзою съ одной стороны, и сердаремъ эриванскимъ съ другой, не было войска, и только одно имя Ермолова, стоившее арміи, удерживало порядокъ. Паскевичъ съ малымъ отрядомъ не рѣшился дѣйствовать одинъ и двинулся на соединеніе съ Мадатовымъ, который, еще до его пріѣзда, успѣлъ разбить на-голову и прогнать изъ Елисаветполя десятитысячный передовой отрядъ Аббасъ-Мирзы. По соединеніи отрядовъ (25 сентября), у Паскевича, принявшаго начальство надъ ними, было всего 6,000 пѣхоты, 2,000 кавалеріи и нѣсколько орудій, т. е. втрое менѣе, чѣмъ у Аббасъ-Мирзы. Съ этими силами онъ атаковалъ непріятеля, и русскія войска разгромили на-голову персидскую армію, которой остатки въ разбродѣ, бросая багажъ и орудія, бѣжали за Араксъ. Участь кампаніи была рѣшена, какъ доносилъ о томъ самъ Ермоловъ.

Вашему Императорскому Величеству мѣру сію, какъ согласную съ пользою общею, которая была главною цѣлію всѣхъ моихъ дѣйствій».

3-го марта 1827 г.

Тифлисъ.

[1]) Histoire de la vie et du règne de Nicolas, par P. Lacroix

Не смотря на блистательный успѣхъ, неудовольствія между Паскевичемъ и Ермоловымъ росли болѣе и болѣе; образовались двѣ партіи: вредное вліяніе ихъ соперничества отражалось особенно на внутреннемъ управленіи краемъ. Присланъ былъ генералъ-адъютантъ Дибичъ 1-й съ обширнымъ уполномочіемъ для разбора дѣла. Встрѣча съ нимъ Ермолова была далеко не такъ не дружелюбна, какъ съ Паскевичемъ; но онъ уже несомнѣвался въ послѣдствіяхъ его порученія. На мѣсто Ермолова назначенъ былъ генералъ-адъютантъ Паскевичъ. Дибичъ сообщилъ волю государя императора Ермолову, сухимъ формальнымъ отношеніемъ, отъ 29 марта 1827 г. (№ 105), поручивъ ему сдать должность своему преемнику.

VII.

Разставаясь съ этою замѣчательною личностью, которой долго еще суждено было жить, но которая навсегда сходила съ поля дѣйствія и только передъ закатомъ своимъ еще мелькнула какъ бы для того, чтобы напомнить о себѣ народу, чтившему въ немъ героя,—разставаясь съ нею навсегда, мы, по принятому нами правилу, окинемъ хотя бѣглымъ взглядомъ его славную дѣятельность.

Изъ ряда людей, прославленныхъ отечественною войною, изъ тѣснаго круга дѣятелей государственныхъ возвышается величавая фигура, выдающаяся изъ-за всѣхъ другихъ. Мужественная голова, со смѣлою и гордою посадкой на мощныхъ плечахъ, привлекательное очертаніе лица, соразмѣрность членовъ и самыя движенія свидѣтельствуютъ о великой нравственной и физической силѣ Ермолова, этого необыкновеннаго человѣка. По времени своей жизни, онъ захватывалъ еще екатерининскаго славнаго вѣка. Начавъ военное образованіе въ школѣ Суворова, изъ рукъ котораго получилъ Георгіевскій крестъ, онъ окончилъ его у Кутузова и Барклай-де-Толли, при которыхъ уже нерѣдко являлся самъ учителемъ. Кутузовъ очень любилъ его, особенно въ началѣ, и оставилъ въ немъ слѣды своего воспитанія не только военнаго, но и нравственнаго. Однажды, гладя съ высоты на отступленіе французовъ и несущагося за ними, какъ гнѣвъ небесный, Ермолова, Кутузовъ съ самодовольствіемъ указалъ на него многочисленной свитѣ своей: «еще этому орлу я не даю полету». Нѣсколько разъ потомъ онъ повторялъ: «Il vise au commandement des armées»,—а проницательный, опытный старикъ рѣдко ошибался.

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ по рожденію принадлежалъ къ небогатой, но старинной дворянской фамиліи Орловской губер-

ніи [1]). Отецъ его имѣлъ нѣкоторое значеніе въ послѣднее время царствованія Екатерины II; онъ состоялъ правителемъ канцеляріи при графѣ Самойловѣ, бывшемъ въ то время, какъ говорилось, въ случаѣ, а потому сынъ его, записанный по тогдашнему обыкновенію на службу чуть не съ пеленокъ, поступилъ прямо въ чинѣ капитана адъютантомъ къ Самойлову на 16 году отъ рожденія. Выдержавъ блестящій экзаменъ, онъ былъ переведенъ въ артиллерію въ 1794 году и участвовалъ въ войнѣ противъ поляковъ. Его не могли не замѣтить по службѣ и возлагали на него порученія, не по лѣтамъ важныя. Его посылали въ Италію, потомъ прикомандировали къ австрійской арміи, съ которой онъ дрался противъ французовъ. Оттуда отправили его въ войска, дѣйствовавшія противъ персіянъ; здѣсь Ермоловъ участвовалъ во взятіи Дербента. Но по восшествіи на престолъ императора Павла Петровича война была прекращена, и Ермоловъ возвратился въ Россію.

Такая подготовка, казалось, сулила ему славную будущность; но случилось иначе: она только повредила ему. Ермоловъ пріобрѣлъ нѣкоторую самостоятельность; понималъ многіе предметы шире и глубже, чѣмъ другіе, привыкъ разсуждать по собственнымъ понятіямъ, а главное, отвыкъ отъ фронта и не зналъ ни формы, ни выправки, которой тогда слѣдовали съ педантической точностью. Вскорѣ по возвращеніи, онъ попалъ въ крѣпость; выпущенный оттуда, какъ ни въ чемъ не виновный, онъ, по новому донесенію своего начальства въ неблагонадежности, сосланъ былъ на постоянное жительство въ Кострому, гдѣ нашелъ много такихъ же, какъ и онъ, опальныхъ, и въ томъ числѣ славнаго Платова, съ которымъ очень сблизился.

Императоръ Александръ, по восшествіи на престолъ, освободилъ и возвратилъ государственной службѣ, въ числѣ многихъ другихъ, и Ермолова. Въ царствованіе этого государя дѣятельность Ермолова достигла въ полномъ блескѣ своего развитія и прервалась въ самомъ разгарѣ вмѣстѣ съ жизнью Александра. Они были однихъ лѣтъ и оба сошли съ поля дѣйствія, почти въ одно время, — одинъ въ могилу, другой—обреченный невольному бездѣйствію *на покой*, для него мучительный. Если онъ еще и оставался нѣкоторое время на Кавказѣ по смерти Александра, то нетрудно было предвидѣть, что звѣзда его угасла вмѣстѣ съ жизнью покойнаго государя.

Ермоловъ обладалъ необыкновенной силой характера, закалившагося еще болѣе въ огнѣ безпрестанныхъ битвъ и нравствен-

[1]) Родился въ 1777 году.

ной борьбѣ; это былъ человѣкъ несокрушимой воли и энергіи, но съ тѣмъ вмѣстѣ и безпредѣльнаго честолюбія, не того суетнаго честолюбія, которое хлопочетъ изъ-за личныхъ мелкихъ страстей или какихъ нибудь служебныхъ выгодъ, но которое стремится пріобрѣсть общественное вліяніе, народную извѣстность, которое хочетъ передать имя свое потомству. Прибавьте къ этому отличное военное образованіе, умъ свѣтлый, понимающій вещи съ разу, даръ слова увлекательный и всѣмъ извѣстное мужество, и вы убѣдитесь, что Кутузовъ былъ правъ въ своемъ сужденіи о немъ, и что дѣйствительно Ермоловъ былъ рожденъ, чтобы командовать арміями на полѣ битвы. Но чтобы достигнуть командованія, надо пройти самому по лѣстницѣ подчиненности: этого-то и не умѣлъ Ермоловъ. Онъ постоянно чувствовалъ свое превосходство передъ другими, не признавалъ военной іерархіи, обращался съ старшими съ пренебреженіемъ, осыпалъ ихъ колкостями и меткими замѣчаніями. Его остроты, особенно на нѣмецкихъ генераловъ, помнятъ и теперь. Когда онъ былъ еще полковникомъ, одинъ изъ генераловъ замѣтилъ: «Хоть бы его скорѣе произвели въ генералы, авось тогда онъ будетъ обходительнѣе и вѣжливѣе съ нами». За то онъ былъ идоломъ подчиненныхъ, особенно молодежи. Онъ очаровывалъ своимъ обращеніемъ; только немногіе, изъ болѣе опытныхъ и перегорѣвшихъ въ жизни, угадывали, что тутъ есть что-то не свое, неестественное, не прямо истекающее отъ сердца, а прошедшее чрезъ процессъ мышленія. Выразимся точнѣе: тутъ было не безъ затаенной мысли, не безъ хитрости. Великій Князь Константинъ Павловичъ, питавшій къ нему истинную дружбу, писалъ и нерѣдко говорилъ ему: «Я люблю васъ искренно; знаю что и вы меня любите, — но *съ обманцемъ*». Отъ проницательности Александра не скрылось также это свойство Ермолова.

Пушкинъ, посѣтившій его, уже отставного, въ Орлѣ, описываетъ такъ: «Лице круглое, огненные сѣрые глаза, сѣдые волосы дыбомъ, голова тигра, на геркулесовомъ торсѣ. Улыбка непріятная, потому что неестественная; когда же задумывается и хмурится, то онъ становится прекраснымъ и разительно напоминаетъ поэтическій портретъ, писанный Доу».

Ермоловъ имѣлъ множество враговъ въ высшихъ слояхъ, чему способствовалъ самъ своимъ неудержимымъ на колкости языкомъ; всесильный Аракчеевъ является однимъ изъ главнѣйшихъ. Во время смотра, на замѣчаніе его, что лошади дурны, Ермоловъ отвѣчалъ, при многихъ другихъ, — къ сожалѣнію, участь наша часто зависитъ отъ скотовъ.—Вражда къ нему графа Илларіона Васильевича Васильчикова, этого рыцарски честнаго чело-

вѣка, а также Паскевича, велась едвали не съ дѣла на Раевскомъ редутѣ во время бородинской битвы, гдѣ двоимъ послѣднимъ приписана часть славы его, хотя Барклай-де-Толли свидѣтельствовалъ вполнѣ о мужественномъ подвигѣ Ермолова. Генералы, носившіе иностранныя фамиліи (особенно Витъ и Витгенштейнъ), и нѣмцы вообще не терпѣли его, потому что онъ съ особеннымъ ожесточеніемъ преслѣдовалъ ихъ своими остротами. Этимъ онъ льстилъ тогдашнему направленію общества. Но Александръ умѣлъ оцѣнить его необыкновенныя способности и употребить въ дѣло. Онъ имѣлъ случай вполнѣ убѣдиться въ нихъ, когда назначилъ его начальникомъ штаба 1-й арміи, поручивъ ему писать прямо къ себѣ обо всемъ происходившемъ на театрѣ войны [1]). Впослѣдствіи, государь часто видался съ нимъ, особенно за границей, во Франціи, гдѣ Ермоловъ уже командовалъ гренадерскимъ корпусомъ; былъ всегда милостивъ къ нему, и при первомъ важномъ назначеніи вспомнилъ объ немъ. Когда рѣшились послать войска наши въ Италію, командующимъ ими, по его выбору, назначенъ былъ Ермоловъ. Извѣстно, что походъ не состоялся, и Ермоловъ возвратился на Кавказъ.

Мы не коснемся здѣсь блистательной дѣятельности Ермолова во ввѣренномъ ему краѣ. Описаніе ихъ принадлежитъ исторіи покоренія Кавказа. Но говоря объ его характерѣ вообще, не можемъ не упомянуть объ одномъ свойствѣ этого характера, развитомъ въ высокой степени: я не назову его безкорыстіемъ,— безкорыстіе еще не большая добродѣтель,—это страсть, заботливость сохранить, гдѣ можно, государственныя деньги, которая нерѣдко заглушала въ немъ собственныя нужды; даже при крайней необходимости въ деньгахъ, онъ постоянно отказывался отъ денежныхъ наградъ, и когда государь Александръ Павловичъ назначилъ ему довольно значительную аренду, онъ убѣдилъ взять назадъ уже подписанный указъ, хотя ровно ничего не имѣлъ. Враги его толковали, что это уловка, хитрость со стороны Ермолова, что въ этомъ отказѣ вѣрно кроется какаянибудь задняя мысль, желаніе получить болѣе современемъ. Жаль, что они сами не прибѣгали къ той же уловкѣ; отъ этого наши финансы, конечно, много бы выиграли. Что же касается до Ермолова, то онъ какъ пріѣхалъ въ Тифлисъ въ простой кибиткѣ, такъ и выѣхалъ, послѣ десятилѣтняго управленія кра-

[1]) Эти письма, переданныя государемъ Кутузову, когда тотъ вступилъ въ командованіе арміей, по смерти его попали въ руки Барклая и надѣлали много непріятностей Ермолову. Онѣ *современемъ* составятъ важный матеріалъ для исторіи.

емъ, въ такой же кибиткѣ, да еще встрѣчаясь дорогой съ самыми мелочными затрудненіями.

Въ поступкахъ Ермолова оставалась какая-то жесткая складка, которая впрочемъ принадлежала столько же вѣку и той бивуачной жизни, которую онъ постоянно велъ, сколько ему самому. Такимъ образомъ, онъ очень наивно разсказываетъ, какъ избилъ своеручно *коломъ* почтаря и потомъ далъ ему червонецъ; какъ, въ бытность свою въ Персіи, приказалъ онъ одного француза наполеоновской арміи, служившаго полковникомъ въ персидскихъ войскахъ, наказать палками и т. д.

Мы сказали, что Ермоловъ одною ногою еще касался вѣка Екатерины; другою онъ твердо упирался въ эпоху Александра. Въ царствованіе Николая онъ перенесенъ былъ какъ бы случайно, безсознательно, потокомъ времени, и очутился въ немъ не живымъ дѣятелемъ, но памятникомъ прошедшаго, какимъ-то memento mori тщеты людской. Наконецъ, съ восшествіемъ на престолъ нынѣ царствующаго государя императора, мелькнула на горизонтѣ и его звѣзда—мелькнула и закатилась навсегда [1]).

Мы должны отмѣтить здѣсь другую личность, которая возникала близъ Ермолова, поучалась отъ него, и впослѣдствіи во многомъ слѣдовала его примѣру. Намъ прійдется не разъ упоминать объ этой личности: это молодой капитанъ генеральнаго штаба, уже ознаменовавшій себя въ то время многотрудною и опасною экспедиціей въ Туркменію и Хиву, Николай Михайловичъ Муравьевъ. Превосходное описаніе его путешествія и понынѣ служитъ лучшимъ источникомъ для изученія тѣхъ странъ [2]).

За эпохой конференцій, конгрессовъ, политическихъ сдѣлокъ, дипломатическихъ переписокъ, возбудившихъ восточныя дѣла до высшей степени натянутости, началась эпоха войнъ, которыя, по крайней мѣрѣ на то время, разрубили этотъ гордіевъ узелъ; къ описанію ихъ — мы перейдемъ впослѣдствіи.

Ег. Ковалевскій.

---

[1]) Ермоловъ умеръ въ 1861 г. апрѣля 12, въ Москвѣ.

[2]) «Путешествіе Муравьева въ Туркменію и Хиву въ 1819 и 1820 годахъ, посланнаго въ сіи страны для переговоровъ»; съ 5 портретами и картами, 2 ч. Москва; въ 4 долю. — Оно нынче составляетъ библіографическую рѣдкость.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

НА

КАСПІЙСКОМЪ МОРѢ.

Въ западной Европѣ, гдѣ очень плохо знаютъ русскую исторію, вѣрятъ или, по крайней мѣрѣ, считаютъ полезнымъ для себя вѣрить не хитро придуманному подлогу, — завѣщанію Петра Великаго. Мы знаемъ, что преобразователь не оставилъ завѣщанія на бумагѣ; но великіе историческіе дѣятели оставляютъ завѣщаніе на дѣлѣ: ихъ дѣятельность, ихъ начинанія и указанія служатъ программою, которая выполняется въ послѣдствіи, иногда въ продолженіе очень долгаго времени. Дѣло, начатое великимъ человѣкомъ, оканчивается иногда, спустя столѣтіе и болѣе, послѣ его смерти. Такъ, мы другое уже столѣтіе выполняемъ не на бумагѣ написанное завѣщаніе Петра Великаго относительно Востока.

Мы привыкли представлять внѣшнюю дѣятельность знаменитаго императора обращенною на западъ, къ берегамъ завѣтнаго Балтійскаго моря, гдѣ въ устьяхъ Невы онъ устроилъ себѣ *парадизъ*. Но при этомъ Петра нельзя упрекнуть въ односторонности: употребляя всѣ усилія, чтобъ добить шведа и взять у него балтійскіе берега, Петръ не спускалъ глазъ съ Востока, ибо зналъ хорошо его значеніе для Россіи, зналъ, ка̀къ можетъ обогатиться бѣдный русскій народъ, если станетъ посредникомъ въ торговомъ отношеніи между Европою и Азіею. Утверждаясь на берегахъ Балтійскаго моря, Петръ рылъ каналъ для соединенія его съ Каспійскимъ, и какъ только прекратилась война

на западѣ, у Балтійскаго моря, Петръ переноситъ свою дѣятельность къ Каспійскому. Еще съ XVI вѣка, когда русскія границы достигли устьевъ Волги чрезъ покореніе Астрахани, Россія, волею-неволею, должна была вмѣшиваться въ дѣла кавказскихъ народовъ. Интересы трехъ большихъ государствъ: Россіи, Турціи и Персіи сталкивались на перешейкѣ между Чернымъ и Каспійскимъ морями, среди варварскаго, раздробленнаго, порозненнаго въ вѣрѣ народонаселенія, части котораго находились въ постоянной борьбѣ другъ съ другомъ. Россія, призываемая на помощь христіанскимъ народонаселеніемъ, не могла позволить усилиться здѣсь магометанскому вліянію, особенно турецкому; а теперь, въ эпоху преобразованія, имѣвшую цѣлію развитіе промышленныхъ силъ народа, къ интересамъ религіознымъ и политическимъ присоединялся интересъ торговый, стремленіе обезпечить русскую торговлю въ странѣ, издавна обогащавшей купцовъ московскихъ.

Турецкая война (1711 г.) и потомъ безпрестанное опасеніе, что она возобновится, должны были обращать вниманіе Петра на Кавказскій перешеекъ. Кубанской ордѣ, зависѣвшей отъ султана, хотѣли противопоставить Кабарду, и съ этою цѣлію въ 1711 году отправился туда князь Александръ Бековичъ Черкаскій, который увѣдомилъ Петра, что черкесскіе владѣльцы, прочтя царскую грамату, изъявили готовность служить великому государю всею Кабардой. «По этому увѣренію, писалъ Черкаскій, я ихъ къ присягѣ привелъ по ихъ вѣрѣ». Турки дѣйствовали съ своей стороны. Въ 1714 году, тотъ же Черкаскій далъ знать, что посланцы крымскаго хана склоняютъ въ турецкое подданство вольныхъ князей, владѣющихъ близъ горъ, между Чернымъ и Каспійскимъ морями, обѣщая имъ ежегодное жалованье. Въ Большой Кабардѣ ханскіе посланцы не имѣли успѣха; но князья кумыцкіе прельстились ихъ обѣщаніями, вслѣдствіе чего встало волненіе въ странѣ. Черкаскій писалъ, что турки намѣрены соединить подъ своею властію всѣ кавказскіе народы вплоть до персидской границы: «и ежели оное турецкое намѣреніе исполнится, то когда война случится, могутъ не малую силу показать, понеже оный народъ лучшій въ войнѣ, кромѣ регулярнаго войска. Ежели ваше величество соизволите, чтобы оный народъ не допустить подъ руку турецкую, но паче привесть подъ область свою, то надлежитъ, не пропуская времени, о томъ стараться; а когда уже турки ихъ подъ себя утвердятъ, тогда уже будетъ поздно и весьма невозможно того чинить. А опасности никакой въ превращеніи ихъ не будетъ, понеже народъ тотъ вольный есть и никому иному не присутствуетъ, но паче вамъ есть при-

чиненный: напредь сего, изъ тѣхъ кумыцкихъ владѣльцевъ шевкаловъ въ подданствѣ для вѣрности вашему величеству и дѣтей своихъ въ аманаты давывали; токмо незнаніемъ или неискусствомъ воеводъ вашихъ сей интересъ государственный по сіе время оставленъ. И ежели ваше величество соизволите приклонить тѣхъ народовъ пригорныхъ подъ свою область, не малый страхъ будетъ въ Персидѣ во всей, и могутъ во всемъ вашей волѣ послѣдовать».

Черкаскій отправился въ Хиву и тамъ погибъ. Въ сношеніяхъ съ народами Кавказскаго перешейка явился другой, болѣе искусный и счастливый дѣятель: Артемій Петровичъ Волынскій.

Въ 1715 году, Волынскій отправленъ былъ посланникомъ въ Персію, чтобъ быть при шахѣ впредь до указу на резиденціи. Онъ получилъ инструкцію:

«Ѣдучи по владѣніямъ шаха персидскаго, какъ моремъ такъ и сухимъ путемъ, всѣ мѣста, пристани, города и прочія поселенія и положенія мѣстъ, и какія гдѣ въ море Каспійское рѣки большія впадаютъ, *и до которыхъ мѣстъ по онымъ рѣкамъ можно ѣхать отъ моря, и нѣтъ ли какой рѣки изъ Индіи, которая-бъ впала въ сіе море* [1]), и есть ли на томъ морѣ и въ пристаняхъ у шаха суды военныя или купеческія, такожъ какія крѣпости и фортеціи — присматривать прилежно и искусно и провѣдывать о томъ, *а особливо про Гилянь, и какія горы и непроходимыя мѣста кромѣ одного нужнаго пути (какъ сказываютъ) отдѣлили Гилянь и прочія провинціи, по Каспійскому морю лежащія отъ Персиды*, однако-жъ такъ, чтобъ того не признали персіяне, и дѣлать о томъ секретно журналъ повседневной, списывать все подлинно. Будучи ему въ Персіи, присматривать и развѣдывать, сколько у шаха крѣпостей и войска и въ какомъ порядкѣ, и не вводятъ ли европейскихъ обычаевъ въ войскѣ? Какое шахъ обхожденіе имѣетъ съ турками, и нѣтъ ли у персовъ намѣренія начать войну съ турками, и не желаетъ ли противъ нихъ съ кѣмъ въ союзъ вступить. Внушать, что турки главные непріятели персидскому государству и народу, и самые опасные сосѣди всѣмъ, а царское величество желаетъ содержать съ шахомъ добрую сосѣдскую пріязнь. Смотрѣть, какимъ способомъ въ тѣхъ краяхъ купечество россійскихъ подданныхъ размножить, и нельзя ли чрезъ Персію учинить купечество въ Индію. Склонять шаха, чтобъ повелѣно было армянамъ весь свой торгъ шелкомъ-сырцомъ обратить проѣздомъ въ россійское государство, предъявляя удоб-

[1]) Напечатанное курсивомъ написано собственною рукою Петра В.

ство водянаго пути до самаго С.-Петербурга, вмѣсто того, что они принуждены возить свои товары въ турецкія области на верблюдахъ, *и буде не возможетъ то словами и домогательствами сдѣлать, то нельзя ли дать чего шаховымъ ближнимъ людямъ; буде и симъ нельзя будетъ учинить, не мочно-ль препятія какова учинить смирнскому и алепскому торгамъ гдѣ и какъ?* Развѣдывать объ армянскомъ народѣ, много ли его и въ которыхъ мѣстахъ живетъ, и есть ли изъ нихъ какіе знатные люди изъ шляхетства или изъ купцовъ, и каковы они къ сторонѣ царскаго величества, обходиться съ ними ласково и склонять къ пріязни, также освѣдомляться, нѣтъ ли какихъ иныхъ въ тѣхъ странахъ христіанскихъ или иновѣрныхъ съ персами народовъ, и ежели есть, каковы оные состояніемъ?»

Въ мартѣ 1717 года, Волынскій пріѣхалъ въ Испагань, претерпѣвши на дорогѣ большія трудности и непріятности: «Уже меня рѣдкая бѣда миновала», писалъ онъ канцлеру. Въ Испагани сначала онъ былъ принятъ недурно, но чрезъ нѣсколько дней, не объявя ничего, заперли его въ домѣ, приставивъ такой крѣпкій караулъ, что пресѣкли всякое сообщеніе, и это продолжалось полтора мѣсяца, а когда узнали о прошлогоднемъ приходѣ князя Черкаскаго на восточные берега Каспійскаго моря и о строеніи крѣпостей, то заперли еще крѣпче; пошли слухи, что нѣсколько тысячъ русскаго войска впало въ Гилянь, и что множество калмыковъ находится около Терека. Три раза Волынскій былъ у шаха Гуссейна, имѣлъ нѣсколько конференцій съ визиремъ; съ персидской стороны соглашались, повидимому, на всѣ предложенія посланника, и вдругъ позвали его на послѣднюю аудіенцію и объявили отпускъ. Всѣ представленія Волынскаго остались тщетными; онъ возражалъ, что не можетъ ѣхать, не окончивъ дѣлъ; ему отвѣчали, что дѣла будутъ кончены по его желанію, только бы теперь взялъ шахову грамату къ царю.

«Этому трудно вѣрить, писалъ Волынскій, ибо здѣсь такая нынѣ глава, что онъ не надъ подданными, но у своихъ подданныхъ подданный, и что рѣдко такого дурачка можно сыскать и между простыхъ, не токмо изъ коронованныхъ; того ради самъ ни въ какія дѣла вступать не изволитъ, но во всемъ положился на своего намѣстника Эхтиматъ-Девлета, который всякаго скота глупѣе, однако у него такой фаворитъ, что шахъ у него изо-рта смотритъ, и что̀ велитъ, то дѣлаетъ. Того ради здѣсь мало поминается и имя шахово, только его, прочіе же всѣ, которые при шахѣ ни были поумнѣе, тѣхъ всѣхъ изогналъ, и нынѣ, кромѣ его, почти никого нѣтъ, и такъ дѣлаетъ что̀ хочетъ, и такой дуракъ, что ни дачею, ни дружбою, ни разсужденіемъ по-

дойтить не возможно; какъ уже я пробовалъ всякими способами, однако же не помогло ничто. Какъ я слышалъ, они такъ въ консиліи положили, что меня здѣсь долго не держать, того ради чтобъ не узналъ я состоянія ихъ государства: но хотябъ еще и десять лѣтъ жить, больше уже не о чемъ провѣдывать и смотрѣть нечего и дѣлъ никакихъ не сдѣлать, ибо они не знаютъ, что̀ такое дѣла, и какъ ихъ дѣлать; притомъ лѣнивы, о дѣлѣ ни одного часа не хотятъ говорить; и не только посторонніе, но и свои дѣла идутъ у нихъ безпутно, какъ попалось на умъ, такъ и дѣлаютъ безъ всякаго разсужденія; отъ этого такъ свое государство разорили, что, думаю, и Александръ Великій, въ бытность свою, не могъ войной такъ разорить. Думаю, что сія корона къ послѣднему разоренію приходитъ, если не обновится другимъ шахомъ; не только отъ непріятелей, и отъ своихъ бунтовщиковъ оборониться не могутъ, и уже мало мѣстъ осталось, гдѣ бы не было бунта; одинъ отъ другого всѣ пропадаютъ, а тутъ и я съ ними не знаю, за что пропадаю: не пьянствомъ, не излишествомъ, но самою нищетою нажилъ на себя по сіе время четырнадцать тысячъ долгу. Думаю, меня Богъ опредѣлилъ на погибель, потому что и сюда съ великимъ страхомъ ѣхалъ, а отсюда еще будетъ труднѣе по здѣшнему безстрашію. Поѣду чрезъ Гилянь, хотя тамъ теперь и моровое повѣтріе, поѣду, чтобъ тотъ край видѣть. Другого моимъ слабымъ разумомъ я не разсудилъ, кромѣ того, что Богъ ведетъ къ паденію сію корону, на что своимъ безумствомъ они насъ влекутъ сами; не дивлюсь, видя ихъ глупость, думаю, что это Божія воля къ счастію царскому величеству; и хотя настоящая война наша (шведская) намъ и возбраняла-бъ, однако, какъ я здѣшнюю слабость вижу, намъ безъ всякаго опасенія начать можно, ибо не только цѣлою арміею, но и малымъ корпусомъ великую часть къ Россіи присовокупить безъ труда можно, къ чему удобнѣе нынѣшняго времени не будетъ, ибо если впредь сіе государство обновится другимъ шахомъ, то, можетъ быть, и порядокъ другой будетъ».

Волынскій выѣхалъ изъ Испагани 1 сентября 1717 года, заключивъ предъ отъѣздомъ договоръ, по которому русскіе купцы получили право свободной торговли по всей Персіи, право покупать шелкъ-сырецъ повсюду, гдѣ захотятъ и сколько захотятъ. Посланникъ зимовалъ въ Шемахѣ, и здѣсь имѣлъ досугъ еще лучше изучить состояніе персидскаго государства и характеръ его народонаселенія. Сознаніе своей слабости наводило сильный страхъ предъ могущественною Россіею, ждали неминуемой войны и вѣрили всякимъ слухамъ о сосредоточеніи рус-

скихъ войскъ на границахъ. Въ началѣ 1718 года, въ Шемахѣ съ ужасомъ разсказывали другъ другу, что въ Астрахань царь прислалъ 10 бояръ съ 80,000 регулярнаго войска, что при Терекѣ зимуютъ нѣсколько сотъ кораблей. Шемахинскій ханъ пользовался этими слухами, чтобы не выходить съ войскомъ на помощь шаху, и когда Волынскій замѣчалъ, что ханъ можетъ поплатиться за это, то ему отвѣчали: «Хану ничего не будетъ, у насъ никому наказанія нѣтъ, и потому всякій дѣлаетъ, что̀ хочетъ: когда нѣтъ страха, чего бояться?» Въ Шемаху пріѣхалъ къ Волынскому грузинецъ Фарседанъ-бекъ, съ которымъ посланникъ видался въ Испагани. Этотъ Фарседанъ-бекъ служилъ у грузинскаго князя Вахтанга Леоновича, который, по принятіи магометанства, сдѣланъ былъ главнымъ начальникомъ персидскихъ войскъ. Вахтангъ прислалъ Фарседанъ-бека съ просьбою къ Волынскому, чтобы тотъ благодарилъ царя за милости, оказанныя въ Россіи его родственникамъ, и просилъ, чтобы православная церковь не предала его, Вахтанга, проклятію за отступничество: онъ отвергся Христа не для славы міра сего, не для богатства тлѣннаго, но только для того, чтобы освободить семейство свое изъ заключенія, и хотя онъ принялъ мерзкій законъ магометанскій, но въ сердцѣ остается всегда христіаниномъ, и надѣется опять обратиться въ христіанство съ помощію царскаго величества. «Пора, говорилъ Фарседанъ, государственныя дѣла дѣлать, пиши чрезъ меня Вахтангу, какъ ему поступать съ персіянами, и если ты пробудешь здѣсь въ Шемахѣ до осени, то Вахтангъ къ тому времени совсѣмъ управится». Фарседанъ говорилъ такъ, какъ будто Волынскій присланъ воевать съ персіянами. Посланникъ замѣтилъ ему: «Я присланъ не для войны, а для мира; я былъ бы совершенно сумасбродный человѣкъ, еслибъ сталъ воевать, имѣя при себѣ одинъ свой дворъ». — «Въ Персіи не такъ думаютъ, отвѣчалъ Фарседанъ, говорятъ, что ты и городъ здѣсь въ Шемахѣ себѣ строишь». Въ это время въ Шемахѣ узнали, что отправленный Волынскимъ въ Россію, для доставленія государю слона, дворянинъ Лопухинъ едва спасся отъ напавшихъ на него лезгинцевъ, и Фарседанъ говорилъ по этому случаю Волынскому: «Конечно, царское величество не оставитъ отомстить горскимъ владѣтелямъ за такую пакость; надобно покончить съ этими бездѣльниками, пора христіанамъ побѣждать басурманъ и искоренять ихъ». Фарседанъ говорилъ, что шахъ своимъ войскамъ денегъ не платитъ, отчего они служить не будутъ, а Узбекскому хану послано въ подарокъ 20,000 рублей на русскія деньги за то, что узбеки или хивинцы убили князя Александра Бековича Черка-

скаго. Волынскій взялъ письмо отъ Вахтанга для доставленія теткѣ его, царицѣ Имеретійской, жившей въ Россіи; но самъ остерегся войти въ письменныя сношенія съ главнокомандующимъ персидскою арміею.

Въ началѣ 1719 года, Волынскій возвратился въ Россію, и въ томъ же году былъ сдѣланъ астраханскимъ губернаторомъ. 22 марта 1720 года, новому губернатору Петръ далъ наказъ въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Чтобъ принца грузинскаго искать склонить, такъ чтобъ онъ въ потребное время былъ надеженъ намъ, и для сей посылки взять изъ грузинцевъ дому Арчилова. 2) Архіерея для всякихъ тамъ случаевъ, чтобъ посвятить донскаго архимандрита. 3) Офицера выбрать, чтобы или туды или назадъ идучи сухимъ путемъ, отъ Шемахи вѣрно осмотрѣлъ путь, удобенъ ли? Также, живучи въ Шемахѣ, будто для торговыхъ дѣлъ (какъ положено съ персы) всего присматривать. 4) Чтобъ неудобный путь отъ Терека до Учи сыскать, какъ миновать, а, буде нельзя землею, то-бъ моремъ, для чего тамъ надобно при морѣ сдѣлать крѣпость и по малу строить магазейны, анбары и прочее, дабы въ удобномъ случаѣ за тѣмъ не было остановки. 5) Суды наскоро дѣлать прямыя морскія и прочее все что̀ надлежитъ къ тому по малу подъ рукою готовить, дабы въ случаѣ ни за чѣмъ остановки не было, однакожъ все въ великомъ секретѣ держать.

Въ сентябрѣ того же года отправленъ былъ въ Персію капитанъ Алексѣй Баскаковъ съ наказомъ: «ѣхать въ Астрахань и оттуда въ Персію подъ какимъ видомъ будетъ удобнѣе и поступать такимъ образомъ: 1) ѣхать отъ Терека сухимъ путемъ до Шемахи для осматриванія пути, удобенъ ли для прохода войскъ водами, кормами конскими и прочимъ. 2) Отъ Шемахи до Апшерона и оттуда до Гиляни смотрѣть того же, освѣдомиться также и о рѣкѣ Курѣ. 3) О состояніи тамошнемъ и о прочихъ обстоятельствахъ насматриваться и навѣдываться и все это дѣлать въ высшемъ секретѣ».

Въ 1721 году, Волынскій ѣздилъ въ Петербургъ; неизвѣстно, былъ ли онъ вызванъ, или самъ пріѣхалъ, узнавши о возможности прекращенія Сѣверной войны и, слѣдовательно, о возможности начать войну персидскую. Какъ видно, онъ возвратился изъ Петербурга въ ожиданіи скорой южной войны и пріѣзда царскаго въ Астрахань, потому что 23 іюня писалъ царицѣ Екатеринѣ:

«Вашему величеству всепокорно доношу. Въ Астрахань я прибылъ, которую вижу пусту и совсѣмъ разорену, по истинѣ, такъ, что хотя бы и нарочно разорять, то бъ больше сего невозможно. Первое, крѣпость здѣшняя во многихъ мѣстахъ развалилась, а

худа вся; въ полкахъ здѣшнихъ въ пяти ружья только съ 2000 фузей съ небольшимъ годныхъ, а прочее никуда не годится; а мундиру какъ на драгунахъ, такъ и на солдатахъ, кромѣ одного полку, ни на одномъ нѣтъ, и ходятъ иные въ балахонахъ, которыхъ не давано лѣтъ болѣе десяти, а вычтено у нихъ на мундиры съ 34,000 рублей, которые въ Казани и пропали; а провіанту нашелъ я только съ 300 четвертей. И тако, всемилостивѣйшая государыня, однимъ словомъ донесть, и знаку того нѣтъ, какъ надлежитъ быть пограничнымъ крѣпостямъ, и на что не смотрю, за все видимая бѣда мнѣ, которой и миновать невозможно; ибо ни въ три года нельзя привесть въ добрый порядокъ; а куда о чемъ отсюда написано, но ни·откуда никакой резолюціи нѣтъ, и уже по истинѣ, всемилостивая мать, не знаю, что̀ и дѣлать, понеже вижу, что всѣ останутся въ сторонѣ, а мнѣ одному бѣдному отвѣтствовать будетъ. Не прогнѣвайся, всемилостивѣйшая государыня, на меня, раба вашего, что я умедлилъ присылкою къ вашему величеству арапа съ арапкою и съ арапченкою, понеже арапка беременна, которая, чаю, по двухъ или по трехъ недѣляхъ родитъ, того ради боялся послать, чтобъ въ дорогѣ не повредилась, а когда освободится отъ бремени и отъ болѣзни, немедленно со всѣмъ заводомъ отправлю къ вашему величеству».

Обезопасивъ себя этимъ письмомъ, на счетъ могущихъ быть упрековъ въ дурномъ состояніи ввѣреннаго ему города, Волынскій продолжалъ писать Петру о необходимости дѣйствовать въ Персіи и на Кавказѣ вооруженною рукою, а не политикою. Какъ видно, въ Петербургѣ внушено было Волынскому, что до окончанія шведской войны трудно начать непосредственно войну персидскую, но что онъ можетъ ускорить распаденіе Персіи поднятіемъ зависѣвшихъ отъ нея народовъ кавказскихъ. 15 августа, Волынскій писалъ царю:

«Грузинскій принцъ (Вахтангъ) прислалъ ко мнѣ и къ сестрѣ своей съ тѣмъ, чтобъ мы обще просили о немъ ваше величество, дабы вы изволили учинить съ нимъ милость для избавленія общаго ихъ христіанства и показываетъ къ тому способъ: 1) чтобъ ваше величество изволили къ нему прямо въ Грузію ввести войскъ своихъ тысячъ пять или шесть и повелѣли засѣсть въ его гварнизоны, объявляя, что онъ видитъ въ Грузіи несогласіе между шляхетствомъ, и ежели войска ваши введены будутъ въ Грузію, то уже и по неволѣ принуждены будутъ многіе его партію взять. 2) Чтобъ для лучшаго ему увѣренія изволили сдѣлать дессантъ въ Персію тысячахъ въ десяти или больше, чтобы отобрать у нихъ Дербентъ или

Шемаху, а безъ того вступать въ войну опасенъ. 3) Просилъ, чтобъ изволили сдѣлать крѣпость на рѣкѣ Терекѣ между Кабарды и гребенскихъ казаковъ и посадить русскій гарнизонъ для свободной съ Грузіею коммуникаціи и для его охраненія. И какъ видится, государь, по моему слабому мнѣнію, всѣ его предполагаемые резоны не безсильны. Вахтангъ представляетъ о слабомъ нынѣшнемъ состояніи персидскомъ и какая будетъ вамъ собственная изъ оной войны польза, и какъ персіяне оружію вашему противиться не могутъ; ежели вы изволите противъ шаха въ войну вступить, онъ Вахтангъ можетъ поставить въ поле своихъ войскъ отъ 30 до 40,000 и обѣщаетъ пройти до самой Гиспагани, ибо онъ персіянъ бабами называетъ».

Считая резоны одного грузинскаго принца не безсильными, Волынскій не совѣтовалъ сближаться съ владѣльцами другихъ, иновѣрныхъ народовъ Кавказа, и указывалъ на оружіе, какъ на единственное средство держать ихъ въ страхѣ и подчиненіи русскимъ интересамъ. О владѣльцѣ тарковскомъ, шевкалѣ Алдигиреѣ, Волынскій писалъ Петру:

«На него невозможно никакой надежды имѣть вамъ, ибо весьма въ сторонѣ шаховой; вижу по всѣмъ дѣламъ его, что онъ плутъ, и потому зѣло опасно ему ваше намѣреніе открывать, чтобъ онъ прежде времени не далъ о томъ знать двору шахову, и для того я не намѣренъ имѣть съ нимъ конгрессъ, какъ ваше величество мнѣ повелѣли. И мнѣ мнится здѣшніе народы привлечь политикою къ сторонѣ вашей не возможно, ежели въ рукахъ оружія не будетъ, ибо хотя и являются склонны, но токмо для однихъ денегъ, которыхъ (народовъ), по моему слабому мнѣнію, надобно бы такъ содержать, чтобъ безъ причины только ихъ не озлоблять, а вѣрить никому не возможно. Также, кажется мнѣ, и Даудбекъ (лезгинскій владѣлецъ) ни къ чему не потребенъ: онъ отвѣтствуетъ мнѣ, что конечно желаетъ служить вашему величеству, однакоже чтобъ вы изволили прислать къ нему свои войска и довольное число пушекъ, а онъ отберетъ городы у персіянъ, и которые ему удобны, то себѣ оставитъ (а именно Дербентъ и Шемаху), а прочіе уступаетъ вашему величеству, кои по той сторонѣ Куры рѣки до самой Испагани, чего въ рукахъ его никогда не будетъ, и тако хочетъ, чтобъ вамъ былъ трудъ, а его польза».

Прежде мѣстность Ендери, слывшая у русскихъ подъ именемъ Андреевой деревни, и Аксай принадлежали таркамъ, но одинъ изъ шевкаловъ тарковскихъ подѣлилъ ихъ между своими сыновьями, и въ описываемое время въ Андреевой деревнѣ было семь владѣльцевъ, отличавшихся разбойничьимъ характеромъ,

«Мнѣ мнится, писалъ Волынскій, весьма бы надобно учинить отмщеніе Андреевскимъ владѣльцамъ, отъ чего великая польза: 1) они не будутъ имѣть посмѣянія (надъ нами) и впредь смиреннѣе жить будутъ. 2) Одная причина принудитъ многихъ искать протекціи вашей и всѣ тамошніе народы будутъ оружія вашего трепетать и за тѣмъ страхомъ вѣрнѣе будутъ. Однако же видится нынѣ къ тому уже прошло время, идти туда не съ кѣмъ и не съ чѣмъ. Надѣялся я на Аюку хана (калмыцкаго), однакожъ отъ него ничего нѣтъ, ибо, какъ вижу, худа его зѣло стала власть. Такожъ многократно писалъ я къ яицкимъ и къ донскимъ казакамъ; но яицкіе не пошли, а донскіе хотя и были, токмо иного ничего не сдѣлали кромѣ пакости: оставя прямыхъ непріятелей, Андреевскихъ владѣльцевъ, разбили улусъ Нагайскаго владѣльца, Салтана Махмута, зѣло вашему величеству потребнаго, котораго весьма озлобили; потомъ пошли въ Кабарду по призыву Арасланъ-бека и князь Александровыхъ братьевъ (Александра Бековича Черкаскаго), понеже у нихъ двѣ партіи, и тако у противной разбили нѣсколько деревень, также и скотъ отогнали, чѣмъ больше привели ихъ между собою въ ссору, и, въ томъ ихъ оставя, а себя не богатя, возвратились на Донъ».

Въ сентябрѣ, Волынскій получилъ извѣстіе, которое, по его мнѣнію, должно было непремѣнно побудить царя къ начатію войны. Распаденіе Персіи началось и съ сѣвера, и сопровождалось страшнымъ урономъ для русской торговли, въ пользу которой Петръ хлопоталъ и дипломатическимъ путемъ, въ пользу которой единственно готовъ былъ и воевать. Мы видѣли, что лезгинскій владѣлецъ Даудбекъ хотѣлъ подняться на шаха съ помощію Россіи. Но такъ какъ Волынскій не подалъ ему никакой надежды на эту помощь, то онъ рѣшился не упускать благопріятнаго времени и начать дѣйствіе съ Казыкумыцкимъ владѣльцемъ Суркаемъ. 21 іюля, Даудбекъ и Суркай явились у Шемахи; 7 августа, взяли городъ и стали жечь и грабить знатные домы. Русскіе купцы оставались покойны, обнадеженные завоевателями, что ихъ грабить не будутъ; но вечеромъ 4,000 вооруженныхъ лезгинъ и кумыковъ напали на русскія лавки въ гостиномъ дворѣ, прикащиковъ прогнали саблями, нѣкоторыхъ побили, а товары всѣ разграбили, цѣною на 500,000 рублей; одинъ Матвѣй Григорьевъ Евреиновъ потерялъ на 170,000, въ слѣдствіе чего этотъ богатѣйшій въ Россіи купецъ въ конецъ разорился. Отъ Волынскаго пошло немедленно письмо къ царю:

«Мое слабое мнѣніе доношу: по намѣренію вашему къ начинанію законнѣе сего уже нельзя и быть причины: первое, что изволите вступить за свое; второе, не противъ персіянъ, но про-

тивъ непріятелей ихъ и своихъ; къ тому-жь и персіянамъ можно предлагать (ежели они бы стали протестовать), что ежели они заплатятъ ваши убытки, то ваше величество паки имъ отдать можете (т. е. завоеванное), и такъ можно предъ всѣмъ свѣтомъ показать, что вы изволите имѣть истинную къ тому причину. Также мнится мнѣ, что ранѣе изволите начать, то лучше, и труда будетъ меньше, и пользы больше, понеже нынѣ оная бестія еще внѣ состоянія и силы; паче всего опасаюсь и чаю, что они конечно будутъ искать протекціи турецкой, что имъ и сдѣлать, по моему мнѣнію, прямо резонъ есть; что̀ если учинятъ, тогда вашему величеству уже будетъ трудно не токмо чужаго искать, но и свое отбирать; того ради, государь, можно начать и на предбудущее лѣто, понеже не великихъ войскъ сія война требуетъ, ибо ваше величество изволите уже и сами видѣть, что не люди, скоты воюютъ и разоряютъ; инфантеріи больше десяти полковъ я бы не желалъ, да къ тому кавалеріи четыре полка, и тысячи три нарочитыхъ казаковъ, съ которыми войски можно идти безъ великаго страха, только-бъ была исправная аммуниція и довольное число провіанта».

Сѣверная война прекратилась, и новому императору ничто не мѣшало обезпечить русскую торговлю на берегахъ Каспійскаго моря. Въ декабрѣ, Петръ отвѣчалъ Волынскому:

«Письмо твое получилъ, въ которомъ пишете о дѣлѣ Дауд-бека, и что нынѣ самый случай о томъ, что вамъ приказано предуготовлять. На оное ваше мнѣніе отвѣтствую, что сего случая не пропустить зѣло то изрядно, и мы уже довольную часть войска къ вамъ маршировать велѣли на квартиры, отколь весною пойдутъ въ Астрахань. Что же пишете о принцѣ грузинскомъ — онаго и прочихъ христіанъ, ежели кто къ сему дѣлу желателенъ будетъ, обнадеживайте, но чтобъ до прибытія нашихъ войскъ ничего не зачинать (по обыкновенной дерзости тѣхъ народовъ), а и тогда поступали бы съ совѣту».

Въ это время Волынскаго занимали дѣла въ Кабардѣ, гдѣ безпрестанно ссорившіеся другъ съ другомъ князьки требовали посредничества астраханскаго губернатора. Отъ 5 декабря, онъ писалъ царю:

«Я сюда въ казачьи верхніе гребенскіе городки прибылъ, куда нѣкоторые кабардинскіе князья еще до меня прибыли, затягивая меня къ себѣ, чтобъ противную партію имъ чрезъ меня искоренить, или, по послѣдней мѣрѣ, противныхъ князей выгнать вонъ, а имъ въ Кабардѣ остаться однимъ; однако я имъ отказалъ, и что я неволею мирить не буду, а призывалъ противную имъ партію лаской, и такъ сдѣлалось, что прі-

ѣхалъ и дядя ихъ, съ кѣмъ у нихъ ссора, и оный первенство во всей Кабардѣ имѣетъ, котораго съ великимъ трудомъ изъ Кабарды я выманилъ, ибо онъ зѣло боялся отъ того, что крымскую партію держалъ, также при немъ пріѣхали мало не всѣ лучшіе уздени; и хотя я сначала имъ довольно выговаривалъ для чего они, оставя протекцію вашего величества, приводили въ Кабарду крымцевъ, однакожъ напослѣдокъ то отпустилъ имъ и по прежнему милостію вашего величества обнадежилъ и потомъ помирилъ ихъ, однакожъ съ присягою, чтобъ имъ быть подъ протекціею вашею, и притомъ и со взятіемъ вѣрныхъ аманатовъ. И тако вся Кабарда нынѣ видится подъ рукою вашего величества; токмо не знаю, будетъ ли имъ изъ моей медіаціи впредь польза, понеже между ими во вѣки миру не бывать, ибо житье ихъ самое звѣрское, и не токмо посторонніе, но и родные другъ друга за бездѣлицу рѣжутъ, и я чаю такого удивительнаго дѣла мало бываетъ или и никогда, понеже по изслѣдованію дѣла не сыскался виноватый ни одинъ и праваго никого нѣтъ, а за что первая началась ссора, то уже изъ памяти вышло, и тако за что дерутся и рѣжутся, истинно ни одинъ не знаетъ, только уже вошло у нихъ то въ обычай, что и перемѣнить невозможно. Еще же приводитъ ихъ къ тому нищета, понеже такъ нищи, что нѣкоторые князья ко мнѣ затѣмъ не ѣдутъ, что не имѣютъ платья, а въ овчинныхъ шубахъ ѣхать стыдно, а купить и негдѣ и не на что, понеже у нихъ монеты никакой нѣтъ; лучшее было богатство скотъ, но и то все крымцы обобрали, и нынѣ князей кормятъ уздени, и всего ихъ мерзкаго житья и описать невозможно; только одно могу похвалить, что всѣ—такіе воины, какихъ въ здѣшнихъ странахъ не обрѣтается, ибо, что̀ татаръ или кумыковъ тысяча, тутъ черкесовъ довольно двухъ сотъ».

Въ началѣ 1722 года, когда дворъ находился въ Москвѣ, получено было извѣстіе отъ русскаго консула въ Персіи, Семена Аврамова, что афганцы, возставшіе противъ шаха Гуссейна подъ начальствомъ Магмуда, сына Мирвеизова, 18 февраля стояли уже только въ 15 верстахъ отъ Испагани. Шахъ выслалъ противъ нихъ войско; но оно было поражено, и первый побѣжалъ любимецъ шаха, главный визирь Эхтиматъ-Девлетъ; побѣдитель, 7 марта, подошелъ къ Испагани и расположился въ предмѣстіяхъ. Гуссейнъ, по требованію народа, назначилъ намѣстникомъ старшаго сына своего, но персіяне обнаружили неудовольствіе, и шахъ назначилъ второго сына; когда и этотъ не поправился, то назначенъ былъ третій сынъ, Тохмасъ-Мирза. Но эти распоряженія не поправили дѣла; послѣ второй проиг-

ранной битвы, персіяне совершенно потеряли духъ, а жулфинскіе армяне, называвшіеся такъ по имени предмѣстія, гдѣ жили, всѣ передались на сторону побѣдителя. Потомъ изъ Константинополя было получено извѣстіе, что афганцы овладѣли Испаганью, и старый шахъ попался въ плѣнъ.

При такихъ извѣстіяхъ медлить было нельзя, тѣмъ болѣе, что турки прежде всего могли воспользоваться паденіемъ Персіи и утвердиться на берегахъ Каспійскаго моря, которое Петръ считалъ необходимымъ для Балтійскаго моря. 18 апрѣля, Петръ писалъ изъ Москвы къ генералъ-маіору Матюшкину, завѣдывавшему приготовленіемъ судовъ на верхней Волгѣ: «Увѣдомьте насъ, что лодки, мая къ пятому числу, поспѣютъ ли, также и ластовыхъ судовъ къ тому времени сколько можетъ поспѣть? И достальныя ластовыя суда сколько къ которому времени могутъ поспѣть—о томъ чаще къ намъ пишите и въ дѣлѣ поспѣшайте». Матюшкинъ долженъ былъ доставить суда въ Нижній къ 20 мая, причемъ обѣщалъ и недодѣланныя суда взять съ собою и додѣлывать дорогою. Часть гвардіи отправилась изъ Москвы 3 мая на судахъ внизъ по Москвѣ-рѣкѣ. 13 мая, выѣхалъ самъ императоръ сухимъ путемъ въ Коломну, гдѣ соединились съ нимъ генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ, Петръ Андреевичъ Толстой, котораго Петръ бралъ съ собою для переписки, и другіе вельможи; въ Коломну же пріѣхала и императрица Екатерина Алексѣевна, отправлявшаяся вмѣстѣ съ мужемъ въ походъ. Изъ Коломны Петръ, со всѣми своими спутниками, отправился Окою въ Нижній, куда пріѣхалъ 26 мая и пробылъ до 30 — дня своего рожденія. День этотъ Петръ праздновалъ такимъ образомъ: рано пріѣхалъ онъ съ своей галеры на берегъ и пошелъ къ Апраксину въ его квартиру; побывъ здѣсь нѣсколько времени, поѣхалъ верхомъ въ соборную церковь къ литургіи; послѣ обѣдни, вмѣстѣ съ императрицею, пошелъ пѣшкомъ къ архіерею при колокольномъ звонѣ, продолжавшемся полчаса; послѣ звона началась стрѣльба въ городѣ изъ тринадцати пушекъ; послѣ городовой стрѣльбы стрѣляли у Строганова на дворѣ изъ нѣскольких пушекъ, затѣмъ началась пушечная стрѣльба съ судовъ. Стрѣльба окончилась ружейнымъ залпомъ, причемъ полки разставлены на луговой сторонѣ по берегу. Отъ архіерея императоръ и императрица поѣхали въ домъ Строганова, гдѣ обѣдали вмѣстѣ съ прочими господами; послѣ обѣда, въ 6-мъ часу, отправились къ купцу Пушникову, а оттуда Петръ переѣхалъ на свою галеру, и въ 9-мъ часу отправился далѣе Волгою къ Астрахани.

18 іюля, Петръ съ Екатериною отплылъ изъ Астрахани, и

на другой день вышелъ въ море съ пѣхотою; конница шла сухимъ путемъ. 27 іюля, въ день гангудской побѣды, войска высадились на берегъ въ Аграханскомъ заливѣ; Петръ ступилъ на землю первый: его перенесли на доскѣ четыре гребца, потому что за мелководіемъ шлюпка не могла пристать къ берегу. На мѣстѣ высадки немедленно устроили ретраншементъ. Въ тотъ же день было получено непріятное извѣстіе, что бригадиръ Ветерани, отправленный для занятія Андреевой деревни, былъ въ ущельи осыпанъ стрѣлами и пулями непріятельскими; растерявшись, Ветерани, вмѣсто того, чтобъ какъ можно скорѣе выбираться изъ ущелья, остановился и вздумалъ отстрѣливаться, тогда какъ непріятель, скрытый въ лѣсу на горахъ, былъ невидимъ; вслѣдствіе этого потеряно было 80 человѣкъ; тогда полковникъ Наумовъ, видя ошибку бригадира, согласился съ остальными офицерами, бросился на Андрееву деревню, овладѣлъ ею и превратилъ въ пепелъ.

5-го августа, войско выступило въ походъ къ Таркамъ, и на другой день Петру былъ представленъ владѣлецъ тарковскій Адильгирей. Императоръ принялъ его, стоя передъ гвардіею. Адильгирей объявилъ, что до сихъ поръ служилъ русскому государю вѣрно, а теперь будетъ особенно вѣрно служить. Когда бывшій господарь, князь Кантемиръ перевелъ эти слова, Петръ отвѣчалъ: «За службу твою будешь ты содержанъ въ моей милости». Въ тотъ же день были представлены государю султанъ Махмудъ Аксайскій съ двумя другими владѣльцами; увидавши императора, они пали на колѣни и объявили, что желаютъ быть подъ покровительствомъ его величества; Петръ обнадежилъ ихъ своею милостію и покровительствомъ. 12-го августа, войско приблизилось къ Таркамъ съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ и музыкою и стало лагеремъ подъ городомъ. За пять верстъ до города встрѣтилъ государя Адильгирей, когда Петръ ѣхалъ передъ гвардіею въ строевомъ платьѣ. Шевкалъ сошелъ съ лошади, низко поклонился императору и поздравилъ съ пріѣздомъ. Государь снова обнадежилъ его своею милостію и увѣрялъ, что подданнымъ его не будетъ никакой обиды отъ русскаго войска. Потомъ шевкалъ подошелъ къ каретѣ императрицы, поклонился низко и поцѣловалъ землю. На другой день Петръ ѣздилъ для гулянья въ тарковскія горы въ сопровожденіи трехъ драгунскихъ ротъ, осматривалъ старинную башню, откуда, по просьбѣ Адильгирея, отправился къ нему въ домъ; сначала гости были въ двухъ большихъ комнатахъ съ каменными фонтанами, потомъ хозяинъ повелъ ихъ въ комнату, гдѣ живутъ жены, убранную коврами и зеркалами; вошли двѣ жены шев-

кала въ сопровожденіи другихъ знатныхъ женщинъ, поклонились въ землю и цѣловали правую ногу императора, а послѣ, по ихъ просьбѣ, допущены и къ рукѣ. Принесли скатерть, поставили разныя кушанья и фрукты; шевкалъ налилъ въ чашку горячаго вина и поднесъ государю. Петръ сейчасъ же обратилъ вниманіе на множество ценинной посуды въ домѣ шевкала, и спросилъ, откуда ее берутъ; Адильгирей отвѣчалъ, что ее дѣлаютъ въ персидскомъ городѣ Мешетѣ. На прощаньи хозяинъ подарилъ гостю сѣраго аргамака въ золотой сбруѣ. 14-го августа, обѣ жены шевкала были у императрицы, цѣловали ногу и руку и поднесли шесть лотковъ винограду. 15-го августа, въ Успеньевъ день, государь и государыня слушали всенощную и обѣдню въ церкви Преображенскаго полка; по окончаніи обѣдни, Петръ самъ размѣрилъ около того мѣста, гдѣ стояла церковь и положилъ камень; тоже сдѣлали императрица и всѣ присутствовавшіе, и такимъ образомъ быстро набросанъ былъ курганъ въ память русской обѣдни передъ Тарками.

16-го августа, войско выступило въ походъ къ Дербенту. Султанъ Махмудъ Утемишскій вздумалъ сопротивляться; но былъ пораженъ, и столица его, мѣстечко Утемишь, состоявшее изъ 500 домовъ, обращена въ пепелъ; 26 человѣкъ плѣнныхъ казнены смертію. Дербентъ не сопротивлялся: 23-го августа, императоръ былъ встрѣченъ наибомъ дербентскимъ за версту отъ города; наибъ палъ на колѣни и поднесъ Петру два серебряные ключа отъ городскихъ воротъ. Императрица такъ описывала Меншикову походъ: «Мы отъ Астрахани шли моремъ до Терка и отъ Терка до Аграхани, а тамъ, выбрався на землю, дожидались долго кавалеріи, и потомъ дошли во владѣнья салтана Мамута Утемышевскаго. Оной ни чѣмъ къ намъ не отозвался; того ради августа 19-го числа поутру послали къ нему съ письмомъ трехъ человѣкъ донскихъ казаковъ, и того же дня, третьяго часа пополудни, сей господинъ нечаянно нашихъ атаковалъ, которому гостю зѣло были рады, и принявъ, проводили его наши до его жилища, отдавая контравизитъ, и побывъ тамъ, сдѣлали изъ всего его владѣнія фейерверкъ для утѣхи имъ. Маршъ сей хотя не далекъ, только зѣло труденъ отъ безкормицы лошадямъ и великихъ жаровъ».

Сенаторы писали Петру изъ Москвы, что—«по случаю побѣдъ въ Персіи и за здравіе Петра Великаго, всерадостно пили». Но Петръ, желавшій взглянуть на завѣтный Востокъ, отъ котораго ждалъ обогащенія для своей Россіи, желавшій, какъ всегда, ознакомиться съ дѣломъ на мѣстѣ, не имѣлъ намѣренія долѣе участвовать въ походѣ: это не была Сѣверная война, которая,

по своей важности, могла извинять долгое отсутствіе государя изъ отечества. Занятіе безъ выстрѣла Тарокъ и Дербента подавало надежду, что и Баку послѣдуетъ ихъ примѣру, и лейтенантъ Лукинъ отправился на шнавѣ склонять жителей ея къ подданству; но затруднительность въ продовольствіи войска заставила пріостановить походъ. Надобно было выгрузить муку изъ 12-ти ластовыхъ судовъ; но передъ выгрузкою, ночью, всталъ жестокій сѣверный вѣтеръ, отъ котораго суда начали течь; до полудня выливали воду, наконецъ, потеряли силы, и оставалось одно средство — пуститься къ берегу и посадить суда на мель. Суда выгрузили, но мука подмокла и испортилось ея много. Ждали еще изъ Астрахани 30-ти судовъ, нагруженныхъ провіантомъ; но командовавшій ими капитанъ Вильбоа далъ знать, что онъ пришелъ въ Аграханскій заливъ, а далѣе идти боится, потому что суда въ плохомъ состояніи, и по открытому морю на нихъ плыть трудно. Петръ созвалъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено, что такъ какъ провіанта станетъ только на одинъ мѣсяцъ, то надобно, оставя въ Дербентѣ гарнизонъ, возвратиться въ Аграхань. Войска двинулись въ обратный походъ; въ Дербентѣ оставленъ былъ гарнизонъ подъ начальствомъ полковника Юнкера; потомъ на мѣстѣ, гдѣ рѣка Аграхань отдѣляется отъ рѣки Сулака, Петръ заложилъ новую крѣпость св. Креста; крѣпость эта должна была прикрывать русскія границы вмѣсто прежней Терской крѣпости, положеніе которой государь нашелъ очень неудобнымъ. Въ то время, когда полагалось основаніе новой крѣпости, атаманъ Краснощекій съ донцами и калмыками ударилъ, въ концѣ сентября, на утемышскаго султана Махмуда, который не переставалъ враждовать къ Россіи: Краснощекій разорилъ все, что̀ осталось отъ прежняго погрома или возникло вновь, много порубилъ непріятелей, взялъ въ плѣнъ 350 человѣкъ и захватилъ 11,000 шт. рогатаго скота, кромѣ другой добычи. У аграханскаго ретраншемента Петръ сѣлъ на суда и отплылъ въ Астрахань, куда прибылъ 4-го октября благополучно; но генералъ-адмиралъ, плывшій сзади, вытерпѣлъ четырехдневный страшный штурмъ. 6-го ноября, Петръ проводилъ отрядъ войска, отплывшій изъ Астрахани въ Гилянь подъ начальствомъ полковника Шипова, а 7-го числа отправился въ Москву, куда 13-го декабря имѣлъ торжественный въѣздъ.

Вмѣстѣ съ движеніемъ войскъ шли переговоры съ персидскимъ правительствомъ. Еще 25-го іюня, въ Астрахани, Петръ велѣлъ отправить слѣдующіе пункты русскому консулу въ Персіи, Семену Аврамову: «Предлагай шаху старому или новому, или кого сыщешь по силѣ кредитива, что мы идемъ къ Шемахѣ

не для войны съ Персіею, но для искорененія бунтовщиковъ, которые намъ обиду сдѣлали, и ежели имъ (т. е. персидскому правительству), при семъ крайнемъ ихъ разореніи, надобна помощь, то мы готовы имъ помогать и очистить отъ всѣхъ ихъ непріятелей, и паки утвердить постоянное владѣніе персидское, ежели они намъ уступятъ за то нѣкоторыя по Каспійскому морю лежащія провинціи, понеже вѣдаемъ, что ежели въ сей слабости останутся и сего предложенія не примутъ, то турки не оставятъ всею Персіею завладѣть, что̀ намъ противно, и не желаемъ не только имъ, но себѣ оною владѣть; однакоже, не имѣя съ ними (персіянами) обязательства, за нихъ вступиться не можемъ, но токмо по̀ морю лежащія земли отберемъ, ибо турокъ тутъ допустить не можемъ. Еще же сіе имъ предложи: ежели сіе вышеписанное не примутъ, какая имъ польза можетъ быть, когда турки вступятъ въ Персію? Тогда намъ крайняя нужда будетъ берегами по Каспійскому морю овладѣть, понеже турковъ тутъ допустить намъ невозможно, и такъ они, пожалѣя части, потеряютъ все государство».

Аврамовъ получилъ эти пункты, находясь въ Казбинѣ, и обратился къ наслѣднику шахову Тохмасу, съ предложеніемъ помощи, для чего долженъ быть отправленъ къ императору посолъ. О вознагражденіи за помощь Аврамовъ не сказалъ ничего, чтобы не встрѣтить препятствія дѣлу въ «замерзѣлой спѣси и гордости» персіянъ. Увидавъ при этомъ, что Тохмасъ человѣкъ молодой и непривычный къ дѣламъ, Аврамовъ вошелъ въ переговоры съ вельможами, предложилъ, чтобы отправленъ былъ посолъ съ полномочіемъ договариваться о вознагражденіи, если императоръ потребуетъ его за помощь. Персіяне согласились. Давая знать о результатѣ своихъ переговоровъ, Аврамовъ доносилъ, что персидское государство въ конецъ разоряется и пропадаетъ: Алимерданъ-ханъ, на котораго полагались всѣ надежды, измѣнилъ и ушелъ къ турецкой границѣ; афганцы безпрепятственно разоряли мѣста, оставшіяся за шахомъ; курды опустошали окрестности Тавриза; наслѣдникъ престола Тохмасъ не могъ набрать больше 400 человѣкъ войска. Измаилъ-Бекъ, назначенный посломъ въ Россію, со слезами говорилъ Аврамову: «Вѣра наша и законъ въ конецъ пропадаютъ, а у нашихъ господъ лжи и спѣси не умаляется».

Между тѣмъ, полковникъ Шиповъ, благодаря сильному сѣверному вѣтру, неожиданно скоро проплылъ пространство между устьями Волги и устьями Кура, въ концѣ ноября 1722 года вошелъ въ эту рѣку, и потомъ, въ качествѣ шахова союзника, занялъ большой городъ Рящъ, куда губернаторъ нѐхотя впустилъ

русское войско, не имѣя средствъ къ сопротивленію. «Опасаюсь я жителей Ряща, писалъ Шиповъ: слышно, что противъ насъ и войско собираютъ; лѣсу даютъ рубить на дрова съ великою нуждою и причитаютъ себѣ въ обиду:—У насъ-де съ лѣсу шаху подать даютъ, и мы-де васъ не звали. — Я обхожусь съ ними ласково и уговариваю какъ можно; но они намъ не ради и желаютъ насъ выжить. Всѣ богатые люди здѣсь въ великой конфузіи, не знаютъ, куда склониться, и ежели-бъ нашихъ людей было больше, то, надѣясь на нашу защиту, они бы къ намъ склонились; а нынѣ, видя насъ малолюдныхъ, очень боятся своихъ, чтобы за то ихъ не разорили». Ежедневно увеличивалось въ городѣ число вооруженныхъ персіянъ, и Шиповъ, узнавъ отъ грузинскихъ и армянскихъ купцовъ, что войска набралось уже 15,000, да пришли еще два сосѣднихъ губернатора, велѣлъ укрѣпить караванъ-сарай, гдѣ жилъ съ своимъ отрядомъ. Губернаторъ прислалъ спросить его, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ? Шиповъ отвѣчалъ: «Европейскія воинскія правила требуютъ такой предосторожности, хотя и нѣтъ никакой явной опасности». Въ концѣ февраля 1723 года, три губернатора, по шахову указу, прислали объявить Шипову, что они въ состояніи сами защищать себя отъ непріятелей, въ его помощи не нуждаются, а потому пусть онъ уходитъ. Шиповъ отвѣчалъ, что онъ присланъ императоромъ, безъ указу котораго назадъ не двинется; да еслибъ и хотѣлъ уйти, такъ не на чемъ: изъ судовъ, на которыхъ онъ приплылъ, два ушли въ Россію съ шаховымъ посланникомъ Измаилъ-Бекомъ, и потому ему нужно сначала перевести въ Дербентъ всѣ тягости, и когда суда возвратятся, ѣхать на нихъ съ войскомъ. Персіяне успокоились, думая, что Шиповъ сначала отошлетъ артиллерію, которой боялись больше всего. Суда, привезшія Шипова, дѣйствительно начали приготовляться къ отплытію, потому что начальствовавшій ими капитанъ-лейтенантъ Соймоновъ окончилъ возложенное на него порученіе, описавъ мѣста при устьѣ Кура. 17-го марта, Соймоновъ, оставивши три судна въ устьяхъ Кура, съ остальными вышелъ въ море, но не взялъ съ собою ни одной пушки. Узнавши объ этомъ, персіяне начали опять приступать къ Шипову, чтобъ вышелъ изъ Ряща; но полковникъ не двигался; персіяне начали обстрѣливать караванъ-сарай, убили одного офицера; Шиповъ молчалъ и дожидался ночи: когда стемнѣло, онъ велѣлъ одной гренадерской ротѣ выйти изъ караванъ-сарая въ поле и, обошедъ кругомъ, напасть на непріятеля съ тыла, а двумъ остальнымъ ротамъ велѣлъ выступить изъ переднихъ воротъ и напасть на персіянъ въ лицо. Непріятель, увидѣвши, что на

него нападаютъ съ двухъ сторонъ, совершенно потерялъ духъ и бросился бѣжать; русскіе преслѣдовали бѣгущихъ по всѣмъ улицамъ города и порубили больше тысячи человѣкъ. Также удачно сто человѣкъ русскихъ отразили 5,000 персіянъ, напавшихъ на три судна, оставленныя Соймоновымъ.

Когда, такимъ образомъ, Шиповъ удержался въ Рящѣ, въ іюлѣ 1723 года генералъ-маіоръ Матюшкинъ приплылъ съ четырьмя полками изъ Астрахани въ Баку и послалъ сказать начальствовавшему въ городѣ султану, что явился взять городъ въ защиту отъ бунтовщиковъ и прислалъ письмо отъ персидскаго посланника Измаилъ-Бека, который писалъ о томъ же. Изъ Баку отвѣчали, что жители города, вѣрные подданные шаха, четыре года умѣли отбиваться отъ бунтовщика Дауда и не нуждаются ни въ какой помощи и защитѣ. Матюшкинъ высадилъ войско, прогналъ персіянъ, хотѣвшихъ помѣшать высадкѣ и началъ приготовляться къ приступу, но бакинцы поспѣшили сдать городъ. Оставивши въ Баку комендантомъ бригадира князя Барятинскаго, Матюшкинъ отплылъ назадъ въ Астрахань. Петръ очень обрадовался взятію Баку и написалъ Матюшкину: «Письмо ваше я получилъ съ великимъ довольствомъ, что вы Баку получили (ибо не безъ сомнѣнія отъ турковъ было), за которые ваши труды вамъ и всѣмъ при васъ въ ономъ дѣлѣ трудившимся благодарствуемъ и повышаемъ васъ чиномъ генералъ-лейтенанта. Не малое и у насъ бомбардированіе того вечера было, когда сія вѣдомость получена».

17-го сентября, Петръ писалъ новому генералъ-лейтенанту: «Поздравляю со всѣми провинціями, по берегу Каспійскаго моря лежащими, понеже посолъ персидскій оныя уступилъ». Договоръ былъ подписанъ въ Петербургѣ 12-го сентября 1723 года, и состоялъ въ слѣдующихъ главныхъ статьяхъ: «1) его императорское величество всероссійское обѣщаетъ его шахову величеству Тохмасибу добрую и постоянную свою дружбу и высокомонаршеское свое сильное вспоможеніе противъ всѣхъ его бунтовщиковъ, и для усмиренія оныхъ и содержанія его шахова величества на персидскомъ престолѣ изволитъ, какъ скоро токмо возможно, потребное число войскъ въ персидское государство послать, и противъ тѣхъ бунтовщиковъ дѣйствовать, и все возможное учинить, дабы оныхъ ниспровергнуть, и его шахово величество при спокойномъ владѣніи персидскаго государства оставить. 2) А насупротивъ того его шахово величество уступаетъ его императорскому величеству всероссійскому въ вѣчное владѣніе городы Дербентъ, Баку со всѣми къ нимъ принадлежащими и по Каспійскому морю лежащими землями и мѣстами, такожде

и провинціи: Гилянь, Мазандерань и Астрабатъ, дабы оными содержать войско, которое его императорское величество къ его шахову величеству противъ его бунтовщиковъ въ помочь посылаетъ, не требуя за то денегъ.»

Петръ уже хозяйничалъ въ уступленныхъ областяхъ; въ маѣ 1724 года написалъ пункты Матюшкину:

«1) Крѣпость св. Креста додѣлать по указу; 2) въ Дербентѣ цитадель сдѣлать къ морю и гавань дѣлать; 3) Гилянь уже овладѣли, надлежитъ Мазандераномъ также овладѣть и укрѣпить; а въ Астрабатской пристани ежели нужно сдѣлать крѣпость, для того работныхъ людей, которые опредѣлены на Куру, употребить въ вышеписанныя дѣла; 4) Баку укрѣпить; 5) о Курѣ развѣдать, до которыхъ мѣстъ можно судами мелкими идти, чтобъ подлинно вѣрно было; 6) сахаръ освидѣтельствовать и прислать нѣсколько, также и фруктовъ сухихъ; 7) о мѣди также подлинное свидѣтельство учинить, для того взять человѣка, который пробы умѣетъ дѣлать; 8) бѣлой нефти выслать тысячу пудовъ или сколько возможно; 9) цитроны, сваря въ сахарѣ, прислать: однимъ словомъ, какъ владѣніе, такъ сборы всякіе денежные и всякую экономію въ полное состояніе привесть. Стараться всячески, чтобы армянъ призывать и другихъ христіанъ, если есть, въ Гилянь и Мазандеранъ, и ожилять (поселять), а басурманъ зѣло тихимъ образомъ, чтобъ не узнали, сколько возможно, убавлять, а именно турецкаго закона (суннитовъ). Также когда осмотрится, далъ бы знать, сколько возможно тамъ русской націи на первый разъ поселить. О Курѣ подлиннаго извѣстія не имѣемъ: иные говорятъ, что пороги, а нынѣ пріѣзжалъ грузинецъ, сказываетъ, что отъ самой Ганжи до моря пороговъ нѣтъ, но выше Ганжи пороги; объ этомъ, какъ о главномъ дѣлѣ, надлежитъ освѣдомиться, и кажется лучше нельзя, какъ посылкою для какого нибудь дѣла въ Тифлисъ къ пашѣ. Сіе писано, не зная тѣхъ сторонъ; для того дается на ваше разсужденіе: что лучше—то дѣлайте, только чтобъ сіи уступленныя провинціи, особливо Гилянь и Мазандеранъ, въ полное владѣніе и безопасность приведены были».

Но «уступленныя провинціи» были уступлены только на бумагѣ, въ Петербургѣ. Для ратификаціи договора, заключеннаго Измаилъ-Беемъ, отправились въ Персію Преображенскаго полка унтеръ-лейтенантъ князь Борисъ Мещерскій и секретарь Аврамовъ. Въ апрѣлѣ 1724 года, въѣхали они въ персидскія владѣнія, и встрѣча была дурная, на нихъ напала вооруженная толпа; къ счастію, выстрѣлы ея никому не повредили. Когда Мещерскій жаловался на такую встрѣчу, ему отвѣчали: «Ребята играли;

не изволь гнѣваться, мы ихъ сыщемъ и жестоко накажемъ». Шахъ принялъ Мещерскаго съ обычною церемоніею, но этимъ все дѣло и кончилось: посланникъ не могъ добиться никакого отвѣта и принужденъ былъ уѣхать ни съ чѣмъ; на возвратномъ пути въ горахъ подвергся непріятельскому нападенію; было узнано, что персидское правительство хотѣло именно погубить Мещерскаго и дѣйствовало по внушеніямъ шевкала Тарковскаго, который доносилъ о слабости русскихъ въ занятыхъ ими провинціяхъ. По возвращеніи Мещерскаго, императорскіе министры подали мнѣніе, чтобъ Матюшкинъ написалъ шаху или его первому министру съ представленіями, что между Россіею и Турціею заключенъ договоръ на счетъ персидскихъ дѣлъ; что Персія можетъ спастись единственно принятіемъ этого договора и погибнетъ, если вооружитъ противъ себя соединенныя силы такихъ могущественныхъ государствъ. Министры считали необходимымъ увеличить число регулярнаго войска въ ново-занятыхъ областяхъ, чтобъ, съ одной стороны, распространить русскія владѣнія и военными дѣйствіями устрашить персіянъ, а съ другой—удерживать турокъ. 11 октября, въ Шлюссельбургѣ подано было Петру мнѣніе министровъ, и онъ далъ такую резолюцію: «Нынѣ посылать къ шаху непотребно, потому что теперь отъ него никакого полезнаго отвѣта быть не можетъ; пожалуй, объявятъ и то, что они договоръ подтвердятъ, и потребуютъ помощи не только противъ афганцевъ, но и противъ турокъ: тогда хуже будетъ. Надобно стараться, чтобъ грузины, которые при шахѣ, какъ нибудь его увезли, или, по крайней мѣрѣ, сами отъ него уѣхали; для того писать къ Вахтангу и устроивать это дѣло чрезъ его посредство. Писать къ генералъ-маіору Кропотову, чтобы онъ искуснымъ и пристойнымъ способомъ старался поймать шевкала за его противные поступки». Относительно умноженія русскихъ войскъ императоръ объявилъ, что развѣ прибавитъ нерегулярныхъ полковъ, о пропитаніи которыхъ пусть подумаютъ министры».

Лучшимъ средствомъ для закрѣпленія занятыхъ провинцій за Россіею, Петръ считалъ усиленіе въ немъ христіанскаго народонаселенія и уменьшеніе магометанскаго. Мы видѣли, что императоръ прямо указывалъ на армянъ. Въ XVII вѣкѣ, между этимъ народомъ и Россіею происходили сношенія по дѣламъ чисто торговымъ; съ начала XVIII вѣка пошли сношенія другого рода. Въ концѣ іюня 1701 года, въ Смоленскъ изъ-за литовскаго рубежа явились три иностранца; одинъ назывался Израиль Орія, другой Оруховичъ, третій былъ римскій ксендзъ. Представленный боярину Головину, Орія объявилъ себя армя-

ниномъ знатнаго происхожденія, разсказалъ, что онъ уже 20 лѣтъ живетъ въ западной Европѣ, и теперь, снесшись съ армянскими старшинами, находящимися въ Персіи, составилъ планъ освободить своихъ соотечественниковъ отъ тяжкаго ига персидскаго; императоръ и курфирстъ баварскій охотно соглашаются помогать этому дѣлу, но признаютъ необходимымъ содѣйствіе царя русскаго.

«Наши начальные люди — говорилъ Орія — будутъ употреблять всѣ свои силы, чтобъ поддаться великому царю московскому; больше пятнадцати или двадцати тысячъ человѣкъ войска намъ не надобно, потому что у невѣрныхъ нѣтъ войска въ Великой Арменіи, есть пять губернаторовъ, каждый живетъ въ неукрѣпленномъ городѣ съ отрядомъ въ полтораста человѣкъ, и какъ скоро наши начальные люди услышатъ о приближеніи русскихъ войскъ, то въ 24 часа выгонятъ невѣрныхъ и въ 15 дней овладѣютъ всею землею. Грузины желаютъ того же самаго для себя. Содержаніе царскимъ войскамъ будутъ доставлять наши начальные люди; у меня бѣлый листъ за десятью печатями: о чемъ ни договорюсь съ царскимъ величествомъ, все будетъ исполнено». Видя, что царь занятъ шведскою войною и не можетъ отдѣлить значительную часть войскъ своихъ для освобожденія армянъ, Орія подалъ предложеніе, чтобъ послано было 25,000 войска, составленнаго изъ казаковъ и черкесовъ: такъ какъ тѣ и другіе живутъ на границѣ, то походъ будетъ безподозрителенъ и безъ слуха; на знаменахъ войсковыхъ должно быть изображено съ одной стороны распятіе, а съ другой—царскій гербъ; войско должно идти на Шемаху, потому что это городъ большой, торговый, но не укрѣпленъ, населенъ армянами и занять его будетъ легко, а Шемаха—ключъ къ армянской землѣ. Армянскіе начальные люди съ войскомъ своимъ соберутся въ городѣ Нахичевани и, взявши царскія знамена, пойдутъ на непріятелей. Городъ Эривань взять легко, потому что тамъ живетъ много армянъ; пороховая казна и другіе военные припасы въ рукахъ армянскихъ. А когда войско овладѣетъ Тавризомъ, городомъ богатѣйшимъ, то можетъ пустить загоны на всѣ четыре стороны и великую добычу получить, потому что села богатыя. Извѣстно, какъ Стенька Разинъ съ 3,000 казаковъ овладѣлъ Гилянью и держалъ ее много лѣтъ, шахъ ничего не могъ ему сдѣлать; и теперь казаки пойдутъ въ этотъ походъ охотно, потому что добыча имъ будетъ громадная. Въ армянской странѣ 17 провинцій, съ которыхъ соберется 116,000 человѣкъ войска, да грузинскаго войска соберется съ 30,000; турецкіе армяне придутъ на помощь персидскимъ, и разумъ не

можетъ обнять, сколько богатства у всѣхъ армянъ тамошнихъ; а шахъ персидскій не можетъ собрать больше 38,000 человѣкъ, а какъ лишится армянъ и грузинъ, то не останется у него и 20,000, и тѣ заняты войною съ бухарцами. Теперь самое удобное время воевать персовъ, потому что они не готовы, и всѣ христіане на нихъ возстали по причинѣ великаго гоненія.

Орія написалъ письмо самому государю: «Безъ сомнѣнія, вашему царскому величеству извѣстно, что въ армянской землѣ въ старину былъ король и князья христіанскіе, а потомъ отъ несогласія своего пришли подъ иго невѣрныхъ. Больше 250 лѣтъ стонемъ мы подъ этимъ игомъ; и какъ сыны Адамовы ожидали пришествія Мессіи, который бы избавилъ ихъ отъ вѣчной смерти, такъ убогій нашъ народъ жилъ и живетъ надеждою на помощь отъ вашего царскаго величества. Есть пророчество, что въ послѣднія времена невѣрные разсвирѣпѣютъ и будутъ принуждать христіанъ къ принятію своего прескверпаго закона: тогда придетъ, изъ августѣйшаго московскаго дома, великій государь, превосходящій храбростію Александра Македонскаго; онъ возьметъ царство армянское и христіанъ избавитъ. Мы видимъ, что исполненіе этого пророчества приближается».

Такъ какъ Орія называлъ себя посланцемъ курфирста баварскаго, принимавшаго такое живое участіе въ судьбѣ армянъ, то ему отвѣчали, что царское величество, будучи занятъ шведскою войною, не можетъ отправить значительнаго войска въ Персію, но пусть курфирстъ пришлетъ на помощь свое войско съ добрыми инженерами, офицерами и со всякими воинскими припасами; а въ Персію государь пошлетъ, подъ видомъ купца, вѣрнаго человѣка для подлиннаго увѣренія и разсмотрѣнія тамошнихъ мѣстъ. Орія отвѣчалъ, что русскій человѣкъ ничего тамъ не провѣдаетъ; лучше послать гонца, съ которымъ поѣдетъ онъ самъ и повезетъ царскую обнадеживательную грамату къ армянскимъ старшинамъ, что они будутъ приняты подъ русскую державу со всякими вольностями, особенно съ сохраненіемъ вѣры; такую же обнадеживательную грамату надобно послать и къ грузинамъ, и пусть ее напишетъ находящійся въ Россіи имеретинскій Арчилъ Вахтанговичъ. Обнадеживательную грамату армянамъ послать прилично, потому что подобныя же граматы уже отправлены имъ отъ цесаря и курфирста баварскаго.

На этомъ остановилось дѣло въ 1701 году; весною 1702 года, Оріи было объявлено, что царское величество принимаетъ его предложеніе благопріятно, начать и совершить предпріятіе не отрицается, только не теперь, потому что теперь идетъ война шведская и начинать другую войну трудно; а когда шведская война

кончится, то освобожденіе армянъ будетъ предпринято непремѣнно. Это объявляется Оріи и товарищу его словесно, а они могутъ обнадежить старшинъ своего народа письменно. Осенью 1703 года, Орія поднесъ Петру карту Арменіи: «Изъ этого чертежа, писалъ онъ, можно видѣть, что во всемъ государствѣ нѣтъ другой крѣпости, кромѣ Эривани. Богъ да поможетъ войскамъ вашимъ завоевать ее, и тогда всю Арменію и Грузію покорите; въ Анатоліи много грековъ и армянъ: тогда увидятъ турки, что это прямой путь въ Константинополь. Я здѣсь ничего не дѣлаю, и потому прошу отпустить меня къ цесарю и курфирсту освѣдомиться, какую помощь они могутъ подать; прошу также дать мнѣ чинъ полковника карабинернаго, чтобъ тамъ удобнѣе могъ я набрать всякихъ оружейныхъ художниковъ». Просьба была исполнена. Въ 1707 году, полковникъ Орія, возвратившись изъ западной поѣздки, отправленъ былъ въ Персію подъ видомъ папскаго посланника, но умеръ на возвратномъ пути въ Астрахани.

Въ Россіи остался товарищъ Оріи, архимандритъ Минасъ Вартапетъ. Въ ноябрѣ 1714 года, онъ подалъ предложеніе: «Израиль Орія, въ бытность свою въ Персіи, склонилъ армянскаго патріарха и нѣсколько армянскихъ духовныхъ ѣхать съ собою въ Москву; но когда онъ умеръ въ Астрахани, то патріархъ и всѣ другіе духовные возвратились назадъ. Я нашелъ слѣдующій удобный способъ привести армянъ подъ покровительство Россіи: на Каспійскомъ морѣ есть удобная пристань, называемая Низовая, между двухъ рѣкъ; значительныхъ поселеній тутъ нѣтъ, только много деревень; для того, чтобъ царскимъ войскамъ можно было безопасно тутъ пристать, пусть государь пошлетъ грамату къ шаху, чтобъ позволено было построить здѣсь армянскій монастырь, а строятся обыкновенно эти монастыри обширно и могутъ замѣнять крѣпости; и на построеніе этого монастыря изволилъ бы царское величество помочь деньгами. Для отвлеченія подозрѣнія отъ меня, государь благоволитъ приказать построить армянскую церковь въ Петербургѣ: тогда будетъ ясно, что я занимаюсь только построеніемъ церквей».

Въ началѣ 1716 года, Вартапетъ отправился въ Персію и повезъ письмо отъ Шафирова къ Волынскому такого содержанія: «Въ данной вамъ инструкціи помянуто, что, будучи въ Персіи, навѣдаться о народѣ армянскомъ, какъ онъ тамъ многолюденъ и силенъ, и склоненъ ли къ сторонѣ царскаго величества; теперь для того же ѣдетъ изъ Москвы въ Персію извѣстный вамъ Минасъ Вартапетъ будто для отысканія пожитковъ, оставшихся послѣ умершаго Израиля Оріи: оказывайте ему нужную помощь, только не возбудите подозрѣнія». Варта-

петъ возвратился въ архіепископскомъ чинѣ и привезъ грамату отъ армянскаго патріарха Исаіи, живущаго въ монастырѣ Канзасарѣ. Въ граматѣ говорилось: «Когда ваше величество свои воинскія дѣла начать изволите, тогда прикажите насъ напередъ увѣдомить, чтобъ я съ моими вѣрными людьми, по возможности и по требованію вашему, могъ служить и приготовиться». Что же касается главнаго патріарха, живущаго въ Эчміадзинѣ, тотъ на словахъ обѣщалъ служить вѣрно, но письмо далъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что Вартапетъ у него былъ и говорилъ съ нимъ о дѣлахъ, которыя приняты любительно и пріятно. Эчміадзинскій патріархъ объявилъ, что онъ не можетъ обязаться вѣрностію царю, опасаясь персіянъ и нѣкоторыхъ армянъ. Въ 1718 году, Вартапетъ подалъ пункты, въ которыхъ просилъ, отъ имени всѣхъ армянъ, освободить ихъ отъ басурманскаго ига и принять въ русское подданство; объявлялъ, что теперь время приниматься за это дѣло, потому что варвары бѣдствуютъ извнѣ и внутри; что этому дѣлу много доброжелателей, но есть и противники, между прочими и епископъ армянскій, находящійся въ Казани; изъ всего видно, что онъ и пріѣхалъ въ Россію для провѣдыванія, и если возвратится въ Персію, то всѣ вѣрные пропадутъ, и патріарху можетъ грозить смерть: поэтому епископа и слугу его надобно посадить въ монастырь, держать честно, но не позволять ни съ кѣмъ имѣть сношенія.

Неизвѣстно, какъ было поступлено съ епископомъ; но извѣстно, что, въ началѣ 1722 года, посажены были по монастырямъ священникъ армянскій Араратскій и армянинъ Адамъ Павловъ, которому священникъ открылъ тайну сношеній русскаго двора съ армянами, а священнику открылъ эту тайну Вартапетъ. Считая виновникомъ своей бѣды Вартапета, Араратскій подалъ императору просьбу, въ которой указывалъ, что Вартапетъ—католикъ, ограбилъ армянскую церковь въ Москвѣ и подговаривалъ его, Араратскаго, чтобъ онъ всѣхъ армянъ обращалъ въ католицизмъ; когда русскія дѣвушки выходили за армянъ замужъ, то Вартапетъ вѣнчалъ ихъ по католическому обряду. Этотъ доносъ, какъ видно, не повредилъ Вартапету, и въ концѣ года тифлисскій армянскій епископъ писалъ ему, что сто тысячъ вооруженныхъ армянъ готовы пасть къ стопамъ императорскимъ, и чтобъ русскія войска спѣшили въ Шемаху; если же до марта 1723 года не будутъ, то армяне пропадутъ отъ лезгинъ. По прошествіи означеннаго срока, уже патріархъ армянскій Нерсесъ обратился прямо къ императору съ просьбою о заступленіи, «какъ пророкъ Моисей освободилъ Израиля отъ рукъ Фараоно-

выхъ». Вслѣдствіе этой просьбы отправлена была «императорская милость и поздравленіе честному народу армянскому, обрѣтающемуся въ Персіи». Въ граматѣ объявлялось, что армяне могутъ безпрепятственно пріѣзжать въ Россію для торговли; повезъ ее армянинъ Иванъ Карапетъ, которому велѣно было обнадежить армянскій народъ императорскою милостью, увѣрить въ готовности государя принять ихъ подъ свое покровительство и освободить изъ подъ ига невѣрныхъ; но прежде всего русскимъ нужно утвердиться на Каспійскомъ морѣ, овладѣвъ прибрежными мѣстами, и потому пусть армяне подождутъ короткое время; если же главнымъ армянамъ нельзя оставаться въ ихъ странѣ, то пусть переѣзжаютъ въ города, занятые русскими войсками, а народъ останется въ своихъ жилищахъ и поживетъ спокойно, пока русскія войска приготовятся къ его освобожденію.

Въ началѣ 1724 года, Карапетовъ пріѣхалъ въ монастырь Канзасаръ къ патріарху Исаіи, около котораго собралось 12,000 армянскаго войска. Восемь дней праздновали армяне, узнавши, что русскій государь принимаетъ ихъ подъ свое покровительство, и объявили, что если императорское величество не изволитъ прислать къ нимъ войско на помощь, то они просятъ, чтобъ позволено было имъ поселиться у Каспійскаго моря, въ Гиляни, Сальянѣ при Баку и Дербентѣ, потому что они подъ игомъ басурманскимъ болѣе быть не хотятъ, хотя и персы и турки зовутъ ихъ къ себѣ. Въ одной карабахской провинціи армянъ будетъ со 100,000 дворовъ, а въ другой провинціи Капанъ еще болѣе армянъ, и всѣ они одинаково хотятъ быть подъ покровительствомъ Россіи. Въ октябрѣ того же 1724 года, два патріарха, Исаія и Нерсесъ, прислали Петру новую грамату: «О всѣхъ нашихъ нуждахъ черезъ четыре или пять писемъ мы вашему величеству доносили, но ни на одно отвѣта не получили; находимся въ безнадежности, какъ будто мы вашимъ величествомъ забыты, потому что три или четыре уже года живемъ въ распущенности, какъ овцы безъ пастыря. До сихъ поръ, имѣя непріятелей съ четырехъ сторонъ, по возможности оборонялись; но теперь пришло множество турецкаго войска и много персидскихъ городовъ побрало; просимъ съ великими слезами помочь намъ какъ можно скорѣе, иначе турки въ три мѣсяца все возьмутъ и христіанъ погубятъ.

Петръ не получилъ уже этой граматы; но онъ и безъ армянской просьбы всего болѣе опасался турокъ; мы видѣли, что онъ приказывалъ населять новозанятыя области армянами и удалять магометанъ турецкаго закона. Интересы Россіи и Турціи необ-

ходимо сталкивались по отношенію къ Персіи; Петръ спѣшилъ занять прикаспійскія области Персіи также и потому, чтобъ не дать утвердиться здѣсь туркамъ; если христіанское народонаселеніе Персіи, армяне, грузины прибѣгали подъ покровительство русскаго императора, то магометанское народонаселеніе Закавказья, особенно лезгинцы, овладѣвши Шемахою, изъ боязни предъ русскими, должны были отдаться подъ покровительство султана. Въ 1722 году, въ то время, когда Петръ готовился въ Москвѣ къ походу персидскому, русскій резидентъ въ Константинополѣ, Неплюевъ, давалъ ему знать, что лезгинцы, провозглашая себя настоящими мусульманами, одного съ турками закона, прислали просить покровительство султана; признавая его своимъ верховнымъ государемъ, они объявили, что въ знакъ подданства уже чеканятъ монету съ именемъ султана Ахмета и каждую пятницу молятся за него въ мечетяхъ, и требовали, чтобъ Порта немедленно отправила къ нимъ пашу для управленія. Порта содержала это дѣло въ большой тайнѣ, потому что въ тоже время находился въ Константинополѣ и персидскій посолъ; съ другой стороны, она заботливо озиралась на Россію, и зная, что, при взятіи Шемахи, лезгинцы враждебно поступили съ русскими, довѣдывалась у нихъ, какъ было дѣло. Лезгинцы, разумѣется, оправдывали себя, разсказывали, что русскимъ купцамъ было велѣно собираться въ одно мѣсто со всѣми своими пожитками, и если бы они такъ сдѣлали, то не потерпѣли бы ни малѣйшаго вреда; но они, увлекшись корыстолюбіемъ, стали брать почти у всѣхъ шемахинцевъ дорогія вещи на сохраненіе, что было имъ именно запрещено; тогда войско, видя себя лишеннымъ добычи, и узнавъ, что все лучшее спрятано у русскихъ, бросилось на нихъ, побило и ограбило. Порта дала такой отвѣтъ лезгинскимъ посланнымъ, что султанъ не подастъ противъ нихъ помощи шаху, но принять ихъ въ покровительство хотя и желаетъ, но не можетъ, ибо это будетъ подозрительно и Персіи и Россіи, которая раздражена погромомъ купцовъ своихъ въ Шемахѣ.

21 апрѣля, Неплюевъ былъ у визиря и объявилъ ему, что персидскіе бунтовщики побили въ Шемахѣ русскихъ купцовъ и разграбили ихъ товары, за что императоръ требуетъ отъ шаха удовлетворенія, а бунтовщики, какъ говорятъ, боясь мести со стороны Россіи, обратились къ Портѣ съ просьбою о покровительствѣ. Визирь отвѣчалъ, что дѣйствительно были у нихъ какіе-то люди съ устною просьбою о покровительствѣ, обѣщаясь быть въ зависимости отъ Порты, подобно крымскому хану, но что Порта потребовала отъ нихъ письменнаго заявленія ихъ желаній. «Мы знаемъ, продолжалъ визирь, что эти бунтовщики

не малую сдѣлали обиду русскимъ купцамъ, потому, если и письменно будутъ просить у насъ покровительства, то мы ихъ защищать не будемъ, пока вашъ государь не получитъ полнаго удовлетворенія». Французскій посолъ говорилъ Неплюеву, что если русскіе ограничатся только прикаспійскими провинціями, а не будутъ со стороны Арменіи и Грузіи приближаться къ турецкимъ границамъ, то Порта останется равнодушною, а, быть можетъ, что нибудь и себѣ возьметъ со стороны Вавилона. Неплюевъ отвѣчалъ, что его императоръ не желаетъ разрушенія персидскаго государства и другихъ къ тому не допуститъ. Французъ замѣтилъ на это: «Такъ всегда говорятъ въ началѣ; а я говорю, какъ добрый другъ, что ни вы туркамъ, ни турки вамъ воспрепятствовать не могутъ; но лучше къ турецкимъ границамъ не приближаться, а преслѣдовать свою цѣль и поскорѣй овладѣть прикаспійскими областями. Донесите вашему государю, чтобъ онъ письменно не заявлялъ Портѣ, что не хочетъ никакихъ завоеваній въ Персіи, да и сами вы здѣсь на словахъ отходите, потому что ныньче обяжетесь на письмѣ, а завтра явятся такія обстоятельства, которыя заставятъ совершенно иначе дѣйствовать».

Скоро Неплюевъ долженъ былъ сообщить своему двору тревожное извѣстіе: шахъ, стѣсненный Магометомъ Мирвенсомъ, прислалъ въ Константинополь съ просьбою о помощи; но въ Диванѣ рѣшили, что нельзя подавать помощи шіиту противъ суннита Магомета, а надобно объявить послѣднему, что Порта не будетъ препятствовать ему овладѣть Персіею, если онъ признаетъ зависимость свою отъ султана. Съ другой стороны, англійскій посолъ внушалъ визирю, что Россія хочетъ объявить войну Даніи и сближается съ Вѣнскимъ дворомъ, что русскій императоръ хочетъ женить своего внука, великаго князя Петра, на племянницѣ цесаря; но, если эти двѣ сильныя имперіи соединятся, то будетъ дурно и Англіи и Портѣ; кромѣ того, посолъ англійскій, венеціанскій и резидентъ австрійскій разглашали, что русскій государь вступилъ въ Персію со 100,000 войска, а когда возьметъ провинціи Ширванскую, Эриванскую и часть Грузіи, тогда турецкіе подданные, грузины и армяне сами вступятъ подъ русское покровительство, а оттуда близко и къ Трапезунту, отчего, современемъ, можетъ быть турецкой имперіи крайнее разореніе. Французскій посолъ далъ знать, что жители той области, гдѣ главный городъ Тифлисъ, просили помощи у турокъ, и эрзерумскому пашѣ велѣно защищать ихъ, занять подъ этимъ предлогомъ Тифлисъ, а съ другой стороны Эривань. Неплюевъ писалъ: «По моему мнѣнію, весьма нужно для персид-

скихъ дѣлъ посла французскаго наградить; а мнѣ очень трудно отъ внушеній другихъ министровъ: внушаютъ Портѣ, что русскій государь уменъ и турокъ обманываетъ миромъ; теперь возьметъ персидскія провинціи, и если султанъ не воспрепятствуетъ ему въ этомъ оружіемъ, то онъ съ той стороны нападетъ на Турцію».

Когда вниманіе всѣхъ было поглощено персидскими дѣлами, пріѣхалъ польскій интернунцій со своимъ страхомъ предъ раздѣломъ: «Король и республика прислали меня сюда — говорилъ онъ визирю, узнавъ, что между Россіею и Портою заключенъ тайный союзъ: — обѣ державы согласились овладѣть Польшею и раздѣлить ее пополамъ, и я присланъ къ Портѣ увѣдомиться объ этомъ». Визирь отвѣчалъ: «У насъ намѣренія такого и договора съ государемъ русскимъ не бывало; напротивъ, въ договорѣ нашемъ съ Россіею утверждено охранять вольность республики и никому не вступать съ войскомъ въ ея предѣлы, кромѣ тѣхъ случаевъ, если вы сами введете чужія войска въ свою землю, или пожелаете корону сдѣлать наслѣдственною». Въ августѣ мѣсяцѣ, секретарь рейсъ-еффенди сообщилъ по секрету переводчику русскаго посольства Мальцеву, что если императоръ не будетъ распространять своихъ завоеваній въ Персіи далѣе Шемахи, которою имѣетъ право овладѣть, за причиненныя здѣсь лезгинцами обиды русскимъ купцамъ, то Порта этому не воспрепятствуетъ, хотя ей и будетъ непріятно; но если русскій государь, по взятіи Шемахи, вознамѣрится взять подъ свою державу имеретинцевъ и грузинъ, то этого Порта никакъ позволить не можетъ, ибо она хочетъ присоединить грузинъ, находящихся подъ персидскимъ владычествомъ, къ тѣмъ, которые уже находятся подъ ея властію, потому что, если персидскіе грузины отойдутъ къ Россіи, то, въ случаѣ разрыва ея съ Портою, и турецкіе грузины отойдутъ къ ней же. Порта будетъ дожидаться, что̀ произойдетъ нынѣшнимъ лѣтомъ, ибо ей со всѣхъ сторонъ внушаютъ, что русскія войска будутъ имѣть большіе успѣхи въ Персіи, и это, современемъ, будетъ опасно для Турціи. Чрезъ нѣсколько времени «другой другъ» сообщилъ въ посольство, что Портѣ извѣстно о пребываніи русскаго войска въ Дагестанѣ и о построеніи новой крѣпости, извѣстно и о томъ, что нѣкоторые народы склоняются къ Россіи, и именно грузины и черкесы, что̀ подаетъ явную причину къ разрыву между Россіею и Турціею. Порта не препятствовала вступленію русскаго войска въ персидскія владѣнія, думая, что государь русскій хочетъ только принудить лезгинцевъ къ уплатѣ вознагражденія за убытки, а не намѣ-

ренъ овладѣть областями. Визирь пригласилъ къ себѣ Неплюева, при немъ вынулъ изъ мѣшка донесенія крымскаго хана, азовскаго паши и лезгинцевъ, и началъ говорить:

— Вашъ государь, преслѣдуя своихъ непріятелей, вступаетъ въ области, зависящія отъ Порты: это развѣ не нарушеніе вѣчнаго мира? Если бы мы начали войну со шведами и пошли ихъ искать чрезъ ваши земли, то чтобы вы сказали? И къ лезгинцамъ по такому малому дѣлу не слѣдовало твоему государю собственною особою съ великими войсками идти, могъ бы удовлетвореніе получить и чрезъ наше посредство. Мы видимъ, что государь вашъ сорокъ лѣтъ своего управленія проводитъ въ постоянной войнѣ: хотя бы на малое время успокоился и далъ покой и друзьямъ своимъ; а если желаетъ онъ нарушить съ нами дружбу, то могъ бы и явно объявить намъ войну; мы, слава Богу, въ состояніи отпоръ сдѣлать.

— Не могу вѣрить, отвѣчалъ Неплюевъ, чтобъ государь мой вступилъ въ предѣлы Оттоманской имперіи; что же касается лезгинцевъ, то государь мой заблаговременно далъ знать султану о движеніи своихъ войскъ противъ нихъ, потому что получить удовлетвореніе можно только оружіемъ: шахъ доставить удовлетвореніе не въ силахъ.

Визирь увернулся въ сторону, объявилъ, что большія обиды турецкимъ подданнымъ отъ казаковъ, особенно отъ старшины ихъ Ивана Хромаго, и Порта имѣетъ право требовать за это удовлетвореніе. Разговоръ, начавшійся жесткими словами, кончился очень дружелюбно. Неплюевъ увѣрялъ, что дружба между обѣими высокими имперіями, какъ храмина, построенная на камнѣ, которой вѣтры не поколеблютъ; а визирь объявилъ, что Порта желаетъ заключить съ Россіею оборонительный и наступательный союзъ, безъ всякихъ исключеній: «Этимъ союзомъ — говорилъ визирь — будемъ страшны всѣму свѣту; цесарь римскій съ Польшею и Венеціею въ союзѣ, и объ этомъ дали намъ знать для показанія силы своей стороны; и хотя мы турки съ русскими разной вѣры, но это не препятствіе, потому что вѣра относится къ будущей жизни, а на этомъ свѣтѣ союзы заключаются не по вѣрѣ, а по государственному интересу».

Чрезъ нѣсколько времени отъ Порты дано знать Неплюеву, что грузины, подданные персидскіе, имѣющіе столицею Тифлисъ, взбунтовались противъ персидскаго шаха и дѣлаютъ набѣги на подданныхъ Порты: поэтому рѣшено въ Диванѣ, чтобъ эрзерумскій паша съ 50,000 войска вступилъ въ персидскую Грузію, и сдержалъ ея жителей; Порта дѣлаетъ это, охраняя себя и вмѣсто шаха персидскаго, а не для того, чтобъ овладѣть Грузіею.

«Видя здѣшнія замѣшательства — писалъ Неплюевъ — я обѣщалъ визирскому кегаѣ и рейсъ-еффенди по тысячѣ червонныхъ, чтобъ они постарались сохранить дружбу, пока Порта получитъ отвѣтъ вашего величества черезъ своего посланнаго, къ вамъ отправленнаго. Турецкія дѣла и слова непостоянны: можетъ произойти бунтъ, или визирь перемѣнится, или къ татарамъ склонится, или татары самовольно нападутъ на русскіе предѣлы, и отъ подобнаго случая можетъ произойти ссора; поэтому соизвольте на границахъ остерегаться и приготовляться къ войнѣ. Порта принимаетъ въ свое подданство Даудъ-Хана, и хочетъ сначала овладѣть персидскою Грузіею, а потомъ вытѣснить русскія войска изъ Дагестана. Разсуждаютъ здѣсь какъ знатные люди, такъ и простой народъ, чтобъ имъ двинуться всею силою противъ Россіи; безпрестанно посылается аммуниція и артиллерія въ Азовъ и Эрзерумъ. Видя все это, я письма нужныя черныя сжегъ, а иныя переписалъ въ цифры, а сына моего поручилъ французскому послу, который отправилъ его въ Голландію. Самъ я готовъ варварскія озлобленія терпѣть и послѣднюю каплю крови за имя вашего величества и за отечество пролить; но повели, государь, послать указъ въ Голландію князю Куракину, чтобъ сына моего своею протекціею не оставилъ, повели опредѣлить сыну моему жалованье на содержаніе и ученіе и отдать его въ Академію для сціенціи учиться иностраннымъ языкамъ, философіи, географіи, математикѣ и прочихъ историческихъ книгъ чтенію; умилостився, государь, надъ десятилѣтнимъ младенцемъ, который со временемъ можетъ вашему величеству заслужить».

Въ началѣ ноября, кегая великаго визиря сообщилъ Неплюеву приказаніе Порты, писать императору, чтобъ вышелъ изъ персидскихъ владѣній, потому что пребываніе здѣсь русскихъ войскъ внушаетъ сильное подозрѣніе всѣмъ окрестнымъ государямъ, и турецкій народъ покоенъ быть не можетъ. Особенно встревожило Порту извѣстіе, что русскій императоръ находится въ дружескихъ сношеніяхъ съ персидскимъ шахомъ: сейчасъ же заключили, что между Россіею и Персіею готовится союзъ противъ бунтовщиковъ. Въ тоже время татары подкинули самому султану бумагу, въ которой упрекали его за неосмотрительность: «Министры тебя обманываютъ—говорилось въ бумагѣ—ты и не узнаешь, какъ русскій царь разоритъ половину твоего государства». Султанъ сильно смутился, хотѣлъ казнить визиря, противъ котораго готовился и бунтъ въ народѣ; но визирь сохранилъ жизнь и мѣсто тѣмъ, что велѣлъ войскамъ двинуться въ Грузію. Также пошелъ слухъ въ Константинополѣ, что лезгинцы нанесли страшное пораженіе русскому войску, и самъ Петръ

едва спасся моремъ въ Астрахань: догадывались, что слухъ пущенъ нарочно для успокоенія народа. Впрочемъ, основаніемъ слуху служило дѣйствительное отплытіе Петра въ Астрахань. Неплюевъ узналъ, что между Портою и Хивою происходятъ сношенія о союзѣ оборонительномъ и наступательномъ противъ Россіи. Рагоци, въ интересахъ котораго было сохраненіе мира и пріязни между Россіею и Турціею, составилъ проектъ примиренія интересовъ обоихъ государствъ. Турки—говорилось въ проектѣ—по единовѣрію, хотятъ взять себѣ Дагестанъ, но по тому же единовѣрію Россія должна взять себѣ персидскую Грузію и для торговыхъ выгодъ гавань на Каспійскомъ морѣ; когда Россія и Турція подѣлятъ такимъ образомъ кавказскія области, то примутъ на себя посредничество между персидскимъ шахомъ и Мирвенсомъ (такъ обыкновенно называли Мирвеизова сына, Магомета).

Въ концѣ года, когда получено было достовѣрное извѣстіе, что Петръ изъ Дербента возвратился назадъ, великій визирь прислалъ объявить Неплюеву, что этимъ возвращеніемъ уничтожены всѣ подозрѣнія, и Порта желаетъ сохраненія и усиленія постановленной съ Россіею дружбы; но, въ тоже время, Порта спѣшила воспользоваться удаленіемъ русскаго императора, чтобъ какъ можно выгоднѣе устроить свои дѣла на Кавказѣ. Къ Даудъбеку отправлена была жалованная грамата, по которой онъ принимался въ подданство Порты на правахъ крымскаго хана, давался ему титулъ ханскій и власть надъ двумя областями—Дагестаномъ и Ширвеномъ; при этомъ ему внушалось, чтобъ онъ старался покорить и другія ближайшія персидскія провинціи, которыя также поступятъ въ его владѣнія; внушалось, чтобъ онъ всѣми средствами старался вытѣснить русскій гарнизонъ изъ Дербента и изъ другихъ тамошнихъ мѣстъ; послано къ нему 30,000 червонныхъ, и обѣщано вспоможеніе войскомъ. Неплюевъ за 100 червонныхъ досталъ копію съ граматы къ Дауду и съ инструкціи, данной посланному къ нему.

Петръ, еще не зная объ этомъ, поручилъ Неплюеву предложить Портѣ согласиться на счетъ персидскихъ дѣлъ. Въ февралѣ 1723 года, великій визирь пригласилъ къ себѣ русскаго резидента и объявилъ ему, что соглашаться не въ чемъ: «Магометъ, или, какъ обыкновенно его называютъ отцовскимъ именемъ, Мирвеизъ, овладѣлъ персидскою столицею Испаганью и большею частію провинцій; съ другой стороны—Ширвеномъ, Ардебилемъ и Арменіею овладѣлъ Даудъ-бекъ лезгинскій, который теперь вступилъ въ подданство къ Портѣ, да и Мирвеизъ скоро долженъ послѣдовать его примѣру; русскому государю слѣдовательно опасаться теперь нечего: всѣ эти народы теперь под-

данные турецкіе, русское купечество у нихъ будетъ вполнѣ безопасно. Неплюевъ замѣтилъ, что со стороны Россіи война начата для полученія удовлетворенія за оскорбленіе, нанесенное русскимъ подданнымъ въ Шемахѣ. Визирь отвѣчалъ, что удовлетвореніе уже получено, потому что императоръ прошелъ съ войскомъ до Дербента и разорилъ все на пути; правда, Порта обѣщала не принимать въ подданство Дагестанъ, но она обѣщала это тогда, когда просьбы отъ его жителей не получала, а теперь они просили принять ихъ по единовѣрію, и отказать имъ было нельзя, и если русскій государь нынѣшнимъ годомъ вступитъ съ войскомъ въ персидскія владѣнія, то Даудъ, Мирвеизъ и всѣ тамошніе народы противъ него соединятся, и Порта, по единовѣрію, какъ защитница магометанскихъ народовъ, принуждена будетъ также вооружиться. Слѣдствія войны неизвѣстны, и если бы даже вашему государю удалось завладѣть нѣкоторыми провинціями, то удержать ихъ не можетъ, потому что всѣ тамошніе народы магометане, и будутъ стараться русскихъ отъ себя выгнать, а Шевкала Тарковскаго Даудъ принудитъ, по единовѣрію, поддаться Портѣ. Визирь окончилъ свою рѣчь словами: «Всякій бы желалъ для себя большихъ пріобрѣтеній, но равновѣсіе сего свѣта не допускаетъ: напримѣръ и мы бы послали войско противъ Италіи и прочихъ малосильныхъ государей, но другіе государи не допустятъ; потому и мы за Персіею смотримъ».

На третій день послѣ этого разговора, къ Неплюеву пріѣхалъ переводчикъ Порты и объявилъ, что на общемъ совѣтѣ постановлено сообщить русскому государю чрезъ его резидента, что если онъ считаетъ себя въ правѣ искать чего на лезгинцахъ или Мирвеизѣ, то долженъ съ своими требованіями обращаться къ Портѣ, потому что Персія теперь въ подданствѣ у Порты, и русскій государь долженъ вывести свои войска изъ персидскихъ областей, въ противномъ случаѣ, Порта принуждена будетъ вступить съ нимъ за Персію въ войну. Переводчикъ Порты сообщилъ Неплюеву по секрету, что надняхъ англійскій посолъ подалъ Портѣ меморіалъ на турецкомъ языкѣ, гдѣ говорится, что, по сообщеніямъ отъ персидскаго двора, русскій государь собираетъ огромное войско и хочетъ выступить въ походъ противъ Дагестана и распространить свои владѣнія до Чернаго моря. Порта, говорилось въ меморіалѣ, должна беречься Россіи, бороться съ которою легко, ибо русскій государь не въ дружбѣ ни съ однимъ изъ европейскихъ государей, всѣ они ему злодѣи. Неплюевъ повидался съ французскимъ посломъ, де-Бонакомъ, и тотъ ему сказалъ: «Донесите своему двору, что все дѣло въ двухъ словахъ: сохранять миръ съ Турціею — не вступаться въ

персидскія дѣла; продолжать войну въ персидскихъ областяхъ—разорвать съ Турціею».

Диванъ собственно не хотѣлъ войны съ Россіею и только стращалъ, выставляя нравственную для себя необходимость воевать; нравственной необходимости не было: Персія не была въ подданствѣ у Порты, Мирвеизъ не думалъ признавать свою зависимость отъ султана; въ Константинополѣ хлопотали не о защитѣ новаго, правовѣрнаго персидскаго шаха, но хотѣли прежде всего овладѣть христіанскою Грузіею, чтобъ не перепустить ее въ русскія руки и не быть отрѣзанными отъ магометанскихъ народовъ Кавказа. Турки угрозами надѣялись заставить русскаго императора оставить кавказскія страны; но Петра трудно было напугать, особенно, когда пріобрѣтеніе Каспійскаго побережья онъ считалъ необходимымъ дополненіемъ къ пріобрѣтенію побережья Балтійскаго. 4 апрѣля, онъ сдѣлалъ нужныя приготовленія къ войнѣ съ турками, назначилъ князя Михаила Михайловича Голицына главнымъ начальникомъ украинской арміи; полки были отпущены съ работъ на квартиры, и велѣно имъ быть въ готовности; посланъ указъ не высылать малороссійскихъ казаковъ для рытья Ладожскаго канала, воротить тѣхъ, которые уже вышли и быть имъ готовыми на службу; а 9 апрѣля, Петръ велѣлъ написать Неплюеву: «Наши интересы отнюдь не допускаютъ, чтобъ какая другая держава, чья-бъ ни была, на Каспійскомъ морѣ утвердилась; а что касается Дербента и другихъ мѣстъ, въ которыхъ наши гарнизоны находятся, то они никогда во владѣніи персидскихъ бунтовщиковъ, ни лезгинцевъ, ни Мирвеиза не бывали, а по собственному ихъ письменному и словесному прошенію, какъ то бывшему при дворѣ нашемъ турецкому посланнику явно доказано, подъ покровительство наше добровольно отдались; и если Порта, въ противность вѣчному миру, принимаетъ подъ свое покровительство лезгинцевъ, нашихъ явныхъ враговъ, то тѣмъ менѣе должно быть противно Портѣ, если мы принимаемъ подъ свое покровительство народы, неимѣющіе никакого отношенія къ Портѣ и находящіеся въ дальнемъ отъ нея разстояніи, на самомъ Каспійскомъ морѣ, до котораго намъ никакую другую державу допустить нельзя. Если Порта, безъ всякой со стороны нашей причины, хочетъ нарушать вѣчный миръ, то мы предаемъ такой беззаконный поступокъ суду Божію, и къ оборонѣ своей, съ помощію Божіею, потребные способы найдемъ». Но въ это время, когда продолженіе военныхъ дѣйствій на берегахъ Каспійскаго моря условливало войну турецкую, Петръ былъ обезпокоенъ однимъ явленіемъ, касавшимся интересовъ дорогой ему русской торговли;

императоръ узналъ, что въ Италію привезено много икры изъ Константинополя, тогда какъ эта страна обыкновенно снабжалась икрою изъ Россіи. Немедленно отправляется порученіе къ Неплюеву—развѣдать, откуда пошла эта икра, приготовлена ли она въ Турціи, или доставлена русскими купцами, и, въ послѣднемъ случаѣ, изъ какихъ мѣстъ.

Русскія войска поплыли къ Баку, а Турція не объявляла войну Россіи, не смотря на внушенія англійскаго посланника, что его король вмѣстѣ съ датскимъ королемъ хочетъ напасть на Россію. Туркамъ хотѣлось прежде утвердиться въ Арменіи и Грузіи. Петру это очень не нравилось. 14 и 18 іюля и 8 августа, происходили конференціи между Неплюевымъ, рейсъ-эффенди и де-Бонакомъ, который былъ приглашенъ въ качествѣ посредника. Неплюевъ объявилъ, что его императоръ, не смотря на убытки, причиненные лезгинцами русской торговлѣ, не пошлетъ противъ нихъ своихъ войскъ, если Порта запретитъ лезгинцамъ нападать на тѣ города, въ которыхъ находятся русскіе гарнизоны, и не будетъ вводить своихъ войскъ въ персидскія провинціи, Арменію и Грузію до тѣхъ поръ, пока между Россіею и Турціею будетъ все улажено на счетъ персидскихъ дѣлъ. Рейсъ-эффенди отвѣчалъ, что Порта имѣетъ право не только на Грузію и Арменію, но и на всѣ прикаспійскія области, а Россія на послѣднія не имѣетъ никакого права, особенно потому, что народы, здѣсь обитающіе—магометанской вѣры; недавно шевкалъ Тарковскій и другіе владѣльцы писали Портѣ, чтобы, по единовѣрію, освободила ихъ изъ русскихъ рукъ. Неплюевъ возражалъ, что это разсужденіе политическимъ правамъ противно; вѣра не служитъ опредѣленіемъ границъ, ибо если бы опредѣлять границы по вѣрѣ, то во всемъ свѣтѣ мира не было бы: сколько христіанскихъ народовъ подъ властію Порты, а магометанскихъ подъ властію Россіи. Неплюевъ объявилъ рѣшительно, что императоръ не допуститъ къ Каспійскимъ берегамъ никакой другой державы, и особенно Турціи.

Между тѣмъ англійскій посланникъ продолжалъ внушать Портѣ, что война съ Россіею не опасна, что внутри новой имперіи происходятъ замѣшательства. Посолъ завелъ сношенія и съ человѣкомъ, который, въ случаѣ войны, могъ быть полезенъ туркамъ: то былъ извѣстный Орликъ, называвшійся гетманомъ войска Запорожскаго. Орликъ, приведенный Карломъ XII въ Швецію, теперь пріѣхалъ оттуда въ турецкія владѣнія и жилъ въ Солоникахъ, откуда, посредствомъ одного шведа, жившаго при англійскомъ послѣ, передавалъ Портѣ разныя предложенія: онъ домогался, чтобъ султанъ вызвалъ его въ Константинополь, обѣ-

щая, въ случаѣ войны съ Россіею, поднять противъ нея казаковъ. Визирь потребовалъ, чтобы онъ изъяснилъ обстоятельно, какимъ образомъ надѣется возмутить Украйну, и имѣетъ ли съ русскими казаками сношенія? Неплюевъ писалъ, что до объявленія войны Орлика въ Константинополь не вызовутъ.

Въ концѣ года, по указу отъ своего двора, Неплюевъ, въ новой конференціи съ рейсъ-эффенди и де-Бонакомъ, предложилъ остановить военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ. Порта, уже овладѣвшая Тифлисомъ, отвѣчала, что она готова остановить свои войска, но не прежде, какъ они овладѣютъ городами Эриванью и Ганджею; согласились однако съ обѣихъ сторонъ послать начальствующимъ войсками, чтобъ они поступали между собою дружески, пока дѣло не рѣшится на дальнѣйшихъ конференціяхъ въ Константинополѣ. Въ это время Порта узнала о договорѣ, заключенномъ между Россіею и Персіею въ Петербургѣ. На конференціи 23 декабря, рейсъ-эффенди выразилъ свое удивленіе: въ Персіи государя нѣтъ, и потому она, естественно, переходитъ во владѣніе Порты, а, между тѣмъ, государь русскій публикуетъ какой-то договоръ, заключенный съ человѣкомъ, Портѣ неизвѣстнымъ. Резидентъ отвѣчалъ, что въ Персіи есть государь Тохмасибъ, который наслѣдовалъ престолъ законнымъ образомъ послѣ отца. Съ этимъ-то законнымъ шахомъ заключенъ у Россіи договоръ съ обѣщаніемъ помогать ему противъ бунтовщиковъ, а шахъ, за эту помощь, уступилъ Россіи извѣстныя земли. Такимъ образомъ, Порта знаетъ теперь, чѣмъ Россія владѣетъ; извѣстно и русскому императору, чѣмъ Порта въ Персіи овладѣла; и такъ какъ Персія обоимъ государствамъ сосѣдственна, то, для уничтоженія всякихъ подозрѣній, императоръ предлагаетъ, чтобъ оба государства не распространяли больше своихъ владѣній въ Персіи, оставались при томъ, чѣмъ дѣйствительно въ настоящее время владѣютъ, чтобъ турецкія войска не переходили рѣку Куръ; въ Шемахѣ пусть владѣетъ Даудъ-бекъ, но чтобъ турецкихъ войскъ въ этомъ городѣ никогда не было и городъ не былъ укрѣпленъ. Рейсъ-эффенди твердилъ свое, что Персія вся принадлежитъ султану, что Тохмасибъ не можетъ быть законнымъ шахомъ, потому что отецъ его живъ, хотя и въ неволѣ. И какая польза русскому государю отъ договора съ Тохмасибомъ, который принужденъ бѣжать въ Араратскія горы и живетъ тамъ, какъ дикій человѣкъ; скоро вся Персія покорится туркамъ, и всѣ тамошніе народы, естественно, возстанутъ противъ русскихъ и выгонятъ ихъ вонъ, потому что тамъ искони нога христіанская никогда не бывала; въ договорѣ съ Тохмасибомъ, русскій государь обязался стоять

за него противъ всѣхъ его непріятелей, слѣдовательно и противъ турокъ: значитъ, вѣчный миръ у Россіи съ Портою нарушенъ. Въ конференціи 30 декабря, рейсъ-эффенди сказалъ, что султанъ объявилъ о русскихъ требованіяхъ своимъ министрамъ, духовенству и воинскому чину, и всѣ единогласно отвѣчали, что объ этихъ требованіяхъ слышать не могутъ, но готовы кровію своею защищать Персію, которая теперь, не имѣя своего государя, принадлежитъ Портѣ, и нога христіанская въ Персіи никогда не бывала; поэтому дается указомъ султанскимъ послѣднее рѣшеніе, договариваться о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь находятся русскіе гарнизоны, а до другого ни до чего русскому государю дѣла нѣтъ. Неплюевъ отвѣчалъ, что онъ остается при прежнихъ своихъ предложеніяхъ. Этимъ кончились переговоры въ 1723 году. 2 января 1724 года, переводчикъ Порты пріѣхалъ къ Неплюеву съ вопросомъ: принимаетъ ли онъ условія Порты или нѣтъ? Неплюевъ отвѣчалъ, что безъ указу государя своего этихъ условій принять не можетъ.—«Въ такомъ случаѣ, сказалъ переводчикъ, объявляется война, и ты долженъ выбрать одно изъ трехъ: или возвратиться въ отечество, или быть при визирѣ въ походѣ, или жить въ Цареградѣ простымъ человѣкомъ, ибо Порта, съ этой минуты, не признаетъ тебя больше за министра. Хотя у насъ и нѣтъ обычая при такихъ случаяхъ оставлять министровъ на свободѣ, однако для тебя дѣлается исключеніе за твое доброе поведеніе». Неплюевъ, разумѣется, выбралъ возвращеніе въ Россію. Онъ послалъ немедленно же за паспортомъ, но ему паспорта не дали, а между тѣмъ де-Бонакъ дѣлалъ Портѣ представленія, что война ей въ Персіи будетъ тяжела, ибо тамошній народъ враждебенъ туркамъ, и Мирвеиза, какъ человѣка дикаго, надобно опасаться; Россія увеличитъ число враговъ, а, быть можетъ, русская дружба, со временемъ, Портѣ пригодится; правда, что русскій государь много земель себѣ забираетъ, но къ турецкимъ границамъ не приближается, и отъ французскаго посла при петербургскомъ дворѣ, Камиродона, есть вѣрныя извѣстія, что Россія не начнетъ войны, если Порта первая не нарушитъ мира. Благодаря этимъ внушеніямъ, султанъ рѣшилъ: войны Россіи не объявлять, но приготовляться къ ней.

Въ слѣдъ затѣмъ, Неплюевъ имѣлъ приватную аудіенцію у великаго визиря въ присутствіи де-Бонака. Резидентъ началъ говорить, что все недоразумѣніе произошло отъ предложеній слишкомъ общихъ и неопредѣленныхъ; а еслибъ откровенно сообщили другъ другу, чего кто желаетъ, то давно бы дѣло было кончено. Визирь сказалъ на это: «Резидентъ говоритъ совер-

шенную правду, и Порта объявитъ, чего желаетъ. Положимъ, что у шаха Гуссейна было три сына: одинъ турецкій государь, другой русскій, а третій, меньшой, Тохмасибъ; по смерти Гуссейна каждому изъ нихъ слѣдуетъ имѣть свою часть. Русскій государь взялъ уже себѣ долю; теперь слѣдуетъ Портѣ получить свою, и пусть французскій посолъ, какъ посредникъ, выдѣлитъ каждому надлежащую часть, чтобъ никому обидно не было».—«Очень благодаренъ за такую честь, отвѣчалъ де-Бонакъ: только по моему раздѣлу наибольшая часть слѣдуетъ младшему, и я буду держать его сторону, какъ самаго слабаго». Визирь началъ—было дѣлежъ, уступалъ Россіи берега Каспійскаго моря до сліянія рѣки Аракса съ Куромъ, откуда должны были начинаться турецкія владѣнія: но Неплюевъ и де-Бонакъ объявили, что безъ новыхъ указовъ изъ Россіи дѣла рѣшить нельзя, и французскій посолъ предложилъ отправить за этими указами въ Петербургъ племянника своего Дальона. Визирь согласился, прибавивъ, что желаетъ заключенія оборонительнаго и наступательнаго союза между Россіею, Турціею и Франціею; объ Англіи же турки прямо говорили, что въ угоду ей нельзя ссориться съ Россіею: въ прошлыхъ годахъ Англія обязалась помогать Швеціи противъ Россіи, а какъ помогла? Не смотря на то, со стороны Англіи продолжались внушенія, что русскій государь хочетъ овладѣть не только персидскою, но и всею восточною торговлею, вслѣдствіе чего товары, шедшіе прежде въ Европу чрезъ турецкія владѣнія, пойдутъ черезъ Россію, и тогда англичане и другіе европейцы выѣдутъ изъ Турціи, къ великому ущербу казны султановой. Поэтому Порта оружіемъ должна остановить успѣхъ русскихъ на Востокѣ; и если Порта объявитъ Россіи войну, то получитъ денежное вспоможеніе не только отъ короля, но и отъ всего народа англійскаго.

Въ началѣ мая, Дальонъ возвратился изъ Россіи вмѣстѣ съ русскимъ курьеромъ, и у Неплюева начались конференціи съ турецкими министрами. Резидентъ сейчасъ же замѣтилъ перемѣну въ тонѣ у турокъ. Они не хотѣли слышать объ ограниченіи своихъ будущихъ завоеваній въ Персіи, и визирь притворялся, что забылъ объ условіяхъ, имъ самимъ прежде предложенныхъ. Еще болѣе удивило Неплюева то, что де-Бонакъ, получившій передъ тѣмъ 2,000 червонныхъ отъ Россіи, явно бралъ сторону турокъ, и однажды сказалъ Неплюеву: «Развѣ вы хотите ослушаться указа государя своего, что моихъ совѣтовъ не принимаете? Или подозрѣваете меня во враждѣ къ Россіи? Но государь вашъ не такъ смотритъ на дѣло: онъ своеручно изволилъ мнѣ писать, чтобъ настоящіе переговоры какъ можно ско-

рѣе приводить къ концу, и во всемъ положился на меня; если вы не отступите отъ своего требованія, то я слагаю съ себя посредничество». Въ другой разъ де-Бонакъ сказалъ резиденту, что не хочетъ съ нимъ болѣе говорить, и выслалъ его изъ своего дома. Донося о трудностяхъ, какія онъ претерпѣлъ при заключеніи договора, Неплюевъ писалъ: «Больше того нынѣ безъ войны получить было нельзя; но хотя не очень ясно, однако сущность дѣла вся внесена. Отъ французскаго посла, вмѣсто помощи, были только одни препятствія; проектъ трактата разъ десять переправляли; я желалъ, чтобъ все ясно было, а французскій посолъ при туркахъ прямо говорилъ, что резидентъ споритъ не дѣльно, въ турецкомъ проектѣ разумѣется все то, чего онъ требуетъ; а племянникъ его Дальонъ, какъ ребенокъ, при переводчикѣ Порты, сказалъ: «Не знаешь ты, что мы имѣемъ изъ Россіи проектъ за подписаніемъ министерскимъ, и во всемъ уполномочены», и нѣкоторыя слова о лезгинцахъ говорилъ; но переводчикъ Порты этого туркамъ, по моей просьбѣ, не сказалъ. Дальонъ, по пріѣздѣ въ Царьградъ, не видавшись съ посломъ, прямо взятъ былъ къ визирю, и тамъ, невоздержаніемъ ребяческимъ, сказалъ, что ваше величество на всѣ турецкія предложенія склонился, кромѣ самыхъ неважныхъ пунктовъ, но тѣ резидентъ имѣетъ право устранить; сказалъ также, что вы сильно желаете мира.»

Разъ десять исправленный договоръ, наконецъ, былъ составленъ такимъ образомъ: Шемаха остается подъ владѣніемъ вассала Порты, Дауда. Пространство отъ города Шемахи по прямой линіи къ Каспійскому морю раздѣляется на три равныя части; изъ этихъ трехъ частей, двѣ, лежащія къ Каспійскому морю, должны принадлежать Россіи, а третья, ближайшая къ Шемахѣ, будетъ находиться во владѣніи Дауда, подъ верховною властію Порты. Шемаха не будетъ укрѣплена, и въ ней не будетъ турецкаго гарнизона, исключая тотъ случай, когда владѣлецъ тамошній воспротивится власти султана или между жителями произойдетъ смута: и тогда турецкія войска не прежде перейдутъ рѣку Куръ, какъ увѣдомивъ о своемъ движеніи русскихъ комендантовъ, и по утишеніи смуты ни одинъ человѣкъ изъ турецкаго войска не долженъ оставаться въ Шемахѣ. Императоръ всероссійскій обѣщаетъ склонять шаха Тохмасиба къ уступкѣ Турціи занятыхъ ея войскомъ персидскихъ провинцій; если же шахъ не захочетъ уступить Россіи или Портѣ выговоренныхъ ими провинцій, то Россія и Порта дѣйствуютъ противъ него за одно. Договоръ былъ подписанъ 12 іюня 1724 г.

Для размѣны ратификацій отправленъ былъ въ Константи-

нополь бригадиръ Александръ Румянцевъ въ званіи чрезвычайнаго посланника. На него было возложено также разграниченіе, вмѣстѣ съ коммиссарами Порты, русскихъ и турецкихъ владѣній на Кавказѣ. Относительно этого разграниченія, Петръ собственноручно написалъ Румянцеву слѣдующую промеморію:

1) Смотрѣть накрѣпко мѣстоположенія, а именно, отъ Баки до Грузіи какая дорога, сколь долго можно съ войскомъ идти, и можноль фуражъ имѣть, и на сколько лошадей, и путь каковъ для войска. 2) Можноль провіанту сыскать. 3) Армяне далеколь отъ Грузіи и отъ того пути. 4) Которыхъ пошлетъ въ Азовъ, чтобъ тогожъ смотрѣли дорогою возлѣ Чернаго моря, такожъ христіяня послѣдніе далеколь живутъ отъ Тамани или Кубани. 5) Курою рѣкою возможноль до Грузіи идти судами хотя малыми. 6) Состояніе и силу грузинцевъ и армянъ.

Румянцевъ отправился. Думая, что онъ уже въ Константинополѣ, Петръ велѣлъ послать къ нему рескриптъ: «Пріѣхали къ намъ армянскіе депутаты съ просьбою защитить отъ непріятелей; если же мы этого сдѣлать не въ состояніи, то позволить имъ перейти на житье въ наши новопріобрѣтенныя отъ Персіи провинціи. Мы имъ объявили, что помочь имъ войскомъ не можемъ въ слѣдствіе заключеннаго съ Портою договора, а поселиться въ прикаспійскихъ нашихъ провинціяхъ позволили и нашу обнадеживательную грамату послали. Если турки станутъ вамъ объ этомъ говорить, то отвѣчайте, что мы сами армянъ не призывали, но они насъ, по единовѣрію, просили взять ихъ подъ свое покровительство; намъ, ради христіанства, армянамъ, какъ христіанамъ, отказать въ томъ было нельзя, какъ и визирь самъ часто объявлялъ, что по единовѣрію просящимъ покровительства отказать невозможно; надобно смотрѣть только, чтобъ земли принадлежали тому, за кѣмъ выговорены въ договорѣ, а народамъ не надобно препятствовать переходить въ ту или другую сторону. Портѣ еще выгоднѣе будетъ, когда армяне выйдутъ, потому что она тогда безъ сопротивленія землями ихъ овладѣетъ. Прибавь, что если Порта захочетъ перезывать къ себѣ басурманъ изъ пріобрѣтенныхъ нами отъ Персіи провинцій, то намъ это не будетъ противно; станутъ требовать письменнаго обнадеживанія — дайте».

Это было послѣднее рѣшеніе Петра по восточнымъ дѣламъ.

С. Соловьевъ.

САТИРА КРЫЛОВА

и его

ПОЧТА ДУХОВЪ.

Семьдесятъ шесть лѣтъ тому назадъ, въ февралѣ 1792 г., подписчики крыловскаго журнала *«Зритель»* прочли въ немъ слѣдующія строки: «Что̀ есть достойнаго человѣка? Что̀ можетъ онъ произвести не подверженное разрушенію вѣковъ? Его слово, его мысли, вотъ одно твореніе, дающее цѣну человѣку и избавляющее его отъ совершеннаго разрушенія; вотъ одно произведеніе, которое борется съ вѣками, ... торжествуетъ надъ ними и всегда пребываетъ столь же ново и сильно, какъ и въ ту минуту, когда рождено оно человѣкомъ... Слово, подобно безсмертному духу, имѣетъ даръ, не раздѣляясь, во многихъ мѣстахъ пребывать въ одно время. Единый мудрецъ, торжествуя надъ смертію, похищаетъ право говорить съ позднѣйшимъ своимъ потомствомъ» [1]).

Такъ говорилъ Крыловъ 24-хъ лѣтъ отъ роду. И кто болѣе его оправдалъ собою смыслъ этихъ строкъ? Служеніе мысли и слову было задачею всей его тихой и скромной жизни; ими одними достигъ онъ блестящаго мѣста въ исторіи русскаго просвѣщенія. Своими баснями, написанными уже въ позднемъ возрастѣ, затмилъ онъ всѣ прежніе свои труды, и это подало его біографу [2]) поводъ остроумно замѣтить, что Крыловъ родился

---

[1]) *«Зритель»*, ч. 1, стр. 77.

[2]) Плетневъ, въ извѣстной статьѣ его: «Жизнь и сочиненія И. А. Крылова».

для насъ только въ 40 лѣтъ. Такъ могъ говорить его современникъ; но потомство должно принять во вниманіе и прежнія его произведенія. На басни его нельзя смотрѣть, какъ на что-то отдѣльно-стоящее въ его литературной дѣятельности; можно ли предположить, чтобы писатель, прославившійся во второй половинѣ своего поприща превосходными созданіями, но писавшій почти съ дѣтства, не произвелъ въ лучшіе годы жизни ничего замѣчательнаго? Предположить это о Крыловѣ тѣмъ труднѣе, что его родомъ, собственно говоря, всегда была сатира; онъ въ разное время мѣнялъ только ея форму. Сначала у него является сатирическая аллегорія въ прозѣ, потомъ онъ избираетъ своимъ орудіемъ комедію; наконецъ, переходитъ къ баснѣ. Не естественно ли, что между всѣми его сочиненіями должна быть тѣсная связь? Дѣйствительно, басни Крылова тысячами нитей примыкаютъ къ болѣе раннимъ его трудамъ, и только въ этихъ послѣднихъ можно найти разгадку того, чѣмъ онъ сдѣлался позднѣе,—только съ помощію другихъ его сатирическихъ сочиненій можно вполнѣ объяснить значеніе его, какъ баснописца.

Сатирическое свое поприще началъ онъ тамъ же, гдѣ и кончилъ его, т. е. въ Петербургѣ. Здѣсь жилъ онъ уже шесть лѣтъ, когда похоронилъ свою мать-вдову. Ему было тогда не болѣе 20-ти лѣтъ. Онъ рѣшился оставить службу, въ которой ему совсѣмъ не везло, и посвятить себя журнальному дѣлу. Въ Петербургѣ однимъ изъ самыхъ предпріимчивыхъ литераторовъ былъ тамбовскій дворянинъ, капитанъ Ив. Герас. Рахманиновъ, содержавшій типографію и печатавшій въ ней свое еженедѣльное изданіе «Утренніе часы». Онъ извѣстенъ нѣсколькими переводами, между прочимъ, изъ Вольтера, издалъ переведенное имъ же соч. академика Миллера о русскомъ дворянствѣ, и былъ, по свидѣтельству современниковъ, человѣкъ умный, трудолюбивый, но угрюмый и упрямый [1]). Съ нимъ какъ-то сблизился Крыловъ и, можетъ быть, участвовалъ даже въ его журналѣ. Но въ концѣ 1788 г., будущій баснописецъ, увлеченный, вѣроятно, примѣромъ Рахманинова, или, можетъ быть, еще болѣе успѣхомъ Новикова, рѣшился самъ издавать сатирическій журналъ. Вспомнимъ, что сатирическое направленіе у насъ особенно оживилось при Екатеринѣ II, что̀, конечно, было слѣдствіемъ общаго возбужденія умственной жизни, вызваннаго либеральнымъ духомъ новаго царствованія и характеромъ авторской дѣятельности самой геніальной императрицы. Горячая пора нашей журнальной сатиры продолжалась, правда, только пять лѣтъ (1769—1774 г.); въ те-

[1]) Жихаревъ, въ «Дневникѣ чиновника»: Отеч. Зап. 1855, т. CI, стр. 133.

ченіе этого времени рождались и умирали, одно за другимъ, изданія этого рода, между которыми перломъ, по справедливости, считается *«Живописецъ»* Новикова. Но эти явленія, какъ ни были они эфемерны, бросили на почву нашей литературы сѣмя, которое никогда не вымирало вполнѣ, и во все продолженіе XVIII-го столѣтія повторялись отъ времени до времени подобныя же изданія. Важнѣйшимъ изъ нихъ былъ «Собесѣдникъ» княгини Дашковой, въ составѣ котораго значительное мѣсто заняли сатирическія *Были и небылицы* царственной сотрудницы. На театрѣ всѣхъ блистательнѣе служилъ тому же направленію фонъ-Визинъ. Но въ журнальной литературѣ, въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Екатерины, задремавшую сатиру снова разбудилъ Крыловъ. По практическому и насмѣшливому свойству его ума, намъ понятно, почему такая заслуга принадлежитъ именно ему, и тѣмъ понятнѣе, что будучи тогда 20-ти-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, онъ, вѣроятно, и не подумалъ о томъ совѣтѣ, съ которымъ Новиковъ, приступая къ изданію «Живописца», обратился къ самому себѣ: «Требую отъ тебя, чтобы ты въ сей дорогѣ никогда не разлучался съ тою прекрасною женщиною,... которая называется *Осторожность»* [1]). Впрочемъ, можетъ быть, Крылову казалось, что онъ исполнилъ всѣ требованія благоразумія, спрятавшись въ своемъ журналѣ за невидимыхъ гномовъ и сильфовъ, которые его перомъ пишутъ изъ преисподней письма о Плутонѣ, Прозерпинѣ, о ихъ любимцахъ и министрахъ.

Такая форма сатиры не была новостью. При появленіи у насъ первыхъ сатирическихъ журналовъ, ровно за 20 лѣтъ передъ тѣмъ, Ѳедоръ Эминъ издавалъ *«Адскую почту, или переписку хромоногаго бѣса съ кривымъ»*, которые, въ свою очередь, очевидно, вели свой родъ отъ Лесажева *Le Diable Boîteux*. Но почему даровитый Крыловъ взялъ за образецъ именно этотъ журналъ, произведеніе очень посредственнаго писателя? Кажется, имъ болѣе руководило случайное обстоятельство, нежели обдуманный выборъ. Въ то самое время *«Адская почта»* вышла 2-мъ изданіемъ [2]): попавши въ руки Крылова, она могла показаться ему счастливой разгадкой недоумѣнія, какую форму избрать для задуманнаго изданія. Въ концѣ 1788 г., прочли въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, что въ книжной лавкѣ Миллера, въ Луговой Милліонной, раздаются безденежно подробныя печатныя объяв-

[1]) *Живописецъ*, Листъ 2: «Авторъ къ самому себѣ». Стр. 12 (изд. 1864).

[2]) Въ 1788 г., *на ижд. П*(латона) *Б*(екетова), подъ нѣсколько измѣненнымъ заглавіемъ: *«Адская почта, или куріеръ изъ ада съ письмами»*. Ѳ. Эминъ умеръ уже въ 1770 г. Съ сыномъ его, Ник. Ѳед., Крыловъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

ленія о вновь предпринятомъ ежемѣсячномъ изданіи «*Почта Духовъ, или ученая, нравственная и критическая переписка арабскаго философа Маликульмулька съ водяными, воздушными и подземными Духами*» [1]). Дѣйствительно, съ слѣдующаго года Крыловъ сталъ ежемѣсячно издавать по книжкѣ этого журнала, который, впрочемъ, какъ и всѣ другіе тогдашніе сборники этого рода, только по своему періодическому появленію и можетъ заслуживать такое названіе. Въ содержаніи ничего свойственнаго журналу не было, кромѣ развѣ повторявшихся довольно часто выходокъ противъ того или другого современнаго сочиненія или автора.

Въ концѣ извѣщенія, приложеннаго къ 1-й книжкѣ сборника, Крыловъ извиняется, что она вышла не въ срокъ. «Слухъ-де носится—говоритъ онъ—что нѣкоторые изъ издателей собираютъ по подпискамъ деньги и прячутся съ ними, не издавая обѣщанныхъ книгъ, или когда и выдаютъ, то въ теченіе изданія прерываютъ оныя, ни мало не страшася справедливаго порицанія публики;... а потому-де онъ, издатель сихъ листовъ,.. паче тѣмъ, что по обѣщанію своему не выдалъ перваго сего мѣсяца (т. е. первой книжки) къ 1-му числу января и очень можетъ быть подозрителенъ; то въ оправданіе себя увѣряетъ, что онъ... не на корыстолюбіи основалъ свое предпріятіе, но къ удовольствію, а если можно, и къ пользѣ своихъ соотечественниковъ. Неисполненіе же обѣщанія случилось по непривычному еще его искусству въ Гадательной Наукѣ, отъ чего не могъ онъ предузнать послѣдовавшихъ обстоятельствъ, намѣренію его воспрепятствовавшихъ; но впредь обѣщается въ исходѣ каждаго мѣсяца во все теченіе года выдавать изданія сего по одной книжкѣ, переплетенной въ бумажку».

Если «*Почта Духовъ*» Крылова съ внѣшней стороны отзывалась подражаніемъ, то, спрашивается, не было ли того же и въ содержаніи? Важно и любопытно опредѣлить внутреннее отношеніе ея къ прежнимъ сатирическимъ журналамъ. Сравнивая съ ними «*Почту Духовъ*», мы находимъ, что она часто преслѣдовала тѣже недостатки, на которые они нападали, напр., французское воспитаніе, пустоту и мотовство щеголей, или, какъ ихъ

---

[1]) *Спб. Вѣдом.* 1788 г. № 95-й (28-го нояб.), № 97-й (5-го дек.) и № 100 (15-го дек.). Тутъ сказано было, что объявленія раздаются «съ подробнымъ объясненіемъ о предметѣ и расположеніи вновь выходящаго изданія» и проч., «на которое началась нынѣ въ той лавкѣ подписка и будетъ продолжаться по февраль мѣсяцъ будущаго 1789 г.» Къ сожалѣнію, самое объявленіе это не сохранилось. Оно въ измѣненномъ видѣ перепечатано при первой книжкѣ «*Почты Духовъ*»; при 2-мъ же изданіи этого сборника, въ 1802 г., значительно укорочено и искажено.

тогда называли, «петиметровъ», спѣсь и невѣжество дворянъ, взяточничество и казнокрадство, порочность судей, произволъ и т. п. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не замѣтить, что тогда какъ прежніе журналы, выставляя главнымъ образомъ бытовую сторону общества, ограничивались описаніемъ существовавшихъ золъ, Крыловъ заглядывалъ въ ихъ причины, обнажалъ нравственныя язвы, изъ которыхъ они проистекали. У него сатира глубже, рѣзче и разнообразнѣе. Она обнимаетъ всѣ слои общества, всѣ сословія, и потому принимаетъ характеръ вполнѣ общественный. Къ этому надобно прибавить и то, что̀ зависитъ собственно отъ таланта писателя: Козицкій, Новиковъ, Эминъ и др. были только умными наблюдателями, Крыловъ является уже возникающимъ художникомъ. Въ немъ уже виденъ эпическій разсказчикъ, часто облекающій мысль въ выпуклый или яркій образъ. «*Почта Духовъ*» представляетъ намъ пеструю картину свѣта, въ которой сцена безпрестанно мѣняется, и передъ нами проходятъ всѣ страсти, всѣ темныя и смѣшныя слабости человѣчества.

Во «Вступленіи» къ «*Почтѣ Духовъ*» Крыловъ разсказываетъ, будто онъ, однажды, въ ненастный осенній день, возвращался разсерженный отъ его превосходительства г. Пустолоба, къ которому 8 мѣсяцевъ ходилъ по одному дѣлу и который въ 115-й разъ очень учтиво просилъ его пожаловать *завтра* (черта нравовъ, которую вообще любитъ выставлять наша старинная сатира). Тутъ является вдругъ волшебникъ, ученый и знатный Маликульмулькъ; онъ беретъ автора къ себѣ въ секретари, превращаетъ полуразвалившійся домъ въ богатые хоромы и даритъ ихъ новому своему знакомцу, но вмѣстѣ объявляетъ, что только самъ жилецъ будетъ наслаждаться ихъ пышностью; всѣмъ же гостямъ его эти комнаты будутъ казаться такими же, какъ были, т. е. пустыми сараями. «Оставь, другъ мой, думать людей», говоритъ волшебникъ, «что ты бѣденъ, и наслаждайся своимъ богатствомъ: истинное состояніе человѣка не по тому называется богатымъ или бѣднымъ, ка̀къ другіе о немъ думаютъ, но по тому, ка̀къ онъ самъ себя почитаетъ». Авторъ, пораздумавъ, согласился съ этимъ мнѣніемъ. «Итакъ», говоритъ онъ, «я рѣшился остаться въ томъ домѣ: пусть люди будутъ меня почитать бѣднымъ; что̀ мнѣ до того за нужда! Довольно, если я для себя кажусь богатымъ». Здѣсь уже выразилась сущность практической философіи Крылова, реализмъ его житейской мудрости, которому онъ навсегда остался вѣренъ.

Мы не послѣдуемъ за Крыловымъ въ письмахъ невидимыхъ корреспондентовъ Маликульмулька; но извлечемъ изъ нихъ, въ сокращенномъ видѣ, нѣсколько характеристическихъ разсказовъ,

которые познакомятъ насъ со взглядами молодого писателя на русское общество. Увидимъ при этомъ, что притча уже тогда была любимой формой сатиры Крылова. Но мы не должны забывать, что его сатира относится къ давнопрошедшему времени: если она не всегда примѣнима къ настоящему, тѣмъ лучше для насъ, потомковъ сатирика. Его современники, находя въ ней личные намеки, могли оскорбляться ею: для насъ она утратила эту сторону своей язвительности.

Богатый купецъ Плуторѣзъ [1]) угощаетъ на своихъ именинахъ вельможу, трехъ придворныхъ и нѣсколькихъ начальниковъ города. За роскошнымъ обѣдомъ вельможа выхваляетъ любовь къ отечеству, судья ставитъ выше всего честь, купецъ хвалитъ безкорыстіе; всѣ же согласны въ томъ, что законы слишкомъ строго наказываютъ за плутовство, и что надобно смягчить ихъ жестокость. Вельможа обѣщаетъ подать голосъ объ уничтоженіи увѣчныхъ и смертныхъ наказаній, которымъ подвергаются плуты и грабители, за что многіе изъ гостей, а особливо судья Тихокрадовъ и самъ хозяинъ Плуторѣзъ, очень его благодарятъ. Потомъ рѣчь заходитъ о хозяйскомъ сынѣ и выборѣ ему рода службы. Каждый изъ гостей предлагаетъ вывести его въ люди въ томъ званіи, къ которому самъ принадлежитъ. «Другъ мой», сказалъ придворный, «оставь это на мое попеченіе: изъ дружбы къ тебѣ я не совѣщусь занимать у тебя деньги и быть должнымъ, а потому ты не можешь сомнѣваться въ участіи, какое я принимаю въ судьбѣ твоего сына. Дѣло только въ томъ, чтобъ ты далъ мнѣ въ руки 20 т., которыя будутъ употреблены въ его пользу: я помѣщу его имя въ списокъ отборнаго военнаго корпуса, сдѣлаю его дворяниномъ и потомъ пристрою его ко двору... Сколько же такое состояніе блистательно, ты самъ это знаешь, и надобно только имѣть глаза, чтобъ видѣть насъ во всемъ нашемъ великолѣпіи, на усовершеніе котораго портные, брильянщики и др. художники истощаютъ все свое искусство, чтобы тѣмъ показать цѣну нашихъ достоинствъ и дарованій. Богатыя одежды, сшитыя по послѣднему вкусу, прическа, пристойная сановитость, важность и уклончивость, соразмѣрныя времени, мѣсту и случаю, возвышеніе и пониженіе голоса, походка, пріемы и тѣлодвиженія отличаютъ насъ въ нашихъ заслугахъ и составляютъ нашу службу. Граматы предковъ нашихъ явно всѣмъ доказываютъ, что кровь, текущая въ нашихъ жилахъ, издавна

---

[1]) *«Почта Духовъ»*, ч. I, стр. 107 (письмо 11). Представляя здѣсь сокращенно содержаніе нѣкоторыхъ писемъ, удерживаю языкъ подлинника только въ той мѣрѣ, въ какой это соединимо съ моей цѣлью.

преисполнена была усердіемъ къ пользѣ отечества; а наши ливреи и экипажи неложно свидѣтельствуютъ о важности нашихъ чиновъ въ государствѣ. Правда, что философы почитаютъ насъ мучениками, однакожъ это несправедливо; за то и мы ихъ считаемъ безумцами, которые пустою тѣнью услаждаютъ горестную и бѣдную свою жизнь. Итакъ, другъ любезный, что тебѣ стоитъ 20 т.? Не сущая ли это бездѣлка въ сравненіи съ тѣмъ счастіемъ твоего сына, которое я сильнѣйшимъ своимъ предстательствомъ обѣщаю ему доставить, а знакомые мои, танцмейстеръ, актеръ, портной и парикмахеръ, въ короткое время пособятъ мнѣ сдѣлать изъ твоего сына блистательную особу въ большомъ свѣтѣ!» Въ свою очередь другой гость, драгунскій капитанъ Рубакинъ, совѣтуетъ Плуторѣзу записать сына въ военную службу. По его мнѣнію, это первѣйшее въ свѣтѣ состояніе: военному человѣку нѣтъ ничего не позволеннаго; ему нуженъ больше лобъ, нежели мозгъ, а иногда больше нужны ноги, нежели руки. Затѣмъ въ разговоръ вмѣшивается судья Тихокрадовъ и, улыбаясь, возражаетъ Рубакину: «Я могу коротко сказать, что службѣ моей обязанъ я знатнымъ доходомъ, состоящимъ изъ 10 т.; вступая же въ нее, не имѣлъ я ни полушки; итакъ, одно это довольно могло бы доказать, что перо гораздо полезнѣе шпаги... Статскій человѣкъ имѣетъ еще то преимущество, что, не подвергая себя видимой опасности, какой подвергается воинъ, можетъ ежедневно обогащать себя и присвоивать вещи съ собственнаго согласія ихъ хозяевъ, которые за немалое еще удовольствіе себѣ поставляютъ служить ими и почитаютъ за отмѣнную къ нимъ благосклонность, если отъ нихъ такія вещи принимаешь. Сверхъ того, статскій человѣкъ можетъ производить торгъ своими рѣшеніями точно также, какъ и купецъ, съ тою только разницею, что одинъ продаетъ свои товары по извѣстнымъ цѣнамъ на аршины или на фунты, а другой измѣряетъ продажное правосудіе собственнымъ своимъ размѣромъ и продаетъ его, сообразуясь съ обстоятельствами. Если вы скажете, что все это не позволено законами, то, по крайней мѣрѣ, должны признаться, что въ свѣтѣ обыкновенія столь же сильны, какъ и самые законы». Наконецъ, рѣчь заводитъ находящійся тутъ же въ числѣ гостей художникъ Трудолюбовъ. «Любезный Плуторѣзъ», говоритъ онъ хозяину, «если ты хочешь доставить сыну своему счастіе какимъ нибудь художествомъ, то или пошли его для работы въ чужіе края, или не вели ему ни за что приниматься, потому что здѣшніе жители своихъ художниковъ и ихъ работу ни за что почитаютъ, а уважаютъ одно привозимое изъ-за моря». — «Нѣтъ, милостивые государи», сказалъ хозяинъ, «я

свое состояніе всѣмъ прочимъ предпочитаю, и оставлю навсегда въ немъ своего сына. Правда, я не дворянинъ, но деньги все мнѣ замѣняютъ!» Я увидѣлъ, заключаетъ сатирикъ, что онъ говоритъ правду; потому что, процвѣтая въ избыткѣ, живетъ онъ какъ маленькій царёкъ!

Мы видѣли, что одинъ изъ гостей выразилъ глубокое презрѣніе къ философамъ, т. е. къ людямъ мысли и слова. Какъ, впослѣдствіи, въ своихъ басняхъ, такъ уже и въ прозаической сатирѣ, Крыловъ является горячимъ поборникомъ просвѣщенія. Но хотя онъ и часто съ ироніей отзывается о незавидномъ положеніи писателя въ тогдашнемъ обществѣ, о неуваженіи дворянъ, военныхъ и вельможъ къ умственному труду, однакожъ не надобно думать, чтобъ онъ оставлялъ въ покоѣ тотъ классъ людей, къ которому самъ принадлежалъ, т. е. пишущую братью вообще, разумѣя и литераторовъ и ученыхъ. Еслибъ, говоритъ онъ, авторы, вмѣсто изслѣдованія различныхъ состояній, захотѣли вникнуть только въ состояніе ученыхъ и философовъ, то и тогда могли бы примѣтить, какъ далеко простирается слабость человѣческаго разума [1]). Онъ жалѣетъ, что большая часть ученыхъ руководствуются болѣе тщеславіемъ и славолюбіемъ, нежели искреннимъ желаніемъ распространять добро и истину. Особенно же упрекаетъ онъ ихъ въ томъ, что каждый старается превозносить до небесъ ту науку, которою самъ занимается, и желалъ бы при прославленіи ея помрачить всѣ другія науки. Ученые думаютъ, продолжаетъ онъ, что если люди будутъ болѣе уважать ту науку, въ которой они себя отличили, то чрезъ то и къ нимъ самимъ будутъ имѣть больше почтенія; философъ увѣренъ, что чѣмъ болѣе философія будетъ въ почетѣ, и онъ болѣе будетъ уважаемъ. Историкъ, стихотворецъ и риторъ такія же имѣютъ мысли. Однакожъ, въ заключеніе, Крыловъ проситъ снисхожденія къ ученымъ, потому что соревнованіе, которое они одинъ противъ другого чувствуютъ, поощряетъ ихъ производить многія прекраснѣйшія творенія. А притомъ, прибавляетъ онъ, надобно сказать и то, что не всѣ ученые люди любовь къ славѣ и странное желаніе, чтобъ о нихъ съ похвалою говорили, простираютъ до крайности. Хотя совершенная правда, что всѣ жаждутъ безсмертія, однакожъ не всѣ къ достиженію его употребляютъ одинакіе способы, и не всѣ желаютъ его купить за одинакую цѣну.

Въ современной ему литературѣ Крыловъ не разъ клеймитъ насмѣшкою тѣхъ мнимыхъ сочинителей, которые, въ сущности,

---

[1]) *П. Д.*, ч. II, письмо 40.

не что иное, какъ плохіе переводчики [1]). Описывая сцену въ книжной лавкѣ, критикъ, послѣ ухода дѣйствующихъ лицъ, спрашиваетъ книгопродавца, который жаловался на худой сбытъ своего товара: «Отчего же здѣсь мало хорошихъ книгъ?» — «Оттого, сударь, отвѣчалъ тотъ, что здѣсь множество авторовъ занимаются не тѣмъ, чтобъ что-нибудь *написать*, но чтобы что-нибудь *напечатать* и поспѣшить всенародно объявить, что они невѣжи. Страсть къ стихотворству здѣсь сильнѣе нежели въ другихъ мѣстахъ, но страсти къ истинѣ и къ красотамъ очень мало въ сочинителяхъ; оттого-то здѣсь нѣтъ хорошихъ книгъ, но множество лавокъ завалено бреднями худыхъ стихотворцевъ!»

Между своими собратьями-писателями Крыловъ бичуетъ не только бездарныхъ одописцевъ и вообще пристрастныхъ льстецовъ, скрывающихъ пороки своихъ единоземцевъ, но и тѣхъ, по его словамъ, гнусныхъ сатириковъ, которые бранятъ свое отечество безъ всякой другой причины, кромѣ желанія показать остроту своего пера [2]). Тоже патріотическое чувство, которое выразилось въ этихъ словахъ, заставляло Крылова преслѣдовать съ особенною настойчивостью тò легкомысліе, съ какимъ русское общество, прельстясь обманчивымъ лоскомъ французскаго образованія, надолго отдалось въ руки западно-европейскихъ выходцевъ. Извѣстно, какое значеніе французы пріобрѣли у насъ тогда въ общежитіи, въ воспитаніи и въ торговлѣ. Эта сторона русскихъ нравовъ сдѣлалась одною изъ любимыхъ темъ Крылова во всѣхъ его сатирическихъ сочиненіяхъ. Къ моднымъ лавкамъ, часто служившимъ притонами порчи нравовъ и всякаго обмана, возвращался онъ часто и, наконецъ, посвятилъ этому предмету извѣстную комедію. Послѣдствія французскаго воспитанія выставлены имъ въ комедіи «*Урокъ дочкамъ*», а впослѣдствіи и въ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ его басень. Противъ этого зла направлены также многія мѣста «*Почты Духовъ*». Французы, по его замѣчанію [3]), удивляются просвѣщенному вкусу туземцевъ, но смѣются имъ въ глаза и сбираютъ съ нихъ деньги; они принудили здѣшнихъ жителей, не объявляя имъ войны и не имѣя никакихъ къ тому правъ, платить себѣ столь тяжкую подать, какой не сбиралъ Римъ съ своихъ подвластныхъ народовъ во время корыстолюбивѣйшихъ своихъ правителей. Это политическое покореніе туземцевъ французами, пишетъ Крыловъ, такъ хитро произведено въ дѣйство, что я не могу этого разобрать подробно. Об-

---

[1]) *П. Д.*, ч. II, письмо 30.
[2]) *П. Д.*, ч. I, п. 9.
[3]) *П. Д.*, ч. II, п. 39.

разчикомъ ихъ нахальства и болтовни выставленъ парикмахеръ [1]). «Едва успѣлъ онъ взять въ руки гребенку, какъ заговорилъ о политикѣ. Онъ перебиралъ правительства разныхъ народовъ, дѣлалъ заключенія, давалъ рѣшенія и съ такою же легкостію вертѣлъ государствами, какъ пудреною кистью. Вся министерія была ему открыта; и когда дѣло доходило до утвержденія какихъ нибудь изъ его рѣшеній, тогда этотъ незастѣнчивый человѣкъ, нимало не краснѣя, говорилъ, что съ такимъ и такимъ его мнѣніемъ согласенъ такой-то министръ, такой-то сенаторъ и такой-то генералъ, которымъ онъ чешетъ головы. Онъ увѣрялъ о себѣ безстыднымъ образомъ, что многіе вельможи, производя при немъ ежедневно сокровеннѣйшія дѣла государства, не рѣдко совѣтуются съ нимъ о важнѣйшихъ пунктахъ министеріи и часто дѣлаютъ свои рѣшенія по его мнѣніямъ.»

Достойнымъ ученикомъ подобныхъ господъ, изъ которыхъ многіе попадали въ Россію съ галеръ или изъ-подъ висѣлицы, является въ *«Почтѣ Духовъ»* русскій салонный щеголь графъ Припрыжкинъ [2]). Этотъ 20-ти лѣтній повѣса проводитъ всю свою жизнь въ шалостяхъ, которыми утѣшаетъ своихъ родителей, плѣняетъ женщинъ, разоряетъ легковѣрныхъ заимодавцевъ и т. д. Тѣмъ не менѣе, во многихъ знатныхъ домахъ его уважаютъ и удивляются его разуму, учености и дарованіямъ; часто ничего незначущее привѣтствіе, сказанное имъ, почитаютъ за острое слово, и если онъ улыбается, то всѣ начинаютъ хохотать во все горло, ожидая терпѣливо, когда онъ откроетъ причину своей улыбки. Съ такими качествами Припрыжкину легко было сдѣлаться женихомъ богатой невѣсты. Онъ отправляется за покупками къ свадьбѣ; его сопровождаетъ сатирикъ, который и разсказываетъ объ этой прогулкѣ по Гостиному двору. Одинъ купецъ объясняетъ имъ причину дороговизны, въ которой полагается главное достоинство товара: «Его сіятельство, говоритъ онъ, вздумалъ жениться: ему необходимо запастись множествомъ мелочей; деньги на нихъ онъ долженъ взять съ своихъ 400 душъ крестьянъ. Въ одну минуту посылаетъ онъ приказъ: собрать съ нихъ къ будущему году 80 т. р. Мужики, не надѣясь однимъ хлѣбопашествомъ доставить своему господину такую сумму, оставляютъ свои селенія и бредутъ въ города, гдѣ, обыкновенно, можно выработать болѣе денегъ: вмѣсто сохи и бороны берутъ они лопаты и топоры, становятся каменьщиками, плотниками и разнощиками, днемъ работаютъ, а по ночамъ, чтобъ лучше собрать свой оброкъ,

---

[1]) *П. Д.*, ч. I, п. 9.

[2]) *П. Д.*, ч. I, п. 9 и 17.

взыскиваютъ его съ прохожихъ... Отъ такихъ-то гостей становится все дорого. Мужики стараются вымещать это на ремесленникахъ, ремесленники на купцахъ, купцы на господахъ, а господа опять принимаются за своихъ крестьянъ. Къ концу года, крестьяне возвращаются въ свои жилища съ деньгами, отдаютъ 80 т. р. господину, а на остальные 10 т. посылаютъ въ городъ купить себѣ хлѣба, котораго становится мало до будущаго года. Итакъ, города терпятъ недостатокъ, деревни голодъ, граждане дороговизну, а его сіятельство остается при новомодныхъ галантерейныхъ вещахъ, и празднуетъ нѣсколько дней великолѣпно свадьбу съ своею почтенною невѣстою, которая, съ своей стороны, щегольствомъ такую же приноситъ пользу государству».

Отыскивая всему мѣсто въ движеніи общественнаго строя, сатирикъ не забываетъ и значенія женщинъ. «Женщины играютъ въ политикѣ не малое лицо: онѣ движутъ всѣми пружинами правленія и черезъ нихъ дѣлаются самыя большія и малыя дѣла. Хотя ты съ перваго взгляда и подумаешь, что мущины всѣмъ правятъ, а женщины ничего не значатъ, но очень ошибешься и, посмотря хорошенько, увидишь, что мущины не что иное, какъ ходатаи и правители ихъ дѣлъ и исполнители ихъ предпріятій [1])». Эти слова взяты изъ разговора Плутона съ Прозерпиной. Калигула — говоритъ она между прочимъ — сдѣлалъ свою лошадь сенаторомъ, и всѣ римляне оказывали ей наивозможнѣйшее уваженіе. Теперь этому смѣются, не примѣчая, что потомки калигулина коня, не теряя своей знатности, размножаются по свѣту. Можетъ быть, будущіе вѣка будутъ такъ же смѣяться нынѣшнему вѣку, какъ этотъ прошедшему. Обыкновенно, такимъ образомъ новые вѣка хохочутъ надъ дурачествами старыхъ, получая оныя отъ нихъ себѣ въ наслѣдство; послѣдній вѣкъ только одинъ можетъ похвалиться, что не будетъ осмѣянъ.

Чтобы показать, ка̀къ Крыловъ смотрѣлъ на извѣстныя стороны нравовъ современнаго ему русскаго общества и въ тоже время дать понятіе, ка̀къ онъ разработывалъ однѣ и тѣ же темы въ сатирѣ и въ баснѣ, приведу изъ *«Почты Духовъ»* еще одну замѣчательную притчу [2]). Въ судейскую залу толстый купецъ втащилъ бѣдняка, крича, что тотъ укралъ у него платокъ, и требуя, чтобъ его судили по всей строгости законовъ. Судьи опредѣлили бѣдняка повѣсить. Приговоренный объясняетъ, что онъ, умирая съ голоду, дѣйствительно укралъ платокъ. Имѣя врожденный талантъ къ живописи, онъ усовершенствовался въ

---

[1]) *П. Д.*, ч. II, п. 34.
[2]) *П. Д.*, ч. I, п. 12.

чужихъ краяхъ и надѣялся найти въ отечествѣ безбѣдное содержаніе. Что-жъ вышло? «Мои картины, говоритъ онъ, хотя всѣми были здѣсь одобряемы, но ихъ порочили тѣмъ, что онѣ не были апеллесовы, рубенсовы, рафаэлевы, или, по меньшей мѣрѣ, не были иностранной работы, и потому никто не хотѣлъ имѣть ихъ въ своихъ галлереяхъ. Это меня лишило бодрости, и повергло въ отчаяніе и нищету... Итакъ, разсмотрите теперь, я ли виновенъ, что по необходимости прибѣгнулъ къ пороку, или вы, гнушающіеся талантами своихъ соотечественниковъ?» Между судьями завязался споръ. Вдругъ отворились двери залы и вошелъ богато-одѣтый господинъ; всѣ судьи передъ нимъ встали и просили его сѣсть. Этотъ богачъ, узнавъ предметъ спора, далъ выкупъ за живописца и предложилъ ему размалевать паркетъ въ своей прихожей. Живописца выпустили, и этотъ рѣдкій художникъ, который могъ бы сдѣлать честь своему отечеству, дожидался своего избавителя, чтобъ идти за нимъ рисовать холстъ для обтиранія ногъ пьяныхъ служителей. — «Кто это, спросилъ сатирикъ у одного изъ стоявшихъ вблизи, — кто это такъ щедро выкупилъ живописца и передъ кѣмъ судьи такъ благоговѣютъ?» — Это одинъ преступникъ, отвѣчалъ ему тотъ на ухо, который судится въ похищеніи и грабительствѣ, и вотъ уже лѣтъ двадцать, какъ это дѣло тянется... На него донесено, что онъ покралъ изъ государственной казны нѣсколько милліоновъ, и разграбилъ цѣлую врученную ему область. — «Пропадшій же онъ человѣкъ, сказалъ сатирикъ, — его, конечно, уже замучаютъ жесточайшими казнями». — «Напротивъ того, былъ отвѣтъ: онъ уже оправдался передъ правосудіемъ, и это ему стòитъ одного милліона, а, чтобъ оправдаться въ глазахъ народа, онъ дѣлаетъ такіе выкупы, какимъ освобожденъ живописецъ, и взноситъ на содержаніе сиротъ не малыя суммы денегъ, и чрезъ то въ мысляхъ нѣкоторыхъ людей почитается честнымъ, сострадательнымъ и правымъ человѣкомъ... Но я вижу, продолжалъ онъ, что вы недавно пріѣхали на нашъ островъ; поживите-тко у насъ по-долѣ, такъ и увидите всего по-болѣ.»

Кто не узнàетъ въ этой притчѣ почти то же содержаніе, какъ въ баснѣ о Вороненкѣ, который, по примѣру орла, хотѣлъ украсть лучшаго барана въ стадѣ, но запутался когтями въ его шерсти —

И кончилъ подвигъ тѣмъ, что самъ попалъ въ полонъ; —

изъ чего баснописецъ выводитъ такое заключеніе:

Нерѣдко у людей тожъ самое бываетъ,
Коль мелкій плутъ

Большому плуту подражаетъ:
Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ.'

Но сатирикъ освѣщаетъ свою мысль еще болѣе общимъ выводомъ, обнаруживающимъ любопытный, хотя и не радостный взглядъ Крылова на духъ всего тогдашняго общества. Это ясно изъ продолженія приведеннаго разговора въ судейской палатѣ. Посѣтитель суда удивлялся тому, что̀ видѣлъ. Новый знакомецъ его, объяснивъ, что только грубое воровство запрещено закономъ и подвергаетъ наказанію, разсказалъ ему слышанное отъ дѣда: «Пристрастіе къ плутовству есть природное свойство здѣшнихъ жителей, и мои земляки уже давно имъ промышляютъ. Въ старину, оно было во всей своей силѣ; но какъ просвѣщеніе на́чало умножаться, то наши промышленники приняли на себя разныя имена: первостатейные сдѣлались *старшинами* и *законниками*, другіе *купцами*, а третьи *ремесленниками* и *поселянами*; но, перемѣняя званія, жители не перемѣнили своихъ склонностей, и плутовство никогда столько не владычествовало надъ ними, какъ послѣ сей перемѣны, такъ что наконецъ оно превратилось въ совершенный грабежъ, которому однакожъ даны самые честные виды; одно только старое воровство запрещено, а впрочемъ, кто чѣмъ болѣе крадетъ, тѣмъ онъ почтеннѣе. Опасно лишь тому, кто въ семъ хранитъ умѣренность: украденное яблоко можетъ стоить го̀ловы, а милліоны золота принесутъ уваженіе».

Этотъ взглядъ не вполнѣ измѣнился у Крылова и въ старости. Доказательство тому можно видѣть въ небольшой его баснѣ *Купецъ* (1830 г.), для которой выписанный сейчасъ разговоръ можетъ служить лучшимъ комментаріемъ. Вотъ эта басня или, вѣрнѣе, поэтическая притча:

Поди-ка, братъ Андрей!
Куда ты тамъ запалъ? Поди сюда скорѣй
Да подивуйся дядѣ!
Торгуй по-моему, такъ будешь не въ накладѣ,—
Такъ въ лавкѣ говорилъ племяннику купецъ:
Ты знаешь польскаго сукна конецъ,
Который у меня такъ долго залежался,
Затѣмъ что̀ онъ и старъ и подмочёнъ и гнилъ.
Вѣдь это я сукно за англійское сбылъ!
Вотъ, видишь, сей лишь часъ взялъ за него сотняжку:
Богъ блушка послалъ.
—Все это, дядя, такъ, племянникъ отвѣчалъ:
Да въ олухи-то, я не знаю, кто попалъ;
Вглядись-ко: ты вѣдь взялъ фальшивую бумажку.

Обмануть, обманулъ купецъ! въ томъ дива нѣтъ;
Но если кто на свѣтѣ

Повыше лавокъ взглянетъ, —
Увидитъ, что и тамъ на ту же стать идетъ,
Почти у всѣхъ въ умѣ одинъ разсчетъ:
Кого кто лучше проведетъ
И кто кого хитрѣй обманетъ.

Такимъ образомъ, сатира Крылова часто развиваетъ съ большею полнотою и ясностью тѣ же мысли, которыя мы позднѣе встрѣчаемъ въ его басняхъ. Иногда въ послѣднихъ попадаются образы или черты, уже знакомые намъ изъ его сатирическихъ сочиненій. Такъ въ «*Почтѣ Духовъ*» [1]), и въ «Мысляхъ философа по модѣ» [2]) мы находимъ первообразъ «Слона и Моськи». Представляя въ смѣшномъ видѣ блистательнаго молодого человѣка, который шутитъ надъ важными истинами, не понимая ихъ, Крыловъ говоритъ: «При всей мелкости своего ума, онъ тогда такъ милъ, какъ болонская собачка, которая бросается на драгунскаго рослаго капитана и хочетъ разорвать его, между тѣмъ какъ онъ равнодушно куритъ трубку, не занимаясь ея гнѣвомъ. Какъ мила и забавна смѣлость этой собачонки, такъ точно забавна смѣлость вашего ума, когда огрызается онъ на вещи, передъ коими онъ менѣе, нежели болонская собачка передъ драгунскимъ капитаномъ». Идея басни, сравнивающей мѣшокъ, наполненный червонцами, съ откупщиками или игроками, разбогатѣвшими съ грѣхомъ пополамъ, высказана первоначально въ слѣдующемъ размышленіи «*Ночи*» [3]): «Многіе поселяне, оставляя нивы, стали подъ покровительствомъ моимъ собирать съ проѣзжихъ оброкъ, а потомъ переселялись совсѣмъ въ города, и тамъ, воруя сперва въ присутствіи моемъ, наконецъ, подъ названіемъ откупщиковъ и подрядчиковъ, стали безопасно уже воровать и днемъ, не помышляя ни о серпѣ, ни о нивѣ». Первое начертаніе басни о гусяхъ, хвалящихся тѣмъ, что предки ихъ спасли Римъ, встрѣчается въ слѣдующихъ строкахъ «*Почты Духовъ*» [4]): «Мѣщанинъ добродѣтельный и честный крестьянинъ для меня во сто разъ драгоцѣннѣе дворянина, счисляющаго въ своемъ родѣ до 30 дворянскихъ колѣнъ, но не имѣющаго никакихъ достоинствъ, кромѣ того счастья, что родился отъ благородныхъ родителей, которые также, можетъ быть, не болѣе его принесли пользы своему отечеству, только умножая число безплодныхъ вѣтвей своего родословнаго дерева».

---

[1]) Ч. 1, п. 9.
[2]) «*Зритель*», ч. II, стр. 288.
[3]) «*Зритель*», ч. 1, стр. 149.
[4]) *П. Д.*, ч. II, п. 37.

Въ примѣръ образовъ, повторяющихся въ сатирѣ и въ басняхъ Крылова, можно также привести обезьяну, кривляющуюся передъ зеркаломъ [1]). Тема басни *«Вельможа»*, направленной, такъ какъ и многія изъ прежнихъ его басенъ, противъ дурныхъ судей и ихъ секретарей, часто занимаетъ его уже въ *«Почтѣ Духовъ»*. Одно цѣлое письмо [2]) посвящено изображенію примѣрнаго судьи и такого же секретаря. Мы видимъ, какъ рано возникли въ душѣ Крылова и какъ долго носились въ ней многіе изъ тѣхъ идей и образовъ, которымъ онъ далъ окончательное развитіе въ послѣдній періодъ своей дѣятельности; можно сказать, что нѣкоторые изъ нихъ онъ воспитывалъ въ себѣ съ тѣхъ поръ, какъ помнилъ себя. Оттого, для многихъ его басень мы напрасно стали бы искать источника въ современныхъ событіяхъ и лицахъ; происхожденіе ихъ часто объясняется гораздо проще: малѣйшій поводъ, ничтожный случай пробуждалъ въ его душѣ давно устоявшіеся въ ней наблюденія и выводы, которые творческая фантазія его легко одѣвала въ новые образы. Вотъ чѣмъ объясняются та естественность и зрѣлость, которыя такъ изумляютъ насъ въ вымыслѣ и формѣ басень Крылова.—Въ *«Почтѣ Духовъ»* и другихъ сатирическихъ сочиненіяхъ его какъ-бы предчувствуется уже будущій баснописецъ; онъ проглядываетъ и въ любимой формѣ крыловскаго разсказа, часто принимающаго характеръ то сказки, то притчи. Таковъ, напр., весь его разсказъ: *«Ночи»*; такова и восточная повѣсть *«Каибъ»*, гдѣ мастерски обрисованы отношенія раболѣпнаго дивана и народа къ своему калифу; въ этой сказкѣ уже встрѣчается и басенька,—первый опытъ Крылова въ этомъ родѣ: полотно, на которомъ написана картина, вздумало приписывать себѣ ея успѣхъ; паукъ говоритъ ему: — Ты напрасно гордишься; еслибъ не вздумалось славному художнику покрыть тебя блестящими красками, то ты давно бы истлѣло, бывъ употреблено на обтирку посуды.—Въ «Мысляхъ философа по модѣ» неисправимость людей на перекоръ сатирѣ сравнивается съ упорствомъ стараго осла, который съ терпѣніемъ слушаетъ понуканія и брань своего хозяина, зная, что это одинъ пустой звукъ, и продолжаетъ свой путь по прежнему тихимъ шагомъ, оставляя хозяина въ надеждѣ, что онъ когда нибудь его уговоритъ. Но всего замѣчательнѣе, какъ отдаленное предзнаменованіе перехода Крылова къ баснѣ, слѣдующія строки одной изъ послѣднихъ страницъ *«Почты Духовъ»* [3]): «Нравоучительныя пра-

---

[1]) П. Д., ч. I, п. 10.
[2]) Ч. I, п. 18.
[3]) Ч. II, п. 49.

вила должны состоять не въ пышныхъ и высокопарныхъ выраженіяхъ, а чтобъ въ короткихъ словахъ изъяснена была самая истина. Люди часто впадаютъ въ пороки и заблужденія не отъ того, чтобъ не знали главнѣйшихъ правилъ, по которымъ должны они располагать свои поступки, но отъ того, что они ихъ позабываютъ, а для сего-то и надлежало бы поставлять въ число благотворителей рода человѣческаго того, кто главнѣйшія правила добродѣтельныхъ поступковъ предлагаетъ въ короткихъ выраженіяхъ, дабы они глубже впечатлѣвались въ памяти».

Призваніе изучать человѣческое сердце и пружины общественной жизни Крыловъ созналъ въ себѣ чрезвычайно рано. На свѣтъ смотрѣлъ онъ какъ на обширное училище, открытое для всѣхъ желающихъ научиться; ему казалось, что заблужденія, замѣчаемыя нами въ другихъ, могутъ служить намъ лучшими уроками, и что изображеніе ихъ достойно пера мыслителя, желающаго употребить съ пользою свои дарованія [1]). Но однѣ врожденныя способности помогли юношѣ-Крылову стать твердою ногой на поприщѣ писателя. Извѣстно, что полученное имъ школьное образованіе было чрезвычайно скудно; между тѣмъ сатира его показываетъ въ немъ большую начитанность; ему знакомы произведенія лучшихъ умовъ древняго и новаго міра. Извѣстно также, что умная мать рано внушила Крылову охоту къ чтенію и самодѣятельности, и онъ, мало по малу, ознакомился со многими великими писателями. Всматриваясь вообще въ дѣятельность нашихъ литературныхъ знаменитостей прошлаго вѣка, мы замѣчаемъ, что большая часть изъ нихъ почерпнули главное свое образованіе изъ того же источника — изъ чтенія. Великіе писатели — вотъ та школа, въ которой преимущественно образовались Сумароковъ, Державинъ, фонъ-Визинъ, Карамзинъ и еще въ не столь далекое время Пушкинъ. И мы должны сознаться, что этотъ важный элементъ образованія значительно ослабѣлъ въ нашу, болѣе суетливую эпоху, когда прилежное чтеніе газетъ, лихорадочное участіе въ общественной жизни и налагаемая духомъ вѣка обязанность *слѣдить за всѣмъ*, уносятъ такъ много времени. Кто, кромѣ великихъ писателей, могъ развить въ сынѣ бѣднаго армейскаго офицера, въ маленькомъ провинціальномъ чиновникѣ, тѣ благородные и высокіе помыслы, съ которыми онъ уже на 22 году жизни является наставникомъ общественной нравственности и смѣло обращается ко всѣмъ сословіямъ?

Но однѣ книги не могли доставить ему того глубокаго знанія свѣта, какое мы замѣчаемъ уже въ юношескихъ трудахъ его.

---

[1]) *П. Д.* ч. II, п. 28.

Въ *«Почтѣ Духовъ»* есть мѣсто, раскрывающее намъ, кажется, черту біографіи самого автора и вмѣстѣ тайну его ранняго знакомства съ наукою жизни и сердца человѣческаго. — Одинъ изъ подземныхъ жителей, по имени Зоръ, вздумалъ узнать изъ книгъ нравы и обычаи описываемаго имъ государства; но у писателей этой страны онъ не нашелъ истины и потому рѣшился не въ кабинетѣ своемъ судить о духѣ государства, а вмѣшаться въ общество; чтобъ получить обо всемъ вѣрное понятіе, онъ выбралъ себѣ въ проводники одного молодого и знатнаго повѣсу, съ которымъ могъ имѣть входъ во многіе дома. Человѣкъ, выбранный Зоромъ для его цѣли, есть уже знакомый намъ графъ Припрыжкинъ, который и посвящаетъ его въ тайны большого свѣта. Изъ этого мѣста мы можемъ съ вѣроятіемъ заключить, что самъ Крыловъ, такъ хорошо понимавшій, какую услугу Припрыжкины могутъ оказывать писателю, не гнушался знакомства съ подобными господами. Но, посѣщая свѣтъ, Крыловъ, подобно Карамзину, понималъ также, что писатель долженъ заглядывать въ общество, а жить въ кабинетѣ [1]). Нѣкоторое отчужденіе отъ людей считалъ онъ благотворнымъ въ каждомъ званіи. «Пусть осуждаютъ, сколько хотятъ — писалъ онъ [2]) — грубость и странные по мнѣнію нѣкоторыхъ людей поступки мизантроповъ; я буду всегда утверждать, что почти невозможно быть совершенно честнымъ человѣкомъ, не бывъ нѣсколько имъ подобнымъ. Если бы при дворахъ государей находилось нѣкоторое число мизантроповъ, то какое счастіе послѣдовало бы тогда для всего народа! Каждый государь, внимая гласу ихъ, познавалъ бы тотчасъ истину... Министры, судьи, вельможи, однимъ словомъ, всѣ тѣ, коимъ ввѣрено благосостояніе народное, трепетали бы при единомъ названіи мизантропа... «Ничто, сказали бы они, не можетъ остановить сего ужаснаго провозвѣстника истины. Скоро гласъ его раздастся повсюду и, достигнувъ престола, извѣститъ государя о всѣхъ тайныхъ нашихъ дѣлахъ».

Почти туже тему развиваетъ Крыловъ въ другомъ мѣстѣ, разсматривая, кто истинно честный человѣкъ въ каждомъ сословіи [3]). «Великая разность — говоритъ онъ — между честнымъ человѣкомъ, почитающимся таковымъ отъ философовъ, и между честнымъ человѣкомъ, такъ называемымъ въ обществѣ... Послѣдній

[1]) Слова Карамзина въ статьѣ: «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ». Вѣстн. Европы, 1802, ч. 4, № 14, стр. 120 — 128.

[2]) *П. Д.*, ч. I, п. 4.

[3]) *П. Д.*, ч. II, п. 24.

часто не что иное, какъ хитрый обманщикъ... или человѣкъ, который, хотя не дѣлаетъ никому зла, однакожъ и о благодѣяніи никакого не имѣетъ попеченія.... Истинно-честному человѣку надлежитъ быть полезнымъ обществу во всѣхъ мѣстахъ и во всякомъ случаѣ, когда только онъ въ состояніи оказать людямъ какое благодѣяніе». Потомъ сатирикъ переходитъ къ отдѣльнымъ состояніямъ и говоритъ, наприм., о судьѣ: «Въ обществѣ, называется честнымъ человѣкомъ тотъ судья, который, не уважая ничьихъ просьбъ, дѣлаетъ скорое рѣшеніе дѣламъ, не входя ни мало въ подробное ихъ разсмотрѣніе»; по мнѣнію философовъ, этого мало: «Судья хотя бы былъ праводушенъ и безпристрастенъ, но производства судебныхъ дѣлъ совсѣмъ незнающій, въ глазахъ философа тогда только можетъ назваться честнымъ человѣкомъ, когда безпристрастіе его заставитъ почувствовать, сколько онъ долженъ опасаться всякаго обмана, чтобъ по незнанію не сдѣлать неправеднаго рѣшенія, и побудитъ его отказаться отъ своей должности. Ежели бы всѣ судьи захотѣли заслужить истинное званіе честнáго человѣка, то сколько бы присутственныхъ мѣстъ оставалось порожними! И если бы для занятія сихъ мѣстъ допускались только люди совершенно достойные, то число искателей гораздо бы поуменьшилось».

Не смотря на талантъ, выказанный Крыловымъ въ «*Почтѣ Духовъ*», изданіе это не имѣло успѣха. Судя по припечатаннымъ при немъ именамъ подписчиковъ, оно расходилось только въ числѣ 80 экземпляровъ. Это и не удивительно: молодой издатель не имѣлъ еще никакой извѣстности, а охотниковъ даже и на книги, которыхъ авторы успѣли пріобрѣсти громкое имя, было не много. О равнодушіи публики къ литературѣ часто говорится въ «*Почтѣ Духовъ*»; напр. въ одномъ мѣстѣ [1]) замѣчено, что въ большомъ свѣтѣ почитается невѣжествомъ не знать по названіямъ вновь выходящихъ сочиненій или не знать именъ современныхъ писателей; но читать ихъ произведенія считается потерею времени, а имѣть знакомство съ авторами—униженіемъ; ибо въ такихъ случаяхъ сравниваются они съ ремесленниками, которые, однакожъ, несравненно болѣе выигрываютъ въ своей жизни, нежели ученые. Если «*Почта Духовъ*» и не достигла своей нравоучительной цѣли, не оставила плодотворнаго слѣда ни въ общественной жизни, ни въ литературѣ, за то она имѣла великое образовательное значеніе для самого автора: она была школой его наблюдательности и сатирическаго таланта, важною для его будущей литературной дѣятельности.

---

[1]) *П. Д.* ч. I, п. 9.

Недостатокъ подписчиковъ на *«Почту Духовъ»*, вѣроятно, и былъ причиною того, что это изданіе не дожило даже до конца года; оно прекратилось 8-ю, августовскою книжкой, и въ томъ же году уже продавалось какъ книга по 1 р. 80 к. за два томика, тогда какъ годовая цѣна при подпискѣ была прежде объявлена въ 5 р. [1]). Но какъ ни мало читался журналъ Крылова, изъ разныхъ его мѣстъ можно заключить, что стрѣлы его сатиры не пропадали даромъ, что были люди, которые принимали ихъ на свой счетъ и обвиняли его въ личностяхъ. Что Крыловъ, однакожъ, не имѣлъ серьёзныхъ непріятностей за *«Почту Духовъ»*, доказывается тѣмъ, что онъ черезъ 2 года выступилъ опять сатирикомъ въ журналѣ *«Зритель»*, и подписывая свои статьи полнымъ своимъ именемъ, сталъ иногда высказывать еще болѣе рѣзкія истины, нежели прежде. Дѣло въ томъ, что при возвышенности исповѣдуемой имъ морали, при чистотѣ своихъ политическихъ воззрѣній, своихъ понятій о гражданскомъ долгѣ, Крыловъ и не могъ, безъ несправедливости, подвергнуться гоненію. Свидѣтельствомъ, что *«Почта Духовъ»* не осталась незамѣченною въ нашей литературѣ, служитъ то, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ 1802 г., она была, съ позволенія цензуры, перепечатана вторымъ изданіемъ, безъ всякихъ сокращеній. Менѣе счастливъ былъ этотъ сатирическій сборникъ въ 40-хъ годахъ, когда въ такъ-называемое «Полное собраніе сочиненій Крылова», изданное вскорѣ послѣ его смерти, вошла далеко не вся *«Почта Духовъ»* [2]), даже не вся та часть ея, которая въ этомъ

---

[1]) *Спб. Вѣдом.* 1789, окт. 2, № 79.

[2]) Въ превосходной статьѣ покойнаго П. А. Плетнева, которою начинается изданіе 1847 года (стр. XXII), сказано: «Въ нынѣшнемъ собраніи сочиненій Крылова напечатаны всѣ статьи, принадлежащія собственно его перу и помѣщенныя имъ въ тогдашнемъ его журналѣ». Сравненіе этого изданія съ полною *«Почтою Духовъ»* показываетъ, что изъ составляющихъ ее 48-ми писемъ въ собраніе сочиненій Крылова вошло только 18, т. е. не много болѣе одной трети, и именно одни тѣ письма, которыя означены именами *Зора*, *Буристона* и *Вѣстодава*. Да и изъ писемъ Зора пропущено одно (12-е),—откуда заимствована мною притча о судѣ надъ живописцемъ и богачемъ. Выходитъ, что всѣ остальныя письма, отмѣченныя въ *«Почтѣ Духовъ»* именами Дальновида, Свѣтовида, Астарота, Выспрепара, Эмпедокла, Боренда и самого Маликульмулька, по мнѣнію издателей 1847 г., писаны не Крыловымъ, а другими лицами. Преданіе считаетъ сотрудниками его въ этомъ журналѣ Рахманинова и Ник. Эмина. Рахманинову принадлежала типографія, въ которой печаталась *«Почта Духовъ»*, чтò и означено, на оборотѣ заглавнаго листа ея, вензелемъ его имени И. Р., выставленнымъ, такъ же точно на журналѣ *«Утренніе Часы»*. Плетневъ говоритъ, что Крыловъ соединился съ Рахманиновымъ, «чтобы на общемъ иждивеніи содержать типографію и печатать въ ней свой журналъ», и потомъ, черезъ нѣсколько строкъ, называетъ ихъ «журналистами, которые явились въ публику съ *«Почтою Духовъ»*. Болѣе онъ ничего не сообщаетъ объ участіи въ этомъ журналѣ Рахманинова; повидимому, оно огра-

изданіи признана несомнѣнно принадлежащею перу Крылова. Это тѣмъ неожиданнѣе, что еще не задолго до того вполнѣ безукоризненное направленіе всѣхъ сочиненій Крылова было торжественно засвидѣтельствовано тогдашнимъ министромъ народнаго

ничивалось только веденіемъ матеріальной части изданія. Что касается до Н. Эмина, то Плетневъ вовсе не упоминаетъ о его сотрудничествѣ въ «*Почтѣ Духовъ*», и мысль о томъ есть, вѣроятно, одно недоразумѣніе, возникшее изъ смѣшенія Н. Эмина съ отцомъ его, издававшимъ «*Адскую Почту*». Далѣе, біографъ Крылова, отзываясь съ величайшею похвалою о его сатирѣ, замѣчаетъ, что онъ «набросилъ на ѣдкія свои изображенія покрывало писемъ *Зора*, *Буристона* и *Вѣстодава*», которыя, по словамъ того же критика, «составляютъ одну картину». Читая «*Почту Духовъ*», нельзя не признать, что и всѣ ея письма *составляютъ одну картину*, въ которой трудно отличить участіе разныхъ авторовъ: вездѣ одни и тѣже пріемы, одинъ языкъ, одинъ взглядъ на міръ и общество, частое повтореніе тѣхъ же образовъ и мыслей, словомъ, общая связь и внутреннее единство содержанія. Трудно представить себѣ, чтобъ такія сатирическія письма могли быть писаны нѣсколькими лицами; но если и предположить это, то спрашивается: гдѣ же явные признаки, по которымъ можно было отдѣлить письма Крылова отъ остальныхъ? Еслибъ онъ самъ, при жизни, указалъ на свою долю труда, то, вѣроятно, издатели не упустили бы опереться на такое важное свидѣтельство. Но такъ какъ нѣтъ ни такихъ признаковъ, ни такого свидѣтельства, а между тѣмъ извѣстно, что Крыловъ признавалъ «*Почту Духовъ*» за свой трудъ, и во всякомъ случаѣ былъ главнымъ ея редакторомъ, то приходится включить всю ее въ составъ его сочиненій. Къ внутреннимъ доказательствамъ единства ея происхожденія присоединяются еще слѣдующія внѣшнія, чрезвычайно важныя, на мой взглядъ, указанія. Въ извѣщеніи объ изданіи «*Почты Духовъ*», Крыловъ называетъ себя *секретаремъ* ученаго Маликульмулька, рѣшившимся выдавать переписку этого волшебника съ разными духами, и прибавляетъ, что такъ какъ онъ самъ не имѣетъ достаточныхъ средствъ для напечатанія сихъ писемъ (ибо-де мѣсто секретаря у ученаго человѣка очень безприбыльно), то и проситъ публику подписываться на этотъ сборникъ. Извиняясь потомъ въ несвоевременномъ выходѣ первой книжки, мнимый секретарь Маликульмулька заявляетъ себя «издателемъ сихъ листовъ», изданіе же ихъ называетъ «своимъ предпріятіемъ», и ссылается на свою «непривычность», или, другими словами, неопытность. Въ такомъ же точно смыслѣ написано общее «Вступленіе» къ письмамъ, въ которомъ опять идетъ рѣчь объ *одномъ* секретарѣ, т. е. одномъ авторѣ или, по крайней мѣрѣ, редакторѣ писемъ «*Почты Духовъ*». Съ этимъ согласно и свидѣтельство Быстрова, который, со словъ Крылова, говоритъ, что Рахманиновъ, бывъ его товарищемъ по изданію «*Почты Духовъ*», *давалъ* ему *матеріалы*. (Сѣв. П ч. 1845, № 203.)

Тѣ письма «*Почты Духовъ*», которыя перепечатаны въ «Полномъ собраніи соч. Крылова», отмѣчены тамъ подъ рядъ цифрами I, II, III и т. д., какъ будто бы между ними не было никакихъ пропусковъ. Не безполезно будетъ отмѣтить здѣсь, какое мѣсто они занимаютъ въ расположеніи первоначальнаго изданія крыловскаго сборника (Римская цифра означаетъ порядокъ писемъ въ изданіи 1847 г., а арабская, заключенная въ скобкахъ,—порядокъ ихъ въ самомъ журналѣ): I (1), II (3), III (6), IV (9), V (11), VI (14), VII (16), VIII (17), IX (21), X (23), XI (26), XII (30), XIII (34), XIV (36), XV (39), XVI (42), XVII (44), XVIII (46). Остальныя 30 писемъ исключены изъ изданія 1847 г.

Жаль также, что языкъ Крылова въ прозаической части изданія 1847 г. значительно подновленъ, на что въ первый разъ было указано въ статьѣ моей: «Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка» (*Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* 1867 г., апрѣль,

просвѣщенія, графомъ С. С. Уваровымъ [1]). Но извѣстно, въ какихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ находилась, въ 40-хъ годахъ, наша литература. Тогда почти повторилось то отношеніе ея къ цензурѣ, которое Крыловъ въ 1824 г. сравнилъ съ положеніемъ соловья подъ лапами кошки, въ баснѣ, поясненной нравоученіемъ:

Худыя пѣсни соловью
Въ когтяхъ у кошки.

Еще недавно, на нашей памяти совершилась въ этомъ отношеніи перемѣна. Въ «*Почтѣ Духовъ*» [2]) есть разсказъ о вступленіи на престолъ, въ какомъ-то восточномъ царствѣ, молодого государя, который, въ числѣ привѣтствующихъ его при этомъ случаѣ, допускаетъ къ себѣ также писателя и, выслушавъ его правдивую рѣчь, обращается къ прочимъ лицамъ съ словами: «*Этотъ человѣкъ кажется мнѣ не такъ безуменъ и злобенъ, какъ вы мнѣ о немъ говорили; я беру его подъ мое покровительство и приказываю, чтобъ никто не дерзалъ дѣлать ему ни малѣйшаго оскорбленія*» [3]). Не переносятъ-ли насъ эти слова лѣтъ за 12 назадъ, когда русская литература нашла могущественнаго двигателя въ самомъ Монархѣ, даровавшемъ ей впослѣдствіи первый законъ объ ограниченіи цензуры? Высочайшій указъ 6-го апрѣля 1865 года, знаменательно подписанный въ день всенароднаго торжества въ память русскаго писателя, составляетъ важную эпоху въ исторіи нашей литературы. Не свидѣтельствуетъ ли все ея прошлое, что она наиболѣе процвѣтала всякій разъ, когда слову предоставлялась законная доля свободы, и что если въ литературѣ случались прискорбныя уклоненія отъ здравыхъ началъ, то это бывало, по большей части, слѣдствіемъ болѣзненнаго раздраженія долго

ч. CXXXIV). Кромѣ того, нельзя не пожалѣть, что вообще изданіе это нисколько не удовлетворяетъ критическимъ требованіямъ; такъ напр., при басняхъ не только не показано постепенное умноженіе числа ихъ по изданіямъ, но не означено даже раздѣленіе ихъ на 9 книгъ по послѣднему, при жизни Крылова, въ 1843 г. напечатанному изданію ихъ. Очень желательно, чтобы лица, которыми надолго пріобрѣтено исключительное право изданія сочиненій нашего народнаго писателя, серьёзно взвѣсили важность своей отвѣтственности, въ этомъ случаѣ, передъ обществомъ.

[1]) На обѣдѣ 2 февраля 1838 года, министръ, предложивъ тостъ за здоровье Крылова, сказалъ между прочимъ: «Да будетъ его литературное поприще, всегда народное по своему духу, всегда чистое въ нравственномъ своемъ направленіи, примѣромъ для возрастающихъ талантовъ, поощреніемъ для современниковъ, радостнымъ воспоминаніемъ потомству» (Плетневъ, «Жизнь и сочиненія И. А. Крылова».)

[2]) *П. Д.*, ч. II, п. 45.

[3]) *П. Д.*, ч. II, п. 45.

подавленной мысли? Въ свѣтлый періодъ царствованія Екатерины II явились вдругъ даровитые писатели съ благородно-смѣлою рѣчью; проводя въ общество новыя либеральныя идеи, они содѣйствовали правительству въ его великодушныхъ стремленіяхъ. Къ числу такихъ людей принадлежалъ и Крыловъ. Подобное оживленіе литературы произошло, по той же причинѣ, въ началѣ царствованія Александра I, и, наконецъ, въ наше время коренныхъ преобразованій, когда русскій писатель получилъ нѣкоторое право голоса въ обсужденіи важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ, и тѣмъ пріобрѣлъ такое значеніе, какого онъ никогда еще не имѣлъ. Прилично вспомнить о томъ нынѣ, при празднованіи памяти человѣка, который почти 80 лѣтъ тому назадъ оцѣнилъ призваніе русскаго писателя. — Помянемъ Крылова и желаніемъ, чтобы въ этомъ званіи, какъ и во всякомъ другомъ, по его идеѣ, каждый былъ достоинъ имени честнаго человѣка не только въ глазахъ общества, но и въ мнѣніи строгаго мыслителя. Такимъ истинно честнымъ человѣкомъ былъ самъ Крыловъ. — Воздадимъ же должную честь не одной славной старости его, когда онъ во всемъ блескѣ проявилъ свой талантъ подъ безопаснымъ покровомъ басни, — воздадимъ честь и его забытой юности, когда онъ смѣло вышелъ въ путь съ бичемъ сатиры въ рукахъ, еще не помышляя о томъ комарѣ, который хотѣлъ предостеречь *пастуха* отъ *змѣи*, но былъ раздавленъ его рукой, и тѣмъ навелъ баснописца на такое размышленіе:

Коль слабый сильному, хоть движимый добромъ,
Открыть глаза на правду покусится,
Того и жди, что то же съ нимъ случится,
Что съ комаромъ.

Я. Гротъ.

Январь, 1868.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ
РУССКИХЪ БЫЛИНЪ

VI*).

САДКО.

Между всѣми русскими былинами, былина о Садкѣ едва-ли не та, о которой у насъ всего болѣе говорено и писано до сихъ поръ, но почти всѣ изслѣдователи повторяютъ о ней одно и тоже. Существенной разницы взгляда между ними не оказывается. Всѣ, писавшіе о Садкѣ, сходятся на одномъ: а именно на томъ, что пѣсни объ этомъ «гостѣ» заключаютъ вѣрнѣйшій портретъ древняго Новгорода, древняго новгородскаго купечества и древней новгородской жизни.

«Никогда еще, говорятъ одни изъ изслѣдователей, жизнь Новгорода, со своими представителями, поименно названными, съ предпріимчивостью своихъ торговыхъ гостей, съ отвагою своей молодежи-повольницы, съ рѣками, озерами, морями и ихъ подводнымъ царствомъ, не являлась въ такихъ живыхъ краскахъ, какъ въ пѣсняхъ о Васильѣ Буслаевѣ и Садкѣ» [1]). — Другіе говорятъ, что немного осталось у насъ народныхъ созданій, гдѣ-бы съ такою яркостью и очертанностью являлся старинный нашъ языческій антропоморфизмъ, смѣшанный съ христіанскими вѣрованіями нашего народа; что купецъ въ народномъ воззрѣніи принималъ образъ эпическаго богатыря, но историческая

*) См. выше, т. I, стр. 169—221, и 637—708.

[1]) Замѣтка г. Безсонова къ I-й части Рыбникова, стр. III.

дѣйствительность проглядываетъ сквозь самую затѣйливую пестроту вымысла [1]). — «Типъ купца полу-воина, предводителя своей особой дружины, пишутъ третьи, ясно сказывается въ Садкѣ богатомъ, съ его послушливою дружиною храброю, людьми наемными, подначальными. Богатство, а съ нимъ и сребролюбіе оказывается свойственнымъ новгородскимъ богатырямъ. Въ стараніи Садки отличить себя отъ дружины золотымъ жеребьемъ, видно уже начало барства, господства, неминуемо оказывающееся вездѣ, гдѣ крупно развивается личность. И это — начало варяжское» [2]).— «Былины о Садкѣ, разсуждаютъ еще иные, кромѣ миѳической основы, имѣютъ еще и бытовое, такъ сказать, историческое содержаніе. Народный эпосъ, сильно проникнутый мѣстными интересами, восходитъ до торжественной пѣсни во славу великаго и богатаго Новгорода. Непомѣрный богачъ вздумалъ было тягаться со всѣмъ Новгородомъ, но тотчасъ же изнемогъ въ своей борьбѣ и смирилъ личную гордость передъ колоссальнымъ величіемъ своей славной родины. Такова глубокая мысль объ искренней, чистой любви къ своей родинѣ въ этомъ простомъ, сказочномъ разсказѣ» [3]).—Правда, тѣ же изслѣдователи замѣчаютъ, что—«нѣкоторые миѳологическіе мотивы въ пѣсняхъ о Садкѣ составляютъ достояніе до-владиміровскаго эпоса», но тутъ же спѣшатъ прибавить, что — «отношеніямъ Садки къ Морскому-царю позднѣйшая новгородская жизнь дала свойственное ей, *гостиное* примѣненіе» [4]).—Наконецъ, высказывали даже прямо мнѣніе, что новгородскія пѣсни, и по содержанію и по изложенію, гораздо менѣе древни, чѣмъ пѣсни временъ князя Владиміра: при сравненіи живо чувствуешь это [5]).—Но всегоболѣе останавливаетъ вниманіе твердая увѣренность нашихъ изслѣдователей, что пѣсни о Садкѣ особенно дороги для исторіи русской литературы, *«какъ образецъ мѣстнаго развитія эпической поэзіи, во всей его чистотѣ, безъ малѣйшей примѣси вліянія чужихъ мѣстностей*. Этому способствовало то счастливое обстоятельство, что онѣ до настоящаго времени сберeглись, въ устахъ народа, тамъ, гдѣ была новгородская область, и слѣдовательно *записаны тамъ, гдѣ онѣ возникли, процвѣтали и видоизмѣнялись*» [6]). — Точно столько же, наконецъ, достойно примѣчанія и

---

[1]) *Н. Костомаровъ*, «Сѣверно-русскія народоправства», II, 246—247.
[2]) *Ор. Миллеръ*, «Опытъ истор. обозр. русской словесн.», изд. 2-е, 269, 273.
[3]) *Ѳ. Буслаевъ*, «Русскій богатыр. эпосъ», Русскій Вѣстн. 1862, V, 544.
[4]) *Ѳ. Буслаевъ*, «Историч. очерки русск. народн. словесн. и искусства», I, 419.
[5]) *К. Аксаковъ*. Сочиненія, I, 334.
[6]) *Ѳ. Буслаевъ*, «Русскій богатыр. эпосъ», Русск. Вѣстн., 1862, V, 543.

то мнѣніе, что въ лицѣ Садки является намъ «образецъ своеобразнаго богатыря торговли, *возможнаго лишь въ Новгородѣ*» [1]).

При тѣхъ матеріалахъ, которые намъ теперь доступны, оказывается, что надо оставить совершенно въ сторонѣ всѣ эти прекрасные выводы и соображенія, какъ невѣрные и фантастическіе.

У насъ пѣсенъ о Садкѣ — три. Мы разсмотримъ ихъ всѣ, одну за другою, но начнемъ наше разсмотрѣніе не съ первой, и даже не со второй, а съ третьей. Я вынужденъ къ этому тѣмъ обстоятельствомъ, что у меня, въ настоящее время, въ распоряженіи гораздо болѣе матеріала для изслѣдованія третьей пѣсни, чѣмъ для остальныхъ двухъ, такъ что я могу приступить къ разбору этихъ двухъ пѣсенъ, первой и второй, послѣ того уже, когда напередъ положу въ основаніе разсмотрѣніе третьей пѣсни. Самъ читатель увидитъ ниже, что при нынѣшнихъ моихъ матеріалахъ мнѣ нельзя было поступить иначе. Впрочемъ, отъ этого ничего не проигрывается, потому что въ концѣ изслѣдованія разсказовъ о Садкѣ, всѣ три пѣсни сводятся у меня вмѣстѣ, въ настоящемъ своемъ порядкѣ.

Итакъ, приступимъ къ третьей пѣсни. Содержаніе ея слѣдующее.—Собрался однажды въ морское путешествіе Садко, богатый гость новгородскій. Дружина его строитъ ему корабли великіе, нагружаетъ ихъ товарами драгоцѣнными, и опи всѣ вмѣстѣ отправляются въ путь. Вотъ ѣдутъ они по морю, вдругъ остановились корабли, стали и нейдутъ съ мѣста. Тогда Садко обращается къ своимъ товарищамъ: «Ай-же вы, дружинушка храбрая! Вѣкъ мы по морю ѣздили (варіантъ: 12 лѣтъ мы по морю ходили), а Морскому—царю дани не плачивали. Видно, онъ отъ насъ теперь дани требуетъ». И вотъ, онъ велитъ бросить въ море бочку-сороковку чистаго серебра: нѣтъ, нейдутъ корабли съ мѣста; бросаютъ тогда въ море бочку-сороковку чистаго золота — все-таки корабли съ мѣста не трогаются. «Ну, говоритъ Садко, видно живой головы требуетъ себѣ въ море царь-Морской!»—И онъ велитъ своей дружинѣ метать жеребьи въ море: чей жеребій потонетъ, тотъ и правъ. Самъ онъ бросаетъ жеребій тяжелый (по одному пересказу—золотой, по другому—булатный), остальные его товарищи бросаютъ жеребьи легкіе (по одному пересказу—ветляные, по другому—волжаные), но тонутъ эти легкіе жеребьи, а тяжелый Садковъ всплываетъ на верхъ. Тогда онъ перемѣняетъ гаданье, велитъ снова метать жеребьи въ море, съ такимъ уговоромъ, что чей жеребій всплыветъ, тотъ

---

[1]) Замѣтка г. Безсонова къ V-му выпуску Кирѣевскаго, стр. LXVII.

человѣкъ и правъ. Садко бросаетъ жеребій легкій, а товарищи его бросаютъ жеребьи тяжелые — всплываютъ тяжелые жеребьи товарищей, а легкій Садковъ жеребій уходитъ въ воду. Тутъ Садко говоритъ: «Это по меня смерть пришла, это меня требуетъ къ себѣ царь-Морской, за то, что много лѣтъ хожу я по морю, а царю-Морскому не давалъ никогда дани-пошлины, въ его море хлѣба съ солью не опускивалъ». И беретъ Садко свои гусли золото-струнныя, велитъ спустить на море доску (въ одномъ пересказѣ, она названа шахматницей съ золотыми тавлеями), и только онъ сходитъ со своего корабля и садится на эту доску, въ тоже мгновеніе всѣ корабли снимаются съ мѣста и безпрепятственно плывутъ далѣе. Между тѣмъ, оставшись одинъ на волнахъ, Садко опускается на дно морское и находитъ тамъ палату бѣлокаменную, и видитъ въ ней Морского-царя.—А, вотъ и ты, Садко, богатый гость! говоритъ ему царь-Морской. Давно ужъ я тебя жду. Ты, сказываютъ, на гусляхъ играть мастеръ: ну-ка, поиграй, потѣшь меня! — И сталъ Садко Морского-царя тѣшить, заигралъ въ гусли звончатыя, а Морской-царь зачалъ скакать, зачалъ плясать, а Садка угощалъ питьями разными. Играетъ Садко уже третій день, и оттого сильная буря стоитъ на морѣ, стало разбивать много кораблей, стало много гинуть имѣнья, стало много тонуть народа. Принялись люди молиться Николѣ Можайскому, и тогда вдругъ очутился передъ Садкой старикъ сѣдатый: онъ останавливаетъ и говоритъ ему: — Не играй ты больше на гусляхъ! Сине-море всколебалося, быстры рѣки разливалися, много тонетъ по-напрасну народа православнаго. Разорви ты струны на своихъ гусляхъ, выломай ты шпенечки, и если станетъ спрашивать Морской-царь, говори, что не на чемъ тебѣ больше играть. И если станетъ тебѣ сватать царь-Морской въ синемъ морѣ дѣвицу-красавицу, пропусти ты первыя триста дѣвицъ, пропусти ты потомъ и другія триста дѣвицъ, и третьи триста дѣвицъ: позади идетъ дѣвица-красавица Чернава — ту и бери за себя замужъ. Только, какъ ляжешь спать въ первую ночь, не твори съ женою блуда въ синемъ морѣ; и если не сотворишь блуда, будешь опять въ Новѣгородѣ. А на свою безсчетную казну построй церковь соборную Николѣ Можайскому (по одному особенному пересказу, всѣ эти наставленія и приказанія даетъ Садкѣ царица Подводная или Поддонная). — Садко исполняетъ данное ему приказаніе: сломалъ свои гусли, пересталъ играть, а потомъ, когда Морской-царь сталъ ему сватать дѣвицу-красавицу, онъ пропустилъ сначала первыя триста дѣвицъ, потомъ другія и третьи триста дѣвицъ, и взялъ себѣ замужъ дѣвицу-красавицу Чернаву, которая шла позади

всѣхъ. Но въ первую ночь онъ не творилъ съ нею блуда, и, проснувшись утромъ, очутился въ Новѣгородѣ, «на крутомъ кряжу надъ рѣкой» (по инымъ редакціямъ, самъ Морской-царь «поставилъ Садка на его корабль»). Поглядитъ, а тутъ бѣгутъ по Волхову всѣ корабли, съ которыми онъ, въ началѣ пѣсни, ѣхалъ. Между тѣмъ, и жена Садкина, и дружина его вѣрная не чаяли уже болѣе увидать Садка: «Остался Садко въ синемъ морѣ! Не бывать Садкѣ со синя-моря!» говорили они. А онъ тутъ какъ разъ на крутомъ кряжу и стоитъ. И тогда зарадовалась жена его, брала Садка за руки, цаловала въ уста сахарныя. Началъ Садко выгружать съ кораблей имѣнье: безсчетную золотую казну, и какъ выгрузилъ, построилъ церковь соборную Николѣ Можайскому, и не сталъ болѣе ѣздить на сине-море, сталъ поживать Садко въ Новѣ-градѣ [1]).

Во всемъ этомъ разсказѣ, кромѣ нѣкоторыхъ, совершенно внѣшнихъ подробностей обстановки, нѣтъ ничего не только новгородскаго, но даже вообще русскаго, по коренному происхожденію и по деталямъ. Тутъ нечего искать ни Новгорода, ни Волхова, ни русскаго моря, ни русскихъ купцовъ, ни русскихъ вообще людей. Все чужое, все пришло въ нашу пѣсню — съ Востока.

Мы можемъ представить довольно много азіятскихъ пересказовъ только-что приведенной пѣсни о Садкѣ, потому что, повидимому, это сказаніе было столько же любимо, сколько и распространено по древнему Востоку. Начнемъ же съ пересказовъ брахманскихъ, какъ болѣе древнихъ.

Въ очень древней и неразвитой формѣ, нашъ разсказъ о Садкѣ встрѣчается въ Гариванзѣ, какъ преданіе о происхожденіи поколѣнія Ядавовъ. Здѣсь мы читаемъ слѣдующее: «Однажды, царь Яду поѣхалъ прогуливаться по морю, въ сопровожденіи благородныхъ женъ своихъ, подобный богу Мѣсяца, окруженному созвѣздіями. Онъ увлекся слишкомъ далеко, и, не смотря на свою силу, былъ быстро похищенъ Дхумаварной, царемъ Наговъ (змѣевъ), который повлекъ его сквозь волны въ свою столицу. Столбы, двери, дома этого города были изъ драгоцѣнныхъ камней, со всѣхъ сторонъ висѣли жемчужныя гирлянды: глаза были поражены красотою тысячей разныхъ раковинъ, сверкающихъ блескомъ алмазовъ, великолѣпіемъ удивительныхъ деревьевъ, у которыхъ листья и вѣтви были коралловыя. Всѣ улицы были наполнены множествомъ женщинъ изъ змѣинаго подвод-

[1]) Древн. росс. стихотвор., 337—344.—Рыбниковъ, I, 374—380, 368—370; III, 241—251. — Кирѣевскій, V, 34—47.

наго народа. Сквозь прозрачныя волны Яду сталъ разсматривать этотъ Змѣиный городъ, построенный столь же прочно на водѣ, какъ-бы на сушѣ. Безъ всякаго страха, онъ вступилъ въ этотъ городъ, и тогда пришелъ ко дворцу, по виду похожему на облако, и наполненному женщинами-змѣями. Ему поставили великолѣпное сѣдалище, все изъ драгоцѣнныхъ камней, украшенное лотосовыми листьями, и съ золотымъ лотосовымъ листомъ на верху. Когда онъ сѣлъ, доблестный Дхумаварна, царь Змѣевъ, сказалъ ему: «Твой отецъ поднялся уже на небо (умеръ), создавъ славу своего народа и родивъ такого сына, какъ ты. Ты долженъ идти по его слѣдамъ. Ты будешь отцемъ Ядавовъ, и отецъ твой навсегда основалъ славу этого поколѣнія, богатаго героями. Ты видишь, царь, моихъ пятерыхъ дочерей; онѣ молоды и непорочны. Женись на нихъ и я дамъ тебѣ даръ, сообразный съ твоимъ достоинствомъ: твое поколѣніе разростется въ семь знаменитыхъ вѣтвей». Итакъ, Дхумаварна отдалъ этому Яду молодыхъ царевенъ, и бракъ сопровождался возліяніями, предписанными закономъ. Царь Змѣевъ, счастливый этимъ бракомъ, далъ своему зятю обѣщанный даръ. Онъ далъ также великолѣпное приданое каждой дочери своей. А отецъ Ядавовъ, богатый такою будущностью, взялъ съ собою новыхъ женъ, и вышелъ изъ воды подобно мѣсяцу, поднимающемуся изъ глубины морей. Герой появился, среди пяти царевенъ, словно свѣтило ночи, блестящее посреди созвѣздія изъ пяти звѣздъ. Онъ снова увидалъ свой гаремъ, а самъ былъ одѣтъ въ брачныя одежды и украшенъ божественными гирляндами. Увидавъ Яду, всѣ его жены почувствовали новую жизнь, точно будто при возвращеніи огня животворящаго. Полный счастья, этотъ царь возвратился въ свою столицу, гдѣ его ожидали еще новыя удовольствія» [1]).

Но, въ формѣ уже вполнѣ развитой, и какъ-бы послужившей оригиналомъ для послѣдующихъ, болѣе позднихъ редакцій, мы находимъ этотъ разсказъ въ сборникѣ Сомадевы (брахманской эпохи), въ числѣ похожденій богатыря-брахмана Видушаки. «Послѣ одного долгаго странствія, разсказываетъ Сомадева, брахманъ Видушака, родомъ изъ города Уджаини, пришелъ въ городъ Тамралиптику, лежавшій недалеко отъ восточнаго моря. Тамъ онъ сошелся съ однимъ купцомъ, по имени Скандадазой, собиравшимся ѣхать на противуположный берегъ морской. Нагрузили корабль многочисленными драгоцѣнностями купца, и тогда Видушака пошелъ съ купцомъ подъ парусами по морю. Но когда они были уже на серединѣ моря, корабль вдругъ

1) Harivansa, I, 398—400.

сталъ неподвижно на всемъ ходу, какъ будто кто-нибудь его остановилъ и держитъ. Они принялись-было умилостивлять море, бросая туда въ даръ драгоцѣнные каменья, но корабль все-таки не трогался съ мѣста, и тогда огорченный купецъ сказалъ: «Кто высвободитъ мой ставшій корабль, тому отдамъ полимѣнья и дочь въ замужество». Услыхавъ это, Видушака сказалъ съ рѣшимостью: «Я спущусь въ море, посмотрю, что тамъ такое, и живо высвобожу корабль. Обвяжите меня веревками и спустите меня на нихъ, а когда корабль сойдетъ съ мѣста, то вы меня поднимите на тѣхъ же веревкахъ». Обрадованный этими словами, купецъ обѣщался сдѣлать все, какъ сказано: корабельщики обвертѣли Видушаку вокругъ тѣла веревкой, и, крѣпко такимъ образомъ обвязанный, онъ спустился въ море. Онъ призвалъ мечъ бога Агни [1]), взялъ его въ руку, и пошелъ прямо подъ корабль, посреди водъ: тамъ онъ увидалъ спящаго человѣка-великана, и замѣтилъ, что его нога держитъ корабль; онъ тотчасъ же отрубилъ ему ногу, и въ тоже мгновеніе корабль, освобожденный отъ помѣхи, снялся и пошелъ. Увидавъ это, негодный купецъ велѣлъ отрубить веревки, на которыхъ держался Видушака, потому что, по его жадности, ему стало жаль обѣщанной награды, и тогда онъ поѣхалъ на освобожденномъ кораблѣ къ другому берегу. Замѣтивъ предательскій поступокъ купца, Видушака, для своего спасенія, садится на отрубленную имъ ногу великана, и ѣдетъ на ней по морю, какъ на лодкѣ, а самъ гребетъ руками. Въ это время раздался съ неба голосъ: «Отлично, отлично! Нѣтъ никого мужественнѣе тебя, Видушака! Я доволенъ тѣмъ, что ты такой рѣшительный и такъ все выносишь; и потому слушай вотъ что: Ты прежде приносилъ мнѣ много жертвоприношеній, за то я благосклоненъ къ тебѣ: по моему велѣнью, ни голодъ, ни жажда не будутъ мучить тебя, ступай же смѣло къ своей цѣли!» Послѣ этихъ словъ голосъ умолкъ, а Видушака, съ почтительнымъ благоговѣніемъ, преклонился передъ богомъ огня, потомъ пустился въ путь. Впослѣдствіи, отыскивая по цѣлому свѣту небесную дѣву Бхадру (съ которою имѣлъ одно время любовную связь, и которая потомъ вдругъ исчезла), Видушака попадаетъ однажды къ подошвѣ горы Удаи, на верху которой стоитъ волшебный замокъ: тамъ, по словамъ помогающаго ему Ракшазы (того самаго демона-великана, что останавливалъ корабль въ морѣ), находится жилище

---

[1]) Богъ огня, Агни, въ награду за благочестивые подвиги Видушаки, даровалъ ему волшебный мечъ, который появлялся у него въ рукѣ всякій разъ, какъ только онъ его вспоминалъ.

небесныхъ дѣвъ, и красавица Бхадра теперь именно тамъ. Видушака въ раздумьи, ка̀къ ему туда попасть; въ это время изъ за̀мка выходитъ цѣлая толпа дѣвицъ-красавицъ, у каждой въ рукѣ по золотому ведру, онѣ идутъ за водой къ прелестному озеру, лежащему у подошвы горы. Видушака распрашиваетъ ихъ, узнаетъ, что дѣйствительно здѣсь въ за̀мкѣ живетъ Бхадра, и что всѣ онѣ пришли за водой для ея купанья, и тогда Видушака опускаетъ свое золотое кольцо въ ведро одной изъ дѣвъ, которая попросила его поднять ей ведро на плечо. Бхадра узнаетъ по кольцу, что Видушака тутъ, призываетъ его къ себѣ и тогда, полная страсти къ своему возлюбленному, говоритъ ему: «Муженёкъ ты мой любезный, на что̀ мнѣ еще теперь прiятельницы и волшебная сила? Ты моя жизнь! Своею доблестью, о властелинъ мой, ты купилъ меня себѣ въ рабыни!» Видушака отвѣчаетъ: «Тогда пойдемъ со мной, дорогая моя! Покинь эти небесныя утѣхи, и станемъ жить вмѣстѣ на моей родинѣ!» Бхадра тотчасъ соглашается, и тотчасъ же покидаетъ волшебную силу, точно будто это была только ничтожная трава. Видушака проводитъ у ней ночь, а на другое утро, спустившись съ горы, садится съ нею на плечо Ракшазы, и тотъ несетъ ихъ по воздуху съ чудесною быстротой. Дорогой, въ разныхъ царствахъ, Видушака забираетъ всѣхъ женщинъ, доставшихся ему въ разное время въ видѣ награды за его подвиги; на берегу моря онъ находитъ того купца, что̀ обрубилъ веревки, когда онъ спускался въ море, беретъ у него всѣ его сокровища и дочь, обѣщанную за освобожденiе корабля, «потому что онъ думалъ, что потеря всѣхъ сокровищъ будетъ этому жадному человѣку все равно, что смерть». Наконецъ, Ракшаза съ неимовѣрною быстротою переноситъ его въ родной городъ. «Видушака, стоя на великанскомъ Ракшазѣ, блиставшемъ красотою женщинъ, сидѣвшихъ на его плечѣ, явился людямъ точно мѣсяцъ, когда онъ восходитъ надъ восточною горою. Царь Адитiазена (его тесть, отецъ первой его жены), узналъ объ его чудесномъ явленiи отъ удивленнаго и испуганнаго народа, и вышелъ за городъ; увидавъ своего тестя, Видушака торопливо спустился съ Ракшазы и почтительно поклонился царю, а этотъ радостно поздоровался съ нимъ. Потомъ Видушака снялъ всѣхъ своихъ женъ съ плеча Ракшазы, и отпустилъ его, а самъ пошелъ со своими женами и тестемъ въ царскiй дворецъ и обрадовалъ тамъ своимъ возвращенiемъ первую свою жену, царскую дочь, которая долго ждала его съ большимъ нетерпѣнiемъ. Выслушавъ разсказъ Видушаки о его похожденiяхъ, царь отдалъ ему полцарства своего, обрадованный храбростью и могуществомъ своего

зятя, и тотъ, получивъ царскую власть, мало по малу завладѣлъ всею землею, всѣ цари цѣловали ему ногу, и онъ потомъ долго жилъ въ удовольствіи со своими женами, а онѣ, будучи довольны и счастливы, ничуть не ревновали» [1]).

Таковы пересказы этой легенды въ источникахъ брахманскаго происхожденія. Въ буддійскихъ пересказахъ она во многомъ получаетъ уже новый характеръ, новыя подробности и краски.

Такъ, въ одномъ мѣстѣ «Дзанглуна» (сочиненія, извѣстнаго намъ по тибетской редакціи, но происходящаго собственно изъ сѣверной Индіи, судя по мѣсту дѣйствія *всѣхъ* рѣшительно разсказовъ и *по всѣмъ* вообще подробностямъ), мы находимъ повѣсть слѣдующаго содержанія.—Сынъ богатаго брахмана изъ города Барута, Джиппа-Ченпо, будучи еще въ юношескомъ возрастѣ, задумалъ совершить морское путешествіе, для того, чтобъ добыть чудный камень Чинтамани, доставляющій всевозможныя на свѣтѣ сокровища: этими сокровищами онъ хочетъ помогать бѣднымъ и страждущимъ, такъ какъ всѣхъ богатствъ его отца, уже на двѣ трети имъ растраченныхъ, ему мало на это дѣло. Долго родители не соглашаются; но, наконецъ, побѣжденные его неотступными просьбами, позволяютъ ему ѣхать. «Тогда онъ пошелъ со двора и объявилъ большой толпѣ народа:—Я собираюсь ѣхать въ море, добывать драгоцѣнности; кто хочетъ, приходи ко мнѣ, поѣдемъ всѣ вмѣстѣ, я буду начальникомъ поѣздки, издержки на мой счетъ! —Тогда набралось около 500 человѣкъ, и они поѣхали съ нимъ. Еще на сухомъ пути на нихъ напали разбойники, и ограбили ихъ до̀-чиста. Тогда Джиппа-Ченпо пошелъ къ одному брахману, чтобъ занять у него 1,000 унцій золота. Брахманъ не только далъ ему эти деньги, но еще предложилъ свою дочь въ замужество; а она, едва услыхала, что Джиппа-Ченпо подошелъ къ ихъ дверямъ, еще даже не видавъ его, объявила, что ни за кого не пойдетъ за-мужъ, кромѣ него. Но Джиппа-Ченпо отлагаетъ это до своего возвращенія, и отправляется къ берегу моря. Тутъ онъ садится на корабль и ѣдетъ со своими спутниками въ страну драгоцѣнностей; тамъ онъ набираетъ этихъ драгоцѣнностей великое множество, и нагружаетъ ими корабль свой. Но, когда уже всѣ стали собираться въ путь, Джиппа-Ченпо сказалъ купцамъ: «Я не поѣду теперь съ вами, и не ворочусь домой, пока не добуду изъ дворца царя Змѣевъ камень Чинтамани, исполняющій всѣ желанія.» Сильно опечалились и смутились купцы, и стали говорить со слезами:

[1]) *Brockhaus*, Katha-Sarit-Sagara, 92—95.

—Вотъ мы, купцы, пошли за тобой, своимъ головой, какъ слуги; если ты теперь насъ бросишь и не поѣдешь съ нами, то мы ужъ больше не попадемъ домой, и все будемъ блуждать.—Джинпа-Ченпо отвѣчалъ:—Чтобъ вы, купцы, безъ всякихъ бѣдъ воротились домой, я произнесу пожелательную молитву.—Сказавъ это, онъ взялъ кадильницу въ руку, принесъ жертву всѣмъ четыремъ странамъ свѣта, и проговорилъ:—Что я набираю драгоцѣнности на помощь нуждающимся—этого еще мало: добродѣтельное теперешнее мое приношеніе даровъ въ жертву имѣетъ цѣлью достиженіе совершенства Будды. Если то, что̀ я говорю, правда, и моя молитва должна исполниться, то пусть эти купцы со всѣми своими драгоцѣнностями достигнутъ счастливо и безбѣдственно своей родины. Послѣ произнесенія этой молитвы, подняли канатъ, натянули паруса, и они счастливо и бодро поплыли по направленію къ своей родинѣ. Послѣ ихъ отъѣзда, Джинпа-Ченпо спустился въ море. Послѣ первыхъ семи дней, вода доходила ему только немного повыше колѣнъ; еще черезъ семь дней она доходила ему до пояса; потомъ, спустя еще семь дней—до плечъ; наконецъ онъ поплылъ». Здѣсь ему повстрѣчались въ морѣ Ракшазы (демоны); но, узнавъ о цѣли его путешествія, не сдѣлали ему никакого зла, перенесли его черезъ далекія пространства по воздуху, и поставили на землю. Тутъ онъ увидалъ серебрянный замокъ, окруженный семью рвами съ ядовитыми змѣями, и обвитый у основанія двумя драконами. Джинпа-Ченпо благополучно пробирается сквозь всѣ препятствія, находитъ въ замкѣ—царя Змѣевъ, и тотъ, удивясь приходу смертнаго, «встаетъ со своего трона, идетъ къ нему на встрѣчу, принимаетъ съ почетомъ и поклонами, сажаетъ на тронъ изъ драгоцѣнныхъ камней, и всячески угощаетъ его». Узнавъ потомъ о цѣли его прибытія, царь Змѣевъ упрашиваетъ Джинпа-Ченпо погостить у него мѣсяцъ, угощаетъ его все это время всевозможными кушаньями, и забавляетъ музыкой, а самъ выслушиваетъ у него правила буддійскаго вѣроученія, наконецъ, отпускаетъ съ честью, вручивъ камень Чинтамани, помѣщавшійся у него на макушкѣ головы, поверхъ пучка волосъ. Тоже самое повторяется въ за̀мкѣ изъ лаписъ-лазули, а потомъ въ золотомъ за̀мкѣ: въ первомъ Джинпа-Ченпо проживаетъ 2 мѣсяца, во второмъ — 4 мѣсяца, и уходитъ оттуда, получивъ въ каждомъ за̀мкѣ отъ новаго царя Змѣевъ по камню Чинтамани. Перелетѣвъ потомъ, по воздуху, силою этихъ волшебныхъ камней, на другой берегъ, Джинпа-Ченпо ложится на землю и засыпаетъ. Во время сна его, меньшіе морскіе цари Змѣевъ крадутъ у него камни Чинтамани. Онъ просыпается и начинаетъ подозрѣвать, что это морскіе

Змѣи совершили у него эту кражу. Ему хочется воротить назадъ свои камни; для этого, онъ идетъ къ берегу морскому и принимается обѣими руками вычерпывать море. Замѣтивъ его намѣреніе, одно морское божество старается отговорить его, увѣряя, что трудъ его напрасенъ, но Джинпа-Ченпо не слушается и продолжаетъ вычерпывать море съ такою ревностью, что многіе боги удивились и, чтобъ ему помочь, стали макать свое платье въ море. Тогда Змѣи испугались, и возвратили ему драгоцѣнные камни. Джинпа-Ченпо полетѣлъ по воздуху къ себѣ на родину, и тамъ тотчасъ же спросилъ: «Что, здѣсь купцы, мои прежніе спутники? Счастливо они воротились?» А эти спутники, благополучно возвратившіеся купцы, радовались всѣ вмѣстѣ, были полны удивленія. Когда же они пришли къ дверямъ брахмана, и тотъ узналъ, что Джинпа-Ченпо воротился изъ моря, всѣ домашніе вышли къ нему на встрѣчу съ превеликимъ ликованіемъ, и послѣ того устроили большой пиръ, какъ для него, такъ и для его спутниковъ». Джинпа-Ченпо наполнилъ кладовыя брахмана драгоцѣнностями, а этотъ, богато надѣливъ свою дочь, отдалъ ее въ супружество Джинпа-Ченпу. Наконецъ, въ заключеніе всего, созвали всѣхъ жителей страны и Джинпа-Ченпо, силою волшебныхъ камней Чинтамани, низвелъ на нихъ, подобно дождю съ неба, исполненіе всѣхъ ихъ потребъ и желаній, и сдѣлалъ всѣхъ счастливыми [1]).

Эта же самая легенда разсказывается еще и въ другомъ мѣстѣ «Дзанглуна» (такія повторенія въ азіатскихъ поэмахъ и сборникахъ не рѣдкость), но съ нѣкоторыми новыми, весьма существенными подробностями. Здѣсь герой уже не брахманскій, а царскій сынъ. Его зовутъ Гедонъ, и у него есть братъ Дигдонъ, который постоянно ему во всемъ завидуетъ, вездѣ слѣдуетъ за нимъ, и всегда старается силой завладѣть братниными пріобрѣтеніями. Гедонъ, точно также какъ и Джинпа-Ченпо, рѣшается ѣхать въ морское путешествіе для того, чтобъ добыть себѣ возможность помогать бѣднымъ, несчастнымъ и страждущимъ. Родители отпускаютъ его лишь съ величайшимъ затрудненіемъ, и онъ набираетъ себѣ толпу охочихъ людей, 500 купцовъ, желающихъ ѣхать съ нимъ собирать драгоцѣнные камни. Но прежде, чѣмъ ему пуститься въ путь, царь, его отецъ, послушавшись его просьбы, велитъ ѣхать съ нимъ старому слѣпому кормчему: этотъ уже много разъ ходилъ прежде по морю. «Пріѣхавъ въ страну драгоцѣнныхъ камней, царевичъ, великій знатокъ въ нихъ, сталъ учить купцовъ, какія въ нихъ дурныя и хорошія каче-

[1]) *Schmidt*, Dsanglun, 230—251.

ства, которые изъ нихъ обыкновенные и которые рѣдкіе, и послѣ того они всѣ отправились на поиски. А царевичъ и старый кормчій сѣли въ лодочку, и оставили купцовъ на якорѣ». Вотъ ѣдутъ они, проѣзжаютъ мимо серебрянной, ляписъ-лазулевой и золотой горы, и выходятъ на берегъ. «Старый кормчій говоритъ: Одолѣла меня старость, нѣтъ у меня силушки дальше идти! И какъ я вотъ кончу на этомъ самомъ мѣстѣ свою жизнь, ступай ты дальше: и придешь ты къ зàмку, выстроенному изъ семи драгоцѣнностей. Дверь зàмка будетъ заперта, но тутъ около двери есть алмазная колотушка: этой колотушкой стукни ты въ дверь, и тогда изъ зàмка выйдутъ 500 богинь. У каждой будетъ въ рукѣ по драгоцѣнному камню—тебѣ въ подарокъ. Одна изъ нихъ выйдетъ къ тебѣ съ голубымъ камнемъ: это-то и есть выполняющій всѣ желанія Чинтамани: ты бери его и держи крѣпко, чтобъ онъ не вырвался у тебя, а потомъ бери драгоцѣнные камни и отъ прочихъ дѣвицъ. Но смотри, владѣй всѣми своими чувствами, и не разговаривай съ ними! А когда я вотъ, совершенно истощенный, кончу здѣсь свою жизнь,—то вспомни мое благодѣяніе, похорони мои косточки на этомъ самомъ мѣстѣ, и ужъ потомъ ступай дальше!» Тотчасъ послѣ этихъ словъ старый кормчій умеръ, царевичъ похоронилъ его въ золотомъ пескѣ, пошелъ далѣе и встрѣтилъ на пути зàмокъ. Тутъ онъ ударилъ алмазной колотушкой въ дверь, дверь отворилась сама собой, и тогда къ нему вышли оттуда 500 богинь, одна за другою: у каждой было въ рукѣ по драгоцѣнному камню, ему въ подарокъ; самая передняя держала голубой Чинтамани въ рукѣ. Какъ ему было приказано, онъ взялъ камень, завернулъ его въ пòлу кафтана, и тотчасъ же воротился назадъ. Между тѣмъ, послѣ ухода царевича Гедона, царевичъ Дигдонъ велѣлъ купцамъ набирать какъ можно больше драгоцѣнныхъ камней. По этому приказанію, они набрали слишкомъ много камней, такъ что корабль сталъ тонуть, наконецъ уже и совсѣмъ пошелъ ко дну и больше не показывался: не погибъ одинъ царевичъ Гедонъ, такъ какъ у него былъ исполняющій всѣ желанія камень Чинтамани. Царевичъ же Дигдонъ, видя свою бѣду, сталъ, въ отчаяніи и страхѣ, звать на помощь Гедона, и тогда этотъ, схвативъ Дигдона, переплылъ съ нимъ море. Потомъ, во время сна Гедонова, Дигдонъ выкололъ ему глаза, взялъ Чинтамани, и убѣжалъ. Далѣе слѣдуютъ похожденія царевича Гедона въ видѣ слѣпого нищаго, которыя мы опустимъ. Скажемъ только, что одна царевна влюбляется въ него, и заставляетъ своего отца дать согласіе на ея бракъ съ Гедономъ; послѣ того этотъ царевичъ снова получаетъ зрѣніе, и тесть и жена узнаютъ, на-

конецъ, кто онъ такой. Между тѣмъ отецъ Гедоновъ узнаетъ, черезъ волшебную птицу, что его сынъ живъ, посылаетъ за нимъ посольство, Гедонъ возвращается съ женой въ отцово царство, его принимаютъ съ великимъ торжествомъ, и онъ, по великодушію, прощаетъ преступнаго своего брата, котораго отецъ хотѣлъ-было на-вѣки держать въ темницѣ. Наконецъ, Гедонъ отрываетъ изъ земли волшебный камень Чинтамани, зарытый туда его братомъ, силою его наполняетъ драгоцѣнностями казнохранилище отца своего, и низводитъ съ неба, подобно дождю, потоки всевозможныхъ даровъ на жителей своей страны [1]).

Еще съ бо̀льшимъ религіознымъ оттѣнкомъ является этотъ разсказъ въ индѣйской буддійской легендѣ о Самгхѣ-Ракшитѣ. Пятьсотъ купцовъ, собираясь въ морское путешествіе, уговариваютъ ѣхать съ собой достопочтеннаго духовнаго, Самгху-Ракшиту, живущаго въ индѣйскомъ городѣ Сравасти: они желаютъ, чтобъ онъ ихъ въ дорогѣ поучалъ закону. Они строютъ корабль, нагружаютъ его всѣми своими богатствами, и пускаютъ въ океанъ. «Когда они доѣхали до середины океана, Наги (морскіе Змѣи) схватили ихъ корабль. Тогда они начали умолять божества:—Пусть божество, вскричали они, которое живетъ въ морѣ,—будь это Дивъ, Нага или Якша (демонъ), скажетъ намъ, чего оно хочетъ?—Тутъ вышелъ голосъ изъ глубины океана:—Отдайте намъ Самгху-Ракшиту.—Купцы отвѣчали: Арій (достопочтенный) Самгха-Ракшита однихъ съ нами лѣтъ, онъ родился въ одно время съ нами, онъ игралъ съ нами въ пыли, онъ намъ довѣренъ своимъ наставникомъ, достопочтеннымъ Сарипуттрой, и уступленъ Бхагаватомъ (Буддой). Намъ лучше погибнуть, чѣмъ покинуть Арія Самгху-Ракшиту.—Услыхавъ эти слова, Самгха-Ракшита сказалъ: — Что̀ это вы говорите, друзья мои? — Они ему разсказали. Тогда онъ подумалъ про себя:—Вотъ исполненіе словъ Бхагавата: ты долженъ пройти сквозь многія опасности и трудныя обстоятельства.—И потому, взявъ свой сосудъ для милостыни и свою одёжу, онъ бросился въ океанъ. Увидавъ это, купцы закричали: — Что ты это дѣлаешь, Самгха-Ракшита? Что это будетъ? — Но пока они кричали, тотъ былъ уже въ морѣ. Тогда корабль тотчасъ освободился, а Наги схватили Арія и повели его въ свой дворецъ». Тамъ онъ принялся преподавать имъ правила вѣры, а послѣ нѣкотораго времени, когда онъ сказалъ имъ, что хочетъ воротиться на родину, вдругъ передъ нимъ очутился корабль тѣхъ купцовъ, и Наги бросили его туда. Купцы чрезвычайно обрадовались ему, они всѣ вмѣстѣ пустились въ даль-

---

[1]) Тамъ же, стр. 262 — 281.

нѣйшій путь, и, высадясь на берегъ, всѣ заснули. Утромъ, купцы уѣхали на кораблѣ, не видя Самгху-Ракшиту, а онъ, проснувшись и не найдя ихъ, отправился въ дорогу одинъ. Сначала онъ приходитъ въ лѣсъ, гдѣ видитъ разныя чудеса и превращенія, а потомъ приходитъ въ пустынножительство, населенное пятью стами пустынниками, которые не хотятъ оказать ему гостепріимства. «Былъ въ этомъ пустынножительствѣ одинъ отшельникъ, добродѣтельнаго нрава:—Зачѣмъ это вы не оказываете гостепріимства этому почтенному человѣку? сказалъ онъ пустынникамъ. Вы этимъ грѣшите,—вы не что иное, какъ только болтуны. Я тотчасъ же дамъ тебѣ убѣжище, почтенный духовный, развѣ, что ты повелишь мнѣ что̀ иное.—Отшельникъ, отвѣчалъ Самгха-Ракшита, да будетъ по твоему слову.—Тогда отшельникъ пустился одинъ на поиски, и нашелъ маленькую незанятую хижину. Онъ сказалъ Самгхѣ-Ракшитѣ:—Ложись тутъ, въ этой хижинкѣ.—Достопочтенный Самгха-Ракшита принялся поливать, чистить, подметать хижинку, и устлалъ полъ свѣжимъ коровьимъ каломъ. Прочіе пустынники, увидавъ это, стали говорить другъ другу:— Да, эти Сраманы, сыновья Будды, любятъ-таки чистоту.— А Самгха-Ракшита, умывъ себѣ ноги внѣ хижинки, вошелъ туда и сѣлъ, скрестивъ ноги, держа тѣло прямо, и поставилъ память свою передъ своимъ умомъ. Богиня, обитавшая въ пустынножительствѣ томъ, пришла къ хижинѣ Самгхи-Ракшиты въ первую треть ночи, и подойдя сказала:—Самгха-Ракшита, излагай законъ.—Блаженна ты, богиня! отвѣчалъ ей Самгха-Ракшита, развѣ ты не видишь, я получилъ пристанище только потому, что самъ все приготовилъ? Неужели ты меня прогонишь вонъ?— Богиня подумала про себя:—Тѣло его утомлено, пусть его себѣ спитъ; я приду ужо̀, во вторую треть ночи». Это самое повторяется во вторую и третью треть ночи; наконецъ, утромъ онъ встаетъ, выходитъ изъ хижины и идетъ излагать законы тамошнимъ пустынникамъ-брахманамъ. Его проповѣдь такъ успѣшна, что они объявляютъ ему свое намѣреніе перейти въ буддійство. Онъ велитъ имъ схватиться за край его одежды, и тогда, «подобный царю лебедей съ распростертыми крыльями, онъ понесся по воздуху силою своего сверхъестественнаго могущества, покинулъ тѣ мѣста и полетѣлъ. Въ это самое мгновеніе, тѣ 500 купцовъ (о которыхъ говорено выше) выгружали свои товары. Они замѣтили тѣнь, падавшую на нихъ, и увидали Самгху-Ракшиту.— Такъ ты воротился, достопочтенный Самгха-Ракшита? закричали они.—Да, я воротился.—Куда-жъ ты теперь?—Вотъ эти 500 человѣкъ, отвѣчалъ онъ, хотятъ вступить въ духовное званіе, передъ лицомъ самого Бхагавата, и принять законъ препросла-

вленный; они требуютъ посвященія и духовной степени.—И мы тоже, Самгха-Ракшита, сказали купцы, пойдемъ въ монахи. Спустись-ка сюда къ намъ, мы только разгрузимъ свои товары.— Достопочтенный Самгха-Ракшита спустился, и купцы разгрузили свои товары. Тогда онъ взялъ съ собой всѣхъ тысячу человѣкъ и направился съ ними туда, гдѣ тогда находился Бхагаватъ». Тамъ они и получаютъ свое посвященіе [1]).

Этихъ трехъ примѣровъ, кажется, вполнѣ достаточно для того, чтобъ убѣдиться, что приведенная выше пѣсня о Садкѣ создалась не въ нашемъ отечествѣ, а на Востокѣ; что она не оригинальное созданіе русскаго народнаго творчества, она разсказъ древнихъ легендъ, издревле ходившихъ по Востоку въ разнообразныхъ видахъ и редакціяхъ.

Нашъ новгородскій купецъ Садко есть не что иное, какъ являющійся въ русскихъ формахъ индѣйскій царь Яду, индѣйскій богатырь-брахманъ Видушака, тибетскій брахманъ Джинпа-Ченпо, тибетскій царевичъ Гедонъ, индѣйскій монахъ Самгха-Ракшита.

Новгородская купецкая дружина Садкова — это толпа купцовъ, идущихъ охотой сопровождать индѣйскихъ и тибетскихъ: царевича, брахмана, купца, монаха, въ ихъ морскихъ предпріятіяхъ.

Нашъ царь-Морской, или царь-Водяникъ—это царь Наговъ, царь Змѣевъ, Ракшаза индѣйскихъ и тибетскихъ легендъ.

Въ приведенныхъ восточныхъ поэмахъ, сказкахъ и легендахъ мы видимъ покровительствующее (часто сверхъестественное) существо, которое предостерегаетъ героя или совѣтуетъ ему: по однимъ разсказамъ, это богъ Агни, котораго голосъ раздается съ неба, по другимъ, слѣпой старикъ-кормчій, по третьимъ — буддійскій отшельникъ: у насъ всѣ они превратились въ св. Николу Можайскаго, являющагося подъ видомъ «старика сѣдатаго», или «старчища незнай-себя».

Наши морскія дѣвицы, дочери Морского-царя, и съ одною, что̀ лучше всѣхъ, изъ числа которыхъ Садко, по предложенію Морского-царя, долженъ выбрать себѣ невѣсту,—это дочери царя Змѣевъ, по однимъ восточнымъ источникамъ; дѣвицы съ золотыми ведрами, прислужницы небесной дѣвы Бхадры, по другимъ; богини съ камнемъ Чинтамани, по третьимъ; богиня пустынножительства, по четвертымъ.

Музыка Садки въ подводномъ царствѣ — это проповѣдь правой вѣры, буддійскимъ героемъ, въ царствѣ Змѣевъ, злыхъ духовъ.

Рамки-же разсказа уцѣлѣли въ нашей пѣсни довольно полно.

---

[1]) *Eug. Burnouf*, Introduction à l'histoire du Buddhisme indien. Paris, 1844, I, 315—327.

Какъ въ восточныхъ разсказахъ, такъ и въ русскомъ, герой самъ себѣ строитъ корабли, съ помощью купецкой дружины своей, и пускается съ этою дружиною въ море. Тамъ, вдругъ, корабли, или корабль его, останавливаются на всемъ ходу: какая-то невѣдомая сила задерживаетъ ихъ. Герой думаетъ умилостивить богатыми приношеніями (золотомъ, драгоцѣнными камнями или вообще драгоцѣнностями), бросаемыми въ море, то божество, которое мѣшаетъ кораблямъ идти; но ничто не помогаетъ, и тогда самъ герой спускается въ море. Тутъ онъ видитъ зàмокъ или дворецъ — тамъ живетъ враждебное сверхъестественное существо, причина остановки; онъ остается здѣсь нѣсколько времени въ гостяхъ, занимая подводное вредное существо пріятнымъ для него образомъ (музыкой = вѣроученіемъ); потомъ получаетъ отъ этого существа, въ подводномъ царствѣ, драгоцѣнный даръ (волшебную дѣву = волшебный камень); при добытіи этого драгоцѣннаго дара является на сценѣ толпа дѣвъ и благопріятное существо (сверхъестественное или духовное), которое подаетъ герою добрые совѣты. Герой имъ слѣдуетъ, и, наконецъ, возвращается на свою родину, сверхъестественнымъ, необыкновенно-быстрымъ образомъ, при чемъ онъ вдругъ оказывается *стоящимъ на высотѣ*, около своего жилища и именно въ этомъ положеніи его впервые видятъ снова его близкіе родственники. Въ это же время возвращается тоже на родину и его дружина купецкая, которая встрѣчаетъ его съ большою радостью; но еще съ большею радостью встрѣчаетъ его жена, остававшаяся все это время дома. Несутъ съ кораблей (только въ *одномъ* разсказѣ замѣненныхъ демономъ-Ракшазой) новопріобрѣтенныя драгоцѣнности, герой входитъ въ свой домъ и принимается жить благополучно. Все это есть равно и въ восточныхъ пересказахъ, и въ русскомъ.

Особенно важно во всемъ этомъ то, что большинство подробностей русской пѣсни болѣе сближается съ позднѣйшими восточными редакціями, буддійскими, нежели съ болѣе ранними, брахманскими: пѣсня о Садкѣ гораздо болѣе подходитъ къ разсказамъ Дзанглуна и легендѣ о Самгхѣ-Ракшитѣ, чѣмъ къ разсказамъ Гариванзы и Катха-Саритъ-Сагары.

Но всего поразительнѣе то, что большинство первоначальныхъ, основныхъ мотивовъ дѣйствія, исчезло или искажено, подобно тому, какъ мы это уже видѣли въ другихъ мѣстахъ настоящаго изслѣдованія. Такъ наприм., сошествіе Садки въ море и пребываніе его у Морского-царя лишено у насъ всякаго значенія и цѣли, и, сверхъ того, является чѣмъ-то въ высшей степени непослѣдовательнымъ и безсвязнымъ: Садко спускается въ

море въ видѣ жертвы, чтобъ умилостивить морское божество, а между тѣмъ это божество вовсе не принимаетъ его какъ свою жертву, повидимому, забываетъ даже объ этомъ значеніи Садки, и только потѣшается его музыкой, да еще угощаетъ его допьяна, а потомъ женитъ на своей дочери, и послѣ того Садко возвращается снова на землю. Далѣе, въ пѣсни остается совершенно невысказаннымъ, почему именно, по совѣту благодѣтельнаго старца, Садко долженъ взять за себя не одну изъ первыхъ, вторыхъ и третьихъ трехсотъ дѣвицъ, а ту, которая идетъ послѣ нихъ всѣхъ. Наконецъ, вообще говоря, Садко спускается въ море и выходитъ оттуда безъ всякихъ результатовъ: онъ только спасается отъ опасности, грозившей ему. Но и опасность эта, и преодолѣніе ея, ровно ни къ чему не ведутъ. Въ восточныхъ оригиналахъ совсѣмъ иное дѣло. Какъ эти, такъ и всѣ остальные мотивы приведенныхъ разсказовъ вполнѣ ясны, и всякій разъ имѣютъ свое основаніе.

Такъ, въ самомъ древнемъ изъ этихъ разсказовъ, находящемся въ Гариванзѣ, герой долженъ совершить свое сошествіе въ море для того, чтобъ получить себѣ въ супружество дочерей царя Змѣевъ, отъ которыхъ должны впослѣдствіи произойти пять сыновей, родоначальниковъ новыхъ индѣйскихъ поколѣній, описываемыхъ далѣе въ Гариванзѣ. Другія, менѣе древнія редакціи, какъ наприм., сборникъ Сомадевы, заставляютъ героя сходить въ море для того, чтобъ уничтожить помѣху, препятствующую кораблямъ идти: онъ этого достигаетъ, но впослѣдствіи окончательнымъ результатомъ похожденій героя оказывается (какъ и въ Гариванзѣ) — пріобрѣтеніе супруги чудной красоты и божественнаго происхожденія. Въ еще болѣе позднихъ восточныхъ редакціяхъ (Дзанглунъ), цѣль и результатъ сошествія въ замки драконовъ или змѣевъ — проповѣдь буддійства, пріобрѣтеніе красавицы въ супружество и вседарующаго волшебнаго камня Чинтамани. Наконецъ, въ другихъ позднихъ восточныхъ редакціяхъ (о Самгхѣ-Ракшитѣ), цѣль и результатъ похожденій героя — распространеніе буддійства и торжество его надъ брахманизмомъ, обращеніе въ буддійскую вѣру какъ Змѣевъ, такъ и людей.

Совѣты благодѣтельнаго существа герою также не случайны и не простая безпричинная арабеска волшебнаго разсказа: они имѣютъ свое основаніе въ глубочайшихъ корняхъ брахманской и буддійской религіи. Св. Никола Можайскій появляется въ нашей пѣсни безъ всякихъ причинъ, условливающихъ его самого и его совѣты: богъ Агни, богиня пустынножительства, мудрый брахманъ-совѣтникъ, слѣпой кормчій — являются и подаютъ свои совѣты восточнымъ героямъ для того, что всякій

разъ индѣйской или тибетской поэмѣ и сказкѣ надо указать, какъ благочестіе, подвижничество и добродѣтель никогда не остаются безъ награды и помощи со стороны небесныхъ силъ.

Наша пѣсня говоритъ про жену, которую получилъ себѣ въ подводномъ царствѣ Садко, но потомъ объ этой женѣ ничего уже болѣе не упоминается. Это явно происходитъ оттого, что при переносѣ разсказа изъ восточныхъ оригиналовъ въ русскій текстъ, у насъ не могло быть рѣчи о многоженствѣ героя, и потому пѣсня въ концѣ разсказа возвратилась къ *первой* женѣ его, а новую — просто выпустила совсѣмъ вонъ.

Мы привели нѣсколько восточныхъ разсказовъ, передающихъ легенду о человѣкѣ, спускавшемся въ море къ демонамъ и вынесшемъ оттуда на землю сокровища. Мы прослѣдили ихъ нить сквозь періоды брахманскій и буддійскій, и нашли старѣйшимъ изъ нихъ тотъ, который помѣщенъ въ «Гариванзѣ». Но есть еще разсказъ о томъ же, явно превосходящій древностью повѣсть «Гариванзы»: въ древности его нельзя сомнѣваться въ виду того, что онъ имѣетъ вполнѣ характеръ стихійный и космическій.

Въ Магабгаратѣ (почти въ самомъ началѣ ея, т. е. тамъ, гдѣ сосредоточено наибольшее количество разсказовъ космическихъ) мы находимъ эпизодъ слѣдующаго содержанія.—Брахманъ Утанка получаетъ отъ жены своего учителя повелѣніе достать ей драгоцѣнныя серьги одной царицы. Такъ какъ ученикъ обязанъ повиноваться и своему учителю и его женѣ, Утанка отправляется въ путь. Тутъ онъ встрѣчаетъ, по дорогѣ, колоссальнаго вола, на которомъ сидитъ человѣкъ великанскаго роста. Этотъ человѣкъ говоритъ ему: — Утанка, ѣшь калъ моего вола!—Утанка исполняетъ это, и еще на придачу пьетъ урину вола, потомъ поспѣшно встаетъ, полощетъ ротъ и продолжаетъ путь. По приходѣ къ той царицѣ, Утанка проситъ у нея серегъ, и, такъ какъ брахманамъ никто не можетъ отказывать въ ихъ просьбахъ, подъ страхомъ проклятія, она отдаетъ ему свои серьги, но совѣтуетъ быть осторожнымъ, потому что Такшака, царь Змѣевъ, давно уже добивается этихъ серегъ, и, пожалуй, отниметъ ихъ у него. Утанка идетъ домой, и дорогой видитъ нищаго, который то покажется, то скроется. Придя къ одному озеру, Утанка кладетъ серьги на землю, и принимается дѣлать свои омовенія въ озерѣ. Въ это время нищій, тихо подкравшись, ловко схватываетъ серьги и убѣгаетъ съ ними. Утанка кончаетъ омовеніе и замѣчаетъ тогда покражу: онъ пускается въ догонку за похитителемъ, почти нагоняетъ его, но въ это время нищій сбрасываетъ съ себя нищенскій образъ, и, принявъ настоящій свой видъ змѣя Такшаки, исчезаетъ въ большой разсѣлинѣ земли,

и входитъ въ свой змѣиный дворецъ. Утанка начинаетъ шарить своей палкой (принадлежностью каждаго брахмана) въ землѣ, но понапрасну. Индра, видя его тщетныя усилія, велитъ своему Перуну помочь ему. Молнія сходитъ съ неба на землю, и разверзаетъ ее. Тогда Утанка черезъ это новое отверстіе спускается въ царство Змѣевъ, и находитъ его наполненнымъ великолѣпными дворцами, храмами, портиками, башнями. Онъ произноситъ похвалы Змѣямъ, но ему все-таки не отдаютъ серегъ. Тутъ онъ видитъ двухъ женщинъ, сидящихъ за пяльцами чудной красоты, и ткущихъ — одна черными, другая бѣлыми нитками. Онъ увидалъ также колесо о 12-ти спицахъ, которое ворочаютъ шесть молодыхъ мальчиковъ, и еще—человѣка съ великолѣпнымъ конемъ. Утанка произноситъ похвалы имъ всѣмъ, и человѣкъ сказалъ ему:—Я доволенъ тобой, проси себѣ чего хочешь!—Утанка отвѣчалъ ему: Отдай мнѣ во власть Змѣевъ. — Подуй въ задъ моего коня, сказалъ человѣкъ.—Утанка исполнилъ это, и тогда вдругъ изъ всѣхъ отверстій коня дохнуло пламя и поглотило весь міръ Змѣевъ. Ихъ царь Такшака пришелъ въ ужасъ, и поскорѣе отдалъ Утанкѣ серьги; а такъ какъ этотъ не зналъ, какъ ему воротиться на землю, то Такшака далъ ему коня, который, въ одно мгновеніе ока, перенесъ его на землю, въ домъ его наставника. Жена наставника давно уже ждала его, и въ своемъ нетерпѣніи хотѣла даже произнести противъ него проклятіе: увидавъ его, она очень обрадовалась. Она и мужъ ея стали распрашивать Утанку о его похожденіяхъ. Утанка разсказываетъ ихъ, и тогда мудрецъ-наставникъ объясняетъ ему значеніе видѣнныхъ имъ чудесъ. Двѣ прявшія женщины — это божества Дхата и Видхата; тканыя ими черныя и бѣлыя нитки—это ночи и дни; колесо о 12-ти спицахъ — годъ; 6 молодыхъ мальчиковъ, вертѣвшихъ колесо — 6 временъ года; человѣкъ—самъ богъ Индра; его конь—богъ огня Агни; волъ—царь слоновъ, Айравата; сидѣвшій на волѣ человѣкъ — опять-таки богъ Индра; калъ вола—амврозія боговъ, и только черезъ нее Утанка остался цѣлъ и невредимъ въ мірѣ Змѣевъ. Послѣ этого объясненія, Утанка прощается со своимъ наставникомъ и его женой, и идетъ основать себѣ новое жилище [1]).

Въ этомъ разсказѣ Магабгараты мы находимъ всѣ главныя составныя части и даже подробности нашей пѣсни о Садкѣ. Герой Магабгараты отправляется добывать драгоцѣнности: нашъ Садко ѣдетъ на кораблѣ также добывать ихъ. Утанка встрѣчаетъ препятствіе у воды: Садко встрѣчаетъ препятствіе на

[1]) *Fauche*, Le Mahabharata, I, 79—89.

водѣ; въ обоихъ случаяхъ, водный элементъ играетъ важную роль. Чтобъ устранить препятствія отыскать утраченную драгоцѣнность, Утанка спускается въ подземное царство: чтобъ устранить препятствіе и получить дорогой даръ, Садко спускается въ преисподнюю, въ подводное царство. Утанка находитъ тамъ великолѣпные дворцы и храмы царя Змѣевъ: Садко находитъ дворецъ Морского-царя. Утанкѣ помогаетъ совѣтами самъ высшій богъ Индра: Садкѣ помогаетъ совѣтомъ Никола Можайскій. Въ подземномъ царствѣ, Утанка видитъ волшебныхъ дѣвъ: въ подводномъ царствѣ, Садко видитъ волшебныхъ дочерей Морского-царя. Одна изъ этихъ послѣднихъ — *Чернава:* въ этомъ имени, ровно ничего здѣсь незначущемъ, мы находимъ отголосокъ той подземной дѣвы, видѣнной Утанкой, которая прядетъ *черными нитками;* такимъ образомъ, оказывается, что наша Чернава есть не что иное, какъ олицетвореніе Ночи, при чемъ изъ нашей былины, неизвѣстно почему, исчезло параллельное съ нею олицетвореніе Дня, и эта одна свѣтлая дѣва, превратилась у насъ въ цѣлую толпу свѣтлыхъ дѣвъ. Подземный царь Змѣевъ вручаетъ Утанкѣ драгоцѣнность, и потомъ этотъ въ одно мгновеніе переносится на землю, гдѣ его встрѣчаетъ нетерпѣливо ожидающая его женщина: Садко точно также получаетъ драгоцѣнный даръ отъ Морского-царя (дочь его), и потомъ въ одно мгновеніе переносится на свою родину, на землю, гдѣ его встрѣчаетъ нетерпѣливо ожидающая его жена. Буря, крушеніе и гибель, испытанныя множествомъ людей оттого, что Садко играетъ у Морского-царя на гусляхъ—это передѣланный разсказъ о гибели Змѣевъ оттого, что Утанка подулъ въ задъ миѳическому коню, и изъ него дохнуло пламя.—Такимъ образомъ, разсказъ Магабгараты указываетъ намъ на первоначальное происхожденіе нашей былины изъ разныхъ восточныхъ преданій о человѣкѣ, спускавшемся въ море за драгоцѣнностью, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объясняетъ настоящее значеніе многихъ подробностей, искаженныхъ временемъ при переходѣ этой легенды отъ одного народа къ другому. Но примѣчательно, что только въ одной русской пѣсни уцѣлѣлъ намекъ на первоначальные стихійные и космическіе мотивы этой легенды. Правда, у насъ уже ничего не говорится о символическихъ образахъ круглаго года, шести временъ его, божественной амврозіи и т. д.: это доказываетъ, что наша былина не произошла ни отъ одного изъ извѣстныхъ намъ и приведенныхъ здѣсь восточныхъ пересказовъ; она имѣетъ съ ними, конечно, много сходства, какъ съ одними изъ посредствующихъ ступеней между самыми древними и болѣе новыми редакціями разсказа; но еще гораздо болѣе сходства будетъ она, безъ со-

мнѣнія, имѣть съ тѣми восточными редакціями (если только онѣ будутъ открыты), которыя непосредственно предшествовали нашей былинѣ.

Въ заключеніе, мы можемъ еще указать здѣсь, какъ далеко распространился, въ незапамятныя еще времена азіятской древности, разсказъ о человѣкѣ, отправлявшемся отыскивать драгоцѣнности въ неземныя страны.

Этотъ самый разсказъ мы встрѣчаемъ, въ очень первоначальномъ видѣ, *во-первыхъ*, у даяковъ, дикихъ обитателей острова Борнео. Здѣсь извѣстна слѣдующая легенда.— «Давно — давно, въ тѣ времена, когда люди ничего другого еще не ѣли, кромѣ грибовъ, росшихъ на гнилыхъ деревьяхъ, и не было еще никакихъ хлѣбныхъ растеній для того, чтобъ питать и укрѣплять сердце человѣческое, — партія даяковъ, и съ ними одинъ человѣкъ, по имени Си-Юра, пустились въ море: они плыли нѣсколько времени, пока пріѣхали къ одному мѣсту, гдѣ услыхали ревъ далекаго водоворота, и, къ своему удивленію, увидали передъ собою толстое плодовое дерево, корнями стоявшее въ небѣ, и оттуда висѣвшее внизъ, такъ что вѣтви касались воды. По просьбѣ товарищей, Си-Юра полѣзъ въ вѣтви, чтобъ набрать плодовъ, бывшихъ тутъ въ изобиліи; очутившись тамъ, онъ почувствовалъ желаніе подняться выше по стволу, и посмотрѣть, какъ-это дерево ростетъ въ такомъ странномъ положеніи. Онъ такъ и сдѣлалъ, и поднялся такъ высоко, что его товарищи въ лодкѣ потеряли его изъ виду, и, подождавши его еще немного, уѣхали съ грузомъ плодовъ. Си-Юра увидѣлъ сверху, что они уѣзжаютъ, и ему ничего другого не осталось, какъ лѣзть еще выше, въ надеждѣ добраться до какого-нибудь мѣста. Онъ и полѣзъ, и скоро очутился промежду корней дерева: тутъ онъ увидалъ новую страну, а именно страну Плеядъ (*волшебныхъ дѣвъ, перенесенныхъ на небо въ видѣ звѣздъ*). Тамъ онъ встрѣтился съ существомъ въ образѣ человѣка, по имени Си-Кира: этотъ повелъ его къ себѣ въ домъ и сталъ угощать вареннымъ рисомъ. Си-Кира научилъ его, ка̀къ ростить и употреблять въ пищу рисъ, ка̀къ ходить за лѣсомъ, рубить его и употреблять на топливо, ка̀къ узнавать будущее по полету птицъ, ка̀къ праздновать жатву; а потомъ, спустилъ его на длинной веревкѣ на землю, около отцовскаго дома» [1]). Читатель легко замѣтитъ, что единственное, существенное, впрочемъ не очень важное, измѣненіе состоитъ здѣсь въ томъ, что герой не *спустился внизъ*, а

---

[1]) *St. John*, Forests of the far East (2-е изданіе) London, 1863, I, 213.—*Tylor*, Researches into the early history of mankind. London, 1865, стр. 345.

поднялся вверхъ: все остальное вполнѣ соотвѣтствуетъ подробностямъ другихъ, извѣстныхъ намъ азіятскихъ пересказовъ. Водный элементъ на первомъ планѣ; герой отдѣляется отъ толпы товарищей, и они, какъ наша Садкова дружина, уѣзжаютъ на своей лодкѣ; онъ же попадаетъ въ невѣдомую страну волшебныхъ дѣвъ (наши дочери Морского-царя, волшебныя дѣвы «Дзанглуна» и Сомадевы); ему встрѣчается человѣкъ, который подаетъ ему полезные совѣты (Никола Можайскій русской былины, кормчій «Дзанглуна», брахманъ легенды о Самгхѣ-Ракшитѣ), и, наконецъ, онъ возвращается домой съ богатыми новыми пріобрѣтеніями. Замѣтимъ, что въ даякской легендѣ уцѣлѣло космическое, *свѣтовое* значеніе дѣвъ невѣдомой страны: въ нашей былинѣ одна изъ нихъ названа «*Чернавой*»; въ Магабгаратѣ, это дѣва, *черными* нитками «ткущая ночь»; въ «Дзанглунѣ», это дѣвы съ волшебнымъ камнемъ *свѣтящимъ въ темнотѣ* (какъ мы увидимъ ниже); въ легендѣ съ острова Борнео всѣ дѣвы, встрѣчаемыя героемъ, суть «дѣвы-звѣзды», живущія въ небѣ.

Этотъ же разсказъ мы встрѣчаемъ, *во-вторыхъ*, и въ Америкѣ, которая, какъ нынче вообще признано, въ доисторическія времена приняла цивилизацію, миѳологію и обряды изъ Азіи. У племени чиневаевъ (краснокожихъ) есть легенда о маленькомъ мальчикѣ, нисколько не росшемъ, но обладавшемъ страшною силой. Онъ совершилъ разные богатырскіе подвиги, и, однажды, бросился въ озеро, воскликнувъ: «Эй ты, красноперая! проглоти меня!» Тотчасъ подплыла великанская рыба и поглотила его. Видя сестру свою, стоявшую на берегу, въ отчаяніи, онъ закричалъ ей, и она бросила въ воду старый мокассинъ (обувь), привязавъ его на длинной веревкѣ къ дереву. Мальчикъ научилъ рыбу проглотить мокассинъ, и потомъ за веревку притянулъ себя съ нею къ берегу. Сестра взрѣзала рыбу, услыхала братнинъ голосъ и высвободила его изъ рыбьей утробы, а онъ научилъ ее, какъ разрѣзать и высушить рыбу, такъ какъ она можетъ надолго послужить имъ въ пищу [1]). Въ этомъ разсказѣ многое уже измѣнилось и утратилось подъ вліяніемъ времени и далекой мѣстности, но главныя, коренныя первоначальныя черты остались въ цѣлости. Герой легенды опускается въ глубину водную, и его схватываетъ великанское существо (здѣсь — рыба, въ азіятскихъ разсказахъ — царь Змѣевъ, въ нашей былинѣ — царь-Морской); на сушу герой возвращается

---

[1]) *Schoolcraft*, Historical and statistical information respecting the history of the Indian Tribes of the United States. Philadelphia, 1851, III, 318 — 328.—*Tylor*, Researches, 336.

съ богатою добычею (тѣло рыбы, полезное для пищи, по чиневайской легендѣ; вседарующій камень Чинтамани, по «Дзанглуну»; невѣста, по Сомадевѣ); послѣ совершенія подвига, герой снова соединяется съ женщиной, остававшейся на сушѣ и ожидавшей его съ нетерпѣніемъ. Въ заключеніе, обратимъ вниманіе на то, что американская легенда, гдѣ играетъ важную роль проглатывающая рыба, указываетъ на связь и сходство разсматриваемыхъ здѣсь азіятскихъ легендъ съ библейской исторіей Іоны, спущеннаго товарищами съ корабля въ море и проглоченнаго рыбой.

Мы разсмотрѣли, изъ числа пѣсенъ о Садкѣ — третью, вопервыхъ какъ самую существенную и притомъ такую, которая, по всей вѣроятности, составляла первоначально, у разныхъ народовъ, со временъ глубокой древности, отдѣльное, самостоятельное цѣлое, а вмѣстѣ такую, гдѣ пункты сравненія съ восточными первообразами, многочисленнѣе, ближе и очевиднѣе, такъ какъ мы имѣемъ тутъ для сравненія множество разнообразныхъ восточныхъ оригиналовъ, разныхъ временъ и народовъ. Теперь обратимся къ двумъ другимъ.

Содержаніе первой изъ нихъ слѣдующее.—Жилъ въ Новгородѣ Садко; не было у него никакого имущества, были у него однѣ гусли, и съ ними ходилъ онъ по всѣмъ пирамъ. Вдругъ перестали его звать на пиры: соскучился Садко, пошелъ на Ильмень-озеро, и началъ тамъ играть на гуселькахъ своихъ — вода вдругъ всколебалась. Три раза, одинъ за другимъ, это съ нимъ случалось; на третій разъ, когда вода всколебалась, вышелъ оттуда самъ царь-Морской, и говоритъ ему: «Ай, Садко, чѣмъ мнѣ тебя пожаловать за твою утѣху, игру нѣжную? А-ли золотой казной? Не-то вотъ что: ступай въ Новгородъ, побейся съ купцами о великій закладъ, поставь свою буйную голову, а съ нихъ выряжай лавки товара краснаго. Спорь, что въ Ильменѣ-озерѣ есть рыба золоты-перья. Какъ ударишь о великъ закладъ, пріѣзжай ловить въ Ильмень-озеро; я дамъ тебѣ три рыбины золоты-перья, тогда ты, Садко, счастливъ будешь.» (По другому пересказу, не царь-Морской изъ воды вышелъ, а «приходилъ отъ Ильмень-озера удалой добрый молодецъ», и научилъ его, идти съ работниками новгородскими на Ильмень-озеро, заметывать неводы: будетъ ему отъ того божья милость.) Ударившись объ закладъ, Садко забрасываетъ неводы, и рыбы вылавливается несчетное множество. По однимъ пересказамъ, онъ трижды вылавливаетъ рыбу золоты-перья, и три купца новгородскіе, бившіеся съ нимъ о закладъ, отдаютъ ему проигранный закладъ свой — каждый по три лавки товара краснаго. И сталъ Садко

поторговывать, нажилъ барыши великіе. По другимъ пересказамъ (гдѣ ничего уже не говорится о какомъ бы то ни было закладѣ), Садко зоветъ новгородскихъ башлыковъ (работниковъ), закидываетъ съ ними три невода, и налавливаетъ столько рыбы, что отъ нея ломятся у него погреба. Но, на другой день, когда Садко пошелъ посмотрѣть свой уловъ, оказалось, что вся рыба превратилась въ несмѣтную кучу денегъ. Разбогатѣвъ, Садко строитъ себѣ великолѣпныя палаты [1]).

Эта пѣсня служитъ нашимъ изслѣдователямъ поводомъ къ такого рода соображеніямъ, что здѣсь, въ лицѣ Садки, представленъ типъ нашихъ древнихъ гусляровъ. «Сами бѣдные, они питались отъ своего искусства, но вмѣстѣ пользовались уваженіемъ. Въ понятіи народа, ихъ даръ и умъ приближали ихъ къ таинственному міру чудеснаго; древнія божества откликались имъ; гусляры даромъ пѣсни вызывали животворныя силы, скрытыя въ нѣдрахъ природы, и добывали себѣ отъ нихъ значеніе и могущество» [2]). Другіе изслѣдователи и этотъ разсказъ признаютъ сказаніемъ, основаннымъ на «мѣстныхъ преданіяхъ» [3]).

Во второй пѣсни о Садкѣ, разсказывается слѣдующее.—Разбогатѣвъ отъ чуднаго рыбнаго лова, Садко вступилъ въ новгородскую купецкую братчину-Никольщину. Однажды на пиру сталъ онъ похваляться, что своею безсчетною казною выкупитъ «всѣ товары новгородскіе, худые товары и добрые, чтобъ въ Новѣ-градѣ товаровъ болѣе въ продажѣ не было». Ударился онъ по этому дѣлу со всѣми «новгородскими мужиками» и двумя настоятелями (начальствующими) новгородскими, и на другое утро послалъ свою дружину купецкую скупать товары по всему Новгороду, а самъ пошелъ прямо въ гостиный рядъ, и выкупилъ на свою безсчетную казну всѣ товары новгородскіе. Встаетъ онъ на другое утро, опять самъ идетъ въ гостиный рядъ: вдвойнѣ новыхъ товаровъ навезено; онъ и тѣ опять всѣ выкупаетъ. Наконецъ, на третій день идетъ, и видитъ: снова навезли новыхъ товаровъ, да еще втройнѣ. Тогда, по однимъ пересказамъ, онъ и въ третій разъ скупаетъ весь товаръ новгородскій, не оставивъ уже болѣе его и на денежку; а по другимъ, онъ призадумывается, теряетъ надежду выкупить всѣ товары въ Новгородѣ и говоритъ: «Нѣтъ, не я, видно, богатый купецъ новгородскій, побогаче меня будетъ славный Новгородъ!» и послѣ

---

[1]) *Рыбниковъ*, I, 370—372. — Древн. росс. стихотв. 267—270. — *Кирѣевскій*, V, 47—50.

[2]) *Н. Костомаровъ*, Сѣверно-русскія народоправства, II, 248 — 249.

[3]) *Ѳ. Буслаевъ*, «Русск. богатыр. эпосъ»: Русск. Вѣстн., 1862, V, 544.

того отдаетъ проигранный закладъ свой настоятелямъ новгородскимъ [1]).

Въ этомъ разсказѣ наши изслѣдователи видятъ важный историческій смыслъ, потому что, по ихъ мнѣнію, выраженная здѣсь борьба индивидуальной силы, поддерживаемой кружкомъ приверженцевъ противъ массы, это «колебаніе между личною свободою, доходившею до владычества произвола, и строгимъ могуществомъ общества—составляетъ отличительную черту новгородской общественной жизни: въ первомъ варіантѣ (о скупаніи всѣ три раза товара Садкой, такъ что не осталось его потомъ и на денежку) беретъ перевѣсъ первое, во второмъ (объ уступкѣ Садкѣ купечеству)—другое». «Не мудрено, прибавляютъ изслѣдователи, что поэтическій народный геній новгородскій далъ такіе различные исходы подвигамъ своего героя» [2]).

Но я не могу видѣть въ только-что приведенныхъ двухъ пѣсняхъ о Садкѣ всего «историческаго», что̀ въ нихъ открыто и замѣчено нашими изслѣдователями, потому что имѣю въ рукахъ доказательства ихъ чужеземнаго, и вовсе не *мѣстнаго*, новгородскаго происхожденія.

Мы видѣли, что каждая изъ обѣихъ пѣсенъ существуетъ у насъ въ двухъ редакціяхъ, представляющихъ значительныя разницы. По одной редакціи, въ первой пѣсни разсказывается о томъ, какъ Садко бьется объ закладъ насчетъ трехъ золотыхъ рыбъ, и потомъ, добывъ ихъ изъ Ильменя, получаетъ большія богатства отъ новгородскихъ купцовъ; по второй, онъ ни съ кѣмъ не бьется объ закладъ, и просто добываетъ изъ Ильменя много рыбы, черезъ которую становится богатъ. Вторая пѣсня представляется намъ также въ двухъ редакціяхъ: по одной, Садко расчванился своимъ богатствомъ, расхвастался имъ до такой степени, что взялся скупить весь товаръ съ цѣлаго Новагорода; но это ему не удалось, и онъ долженъ былъ, наконецъ, отступиться, признавшись, что Новгородъ богаче его; по другой редакціи, онъ, напротивъ, успѣваетъ скупить товаръ въ цѣломъ Новгородѣ и какъ бы одерживаетъ верхъ надъ всѣмъ новгородскимъ купечествомъ, вмѣстѣ сложеннымъ. Что̀ означаетъ эта огромная, діаметрально противоположная разница редакцій, какимъ образомъ могли существовать, одновременно, столько противорѣчащія одно другому изложенія одного и того же мотива? Это объясняется очень просто: не «поэтическій народный геній»

---

[1]) *Рыбниковъ*, I, 372—374; 367—368.—Древн. росс. стихотвор., 271—274.—*Кирѣевскій*, V, 50—53.

[2]) *Н. Костомаровъ*, Сѣверно-русскія народоправства, II, 246, 253.

Новгорода *создалъ* два разныхъ исхода похожденіямъ своего героя, а наши пѣсни происходятъ отъ разныхъ пересказовъ, идущихъ съ Востока, и изъ нихъ одни старше, а другіе моложе. Изъ нихъ старшіе — лучше, эпичнѣе, естественнѣе и логичнѣе. Къ нимъ мы относимъ: въ первой пѣсни, тотъ пересказъ, гдѣ герой становится богатъ не вслѣдствіе выиграннаго заклада, а вслѣдствіе счастливаго, чуднаго лова, который дѣлается источникомъ его богатства; во второй пѣсни — тотъ пересказъ, по которому герой, чудеснымъ образомъ разбогатѣвшій, скупаетъ весь товаръ въ своемъ городѣ и тѣмъ беретъ верхъ надъ остальнымъ купечествомъ, но все это не изъ хвастовства и не изъ чванства, а потому, что такое необыкновенное скупаніе нужно ему для предпріятія необыкновеннаго: онъ предпринимаетъ особенно-значительную, необыкновенную поѣздку купецкую за море, съ огромной толпой купцовъ, снесшихъ вмѣстѣ свои товары.

Другіе же два мотива: разбогатѣніе черезъ закладъ и скупаніе товара съ цѣлаго города только изъ-за хвастовства и чванства, я признаю не инымъ чѣмъ, какъ позднѣйшимъ измѣненіемъ первоначальныхъ эпическихъ мотивовъ.

Къ такимъ соображеніямъ приводитъ сравненіе старѣйшихъ (по моему мнѣнію) пересказовъ двухъ первыхъ былинъ о Садкѣ съ однимъ произведеніемъ Востока, гдѣ легко замѣтить очень большое сходство мотивовъ съ нашими разсказами.

Это произведеніе Востока—индѣйская легенда о купцѣ Пурнѣ. Легенда эта извѣстна намъ въ редакціи буддійской, и имѣетъ оттѣнокъ исключительно-религіозный, какъ и очень многіе пересказы временъ буддійскихъ. Подобныя легенды и повѣсти, передавая мотивы эпохи брахманской или временъ еще болѣе древнихъ, представляютъ ихъ часто въ формахъ, до того передѣланныхъ, согласно требованіямъ буддійства, до того пропитанныхъ намѣреніемъ все рѣшительно клонить къ одному только торжеству и повсемѣстному утвержденію буддійской религіи, что иногда очень трудно открыть, подъ этими новыми религіозными покровами, первоначальныя черты древняго сказанія. Такъ случилось и съ легендой о Пурнѣ. Но, не смотря ни на что, здѣсь все-таки можно очень явственно различить, что вторая половина легенды есть не что иное, какъ буддійско-религіозная переименовка того самого древне-восточнаго разсказа о человѣкѣ, спускавшемся въ море, и котораго разнообразные пересказы мы встрѣтили въ Гариванзѣ, въ сборникѣ Сомадевы, и т. д.

Въ этой второй половинѣ легенды о купцѣ Пурнѣ разсказывается, что 500 купцовъ и старшій братъ купца Пурны ѣдутъ по морю, добывать богатствъ. Вѣтеръ приноситъ ихъ къ лѣсу,

наполненному драгоцѣннымъ сандальнымъ деревомъ, и они принимаются рубить его. Тотъ Якша (демонъ), которому принадлежитъ лѣсъ, поднимаетъ страшную бурю, чтобъ утопить и купцовъ и ихъ корабль. Они, въ своемъ ужасѣ, начинаютъ молиться Пурнѣ (сдѣлавшемуся изъ богатыхъ купцовъ однимъ изъ великихъ подвижниковъ и любимцевъ Будды); благопріятныя Пурнѣ божества пересказываютъ все это ему самому, и тогда, силою благочестивой своей мысли, онъ вдругъ очутился на океанѣ, и сидитъ, скрестя ноги, на краю корабля. Буря успокоивается и Пурна спасаетъ своего брата, уже тонувшаго. Злобный Якша не можетъ понять, что̀ значитъ это внезапное утишеніе поднятой имъ бури, глядитъ во всѣ стороны, и видитъ, наконецъ, Пурну, сидящаго на краю корабля. Онъ гнѣвно обращается къ нему, но тотъ объясняетъ, что въ немъ пребываетъ сила Будды; Якша покоряется, купцы нагружаютъ свой корабль драгоцѣннымъ деревомъ и благополучно возвращаются домой. Пурна строитъ великолѣпный храмъ Буддѣ, и въ молитвѣ приглашаетъ его на освященіе и пиръ. Будда склоняется на призывъ своего любимца, и идетъ въ новый храмъ; его сопровождаетъ огромная толпа духовныхъ его послѣдователей; по дорогѣ къ нему выходятъ на встрѣчу 500 вдовъ-отшельницъ: онѣ произносятъ ему хвалы, и просятъ его даровать что нибудь имъ на память. Будда даетъ имъ обрѣзки своихъ волосъ и ногтей, и онѣ строятъ часовню, чтобъ тамъ сохранять эти священные предметы. Тутъ же водружаетъ въ землю свою вѣтку та богиня, которая жила въ лѣсу Будды и сопровождала Будду все время съ этой вѣткой въ рукѣ, вмѣсто зонтика и опахала. Далѣе идетъ разсказъ о торжествѣ и пирѣ Будды въ новой, ему посвященной храминѣ, въ присутствіи безчисленныхъ массъ благочестиваго народа. Наконецъ, одинъ изъ ближайшихъ послѣдователей Будды, достопочтенный Мага-Маудгаліаяна проситъ своего учителя дать ему свидѣться съ возрожденною въ новомъ существованіи матерью своею, помолодѣвшею и получившею имя Бхадры-Каніи, для того, чтобъ и ее присоединить къ буддійству. Будда соглашается, переноситъ его въ ту страну, гдѣ живетъ помолодѣвшая его мать: происходитъ радостное свиданіе матери съ сыномъ, и она обращается въ буддійство, а Будда, взявъ потомъ ученика своего, въ одно мгновеніе ока возвращается въ обычное мѣстопребываніе свое [1]).

Этотъ разсказъ, представленный здѣсь мною въ самомъ сжатомъ видѣ, почти затеривается, въ подлинникѣ, въ огромной

---

[1]) *Burnouf*, Hist. du Buddhisme indien, 255 — 272.

массѣ религіозныхъ рѣчей, благочестивыхъ размышленій и безконечныхъ разсужденій буддійскаго содержанія. Но все-таки мы здѣсь узнаемъ, не смотря на множество измѣненій, ту же самую тему, что и въ вышеприведенныхъ легендахъ: злой демонъ мѣшаетъ поѣздкѣ купцовъ, какъ въ разсказѣ Гариванзы, Сомадевы и русской былины; Пурна спасаетъ своего брата изъ воды точно также, какъ царевичъ Гедонъ своего брата Дигдона въ Дзанглунѣ; морское божество покоряется герою, и купцы возвращаются счастливо домой точно также, какъ въ большинствѣ тѣхъ разсказовъ; толпа дѣвицъ съ золотыми ведрами или волшебными камнями превратилась здѣсь въ благочестивыхъ вдовъ; одна чудесная и волшебная красавица-дѣва — въ мать отшельника и подвижника Мага-Маудгаліаяны, и, что̀ особенно примѣчательно, имя ея, вопреки остальнымъ измѣненіямъ и передѣлкамъ, удержалось въ прежнемъ видѣ: у Сомадевы эта небесная дѣва называется «Бхадра»; въ легендѣ о Пурнѣ, «Бхадра-Канія» называется та женщина, которая заняла ея мѣсто; самъ герой раздѣлился здѣсь на двѣ отдѣльныя личности: въ началѣ повѣсти постоянно дѣйствуетъ самъ Пурна, а въ концѣ о немъ уже нѣтъ болѣе рѣчи, и выступаетъ на сцену замѣнившій его отшельникъ Мага-Маудгаліаяна, такъ-что уже у этого послѣдняго, а не у Пурны (какъ бы должно) происходитъ свиданіе съ любимой и ожидающей его женщиной (здѣсь эта женщина — мать героя, а въ болѣе древнихъ разсказахъ — жена героя).

Мы вошли въ ближайшее разсмотрѣніе этой легенды для того только, чтобъ показать несомнѣнное тождество ея скелета, или основы, съ разобранными выше пересказами легенды о человѣкѣ, спускавшемся въ море съ корабля. Но, что̀ намъ особенно важно въ этой легендѣ — это первая часть ея. Убѣдившись, что *вторая* часть близко родственна послѣдней пѣсни о Садкѣ, мы воспользуемся *первою* ея частью для того, чтобъ показать, откуда идутъ первыя наши двѣ пѣсни о Садкѣ. Если вторая часть легенды о Пурнѣ есть только позднѣйшій, искаженный, буддійскій пересказъ многочисленныхъ восточныхъ повѣствованій, восходящихъ до временъ глубокой азіятской древности, и имѣющихся у насъ на лицо, — то, безъ сомнѣнія, и первая половина исходитъ отъ точно такихъ же древнѣйшихъ восточныхъ первообразовъ. Къ сожалѣнію, этихъ древнѣйшихъ первообразовъ у насъ нѣтъ, покуда, подъ руками, и мы должны довольствоваться однимъ этимъ слабымъ эхомъ первоначальныхъ оригиналовъ.

Главныя черты первой половины легенды о Пурнѣ слѣдую-

щія.—У одного богатаго купца въ городѣ Сурпарака, въ Индіи, было три сына отъ законной жены, и еще четвертый, младшій сынъ отъ наложницы. Послѣ смерти отца, старшіе братья раздѣлили между собою отцовское имѣніе: одинъ сынъ взялъ себѣ домъ и землю, другой лавку и торговое заведеніе въ чужихъ краяхъ, старшій же взялъ себѣ незаконнорожденнаго младшаго брата своего, Пурну, какъ на все способнаго и умѣлаго — это ему совѣтовалъ еще отецъ. Обиженному и лишенному всего Пурнѣ не осталось никакихъ средствъ существованія; мало того: онъ долженъ еще заботиться о семействѣ старшаго брата. Однажды, жена этого брата послала его на рынокъ, чтобъ онъ досталъ чего-нибудь поѣсть дѣтямъ, и дала ему на то самую мелкую монету. «Тамъ былъ въ это время одинъ человѣкъ, несшій на плечахъ куски дерева, выброшенные моремъ на берегъ; онъ чувствовалъ чрезвычайный холодъ и шелъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Пурна увидѣлъ его и спросилъ:—Эй, любезный, что̀ ты это дрожишь?—Человѣкъ сказалъ: Ничего не знаю; но только-что я нагрузилъ себѣ эти дрова на плечи, я вдругъ почувствовалъ вотъ этакій холодъ.—Пурна, искусный въ распознаваніи дерева, принялся разсматривать ношу этого человѣка, и узналъ, что это у него сандальное дерево изъ породы «госирша» [1]). Тогда онъ сказалъ носильщику:—Любезный другъ, за сколько ты отдашь это дерево?—За 500 каршапановъ [2]), отвѣчалъ тотъ.—Пурна взялъ его ношу за эти деньги, пошелъ на рынокъ и отпилилъ отъ дерева четыре куска, которые и продалъ за 1000 каршапановъ одному покупщику: тому это дерево нужно было для благовоннаго порошка. Потомъ изъ 1000 каршапановъ Пурна отдалъ 500 носильщику, а на остальныя деньги купилъ двухъ рабовъ, быка и корову, одежды и другія житейскія потребности, а потомъ взялъ варенаго рису и накормилъ брата и невѣстку. Все семейство было въ великой радости. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, сурпаракскій царь заболѣлъ горячкой. Врачи велѣли ему лечиться сандаломъ изъ породы госирша. Вотъ царскіе совѣтники (министры) и принялись искать этого сандала. По слухамъ, они узнали про то, что̀ происходило на рынкѣ. Они пошли къ Пурнѣ и говорятъ ему:—Есть у тебя сандалъ изъ породы госирша? — Есть, отвѣчалъ онъ.—А за сколько

---

[1]) Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Бюрнуфъ замѣчаетъ, что въ первыя времена буддійства было очень распространено мнѣніе, будто бы сандальное дерево имѣетъ свойство холодить, такъ что даже животныя во время зноя ищутъ сандальныхъ рощей для прохлады. Поэтому въ тѣ времена, горячки и другія болѣзни, требовавшія «прохлажденія крови», лечились сандальнымъ деревомъ.

[2]) По исчисленіи Бюрнуфа, 500 каршапановъ составляютъ, на нынѣшнія деньги, 28 франковъ 45 сантимовъ; 1000 каршапановъ = почти 57 франковъ.

ты его уступишь?—За 1000 каршапановъ.—Министры взяли его за эту сумму. Царю сдѣлали изъ него мазь, и онъ выздоровѣлъ. Пожелавъ имѣть у себя такое могучее средство, царь призвалъ Пурну, и тотъ продалъ ему три куска сандала за три лака суварновъ [1]), а четвертый подарилъ царю. Царь, изъ благодарности, спросилъ его, какой милости онъ себѣ отъ него хочетъ,—и Пурна потребовалъ, чтобъ никто въ томъ царствѣ не смѣлъ наносить ему оскорбленій. Царь такъ и велѣлъ. «Между тѣмъ пріѣхали въ ихъ городъ Сурпараку 500 купцовъ: они возвращались изъ морского путешествія, и привели свой корабль цѣлымъ и невредимымъ. Купечество того города постановило такое правило:—Надо всѣмъ намъ не раздѣляться, и никто изъ насъ не долженъ ходить одинъ, къ новопріѣзжимъ купцамъ. Если кто пойдетъ, тотъ заплатитъ 60 каршапановъ пени, и купечество захватитъ товаръ.—Нѣкоторые сказали:—Дадимъ же знать объ этомъ постановленіи Пурнѣ!—А другіе сказали:—На что̀ говорить этому негодяю?—Въ это время Пурна уже вышелъ изъ своего дома. Онъ услыхалъ, что 500 купцовъ пріѣхали въ ихъ городъ, на возвратномъ пути изъ путешествія, съ кораблемъ цѣлымъ и невредимымъ. Не заходя снова въ городъ, онъ пошелъ къ нимъ и сказалъ:—Господа, что̀ у васъ за товаръ?—Купцы отвѣчали: такой-то и такой-то.—Какая цѣна?—Купцы отвѣчали:—Голова купецкій, вѣдь ты бывалъ далеко и въ чужихъ краяхъ, значитъ у тебя надо спрашивать про цѣну. — Ну, пусть такъ, а все-таки скажите вашу цѣну. — Купцы назначили 18 лаковъ суварновъ. Пурна отвѣчалъ:—Господа, возьмите въ задатокъ вотъ эти 3 лака, и дайте мнѣ товары, а я вамъ заплачу остальное, какъ ворочусь въ городъ.—Ладно, сказали иностранцы.—Онъ и отдалъ 3 лака, которые съ нимъ были, и, поставивъ на товарѣ оттискъ своей печати, ушелъ. Послѣ того, купечество городское послало слугъ навѣдаться про товаръ иностранцевъ. Эти люди пришли туда и спросили:—Что это за товаръ?—Такой-то и такой-то.—У насъ тоже есть кладовыя и сараи, полные товара.—Пусть они полны или пусты, а этотъ товаръ проданъ.—Кому?—Пурнѣ.—Вамъ будетъ только убытокъ съ Пурной; мы даемъ больше.—Купцы отвѣчали: —Да вы и всего-то столько не дадите, сколько онъ далъ задатка.— Чтожъ онъ далъ? — Три лака суварновъ.—Услыхавъ это, братья Пурны почувствовали великую зависть. Они пошли къ купечеству сурпаракскому, и разсказали, какъ и что было. Купцы тоже почувствовали зависть. Они велѣли призвать Пурну, и сказали

[1]) По исчисленію Бюрнуфа, лакъ суварновъ (т. е. золотыхъ) составляетъ на нынѣшнія деньги 3,526,000 франковъ.

ему:—Купечество постановило, что никто не долженъ идти одинъ скупать товары, не-то, купечество захватитъ купленное.—Зачѣмъ же ты ходилъ скупать одинъ?—Господа, отвѣчалъ Пурна, когда вы постановили это правило, развѣ вы повѣстили меня или моего старшаго брата? Вы это положили между собой, такъ вы одни его и исполняйте.—Но купцы, полные зависти, выставили его на солнечный припёкъ, чтобъ заставить его заплатить 60 каршакановъ (пеню). Царскіе люди увидали, что̀ происходило, и пошли сказать царю.—Позвать купцовъ, сказалъ царь.—Когда они пришли, царь сказалъ имъ:—Зачѣмъ это вы держите Пурну на солнцѣ? —Государь, отвѣчали они, купечество постановило правило: никто не долженъ ходить одинъ скупать товары; а онъ пошелъ одинъ.—Тогда Пурна сказалъ:—О царь, соблаговоли спросить ихъ: когда они положили то правило, увѣдомили-ли они меня или моего старшаго брата?—Нѣтъ, ихъ не увѣдомляли, отвѣтили купцы.—Тогда царь сказалъ:—Пурна дѣло говоритъ,—и купцы со стыдомъ отпустили его. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, царю понадобился одинъ товаръ. Онъ позвалъ купечество и сказалъ: —Купцы, мнѣ вотъ этого нужно, достаньте.—Этотъ товаръ есть у Пурны, сказали купцы.—Мнѣ нечего приказывать Пурнѣ; это вы должны купить у него тѣ вещи, а потомъ доставить мнѣ.—Вотъ они послали разсыльнаго къ Пурнѣ, сказать ему:—Пурна, купечество хочетъ говорить съ тобой.—Пурна отвѣчалъ:—Я не пойду.—Все купечество собралось и пошло къ Пурнову дому, и, ставъ у дверей, послало къ нему разсыльнаго, сказать ему:—Выходи, Пурна, все купечество стоитъ у твоихъ дверей.—Тогда Пурна, котораго одолѣвало тщеславіе, вышелъ, гордый тѣмъ, что вотъ, что̀ захочетъ, то и дѣлаетъ. Тутъ купечество сказало ему:—Голова купецкій, отдай намъ свой товаръ по цѣнѣ, по какой самъ купилъ.—Хорошъ бы я былъ купецъ, сказалъ Пурна, когда бы сталъ продавать товаръ по той цѣнѣ, что самъ купилъ!—Ну, отдай намъ его за двойную цѣну, сказали купцы; уважь купечество!—Пурна подумалъ:—Купечество почтенно, отдамъ я имъ товаръ по этой цѣнѣ,—и онъ уступилъ имъ свой товаръ за двойную цѣну противъ того, что самъ купилъ. Потомъ самъ снесъ иностранцамъ 15 лаковъ, а остальное положилъ дома. Послѣ того онъ подумалъ про себя:—Можно ли одной росинкой наполнить цѣлый сосудъ? Нѣтъ, мнѣ надо пуститься въ великое море.—Вотъ онъ и велѣлъ объявить съ колокольнымъ звономъ по всему городу Сурпаракѣ:—Слушайте, купцы сурпаракскіе! Пурна, голова купецкій, идетъ въ море. Кто изъ васъ хочетъ ѣхать съ нимъ, съ изъятіемъ отъ всякихъ таможенныхъ, провозныхъ и впускныхъ пошлинъ за свой товаръ, готовь на это путешествіе то,

что̀ хочетъ брать съ собой.—Тутъ 500 купцовъ собрали товаръ, назначенный ими для путешествія, и Пурна, голова купецкій, призвавъ на свое предпріятіе благословеніе и милость съ небеси, пустился въ море, съ 500 купцами. Потомъ онъ воротился съ кораблемъ, цѣлъ и невредимъ, и пускался въ путешествіе шесть разъ. Оттого-то повсюду и разнесся слухъ: — Вотъ Пурна шесть разъ ѣздилъ въ море, и всегда возвращался съ кораблемъ цѣлъ и невредимъ.—Купцы изъ Сравасти (мѣстопребываніе Будды), набравъ грузъ, пріѣхали однажды въ Сурпараку. Отдохнувъ отъ усталости, они пошли къ Пурнѣ, и сказали ему:—Голова купецкій, поѣдемъ въ море.—Пурна отвѣчалъ:—Когда вы это видали или слыхали, господа, чтобъ человѣкъ, шесть разъ побывавшій въ морѣ, и воротившійся съ кораблемъ цѣлъ и невредимъ, поѣхалъ еще въ седьмой разъ?—Да вѣдь, отвѣчали они, мы это для тебя пріѣхали изъ такихъ далекихъ мѣстъ. Если ты не поѣдешь, ты одинъ и будешь въ отвѣтѣ.—Пурна подумалъ про себя:—Мнѣ нѣтъ никакой нужды въ богатствахъ; однако я поѣду для пользы этихъ людей.—И онъ поѣхалъ съ ними въ море.—Далѣе, въ легендѣ этой слѣдуетъ разсказъ о томъ, что Пурна, услыхавъ, какъ купцы пѣли на кораблѣ гимны и религіозныя пѣсни, сталъ распрашивать ихъ объ этихъ пѣсняхъ, и купцы разсказали ему про Будду и его религію, и, послѣ того, воротясь изъ путешествія снова цѣлъ и невредимъ, Пурна бросилъ торговлю и свои богатства, и сдѣлался буддійскимъ отшельникомъ [1]).

Такимъ образомъ, въ этой первой половинѣ легенды, герой изображенъ въ своей до-буддійской жизни. Во второй половинѣ, излагается жизнь Пурны, уже отшельника и подвижника, и здѣсь, въ числѣ многого другого, разсказанъ приведенный уже выше эпизодъ о бурѣ, спасеніи купцовъ Пурной, и о свиданіи его съ ожидавшею его въ отечествѣ женщиной, эпизодъ, соотвѣтствующій разсказу о человѣкѣ, спускавшемся въ море.

Первая половина легенды о Пурнѣ представляетъ намъ, какъ замѣчено выше, формы исключительно буддійскія, неминуемо исказившія болѣе древніе разсказы, вошедшіе въ ихъ рамку; тѣмъ не менѣе, онъ представляетъ для насъ особенную важность, потому что тутъ мы имѣемъ передъ глазами подробности и цѣлые разсказы, которыхъ мы (по крайней мѣрѣ до сихъ поръ) нигдѣ болѣе не находили, но на которые есть намеки въ нашихъ былинахъ о Садкѣ.

И, во-первыхъ, мы имѣемъ здѣсь три момента изъ жизни купца, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ томъ самомъ порядкѣ,

---

1) *Burnouf*, Introd. à l'hist. du Buddh. indien, 235—250.

въ какомъ мы ихъ находимъ въ нашей пѣсни о Садкѣ: сначала чудесное разбогатѣніе, далѣе — скупаніе всѣхъ товаровъ въ городѣ на свои несмѣтныя богатства, и наконецъ — поѣздка по морю, разныя необыкновенныя здѣсь событія и окончательное возвращеніе. Во-вторыхъ, мы встрѣчаемъ разнообразныя черты сходства, существующія между первыми двумя нашими пѣснями о Садкѣ и первою половиною легенды, о Пурнѣ.

Какъ въ индѣйской легендѣ, такъ и въ русской пѣсни герой очень бѣденъ и обиженъ, и именно въ слѣдствіе этихъ причинъ принимается добывать себѣ богатство.

Въ легендѣ, сокровища и драгоцѣнности, послужившія къ разбогатѣнію героя, изображены подъ видомъ сандальнаго дерева, составляющаго одну изъ главныхъ статей торговли въ Индіи, и выброшеннаго моремъ: въ нашей былинѣ — посредствомъ рыбы, добытой изъ Ильменя-озера, и принадлежащей къ числу предметовъ новгородской торговли.

Въ легендѣ, Пурна получаетъ эти сокровища отъ человѣка, идущаго съ моря: въ русской былинѣ, Садко получаетъ ихъ отъ «удалаго добраго молодца», пришедшаго съ Ильменя, или отъ самого Морского-царя.

Во второмъ моментѣ легенды, оба героя, и индѣйскій и русскій, богатые купцы, члены особой купеческой гильдіи или общины: Садко — членъ «братчины никольщины» въ Новгородѣ, Пурна — членъ «купеческаго общества» (corps des marchands, по Бюрнуфу) въ Сурпаракѣ.

Противниками Пурны, завидующими его богатству, и ненавидящими его, являются — все купечество сурпаракское и два брата Пурны: противниками Садки, бьющимися съ нимъ о закладъ, являются всѣ «мужики, люди новгородскіе», и два «настоятеля».

Пурна скупаетъ за огромныя деньги (нѣсколько милліоновъ) весь товаръ, привезенный изъ-за моря: Садко скупаетъ на «безсчетную казну» свою весь товаръ, также привозимый въ Новгородъ изъ чужихъ мѣстъ.

Разбогатѣвшій Пурна становится гордъ и тщеславенъ, старается унизить остальное купечество, но, наконецъ, уступаетъ ему, сказавъ себѣ: можно ли одной росинкой наполнить цѣлый сосудъ (т. е. можно-ли мнѣ одному со всѣми съ ними сладить)? Точно такъ Садко, разбогатѣвъ, становится кичливъ и хвастливъ и старается унизить остальное купечество, но, наконецъ, уступаетъ, сказавъ себѣ: — Нѣтъ, не я видно богатый купецъ новгородскій, богаче меня великій Новгородъ!

Послѣ этого необычайнаго скупанія, Пурна созываетъ куп-

цовъ-товарищей, и въ первый разъ въ жизни пускается въ море: онъ совершаетъ это благополучно, и шесть разъ повторяетъ путешествіе, черезъ что̀ богатѣетъ еще болѣе. Въ русской былинѣ нѣтъ прямого разсказа объ этой первой поѣздкѣ, но изъ третьей пѣсни о Садкѣ мы узнаемъ, что, разбогатѣвъ, Садко цѣлыхъ 12 лѣтъ ѣздилъ съ своей дружиной купецкой по морю, и тѣмъ еще болѣе разбогатѣлъ. Что̀ такое была эта «дружина купецкая» — этого мы изъ русской пѣсни не можемъ узнать; но индѣйскій оригиналъ (а также тибетскій Дзанглунъ, въ повѣсти о Гедонѣ) объясняетъ намъ это очень удовлетворительно: это была толпа купцовъ, добровольно сходившихся вмѣстѣ, вслѣдствіе всенародныхъ объявленій, — складывавшихъ вмѣстѣ свои товары и отправлявшихся въ далекія торговыя путешествія подъ начальствомъ одного главнаго, начальствующаго купца, купецкаго головы [1]).

Наконецъ, послѣ всего этого слѣдуетъ третій, уже выше разсмотрѣнный нами моментъ разсказа: повѣсть о *послѣднемъ* въ жизни морскомъ путешествіи героя. Здѣсь описывается внезапная остановка кораблей или корабля на морѣ, сошествіе героя въ море, буря, поднимающаяся и потомъ утишенная героемъ, добытіе послѣднихъ, высочайшихъ сокровищъ (въ одномъ случаѣ матеріальныхъ, въ другомъ — религіозныхъ), возвращеніе на родину и свиданіе съ любимою и ожидающею женщиною (женою или матерью), и, наконецъ, оставленіе *навсегда* прежней жизни.

Изъ сравненія разныхъ восточныхъ оригиналовъ третьей пѣсни о Садкѣ мы вынесли убѣжденіе, что лишь въ позднія времена герой этого разсказа является купцомъ, и его похожденія имѣютъ купеческій характеръ. Въ болѣе древнихъ разсказахъ онъ представленъ то въ видѣ царевича, то царя, то брахмана, то существа уже вполнѣ миѳологическаго, и похожденія его имѣютъ характеръ то религіозный, то миѳологическій, и даже стихійный. Тоже самое надо предполагать и о героѣ первыхъ моментовъ легенды и былины: по всей вѣроятности и онъ тоже, въ болѣе древнихъ разсказахъ, являлся не купцомъ, а царевичемъ, брахманомъ, существомъ миѳологическимъ, и то, что̀ представлено намъ, въ позднихъ редакціяхъ, буддійской и русской,

---

[1]) Кромѣ сборника «Сомадевы» и «*Зап. о западн. странахъ*» мы встрѣчаемъ тому примѣры и въ индѣйскихъ повѣстяхъ, въ очень древнія времена переведенныхъ на китайскій языкъ. См. Les Avadânas, Contes et apologues indiens, trad. du chinois par *Stan. Julien.* Paris, 1859, I, стр. 127, 187, 209. Почти всегда говорится, что путешествія купцовъ совершаются на островъ Цейлонъ, за драгоцѣнными каменьями. Тамъ же, I, 128, 210, и приведенныя выше мѣста «Сомадевы», «*Записокъ*» и «*Дзанглуна*».

подъ видомъ чуднаго разбогатѣнія его и скупанія потомъ товаровъ, имѣло въ началѣ совсѣмъ иной характеръ. Чѣмъ позднѣе является легенда, тѣмъ болѣе затеривается и искажается первоначальный, всегда вполнѣ осмысленный разсказъ,— и тотъ мотивъ, котораго мы теперь болѣе не знаемъ, но который, навѣрное, имѣлъ вполнѣ удовлетворительное эпическое значеніе, въ легендѣ о Пурнѣ является уже разсказомъ о купцѣ, который становится гордъ и старается насолить цѣлой корпораціи купеческой — изъ мщенія за дурные съ нимъ поступки, а въ русской былинѣ представляется еще болѣе модернизированнымъ разсказомъ о купцѣ-самодурѣ, расхваставшемся своимъ богатствомъ, и безъ цѣли и резона употребляющемъ его на безалаберное дѣло.

Въ заключеніе, необходимо сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ нашей былины.

Въ пѣсни о Садкѣ говорится, что, воротясь изъ подводнаго царства, и выгрузивъ безсчетную казну съ кораблей, нашъ богатый гость построилъ на нее соборную церковь Николѣ Можайскому[1]); въ другомъ мѣстѣ говорится, что Садко, разбогатѣвъ, строилъ одну за другою церкви: во имя Стефана архидіакона, во имя Софіи Премудрыя и Николы Можайскаго[2]). Эти указанія считаютъ у насъ очень важными и сближаютъ ихъ, какъ несомнѣнные историческіе факты, со словами нашихъ лѣтописей (I-й и III-й Новгородской, I-й Псковской и Софійскаго Временника) о построеніи «Садкомъ Богатымъ» церкви Бориса и Глѣба въ Новгородѣ въ XI или XII вѣкѣ[3]). Ничего нѣтъ мудренаго въ томъ, чтобъ разбогатѣвшіе купцы древняго времени строили, какъ и купцы нашего времени, церкви на своей родинѣ. Безъ сомнѣнія, этотъ фактъ всегда существовалъ и повторялся. Но, когда уже достаточно доказано, что вся пѣсня о Садкѣ не заключаетъ ничего ни русскаго вообще, ни новгородскаго въ особенности, нѣтъ повода ожидать, чтобъ и разсказъ о построеніи церквей имѣлъ въ себѣ что-нибудь дѣйствительно историческое и русское. И на самомъ дѣлѣ, обращаясь къ тѣмъ же самымъ источникамъ, которые мы видѣли выше, мы находимъ, что церкви нашего разсказа выражаютъ собою не новгородскія, не русскія, даже не христіанскія церкви, а тѣ храмы, которые упоминаются въ восточныхъ первообразахъ. Буддійскія легенды, гдѣ разсказываются

---

¹) *Рыбниковъ*, I, 380.

²) «Др. росс. стихотвор.» 272—273. — *Кирѣевскій*, V, 52.

³) Предисл. Калайдовича къ «Древн. росс. стихотвор.», стр. XVIII—XIX. — Замѣтка г. Безсонова къ V-му выпуску Кирѣевскаго, LVII—LXIII.

путешествія купцовъ за драгоцѣнностями, обыкновенно кончаются тѣмъ, что, воротясь на родину, купецкій голова, начальникъ экспедиціи, приноситъ дары Буддѣ и изъ барышей своихъ строитъ ему ступу, т. е. храмикъ или часовню[1]). Что же касается до подробнаго разсказа объ украшеніи Садкой выстроенныхъ имъ церквей: «кресты, маковицы золотомъ золотилъ, мѣстныя иконы изукрашивалъ, изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ, царскія двери вызолачивалъ»[2]), то это, безъ сомнѣнія, не что иное, какъ переложеніе на русскіе христіанскіе нравы повѣствованій объ украшеніи героями буддійскихъ легендъ (купцами, царями, царевичами и т. д.), выстроенныхъ ими, послѣ благополучныхъ морскихъ путешествій, буддійскихъ ступъ или храмовъ. Въ легендѣ о Пурнѣ, послѣ разсказа объ укрощеніи имъ бури, спасеніи брата и благополучномъ возвращеніи всѣхъ купцовъ съ богатымъ грузомъ сандала, говорится, что Пурна тотчасъ же построилъ Бгагаватту (всевышнему Богу) «храмину изъ сандальнаго дерева, изукрашенную сандальными гирляндами. По прибытіи туда, по приглашенію Пурны, Будда превратилъ этотъ храмъ въ хрустальный»[3]).

Во-вторыхъ, обратимъ вниманіе на игру Садки на лютнѣ. Какъ уже выше замѣчено, у насъ находили, что въ Садкѣ мы имѣемъ «типъ древняго нашего гусляра.» Предшествующее изложеніе показываетъ, что герой не-русскій, значитъ нечего искать національнаго типа въ самой основѣ созданія. Но, кромѣ того, довольно странно было бы предполагаемое здѣсь превращеніе гусляра въ купца. Не говоря уже о томъ или другомъ восточномъ оригиналѣ, даже и въ русскомъ текстѣ герой былины нигдѣ не названъ гусляромъ. Былина называетъ каждую вещь своимъ именемъ, ничего не утаиваетъ: князя такъ и называетъ княземъ, богатыря богатыремъ, змѣя змѣемъ и т. д.; будь Садко гусляръ, былина навѣрное назвала его, и много разъ, этимъ именемъ. Но этого мы не встрѣчаемъ, и только уже наши изслѣдователи, по своимъ соображеніямъ, нашли необходимымъ вывести заключеніе, что Садко — гусляръ, и даже типъ древне-русскихъ гусляровъ. На самомъ дѣлѣ мы находимъ совсѣмъ другое: Садко не гусляръ, не скоморохъ, а просто бѣдный человѣкъ, дѣлающійся потомъ богатымъ купцомъ. Что же касается восточныхъ первообразовъ, то ни въ одномъ изъ нихъ

---

[1]) *Stan. Julien*, Mém. sur les contrées occident., 475—476.—*Burnouf*, Introduction, 161, 258.

[2]) «Древн. росс. стихотвор.», 272—273. — *Кирѣевскій*, V, 52.

[3]) *Burnouf*, Introduction, 258, 268.

не только не говорится, чтобъ герой настоящаго сказанія былъ музыкантъ по ремеслу, но даже чтобъ онъ тутъ вообще производилъ музыку; напротивъ, въ одной изъ восточныхъ редакцій (въ Дзанглунѣ) не герой забавляетъ музыкой Морского-царя, а Морской-царь велитъ потѣшать спустившагося къ нему героя музыкой. Тутъ вообще дѣло состоитъ не въ ремеслѣ, не въ званіи героя, а въ общеизвѣстной миѳологической связи музыки съ водою, и игры на струнахъ съ бурею. Поэтому, какіе бы ни были открыты впослѣдствіи еще новые восточные оригиналы настоящей легенды, кажется, во всякомъ случаѣ, можно съ достовѣрностью предполагать, что нигдѣ герой не окажется музыкантомъ по ремеслу, гусляромъ. Гусли нашихъ сказокъ и пѣсенъ — это лютня и «вина» (родъ арфы) индѣйскихъ и тибетскихъ разсказовъ. На лютнѣ и винѣ играютъ тамъ, очень часто, цари, царевичи, царевны, брахманы, отшельники, купцы и т. д. Знаменитый индѣйскій царь Удаяна самъ учитъ свою невѣсту, царевну Васавадатту, пѣнію и игрѣ на лютнѣ, и въ этомъ занятіи проводитъ цѣлые дни; ему самому волшебная лютня подарена царемъ Змѣевъ; звуками этой лютни онъ усмиряетъ и притягиваетъ къ себѣ дикихъ слоновъ[1]); царица Васавадатта и сынъ ея, царевичъ Нараваханадатта въ запуски играютъ на лютнѣ, кто лучше[2]); по выколотіи глазъ, царевичи Гедонъ и Кунала принимаются играть одинъ на лютнѣ, другой на винѣ[3]). Наконецъ, игрою на лютнѣ отличается знаменитый отшельникъ и мудрецъ Нарада, и онъ не только играетъ на лютнѣ, но даже потѣшаетъ многочисленную публику буфонствомъ и комическими выходками[4]). Всѣ эти лица и безчисленное множество другихъ, въ восточныхъ поэмахъ, пѣсняхъ и сказкахъ, много играютъ на инструментахъ у себя и въ людяхъ, а все-таки они не гусляры. Такъ точно и Садко.

Въ заключеніе, укажемъ на то, что представленіе расходившагося, бурнаго моря подъ видомъ чего-то пляшущаго, и иногда подъ видомъ пляшущаго человѣка, не есть исключительная принадлежность русской былины о Садкѣ: напротивъ, это одна изъ любимѣйшихъ и употребительнѣйшихъ фигуръ восточныхъ поэмъ. Такъ, въ разсказѣ Магабгараты о великомъ потопѣ говорится: «Море, пляшущее волнами, ревущее водой», а въ другомъ мѣстѣ, въ разсказѣ Арджуны: «Я увидѣлъ море; пѣнистыя, громозда-

---

1) *Brockhaus*, Katha-Sarit-Sagara, 48, 35, 44, 47.

2) *Brockhaus*, Berichte, 1860, 159—160.

3) Dsanglûn, 274.—*Stan. Julien*, Mémoires sur les contrées occident., 158.

4) Harivansa, I, 561—562; II, 101.

щіяся его волны ходили точно пляшущія горы» [1]); въ эпизодѣ о пари двухъ сестеръ, Кадру и Винаты, много разъ говорится: «Море, царь рѣкъ, прыгаетъ и пляшетъ своими движущимися волнами» [2]). Иногда, олицетвореніе моря идетъ такъ далеко, что море представляется не только «пляшущимъ», но даже «улыбающимся волнами» [3]).

VII.

СОРОКЪ КАЛИКЪ СО КАЛИКОЙ.

Содержаніе этой былины слѣдующее. — Сорокъ каликъ собираются идти со своимъ атаманомъ или головой во святую землю, «святой святынѣ помолитися, во Іорданѣ рѣкѣ покупатися». При этомъ они кладутъ на себя такой зарокъ: кто въ дорогѣ украдетъ или солжетъ, или сотворитъ блудъ, и атаманъ это узнаетъ, того закопать по-поясъ въ землю, середи поля, и вынуть у него очи косицами (черезъ вйски), языкъ теменемъ. Идутъ калики, и приходятъ въ Кіевъ, къ князю Владиміру. Тамъ они просятъ себѣ милостыни такимъ богатырскимъ голосомъ, что отъ него, въ первый разъ, при встрѣчѣ съ княземъ въ полѣ, дрогнула матушка сыра-земля, и богатыри съ коней попадали, а потомъ, во второй разъ, когда они пришли къ княгинѣ, Владиміровой женѣ, съ теремовъ верхи повалилися, съ горницъ охлопья попадали, въ погребахъ питья всколебалися. Такихъ страшныхъ гостей спѣшатъ угостить на славу и одѣлить на дорогу золотомъ и серебромъ. Но молодой княгинѣ понравился одинъ изъ каликъ, молодой атаманъ, красавецъ. Она призываетъ его къ себѣ въ покой, и старается склонить его на удовлетвореніе своего желанія. Онъ отказывается, ссылаясь на данное ими всѣми обѣщаніе. Тогда въ груди княгини загорается гнѣвъ и жажда мщенія: она велитъ тайно вложить въ странническую суму атамана—дорогую княжескую чашу, и когда калики отошли уже довольно далеко отъ города, посылаетъ за ними погоню, требуя украденной, будтобы, мужниной чаши. Каликъ настигаютъ посланные, всѣхъ ихъ обыскиваютъ, и чаша оказывается въ сумкѣ атамана. Тогда, исполняя условіе, калики зарываютъ по-поясъ въ землю своего

---

[1]) *Bopp*, Die Sündfluth, nebst drei anderen Episoden des Mahabharata. Berlin, 1829, 8, 125.

[2]) *Pavie*, Fragm. du Mahabharata, 68, 69, 70.—*Holzmann* Indische, Sagen, II, 129.

[3]) *Pavie*, Ibid. 233.

атамана, вынимаютъ у него очи косицами, языкъ теменемъ, и сами, горько заплакавъ, продолжаютъ свой путь къ святымъ мѣстамъ. Но спустя долгое время, проходя на возвратномъ пути тѣми же мѣстами, они слышатъ издали голосъ своего прежняго молодого атамана, идутъ на этотъ голосъ, находятъ атамана цѣлымъ и невредимымъ: за его правоту самъ Господь послалъ двухъ ангеловъ съ небеси (или птичку райскую) возвратить ему очи и языкъ. Тогда, исполнившись радости, они берутъ его, потомъ всѣ вмѣстѣ опять идутъ къ князю Владиміру, въ Кіевъ, распрашиваютъ про княгиню, и Владиміръ едва можетъ, отъ горя, разсказать имъ, что съ самыхъ тѣхъ поръ, что они ушли, молодая княгиня мучится страшною болѣзнью, лежитъ въ гною. Атаманъ идетъ къ ней, она кается въ своей напрасной клеветѣ, онъ ее исцѣляетъ, и послѣ того, снова попировавъ у ласковаго князя Владиміра, калики уходятъ въ свои мѣста [1]).

Былину эту обыкновенно принимаютъ у насъ за одну изъ характернѣйшихъ картинъ древне-русской жизни и быта, за одно изъ вѣрнѣйшихъ изображеній древнихъ русскихъ личностей и событій. Здѣсь находятъ вѣрнѣйшее описаніе временъ князя Владиміра, и нисколько не сомнѣваются въ томъ, что изображенные здѣсь калики представляютъ намъ древнѣйшихъ русскихъ странниковъ ко святымъ мѣстамъ, со всѣми ихъ привычками и обычаями, со всѣми точнѣйшими, историческими подробностями ихъ тогдашней обстановки. Вообще же въ нашихъ каликахъ видятъ представителей былыхъ временъ періода стихійнаго, броженія и кочеванія на Руси [2]). Сверхъ того, высказывали мнѣніе, что пѣсня о каликахъ имѣетъ своимъ основаніемъ повѣствованіе объ Іосифѣ съ братьями и Путифаровой женѣ; все это перенесено на событія и подробности Владимірова времени [3]); атаманъ сорока каликъ, говоритъ одинъ изслѣдователь, «является второ-образомъ Прекраснаго Іосифа, ибо вся исторія сорока каликъ со каликою есть перелицовка исторіи Іосифа, изъ еврейской мѣстности пересаженной на русскую, изъ исторіи священной въ дѣйствительную и бытовую» [4]).

Но разсмотрѣніе созданій восточной поэзіи и литературы приводитъ къ заключенію, что въ этой былинѣ мы не должны

---

[1]) «Древ. рос. стихотвор.», 226 — 241.—*Кирѣевскій*, III, 81 — 99.—*Рыбниковъ*, I, 237 — 240; II, 87—92.

[2]) Замѣтка г. Безсонова: къ I-му тому Рыбникова, стр. XII; къ III-му выпуску Кирѣевскаго, стр. IV.

[3]) *Калайдовичъ*, «Предисл. къ древн. росс. стихотвор.», Москва, 1818, стр. XIX—XX.

[4]) Замѣтка г. Безсонова къ IV-му выпуску Кирѣевскаго, стр. L.

искать ни Владимірова времени, ни исторической картины той эпохи, ни живописанія относящихся къ ней личностей, ни перефразировки, въ русской народной формѣ, библейскихъ текстовъ. оказывается, что наша былина о сорока каликахъ со каликой появилась въ устахъ нашихъ дѣйствительныхъ каликъ перехожихъ, всегда странствовавшихъ и донынѣ странствующихъ по Руси, вовсе не вслѣдствіе ихъ христіанскаго благочестія, потому что имѣетъ не христіанское, а прямо восточное происхожденіе.

Разсказъ о замужней женщинѣ, соблазняющей молодого человѣка, неуспѣвшей въ своемъ любострастномъ намѣреніи и потомъ тщетно старающейся отомстить добродѣтельному юношѣ— одинъ изъ самыхъ распространенныхъ по всему Востоку съ древнѣйшихъ временъ. Въ сборникѣ Сомадевы (брахманскаго происхожденія) онъ повторенъ нѣсколько разъ.

Вотъ первый разсказъ: «Брахманъ Вишнусвами, знающій во всѣхъ наукахъ и знатокъ Ведъ, имѣлъ много учениковъ, стекавшихся къ нему изъ разныхъ странъ. Между ними былъ одинъ юноша, именемъ Сундарака, красавецъ собой и ярко блиставшій добродѣтелями и познаніями. Однажды, во время отсутствія Вишнусвами, жена его Каларатри, будучи влюблена въ Сундараку, стала соблазнять его, когда осталась съ нимъ наединѣ вдвоемъ. Но Сундарака, не смотря на горячія ея просьбы, отъ всей души воспротивился грѣху, и убѣжалъ. Только онъ удалился, Каларатри, въ бѣшенствѣ, сама стала рвать на себѣ тѣло зубами и ногтями, разодрала свои одежды, распустила въ безпорядкѣ волосы и плакала, пока не воротился домой мужъ. Когда онъ вошелъ, она ему сказала:—На, вотъ, посмотри, что со мной сдѣлалъ Сундарака: онъ силой хотѣлъ меня обезчестить!—Услыхавъ это, учитель пришелъ въ сильную ярость, и, встрѣтя вечеромъ Сундараку въ домѣ, бросился на него, тотчасъ же сталъ его бить, съ прочими учениками, кулаками, потомъ ногами, и колотилъ палками; потомъ, все еще недовольный, велѣлъ ученикамъ вытолкать его безъ всякой жалости на улицу». Впослѣдствіи, Сундарака, получивъ волшебную силу, дѣлается могучъ и богатъ, а въ концѣ разсказа, царь страны узнаетъ всю правду, и изгоняетъ изъ своего царства Каларатри, а Сундарака получаетъ отъ него великій почетъ [1]).

Другой разсказъ: «Одинъ царевичъ, хотя и молодой и красивый, избралъ въ долю себѣ странническую жизнь нищенствующаго монаха. Однажды, онъ пришелъ въ домъ къ одному купцу; его увидала молодая купцова жена, и такъ была поражена красо-

---

[1]) *Brockhaus*, Katha-Sarit-Sagara, 104—106.

той глазъ, что сказала ему: — Зачѣмъ ты, этакой красавецъ, выбралъ себѣ такое противное занятіе? Блаженна женщина, на которую ты взглянешь любовными глазами! — Послѣ этихъ словъ, монахъ вырвалъ себѣ одинъ глазъ, взялъ его въ руку, и сказалъ купцовой женѣ: — Вотъ, смотри на него хорошенько: это отвратительный комокъ мяса и крови. Если онъ тебѣ нравится, возьми его. Точно такъ сдѣлапъ и другой глазъ; ну, скажи, что тутъ хорошаго въ нихъ?—Купцова жена, видя это, пришла въ совершенное отчаяніе и восклицала: — О горюшко, горе! Экой я грѣхъ надѣлала, легкомысленная!—Я вотъ теперь виновата, что ты вырвалъ у себя глазъ!—Тогда монахъ сказалъ:—Не печалься, женщина! Ты мнѣ даже оказала благодѣяніе: я укрѣпился въ добродѣтели.—Сказавъ это колѣнопреклонной передъ нимъ купецкой женѣ, благочестивый монахъ пошелъ далѣе [1]).»

Въ третьемъ разсказѣ, купецкая жена требуетъ отъ одного царскаго придворнаго, чтобъ онъ исполнилъ ея любовныя желанія; онъ не соглашается, и тогда она пробуетъ отравить его, давъ ему выпить чашу съ ядомъ, но это не удается [2]).

Въ четвертомъ разсказѣ, жены двухъ братьевъ влюбились въ младшаго брата своихъ мужей и хотѣли втянуть его въ прелюбодѣяніе, но онъ отказался отъ этого, и тогда онѣ наклеветали на него своимъ мужьямъ. Эти, въ своей ярости, велѣли ему раскопать муравьиную кучу, надѣясь, что тутъ ему и будетъ конецъ. Но, вмѣсто того, онъ нашелъ въ кучѣ сосудъ съ золотомъ, и въ своей честности снесъ находку братьямъ. Но и это не подѣйствовало на нихъ, и онѣ послали наемныхъ убійцъ умертвить младшаго брата. Однакоже, эти люди не убили его, а только отрубили ему руки и ноги. Онъ и тутъ не разсердился на братьевъ, и тогда боги, видя такую добродѣтель, велѣли его рукамъ и ногамъ снова прирости къ нему [3]).

Въ Шахъ-Намэ этотъ же разсказъ является подъ видомъ эпизода о царевичѣ Сіавушѣ и царицѣ Судабэ. Дѣйствіе происходитъ при царѣ Кей-Каусѣ, скоро послѣ смерти Сограба. Царица Судабэ, жена Кей-Каусова, влюбляется въ пасынка своего, Сіавуша, вскорѣ послѣ смерти его матери, заставляетъ своего мужа прислать его къ себѣ въ гаремъ, и тамъ старается склонить его на свои желанія. Сіавушъ не согласенъ, и когда первый ея приступъ остается напрасенъ, она думаетъ запугать его своимъ мщеніемъ. Сіавушъ остается непоколебимымъ. Тогда

---

[1]) *Brockhaus*, Analyse des VI Buches des Somadeva, 115.

[2]) Тамъ же, 160.

[3]) Тамъ же, 147.

она пробуетъ еще разъ уговорить его, плѣнить его полнымъ зрѣлищемъ своей красоты. Но все понапрасну, ничто не дѣйствуетъ на царевича; однако-же онъ не хочетъ выдать ее своему отцу, и сохраняетъ ея предложеніе втайнѣ. Оскорбленная Судабэ, полная страсти, досады и мщенія, потерявъ надежду удовлетворить свои желанія, клевещетъ на Сіавуша Кей-Каусу, увѣряетъ его, что царевичъ хотѣлъ изнасиловать ее. Кей-Каусъ приговариваетъ его къ смерти, но тутъ все объясняется, царь мирится съ невиннымъ сыномъ, и удаляетъ отъ себя преступную жену [1]).

Но самымъ для насъ важнымъ и едва-ли не самымъ древнимъ, между всѣми этими разсказами, является разсказъ, встрѣчаемый нами въ *«Запискахъ о западныхъ странахъ»*, переведенныхъ на китайскій языкъ съ индѣйскаго, въ VII вѣкѣ, Хіуэнъ-Тцангомъ, и въ одной индѣйской легендѣ, содержащей *«Жизнь царя Асоки»*, самаго знаменитаго, горячаго и могущественнаго распространителя буддійства въ древней Азіи. У этого царя былъ сынъ Кунала, и ему приписываются съ древняго времени разсматриваемыя нами событія. Въ *«Запискахъ о западныхъ странахъ»* разсказывается слѣдующее. — У царевича Куналы мать была законная жена царская, именемъ Падмавати; лицо его было исполнено прелести, и онъ рано сталъ отличаться своею благосклонностью и человѣколюбіемъ. Когда умерла законная царица, мачихой ему стала гордая и развратная жена царская. Слушаясь только своей слѣпой страсти, она стала втайнѣ уговаривать царевича, чтобъ онъ склонился на ея желаніе. Этотъ заплакалъ, приписалъ всю вину самому себѣ, и удалился, каясь въ своихъ прежнихъ грѣхахъ. Мачиха, получивъ отказъ, пришла еще въ большій гнѣвъ. Она подкараулила такое время, когда царь былъ, свободенъ и спокойно сказала ему: — Кому поручить управленіе города Такшасилы [2]), какъ не твоему собственному сыну? Вотъ теперь царевичъ сталъ знаменитъ своимъ человѣколюбіемъ и сыновнею преданностью. Онъ любитъ мудрыхъ, онъ имъ покровительствуетъ, и имя его въ устахъ у всѣхъ. — Царя соблазнили такія рѣчи, и онъ благосклонно принялъ эту коварную затѣю. Тогда онъ тотчасъ же сообщилъ свои приказанія царевичу и далъ ему такія наставленія: «Я получилъ высшую власть въ наслѣдство, и обязанъ передать ее во всей цѣлости моему преемнику. Я только того и боюсь, какъ бы не уронить ее, и какъ бы не обезчестить предковъ моихъ, царей. Вотъ я

---

[1]) *Mohl*, Schah-Nameh, II, 209—245.

[2]) Городъ Такшасила, въ сѣверо-западной Индіи, всегда управлялся однимъ изъ царскихъ сыновей.

поручаю тебѣ нынче управленіе Такшасилой, приведи въ повиновеніе возмутившихся подданныхъ этого царства. Государственныя дѣла очень важны, но часто людскія чувства лживы и обманчивы. Не предпринимай ничего легкомысленно, чтобъ не нанести вреда своему вѣнцу. Всякій разъ, что получишь отъ меня приказаніе, хорошенько разсмотри на печати оттискъ моихъ зубовъ. Моя печать — въ собственномъ моемъ рту. Обманетъ ли она тебя?» Послѣ того, царевичъ принялъ повелѣнія своего отца и отправился возстановлять порядокъ. Спустя долгое время, его мачиха, Тишіаракшита, которой ярость все только увеличивалась, изготовила подложное письмо отъ царя и запечатала его краснымъ воскомъ; потомъ, дождавшись, чтобъ царь уснулъ, потихоньку оттиснула на печати его зубы, и тогда, поскорѣе послала къ Куналѣ гонца съ письмомъ, будто бы отъ царя. Прочитавъ его, стоя на колѣняхъ, совѣтники (министры) переглянулись, не зная, на что рѣшиться. Царевичъ спросилъ ихъ, о чемъ они плачутъ. «Царевичъ, сказали они, царь прислалъ указъ. Вотъ въ этомъ письмѣ онъ дѣлаетъ выговоръ царевичу, и велитъ намъ вырвать у него оба глаза, выгнать его вонъ, кинуть одного на горѣ, или на долинѣ, и оставить съ женой на произволъ судьбы, пусть живутъ или умираютъ вмѣстѣ. Но хотя и есть такой указъ, мы все-таки еще не можемъ его послушаться. Теперь надо снова спросить царя, и вести тебя къ нему въ цѣпяхъ, прежде чѣмъ казнить».—Царевичъ сказалъ имъ: — Когда батюшка присудилъ меня на смерть, то какъ же я осмѣлюсь отказываться? Впрочемъ, на печати оттиснуты его зубы, значитъ тутъ нѣтъ ни подлога, ни ошибки. —Тогда онъ велѣлъ палачу вырвать у себя глаза. Потерявъ зрѣніе, онъ сталъ просить милостыню, себѣ на пропитаніе. Бродивши тамъ и сямъ, онъ пришелъ въ царскую столицу къ своему отцу. Его жена сказала ему: — Вотъ мы и въ царскомъ городѣ.—Ахъ, возразилъ онъ, какъ я мучусь отъ холода и голода. Былъ я прежде царскимъ сыномъ, а теперь сталъ нищимъ! Хотѣлосьбы мнѣ, чтобъ меня выслушали и узнали, кто я таковъ. Дай-ка я снова разскажу прежніе свои проступки. — Потомъ онъ придумалъ хитрость. Онъ вошелъ въ царскую конюшню, и, въ послѣднюю половину ночи, началъ испускать вопли и пѣть жалобнымъ голосомъ, аккомпанируя себѣ на винѣ [1]). Царь былъ въ это время на верху, въ бесѣдкѣ, услыхалъ эти благородныя пѣсни, слова которыхъ были полны горечи и тоски. Онъ удивился, и сказалъ про себя: — Кажись, по этимъ звукамъ вины, это мой сынъ; но какъ же это онъ сюда попалъ? — И тотчасъ онъ спро-

[1]) Струнный инструментъ.

силъ у конюшеннаго сторожа:—Кто это тамъ поетъ?—Тогда этотъ привелъ слѣпого и поставилъ его предъ царемъ. Увидѣвъ царевича, Асока сталъ со слезами распрашивать его:—Кто это тебя изуродовалъ? Теперь, этимъ жестокимъ несчастіемъ, мой возлюбленный сынъ лишенъ свѣта, онъ ничего болѣе не видитъ. Какъ онъ будетъ видѣть и разсматривать свой народъ? О небо, небо! Вотъ какъ добродѣтель выродилась!—Царевичъ сталъ со слезами благодарить его, и отвѣчалъ ему:—Дѣло все въ томъ состоитъ, что у меня недостало сыновней любви, и за то я наказанъ небомъ. Въ такомъ-то году, такого-то мѣсяца и числа, я однажды получилъ приказаніе отъ нѣжной моей матери: не было у меня никакого средства извиниться, и я не посмѣлъ избавиться отъ наказанія.—Царь понялъ, въ глубинѣ сердца своего, преступленіе, совершенное его второю женою, и, не начиная никакого слѣдствія, подвергнулъ ее самому высшему наказанію». Этотъ разсказъ оканчивается тѣмъ, что, по царевой просьбѣ излѣчить его сына, одинъ мудрецъ собираетъ въ сосудъ слезы всего народа, сошедшагося слушать его проповѣдь, этими слезами омываетъ глаза царевичу, и царевичъ снова прозрѣваетъ [1]).

Этотъ самый разсказъ встрѣчается и въ «*Жизни царя Асоки*», изложенной, на основаніи индѣйскихъ источниковъ, Бюрнуфомъ въ его исторіи буддійства [2]). Мы его не приводимъ здѣсь по причинѣ значительнаго его объема. Разница между обоими разсказами заключается лишь въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ. Но замѣтимъ, что въ «*Жизни Асоки*» только иначе разсказано исцѣленіе царевича: зрѣніе возвращается ему само собою, въ ту самую минуту, когда онъ упрашиваетъ отца своего не мстить его мачихѣ: тѣмъ не менѣе, царь велитъ предать ее пыткамъ, и ее сожигаютъ.

Во всѣхъ этихъ пересказахъ основаніе вездѣ одно и то же: молодой человѣкъ отвергаетъ любострастныя предложенія замужней женщины; она старается потомъ, понапрасну, отомстить ему, и, наконецъ, его добродѣтель награждается блистательнымъ образомъ. При этомъ, въ главныхъ разсказахъ вездѣ говорится, что герой на время лишенъ зрѣнія и потомъ снова получаетъ его; сверхъ того, въ иныхъ разсказахъ даже мелькаетъ подробность о чашѣ (3-й и 4-й разсказъ Сомадевы). Самаго кореннного, самаго древняго разсказа, ходившаго по Востоку, и послужившаго прототипомъ для послѣдующихъ, мы не знаемъ, но самымъ полнымъ, самымъ эпическимъ, покуда, является легенда,

---

[1]) *Stan. Julien*, Mém. sur les contr. occident., 154—161.

[2]) *Burnouf*, Introd. à l'hist. du Buddh. indien, I, 405—413.

въ *«Запискахъ о западныхъ странахъ»*, о жизни царя Асоки. Разсказъ Шахъ-Намэ, конечно, содержитъ мотивы очень древніе, но не въ полномъ ихъ составѣ, а только нѣкоторыя части, и притомъ весь разсказъ переполненъ риторическою, искусственною орнаментистикою поздняго, сравнительно, времени. Напротивъ, въ легендѣ «Записокъ», коренной мотивъ является въ настоящемъ свѣтѣ и значеніи, въ формѣ простого историческаго разсказа изъ круга древне-индѣйской жизни. Изъ числа прочихъ разсказовъ особенно важенъ тотъ, гдѣ изложена повѣсть о царевичѣ-отшельникѣ и купецкой женѣ. Здѣсь, кромѣ близости всего вообще разсказа, для насъ интересна та подробность, что юноша, герой повѣсти — царскій сынъ, молодой красавецъ, избравшій долю странствующаго, нищаго монаха.

Эта подробность служитъ намъ прямымъ переходомъ къ разсмотрѣнію нашей русской былины, уже не въ главныхъ только ея чертахъ, а въ ея характеристическихъ особенностяхъ.

Что такое наши калики? Неужели въ самомъ дѣлѣ надо признавать ихъ точно такими же калѣками, какіе съ незапамятныхъ временъ ходятъ по святымъ мѣстамъ русскимъ и поютъ духовныя пѣсни? Нѣтъ, это не простые увѣчные, изуродованные и безобразные слѣпые нищіе, которыхъ ремесло—выпрашиваніе милостыни. Они всѣ, въ настоящей былинѣ, совсѣмъ напротивъ, не что иное, какъ могучіе, крѣпкіе, но переодѣтые богатыри. Сама пѣсня называетъ ихъ «молодцами», «дородными молодцами», «удалыми добрыми молодцами» [1]); у нихъ у всѣхъ «рѣзвыя ноги» [2]); двое изъ нихъ, атаманъ и его братъ, постоянно получаютъ названіе «молодыхъ», а самъ атаманъ — красавца: «отъ лица его молодецкаго, какъ бы отъ солнышка отъ краснаго, лучи стоятъ великіе»; «на его лицо молодецкое не могутъ зрѣть добры молодцы, а и кудри на немъ молодецкія до самаго пояса» [3]); отъ ихъ голоса богатырскаго «дрогнула матушка сыра-земля, съ деревъ вершины попадали, подъ княземъ конь окорачился, а богатыри съ коней попадали»; «съ теремовъ верхи повалялися, а съ горницъ охлопья попадали, въ погребахъ питья всколебалися» [4]); княгиня сажаетъ ихъ обѣдать «въ столовую богатырскую» [5]); они побиваютъ посылаемыхъ за ними въ погоню богатырей [6]); наконецъ, въ одной пѣсни имъ даже прямо гово-

---

[1]) Др. росс. стихотвор., 226, стихи: 77, 116, 241, 272, 64; 13; 60, 258.
[2]) Тамъ же, ст. 360.
[3]) Тамъ же, стихи: 113—115; 271—273.
[4]) Тамъ же, ст.: 53—56, 87—89.—*Рыбниковъ*, I, 236.
[5]) *Рыбниковъ*, II, 88.
[6]) Тамъ же, 90; I, 239.

рятъ: «Не калики есте перехожіе, есть вы русскіе могучіе богатыри» [1]). Всѣ эти черты указываютъ намъ ясно на то, что калики этой пѣсни имѣютъ мало общаго съ простыми каликами, съ каликами-нищими всѣхъ странъ и всѣхъ временъ, съ каликами-странниками, какіе въ нашей землѣ всегда были и есть по сію пору. Это калики переряженные, калики-богатыри.

Но особенность эта не есть опять-таки самостоятельная черта древне-русской жизни: въ настоящей пѣсни мы встрѣчаемъ только повтореніе одной особенности, принадлежащей востоку, и притомъ исключительно востоку брахманскому и буддійскому.

Поэмы, легенды, пѣсни, сказки этого происхожденія наполнены разсказами о томъ, какъ цари, царевичи и богатыри идутъ въ духовное званіе [2]), переряжаются нищими и идутъ по свѣту странствовать. Такъ, въ Магабгаратѣ знаменитые братья-богатыри Пандавы, одѣтые нищими, питаются милостыней [3]); индѣйскій царь Викрамадитія и съ нимъ 500 воиновъ переодѣваются странствующими нищими, чтобъ проникнуть въ столицу врага [4]); богатырь Гессеръ-Ханъ очень часто переряжается нищимъ, и даже иногда нарочно представляется слѣпымъ [5]); индѣйскій царскій министръ Яугандхараяна и царскій другъ Вазантака, желая освободить изъ заключенія своего царя Удаяну, наряжаются нищими и калѣками [6]), и т. д. Даже сами боги и цари Змѣевъ иногда принимаютъ на себя образъ нищихъ; такъ, напр., царь Змѣевъ Такшака воспользовался этимъ, чтобъ украсть женскія серьги, соблазнявшія его [7]). Ключомъ къ объясненію этого факта служитъ то необыкновенное уваженіе, которымъ пользуется нищенство и нищенствующее сословіе по брахманскому и буддійскому ученію; можно было-бы привести безчисленное множество мѣстъ изъ поэмъ, легендъ и сказокъ, гдѣ видно, какъ высоко стояло во всеобщемъ мнѣніи нищенство и нищенское званіе, и въ одномъ изъ очень древнихъ памятниковъ индѣйской литературы, въ «Панчатантрѣ», мы даже встрѣчаемъ слѣдующее замѣчательное сопоставленіе богатыря съ монахомъ: «Два человѣка

---

[1]) *Рыбниковъ*, I, 237.

[2]) Бюрнуфъ говоритъ: «Священныя книги буддистовъ всего чаще представляютъ намъ кшатрія (человѣка царской породы), идущаго въ пустынники» и т. д. *Burnouf*, Introd., 575.

[3]) *Th. Pavie*, Fragm. du Mahabharata, 202, 223. — *Fauche*, le Mahabharata, II, 139, 161.

[4]) *Brockhaus*, Berichte, 1862, II—III, 219—220.

[5]) *Schmidt*, Bogda Gesser-Chan, 138, 141, 230, 245 и т. д.

[6]) *Brockhaus*, Somadeva, 48.

[7]) *Th. Pavie*, 16. — *Fauche*, I, 84.

на этомъ свѣтѣ, сказано тамъ, проникаютъ сквозь солнечный кругъ: живущій благочестіемъ монахъ, и богатырь, павшій съ раною напереди» [1]). Даже сами боги и божества изъявляютъ нерѣдко желаніе вступить въ духовное званіе [2]). Въ буддійствѣ, одна изъ главныхъ чертъ его характера—это безконечное, безпредѣльное его сердоболіе, милосердіе, откуда и вытекаетъ милостыня съ одной стороны, и нищенство съ другой. Древнеиндѣйскіе духовные, или тѣ, которые переряжались такими, постоянно описываются странствующими и нищенствующими большою толпой. Такъ, наприм., въ Магабгаратѣ на выборъ жениха (сваямвару) знаменитой царевной Драопади, стекаются со всѣхъ сторонъ цари, царевичи, богатыри, музыканты, плясуны, борцы, и туда же отправляется цѣлая толпа брахмановъ, чтобъ посмотрѣть на праздники и попользоваться подачкой [3]). Въ священныхъ и историческихъ книгахъ острова Цейлона, извѣстныхъ подъ именемъ «Магаванзо» или «Магаванзи» нерѣдко упоминаются толпы странствующихъ духовныхъ нищихъ, въ 100 и въ 400 тысячъ человѣкъ [4]); въ «Дзанглунѣ», можно сказать, на каждомъ шагу является на сценѣ такая же толпа, обыкновенно въ 500 человѣкъ.

Но, кромѣ главной цѣли—подачки и угощенія (которая отчасти является мотивомъ и въ нашей былинѣ о Сорока каликахъ со каликой), у древнихъ азіятскихъ странниковъ была еще, обыкновенно, и другая цѣль странствія: посѣщеніе святыхъ мѣстъ, для того, чтобъ поклониться священнымъ зданіямъ съ заключенными тамъ священными предметами и искупаться въ священныхъ водахъ. Смыслъ этого омовенія былъ тотъ, что погруженіе въ священныя воды омываетъ всѣ грѣхи и преступленія [5]). Предпринимая подобное путешествіе, странники обыкновенно налагали на себя обѣтъ бѣдности, цѣломудрія и воздержанія [6]). Соблюденіе цѣломудрія—вообще одинъ изъ первыхъ обѣтовъ и законовъ буддійства для всякаго духовнаго [7]); а для того разряда буддійскихъ духовныхъ, которые составляютъ нѣчто среднее между духовными и свѣтскими людьми, существуютъ пять

---

[1]) *Benfey*, Pantschatantra, Leipzig, 1859, II, 87.

[2]) *Schmidt*, Dsanglun, 40—41.

[3]) *Th. Pavie.*—199—201. — *Fauche*, II, 140—141.

[4]) The Mahavanse etc., translated from the Singalese by *E. Upham*. London, 1833, I, 152.

[5]) *Stan. Julien*, Mém. sur les contr. occid., 217, 230—231, 281, 490.

[6]) *Th. Pavie*, 128, 131.—*Fauche*, I, 194, 196, 198.—*Holtzmann*, Ind. Sagen, 1854, I, 157, 162.—*Benfey*, Pantschatantra, II, 262, 328.

[7]) *Burnouf*, Introd., 141—142.—*Köppen*, Die Religion des Buddha. Berlin, 1857, 330.

главныхъ религіозныхъ правилъ: 1) не убивать никакого живого существа, 2) не красть, 3) не прелюбодѣйствовать, 4) не лгать, 5) не пьянствовать; [1]) и, по буддійской казуистикѣ, четыре первые грѣха—грѣхи незагладимые, непрощаемые [2]). Окончивъ свое благочестивое путешествіе, странники эти обыкновенно возвращались въ монастыри, лѣса и пустыни, откуда вышли на странствіе, и гдѣ проводили всю свою жизнь.

Всѣ эти черты вполнѣ повторены въ нашей былинѣ о Сорока каликахъ со каликой. По этой пѣсни, калики живутъ въ монастырѣ, въ пустынѣ, и оттуда отправляются въ свое странствіе, а, по окончаніи его, снова возвращаются въ монастырь: «А изъ пустыни было Ефимьевы, изъ монастыря изъ Боголюбова, начинали калики наряжатися ко святому граду Іерусалиму»; а въ концѣ: «Собрались они и въ путь пошли, до своего монастыря Боголюбова, и до пустыни Ефимьевы» [3]). Цѣль ихъ странствія: «святой святынѣ помолитися, Господню гробу приложитися, въ Ердань-рѣкѣ искупатися» — это, переложенныя на христіанскіе нравы, черты изъ обычаевъ индѣйскихъ монаховъ-странствователей. Отправляясь въ благочестивое свое путешествіе, калики нашей былины налагаютъ на себя зарокъ, который заключаетъ въ себѣ (согласно требованіямъ дальнѣйшихъ событій въ пѣсни) три изъ приведенныхъ выше главнѣйшихъ обѣтовъ: «А въ томъ-то вѣдь заповѣдь положена: кто украдетъ, или кто солжетъ, али кто пустится на женскій блудъ» [4]). — По дорогѣ, наши калики заходятъ въ гости къ князю Владиміру, и не столько просятъ, сколько *требуютъ* страшнымъ богатырскимъ голосомъ, угощенія, какъ чего-то привычнаго, должнаго: и это, во-первыхъ, потому, что имъ присуща натура богатырей, всегда и во всемъ употребляющая насиліе, а во-вторыхъ, потому, что, по заведенному обычаю, восточные странствующіе духовные-нищіе непремѣнно всегда бываютъ угощаемы царемъ, княземъ, или вообще всякою свѣтскою правительственною властью.

Впрочемъ, не только эти главныя черты, но и второстепенныя подробности былины указываютъ намъ здѣсь на привычки древне-восточной жизни. Такъ, наприм., вырываніе глазъ и закапываніе по-поясъ въ землю—это чисто восточныя казни и наказанія. Примѣры вырыванія глазъ безчисленны, какъ въ собственно-историческихъ, такъ и поэтическихъ книгахъ Востока:

---

[1]) *Schmidt*, Dsanglun, 131.—*Burnouf*, Intr., 281. *Köppen*,—334.
[2]) *Burnouf*, Introd., 301.
[3]) «Древн. росс. стихот.», 226, стих.: 1 — 4, 367 — 369.
[4]) Древн. росс. стихотвор., 226, стихи: 22—24.

нѣсколько примѣровъ мы видѣли при разсмотрѣніи сказки о Еруславѣ Лазаревичѣ, былинъ о Садкѣ и о Сорока каликахъ; сверхъ того можемъ привести здѣсь очень характеристическій разсказъ изъ *«Записокъ о западн. странахъ»*: «Во время оно, въ царствѣ Сравасти шайка разбойниковъ изъ 500 человѣкъ опустошала деревни и посады, грабила города и царства. Царь Прасенаджитъ захватилъ ихъ всѣхъ, вырвалъ у нихъ глаза и покинулъ въ густомъ лѣсу. Разбойники, мучимые болью, обратились къ Буддѣ и умоляли его о состраданіи. Онъ услышалъ ихъ жалобные вопли, растворилъ сердце свое милосердію, и велѣлъ подуть чистому вѣтру, который принесъ со снѣжныхъ горъ цѣлебныя растенія. Пустота ихъ глазъ наполнилась этими растеніями, они снова получили зрѣніе и увидѣли передъ собой Будду. Они предались радости и поклонились ему въ ноги. Потомъ бросили свои палки и ушли. Эти палки остались воткнуты въ землю и пустили тамъ корни» [1].—Закапываніе же въ землю есть наказаніе весьма употребительное на Востокѣ, въ особенности за прелюбодѣяніе; мы его встрѣчаемъ уже и у сербовъ и у новыхъ грековъ, поэтическія созданія которыхъ носятъ столь сильные слѣды восточныхъ вліяній; такъ, наприм., въ пѣсняхъ сербскихъ богатырь Новаковичъ Груіо, убѣдясь въ невѣрности своей возлюбленной, Максиміи, зарываетъ ее по-поясъ въ землю, а потомъ, обмазавъ ее горючими составами, зажигаетъ какъ свѣчу [2]; въ одной греческой сказкѣ, палачи ведутъ замужнюю женщину, обвиненную въ прелюбодѣяніи, въ лѣсъ, закапываютъ ее до самыхъ плечъ въ землю, и оставляютъ тамъ на произволъ судьбы [3]. Эта казнь не вышла изъ употребленія на Востокѣ и до настоящаго времени: по свидѣтельству Базинера и Вамбери, въ Хивѣ до сихъ поръ женщину, за прелюбодѣйство, зарываютъ по-поясъ въ землю, и потомъ побиваютъ каменьями [4].

Подробности костюма и внѣшней обстановки нашихъ каликъ равномѣрно указываютъ на восточное происхожденіе разсказа о нихъ. Обратимъ вниманіе на четыре пункта: 1) одежду, 2) палку, 3) сумку, и 4) книгу нашихъ каликъ.

Какъ настоящая пѣсня, такъ и многія другія приписываютъ каликамъ: кафтаны, штаны, иногда бархатныя, шубы соболиныя, шапки земли греческой, лапти семи шелковъ: ясно, что

---

[1]) *Stan. Julien*, Mém. sur les contr. occid., 308—309.—Конецъ напоминаетъ слова нашей былины: «Остановившись, калики клюки-посохи въ землю потыкали».

[2]) *Kapper*, Gesänge des Serben, I, 133.

[3]) *Hahn*, Griech. u. alb. Märchens, I, 142.

[4]) *Basiner*, Reise nach Chiwa, St.-Petersb., 1848, 249.—*Вамбери*, Путеш. по Средней Азіи. Спб., 1865, 73.

тутъ мы не можемъ искать никакой дѣйствительно исторической древней одежды; это все подробности или позднія, или вымышленныя. Напротивъ, гораздо болѣе соотвѣтствуютъ описываемому времени тѣ пересказы, гдѣ говорится, что на каликахъ надѣта «гуня» [1]), т. е. «худая, ветхая, истасканная одёжа, заплатанникъ, ветошь, обносье, тряпье» [2]); эту «гуню» наши былины зовутъ «сорочинской», т. е. иноземнаго, восточнаго происхожденія. И дѣйствительно, еслибъ былины разумѣли, что костюмъ каликъ состоялъ не только изъ хорошихъ, но роскошныхъ кафтановъ, шубъ, шляпъ, и т. д., то зачѣмъ было бы богатырямъ переряжаться въ каличье платье, а это часто случается въ пѣсняхъ? Вѣдь у богатырей тоже всегда описываются кафтаны, шубы и т. д. Такимъ образомъ, кажется, всего вѣроятнѣе будетъ считать настоящею каличьею одеждой—«гуню». Но именно такая гуня — коренной, постоянный костюмъ буддійскихъ монаховъ, странниковъ и нищихъ: по основному правилу буддійства, они всегда должны носить на себѣ лишь самое худое платье, родъ рубахи и плаща, изъ шерстяной матеріи, въ лохмотьяхъ, и изъ сшитыхъ вмѣстѣ обношенныхъ кусковъ, выброшенныхъ людьми и валяющихся на навозныхъ кучахъ [3]).—Далѣе, всегдашняя принадлежность нашихъ каликъ — палка въ рукѣ: это не только предметъ, вообще необходимый для странниковъ и стариковъ, но и предписанный брахманскими и буддійскими правилами вѣры, безразлично и старымъ и молодымъ людямъ. Въ законахъ Ману читаемъ: «Брахманъ долженъ носить палку изъ дерева вильва или палаза; у кшатрія она должна быть изъ дерева вата или хадира; у купца — изъ дерева пилу или удумбара. Палка брахмана должна достигать вышины его волосъ, у кшатрія — вышины его лба, у вансія — вышины его носа. Всѣ эти палки должны быть прямыя, чистыя, хорошія, со всей своей корой и не обожженныя» [4]). Что касается до буддійцевъ, то палка была предписана ихъ духовнымъ лицамъ въ особомъ дисциплинарномъ трактатѣ [5]). Поэтому-то палка часто упоминается въ брахманскихъ и буддійскихъ разсказахъ при описаніи ихъ духовныхъ, особенно странствующихъ, какъ наши калики. Въ Магабгаратѣ и Гариванзѣ всѣ аскеты являются съ палками, все

---

[1]) *Рыбниковъ*, III, 29, 33, 37.

[2]) *Даль*, Толковый словарь, I, 362.

[3]) *Burnouf*, Introd., 234, 305, 311. — *Köppen*, 340.

[4]) Lois de Manou, trad. par *Loiseler des Longchamps.* Paris, 1833, 35. — *Köppen*, 345.

[5]) *Burnouf*, Introd., 39.

равно, старые они или молодые [1]), и даже въ числѣ благочестивыхъ дѣйствій аскета упоминается то, что онъ «опирается на палку» [2]). Въ *«Запискахъ о западн. странахъ»* говорится, что одни купцы, тонувшіе на кораблѣ во время бури, призвали имя Будды, и тотчасъ появились въ воздухѣ сраманы (странствующіе аскеты), съ палкой въ рукѣ, шедшіе къ нимъ на помощь; въ другомъ мѣстѣ тутъ же сказано, что три срамана, пускаясь въ путь, взяли въ руки «палки духовныхъ» [3]). У буддійскихъ монголовъ и татаръ Сибири, ихъ ламы и духовные также всегда описываются съ палками [4]). — Въ-третьихъ, наши былины говорятъ про сумки каликъ перехожихъ: «Клюки-посохи въ землю потыкали, а сумочки изповѣсили». Эти сумки, по всему вѣроятію, появились очень поздно въ нашихъ былинахъ и это доказывается уже тѣмъ, что онѣ всегда описываются какъ «бархатныя». Кажется ихъ слѣдуетъ считать не чѣмъ инымъ, какъ передѣлкой на русскій ладъ тѣхъ горшечковъ для собиранія денегъ, милостыни и съѣстныхъ припасовъ, которые всякій нищенствующій брахманъ и странствующій монахъ-буддистъ обязанъ носить по предписанію закона [5]): они очень часто описываются во всѣхъ брахманскихъ и буддійскихъ легендахъ, поэмахъ и проч. [6]). Иногда у индѣйскихъ нищихъ прямо упоминается и сумка, носимая на боку [7]). — Наконецъ, въ нашей былинѣ встрѣчается еще одна, очень примѣчательная подробность: книга, которую носитъ съ собою атаманъ каликъ, и съ которою справляется, когда хочетъ знать, что̀ надо дѣлать, что̀ предпринять. По исцѣленіи атамана и княгини, калики сидятъ и пируютъ у князя Владиміра; «втапоры молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ вынималъ изъ сумы книжку свою, посмотрѣлъ и число показалъ: что̀ много мы, братцы, пьемъ-ѣдимъ, прохлаждаемся, уже третій день въ

---

1) *Fauche*, I, 84, 106; III, 196; IV, 524; V, 41.

2) Тамъ же, IV, 273.

3) *Stan. Julien*, Mém., 475, 379.

4) *Schmidt*, Gesser-Chan, 245. — *Schiefner*, Minuss. Tataren, 318, 341.

5) Manou, II, 38. — *Burnouf*, Introd., 39, 311.

6) *Th. Pavie*, 85, 215. — Harivansa, I, 282. — *Benfey*, Pantschatantra, II, 169—171. — *Burnouf*, Introd., 74, 96, 176, 179, 200, 317, 367, 420. — Нельзя не замѣтить здѣсь, что вся обстановка древнихъ восточныхъ странниковъ, столько схожая съ обстановкой каликъ-перехожихъ нашихъ былинъ, сохранилась на Востокѣ и до нашего времени. Вамбери описываетъ свой маленькій караванъ, точно будто нашихъ каликъ. Въ путь они пошли, надѣвъ «свою дорожную одежду, состоявшую изъ тысячи тряпокъ, связанныхъ у пояса веревкой». Въ рукахъ у старыхъ и молодыхъ были посохи, за спинами мѣшки съ припасами, деньгами и проч., на ноги надѣли обувь пѣхоты (наши лапти?). Они шли бодро и весело, дорогой пѣли пѣсни, священные гимны, разсказывали свои похожденія (*Вамбери*, Путеш. по Средн. Азіи, 13 — 16).

7) *Burnouf*, Introd., 199, примѣч. 1.

доходѣ идетъ, и пора намъ, молодцы, въ путь идти» [1]. Эта подробность опять напоминаетъ намъ буддійскихъ странниковъ-монаховъ. По словамъ ламы Галсанъ-Гомбоева, буддійскіе духовные и до сихъ поръ «постоянно носятъ при себѣ, за пазухой, небольшую тетрадь, состоящую изъ статей разныхъ названій, чтобы, въ случаѣ просьбы міряпъ, совѣтоваться съ нею, и дать отвѣтъ на вопросъ» [2], а въ индѣйскихъ буддійскихъ источникахъ упоминаются точно такія же, какъ у нашихъ каликъ, справки странствующихъ монаховъ съ книгой. Такъ, напр., въ Панчатантрѣ разсказывается, что когда нѣсколько странствующихъ брахмановъ пришли однажды на распутіе, и не знали, по какой дорогѣ идти, то одинъ изъ нихъ посмотрѣлъ въ книгу, и они потомъ выбрали себѣ дорогу. Идутъ они далѣе, находятъ на кладбищѣ мертваго осла: второй брахманъ глядитъ въ свою книгу, и узнаетъ тамъ, какъ надо понимать эту встрѣчу. Еще далѣе идутъ они, видятъ верблюда: третій брахманъ глядитъ въ свою книгу, ищетъ объясненія новой своей встрѣчи. Наконецъ, приходятъ они въ деревню, и тутъ жители предлагаютъ имъ вкусную пищу: тогда и четвертый брахманъ принимается глядѣть въ свою книгу и искать тамъ объясненія своему недоразумѣнію [3]. Ясно, что книги нашихъ каликъ — уцѣлѣвшее воспоминаніе этихъ книгъ буддійскихъ странствующихъ монаховъ: во времена князя Владиміра, или еще и того ранѣе, книги и грамотность не имѣютъ у насъ никакого значенія, особливо для какихъ-то каликъ-нищихъ.

И вотъ, посреди такой, вполнѣ восточной, даже, точнѣе сказать, по преимуществу буддійской обстановки, является разсказъ о молодой замужней женщинѣ, тщетно старавшейся соблазнить добродѣтельнаго юношу — разсказъ, древне-восточное происхожденіе котораго наврядъ-ли можетъ быть оспариваемо. На связь же такой *обстановки* съ *легендою* указываетъ повѣсть Сомадевы о царевичѣ, пошедшемъ въ монахи-странники и потомъ соблазняемомъ купеческою женою. Кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію тотъ фактъ, что если бы наша былина имѣла происхожденіе христіанское, библейское, тогда въ ней не было-бы всѣхъ тѣхъ восточныхъ, частью богатырскихъ, частью религіозно-буддійскихъ подробностей, которыя сами собой бросаются тутъ въ глаза, и которыхъ вовсе нѣтъ въ библейскомъ повѣствованіи.

Влад. Стасовъ.

---

[1] «Древн. росс. стихотв.», ст. 226, 354 — 359.

[2] Этнографич. Сборникъ, VI, 1864: «Шидди-Куръ», 71, примѣч.

[3] *Benfey*, Pantschatantra, II, 335 — 336.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

СЕКТАТОРЫ-КОЛОНИСТЫ
ВЪ РОССІИ.

(Историческіе очерки.)

II.

САРЕПТА.

Колонія Радичевъ [1]), какъ явленіе, содѣлавшееся давно уже достояніемъ исторіи, и потому вовсе неизвѣстное современному русскому обществу, не могло возбудить ни чьихъ личныхъ воспоминаній. Иное дѣло колонія, о которой мы намѣрены говорить теперь. При одномъ имени Сарепты, многіе навѣрное вспомнятъ о кратковременномъ пребываніи своемъ, проѣздомъ, въ интересномъ мѣстечкѣ дальняго низоваго поволжья, умѣвшемъ среди болѣе или менѣе безотрадной мѣстности создать крошечный оазисъ, предлагающій во всякое время усталому путнику, особенно состоятельному или почетному, такія удобства жизни, какія трудно найти въ любомъ изъ нашихъ губернскихъ городовъ, не говоря уже о городахъ уѣздныхъ и селеніяхъ. Лица, бывавшія за-границею, при взглядѣ на наружную обстановку Сарепты и ея жителей, невольно сопоставляли, конечно, колонію съ тѣмъ или другимъ уютнымъ уголкомъ Германіи, гдѣ повседневная жизнь совершается какъ сегодня, такъ и завтра, по неизмѣнно однажды навсегда установившемуся

---

[1]) См. выше, т. I, стр. 256 — 300.

порядку, тихо, повидимому, безмятежно, въ матеріальномъ довольствѣ и даже съ извѣстнаго рода роскошью. Бунинъ навѣрное и о Сарептѣ, какъ въ свое время о Радичевѣ, не задумался бы сказать, что «братство живетъ, благоденствуя въ житіи, прославляя Бога и государя и т. д.» Картины изъ сарептскаго быта давно вошли и въ наши школьныя хрестоматіи прежняго времени. По одному этому, и по поводу другихъ подобныхъ отзывовъ нашихъ туристовъ о Сарептѣ, въ памяти нѣкоторыхъ читателей, и не бывавшихъ въ ней, возникнутъ, быть можетъ, мечты давно минувшаго дѣтства, когда воспріимчивая наша фантазія пыталась дорисовывать себѣ идиллическое общество, бытъ котораго вызывалъ самыя восторженныя изліянія даже серьозныхъ лицъ, а въ глазахъ школьника такими являются всѣ пишущіе печатно. Но, безъ всякаго сомнѣнія, найдется не мало и такихъ личностей, которыя имѣютъ совершенно иной взглядъ на Сарепту, и едва ли не съ ненавистью относятся къ ея существованію въ данныхъ условіяхъ. Такіе взгляды и чувства, правда, нигдѣ еще не выражались печатно: они высказывались частью только въ личныхъ бесѣдахъ, частью же въ оффиціальныхъ бумагахъ, такъ какъ представителемъ такихъ отношеній къ Сарептѣ являлось долгое время, по преимуществу, мѣстное чиновничество.

Противоположность взглядовъ на Сарепту имѣетъ, безъ всякаго сомнѣнія, свои причины. Если восторженный отзывъ иного туриста доказываетъ только поверхностность, съ которою мы часто относились къ явленіямъ своей жизни, способность удовлетворяться наружными фактами, схваченными на-лету, и отсутствіе наблюдательности и глубины серьознаго анализа, — то противоположное мнѣніе указываетъ, съ одной стороны, на нѣкоторую нетерпимость чиновъ мѣстной власти къ проявленіямъ самостоятельной, самобытной жизни подначальнаго населенія, а съ другой — и на условія, которыя дѣйствительно трудно согласовать съ потребностями и воззрѣніями окружающей Сарепту среды. Исключительныя условія Сарепты стали особенно осязательны со времени введенія у насъ земскихъ учрежденій; они выступятъ еще рѣзче съ повсемѣстнымъ открытіемъ дѣйствія новыхъ судебныхъ установленій. Поэтому, болѣе или менѣе близкое знакомство съ устройствомъ этой колоніи — не лишено, по нашему имѣнію, живого современнаго интереса.

Колонія Сарепта, въ Царицынскомъ уѣздѣ Саратовской губ., есть не что иное, какъ крайній на востокѣ форпостъ религіозно-экономической ассоціаціи, извѣстной подъ наименованіемъ:

общества Евангелическихъ братьевъ, Brüderunität. Общество это, въ настоящей его организаціи, сформировалось впервые подъ непосредственнымъ руководствомъ и покровительствомъ графа Николая Людвига Цинцендорфа [1]), въ имѣніи его — Бертельсдорфѣ, въ верхней саксонской Лузаціи. Здѣсь, въ 1722 г., небольшое общество бѣжавшихъ съ родины мораво-богемскихъ братьевъ основало, по приглашенію графа, колонію Гернгутъ. Мало по малу стали собираться сюда изъ Богеміи и Моравіи послѣдователи различныхъ сектаторскихъ толковъ, укрываясь отъ преслѣдованій, которымъ они подвергались на родинѣ.

Такимъ образомъ, мы снова встрѣчаемся съ Богеміею и Моравіею, служившими издавна, — въ теченіе значительнаго періода средневѣковой жизни Запада, — главнѣйшимъ центромъ тяготѣнія всѣхъ реформаціонныхъ движеній въ сферахъ религіозной, общественно-экономической и политической. Здѣсь, чехи и мораване, на крайнемъ западномъ рубежѣ славянской семьи, вели вѣковую, отчаянную борьбу противъ латинства съ его папою, и противъ союзниковъ папы — нѣмцевъ, съ ихъ мадьяро-нѣмецкими королями и императорами во главѣ; здѣсь они отстаивали свою автономію политическую, какъ самобытной славянской народности, свое устройство общественное, основанное частью на религіозныхъ вѣрованіяхъ, частью же, если не по преимуществу, на унаслѣдованныхъ отъ отцовъ обычныхъ понятіяхъ; и наконецъ, свою свободу совѣсти и вѣры, несовмѣстную съ духомъ и сущностью ученія латинской церкви о верховномъ главенствѣ папы. Здѣсь же, въ борьбѣ двухъ національныхъ элементовъ — славянскаго и германскаго, — и въ присущихъ имъ коренныхъ различіяхъ въ отношеніи религіозно-соціальныхъ и общественно-политическихъ воззрѣній слѣдуетъ искать, по нашему мнѣнію, главнѣйшій корень тѣхъ общинно-экономическихъ комбинацій, представителями которыхъ являются извѣстная уже намъ радичевская община, евангелическое братское общество и т. д. Въ продолженіе многихъ вѣковъ, начиная съ вальдензеровъ и альбигойцевъ, всѣ недовольные на Западѣ находили въ Богеміи и Моравіи не только вѣрное убѣжище отъ преслѣдованій за вѣру, но вообще и самое горячее сочувствіе. Только здѣсь слагалась окончательно ихъ программа, и

---

[1]) Графъ Н. Л. Цинцендорфъ (род. въ 1700 г. и умер. въ Гернгутѣ въ 1760 г.) всю жизнь свою посвятилъ интересамъ общества евангелическихъ братьевъ. Въ этихъ видахъ, онъ не только отдалъ въ пользу общества свое имѣніе, Бертельсдорфъ, но и предпринималъ продолжительныя путешествія по всей Европѣ, пріобрѣлъ степень кандидата богословія и былъ посвященъ въ проповѣдническій санъ. Графъ издалъ въ свѣтъ болѣе 100 своихъ сочиненій.

ученія сектаторовъ развивались въ болѣе или менѣе законченныя системы, обнимавшія уже весь соціальный строй человѣческаго общежитія. Только здѣсь именно, а не среди нѣмецкихъ или романскихъ народностей, тиролецъ Гуттеръ могъ основать свою общину; отсюда же горсть бѣглецовъ, скрываясь въ подобную, уже въ то время полуонѣмеченную славянскую землю — Лузацію, могла осуществить ту общинную комбинацію, какую мы находимъ въ обществѣ евангелическихъ братьевъ. Но мы увидимъ, что подобное же общинно-религіозное устройство отстаивали самые усердные защитники славянской народности въ Богеміи и Моравіи. Но окончательная кодификація устава евангелическаго братскаго общества состоялась уже по смерти графа Цинцендорфа, дѣятельность котораго въ общинно-имущественномъ устройствѣ общества была, повидимому, только страдательная. Онъ смотрѣлъ на это дѣло исключительно съ абстрактной, богословско-христіанской точки зрѣнія, по духу же и плоти своей народности, онъ былъ чуждъ общинному принципу.

Если глубже вникнемъ въ смыслъ всего сектаторства, то невольно родятся предъ нами вопросы: не существуютъ ли здѣсь прямыя связи съ сельско-общиннымъ землевладѣніемъ, какъ основнымъ принципомъ общеславянскаго государственнаго и соціальнаго устроенія? Не суть-ли общины, по правиламъ Гуттера и евангелическаго общества, болѣзненные протесты славянской народности противъ осилившаго лужичанъ, чеховъ и моравановъ, въ лицѣ нѣмцевъ, иного имущественно-поземельнаго и государственнаго принципа? Не руководило ли въ этомъ случаѣ сектаторами преемственное, хотя и смутное воспоминаніе о давно минувшихъ для нихъ дняхъ иного, болѣе родственнаго общественнаго устройства, и не надѣялись ли они возвращеніемъ къ утраченнымъ порядкамъ избавиться отъ тяготѣвшихъ надъ ними результатовъ чуждаго имъ принципа? Мы обратили вниманіе на эти вопросы именно потому, что настоящій очеркъ Сарепты представляетъ, по нашему мнѣнію, наглядный примѣръ того, какъ дитя борьбы двухъ народныхъ элементовъ, будучи пересажено къ намъ, на родственную почву свою, преобразовывается постепенно, и даже вопреки основнымъ принципамъ общества, возвращается мало по малу къ своему прототипу—общинному устройству нашихъ крестьянъ и горожанъ.

Связь ученія Гуттера и др. съ духомъ славянства — объясняется самой исторіею мораво-богемскихъ братьевъ, которой потому и коснемся здѣсь въ главнѣйшихъ чертахъ. Извѣстно, что послѣдователи Гусса и Іеронима Прагскаго распадались на двѣ партіи: одна партія каликстинцевъ, или умѣренныхъ; дру-

гая—партія таборитовъ, или радикаловъ. Послѣдняя, во время высшаго ея развитія, покрывала страну сѣтью общинъ, главнымъ центромъ которыхъ служила крѣпость на горѣ Таборѣ или Ѳаворѣ. Эта крѣпость, состоя въ органической связи и въ полной солидарности со всѣми остальными, менѣе значительными таборитскими общинами, имѣла базисомъ безусловную имущественную общность и патріархально-коммунальное устройство. Еслибъ придать извѣстной уже читателю радичевской общинѣ несравненно болѣе широкіе размѣры; еслибъ примкнуть къ ней извѣстное число второстепенныхъ, подначальныхъ поселеній, и весь этотъ союзъ общинный поставить на военное положеніе, то мы получили бы нѣчто весьма близкое къ крѣпости таборитовъ.

Въ началѣ гусситскихъ войнъ, главнѣйшія чехо-моравскія партіи, каликстинцы и табориты, — обѣ, не смотря на религіозно-соціальныя разногласія между ними, стояли дружно противъ общаго врага — римскихъ папъ и римско-нѣмецкихъ императоровъ: борьба велась одновременно не только за свободу вѣры, но и за славянскую народность, за ея политическую автономію. И едва ли бы удалось латинству и нѣмцамъ одолѣть своихъ противниковъ, еслибъ они не успѣли внести рознь въ нѣдра чехо-моравскаго народа. Съ одной стороны, они болѣе или менѣе удачно маскировали свои притязанія на германизацію славянъ щитомъ церковнаго раздора, съ другой — такъ называемые пражскіе компактаты, 30 ноября 1433 г., дѣлали нѣкоторыя уступки гусситамъ по вопросамъ вѣры, а главное — давали послѣднимъ обманчивую надежду на возможность, путемъ мирныхъ переговоровъ съ папскимъ престоломъ, достигнуть полнаго признанія новаго ученія. Послѣдствія показали, что эти уступки не были искренни и имѣли скорѣе значеніе искусной ловушки. Такъ понимали дѣло и табориты, и потому они отвергли компактаты. Но каликстинцы, т. е. большинство утомленныхъ вѣковой борьбою чехо-моравановъ, жаждали успокоенія; они приняли сдѣлку, разошлись окончательно съ таборитами, и, наконецъ, соединившись съ католиками, помогли послѣднимъ даже уничтожить своихъ прежнихъ союзниковъ въ битвѣ при Бёмишбродѣ, 30 мая 1434 г.

Вотъ, остатки этихъ-то гусситовъ-таборитовъ, главнѣйшихъ и ревностнѣйшихъ защитниковъ славянскаго элемента, удалились къ границамъ Силезіи и Моравіи. Тамъ, преимущественно въ помѣстьяхъ извѣстнаго въ исторіи Георга Подибрада, они образовали, около 1457 г., особыя общества, именуя себя: братствомъ закона Христова, братьями или братскимъ обществомъ.

Сначала Георгъ Подибрадъ, бывшій прежде, до компактатовъ, въ довольно близкихъ сношеніяхъ съ таборитами, оказывалъ покровительство и послѣдователямъ ихъ, спасшимся послѣ бёмишбродской катастрофы. Но видя, что политическая роль таборитовъ кончена, и будучи избранъ въ 1451 г. земскими чинами намѣстникомъ Богеміи, Подибрадъ присоединился окончательно къ партіи каликстинцевъ, а въ 1461 г., по жалобамъ католиковъ и въ угоду папѣ, издалъ даже повелѣніе объ окончательномъ изгнаніи изъ предѣловъ королевства какъ таборитовъ, такъ и иныхъ мелкихъ сектъ.

Не смотря однако на гоненія, скромныя общины братьевъ не ослабѣвали: по мѣрѣ усиленія внѣшняго гнёта, онѣ пріобрѣтали все болѣе и болѣе внутренней стойкости и силы, а безукоризненная нравственность братьевъ привлекала на ихъ сторону большое число послѣдователей. Вскорѣ братскія общины нашли себѣ новые центры соединенія и опоры въ Моравіи, среди помѣстнаго дворянства. Отличительная особенность вѣрованій братства заключалась, по преимуществу, въ томъ, что оно, отвергая пресуществленіе въ таинствѣ св. причастія, признавало лишь духовно-мистическое присутствіе Спасителя при совершеніи самаго таинства. Вообще, все догматическое ученіе мораво-чешскихъ братьевъ они основывали исключительно на ветхозавѣтныхъ пророкахъ и буквѣ новаго завѣта. Удаляя изъ среды общины неисправимо порочныхъ членовъ; примѣняя, въ видѣ исправительной мѣры, церковное отлученіе въ трехъ степеняхъ; признавая принципъ безусловной имущественной общности; поддерживая въ общежительности строгое раздѣленіе половъ, и подраздѣляя своихъ членовъ вообще на начинающихъ, успѣвающихъ и совершенныхъ, братство имѣло цѣлью возстановить въ своей средѣ «истинное христіанство въ первоначальной чистотѣ и простотѣ его». Но эта цѣль вызывала необходимость самаго бдительнаго надзора за частною, даже за домашнею жизнью каждаго изъ членовъ. Отсюда, въ свою очередь, истекала необходимость во множествѣ различныхъ общинныхъ чиновъ, какъ-то: епископовъ, сеньоровъ и консеньоровъ, пресбитеровъ или проповѣдниковъ, діаконовъ, эдилей и т. д. Между этими лицами распредѣлялось веденіе общинныхъ дѣлъ — церковныхъ и гражданскихъ. Первый епископъ братства былъ посвященъ въ этотъ санъ епископомъ мораво-чешскихъ общинъ вальдензеровъ. Тѣмъ не менѣе, прямого и полнаго слитія этихъ двухъ братствъ не послѣдовало. Въ 1548 г., вслѣдствіе стѣсненій и преслѣдованій, до 1000 братьевъ эмигрировали въ Польшу и Пруссію, гдѣ, на основаніи сандомірскаго договора 1570 г. и постановленія польскаго сейма

1572 г., они слились постепенно съ мѣстными лютеранами и реформатами. Другая часть братьевъ, въ началѣ XVII столѣтія, ушла въ Венгрію и тамъ обратилась въ католичество. Въ такомъ положеніи застала братьевъ 30-тилѣтняя война. Несчастный для чехо-моравскихъ протестантовъ исходъ этой войны повелъ, между прочимъ, почти къ полному истребленію въ Моравіи и Богеміи братскихъ общинъ. Съ этого времени скудные остатки послѣднихъ продолжали здѣсь свое существованіе только тайно, и мало по малу ослабляясь выселеніями въ другія государства, они, сколько намъ извѣстно, тамъ вовсе исчезли. Даже епископъ ихъ, Іоганъ-Амосъ Коменіусъ (т. е. Коменскій, мораванинъ, род. 1592 г., ум. 1671 г.), вынужденъ былъ бѣжать въ Польшу, гдѣ въ Лиссѣ сталъ во главѣ мѣстнаго братскаго общества. Такіе же бѣглецы, какъ уже сказано, основали Гернгутъ, въ имѣніи графа Цинцендорфа.

Около того же времени заглохла народная жизнь чеховъ и мораванъ, и только текущему столѣтію суждено было вызвать ее на новыя заявленія въ пользу попранныхъ правъ своихъ.

Епископъ Коменскій былъ однимъ изъ послѣднихъ ветерановъ чехо-моравской народности. Онъ пользовался во всей Европѣ ученою славою и особеннымъ авторитетомъ въ дѣлахъ воспитанія и народнаго образованія. Всѣ лучшія его сочиненія писаны на народномъ чешскомъ языкѣ. Въ виду тогдашняго обыкновенія ученыхъ писать исключительно по-латыни, употребленіе Коменскимъ своего родного языка уже само по себѣ изобличаетъ основный складъ и задушевныя стремленія автора [1]). Въ его исторіи евангелическаго общества сохранились свѣдѣнія о первыхъ попыткахъ братства проникнуть въ Россію. Онъ повѣствуетъ, что, въ 1474 г., «старая братская церковь» отрядила въ разныя страны четырехъ депутатовъ съ цѣлью убѣдиться «о состояніи христіанства вообще», и въ томъ именно: «существуетъ ли гдѣ свободная отъ ложныхъ ученій церковь, основанная и устроенная строго по ученію Христа и проникнутая жизненностію, дабы можно было братству соединиться съ нею». Всѣ депутаты, изъ коихъ одинъ, Маврусъ Гакопецъ, былъ въ Москвѣ и другихъ славянскихъ земляхъ, возвратились съ отрицательнымъ отвѣтомъ.

Сто лѣтъ спустя, мы снова встрѣчаемъ въ Россіи одного изъ братьевъ, а именно: консеньора богемскихъ братьевъ въ Польшѣ, Іогана Рокиту. Въ качествѣ проповѣдника, онъ сопро-

---

[1]) Подробныя свѣдѣнія объ этой замѣчательной личности можно найти: Monatsschrift der Gesellschaft des Vaterländischen Museums in Böhmen. 1829. Palazky.

вождалъ посольство короля Сигизмунда-Августа II къ царю Ивану Васильевичу IV. Но попытки Рокиты найти въ Россіи пріютъ для братства были тщетны. Наконецъ, въ преданіяхъ сохранились свѣдѣнія о потомкахъ моравскихъ братьевъ, изгнанныхъ въ 1481 г. изъ Венгріи и ушедшихъ будто бы чрезъ Трансильванію, Молдавію и Турцію въ Кавказскія горы [1]).

Дальнѣйшія сношенія братства съ Россіею, окончательно установившіяся съ основаніемъ колоніи Сарепты, возвращаютъ насъ въ Гернгутъ. Сюда стали стекаться не только мораво-богемскіе братья, но и послѣдователи другихъ сектъ, подвергавшихся одинаковому съ ними преслѣдованію. Всѣ они равно пользовались покровительствомъ графа Цинцендорфа, и такое безразличіе само по себѣ доказываетъ, что церковно-догматическія убѣжденія графа выросли на иной почвѣ, имѣли иной индивидуальный складъ и источникъ. Гернгутская колонія усилилась вскорѣ до того, что настояла надобность организовать ея внутреннее управленіе. Прежде всего предстояло придти къ соглашенію между послѣдователями различныхъ толковъ по дѣламъ вѣры. Подъ непосредственнымъ руководствомъ графа такое соглашеніе состоялось относительно основныхъ существеннѣйшихъ положеній Христова ученія. Въ тоже время было принято за правило вовсе не касаться тѣхъ «частныхъ» вопросовъ, по коимъ расходились во мнѣніяхъ послѣдователи разныхъ толковъ. Но въ числѣ этихъ «частныхъ» вопросовъ, былъ и принципъ имущественной общности, т. е. вопросъ, по которому нельзя было бы согласить гернгутеровъ. Сознавая такую невозможность, они оставили вопросъ этотъ нетронутымъ и, такъ сказать, молча ввели у себя порядокъ общинно-церковнаго управленія, примѣняясь къ тому, какой существовалъ у мораво-чешскихъ братьевъ, и какой находимъ въ Сарептѣ.

12 мая 1727 г., всѣ жители Гернгута, и каждый изъ нихъ за себя лично, дали торжественный обѣтъ подчиняться новымъ статутамъ, и такимъ образомъ было положено начало новаго братскаго общества, наименовавшагося евангелическимъ. Оно допускаетъ въ свою среду послѣдователей трехъ толковъ: моравскаго, лютеранскаго и реформатскаго. Дѣти слѣдуютъ толку своихъ родителей, и вообще переходъ отъ одного изъ этихъ тол-

---

[1]) Въ послѣдствіи, со стороны Сарепты дважды (въ 1768 и 1797 гг.) были снаряжаемы особыя экспедиціи для розысканія этихъ братьевъ на Кавказѣ; но попытки эти кончились ничѣмъ. Равнымъ образомъ, Сарепта входила въ сношеніе съ радичевскою общиною (въ 1774—1776 и 1797 гг.), но объединеніе между ними несостоялось по тому самому догматическому несогласію, которое еще въ Богеміи и Моравіи препятствовало полному слитію общинъ мораво-чешскихъ братьевъ и вальдензеровъ.

ковъ къ другому ни въ какомъ случаѣ не обязателенъ для членовъ братства, такъ какъ «сущность христіанства заключается вовсе не въ тѣхъ или другихъ церковныхъ и догматическихъ опредѣленіяхъ». Вообще же, братское общество не желаетъ вовсе считаться религіозною партіею, въ конфессіональномъ смыслѣ; оно не придерживается исключительно ни одного изъ существующихъ толковъ или исповѣданій. Особенность свою общество находитъ въ стремленіи «осуществить истинно-благочестивую жизнь по ученію Спасителя и его апостоловъ».

Новое братство, какъ мы замѣтили уже, въ отношеніи внутренняго общиннаго устройства своего примѣнилось къ порядкамъ бывшихъ мораво-чешскихъ общинъ. Но имущественная общность, какъ догматъ или принципъ безусловный, была обойдена. Коммунальная собственность поставлена совершенно независимо отъ личности. Взаимныя экономическія отношенія общинной экономіи къ членамъ общины приняты приблизительно тѣ же, какія существуютъ между человѣколюбивымъ капиталистомъ-заводчикомъ и его рабочими. Эти отношенія, ставя повсюду на первый планъ интересы хозяина-капиталиста, не отрицаютъ, однако, въ принципѣ, ни вообще личной собственности, ни возможности различныхъ по обстоятельствамъ экономическихъ комбинацій. Но, для полноты и ясности нашего сравненія, необходимо добавить, что братья лично связаны съ общинною экономіею принципомъ круговой поруки, чего нѣтъ во взаимныхъ отношеніяхъ капиталиста и его рабочихъ. На такихъ основаніяхъ населеніе Гернгута было раздѣлено по поламъ, возрастамъ и другимъ условіямъ, на отдѣльныя корпораціи (Chor), такъ что образовались корпораціи: дѣтская, мальчиковъ, дѣвочекъ, холостыхъ братьевъ, незамужнихъ сестеръ, вдовцовъ и вдовъ. Каждая отдѣльная корпорація получила свое общежительное помѣщеніе и особую экономію (Diaconie), своего попечителя (Chorpfleger), обязаннаго духовнымъ призрѣніемъ и надзоромъ за нравственностью, и старшину (Chorvorsteher) вѣдающаго внѣшними дѣлами и экономіею корпораціи. Въ женскихъ корпораціяхъ, эти двѣ послѣднія должности замѣщаются лицами женскаго пола, но въ засѣданіяхъ общинныхъ совѣтовъ — мѣсто ихъ заступаютъ лица изъ братьевъ, назначенныя имъ на этотъ случай въ помощь. Только семейные братья проживаютъ въ частныхъ домахъ; они называются «приватными» (die Privaten) и подчиняются непосредственному надзору главныхъ общинныхъ начальниковъ (Arbeiter). Высшее общинное управленіе (Aeltestenconferenz) составляютъ: 1) общинный попечитель (Gemeinhelfer), который, какъ глава или старшина обще-

ства, предсѣдательствуетъ въ засѣданіяхъ конференціи; 2) проповѣдникъ; 3) общинный старшина (Gemeinvorsteher) и 4) корпораціонные попечители и старшины. При конференціи состоитъ: коллегія надзирателей (Aufsehercollegium). Къ вѣдѣнію ея отнесены главный надзоръ за продовольственною частью и наружная полиція, а также разбирательство и разрѣшеніе мелочныхъ между обывателями ссоръ. Для совѣщаній по чрезвычайнымъ дѣламъ, коллегія надзирателей, усиливаясь по выбору общины новыми членами, составляетъ общинный совѣтъ.

Въ церковно-іерархическомъ отношеніи общество признаетъ: 1) епископовъ; преемственное посвященіе ихъ въ санъ ведется въ неразрывной связи отъ епископовъ прежнихъ мораво-чешскихъ братствъ; только епископъ можетъ совершать посвященіе въ епископскій или другой духовный санъ, но никакой другой власти ему не предоставлено, развѣ онъ сдѣлается членомъ одного изъ учрежденій общественнаго управленія; 2) пресвитеровъ или проповѣдниковъ, состоящихъ либо при обществѣ, либо внѣ его въ качествѣ миссіонеровъ; и 3) діаконовъ, служащихъ помощниками проповѣдниковъ, если посвященіемъ уполномочены на совершеніе св. таинствъ.

Не смотря на обстоятельность этого устава, онъ во всемъ объемѣ вступилъ въ дѣйствіе только по смерти графа Цинцендорфа, т. е. послѣ 1760 года. Графу гернгутская община была обязана всѣмъ — и первоначальнымъ матеріальнымъ пособіемъ, и постояннымъ покровительствомъ, и защитою со стороны непріязненныхъ дѣйствій извнѣ. Облеченный чрезвычайнымъ званіемъ ординаріуса, онъ сосредоточивалъ въ своемъ лицѣ высшую власть по всѣмъ частямъ общественнаго управленія. Только на синодальныхъ собраніяхъ 1764 и 1769 гг., когда братство считало уже въ своемъ составѣ, кромѣ Гернгута, не мало другихъ подобныхъ общинъ, уставъ былъ пересмотрѣнъ, дополненъ и окончательно введенъ въ дѣйствіе.

Главнѣйшія дополненія устава состояли въ томъ, что для высшаго центральнаго управленія дѣлами всѣхъ общинъ братства установлена особая дирекція (Unitätsältestenconferenz Directorium), пребывающая съ 1789 г. въ Бертельсдорфѣ. Дирекція эта раздѣляется на департаменты: а) попечительства и воспитанія, б) финансовъ и инспекціи, и в) миссіонерства. Во главѣ каждаго департамента стоятъ епископъ, какъ директоръ, и четыре члена-проповѣдника. Члены всѣхъ департаментовъ, подъ предсѣдательствомъ особаго президента-епископа, соединяясь въ общія засѣданія, образуютъ дирекцію. По всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ братскія общины обязаны испрашивать разрѣшенія центральной

дирекціи. Она же замѣщаетъ должности проповѣдниковъ и главныхъ общинныхъ начальниковъ. Какъ ни обширны полномочія дирекціи, но и она, какъ власть по преимуществу исполнительная, отвѣтственна предъ синодальнымъ собраніемъ, которое и есть высшая представительная власть всего братства. Синоды собираются по мѣрѣ надобности, обыкновенно одинъ разъ въ каждыя 7 — 12 лѣтъ, и состоятъ изъ членовъ центральной дирекціи и депутатовъ отъ общинъ и ихъ мѣстныхъ управленій. Синодальные протоколы (Synodalverlass) сообщаются для свѣдѣнія всѣмъ общинамъ, и, предъ закрытіемъ засѣданій, синодъ производитъ всегда новый выборъ президента и членовъ центральной дирекціи.

Центральная дирекція заботится о поддержаніи взаимной связи и солидарности между всѣми общинами. Съ этой цѣлью она издаетъ еженедѣльный журналъ, ежемѣсячные отчеты — (Memorabilien) о положеніи дѣлъ всего братства, и годичныя росписанія (Losungen) текстовъ св. писанія для каждодневнаго въ теченіе года назиданія въ общинахъ. Эти назиданія совершаются вечеромъ, въ молитвенномъ домѣ и заключаются: въ объясненіи текстовъ св. писанія, въ чтеніи жизнеописанія знаменитыхъ въ области церкви дѣятелей, а равно миссіонерскихъ отчетовъ; въ молитвѣ и пѣніи псалмовъ и гимновъ. По воскреснымъ днямъ, сверхъ того, совершается литургія и произносится проповѣдь. Кромѣ общихъ назиданій и молебствій, совершаются иногда еще частныя молебствія по корпораціямъ. Общество празднуетъ память разныхъ историческихъ событій, какъ-то: день основанія старыхъ братскихъ обществъ (1-го марта); тотъ же день новаго братства (13-го августа), и день смерти Гусса (6-го іюля). Каждая корпорація имѣетъ свой корпоративный праздникъ. Ежемѣсячно совершается св. таинство причащенія, которому предшествуютъ, въ видѣ пріуготовленія, душеспасительныя бесѣды съ попечителями и такъ называемая исповѣдная рѣчь. За нѣсколько часовъ до причащенія св. таинъ, общество, по примѣру агаповъ [1]) древнеапостольской церкви, совершаетъ такъ называемую трапезу любви (Liebesmahl), причемъ съ молебствіемъ и пѣніемъ разносятъ чай и печеніе. Каждый, вновь наступающій годъ встрѣчается въ молитвенномъ домѣ полуночнымъ бдѣніемъ, молитвою и чтеніемъ отчетовъ центральной дирекціи. Смерть

---

[1]) «Агапы» называлась въ древнеапостольской церкви вечерняя трапеза христіанской общины по примѣру тайной вечери (I посл. къ Коринѳ. 11, 20 — 33). На эти трапезы болѣе состоятельные члены общины, движимые любовью къ ближнему (ἀγάπη) дѣлали приношенія въ пользу нуждавшихся христіанъ.

каждаго члена оповѣщается общинѣ съ колокольни трубачами, исполняющими гимнъ, напѣвъ котораго обусловленъ на этотъ случай каждой корпораціи особо. Траура не бываетъ. Подъ звуки трубъ, тѣло усопшаго, въ свѣтло-выкрашенномъ гробѣ, переносится на кладбище, т. е. въ садъ или паркъ, съ отлично содержимыми аллеями, клумбами цвѣтовъ и т. д. Утромъ, на зарѣ, въ день Свѣтлаго Воскресенья, все общество отправляется съ хоромъ музыки на кладбище и, выражая тамъ радость и вѣру свою въ воскресеніе Спасителя, молитъ о воспріятіи имъ въ лоно свое всѣхъ усопшихъ сочленовъ братства.

Вотъ краткій очеркъ того, что̀, въ главныхъ чертахъ, можно найти во всякой общинѣ евангелическаго братства, не исключая и Сарепты. Впрочемъ, въ частности нѣкоторыя общины имѣютъ свои, несущественныя впрочемъ, особенности, вызванныя мѣстными условіями. Поселенія братства раскинуты по всей сѣверной и средней Германіи, во многихъ столичныхъ и другихъ важнѣйшихъ городахъ континентальной Европы. По числу и торговопромышленной дѣятельности своей, особенно значительны колоніи братства въ Англіи (Фульнекъ, Ферфильдъ, Окброкъ и др.), въ Ирландіи (Грацечиль и др.), и въ сѣверной Америкѣ. Въ послѣдней колоніи братства отличаются наибольшимъ богатствомъ и развитіемъ (Виѳлеемъ, Назаретъ, Литицъ, Салемъ и многіе др.). Въ 1850 г., братство содержало 286 миссіонеровъ на 70 различныхъ пунктахъ земного шара: среди негровъ Западной Индіи, на островахъ св. Ѳомы, св. Креста, св. Іоанна, Ямайкѣ и многихъ другихъ; среди индѣйскихъ племенъ Канады, Георгіи, Гвіаны, Гренландіи и Лабрадора, среди кафровъ и готтентотовъ мыса Доброй Надежды и т. д. Миссіи братства отличаются отъ миссій другихъ исповѣданій главнѣйше въ томъ отношеніи, что они допускаютъ къ св. крещенію исключительно такихъ только новообращенныхъ, которые перемѣною образа жизни и примѣрнымъ поведеніемъ осязательно заявляютъ объ искреннемъ воспріятіи ученія Христа. Воспріявшихъ св. крещеніе язычниковъ при означенныхъ миссіяхъ считалось въ 1850 году болѣе 68,000 человѣкъ; само же братство имѣло въ своемъ составѣ до 11,000 человѣкъ въ Европѣ, и до 7,000 въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

Повсюду братья упрочили за собою славу мирныхъ и полезныхъ гражданъ; торгово-промышленныя фирмы братскихъ общинъ пользуются довѣріемъ и кредитомъ, такъ какъ всѣ эти поселенія и миссіонерства обезпечены взаимною по имуществу круговою порукою во всѣхъ условіяхъ ихъ существованія, не исклю-

чая и тѣхъ торгово-промышленныхъ дѣлъ, которыя ведутся на собственный счетъ общинныхъ экономій.

Вотъ — ассоціація, однимъ изъ членовъ которой состоитъ и наша Сарепта.

Еще въ царствованіе императрицы Елисаветы, графъ Иванъ Чернышевъ приглашалъ братьевъ, въ Гернгутѣ, устроить колонію въ подмосковномъ имѣніи его. Но предложеніе это, по особому синодальному рѣшенію, было отклонено на томъ основаніи, что—«не въ обычаѣ братьевъ водворяться на чужбинѣ безъ прямаго согласія, или, даже вопреки прямой воли законнаго правительства». По восшествіи на престолъ Екатерины II, графъ Чернышевъ возобновилъ свое приглашеніе. Но братство, руководясь во всѣхъ своихъ колонизаціонныхъ предпріятіяхъ преимущественно цѣлями миссіонерскими, и на этотъ разъ отклонило предложеніе графа, какъ несовмѣщавшее въ себѣ этого условія. Въ тоже время, дирекція братства обратила вниманіе на степи низоваго Поволжья. Тамъ, въ губерніяхъ Саратовской и Астраханской, кочевали въ то время, какъ частью и нынѣ, языческія орды киргизъ-кайсаковъ и калмыковъ. Зажечь среди этихъ племенъ свѣточъ христіанства, лучи котораго могли бы проникнуть постепенно на Кавказъ и въ среднюю Азію,—эта цѣль несравненно болѣе, или даже вполнѣ, совпадала съ видами братства, тѣмъ болѣе, что оно справедливо могло надѣяться принести тамъ и себѣ, и краю, существенную пользу, какъ представитель гражданственности и хозяйственно-промышленной дѣятельности.

Въ октябрѣ 1763 г., двое уполномоченныхъ отъ дирекціи, епископъ Лайрицъ и братъ Лорецъ, прибыли въ Петербургъ для предварительныхъ переговоровъ о колонизаціи. Они представили императрицѣ, на аудіенціи, подробный отчетъ о положеніи общества, его установленіяхъ и т. д. Особая коммиссія, состоявшая изъ графа Орлова и члена св. синода, новгородскаго митрополита Димитрія, разсмотрѣла этотъ отчетъ во всей подробности, и особенно уставъ братства въ догматическомъ отношеніи. На основаніи заключенія коммиссіи, вполнѣ благопріятнаго для братства, св. синодъ призналъ, что уставъ и церковное устройство евангелическаго общества, въ догматическомъ и дисциплинарномъ отношеніяхъ, примѣняются болѣе или менѣе къ порядкамъ первоначальныхъ христіанскихъ общинъ. Такимъ образомъ, устранилось главное препятствіе для переговоровъ, и успѣхъ ихъ казался несомнѣннымъ, тѣмъ болѣе, что правительство безъ затрудненія высказывало готовность даровать братству всевозможныя гарантіи политическія и гражданскія. Но уполномоченные, опираясь на § 6 п. 1-й всемилостивѣйшаго манифеста 1763 г.,

стали указывать на миссіонерскую дѣятельность среди калмыковъ, кавказскихъ горцевъ и среднеазіатскихъ народовъ, какъ на главнѣйшую колонизаціонную цѣль общества. Они выговаривали себѣ положительное право на такую дѣятельность со включеніемъ о томъ въ условія договора. Это требованіе возбудило новое затрудненіе: святѣйшій синодъ настаивалъ на томъ, чтобы братьямъ положительно была воспрещена всякая миссія, даже среди инородцевъ. Съ другой стороны, уполномоченные Лайрицъ и Лорецъ, руководствуясь своей инструкціею, заявили не менѣе рѣшительно, что безъ послѣдняго права они не могутъ принять и предложенныхъ имъ политическихъ и гражданскихъ льготъ и привилегій.

Это разногласіе едва не привело къ перерыву дальнѣйшихъ переговоровъ. Но получивъ словесное завѣреніе, «что братьямъ нечего опасаться препятствій къ обращенію язычниковъ, такъ какъ ея величеству весьма желательно просвѣтить ученіемъ Христовымъ всѣхъ языческихъ подданныхъ своихъ», уполномоченные убѣдились, что въ договорѣ съ обществомъ не будетъ включено ни дозволенія, ни прямого воспрещенія миссіонерской дѣятельности. Въ этомъ они увѣрились окончательно изъ именного указа, 11-го февраля 1764 г., въ которомъ сообщалось во всеобщее свѣдѣніе заключеніе св. синода о догматическомъ ученіи общества, и его уставахъ, и разрѣшалось братьямъ поселеніе во всей имперіи, съ правомъ свободно отправлять свою вѣру и принимать присягу по своимъ обычаямъ.

Однако, ни уполномоченные, ни сама дирекція общества не находили себя въ правѣ заключить окончательный съ правительствомъ договоръ, и потому предварительныя условія были предложены на разрѣшеніе состоявшагося въ томъ же 1764 г. синодальнаго собранія. Послѣднее, одобривъ мысль объ учрежденіи между Астраханью и Царицынымъ центральнаго для язычниковъ того края миссіонерскаго поста, назначило, для заключенія съ нашимъ правительствомъ окончательнаго договора, брата-магистра Петра Конрада Фриса, снабдивъ его инструкціею и полною довѣренностью, а гражданскимъ и духовнымъ старшиною новаго поселенія опредѣлило брата-пресвитера Даніэля Генриха Фика.

Переговоры агента Фриса чрезвычайно интересны какъ по сущности дѣла, такъ, въ особенности, и по дипломатической ловкости, съ которой они велись со стороны перваго. Исходною точкою переговоровъ служили: указъ 11 февраля 1764 г. и прошеніе Фриса, поданное на высочайшее имя. Во-первыхъ, агентъ ходатайствовалъ [1]), чтобы по землѣ, которая имѣла быть пожа-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. Т. XVII, 1765 г. № 12.411.

лована братскому обществу, оно пользовалось «всѣми правами, вольностями и преимуществами въ равномъ совершенствѣ, какъ пользуются своими землями другіе свободные владѣльцы имперіи», а именно, чтобы никто другой, кромѣ «братьевъ евангелическаго общества» владѣть его землею не могъ, само же общество было въ правѣ: а) дѣлить и дробить свою землю «по собственному его учрежденію», съ однимъ лишь обязательствомъ—платить казнѣ «поземельныя или поголовныя деньги»; б) строить на своей землѣ города, села и деревни, «какъ братья сами, для наилучшей для себя пользы, заблагоразсудятъ, а также церкви съ колокольнями и колоколами, публичныя училища», и «такіе домы, гдѣ по духовному ихъ обряду чинить имъ пристойныя распоряженія и содержать не только молодыхъ дѣтей, но и взрослыхъ мужескаго и женскаго пола мѣщанъ (Bürger—гражданинъ)—каждый полъ особо—въ общемъ домостроительствѣ, до времени вступленія ихъ въ бракъ»; в) пользоваться гражданскими правами, «безъ всякаго изъятія и съ полною свободою», а именно: производить «мѣщанскіе промыслы, торговлю, всякое ремесло и художество», заводить фабрики и мануфактуры; варить пиво и курить вино для своего употребленія; строить мельницы, пользоваться рыболовными водами и охотою на звѣрей и птицъ, рубить лѣсъ и т. д. За всѣ эти права агентъ, именемъ своего общества, обязывался «платить всѣ, по справедливости, налагаемыя подати, только бы оныя назначены были нынѣ, ибо ни на что неизвѣстное братья поступить не намѣрены». Всѣ изложенныя права правительство утвердило за братствомъ съ условіемъ, чтобы оно «ни малѣйшей части» данной ему земли, никому изъ постороннихъ, не принадлежащихъ къ обществу людей, не продавало и ни подъ какимъ видомъ не уступало, и чтобы братья платили подати, «изображенныя въ 12-мъ артикулѣ» [1]), употребляли хлѣбное вино «единственно въ

---

[1]) 12-й артикулъ: § 1) въ разсужденіе того, что братья евангелическаго общества намѣрены поселиться особыми мѣстечками, или колоніями, то, по силѣ публикованнаго о иностранныхъ манифеста 6 артикула 2 пункта, отъ всѣхъ податей, какъ поселянскихъ, такъ и мѣщанскихъ, увольняются 30 лѣтъ, считая отъ времени пріѣзда ихъ на мѣсто поселенія; а какъ люди сіи назначиваютъ только извѣстное количество земли для всѣхъ своихъ поселянъ вообще, не объявляя числа оныхъ, и просятъ притомъ, чтобъ все взыскиваемо было отъ начальниковъ колоніи, а не отъ каждаго порознь, то и слѣдуетъ счислять льготные годы отъ построенія перваго ихъ поселенія, а время сіе опредѣляется, по ихъ прошеніямъ, остатокъ нынѣ текущаго и весь будущій 1766 г., слѣдовательно льготные годы начнутся съ 1767 г. января съ 1 числа; подати же въ Россіи поселянскія общія съ гражданскими и гражданскія особливо суть слѣдующія: 1) Подушныхъ съ каждаго мужскаго пола человѣка въ годъ по 70 к.; 2) оброчныхъ по 1 р. 50 к. съ души, но отъ сей подати братья евангелическаго общества, яко

своихъ селеніяхъ, не вывозя ничего и ни подъ какимъ видомъ изъ-за границъ дачной земли своей, виноградныя же вина, вишневыя и прочіе сему подобные напитки, неналивные хлѣбнымъ

граждане, въ разсужденіе платимыхъ по купечеству и фабрикамъ пошлинъ и происходящей отъ того пользы увольняются; 3) за поставку рекрутъ деньгами, полагая поборъ сей какъ съ посредственнаго числа и времени со 120 душъ чрезъ пять лѣтъ, за каждаго рекрута 150 руб., за драгунскую лошадь 45 руб., а за подъемную 30 руб., да вмѣсто платья рекрутскаго, обуви, провіанта, фуража и соли, съ души по 20 к. въ годъ, а всего сихъ общихъ податей учинить съ каждой мужескаго пола души на годъ по 1 р. $27^1/_2$ к.; какъ высочайшимъ указомъ единожды уже повелѣно иностранцамъ удобной земли давать на каждую семью противъ однодворцевъ по 30 дес.; въ каждомъ же однодворческомъ дворѣ считается мужскаго пола 4 души, *слѣдовательно*, съ такого участка, т. е. съ каждыхъ 30 дес. земли, по прошествіи льготныхъ лѣтъ *должна будетъ колонія* братскаго евангелическаго общества *платить въ казну* по 5 р. 10 к. въ годъ, а со всей имъ въ дачу произведенной удобной земли, что по исчисленію причтется; 4) всѣ россійскіе купцы платятъ въ казну подушныхъ денегъ по 1 р. 20 к. съ души въ годъ, поселяне же только по 70 к.; слѣдовательно, излишнія 50 к. берутся съ нихъ за право гражданское; а какъ въ каждую фамилію, по посредственной пропорціи, для избѣжанія многихъ трудностей, 4 души нолагать опредѣлено, о чемъ и выше сказано, *то,* по содержанію извѣстнаго о иностранныхъ манифеста 8 артикула, *повинны будутъ братья* евангелическаго общества, по прошествіи льготныхъ лѣтъ, *платить въ казну*—съ каждыхъ 30 дес. по 2 р. въ годъ за право гражданское; но какъ агентъ Фрисъ, въ канцеляріи опекунства иностранныхъ, прося о убавкѣ сихъ податей, словесно въ резонъ представилъ, коимъ образомъ не малая часть жителей заводимаго селенія по главному ихъ намѣренію работать будутъ на фабрикахъ, не пользуясь въ самомъ дѣлѣ правомъ гражданскимъ, и что по сему обстоятельству оказана имъ будетъ справедливость, когда работники ихъ фабричные освобождены будутъ отъ податей за такое преимущество, коимъ они пользоваться не могутъ; *въ разсужденіе чего платить имъ за право гражданское съ каждаго участка* вмѣсто 2 р., *по 1 р. 40 к. въ годъ, да сверхъ того,* послѣ льготныхъ же лѣтъ, *платить они должны* по рублю съ каждыхъ 30 дес. *за увольненіе ихъ отъ всѣхъ* земскихъ службъ, постоевъ, дачи, вмѣсто ямскихъ, уѣздныхъ лошадей и всякихъ случайныхъ поставокъ и чрезвычайныхъ подмогъ; *и такъ обоего рода податей обязана* будетъ *колонія* братскаго евангелическаго общества *платить,* по прошествіи 30 льготныхъ лѣтъ, *ежегодно за каждыя 30 дес. удобной земли по 7 р. 50 к., а за одну десятину причтется 25 к.*; что же принадлежитъ до портовой и пограничной съ товаровъ пошлины, то оное оставляется на основаніи манифеста, ибо сіи доходы совсѣмъ другаго рода, нежели помянутыя подати.

§ 2. Прошлаго 1763 г. декабря 15 дня, именнымъ указомъ повелѣно: со всѣхъ вѣдомства мануфактуръ-коллегіи на фабрикахъ становъ съ каждаго брать по 1 р., а съ прочихъ фабрикъ, на которыхъ становъ нѣтъ, положить съ употребляемаго капитала по одному проценту; *вслѣдствіе сего обязана* и будущая *колонія* братскаго евангелическаго общества *платить въ казну*, по прошествіи льготныхъ лѣтъ, *съ каждаго стану по рублю въ годъ, а за такія фабрики, на которыхъ становъ нѣтъ, съ употребляемаго на оные капитала по одному проценту, а объявленіе о употребляемомъ капиталѣ оставляется на ихъ вѣру.*

§ 3. *Со всѣхъ мельницъ, кромѣ пильныхъ, которыя отъ всякихъ оброковъ освобождаются, платить въ казну*, по прошествіи льготныхъ лѣтъ, *точно такіе оброки, какіе берутся съ мельницъ прочихъ россійскихъ подданныхъ.*

виномъ, но перегонные въ клейменый кубъ, могутъ брать и съ собою въ дорогу, для собственнаго же своего только употребленія». Во-вторыхъ, Фрисъ просилъ присвоить каждому городу, селу и деревни братства право «учреждать внутреннюю свою полицію и правленіе по ихъ благоизобрѣтенію, съ тѣмъ, чтобы воинскимъ и гражданскимъ управленіямъ отнюдь не вступаться ни въ какія ихъ распоряженія, договоры, наслѣдства, завѣщанія, опекунскія и прочія, сему подобныя дѣла; но они сами имѣютъ избирать между собою такихъ людей, которымъ поручено будетъ учредить полицію, содержать добрый порядокъ и чинить судъ и расправу по гражданскимъ россійскаго государства узаконеніямъ, подъ единственнымъ надзираніемъ мѣстнаго губернатора». Это условіе было равнымъ образомъ узаконено, и постановлено, что выморочныя имѣнія умершихъ братьевъ «оставляются въ общую пользу всей колоніи», но съ тѣмъ, что начальникъ общества обязанъ уплатить изъ общественныхъ суммъ всѣ долги за умершаго. Въ третьихъ, наконецъ, правительство узаконило еще слѣдующія заявленія агента: а) на земляхъ братства никому изъ стороннихъ не возводить какихъ бы то ни было строеній, «не исключая ни харчевень, ни кабаковъ, ни соляныхъ анбаровъ, и ничего не заводить, ниже селиться тамо и жительствовать», и

---

* § 4. За рыбныя ловли въ такихъ водахъ, которыя отдаются на откупъ, или состоятъ на оброкахъ, напередъ ничего подлиннаго назначить не можно; но *братья евангелическаго общества,* какъ скоро поселятся въ Россіи, то, *яко вѣрноподданные Императорскаго Величества, получатъ и право пользоваться рыбными ловлями на такомъ же точно основаніи, какъ и прочіе вѣрноподданные, но безъ льготныхъ лѣтъ.*

§ 5. Извѣстно, что винная продажа составляетъ знатную часть государственныхъ доходовъ, то, кажется, справедливо, чтобъ и отъ выѣзжающихъ въ Россію на поселеніе иностранцевъ, чрезъ употребленіе ими вина, приносима была также казнѣ прибыль, какъ и отъ прочихъ россійскихъ подданныхъ; а хотя селеніямъ евангелическаго общества, *въ разсужденіе чаямой отъ нихъ особливой пользы въ приращеніи мануфактуръ, фабрикъ и коммерціи,* и дается дозволеніе курить вино для собственнаго своего употребленія, однакожъ не вовсе исключительно отъ умноженія сихъ государственныхъ доходовъ, но съ посредственною между дворянствомъ и прочими нижняго состоянія людьми льготою, а именно: *кубовъ имѣть имъ можно сколько похотятъ, но дѣлать ихъ одинакою мѣрою въ 6 ведеръ, а казаны въ 12 ведеръ,* которые ежегодно, или конечно чрезъ 2 года, клеймить въ Астраханской губернской канцеляріи, *а въ казну платить за сію привиллегію съ того времени, какъ заклеймены будутъ кубы и казаны, каждый годъ за кубъ по 75, а за казаны по 175 р.*

§ 6. По указу Императорскаго Величества 1763 г., должны всѣ, живущіе въ городахъ, отъ мала до велика платить въ казну за вареніе пива съ каждой четверти хлѣба по 20 к.; *слѣдовательно, и братья евангелическаго общества обязаны платить по стольку же, объявляя о числѣ употребленнаго на вареніе пива и полпива хлѣба,* по прошествіи каждаго года, въ Астраханской губернской канцеляріи, *что также оставляется на ихъ совѣсть.*

только общество имѣетъ право: россійскихъ подданныхъ допускать для работъ въ колоніи по паспортамъ, а изъ «такихъ вольныхъ людей, кои какъ по рожденію своему, такъ и отъ всякихъ обязательствъ свободны, принимать къ себѣ кого похотятъ и отпускать отъ себя—кого заблагоразсудятъ, не давая въ томъ отчета никому; всѣмъ же поселянамъ-наслѣдникамъ и дальнему потомству ихъ имѣть всегда свободу и власть имѣніе свое употреблять по своей волѣ и выѣзжать изъ областей россійскихъ, когда пожелаютъ, и брать съ собою, куда бы они ни поѣхали, все свое имѣніе, отдавая въ казну изъ нажитаго въ Россіи: кто жилъ отъ 1 до 5 лѣтъ—пятую, отъ 5 до 10 и далѣе лѣтъ—десятую часть»; б) братьямъ всегда, когда ни пожелаютъ, выдавать паспорты какъ для проѣздовъ внутри имперіи, такъ и для выѣзда за границу; в) «никого изъ братьевъ, кои поселятся нынѣ и впредь въ областяхъ россійскихъ, ниже дѣтей ихъ и потомковъ не брать никогда противъ воли ихъ ни въ военную, ни въ гражданскую службу; также отъ городовъ ихъ, отъ селъ и отъ деревень и всякаго ихъ жительства не требовать никогда ни квартиръ для солдатъ, ни рекрутъ, ни подводъ, ниже иной какой поставки»; при чемъ Фрисъ пояснялъ, что уставъ общества ни подъ какимъ видомъ не дозволяетъ братьямъ содержать какіе либо постои, «отъ чего они отъ всѣхъ державъ, подъ защищеніемъ которыхъ находятся, освобождены и въ прошлую тяжкую войну отъ воюющихъ государей отъ того уволены были, содержаніе же ямовъ вовсе на себя принять не намѣрены;» г) всѣмъ поселяющимся въ Россіи братьямъ даровать 30-ти-лѣтнюю льготу отъ податей, вообще же «не требовать ничего и ни отъ кого изъ братьевъ ихъ общества особо, а единственно отъ всегдашнихъ начальниковъ ихъ, а они уже будутъ всѣ подати платить въ свое время и гдѣ надлежитъ»; д) на первоначальное устройство и обзаведеніе колоніи отпустить потребные матеріалы, мастеровыхъ людей для постройки домовъ и денежную безпроцентную ссуду, съ обязательствомъ уплаты этой ссуды, по прошествіи со дня полученія ея 10-ти лѣтъ, въ три года по равнымъ частямъ; и е) содержать въ С.-Петербургѣ одного изъ братьевъ «въ чинѣ агента», который имѣлъ бы попеченіе обо всемъ, касающемся пользъ колоніи, и право представительства общества какъ предъ канцеляріею опекунства иностранныхъ, такъ и «персонально», предъ императорскимъ величествомъ; дому же, въ которомъ будетъ жить агентъ, предоставить всѣ преимущества, присвоенныя церковнымъ домамъ протестантскаго исповѣданія.

Всѣ изложенныя условія вошли въ выданную обществу 27-го

марта 1767 г. [1]) особую всемилостивѣйшую грамату. Но законъ этотъ сохранялъ полную силу только въ теченіе 30-ти льготныхъ лѣтъ, т. е. за то только время, когда статьи его, касавшіяся фискальныхъ обязательствъ поселенцевъ, были парализованы льготою и не могли имѣть практическаго значенія. Данная, въ 1797 г., колоніи Сарептѣ новая грамата, дѣйствующая по настоящее время, измѣнила весьма существенно вышеприведенный договоръ 1765 г. Поэтому, отлагая до времени ближайшее сопоставленіе этихъ двухъ актовъ, ознакомимся предварительно съ ходомъ колонизаціоннаго дѣла, предпринятаго евангелическимъ братствомъ при такихъ благопріятныхъ для него условіяхъ.

Еще въ томъ же іюнѣ 1765 г., прибылъ въ С.-Петербургъ, а за тѣмъ, въ августѣ, и въ Саратовскую губернію, первый транспортъ братьевъ, подъ руководствомъ брата Вестмана. Ему дано было порученіе окончательно избрать мѣсто для поселенія и исполнить первоначальныя работы по учрежденію новой колоніи. Ни женщинъ, ни дѣтей въ составѣ этого транспорта не имѣлось. Изъ Саратова мѣстный воевода откомандировалъ съ братьями землемѣровъ и казачій конвой, и въ такомъ сообществѣ они прибыли въ Царицынъ. На югъ отъ этого города надлежало, по указаніямъ дирекціи, избрать пожалованную обществу землю.

Осматривая край, братья пришли-было въ уныніе. Особенно смутило ихъ безлѣсіе и маловодность мѣстности. Они ожидали встрѣтить, какъ въ Америкѣ, дѣвственные лѣса, вырубка которыхъ доставляла бы строительный матеріалъ и топливо, рѣку и проточныя воды, способныя для ирригаціи и другихъ хозяйственныхъ цѣлей. Наконецъ, послѣ нѣкотораго колебанія, мѣсто поселенія было избрано въ 30-ти верстахъ ниже гор. Царицына, при впаденіи въ Волгу р. Сарпы или Сарефы, по обѣ стороны которой и побережью р. Волги нарѣзана земельная дача колоніи Сарепты, въ количествѣ 4,443 удобныхъ и 11,377 неудобн. десят. Въ отводъ этотъ вошелъ островъ при устьѣ Сарпы, пространствомъ въ 1,000 дес. съ сѣнными покосами и лѣсомъ. Въ исходѣ августа, прибылъ по Волгѣ плотъ казеннаго лѣса, отпущенный на первоначальное устройство колоніи, и, не теряя времени, братья приступили къ постройкѣ временныхъ жилыхъ и хозяйственныхъ помѣщеній, распланировали усадьбу колоніи, устроили запруду на Сарпѣ, огородъ и въѣздъ съ Волги, сдѣлали засѣвъ озимой ржи, и подняли часть степи для яровыхъ

[1]) Пол. Собр. Зак. 1767 г. № 12,852.

посѣвовъ. Дальнѣйшія работы пріостановила зима, которую провели на мѣстѣ только 6 братьевъ, подъ охраною 6 солдатъ и 2 казаковъ.

Тѣмъ временемъ, центральная дирекція, устроивъ оффиціальное агентство въ Петербургѣ, пріобрѣла и въ Москвѣ домъ для подобной же, но частной агентуры братства. Въ Сарепту былъ отправленъ новый транспортъ братьевъ и сестеръ, который, въ числѣ 51 человѣка, прибылъ туда въ сентябрѣ 1766 г.

Всѣ члены поселенія, считаясь какъ-бы въ услуженіи братства, получали за свои работы опредѣленную плату, и за плату же, по таксѣ, пользовались всѣми жизненными потребностями изъ общинныхъ заготовленій. Въ 1768 г., когда возведены были необходимые общежительные и частные дома, все населеніе размѣстилось въ нихъ корпоративно, и, по правиламъ общества, каждая корпорація получила свое особое хозяйство и опредѣленныя занятія. Такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ устроились въ корпораціахъ мастерства портняжное, сапожное, башмачное, столярное, плотничное, кузнечное, горшечное и пекарное. За счетъ общинной экономіи былъ открытъ магазинъ, и, въ связи съ нимъ, состояли зачатки табачной фабрики, гостинницы съ постоялымъ дворомъ и кандитерской съ пряничнымъ печеньемъ. Осенью того же 1768, въ январѣ и ноябрѣ 1769 г., прибыли еще три транспорта, въ числѣ до 160 братьевъ и сестеръ, такъ что все населеніе колоніи образовало уже болѣе 200 обоего пола душъ.

Съ этого времени, община начала видимо упрочивать и улучшать свой матеріальный бытъ. Къ упомянутымъ мастерствамъ и промысламъ присоединились заводы свѣчной и кожевенный, красильня и бойня. Табачная фабрика устроилась вполнѣ, и всѣ издѣлія и производства Сарепты находили удобный сбытъ, возраставшій изъ года въ годъ, въ особенности на мѣстѣ, среди калмыцкихъ ордъ. Далѣе, подъ фирмою и за счетъ общинной экономіи, были учреждены постепенно торговые склады и магазины въ главныхъ городахъ и мѣстечкахъ низоваго Поволжья, а также въ Москвѣ и Петербургѣ. Напротивъ того, хлѣбопашественное хозяйство, какъ равно скотоводство въ большихъ размѣрахъ, оказались убыточными: — первое, по случаю частыхъ засухъ и слабосилія почвы, а второе—по невозможности выдержать конкурренцію съ калмыками. Поэтому, обѣ эти отрасли были ограничены въ размѣрахъ одного фольварочнаго хозяйства. Болѣе успѣшными оказались табаководство и садоводство—плодовое и виноградное, которыми братья и занялись усердно.

По мѣрѣ улучшенія общиннаго хозяйства, прежнія деревян-

ныя строенія замѣнялись каменными изъ жженаго кирпича. Первыми такими зданіями были корпуса, возведенные въ 1769 г. для гостинницы съ номерами (чрезъ Сарепту пролегаетъ почтовый трактъ въ Астрахань), и въ 1771, женскіе корпораціонные корпуса и зданія винокуреннаго завода, съ конюшнями для откармливанія скота. Кромѣ того, общество выстроило деревянный молитвенный домъ, и изъ-за нѣсколькихъ верстъ провело въ колонію родниковую воду, съ устройствомъ на церковной площади фонтана. Вездѣ, около домовъ, на площади и особенно на кладбищѣ разводились во множествѣ всякихъ породъ деревья, кустарники и цвѣтники.

Но не безъ тревогъ и серьозныхъ опасностей упрочивалась и развивалась Сарепта. Правда, сношенія ея съ калмыками были самыя оживленныя; послѣднихъ можно было встрѣтить здѣсь повседневно, особенно въ лѣтніе мѣсяцы, когда орды прикочевывали и становились въ сосѣднихъ степяхъ. Въ самой колоніи, или же въ собственныхъ становищахъ, дикари эти вели себя дружески, надоѣдая только выпрашиваніемъ разныхъ подарковъ. Но другое дѣло — въ степи; тамъ нельзя было встрѣтиться съ ними безнаказанно. Равнымъ образомъ не признавали калмыки границъ владѣнія, и, нисколько не стѣсняясь, травили сарептскія хлѣбныя поля и сѣнные покосы, истребляли лѣсъ и т. п. Вслѣдствіе жалобъ общества и по настояніямъ правительства, Сарепта получила отъ хана особую охранительную грамату. Но мало помогла эта грамата. Только благодаря благосклонности одного изъ калмыцкихъ зайсанговъ, Сарепта достигла болѣе дѣйствительной защиты отъ вторженій въ ея владѣнія. Тохмутъ— такъ именовался этотъ зайсангъ—принадлежалъ къ Дербетской или Малой Ордѣ, которая кочевала въ то время по правому берегу Волги, тогда какъ Ханская, или Большая Орда пребывала на той сторонѣ рѣки и переходила ее только изрѣдка. Тохмутъ полюбилъ Сарепту со времени излеченія его тамъ однимъ изъ братьевъ, отъ тяжкой болѣзни; онъ постоянно ограждалъ колонію отъ разныхъ злоумышленій своихъ одноплеменниковъ, дѣлавшихъ хищническіе набѣги даже на лежащія далеко къ сѣверу нѣмецкія колоніи. Отсюда калмыки угоняли скотъ, а въ 1768 г. похитили даже нѣсколько человѣкъ колонистскихъ дѣтей. Въ слѣдующемъ году, послѣ возвращенія ордынцевъ съ войны противъ кубанскихъ татаръ, между ними обнаружилось сильное броженіе, особенно среди главнѣйшаго потребителя сарептскихъ произведеній — Большой Орды, проходившей, въ теченіи безъ малаго цѣлой недѣли, чрезъ Сарепту, и переправлявшейся обратно за Волгу. Въ январѣ 1771 г., Тохмутъ прискакалъ пре-

дупредить братьевъ, что Большая Орда рѣшилась бѣжать изъ Россіи въ Азію, приглашала съ собою и Дербетскую и ждетъ только замерзанія Волги, чтобы предъ уходомъ своимъ разорить и разграбить города и селенія по обѣ стороны рѣки. Братство тотчасъ донесло объ этомъ, по эстафетѣ, въ Царицынъ и Астрахань, но едва ли бы правое побережье, и въ томъ числѣ Сарепта, избѣгли грозившей опасности, еслибъ, къ счастію, Волга не оставалась въ тотъ годъ вскрытою долѣе обыкновеннаго, а орда, провѣдавъ о распоряженіяхъ къ пріостановленію ея, не поднялась ранѣе, нежели предполагала. Разоривъ одинъ лѣвый берегъ, орда еще въ томъ же январѣ поспѣшила удалиться за Яикъ.

Такимъ образомъ, прежняя жизнь низоваго Поволжья неожиданно и сразу пришла въ параличное состояніе. Обстоятельство это отразилось, конечно, и на процвѣтаніи Сарепты, торговля которой только съ трудомъ могла оправиться отъ этого удара. Оставалась одна Дербетская орда; но она была малочисленна и бѣдна. Ко всему этому *присоединились набѣги кавказскихъ племенъ, которыя*, особенно во время нашихъ войнъ съ Турціею, большими отрядами *доходили не одинъ разъ* (въ 1769 и 1771 годахъ) даже до окрестностей Сарепты. Въ тоже время образовывались по Волгѣ вооруженныя шайки рѣчныхъ разбойниковъ въ 100 и болѣе человѣкъ [1], а по лѣвому берегу Волги стали набѣгать киргизъ-кайсацкіе барантовщики.

При такихъ условіяхъ, общество, еще съ осени 1768, приступило на свой счетъ къ укрѣпленію мѣстечка, и подъ руководствомъ даннаго отъ правительства инженера, окопалось съ трехъ открытыхъ сторонъ глубокими рвами и обнеслось валомъ съ палисадами и 6-ю батареями. Изъ Царицына, подъ начальство мѣстнаго старшины, прибыли *12 орудій* съ прислугою, и прежній гарнизонъ былъ усиленъ еще 20-ю строевыми нижними чинами.

Такимъ образомъ, Сарепта обратилась въ маленькую крѣпость, что легло, однако, не малымъ бременемъ на общинную экономію. Среди такихъ тревожныхъ внѣшнихъ условій, внутренняя организація Сарептскаго общества не могла, конечно, установиться безусловно по образцу заграничныхъ общинъ братства. Необходимость отступленій должна была отразиться прежде всего на общинной экономіи. Одна изъ важнѣйшихъ за-

[1]) Въ 1773 г. была взята около Царицына шайка въ 60 человѣкъ; но еще въ томъ же году образовалась новая, болѣе 100 человѣкъ, имѣвшая свой станъ въ 10 верстахъ ниже Сарепты на одномъ изъ волжскихъ острововъ; она владѣла между прочимъ шлюпками съ пушками и т. д.

ботъ общиннаго начальства состояла, между прочимъ, въ томъ, чтобы обезпечить казнѣ возвратъ въ свое время ссуднаго, по водворенію, долга. Еще до наступленія времени срочныхъ платежей было постановлено образовать особый фондъ, съ тѣмъ, чтобы можно было погасить этотъ долгъ, по желанію правительства, либо сразу внесеніемъ капитальной суммы долга, либо процентами съ фонда, въ видѣ установленныхъ срочныхъ уплатъ. Въ этихъ видахъ, часть ремесленныхъ производствъ, производившихся до того времени въ счетъ общинной экономіи, была передана въ собственность отдѣльныхъ личностей изъ числа «приватныхъ», съ отчисленіемъ на нихъ, соотвѣтственно оцѣночной стоимости каждаго промысла или ремесла, части казеннаго долга и съ обязательствомъ вносить въ общинную кассу по 6% съ этой суммы на составленіе фонда погашенія. Корпораціи братьевъ и сестеръ, по ихъ производствамъ, были поставлены въ такія же отношенія къ общинной экономіи. Такимъ образомъ, къ 1769 г. оставались собственностью общины: фольварочное хозяйство, торговый магазинъ, табачная фабрика, свѣчной и кирпичный заводы, лѣсопильная и мукомольная мельницы на Сарпѣ. Сюда же, какъ увидимъ ниже, присоединились впослѣдствіи еще нѣкоторые другіе промыслы. Во главѣ каждаго общиннаго производства стояли мастера изъ братьевъ на жалованьи, доходы же обращались, съ одной стороны, на образованіе вышеупомянутаго фонда погашенія по извѣстному уже разсчету, а съ другой, на покрытіе общиннаго бюджета, въ пользу котораго поступала еще личная со всѣхъ взрослыхъ работниковъ подать, *соразмѣрявшаяся съ потребностями* общины, т. е. съ балансомъ приходо-расходной общинной смѣты.

Во главѣ общиннаго управленія стояли: епископъ Ничманъ, который съ 1766 г. соединялъ въ своемъ лицѣ высшую власть по всѣмъ дѣламъ внутреннимъ и внѣшнимъ, а также духовное попечительство о корпораціи «приватныхъ», т. е. семейныхъ членовъ. Братъ Даніилъ Фикъ, въ качествѣ «форштегера» или старшины, являлся представителемъ общины собственно во внѣшнихъ дѣлахъ, въ сношеніяхъ съ властями и правительствомъ; онъ же завѣдывалъ внутреннею юрисдикціею и полиціею, а братья Гассе и Вестманъ, въ качествѣ его помощниковъ, общинною экономіею — каждый отдѣльною частію. Въ томъ же родѣ были организованы управленія корпоративныя, и общее засѣданіе этихъ должностныхъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ епископа, составляло совѣтъ старшинъ (Aeltestenconferenz). Въ болѣе важныхъ случаяхъ приглашались въ совѣтъ, по экономическимъ вопросамъ, до 25 выборныхъ отъ общины, а по вопро-

самъ церковнаго и нравственнаго благочинія — корпораціонные духовные попечители. Для ближайшаго завѣдыванія дѣлами по надзору за частною жизнію братьевъ и по контролю корпоративныхъ экономій, состояла особая коллегія надзирателей, приговоры которой приводились въ исполненіе неиначе, какъ съ разрѣшенія общиннаго совѣта. Она же объявляла новые законы, указы и предписанія правительства. По званію члена коллегіи, никакого вознагражденія или жалованья непроизводилось.

Юрисдикціею въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, особенно по спорамъ и искамъ между братьями и лицами сторонними, вѣдало и вѣдаетъ до настоящаго времени правленіе общества, состоящее изъ форштегера или старшины, юстиціаріуса и двухъ (впослѣдствіи трехъ) засѣдателей.

Всѣ эти должности и управленія снабжались спеціальными инструкціями, утвержденными всей общиною и центральною дирекціею, а копіи съ нихъ были сообщаемы для свѣдѣнія правительству.

Въ 1772 и 1773 гг., для народившагося уже въ Россіи поколѣнія, были открыты первыя два училища — одно для мальчиковъ, другое для дѣвочекъ. Въ 1774 году, состоялась первая формальная визитація или ревизія общины со стороны Гернгута. Послѣдній вообще поддерживалъ самую оживленную связь съ Сарептою при посредствѣ столичныхъ агентовъ, визитацій со стороны центральной дирекціи, постоянныхъ пріѣздовъ въ Россію новыхъ братьевъ и возвращенія другихъ обратно за границу.

Существованіе общества могло считаться вполнѣ обезпеченнымъ; оставалось только ожидать внѣшней безопасности и спокойствія. Къ несчастію, именно ихъ недоставало. Противъ хищническихъ попытокъ со стороны калмыковъ и набѣговъ кавказцевъ колонія была, правда, защищена своими укрѣпленіями и гарнизономъ. Но съ 1771 г. начались бунты среди яицкихъ казаковъ, и вскорѣ разразилась во всей силѣ пугачевщина, наполнившая, какъ извѣстно, убійствами, грабежами и пожарами весь Заволжскій край, а затѣмъ, и все правое побережье Волги. 17 августа 1773 г., прибыли въ Сарепту первые бѣглецы изъ Царицына, а съ ними и наказъ царицынскаго коменданта, чтобы братство озаботилось укрыться заблаговременно отъ приближавшихся шаекъ Пугачева. Оставался одинъ исходъ — бѣжать въ Астрахань. 110 женщинъ и дѣтей, подъ защитою нѣкотораго числа братьевъ и епископа, были посажены на дощаники и поплыли по Волгѣ. Болѣе никакихъ судовъ не было, и негдѣ было набрать. Другой транспортъ братьевъ, вооружившись и собравъ болѣе цѣнную движимость, отправился по тому же направленію,

сухимъ путемъ. Въ самой Сарептѣ оставались старшина Фикъ и остальные братья, съ цѣлью скрыть въ землѣ и подвалахъ имущества и оградить колонію до послѣдней возможности отъ грабежа и разоренія. Гарнизонные солдаты и русскіе работники, равнымъ образомъ остававшіеся на мѣстѣ, вскорѣ отказали старшинѣ въ дальнѣйшемъ повиновеніи. Сосѣдніе калмыки захватили-было весь общественный скотъ, и только часть его удалось отбить у нихъ силою. 19-го августа, гарнизонъ, по требованію коменданта, ушелъ въ Царицынъ, зарывъ предварительно 12-ть казенныхъ крѣпостныхъ орудій въ землѣ. Мѣсто гарнизона заняли сами братья съ 9-ю общинными орудіями малаго калибра. Фольваркъ и его имущество охраняли работники изъ колонистовъ сѣверо-приволжскихъ колоній, которые, при помощи крѣпостныхъ орудій, отбили 20-го августа нападеніе калмыцкой шайки, около 100 всадниковъ. На другой день шайка эта снова возвратилась, но, къ счастію для Сарепты, она наткнулась на казачій патруль, съ которымъ и перестрѣливалась до поздней ночи. Вечеромъ того же дня одинъ изъ братьевъ, ѣздившій для развѣдокъ къ Царицыну, доставилъ извѣстіе, что Пугачевъ обстрѣливалъ этотъ городъ, но, неуспѣвъ взять его, подвигается къ Сарептѣ. Пришло время окончательно бросить колонію, и 65 братьевъ, съ работниками и уцѣлѣвшимъ скотомъ, отправились наудачу въ степь. Въ мѣстечкѣ оставались старшина Фикъ и двое братьевъ. Но и они, увидавъ бивачные огни пугачевскихъ шаекъ въ 4-хъ верстахъ отъ колоніи, въ туже ночь послѣдовали за остальными братьями. Впрочемъ, здѣсь уже судьба настигала Пугачева, и въ 40 верстахъ ниже Сарепты шайки его были окончательно разбиты нашими войсками. Уже къ 14 сентября все сарептское общество собралось обратно въ колонію, которая, къ счастію, не была подожжена. Повсюду виднѣлись однако слѣды грабежа и насилія: всѣ двери, мебель, печи, полы и окна въ домахъ были разрушены и разломаны; подполья разрыты и комнаты наполнены кучами обломковъ и земли. Вся посуда и съѣстные припасы исчезли, фабричныя и заводскія машины, а также промысловые и ремесленные инструменты были частью разломаны, частью разбросаны въ кучахъ разнаго хлама; погреба взломаны, а склады торговаго магазина, запасы гостинницы и свѣчного завода — расхищены и перепорчены. Отъ аптеки оставались одни черепки разбитыхъ стклянокъ; хлѣбъ въ зернѣ, мука и пухъ изъ перинъ и подушекъ покрывали землю по всей колоніи. Въ церкви оказались сорванными канделябры и драпировки; органъ и фортепьяно были разбиты въ дребезги, а цер-

ковная утварь и другія принадлежности похищены; довольно значительная библіотека раскидана и т. д.

Изъ Царицына были присланы двое офицеровъ для освидѣтельствованія состоянія колоніи. Но, еще до ихъ прибытія, братья принялись за возстановленіе порядка, и тѣмъ съ большимъ усердіемъ, что осень была на дворѣ. Задача предстояла не легкая. Убытокъ общества былъ оцѣненъ при освидѣтельствованіи въ 70,000 руб., въ томъ числѣ приходилось на долю «приватныхъ» 32,500 руб., и они оказались наиболѣе въ затруднительномъ положеніи. Что̀ же касается до общинной экономіи, то ее озабочивало только приближеніе срока уплаты казеннаго долга, а въ этихъ обстоятельствахъ община была лишена всякой возможности къ тому. Впрочемъ, это затрудненіе устранило вскорѣ само правительство, отсрочивъ уплату долга на 10 лѣтъ, съ обязательствомъ вносить до того времени одни проценты на капитальную сумму, по 6 на сто, а затѣмъ проценты и части капитала, всего по 3,000 руб. въ годъ. На этомъ основаніи, весь долгъ имѣлъ быть погашенъ въ 17 лѣтъ. Но правительство не ограничилось этимъ. Оно даровало Сарептѣ продолженіе льготы, сверхъ 30-ти, еще на 9 лѣтъ, т. е. по 1806 г. Около 12,000 руб. добровольныхъ пожертвованій поступили изъ заграничныхъ братскихъ общинъ; эти деньги были розданы «приватнымъ» безвозвратно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, общинная экономія возвратила приватнымъ всѣ взносы ихъ на погашеніе казеннаго долга, оставивъ весь этотъ долгъ на своей отвѣтственности; за право же пользованія для жительства общинно-семейными дворами была установлена особая подать или оброкъ.

Въ 1776 году, вслѣдствіе синодальнаго постановленія, происходила новая визитація Сарепты со стороны центральной дирекціи. Результатомъ ея были важныя перемѣны въ порядкѣ внутренняго управленія. Высшая гражданская власть, принадлежавшая до того времени епископу, была ввѣрена правленію и старшинѣ, какъ его предсѣдателю и главному представителю общества. Личный составъ правленія былъ увеличенъ еще однимъ засѣдателемъ, и въ кассу его стали поступать всѣ казенныя подати, оброкъ съ усадебъ, судебныя пошлины и взносы на уплату казеннаго долга. Къ вѣдомству правленія отошли: выдача паспортовъ, дѣла опекунскія и наслѣдственныя; разбирательство споровъ и исковъ между братьями, если дѣло не получало окончанія въ коллегіи надзирателей, какъ первой инстанціи, и всѣ дѣла со сторонними лицами. Общинная экономія получила самостоятельнаго старшину, въ вѣдѣніе котораго поступили: табачная фабрика, гостинница съ постоялымъ дворомъ, винокуренный

и пивоваренный заводы, а также заводы свѣчной и мыловаренный; 3 водяныя и 1 вѣтряная мельницы, рыболовныя воды по Волгѣ и Сарпѣ, мучной складъ, фольваркъ, плантаціи виноградная и фруктовая, лѣсное хозяйство и аптека. Всѣ ремесла и остальныя производства оставались въ вѣдѣніи корпорацій и «приватныхъ». Однако указанные правленію рессурсы оказались недостаточными, особенно для содержанія гарнизона [1]), возвратившагося въ Сарепту и остававшагося здѣсь до 1799 г. Для покрытія дефицита, въ 1785 г. перешли еще въ вѣдѣніе правленія: винокуренный и пивоваренный заводы, мельницы и фольварочное хозяйство.

Въ средѣ приватныхъ, къ прежнимъ ремесламъ и промысламъ, постоянно распространявшимъ свою дѣятельность, присоединялись новые. Такъ, стало производиться тканье сарпинки [2]), чулковъ и колпаковъ, достигшее вскорѣ весьма значительныхъ размѣровъ; явились: золотыхъ дѣлъ мастерство, красильное заведеніе, суконное производство и выдѣлка горчицы и горчичнаго масла. Въ отношеніи послѣдняго производства, Сарепта и до сего времени удерживаетъ за собою первенство, или, нѣкоторымъ образомъ, даже монополію. Соотвѣтственно развитію частной и общинной дѣятельности, воздвигались постоянно новыя каменныя зданія, въ томъ числѣ не мало двухъ-этажныхъ. Самое видное мѣсто занимали, конечно, корпуса корпораціонные и вообще общинныя постройки. Но къ 1800 г. прибавились и 21 домъ для жительства семейныхъ братьевъ или приватныхъ.

Изъ этого видно, что если уходъ въ Среднюю Азію большой калмыцкой орды и погромъ пугачевскій ставили Сарепту въ затрудненія, то эти затрудненія были только временныя, и сами по себѣ не могли воспрепятствовать постепенному развитію и успѣхамъ колоніи. Особенно съ 1788 г. всѣ отрасли торгово-промышленной и ремесленной дѣятельности братства достигли полнаго развитія. Издѣлія колоніи находили, по прежнему, безостановочный сбытъ на мѣстѣ и при посредствѣ внѣшнихъ коммиссіонерствъ. Къ тому же времени степи стали болѣе и болѣе населяться осѣдло; спокойствіе въ краѣ и безопасность путей сообщенія упрочивались. Въ самой колоніи, въ садахъ, на кладбищѣ и плантаціяхъ всѣ лѣсныя насажденія развились самымъ роскошнымъ образомъ. Около 1800 г., Сарепта, залитая зеленью и цвѣтами, представляла своего рода оазисъ среди пустыни, приводившій въ не-

---

[1]) 16 чел. пѣхоты, 6 артиллеристовъ и 6 казаковъ.

[2]) Бумажная матерія, получившая свое наименованіе отъ Сарепты, какъ мѣста перваго ея производства въ Россіи.

вольный восторгъ всякаго проѣзжаго. Контрастъ чистенькой, уютной, свѣжей Сарепты съ безотрадными, до тла выжженными въ лѣтнее время, степями между Царицынымъ и Астраханью слишкомъ разителенъ, чтобы не оставить по себѣ самое отрадное впечатлѣніе. Обстоятельство это, уже само по себѣ, пріобрѣтало Сарептѣ всегда особенное расположеніе со стороны навѣщавшихъ край правительственныхъ лицъ и путешественниковъ. Слава колоніи росла и многимъ случалось дѣлать кругъ въ нѣсколько сотъ верстъ, только затѣмъ, чтобы имѣть возможность утвердительно отвѣтить на вопросъ: «А были вы въ Сарептѣ?»

Училищное дѣло постоянно обращало на себя вниманіе общества, какъ въ учебномъ, такъ особенно и въ воспитательномъ отношеніи. Въ 1780 г., школа для мальчиковъ была раздѣлена на два класса. Въ высшемъ классѣ преподавались, между прочимъ, языки латинскій и русскій, исторія и географія. Съ 1793 г. открытъ и третій классъ, со введеніемъ въ программу преподаванія математическихъ и естественныхъ наукъ, какъ-то: физики, механики, химіи, ботаники и т. д. Учебными пособіями служили: лабораторія аптечная, библіотека, гербарій, а также мѣстные заводы и промышленныя производства.

Около того же времени были учреждены еще двѣ элементарныя школы—одна для взрослыхъ работниковъ изъ приволжскихъ колоній; другая — для дѣтей тѣхъ изъ нихъ, которые проживали въ Сарептѣ съ семействами. Число этихъ работниковъ доходило около этого времени постоянно до 300 — 400 человѣкъ. Многіе изъ нихъ проживали тамъ десятками лѣтъ, находя хорошій заработокъ и обучаясь ремесламъ и промысловымъ производствамъ. Отсюда только приволжское колонистское водвореніе снабжалось долгое время учителями и заимствовалось ремесленно-промысловыми знаніями; только здѣсь и изъ иногородныхъ сарептскихъ магазиновъ огромный край снабжался безъ обмана, «prix fixe», солидными товарами, предметами домашняго обихода и прихоти. Особеннымъ довѣріемъ и извѣстностью пользовались врачи и аптека въ Сарептѣ. Ко всему этому присоединился родникъ минеральныхъ водъ, открытый въ 1775 г. въ 8 верстахъ отъ Сарепты, внѣ земельнаго владѣнія ея. Главныя составныя части этой воды составляютъ соли: глауберовая, горькая и поваренная. Отсюда Сарепта добывала глауберовую соль и магнезію, которыя, долгое время, составляли одинъ изъ предметовъ ея торговли. Независимо отъ того, водами родника стали пользоваться отъ разныхъ болѣзней.

Въ 1776 году, бывшій оренбургскій генералъ-губернаторъ Якоби съ женою пользовался здѣсь курсомъ водолеченія, и хро-

ника Сарепты увѣряетъ, что они получили облегченіе — одинъ отъ 5-тилѣтней лихорадки, а другая — отъ хроническаго разслабленія. Съ этого времени число больныхъ, или посѣтителей на лѣтній водный сезонъ, стало быстро возрастать. Въ 1796 г., оно доходило даже до 300 человѣкъ, такъ что въ самой Сарептѣ не было достаточныхъ для гостей квартиръ, и многіе изъ нихъ, по необходимости, размѣщались въ сосѣднемъ русскомъ селѣ. Въ числѣ гостей своихъ за это время Сарепта насчитываетъ не мало именитыхъ фамилій, какъ-то: князей Григорія Орлова — брата канцлера; Вяземскаго — генералъ-прокурора; Голицына и Гагарина; графа Воронцова и многихъ другихъ.

Понятно, если такіе успѣхи и истекавшія отсюда выгоды навели общество на мысль присоединить родникъ минеральныхъ водъ, съ окружающей его мѣстностію, къ своимъ владѣніямъ. Къ тому же, мѣстность эта представляла лишь ничтожный клочекъ огромной, бездоходной для казны степи, тогда какъ, для поддержанія водолечебнаго заведенія, представлялось необходимымъ возвести при родникѣ соотвѣтственныя его назначенію постройки. Въ этомъ отношеніи планы общества, какъ видно изъ сохранившагося проекта, успѣли принять обширные размѣры. Предполагалось развести въ окружности родника и вплоть до берега р. Волги паркъ съ аллеями, фонтанами, прудами и павильонами и выстроить молитвенные дома — православный и протестантскій, а также помѣщенія для лѣтняго и даже зимняго жительства пользующихся водами гостей. Въ этихъ видахъ общество стало ходатайствовать объ уступкѣ означеннаго участка въ его владѣніе, на что, при содѣйствіи вліятельныхъ Kurgäste, не замедлило послѣдовать всемилостивѣйшее соизволеніе. Переговоры объ этомъ велъ, въ С.-Петербургѣ, уполномоченный отъ общества, товарищъ старшины Іоганъ Яковъ Лорецъ. Онъ былъ посланъ туда тотчасъ по восшествіи на престолъ императора Павла, съ порученіемъ исходатайствовать новую конфирмацію правъ и привилегій общества. Старанія уполномоченнаго, при содѣйствіи генералъ-прокурора Вяземскаго, и въ этомъ отношеніи увѣнчались такимъ успѣхомъ, какой едвали ожидало даже само общество. Упомянутая уже нами всемилостивѣйшая грамата 4-го августа 1797 г. подтвержденная впослѣдствіи императорами Александромъ I и Николаемъ I [1]), и вошедшая отдѣльными статьями въ Св. Зак. (Уст. о кол. ч. 2. Т. XII) есть нынѣшняя Magna Charta сарептскаго общества. Въ актѣ этомъ

[1]) Въ томъ и другомъ случаѣ, особыми граматами 1801 и 1826 гг.
[2]) Пол. Соб. Зак., Т. XXIV, № 18.011.

говорится, между прочимъ: «Снисходя на просьбу колоніи Сарепты, населенной братьями евангелическаго общества, отличившимися отмѣннымъ трудолюбіемъ, тщательнымъ домостроительствомъ, благонравіемъ и примѣрнымъ своимъ поведеніемъ, всемилостивѣйше благоволили мы сею императорскою нашею жалованною граматою нетокмо утвердить всѣ ихъ прежнія права и преимущества, но для возбужденія въ нихъ вящшей ревности къ трудолюбію и продолженію начатыхъ ими полезныхъ заведеній, и для внушенія охоты къ подражанію и въ прочихъ иностранныхъ поселенцахъ, *даровать еще и новыя выгоды*». Далѣе повторяются въ настоящемъ актѣ условія договора 1765 года въ самыхъ точныхъ и обстоятельныхъ выраженіяхъ; колонія изъята изъ вѣдѣнія губернатора и поручена «въ опеку токмо главному судьѣ Саратовской конторы опекунства иностранныхъ» вновь учрежденной въ 1797 г. «Правленію же евангелическаго общества дозволяется имѣть особую свою печать, а въ разсужденіе отношенія къ прочимъ присутственнымъ мѣстамъ почитать оное наравнѣ съ городовыми магистратами, только съ тѣмъ различіемъ, что оно не подчиняется никакому мѣсту присутственному по мѣстоположенію своему, да никто изъ военныхъ и гражданскихъ начальниковъ не долженъ и не можетъ присвоить себѣ какой либо личной власти надъ онымъ и вмѣшиваться въ его дѣла».

Независимо отъ того, Сарептѣ дарованы «новыя выгоды»; и, прежде чѣмъ разсматривать сущность этихъ выгодъ, мы желали бы уяснить себѣ вопросы: какое юридическое значеніе имѣютъ права и преимущества Сарепты? Существуетъ ли, въ юридическомъ же смыслѣ, разница между привилегіями 1765 г. и «новыми выгодами», дарованными граматой 1797 г.? Въ чемъ именно сущность «новыхъ выгодъ»?... Полное уясненіе этихъ вопросовъ, по нашему мнѣнію, особенно желательно потому, что они имѣютъ непосредственное соотношеніе къ современному положенію колоніи, и ими сильно занято мѣстное земство, среди котораго Сарепта есть явленіе ненормальное и, при данныхъ условіяхъ, даже не совсѣмъ удобное.

Прежде всего приходитъ на мысль, что дарованныя Сарептѣ *исключительныя привилегіи вовсе не имѣютъ безусловнаго, безотносительнаго значенія.* Несомнѣнно то, что правительство, даруя эти привилегіи, имѣло въ виду—развить ремесленную и промышленно-торговую дѣятельность низоваго Поволжья. Само братство, въ лицѣ своихъ агентовъ, всячески старалось поддерживать эту надежду правительства. Не напрасно же оно выговаривало себѣ право «заводить города, мѣстечки и всякаго званія

селенія; прокладывать дороги», даже чрезъ смежныя владѣнія—казенныя и частныя. Правда, агентъ пояснялъ словесно, что—«онъ не знаетъ: будутъ ли братья въ состояніи строить города, и обѣщать сего не можетъ»; но, тѣмъ не менѣе, надежда подавалась, если и не въ видѣ прямого, положительнаго обязательства, то все же какъ весьма вѣроятная возможность. Это обстоятельство, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, весьма существенно вліяло на уступчивость правительства въ пользу братства. Вообще же, нисколько не сомнѣваясь въ добросовѣстности агентовъ общества, мы однако не откажемъ имъ въ замѣчательной дипломатической ловкости, съ которой они вели переговоры, и, сами не обязываясь почти ни въ чемъ, пріобрѣтали право за правомъ, привилегію за привилегіею. Основныя мысли, руководившія правительствомъ, а также характеръ заявленій агента, выражаются наглядно и ясно въ вступительныхъ словахъ всеподданнѣйшаго по переговорамъ 1765 г. доклада.

«Пріемля во уваженіе», сказано тамъ, «будущую пользу для государства отъ мануфактуръ и фабрикъ, *которыя братское* евангелическое *общество, поселясь въ Россіи, завести намѣрено;* не меньше того и чаямое отъ сихъ искусныхъ людей *поправленіе коммерціи чрезъ Каспійское море*, по той причинѣ, что избираютъ они для поселенія своего способное къ тому мѣсто, *упоминая въ одномъ мѣстѣ* (просьбы?) *о поѣздкахъ въ Персію;* равнымъ образомъ и то, что ссудныхъ денегъ просятъ только на строеніе и покупку немногихъ инструментовъ, обѣщая словесно большей частію привозить оные съ собою, что̀ и самымъ дѣломъ уже исполнять начали, канцелярія опекунства и т. д.»

Таже мысль высказана и въ граматѣ 1797 г. Вступительныя слова граматы: «Отличившимся отмѣннымъ трудолюбіемъ, тщательнымъ домостроительствомъ, благонравіемъ и примѣрнымъ своимъ поведеніемъ»—доказываютъ, что правительство, въ виду разныхъ неблагопріятныхъ условій, затруднявшихъ успѣхъ Сарепты и лежавшихъ внѣ ея возможности, было совершенно удовлетворено тѣми результатами, которые колонія предъявляла къ исходу прошлаго вѣка. Но этого было мало, и итогъ достигнутыхъ обществомъ успѣховъ былъ далекъ отъ того, что оно само подавало поводъ ожидать. И вотъ, въ надеждѣ, что будущія условія края будутъ благопріятнѣе для осуществленія плановъ общества, правительство предоставляетъ сарептянамъ, такъ сказать, отсрочку для оправданія данныхъ обѣщаній, и не только сохраняетъ за ними прежнія права и привилегіи, но, для «возбужденія въ нихъ вящшей ревности» даруетъ и «новыя еще выгоды».

Изъ всего этого, по нашему мнѣнію, нельзя не вывести заключенія, что Сарепта только въ такомъ случаѣ *добросовѣстно* пользуется данными преимуществами, если она оправдала возложенныя на нее надежды, которыя вызваны были заявленіями полномочныхъ ея агентовъ.

Далѣе. Если условія 1765 г. были установлены въ порядкѣ добровольнаго соглашенія правительства съ евангелическимъ обществомъ, и если эти условія, пока были въ силѣ, имѣли болѣе или менѣе значеніе договора обоюдо-обязательнаго, то совершенно въ иныя отношенія вступили правительство и общество на основаніи граматы 1797 г. Эта грамата, по формѣ и сущности своей, не имѣетъ ничего общаго съ частнымъ обоюдо-обязательнымъ договоромъ. Она есть всемилостивѣйшій актъ самодержавной, законодательной власти, который, какъ и всякій законъ, отжившій свое время, можетъ быть измѣняемъ или даже вовсе отмѣненъ той же самодержавной властью. Такъ понимаютъ значеніе граматы и сами сарептяне; иначе они не возбуждали бы ходатайства о подтвержденіи ихъ правъ въ 1801, 1826 и 1856 годахъ, т. е. въ каждое новое царствованіе.

Первое измѣненіе, встрѣчаемое въ граматѣ 1797 г., противъ прежнихъ условій съ Сарептою, есть то, что братья, сохраняя за собою право произносить въ судейскихъ дѣлахъ присягу, согласно ихъ правиламъ, произнесеніемъ изустнаго «да», обязываются однако присягу на вѣрность подданства *«чинить единообразно со всѣми вѣрноподданными»*. Затѣмъ, изъ вѣдѣнія сарептскаго начальства изъяты всѣ дѣла уголовныя, о которыхъ въ прежнихъ условіяхъ вовсе не упоминалось. Но оба эти пункта могли казаться братству скорѣе стѣсненіемъ, нежели «новою выгодою». Выгоды, вновь присвоенныя Сарептѣ, состоятъ въ отводѣ во владѣніе общества новаго земельнаго участка съ цѣлительнымъ колодцемъ, въ разсрочкѣ уплаты казеннаго долга, въ дарованіи дополнительной льготы отъ платежа поземельной подати, а главное — въ п. 5 новой граматы, въ которомъ сказано: «Какъ всѣмъ нынѣ въ колоніи живущимъ братьямъ, такъ и впредь на поселеніе пріѣзжающимъ, всемилостивѣйше жалуемъ всѣ права гражданства не только въ ихъ колоніи, но и во всей имперіи нашей, дозволяя имъ вообще, или каждому особенно, производить внутреннюю и внѣшнюю торговлю, съ платежемъ пошлинъ по тарифу, и не принуждать братьевъ записываться въ россійское купечество, яко уволенныхъ отъ податей и службы онаго и имѣющихъ свободу производить всякія ремеслы, художества и промыслы, заводить и содержать у себя всякія фабрики, мануфактуры и заводы; строить всякаго рода мельницы,

и, по праву владѣнія, свободно и безпрепятственно пользоваться въ дачахъ своихъ всѣми угодьями, рыбною, звѣриною и птичьею ловлею; варить пиво и курить хлѣбное вино какъ для собственнаго употребленія, такъ и на продажу проѣзжающимъ и временно въ ихъ колоніи живущимъ, съ тѣмъ, чтобы внѣ земель, братству принадлежащихъ, ни вина, ни пива не вывозить и не продавать, но виноградныя вины, дѣлаемую изъ нихъ водку и всякіе, виноградныѣмъ, а не хлѣбнымъ виномъ налитые фрукты и напитки дозволяется развозить изъ колоніи для вольной продажи по всѣмъ россійскимъ городамъ». Одинъ этотъ пунктъ далъ Сарептѣ такія широкія права по торговлѣ и промысламъ, что всякая конкурренція въ этомъ отношеніи съ обществомъ казалась бы невозможною.

Въ условіяхъ 1765 г. проводится послѣдовательно и неуклонно мысль правительства: *освобождая братьевъ отъ всякихъ натуральныхъ повинностей, не избавлять ихъ однако отъ равномѣрнаго участія въ нихъ и во всѣхъ сборахъ въ пользу казны и земства — деньгами.* Оставаясь вѣрнымъ этому началу и смотря на евангелическихъ братьевъ, по роду ихъ занятій, какъ на горожанъ или мѣщанъ (Bürger), правительство «въ разсужденіе платимыхъ ими по купечеству и фабрикамъ пошлинъ» признало ихъ неподлежащими платежу ни общей подушной, ни оброчной за землю податей, которыми облагались въ то время, какъ и нынѣ, сельскія податныя сословія. Но оно сочло сарептянъ обязанными: 1-е, платить ту подушную подать «за право гражданское», какую вносило купечество; 2-е, нести деньгами повинность рекрутскую со всѣми принадлежащими къ ней дополнительными сборами; и 3-е, отбывать деньгами же всѣ «земскія службы, постои и ямы», а равно «всѣ случайныя поставки и чрезвычайныя подмоги». По переложеніи всѣхъ этихъ повинностей,—соотвѣтственно тогдашней стоимости ихъ, сперва на деньги, а за тѣмъ, полученнаго оклада повинностей, вмѣстѣ съ существовавшимъ подушнымъ окладомъ, — на землю, опредѣлился нормальный окладъ поземельной подати для Сарепты въ 7 р. 50 к. съ каждыхъ 30 дес. или по 25 к. съ каждой дес. надѣла. Но ни въ первоначальныхъ условіяхъ съ Сарептою, ни въ данной ей за тѣмъ граматѣ нигдѣ положительно не оговорено, что исчисленный на этихъ основаніяхъ окладъ поземельной подати долженъ оставаться неизмѣнно и навсегда одинъ и тотъ же. Изъ этого и изъ самого существа общихъ податей и повинностей, замѣненныхъ для сарептянъ поземельною податью, слѣдуетъ, что окладъ этой подати подлежалъ и подлежитъ увеличенію въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ возрастали и возрастаютъ,

съ одной стороны, мѣщанскій подушный окладъ, а съ другой—стоимость отбываемыхъ городскимъ населеніемъ повинностей.

Независимо отъ поземельной подати, сарептское общество обязывалось, по первоначальнымъ условіямъ—платить въ казну, на общемъ основаніи, установленные сборы, пошлины и акцизы—съ фабрикъ, мануфактуръ и заводовъ, за торговлю и промыслы, съ мельницъ, за рыболовныя воды, за право курить вино, варить пиво и продавать эти напитки, и наконецъ, за производство внутренней и внѣшней торговли. Во всѣхъ этихъ налогахъ Сарептѣ даже не было дано льготы, такъ какъ «сверхъ гражданскихъ правъ, дарованы братьямъ еще такія выгоды и преимущества, съ которыхъ собираемые государственные доходы въ число податей не включаются». Поэтому, братья освобождались на 30 лѣтъ «единственно отъ податей, а не отъ платежа акцизовъ и пошлинъ».

Отъ всѣхъ только-что исчисленныхъ нами «акцизовъ и пошлинъ» пунк. 5 всемилостивѣйшей граматы 1797 г. вовсе освободилъ сарептянъ, но сохранилъ, и по настоящее время сохраняетъ за обществомъ и лично за каждымъ членомъ его всѣ «гражданскія» права по торговлѣ, промысламъ и т. д. Только въ недавнее время впервые допущено исключеніе; именно: высочайше утвержд. 7 января 1863 г. мнѣніемъ государст. совѣта хотя и сохраняется за сарептскимъ обществомъ и его членами, по прежнему, право курить вино и варить пиво, но уже не иначе, какъ на основаніи общихъ правилъ положенія 4 іюля 1861 г. о пит. сборѣ.

Ознакомившись съ правами, преимуществами и матеріальными способами, дарованными Сарептѣ, посмотримъ теперь, какъ она ими воспользовалась и осуществила ли она, наконецъ, широкій планъ, который дважды былъ развиваемъ Обществомъ предъ глазами правительства.

Чтобы не возвращаться болѣе къ проекту о водолечебныхъ заведеніяхъ при извѣстномъ родникѣ, названномъ Екатерининскимъ, скажемъ теперь же, что изъ этого дѣла ничего не вышло. Послѣ 1797 г. число посѣтителей стало быстро уменьшаться, а въ 1801 г. былъ уже всего только одинъ, и при томъ послѣдній больной, пользовавшійся водами. «Въ чемъ именно заключалась причина столь быстраго упадка—говоритъ г. Гличь въ своей исторіи Сарепты—въ перемѣнахъ ли врачей, въ измѣненіи ли вешнею водою свойствъ родника; въ конкуренціи ли входившихъ въ славу кавказскихъ водъ — опредѣлить затруднительно». Мы же спросимъ: не кроется ли, хотя отчасти, причина такого результата въ томъ, что наплывъ въ Сарепту массы

стороннихъ людей, вносившихъ, конечно, свои понятія, свои нравы и обычаи, никакъ не совпадалъ съ стремленіемъ братства къ изолированію? Таковы, по крайней мѣрѣ, сущность и духъ установленій общества, которыя никакимъ образомъ не въ силахъ выдерживать прямыхъ, непосредственныхъ соприкосновеній съ «свѣтской» жизнью, какая только и мыслима на водахъ и вообще тамъ, гдѣ собирается обыкновенное человѣчество отдохнуть, повеселиться, а между прочимъ — и полечиться.

Но не въ одномъ этомъ дѣлѣ Сарепта потерпѣла неудачу. Въ концѣ прошлаго вѣка колонія достигла наиболѣе блестящаго развитія всѣхъ отраслей ея дѣятельности. Съ этого же времени намъ приходится лишь слѣдить за постепеннымъ паденіемъ общественнаго хозяйства братьевъ.

Главный сбытъ сарептскихъ произведеній, послѣ ухода большой калмыцкой орды въ Азію, направился на сѣверъ. Но здѣсь стала являться конкурренція со стороны сѣверо-приволжскихъ колонистовъ. Въ нихъ Сарепта воспитывала себѣ опасныхъ соперниковъ. Мало-по-малу колонисты эти, возвращаясь изъ Сарепты въ свои колоніи, стали устраивать у себя дома тѣже промысловыя и ремесленныя производства, въ которыхъ сарептское братство до того времени пользовалось какъ-бы монополіею. Конкурренція эта становилась изъ года въ годъ все сильнѣе, и пришло время, что издѣлія приволжскихъ колонистовъ стѣсняли, а во многихъ отрасляхъ и вовсе вытѣснили съ рынковъ произведенія сарептянъ. Сколько послѣдніе ни расширяли своихъ производствъ, но удовлетворять возраставшей потребности они не были въ силахъ уже потому, что большинство производствъ и ремеслъ были пріобрѣтены «приватными» въ однѣ руки, въ видѣ личнаго права, носившаго въ самой колоніи монопольный характеръ. Открытіе тамъ, рядомъ съ существующимъ, новаго въ томъ же родѣ ремесленнаго или промышленнаго заведенія либо вовсе не допускалось, либо разрѣшалось только въ видѣ рѣдкаго исключенія. Другое послѣдствіе такого порядка были—дороговизна сарептскихъ издѣлій и обнаруживавшаяся постепенно отсталость ихъ: мастера и производители, увѣровавъ въ безусловное достоинство своихъ работъ и издѣлій, не обращали вниманія на новѣйшія усовершенствованія и не прилагали стараній ни къ удешевленію своихъ издѣлій, ни къ приспособленію ихъ къ современнымъ требованіямъ потребителей.

При такихъ условіяхъ конкурренція приволжскихъ колонистовъ начала тяготѣть надъ Сарептою. Въ періодъ съ 1802—1823 г., т. е. до постигшаго колонію большого пожара, она

поддерживала въ болѣе или менѣе одинаковыхъ размѣрахъ всѣ свои ремесла и производства. Но изъ года въ годъ дѣла шли хуже, а нѣкоторыя отрасли, особенно съ 1820 г. стали приносить даже убытокъ. Въ той же степени, какъ росли затрудненія Сарепты, развивались шире и шире убыточныя для братства производства въ приволжскихъ колоніяхъ, преимущественно на нагорной сторонѣ Волги. Здѣсь, при полной свободѣ частной предпріимчивости, обращались на нѣкоторыя отрасли, какъ напр. на тканье сарпинки, чулковъ, колпаковъ и т. д. весьма значительные капиталы, а свободная конкурренція удешевляла товары и издѣлія до такихъ цѣнъ, за которыя сарептяне дѣйствительно не могли работать. Съ 1820 г., чулочное и суконное производства въ Сарептѣ вовсе прекратились, а сарпиночное находилось въ крайнемъ упадкѣ. И хотя общество пыталось поддержать его устройствомъ ткацкаго заведенія въ центрѣ саратовскихъ колоній [1]), т. е. среди главныхъ конкуррентовъ своихъ, но напрасно. Отрадное исключеніе представлялъ одинъ горчичный заводъ, который постоянно расширялся, сдѣлавъ своего хозяина едва-ли не милліонеромъ.

Ко всему этому присоединились случайныя несчастія. Такъ, пожаромъ 1803 г. были истреблены лѣсопильный заводъ и двѣ мукомольныя на Сарпѣ мельницы съ жилыми и хозяйственными при нихъ постройками, по оцѣнкѣ на 30,000 р. Въ 1812 г., сгорѣли дальняя на Сарпѣ мельница, и въ самой колоніи семь «приватныхъ» усадебъ, горшечный заводъ, общинныя пекарня и ткацкая. Съ 1806 по 1823 г., содержался въ Сарептѣ карантинъ по случаю чумы, появившейся въ Астрахани; нѣкоторое время были прекращены всякія сношенія между городами и селеніями. Въ 1805, 1808 и 1812 гг. свирѣпствовалъ скотскій падежъ. Равнымъ образомъ, упадокъ денежнаго курса отзывался особенно сильно на Сарептѣ, такъ какъ она поддерживала постоянныя торговыя сношенія съ заграничными общинами братства. Во время пожара 1812 г. въ Москвѣ общество потерпѣло убытокъ до 400,000 р.

---

[1]) Центръ саратовскихъ колоній—Сосновскій округъ, Камышинскаго уѣзда, 3234 сем. въ составѣ 15,054 рев. муж. пола душъ. Здѣсь, рядомъ съ земледѣліемъ, скотоводствомъ, огородничествомъ и т. д., какъ главными занятіями, въ 1866 коммерческомъ году (отъ Макарья до Макарья) въ числѣ всякаго рода ремеслъ и промысловъ существовали: а) 69 сарпиночныхъ фабрикантовъ; на нихъ работали до 6.000 становъ; переработано пряжи до 8 тыс. пуд. красной на 472,000 р., до 20,300 пуд. бѣлой—на 62,900 руб. и 13½ пуд. шелку на 7,560 р.; всего изготовлено разнаго рода платковъ, матерій и т. д. на 1,156,000 р.; б) 42 красильныхъ фабрикъ, окрасившихъ въ 1866—67 г. одной бумажной пряжи на сумму до 486,000 р.; в) 52 кожевенныхъ завода, выдѣлавшихъ въ 1866 г. кожъ на сумму до 120,000 р. и т. д.

Вслѣдствіе этихъ несчастій, общество накопило къ 1815 г. долгу болѣе 600,000 р., къ погашенію котораго ежегодныя пособія со стороны центральной дирекціи — были недостаточны. Сарептѣ грозила несостоятельность; но дѣла успѣли принять иной оборотъ. Изъ центральной дирекціи разомъ были получены 120,000 р. безвозвратнымъ пособіемъ. Въ тоже время дирекція разсрочила уплату состоявшаго, по ея счетамъ, на Сарептѣ долга и, сверхъ того, выдала ей 100,000 р. въ видѣ возвратной ссуды. Торговые дома въ Петербургѣ, Москвѣ и самой Сарептѣ съ 1815 г. начали вновь давать значительныя выгоды. При помощи такихъ средствъ и крайней экономіи по внутреннему управленію, удалось, наконецъ, Сарептѣ возстановить къ 1820 г. равновѣсіе въ своемъ бюджетѣ. Однако, не надолго; уже въ 1821 г. общество постигло новое несчастіе. Саратовское коммиссіонерство оказалось несостоятельнымъ на такую сумму, которая разомъ поглотила всѣ денежныя средства, полученныя изъ-за-границы. Наконецъ, большой пожаръ 9-го августа 1823 г., истребившій почти всю Сарепту, довершилъ разстройство общиннаго хозяйства. 37 жилыхъ и фабричныхъ домовъ, въ томъ числѣ всѣ лучшія зданія и церковь, и около 160 надворныхъ и хозяйственныхъ строеній—обратились въ кучи пепла и развалинъ; 350 человѣкъ лишились работы и пристанища; всѣ ремесленныя и промышленныя производства разомъ прекратились.

Убытокъ, понесенный отъ пожара, достигалъ громадныхъ цифръ. Такъ напр., экономіи—общинная и холостыхъ братьевъ понесли уронъ—первая на 400,000, а вторая—на 200,000 р. Вообще, положеніе общества было самое отчаянное. Главное затрудненіе состояло въ невозможности произвести срочные платежи ни казнѣ и центральной дирекціи на погашеніе долговъ, ни по торговымъ обязательствамъ общества въ Россіи и, особенно, за границею. Отъ этихъ главныхъ кредиторовъ, и прежде всего, разумѣется, отъ центральной дирекціи, зависѣло рѣшить—быть или не быть Сарептѣ.

Вскорѣ послѣ пожара начали поступать отъ дирекціи денежныя пособія. При помощи ихъ оказалось возможнымъ обезпечить дневное содержаніе погорѣльцевъ, возстановить на скорую руку до 20 жилыхъ помѣщеній и аптеку съ принадлежностями, и пустить въ ходъ столярную мастерскую и кирпичный заводъ. Вопросъ—возстановить ли Сарепту?—со стороны дирекціи и состоявшагося синодальнаго собранія былъ разрѣшенъ въ пользу возстановленія. Прежде всего дирекція, снабженная отъ синодальнаго собранія неограниченнымъ кредитомъ, озаботи-

лась войти въ соглашеніе съ заграничными кредиторами Сарепты. Дѣло это уладилось къ обоюдному удовольствію, тѣмъ болѣе, что вся уступка, просимая обществомъ, заключалась въ разсрочкѣ долговыхъ обязательствъ. Собственныя требованія центральнаго управленія, которыя считались въ долгу на Сарептѣ по водворенію и ссудамъ, дирекція обратила въ долгъ отверждённый, обязавъ колонію ежегодною уплатою однихъ процентовъ на капиталъ. Изъ собранныхъ, начиная съ 1823 по 1848 годъ, по заграничнымъ общинамъ добровольныхъ пожертвованій на долю Сарепты, въ видѣ безвозвратнаго пособія, пришлось до 163,000 р. Наконецъ, само правительство выдало Сарептѣ 100,000 р., съ тѣмъ, чтобы уплата этой ссуды производилась по истеченіи 6 лѣтъ, въ послѣдующія десять лѣтъ, по равнымъ частямъ.

Но эти пособія сами по себѣ еще не могли обезпечить существованіе Сарепты. Представилась необходимость и въ преобразованіи всѣхъ частей ея внутренняго управленія.

Въ мартѣ 1824 года, Сарепта получила изъ центральнаго управленія указаніе — принять при возобновленіи колоніи въ руководство: 1) чтобы общество вполнѣ обезпечивало свой бюджетъ текущихъ расходовъ собственными средствами, разсчитывая на пособіе со стороны центральнаго управленія единственно лишь въ той суммѣ, какая требовалась на уплату процентовъ по внѣшнимъ долгамъ, и чтобы, сверхъ того, бюджетъ собственныхъ доходовъ общества давалъ, по возможности, нѣкоторый излишекъ на погашеніе капитальнаго долга; 2) централизировать, по возможности, общинную и корпоративныя экономіи и, въ этихъ видахъ, произвести ликвидацію экономіи холостыхъ братьевъ, сливъ ее съ общинною; 3) своевременную уплату казеннаго долга обезпечить, по преимуществу, нѣкоторымъ возвышеніемъ поземельной подати; содержаніе полиціи и пожарной части отнести на счетъ сбора за производство ремеслъ и промысловъ, а расходы на правленіе покрывать, по возможности, судебными пошлинами; на всѣ же остальныя статьи расхода по общественному управленію обратить сборъ съ работниковъ, доходы съ земель и тѣхъ заведеній, которыя будутъ работать за счетъ общинной экономіи; 4) поступающія доброхотныя пожертвованія обращать безусловно на погашеніе капитальнаго долга, полученную же отъ казны ссуду исключительно на постройку общинныхъ зданій и заведеній; 5) предоставить «приватнымъ» обзаводиться жилыми и усадебными постройками на собственныя средства, въ личную ихъ собственность; а изъ промышленныхъ производствъ оставлять за общинной экономіею

только тѣ, которыя представляютъ самые положительные задатки выгодности своей; 6) при постройкахъ не выходить изъ предѣловъ крайне необходимаго и выгодности, устраняя всякую роскошь; 7) торговые магазины и склады преобразовать, отдѣливъ отъ нихъ совершенно ткацкое, табачное и т. д. производства; сократить соотвѣтственно сему личный составъ и жалованья мастеровъ и прикащиковъ, и обратить означенные магазины и склады, или въ частную собственность, или въ отвѣтственныя коммисіонерства за счетъ и подъ фирмою общины, смотря по мѣстнымъ условіямъ; и 8) личный составъ управленія, а также служебное содержаніе сократить, соединяя разныя должности, по крайней возможности, въ однихъ лицахъ.

Всѣ полученныя указанія общество въ точности выполнило, и уже 1825-й годъ доказалъ ихъ практичность. Долги мало по малу уплачивались, а къ 1862 г. общинная экономія успѣла не только окончательно уплатить долги, но, сверхъ того, сберечь и запасные фонды, обезпечившіе общину на будущее время отъ разныхъ случайностей.

Сарепта, по виду построекъ, по условіямъ жизни и дѣятельности ея населенія, носитъ характеръ скорѣе города или мѣстечка, нежели селенія. Дома выстроены здѣсь одинъ отъ другого въ 5—10 саж., и центръ колоніи образуетъ площадь, кругомъ обсаженную высокими, тѣнистыми тополями. По срединѣ площади церковь съ колокольнею и фонтанъ съ резервуаромъ прекрасной ключевой воды. Кругомъ, по краямъ площади, возвышаются дома правленія, пастората и врача, аптека, гостинница, торговые магазины, корпуса корпораціонные: братьевъ, сестеръ и вдовъ, а также дома наиболѣе зажиточныхъ «приватныхъ». Всѣ эти строенія каменныя и, по преимуществу, двухэтажныя. Главная часть колоніи, 9-ть кварталовъ, окружена прежнимъ крѣпостнымъ валомъ, за чертой котораго образовались новые кварталы въ видѣ предмѣстій. Въ чертѣ вала, кромѣ каменныхъ, иныхъ построекъ возводить не дозволяется. Всѣ улицы, по примѣру площади, обсажены тополями и другими породами тѣнистыхъ деревъ; предъ каждымъ домомъ и въ промежуткахъ разведены сады и цвѣтники. Всего имѣется въ колоніи 85 каменныхъ и 221 деревянныхъ дома и хозяйственныхъ строеній. Колокольня снабжена общественными часами, а церковь— отличнымъ органомъ.

Къ 1 января 1865 г. состояло въ Сарептѣ 231 муж. и 239 жен. пола душъ. Сверхъ того, въ предмѣстьяхъ проживаетъ постоянно отъ 500 до 550 лицъ рабочихъ, преимущественно изъ приволжскихъ колонистовъ.

Сарпа запружена большою плотиною съ шлюзами, чрезъ которую пролегаетъ Саратовско-Астраханскій почтовый трактъ. Вверхъ по берегамъ рѣчки тянутся огороды и табачныя плантаціи; для полива ихъ изъ рѣчки устроены водоподъемныя машины. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ колоніи, въ такъ называемомъ Чапурникѣ, разведены плодовые и виноградные сады, плантаціи и т. д.

Главное занятіе населенія составляютъ какъ прежде, такъ и нынѣ, ремесла, промыслы, фабрики и торговля [1]). Въ Сарептѣ имѣются:

1) Два паровые горчичные завода. Одинъ заводъ братьевъ Гличь перерабатываетъ ежегодно до 25,000 пудовъ сѣмени въ горчицу нѣсколькихъ сортовъ, и въ масло. Другой — брата Кноблоха, хотя меньшихъ размѣровъ, но произведенія его получили на Парижской всемірной выставкѣ 1867 г. медали.

2) Заводы свѣчной и мыловаренный; обороты ихъ довольно ограничены.

3) Пекарня съ производствомъ пряничнымъ и кандитерскимъ; сбытъ ея болѣе и болѣе ограничивается, тогда какъ прежде сарептскіе пряники и печенья расходились въ огромной массѣ въ окрестностяхъ и во всѣхъ городскихъ магазинахъ общества.

4) Аптека, пользовавшаяся въ прежнее время заслуженнымъ довѣріемъ. При ней производятся въ небольшихъ количествахъ масла̀: касторовое, мятное и кипарисное, паровой шеколадъ, помада и тому подобные предметы.

5) Паровая химическая лабораторія брата Лангерфельда, занятая производствомъ извѣстнаго сарептскаго бальзама, ѳеирнаго горчичнаго масла и т. п. Владѣлецъ, принявъ участіе въ Парижской всемірной выставкѣ 1867 г., получилъ за свои издѣлія медаль.

6) Заводы: кожевенный, горшечный и кирпичный, и мастерства: 2 часовенныхъ, 2 столярныхъ, 2 телѣжныхъ, 1 слесарное, 1 кузнечное, 2 мѣдно-жестяныхъ, 2 башмачно-сапожныхъ, 1 портняжное, 1 ткацкое, 1 чулочное и 1 бойня; — и

7) Одинъ большой и два меньшаго размѣра торговыхъ магазина, обороты которыхъ поддерживаются проѣзжающими, жителями ближайшихъ мѣстъ и, особенно, ордынцами.

---

[1]) Крайне сожалѣемъ, что у насъ нѣтъ въ виду возможно подробныхъ свѣдѣній объ оборотахъ существующихъ въ Сарептѣ производствъ и ремесленныхъ заведеній. Едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что, за исключеніемъ одного лишь горчичнаго — всѣ остальныя производства совершенно ничтожны. Мы съ благодарностью приняли бы всякія ближайшія въ этомъ отношеніи заявленія съ мѣста, но, конечно, съ условіемъ, чтобы эти заявленія были подкрѣпляемы фактическими, числовыми данными.

Всѣ эти производства и заведенія, за исключеніемъ табачной фабрики, составляютъ личную собственность «приватныхъ», и «приватнымъ» же принадлежатъ торговые магазины въ гг. Самарѣ, Саратовѣ, Дубовкѣ, Царицынѣ и Астрахани.

Изъ состоящихъ во владѣніи общинной экономіи производствъ: табачную фабрику и винокуренный заводъ предполагается упразднить; первую, по невозможности выдерживать съ успѣхомъ конкурренцію стороннихъ производителей, а второй, вслѣдствіе новаго акцизнаго положенія. Затѣмъ, за общинною экономіею оставались бы только гостинница съ постоялымъ дворомъ, мельница на Сарпѣ, хозяйство фольварочное, и два торговыхъ магазина въ Москвѣ и Петербургѣ. Но если принять во вниманіе, что въ двухъ послѣднихъ магазинахъ, подъ фирмою и гарантіею общества, поступаютъ въ продажу почти одни издѣлія собственно сарептскихъ приватныхъ и заграничныхъ производствъ, то общинная экономія является здѣсь не чѣмъ инымъ, какъ отвѣтственнымъ коммиссіонеромъ, солидный кредитъ котораго поддерживаетъ частную дѣятельность, личную предпріимчивость и производительность.

Ежегодный бюджетъ расходовъ Сарептской общинной экономіи на содержаніе общественныхъ управленія и учрежденій простирается отъ 8 до 10 тысячъ рублей, т. е. до 40 руб. на каждую муж. пола душу. Изъ этого огромнаго расхода въ пользу казны поступаетъ всего только 325 руб. (по $7\frac{1}{4}$ коп. съ удобной дес. надѣла), или около 1 р. 40 к. съ наличной муж. пола души. Другихъ издержекъ ни въ пользу казны, ни въ пользу земства Сарепта не знаетъ, а между тѣмъ причитается въ ней на душу пожалованной земли: удобной болѣе 19, всего же удобной и неудобной—свыше 68 дес.

Но, спроситъ читатель, что же сталось съ главною цѣлью евангелическаго братства—съ миссіонерствомъ? Постановка этого вопроса уже извѣстна намъ изъ первоначальныхъ переговоровъ общества съ правительствомъ. Во всякомъ случаѣ, положеніе братьевъ въ этомъ отношеніи было слишкомъ сомнительное, чтобы не навести ихъ на раздумье. Съ другой стороны, дарованныя обществу политическія и гражданскія преимущества, представлялись на столько цѣнными, что рисковать ими не могло не казаться всякому, по меньшей мѣрѣ, не разумнымъ. Но работа въ пользу миссіи — являлась дѣломъ совѣсти, и потому совершенное отреченіе, или хотя бы только болѣе или менѣе сознательное уклоненіе отъ этой цѣли, — признавались тяжкимъ грѣхомъ, измѣною христіанскому долгу и главнѣйшей задачѣ братства. Впрочемъ, по нашему мнѣнію, единственная причина, вызывав-

шая временныя въ этомъ отношеніи угрызенія совѣсти въ сарептянахъ, заключалась только въ отсутствіи положительнаго запрета на миссіонерскую дѣятельность. Безъ этого запрета, религіозное рвеніе братьевъ успокоилось бы въ самомъ началѣ ихъ поселенія также легко, какъ легко и почти безслѣдно оно исчезло у нихъ въ послѣдствіи. Дѣло въ томъ, что если Сарепта, изъ видовъ благоразумія и по политическимъ соображеніямъ, воздерживалась всегда отъ такихъ мѣръ, которыя бы клонились въ пользу миссіи, *какъ главной цѣли общества*, то все же въ средѣ его постоянно находились отдѣльныя личности, посвящавшія себя миссіонерскому призванію. Правда, не смотря на бурныя обстоятельства Поволжья въ теченіе второй половины прошлаго столѣтія, сарептское общество не упускало ни одного случая для болѣе тѣснаго сближенія съ калмыцкими ордами. Но такое сближеніе совпадало столько же съ видами экономическими, сколько и съ интересами миссіонерскими. Поэтому, трудно рѣшить — какими, по преимуществу, соображеніями руководилось, въ этомъ случаѣ, общество. Мы склонны думать, что не будь прямого, политическаго и коммерческаго интереса, однѣ миссіонерскія цѣли не привели бы начальство колоніи къ сближенію съ ордынцами. Но въ данныхъ условіяхъ понятно, что ордынскіе ханы, зайсанги, и даже простые калмыки находили всегда самый радушный пріемъ въ колоніи. Они снабжались здѣсь всѣми потребностями жизни и предметами роскоши, лечили своихъ больныхъ и т. д. Въ свою очередь и депутаціи братства, иногда весьма не малочисленныя, гостили въ ханскихъ ставкахъ. Такимъ образомъ, взаимныя связи устанавливались, повидимому, на прочныхъ началахъ; но удаленіе большой орды въ Азію, а малой — далѣе къ югу отъ Сарепты и частью за Волгу къ Астрахани, разомъ подорвало прежнія торговыя связи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и миссіонерскія. Къ тому же братья нашли въ калмыкахъ далеко не такихъ грубыхъ язычниковъ, каковыми являются африканскіе негры, готтентоты и кафры, или американскіе индѣйцы. Напротивъ, племя это исповѣдуетъ вѣру, основанную на философскихъ началахъ, возведенныхъ въ правильную систему и обусловленныхъ, въ смыслѣ практическаго приложенія къ жизни, твердыми, соотвѣтствующими народному духу порядками и обрядностью.

Съ 1769 г. двое братьевъ—миссіонеровъ, изучивъ калмыцкій языкъ, поселились среди малой Дербетской орды, подъ покровительствомъ благопріятеля ихъ, зайсанга Тохмута; но попытка эта не имѣла успѣха. Калмыки, и даже гелунги, или духовенство ихъ, съ удовольствіемъ бесѣдовали о религіи; но въ отвѣтъ на

разсказы изъ Евангелія о вѣчныхъ истинахъ, они всегда имѣли въ запасѣ подобныя же повѣствованія изъ собственныхъ религіозныхъ книгъ. На вопросъ нѣсколькихъ знатныхъ калмыковъ, гдѣ христіане сохраняютъ своего Бога, братья объяснили, разумѣется, что Богъ христіанъ не отъ рукъ человѣческихъ, а исповѣдываютъ они единаго, животворящаго, невидимаго Бога, создавшаго небо, землю и людей.—«Вы правы, отвѣтили калмыки, нѣтъ иного Творца, какъ только указываемый вами». Въ такомъ родѣ оканчивались обыкновенно всѣ религіозныя бесѣды. Но подобныя попытки со стороны отдѣльныхъ братьевъ возобновлялись довольно не рѣдко, и въ началѣ 20-хъ годовъ казалось даже, что труды ихъ дадутъ положительные результаты. Такъ, въ 1822 г., на принадлежащемъ обществу островѣ на Волгѣ, образовалась маленькая миссіонерская колонія. Нѣсколько калмыцкихъ семействъ привыкали здѣсь къ осѣдлой, земледѣльческой жизни и обучались закону вѣры. Въ виду этихъ успѣховъ, обнаруживавшихся отчасти даже въ средѣ самой орды, сарептское общество поспѣшило обратиться къ правительству съ просьбою разрѣшить братству: 1-е, учредить среди калмыковъ христіанскую миссію; 2-е, вновь обращаемыхъ допускать къ св. крещенію и соединять общинами по правиламъ братства; 3-е, учреждать въ этихъ общинахъ школы; 4-е, продать обществу участокъ земли для новыхъ общинъ; 5-е, оказывать послѣднимъ, чрезъ посредство мѣстныхъ властей, защиту и покровительство; и 6-е, оставлять обращенныхъ въ прежнихъ подданническихъ отношеніяхъ къ хану, принявъ, однако, мѣры къ огражденію ихъ отъ преслѣдованія калмыцкихъ гелунговъ. Въ ожиданіи послѣдствій этого ходатайства, братья-миссіонеры продолжали начатое дѣло. Но успѣхи ихъ не замедлили вызвать противодѣйствіе калмыцкихъ начальниковъ и духовенства. Послѣднее успѣло даже подвигнуть толпу фанатиковъ-калмыковъ на открытыя насилія противъ миссіонерскаго поселенія на островѣ. Наконецъ, предписаніе правительства — обратить воспитанниковъ изъ калмыковъ въ христіанство по догматамъ православной церкви, прекратило всякія дальнѣйшія въ этомъ направленіи попытки братскаго общества, тѣмъ болѣе, что возобновленныя имъ въ послѣдствіи, по настояніямъ дирекціи, ходатайства о дарованіи права миссіонерства остались, по прежнему, безъ послѣдствій.

Но если Сарептѣ неудалось осуществить свою главную цѣль, то, спрашивается: имѣетъ ли она, и какое именно, значеніе въ гражданственномъ и экономическомъ отношеніяхъ? Соотвѣтствуютъ ли результаты дѣятельности Сарепты тѣмъ значительнымъ

преимуществамъ, которыми она пользовалась постоянно и пользуется до настоящаго времени?

Нѣтъ сомнѣнія, что до исхода первой четверти текущаго столѣтія Сарепта играла весьма видную роль въ ремесленномъ, промысловомъ и торговомъ отношеніяхъ всего низоваго Поволжья. Можно положительно признать, что первыми зачатками и послѣдующими успѣхами въ ремеслахъ и промыслахъ сѣверо-волжскія колоніи обязаны прежде всего Сарептѣ. Здѣсь обучались ихъ первые мастера и промышленники; отсюда они долгое время заимствовали своихъ сельскихъ учителей и вообще всякія улучшенія, и здѣсь же остается имъ еще поучиться горчичному производству. Но едва ли судьба горчичнаго производства неразрывно связана съ существованіемъ самой Сарепты въ нынѣшнихъ ея условіяхъ. Если же забыть это дѣло и нѣкоторое значеніе Сарепты для степного, ближайшаго крестьянскаго населенія, то во всемъ остальномъ общество это представляется намъ пенсіонеромъ, которому, какъ-бы въ вознагражденіе за прежнія заслуги, обезпечивается почетная старость.

Насколько соотвѣтствуютъ льготы колоніи оказаннымъ ею краю услугамъ — это другой вопросъ, въ разсмотрѣніе котораго мы не вдаемся; но намъ кажется не лишнимъ высказать здѣсь нѣсколько мыслей о настоящемъ положеніи и условіяхъ будущаго преуспѣянія Сарепты.

Бросивши взглядъ на весь ходъ внутренняго развитія этой колоніи, два факта останавливаютъ на себѣ наше вниманіе. Во-первыхъ, Сарепта, устроившись первоначально по образцу заграничныхъ братскихъ общинъ, т. е. въ строгомъ смыслѣ братскаго религіозно-соціальнаго устава, убѣждалась мало по малу въ несостоятельности этого устройства и, какъ замѣчено уже въ началѣ очерка, нашлась въ необходимости сблизиться, путемъ внутреннихъ преобразованій, съ общинными порядками нашихъ мѣстечекъ и городовъ. Въ началѣ поселенія, сарептская община, или общинная экономія, являлась, какъ мы видѣли, безусловнымъ владѣльцемъ и распорядителемъ всякаго рода собственности, ремеслъ, промысловъ и т. д. Исключеніе допускалось развѣ только въ отношеніи движимости, которую, какъ личную собственность, не воспрещалось имѣть «приватнымъ». Общинная экономія, если и пользовалась и распоряжалась услугами своихъ членовъ, то не иначе какъ за опредѣленную плату. Равнымъ образомъ, «приватные», снабжаясь всѣми потребностями изъ запасовъ общинной экономіи, ничего не получали даромъ. Корпораціи находились въ подобныхъ же отношеніяхъ къ общинной экономіи. Поэтому, постепенная уступка и запродажа въ личную собствен-

ность отдѣльныхъ членовъ братства — права на производство ремеслъ и промысловъ, а въ заключеніе и большей части торговыхъ магазиновъ внутри и внѣ колоніи—являются весьма важнымъ уклоненіемъ отъ основного принципа братскаго общества. Вѣрность этого заключенія подтверждается тѣмъ, что уступки эти въ пользу личной собственности осуществлялись только вынужденно, въ силу крайней невозможности спасти общину инымъ путемъ отъ несостоятельности. Съ одной стороны, въ неотрицаніи по уставу братства права членовъ его, на владѣніе личной собственностью, хотя бы только въ движимомъ имуществѣ, а съ другой, — въ возможности расширенія этого личнаго права на ремесла, промыслы и торговлю, лежитъ отчасти та существенная разница между двумя общинами — Радичевскою и Сарептскою, которая служила препятствіемъ къ сліянію послѣдователей этихъ двухъ религіозныхъ толковъ. Здѣсь же, по нашему мнѣнію, вновь обнаруживается полная, въ практическомъ смыслѣ, несостоятельность не только Радичевскаго имущественно-поземельнаго устройства, но даже и той комбинаціи сельскаго устроенія, которую евангелическое братское общество пыталось осуществить въ Сарептѣ. Радичевцы — кончили внутреннимъ разладомъ и совершеннымъ разореніемъ. Сарепта существуетъ только благодаря привилегіямъ въ податяхъ и повинностяхъ, неистощимой поддержкѣ изъ-за границы, а прежде и главнѣе всего — уклоненіямъ отъ принципа — безусловной имущественной общности. Насколько раціональна нынѣшняя постановка въ Сарептѣ правъ личной собственности, по отношенію къ общинѣ - землевладѣльцу, объ этомъ не будемъ распространяться; но нельзя не замѣтить, что въ настоящихъ условіяхъ существованіе Сарепты вполнѣ обезпечено. Какъ владѣлецъ весьма значительнаго и, по закону не отчуждаемаго земельнаго участка, община имѣетъ столько довѣрія, что кредитъ ея, обращенный въ видѣ торговыхъ коммисіонерствъ въ пользу торгово-промышленныхъ оборотовъ членовъ ея, т. е. въ пользу личнаго, частнаго труда и предпріимчивости, обезпечиваетъ за послѣдними возможность полнѣйшаго и прочнаго развитія и преуспѣянія въ экономическомъ отношеніи.

Другое обстоятельство, обращающее на себя наше вниманіе,— это то, что въ Сарептѣ — за 100-лѣтній періодъ ея существованія, мы находимъ тотъ же застой въ нарожденіи населенія, какой обнаружился и въ Радичевѣ. По среднему выводу, за весь этотъ періодъ времени, число рожденій относится къ смертности, какъ 50: 49, тогда какъ всякій сарептянинъ, въ похвалу гигіеническихъ условій колоніи, готовъ съ особеннымъ удовольствіемъ и во всякое время подтвердить, что тамъ, кромѣ обык-

новенныхъ болѣзней, не знаютъ ни объ одной эпидеміи. Ни въ 30-хъ, ни въ 40-хъ годахъ, между сарептскимъ братствомъ не было даже холернаго случая. Въ теченіе того же періода изъ-за границы прибыло братьевъ и сестеръ 1,145 человѣкъ; выѣхало же обратно только 677. Слѣдовательно, на долю мѣстнаго нарожденія приходится крайне ничтожный процентъ.

Этотъ фактъ дѣлается тѣмъ разительнѣе, что колонисты, поселившіеся одновременно въ той же Саратовской губ., но на 250 — 400 верстъ сѣвернѣе, почти удесятерились, и росли они въ такой прогрессіи исключительно собственными силами. Тамъ уже съ 1770 г. всякія приселенія и даже всякія съ заграницею сношенія были прерваны. Только послѣ пугачевскаго погрома, населеніе этого водворенія вполнѣ успокоилось. Изъ первой, состоявшейся въ 1788 г. народной переписи (5-й по имперіи), и изъ послѣдующихъ ревизій видно, что число саратовскихъ колонистовъ возрастало:

Отъ 5-й	до 6-й	ревизіи	въ 1798	году	за 10	лѣтъ	на	26,67%
» 6-й	» 7-й	»	1816	»	18		»	54,89
» 7-й	» 8-й	»	1834	»	18		»	78,20
» 8-й	» 9-й	»	1850	»	16		»	50,97
» 9-й	» 10-й	»	1857	»	7		»	20,78

т. е., въ періодъ 70-ти лѣтъ, изъ 2,878 семействъ этихъ колонистовъ, въ числѣ 9,289 муж. и 9,350 жен. пола душъ, образовалось къ 1857 г.—10,435 сем.: 57,451 муж. и 55,394 жен. пола душъ. Сверхъ того, выходцы изъ среды этого водворенія образовали въ теченіе того же періода нѣсколько новыхъ колоній на Кавказѣ; но эти выселенцы въ приведенный разсчетъ не входятъ. Наконецъ, саратовскіе колонисты всегда были стѣснены по землевладѣнію: у нихъ приходилось на душу 6-й ревизіи по 15, 5 дес.; на душу 7-й по 10, 4 дес.; на душу 8-й — по 5, 6 дес.; на душу 9-й—по 3, 8 дес.; на душу 10-й—по 3,2 дес. Въ тоже время, они еще съ 1809 г. вполнѣ уравнены въ податяхъ и повинностяхъ съ мѣстными крестьянами, за исключеніемъ повинностей рекрутскихъ и военно-постойной. На этомъ основаніи, саратовскіе колонисты, въ 1866 г., внесли въ казну однихъ подушныхъ и оброчныхъ по 4 руб. 50½ к. съ души, и, тѣмъ не менѣе, они всегда бывали исправными плательщиками и никогда еще не обращались за пособіемъ къ правительству.

Спрашивается, гдѣ же причина такого крайне неуспѣшнаго нарожденія населенія въ Сарептѣ? Ни въ климатическихъ, ни въ экономическихъ условіяхъ причинъ этихъ не существуетъ и существовать не можетъ. Остаются причины физіологическія и

соціальныя. Въ физіологическомъ отношеніи одно изъ главнѣйшихъ условій успѣшнаго воспроизведенія есть правильное смѣшеніе и освѣженіе крови. Если-бъ Сарепта не пользовалась постояннымъ наплывомъ свѣжихъ силъ изъ-за границы, то можно бы допустить, что неуспѣхъ ея въ народоумноженіи составляютъ замкнутость, браки между близкими по крови и вообще неосвѣженіе расы. Но безпрерывный и болѣе или менѣе значительный наплывъ новыхъ членовъ изъ Германіи, какъ равно выѣздъ другихъ обратно изъ Россіи, лишаютъ насъ всякой возможности остановиться на этомъ заключеніи. Такимъ образомъ, остается одно — соціальное устройство Сарепты, общинно-церковный уставъ и неразрывно связанная съ нимъ общественная и частная жизнь ея.

И дѣйствительно: выше мы указали, какъ отрадно дѣйствуетъ Сарепта съ ея зеленью, цвѣтами, солидностью построекъ, опрятностью и чистотою улицъ и жилищъ—даже на самаго прихотливаго человѣка. Слѣдуя по полудикимъ и безлѣснымъ степямъ стараго калмыцкаго кочевья и вообще царицынскаго уѣзда, при первомъ шагѣ въ колонію убѣждаешься въ возможности здѣсь отдохнуть и тѣломъ и душею. Но эта, такъ сказать, лицевая сторона для самого сарептянина не существуетъ. Жизнь мѣстная, при ближайшемъ знакомствѣ съ нею, является до безконечности монотонною, щепетильною, подавленною. Вогнать индивидуальность человѣка въ рамку, какую Сарепта ставитъ ей на каждомъ шагу, въ каждомъ словѣ, да еслибъ было возможно, даже въ каждомъ помышленіи, такое полное пренебреженіе къ самымъ естественнымъ потребностямъ свободы для человѣческой природы не можетъ не сказываться.

Нѣтъ факта—безъ причины, и чѣмъ уродливѣе фактъ, тѣмъ уродливѣе, ненормальнѣе причина, его породившая. Изъ настоящаго очерка мы имѣли уже возможность убѣдиться, что весь религіозно-общественный строй братскаго общества проникнутъ тенденціею—охватить всего человѣка, какъ дѣятеля не только общественнаго, но и частнаго. Вся жизнь Сарепты за 100 лѣтъ есть болѣе или менѣе явный протестъ человѣческой личности противъ преобладанія общиннаго начала, доведеннаго до крайнихъ предѣловъ, если не въ матеріальной, то хоть въ нравственной сферѣ. Протестъ этотъ наглядно проявлялся, по преимуществу, только въ сферѣ матеріальныхъ, имущественныхъ интересовъ; здѣсь благопріятствовали тому случайныя общественныя несчастія, и была до извѣстной степени даже легальная возможность къ заявленію личностью своихъ правъ. Мало по малу личное начало брало верхъ. Но, упрочивая имущественную самобытность личности, послѣд-

няя и по настоящее время не успѣла достигнуть того же въ сферѣ религіозно-соціальной, хотя успѣхъ въ одномъ, не могъ, конечно, не привести къ успѣху и въ другомъ отношеніи. Было время, что браки въ Сарептѣ зависѣли безусловно отъ усмотрѣнія общиннаго начальства; самый выборъ невѣсты опредѣлялся по жребію. Разрѣшая браки только тѣмъ изъ братьевъ, которые сдѣлались самостоятельными мастерами или хозяевами, и дозволяя, въ свою очередь, только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ устройство, рядомъ съ существующимъ, новаго подобнаго же ремесленнаго и промышленнаго заведенія, начальники колоніи, или вѣрнѣе, уставъ общества, стѣсняли до крайности заключеніе брачныхъ союзовъ. Съ другой стороны, жребій сводилъ лицъ разныхъ возрастовъ, вопреки ихъ личнымъ наклонностямъ. И сколько старыхъ холостяковъ и отцвѣтшихъ сестеръ сходили въ могилу, не получивъ права даже мечтать о бракѣ! Не мудрено, что изъ частной, закулисной жизни корпораціонныхъ домовъ намъ самимъ удавалось слышать не мало мелодраматическихъ разсказовъ о томленіяхъ любви, сердечныхъ страданіяхъ и перепискахъ, тайныхъ свиданіяхъ и похожденіяхъ, которыя не всегда оканчивались благополучно. Не удивительно, что сарептская молодежь, каждый шагъ которой долженъ бы состоять подъ строжайшимъ контролемъ, находитъ, тѣмъ не менѣе, возможнымъ давать себѣ просторъ въ секретныхъ попойкахъ среди тѣнистыхъ садовъ и рощъ чапурника, въ случаяхъ же весьма не рѣдкихъ кончаетъ пьянствомъ, изгонятся изъ колоніи и т. д. Все это дѣлается весьма понятнымъ, если сообразить, что въ самой колоніи—а гласно, и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ,—членъ общества не долженъ позволить себѣ ни музыки, танцевъ, или театра, ни какой-либо игры и развлеченія, не имѣющихъ прямого религіознаго характера; ни наконецъ лишняго шага, лишнихъ смѣха или шутки. Все это подобаетъ лишь «міряннну», а не доброму «брату» или «сестрѣ», которыхъ весь интересъ, всѣ помыслы должны быть сосредоточены на одномъ «славословіи Творца».

По мѣрѣ успѣховъ эманципаціи личности въ сферѣ экономической, появлялись въ Сарептѣ, сами собою, и задатки освобожденія ея отъ общинно-соціальнаго гнета. Какъ причины политическія и экономическія по отношенію къ правительству удерживали общество отъ усиленной миссіонерской дѣятельности, такъ давно уже, и съ каждымъ годомъ все болѣе, подобныя же соображенія вынуждаютъ снисхожденіе общины къ «приватнымъ»—собственникамъ. И въ самомъ дѣлѣ, — не выгонять же изъ общества какого нибудь Глича, и ему подобныхъ, за коекакія нарушенія дисциплинарныхъ правилъ, если вмѣстѣ съ та-

кими мѣрами должны бы покинуть колонію сотенпотысячные, если не милліонные капиталы. Ну, и выходитъ, что Гличь и подобные ему подчиняются требованіямъ церковно-общинной дисциплины лишь на столько, на сколько они сами признаютъ это разумнымъ и справедливымъ. Примѣры подобнаго списхожденія — дѣлаются, какъ само собою разумѣется, болѣе и болѣе нормальными, ограждая до извѣстной степени отъ деспотическаго попечительнаго гнета и остальныхъ, менѣе состоятельныхъ членовъ общины. Такимъ образомъ, готовится, мало по малу, и кризисъ религіозно-соціальный. Но какъ переживетъ его Сарепта?... Это вопросъ весьма гадательный, особенно, если правительство признаетъ необходимымъ привлечь братство, на общемъ основаніи, къ платежу всѣхъ повинностей, какъ о томъ настаиваетъ мѣстное земство.

По нашему убѣжденію, обложеніе Сарепты въ пользу земства и казны сборами, на общемъ основаніи съ населеніемъ нашихъ городовъ, могло бы прежде всего повести къ болѣе нормальной постановкѣ внутреннихъ общественныхъ и частныхъ отношеній братства, вынуждая общину сразу къ подобнымъ же въ пользу эманципаціи личности уступкамъ въ сферѣ религіозно-соціальной, какія она сдѣлала уже въ дѣлахъ имущественныхъ подъ давленіемъ случайныхъ экономическихъ затрудненій. Одно лишеніе общества возможности содержать такую дорогую администрацію должно-бы повести къ ослабленію неумѣстнаго попечительства о личности, которое душитъ и давитъ ее, а все остальное довершила бы сама жизнь. Много-ли, мало-ли времени, но Сарепта имѣла свой періодъ, когда нельзя было не признавать ее за свѣточъ среди мрака мѣстной жизни. Но то время миновало навсегда. На почвѣ торговой, промышленной и мануфактурной—звѣзда Сарепты, постепенно блѣднѣя, не могла устоять и склонилась къ горизонту, во многихъ отношеніяхъ даже ниже его. Тоже самое грозитъ ей теперь на аренѣ гражданственности. И напрасно общество стало бы прятаться за привилегіи; стѣна эта едва-ли надежнѣе прежнихъ крѣпостныхъ сооруженій ея. Вглядываясь внимательно въ вѣяніе окружающей колонію новой жизни, общество не можетъ не убѣдиться, что ему предстоитъ теперь дилемма: или войти въ общій строй мѣстной жизни и, оставивъ свою изолированность, пріобрѣсти этой цѣною вновь «всѣ права гражданскія»; или, замкнувшись до последней крайности въ своихъ стѣнахъ, сдѣлаться окончательно темною точкою на свѣтломъ фонѣ грядущаго бѣлаго дня, провозвѣстники котораго — уничтоженіе крѣпостной зависимости,

земское самоуправленіе и гласный судъ—уже начали освѣщать русскую землю.

Только въ этихъ ненормальностяхъ внутренняго и внѣшняго быта Сарепты, въ прямомъ разладѣ его съ природою человѣка и со всею окружающею колонію средой слѣдуетъ искать, по нашему мнѣнію, истинныя причины, подсѣкавшія до сего времени въ самомъ корнѣ нравственныя и физическія силы сарептянъ. Но тѣже причины убѣждаютъ насъ, что радичевская и сарептская комбинаціи сельскаго устроенія, какъ болѣзненные плоды средневѣковаго хаоса и борьбы на смерть двухъ началъ—личнаго и начала ассоціи или, по-русски, мірского, общиннаго—стремившихся взаимно поглотить одно другое, не соотвѣтствуютъ ни результатамъ вѣковаго опыта, ни конечнымъ требованіямъ и условіямъ соціально-политическаго строя современнаго общества, а потому комбинаціи эти, даже при самыхъ льготныхъ законодательныхъ гарантіяхъ, будущности не имѣютъ и имѣть не могутъ.

Нельзя не сознать и самому братству, что положеніе дѣлъ въ Россіи совершенно измѣнилось со времени основанія Сарепты, что настала пора сведенія итоговъ взаимныхъ услугъ и обязательствъ, и что непроницаемый покровъ, за которымъ скрывается колонія, можетъ вредить при этихъ разсчетахъ прежде всего ей самой, вводя русское общество лишь въ ошибочныя, быть можетъ, заключенія.

А. Клаусъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

МОЦАРТЪ

НА

ПЕТЕРБУРГСКОЙ СЦЕНѢ.

Донъ-Жуанъ и Свадьба Фигаро.

Два наиболѣе совершенныя драматическія произведенія Моцарта: «Донъ-Жуанъ» и «Свадьба Фигаро», были поставлены у насъ въ минувшемъ сезонѣ съ особенной тщательностью. Этотъ фактъ самъ по себѣ заслуживаетъ вниманіе. Улыбышевъ говоритъ, что ему ни разу не удалось видѣть Донъ-Жуана «въ самомъ дѣлѣ», что онъ только чтеніемъ партитуры могъ осуществлять передъ собою чудный міръ, созданный могучимъ геніемъ вѣнскаго композитора. Этотъ извѣстный біографъ и цѣнитель Моцарта выражаетъ при этомъ мнѣніе, что едва ли даже когда либо возможно обставить это произведеніе такъ, чтобы оно явилось достойнымъ себя, чтобы исполненіе его соотвѣтствовало вдохновенному содержанію. Зависитъ это, въ практическомъ отношеніи, отъ художественной законченности самаго творенія Моцарта: «за исключеніемъ Мазетто, — говоритъ Улыбышевъ — тутъ нѣтъ второстепенныхъ ролей»; и въ самомъ дѣлѣ, типы Моцарта такъ живы и каждый изъ нихъ такъ необходимъ и для драматическаго смысла, и для музыкальной полноты этой оперы, что партіи ея должны быть распредѣлены между первостепенными пѣвцами и пѣвицами труппы, да и то не было еще той труппы на свѣтѣ, въ которой можно было бы найти вмѣстѣ донъ-Жуана, донну Анну, донну Эльвиру, Церлину, Лепорелло, донъ-Оттавіо—соотвѣтствующихъ идеалу, который непремѣнно составился въ головѣ всякаго, кому знакома музыка Моцарта.

Одно изъ качествъ Моцарта — именно, опредѣленность, недопускающая разнаго изображенія. Можно понимать или не понимать его,

передавать его вѣрно или фальшиво, но нельзя передавать его различно, и—Боже сохрани—передѣлывать его. То, что̀ мы говоримъ о «Донъ-Жуанѣ», примѣняется и къ «Свадьбѣ Фигаро», хотя въ меньшей степени.

Вотъ почему, повторяемъ, попытка представить намъ великія произведенія Моцарта съ возможно-совершенною обстановкою, заслуживаетъ полнаго вниманія. Попытка эта отчасти удалась. Особенно опера «Донъ-Жуанъ» явилась передъ нами почти въ удовлетворительномъ видѣ. Конечно, нельзя сказать, что г. Граціани вполнѣ соотвѣтствовалъ типу донъ-Жуана, созданному поэтомъ Да-Понте и маэстро Моцартомъ. Для этого въ его игрѣ недоставало подвижности, не хватало оттѣнковъ, а для передачи главной, музыкальной части задачи—недоставало звучности голоса; вообще же, ему недоставало одушевленія, энтузіазма къ избранной партіи, а безъ энтузіазма нельзя передать великаго творенія, безъ вѣры въ геній нельзя служить ему истолкователемъ. За то Церлина была превосходно передана г-жою Луккою; донна Эльвира явилась передъ нами въ первый разъ живою въ лицѣ г-жи Вольпини; Цуккини, хотя положительно не умѣлъ играть, былъ драгоцѣненъ для музыкальнаго исполненія партіи Лепорелло, для которой сколько нибудь подходящихъ исполнителей теперь нѣтъ; Кальцолари въ роли и партіи донъ-Оттавіо довольно близокъ къ совершенству. Всѣ же остальные артисты, начиная отъ г. Граціани, представлявшаго главное лице драмы и оперы, и до г. Анджелини, который съ похвальнымъ уваженіемъ къ искусству взялъ на себя ничтожную по положенію для артиста роль коммандора, столь однако трудную и важную по основной мысли Моцартова творенія—были, говоря относительно, довольно хороши, ничего не портили и дали возможность людямъ, не бесѣдовавшимъ съ Моцартовымъ произведеніемъ наединѣ, не узнавшимъ его тайнъ прямо отъ него, приблизиться нѣсколько къ этимъ тайнамъ, столь долго сокрытымъ подъ искаженіями нѣкоторыхъ изъ нашихъ italianissimi. Нѣтъ сомнѣнія, что Лаблашъ былъ лучшій Лепорелло, чѣмъ Цуккини, что у Тамберлика было нѣчто такое, чего недостаетъ Кальцолари, что Эверарди едва ли не болѣе удовлетворительный донъ-Жуанъ, чѣмъ Граціани; но эти артисты являлись зато при иной обстановкѣ. Смѣло можно сказать, что такъ хорошо, какъ въ нынѣшнемъ сезонѣ, «Донъ-Жуанъ» не былъ еще исполненъ у насъ, и что въ настоящее время онъ нигдѣ не можетъ быть исполненъ лучше.

Относительно обстановки «Свадьбы Фигаро» пришлось бы сдѣлать гораздо болѣе оговорокъ. Эта опера много потеряла отъ сухости и безжизненности голоса г. Анджелини и отъ неспособности г-жи Джіованнони къ ролѣ Розины Альмавива. За то г. Граціани здѣсь былъ

удовлетворительнѣе, чѣмъ въ «Донъ-Жуанѣ». Что касается Лукки, то здѣсь, какъ и тамъ, она одна исполнила свою партію въ совершенствѣ.

Но оцѣнка исполненія этихъ оперъ не составляетъ избраннаго нами предмета. Обѣ совершеннѣйшія оперы Моцарта были даны въ нынѣшнемъ году для того, чтобы, воспользовавшись возможностью нѣкотораго ансамбля, оживить нашъ мимолетный репертуаръ безсмертными произведеніями прошлаго столѣтія. Если мы не ошибаемся, такова была именно мысль тѣхъ, кто предложилъ сопоставить въ нынѣшнемъ сезонѣ «Свадьбу Фигаро» съ «Донъ-Жуаномъ». Съ этой же, или съ подобной цѣлью, набросанъ этотъ взглядъ на Моцарта и его двѣ важнѣйшія оперы. Мы хотѣли напомнить нынѣшнимъ читателямъ, передъ которыми являются нерѣдко самыя фантастическія сопоставленія художниковъ звука, мастеровъ гармоніи, и часто выступаютъ образы, преднамѣренно раздутые и заслоняющіе Моцарта, или наивно намалеванные яркими красками, безъ соблюденія перспективы, указываемой вѣчной справедливостью искусства, — напомнить этимъ читателямъ о томъ геніѣ, котораго никакія потребности минуты не въ силахъ развѣнчать, о художественныхъ образахъ, созданныхъ тѣмъ полнымъ властелиномъ музыки, къ которому, по сравненію съ нѣкоторыми слишкомъ превозносимыми современниками, можно вполнѣ примѣнить наивныя, но глубоко вѣрныя слова Мартина Лютера о Жоскенѣ, одномъ изъ отцовъ музыки: «Josquin ist der Noten Meister, die habens müssen machen wie er wollt; die andern Sangmeister müssens machen, wie es die Noten wollen haben [1])».

Моцарта не разъ сравнивали съ Гёте. Сходство есть. Моцартъ—тотъ же чистый, но болѣе страстный художникъ, нежели Гёте. Въ его время, въ искусство еще не проникъ говоръ общественныхъ думъ, страстей; общество, какъ личность, какъ организмъ еще не являлось передъ художникомъ. Французская республика еще не была провозглашена, когда умеръ Моцартъ; борьба общественная еще не коснулась его генія. Человѣчество только-что начинало носиться съ той міровой думою, которая обратила дальнѣйшую жизнь его въ борьбу, а жизнь позднѣйшихъ его представителей въ страданіе, смягчаемое только сознаніемъ своего торжества надъ духомъ тьмы и неволи. Свобода еще не возставала, чтобы тотчасъ же пасть скованною къ ногамъ великаго завоевателя. Упованія, возбужденныя ею и вскорѣ заглушенныя кровью, еще не обладали полемъ искусства. Поэзія еще не бросила перчатки всему призванію человѣчества и его жаждѣ счастія, какъ у Байрона. Любовь еще не стонала отъ того внутренняго раскола, который вдохновлялъ Гейне и Альфреда Мюссé.

---

[1]) «Жоскенъ—властитель нотъ; онѣ должны дѣлать какъ онъ хочетъ; другіе мастера должны дѣлать, какъ хотятъ ноты».

Музыка тогда жила во храмѣ недосягаемомъ для той великой толпы, которая называется человѣчествомъ; въ этомъ храмѣ былъ культъ искусства, а не та новая Одиссея, которая изображаетъ поиски человѣчества за истиною, опасности его среди Сциллы и Харибды, и въ которой любви отведено только мѣсто эпизодическое, какъ въ исторіи странствія троянскаго героя.

Наслѣдовавшій Моцарту, послѣдній членъ того великаго тріумвирата, который создалъ новую музыку, поставивъ ее на высоту еще ни кѣмъ не превзойденную,—тріумвирата Гайдна, Моцарта, Бетховена, былъ уже обуреваемъ страстью своего времени. Въ Бетховенѣ уже является поэзія борьбы идей, стремленіе духа выше и выше къ истинѣ и блаженству, борьба его съ несчастіями и препятствіями, страданія его отъ разрозненности и, наконецъ, какъ въ пасторальной симфоніи,—примиренія человѣка съ его долею. Въ этомъ примиреніи, необходимомъ для стройности и законченности художественнаго творенія, есть еще уступка идеалу искусства, уступка, на которую вскорѣ художники перестали соглашаться, которую они стали презирать, какъ недостойную слабость, какъ отреченіе, какъ успокоительную и самообольщающую ложь.

Моцартъ не зналъ ничего этого. Онъ былъ — пѣвецъ любви, любви безъ оглядки, любви безъ раскаянія, любви безъ боязни, что въ какую нибудь минуту ей придетъ мысль:—А вѣдь ты, правду сказать, жалкое ничего недѣланіе. Ты — не призваніе человѣка, не цѣль его; ты — Дидона, а Эней убѣгаетъ отъ Дидоны; ты — Калипсо, а Телемакъ, увлекаемый мудрымъ Менторомъ, бросается въ житейское море и тѣмъ спасается отъ Калипсо!—

Если бы Моцартъ такъ думалъ, онъ не создалъ бы «Донъ-Жуана», ни «Свадьбы Фигаро», ни «Волшебной Флейты», короче, онъ не былъ бы Моцартомъ. Онъ не жилъ жизнью общества, или лучше сказать, само общество еще не жило сознательно или едва начинало жить, а лепетанье его задачъ не могло отклонить жреца искусства отъ того алтаря, которому онъ служилъ. Алтарь этотъ былъ алтарь поклоненія красотѣ. «Донъ-Жуанъ» — произведеніе совершенно романтическое по сюжету, предупредившее самое появленіе такъ называемой романтической школы, но по мысли — чисто классическое, эллинское или римское произведеніе. Моцартъ — Анакреонъ музыки, мысль «Донъ-Жуана» — мысль овидіевыхъ метаморфозъ.

Влеченіе къ красотѣ въ ея самомъ могущественномъ воплощеніи—женщинѣ, вотъ поэзія, глубоко запечатлѣвшая «Донъ-Жуана», и отражающаяся почти на всѣхъ драматическихъ произведеніяхъ Моцарта. «Свадьба Фигаро» была не только по работѣ художника, но и по мысли его — предвѣстіемъ «Донъ-Жуана». Пажъ Херувимъ, «еще самъ незнающій, что̀ онъ чувствуетъ», это — донъ-Жуанъ только-что

вышедшій изъ колыбели, или, какъ характерно замѣчаетъ Улыбышевъ, донъ-Жуанъ въ скрипичномъ ключѣ. «Пусть — говоритъ онъ — у Керубино отростутъ i gran mustacchi, которые предсказываетъ ему Фигаро, и тогда горе Альмавивѣ или ему подобнымъ, если они встрѣтятъ его на своемъ пути». Сузанна въ «Свадьбѣ Фигаро» ужъ говоритъ о пажѣ-херувимчикѣ, что всѣ женщины ему покорятся. Улыбышевъ замѣчаетъ о донъ-Жуанѣ: «Это такой человѣкъ, котораго одно приближеніе ставитъ въ опасность честь женщинъ и жизнь мужчинъ». Такимъ образомъ, упоительныя любовныя пѣсни донъ-Жуана: серенада и, въ особенности, чудная мелодія: Discendi o gioja bella! въ тріо, предшествующемъ серенадѣ, естественно вытекаютъ изъ двухъ арій пажа въ «Свадьбѣ Фигаро», этихъ прелестныхъ и, повидимому, наивныхъ признаній невѣдѣнія въ любви, но въ дѣйствительности уже смущающихъ покой Розины Альмавива, несмотря на ребячество пѣвца, и несмотря на искреннюю любовь ея къ мужу. Такъ много въ этихъ аріяхъ той жгучей таинственности, того заразительнаго невѣдѣнія, которое, хотя и наивно, но уже виновно, виновно своимъ любопытствомъ, своимъ непреодолимымъ стремленіемъ къ знанію.

Но есть ли донъ-Жуанъ простой типъ вивёра и бреттёра, не есть ли онъ не что иное, какъ блестящій Боккингамъ, съ подкладкою Гузмана, qui ne connait pas d'obstacle? Это былъ бы типъ тривіальный. Героевъ въ этомъ родѣ было много на свѣтѣ, да и теперь есть не мало пожалуй въ кавалерійскихъ полкахъ любой арміи. Нѣтъ, донъ-Жуанъ неизмѣримо выше этого пошлаго типа. Геній положилъ на него свою печать и сдѣлалъ изъ него человѣка необыкновеннаго, съ глубиною и жгучестью чувства, а вмѣстѣ съ ненасытностью и алчностью, которыя имѣютъ въ себѣ нѣчто идеальное. Не только подвиги донъ-Жуана недоступны обыкновеннымъ людямъ, но и тѣ размѣры чувства, та поэзія, которая изъ любви сдѣлала почти какую-то идею, которая донъ-Жуана обратила какъ бы въ «вѣчнаго жида» любви, жаждущаго вѣчной перемѣны, вѣчнаго странствія, вѣчной борьбы и побѣды, въ силу какого-то рока, — все это дѣлаетъ изъ донъ-Жуана типъ поэтическій, отчасти таинственный, во всякомъ случаѣ роковой (fatal),—болѣе чѣмъ, какъ-то говоритъ Улыбышевъ, — идею!

Въ этомъ отношеніи, Гоффманъ, въ своемъ знаменитомъ разсказѣ образцоваго исполненія моцартовой оперы вовсе не такъ ошибся, какъ то показалось Улыбышеву. Гоффманъ представляетъ этого героя чѣмъ-то въ родѣ Фауста, одареннаго необыкновенною природою для стремленія къ обладанію чистою истиною и чистою красотой. Фаустъ готовъ отравиться и отравился бы, еслибы ему не явился на выручку Мефистофель. Такъ донъ-Жуанъ, по мнѣнію Гоффмана, отравляется, впадая въ

развратъ, въ которомъ растрачиваетъ и мертвитъ необыкновенныя силы своей природы. Улыбышевъ съ негодованіемъ отвергаетъ этого метафизическаго донъ-Жуана; для него донъ-Жуанъ полонъ силъ и умственнаго здоровья, онъ дѣйствуетъ по своей природѣ, а не искажаетъ ее. Гоффманъ, конечно, не правъ, онъ не правъ въ томъ, что подтягиваетъ художественный типъ къ нравственнымъ категоріямъ добродѣтели и порока. Отсюда у него является необходимость объяснить всесокрушающую страсть донъ-Жуана паденіемъ его, подобно тому, какъ паденіемъ объяснено стремленіе человѣка къ свободѣ и познанію и страданія его въ борьбѣ за достиженіе этихъ благъ. Но Гоффманъ совершенно правъ и согласенъ съ типомъ донъ-Жуана у Моцарта, когда онъ видитъ въ лицѣ донъ-Жуана нѣчто роковое, идею увлекающую его безотчетно, однимъ словомъ, когда онъ объясняетъ его характеръ призваніемъ, и это призваніе выводитъ метафизически, и видитъ въ дѣйствіяхъ донъ-Жуана роковую необходимость. Донъ-Жуанъ есть осуществленіе не отдѣльнаго человѣка, не драматическій характеръ, не индивидуальный организмъ, однимъ словомъ, а — представитель, образъ одного изъ стремленій человѣчества — стремленія къ наслажденію. Сравненіе съ Фаустомъ въ этомъ отношеніи совершенно вѣрно. Фаустъ до перваго своего превращенія и до той перемѣны, того обезличенія, которое замѣчается въ немъ во второй части Гётевой поэмы, послѣ эпизода съ Гретхенъ—представляетъ тотъ типъ, который усвоенъ ему въ народной былинѣ; онъ изображаетъ стремленіе къ познанію, къ истинѣ, если угодно. Во второй части, Фаустъ уже возвышается (вопросъ еще, возвышеніе ли это? но, по мысли и по духу самого Гёте, это было такъ) до полной объективности, до той спокойной гармоніи, въ которой человѣческая жизнь, жизнь всего человѣчества, т. е. исторія и жизнь природы являются только предметами спокойнаго наблюденія, въ которомъ познаніе добывается безъ борьбы, и борьба утратила свой смыслъ.

Но что̀ мы видимъ при первомъ превращеніи Фауста? Чего проситъ онъ у Мефистофеля: познанія истины? Нѣтъ — молодости, наслажденія, обладанія красотою.

Der grosse Geist hat mich verschmäht,
Vor mir verschliesst sich die Natur.
Des Denkens Faden ist zerrissen;
Mir ekelt lange vor allem Wissen.
Lass in den Tiefen der Sinnlichkeit
Uns glühende Leidenschaften stillen!
In undurchdrungnen Zauberhüllen
Sei jedes Wunder gleich bereit!

Со стороны доктора Фауста это — паденіе. Но представьте себѣ Фауста, созданнаго прямо на эту тему, Фауста, котораго призваніе—не

стремленіе къ знанію, а къ обладанію всѣмъ, чѣмъ возможно обладать посредствомъ наслажденія, и вотъ вы будете имѣть передъ собою легендарнаго донъ-Жуана.

Но спросятъ, какъ могъ возвыситься до такого пониманія донъ-Жуана—аббатъ Да-Понте, вѣнскій poeta di corte, стоящій какъ поэтъ ниже своего предшественника Метастазіо, который и самъ былъ только сладкозвученъ, а не силенъ мыслью? Отвѣтимъ: Лоренцо Да-Понте и не создалъ этого типа; его создалъ геній Моцарта. Въ либретто Да-Понте донъ-Жуану мѣстами вложены въ уста изрѣченія самаго пошлаго, казарменнаго характера; взглядъ свой на этого героя поэтъ выразилъ самымъ обозначеніемъ его въ либретто: Don-Giovanni — giovane estremamente licenzioso (молодой человѣкъ чрезвычайно распутный). Вотъ все, что думалъ Да-Понте о донъ-Жуанѣ, котораго пересоздалъ Моцартъ, котораго композиторъ обратилъ въ нѣчто непредвидѣнное поэтомъ. Какимъ образомъ могло совершиться это превращеніе? Здѣсь являются два вопроса: во-первыхъ, какъ могъ Моцартъ сдѣлать изъ донъ-Жуана то, что онъ хотѣлъ, оставаясь однако въ рамкахъ либретто Да-Понте, работая по его канвѣ; и во-вторыхъ: почему именно Моцарту донъ-Жуанъ явился въ своемъ легендарномъ величіи, почему именно мейстеръ Вольфгангъ съумѣлъ создать въ музыкѣ этотъ типъ-идею такъ, какъ никому еще неудалось создать въ музыкѣ другой подобный типъ, типъ Фауста.

Чтобы отвѣчать на эти вопросы, мы должны вовлечь въ наше объясненіе не только геній Моцарта и его личность, съ которою мы должны познакомиться поближе, но еще одинъ геній, геній Мольера.

Замѣчательно, что Улыбышевъ, въ своемъ превосходномъ изслѣдованіи, не отвелъ должнаго мѣста вліянію французскаго драматурга. Онъ указываетъ на испанское происхожденіе пьесы, цитируетъ авторовъ, у которыхъ Да-Понте заимствовалъ сюжетъ, говоритъ объ el Combidado de pietra, Тирсо-де-Молина, но не указываетъ на пьесу Мольера, какъ на главный источникъ пьесы Да-Понте.

Между тѣмъ вліяніе пьесы Мольера на Да-Понте и мысли Мольера на самого Моцарта очевидно. Можно сказать, что либретто прямо выкроено изъ пьесы Мольера, хотя расположеніе ея иное, и есть сцены удобныя для музыки, которыхъ нѣтъ у Мольера. Такъ, эпизода съ командоромъ у Мольера нѣтъ, но либреттисту не было нужды отыскивать его въ легендѣ, такъ какъ эпизодъ этотъ упоминается въ пьесѣ Мольера. Донны Анны въ ней нѣтъ, и введеніе этого лица дало важный матеріалъ для усиленія трагическаго элемента въ оперѣ. Но всѣ остальныя лица: Лепорелло (Sganarelle), Мазетто (Pierrot), Церлина (Charlotte), донна Эльвира, статуя Коммандора—находятся у Мольера и обрисованы въ томъ смыслѣ, въ какомъ они поняты въ оперѣ, хотя далеко не такъ полно и не такъ поэтично, какъ они являются одѣтые

въ лучи моцартова вдохновенія. Нѣкоторые разговоры и нѣкоторыя сцены просто переведены буквально либреттистомъ изъ пьесы Мольера; напримѣръ: увѣщанія, съ которыми Лепорелло обращается къ своему господину, сцена на кладбищѣ съ приглашеніемъ статуи къ ужину, наконецъ сцена за ужиномъ (она взята у Мольера изъ четвертаго акта и дополнена появленіемъ привидѣнія въ концѣ пятаго акта). За то у Мольера нѣтъ бала, который подаетъ поводъ къ знаменитому финалу перваго акта, нѣтъ сцены обмана донны Эльвиры и т. д. Однимъ словомъ, Да-Понте обработалъ и очень удачно обработалъ пьесу Мольера для музыкальнаго либретто, выкинувъ изъ нея лишніе персонажи: отца донъ-Жуана, братьевъ донны Эльвиры, monsieur Dimanche и проч. Но что онъ пользовался именно пьесою Мольера, въ этомъ ручается, повторяемъ, буквальный переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ ея.

Что касается вліянія Мольера на Моцарта, то оно тоже замѣтно. Мольеръ понималъ типъ донъ-Жуана въ томъ смыслѣ, какъ его понялъ Моцартъ, но не такъ глубоко. У него донъ-Жуанъ—лицо необыкновенное, не тривіальный coureur d'aventures. Вотъ, что донъ-Жуанъ говоритъ о себѣ у Мольера: «Я не могу отказать въ своемъ сердцѣ ни одной красавицѣ, которую встрѣчаю, и если бы у меня было *десять тысячъ сердецъ*, я всѣ бы роздалъ. Чувствуешь необыкновенное наслажденіе, стараясь покорить всевозможными угожденіями красивую дѣвушку; наслажденіе слѣдить за успѣхами, которые мало-по-малу одерживаешь надъ нею, бороться съ порывами, слезами и вздохами, съ невинной скромностью души, которая колеблется, шагъ за шагомъ одерживать побѣду надъ сопротивленіями, которыми она съ нами борется; торжествовать надъ возраженіями ея добродѣтели, которыми она гордится, и вести ее постепенно къ полной покорности..... Однимъ словомъ, нѣтъ ничего сладостнѣе, какъ побѣда надъ сопротивленіемъ красавицы, и я въ этомъ отношеніи чувствую въ себѣ честолюбіе завоевателей, которые вѣчно стремятся отъ побѣды къ побѣдѣ и не могутъ ограничить своихъ желаній. Ничто не можетъ остановить пылкости желаній моихъ, я ощущаю въ себѣ сердце готовое любить весь міръ, и какъ Александръ, я желалъ бы, чтобы были еще другіе міры, на которые я могъ бы распространить мои любовныя завоеванія».

Вотъ какъ очертилъ Мольеръ своего героя. Моцартъ понялъ его въ этомъ смыслѣ; хотя либретисту эта исповѣдь донъ-Жуана показалась только забавною, а потому онъ вложилъ ее, за донъ-Жуана, въ уста лакея его, въ каррикатурномъ видѣ (il catalogo), такъ что композитору не предстояло случая изложить характеръ героя отъ его же лица, но онъ *на дѣлѣ* обрисовалъ своего героя именно въ смыслѣ программы Мольера, только со всею тою разницею, которая должна была быть между реалистомъ французомъ и германскимъ мечтателемъ, — между

холодною прозою Мольера и жгучею, волшебною поэзіею звуковъ Моцарта.

Есть еще одна черта общая донъ-Жуану Мольера и Моцарта, это—непокорность сверхъестественному вмѣшательству. Но у Мольера донъ-Жуанъ является только какъ esprit fort конца XVII вѣка (его пьеса написана въ 1665 году), у Моцарта же, въ силу германскаго генія, донъ-Жуанъ не отрицаетъ сверхъестественной силы, а противится ей. Онъ долженъ ей противиться потому именно, что его призваніе неодолимо. Онъ представляетъ безусловное стремленіе къ наслажденію, стремленіе столь же вѣчное въ человѣчествѣ, какъ и понятіе его о силѣ сверхъестественной, вмѣшивающейся въ его судьбу. Донъ-Жуанъ столь же мало можетъ быть устрашенъ и остановленъ привидѣніями, какъ Фаустъ, потому именно, что призваніе ихъ роковое. Въ стремленіи къ наслажденію, возведенномъ на степень идеи, какъ у Моцарта, есть свой трагизмъ, какъ во всякой силѣ, дѣйствующей безусловно. Донъ-Жуанъ можетъ быть уничтоженъ сверхъестественною силою, какъ лицо, но онъ не можетъ отступить передъ ней, какъ идея. До такого образа пониманія типа донъ-Жуана не возвысился не только Да-Понте, но и самъ Мольеръ. У Да-Понте исходъ драмы, по его мысли, самый тривіальный. Это обнаруживается самымъ заглавіемъ (вторымъ) пьесы: Don Giovanni ossia il dissoluto punito (или наказанный развратникъ). Такимъ образомъ, по мысли итальянца, весь смыслъ драмы состоитъ въ томъ, что «дурныя дѣла рано или поздно влекутъ за собою наказаніе». Это отношеніе къ сюжету видно и изъ пошлыхъ словъ, вложенныхъ либретистомъ въ уста героя, когда ему угрожаетъ командоръ, въ послѣдней сценѣ: No, vecchio infatuato! (Нѣтъ, взбалмошный старикъ!), и въ тѣхъ мало значущихъ остальныхъ словахъ, которыя онъ далъ донъ-Жуану въ этой грозной сценѣ, и которыя единственно въ музыкѣ Моцарта получаютъ великое трагическое значеніе.

У Мольера, донъ-Жуанъ, какъ человѣкъ необыкновенный, разумѣется—esprit fort, но не болѣе. Въ грозной сценѣ конца, его возраженія привидѣнію слабы: «Non, non, rien n'est capable de m'imprimer de la terreur» и далѣе: «Non, non, *il ne sera pas dit,* quoiqu'il arrive, que je sois capable de me répentir.» Итакъ, здѣсь esprit fort, донъ-Жуанъ, изъ тщеславія не хочетъ покориться сверхъестественной очевидности, и сцена выходитъ нелѣпая. Тщеславный esprit fort можетъ отрицать сверхъестественность сколько угодно, не только за веселымъ пиромъ, но и на смертной постелѣ. Но смѣшно отрицаніе его, когда сверхъестественность въ-очію стоитъ передъ нимъ. Вотъ почему слабы и тривіальны слова Донъ-Жуана у Мольера въ послѣдней сценѣ, и Сганарелль (Лепорелло) основательно заключаетъ пьесу Мольера словами: l'impiété de mon maître punie par le plus épouvantable châtiment du

monde,—слова́, которыя даютъ исходу пьесы тотъ самый ограниченный смыслъ, какой онъ имѣетъ въ либретто Да-Понте.

Какъ неизмѣримо выше трагизмъ этой сцены у Моцарта! Съ самаго перваго обращенія его донъ-Жуана къ сверхъестественности, которой нельзя не вѣрить, когда она является реально, какое истинно-трагическое отношеніе къ ней этого героя-идеи! Въ сценѣ на кладбищѣ, послѣ глумленія надъ статуею командора, жертвы роковой шпаги донъ-Жуана (кстати замѣтимъ еще сходство его съ Фаустомъ: дуэль съ командоромъ имѣетъ совершенно тоже значеніе, какъ поединокъ Фауста съ Валентиномъ, братомъ Гретхенъ), когда несомнѣнные признаки говорятъ о присутствіи сверхъестественной силы, донъ-Жуанъ самъ обращается къ статуѣ съ вопросомъ: Verrete a cena? Этотъ вопросъ имѣетъ въ музыкѣ значеніе вызова: натуральное *ut* сходящее на *la dièze* въ спокойныхъ четвертяхъ, — вотъ твердая, мужественная постановка вопроса, подчеркиваемая совокупленіемъ тѣхъ же нотъ въ двойномъ аккордѣ оркестра. Затѣмъ таже фраза: Verrete a cena? но уже измѣненная; пониженная на кварту, она вдругъ поднимается квинтою (съ *mi naturel* на *si*). Въ этомъ вы положительно слышите вызовъ. Самое повтореніе вопроса съ его твердой постановкой, въ этой транскрипціи, представляетъ поразительный эффектъ: вы чувствуете, что донъ-Жуанъ признаетъ сверхъестественность, но не только не думаетъ покориться ей, а надменно возстаетъ передъ нею; вы слышите, что сила вызываетъ силу, и понимаете, что на эту борьбу съ сверхъестественнымъ рѣшается нѣчто тоже роковое. Здѣсь донъ-Жуанъ обнаруживается во всемъ своемъ значеніи *идеи*, значеніе, которое, легче можно упустить изъ виду въ его любовныхъ кантиленахъ, несмотря на ихъ ѣдкій, гибельный ароматъ, напоминающій чарующій, но смертельный запахъ цвѣтовъ пресловутаго «дерева смерти».

Таже неподвижность въ своихъ замыслахъ и то же горделивое отношеніе къ сверхъестественности еще съ большею силою выступаютъ въ послѣдней сценѣ, при появленіи привидѣнія за ужиномъ. Повтореніе страшныхъ вступительныхъ аккордовъ увертюры, гробового хорала командора, испугъ, обнаруживаемый переливающимися безнадежно гаммами всего оркестра и трепещущими тріолетами его басовъ, вся эта чудная фантасмагорія загробнаго міра представляетъ намъ сверхъестественную реальность, которую не можетъ не признавать донъ-Жуанъ. И вотъ этой-то поэмѣ смерти, этой-то слишкомъ ясной угрозѣ страшнаго міра, онъ бросаетъ свои великолѣпные вопросы:

Parla dunque, che chiedi, che vuoi?

«Чего ты хочешь, зачѣмъ ты пришолъ», спрашиваетъ онъ у представителя міра смерти, который сокрушитъ его. Эти звуки: che chiedi, che vuoi, съ настойчивостью усиливающіе вызовъ—звуки потрясающіе;

они сами сверхъестественны. Привидѣніе приглашаетъ его выслушать приговоръ:

Parlo, ascolta, più tempo non ho....

Тогда герой жизни, герой наслажденія бросаетъ смерти снова свой вызовъ въ видѣ вопроса: «Говори-же, я готовъ выслушать» —

Parla, parla, ascoltando ti sto.

Эта, необыкновенно эффектная, фраза, въ верхнихъ нотахъ которой слышенъ вызовъ уже грозный, этотъ чудный отказъ жизни въ повиновеніи смерти, является уже съ ритмомъ болѣе живымъ, чѣмъ вызовъ на кладбищѣ: Verrete a cena? Полная жизненной силы фраза эта произносится *forte* и даже съ усиліемъ голоса, вначалѣ, что зависитъ отъ самой ея формаціи, и еще болѣе одушевляется подвижностью акомпанимента, который какъ бы выноситъ ее изъ всего діалога, и даетъ ей особое значеніе.

Сколько философіи здѣсь въ построеніи каждой фразы, въ инструментовкѣ и многообразныхъ модуляціяхъ! Сколько психическаго анализа и какой глубокій, ясно обдуманный драматизмъ въ развитіи. Вотъ, что сдѣлалъ Моцартъ изъ плохихъ словъ, но великолѣпной рамки, данной ему либретистомъ. Въ эту рамку, назначенную для салонной картины, для изображенія тривіальной морали въ лицахъ, онъ вмѣстилъ два міра. И сколько ни портитъ ему дѣло Да-Понте своими будничными словами, какъ напр. (на кладбищѣ):

Bizarra è inver la scena,
Verrà il buon vecchio a cena

или пошлыми шутками (за ужиномъ) Лепорелло, въ родѣ:

Oibò, tempo non ha, scusate!

великій мастеръ звуковъ—der Noten Meister, по выраженію Лютера— превозмогаетъ все это силою своего вдохновенія.

Такимъ образомъ, донъ-Жуанъ выходитъ у него совсѣмъ не Giovane estremamente licenzioso, не dissoluto punito, не indegno cavaliere — какимъ его рекомендуетъ Да-Понте, не только Александромъ любви, и тщеславнымъ esprit fort, какъ онъ представлялся Мольеру, который не могъ возвыситься до олицетворенія въ своемъ героѣ полной, широкой идеи, и тутъ же испортилъ едва начертанный имъ съ легенды образъ, заставивъ своего донъ-Жуана прикидываться ханжою (въ сценѣ съ отцомъ) и обманывать кредиторовъ (въ сценѣ съ Mr. Dimanche), какъ бы съ цѣлью сдѣлать его «весьма и весьма достойнымъ наказанія»,—а духъ наслажденія, идущій къ нему чрезъ трупъ, чрезъ насиліе, чрезъ всѣ священныя связи, наперекоръ всему земному и въ видѣ вызова сверхъестественному міру.

Теперь объяснимъ, почему именно Вольфгангъ Моцартъ былъ болѣе способенъ, чѣмъ кто-либо, создать этотъ типъ, при помощи своего генія. Для этого намъ надо вникнуть въ характеръ и жизнь самого композитора. При этомъ случаѣ, и чтобы дополнить нашъ очеркъ, не прерывая лишній разъ нити разсказа, мы сдѣлаемъ здѣсь паузу и разскажемъ вмѣстѣ нѣсколько чертъ, характеризующихъ всю дѣятельность Моцарта.

Жизнь Вольфганга Моцарта протекла безъ особенныхъ, необыкновенныхъ приключеній. Предѣлы нашего очерка не дозволяютъ изложить его біографіи, довольно впрочемъ извѣстной большинству читателей. Жилъ онъ постоянно въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, перебивался своимъ трудомъ и съ трудомъ. Такъ, «Волшебную флейту» онъ долженъ былъ отдать за безцѣнокъ. Былъ онъ сначала концертмейстеромъ за 12 гульденовъ съ нѣсколькими крейцерами жалованья, и никогда не добился сколько нибудь обезпеченнаго положенія. Уже умирая, всего тридцати пяти лѣтъ отъ роду (Моцартъ родился 1756 г., умеръ 1791 г.), онъ лежа на постелѣ, съ которой ему не суждено было подняться, и очень хорошо понимая это послѣднее обстоятельство, получилъ извѣстіе о назначеніи его директоромъ музыки въ вѣнскомъ соборѣ св. Стефана и горько жаловался, что ему приходится умирать: «Теперь, когда я обезпеченъ, когда я могъ бы работать, не дѣлая болѣе уступокъ прихотямъ публики, когда я могъ бы быть полезенъ семейству, теперь я, въ силѣ молодости, оставляю жену свою и своихъ дѣтей, и умираю»....

Признанъ Моцартъ современниками не былъ, и только его «Волшебная флейта», опера-шутка, написанная въ стилѣ чисто-нѣмецкомъ, была популярна въ Германіи. Эта опера, также какъ и «Титъ» (la Clemenza di Tito) написаны имъ въ годъ смерти, передъ знаменитымъ «Requiem», которымъ онъ простился съ міромъ. Истощенный работою, надъ которою онъ сидѣлъ до совершеннаго изнеможенія, принялся онъ за «Тита», и думалъ, что эта новая работа разсѣетъ его мрачныя мысли, успокоитъ его раздраженные нервы. Онъ самъ принялся за нее съ охотою, но она еще болѣе обезсилила его. «Идоменей», опера, написанная подъ вліяніемъ Глюка и представленная въ Мюнхенѣ въ 1785 году, имѣла тамъ большой успѣхъ. «Похищеніе изъ сераля», опера, представленная въ Вѣнѣ въ 1782 году и написанная по заказу Іосифа II, имѣла успѣхъ только при дворѣ и обратила на него особенное вниманіе императора, который и далъ ему затѣмъ сюжетомъ комедію Бомаршѐ: «Свадьба Фигаро». Эта опера, вмѣстѣ съ «Донъ-Жуаномъ», составляетъ вѣнецъ Моцарта, какъ опернаго композитора. Здѣсь онъ явился свободнымъ отъ всякаго вліянія и слилъ всѣ роды, употребивъ ихъ какъ средство, создавъ изъ нихъ свой родъ, ставъ законодателемъ всемірной музыки. Здѣсь воспользовался онъ и своимъ знакомствомъ съ итальянскою шко-

лою, во вкусѣ которой писалъ оперы для миланской сцены, будучи еще почти мальчикомъ, и успѣхами, которые сдѣлала драматическая музыка, благодаря Глюку, и нѣмецкой школѣ.

Но въ Вѣнѣ, ни «Nozze di Figaro», ни «Don Juan», не имѣли успѣха. «Свадьба Фигаро», представленная въ 1785 году, пала, вслѣдствіе дурного исполненія, зависѣвшаго частью отъ неспособности итальянскихъ пѣвцовъ, а частью и отъ интригъ оберъ-директора музыки, итальянца Саліери, который, въ тоже время, поставилъ никому неизвѣстную нынѣ свою оперу «Cosa rara», которая «затмила» произведеніе Моцарта. За то въ Прагѣ «Свадьба Фигаро» имѣла огромный успѣхъ. Непривычный къ успѣху, Моцартъ былъ такъ тронутъ этимъ, что сказалъ: «Если чехи меня такъ хорошо понимаютъ, то напишу же я оперу особо для нихъ». И написалъ — «Донъ-Жуана». «Донъ-Жуанъ» былъ представленъ въ Прагѣ 4 ноября 1787 года, и имѣлъ колоссальный успѣхъ. Въ Вѣнѣ же и онъ не особенно понравился; его «затмила» опять новая опера бездарнаго Саліери: «Axur».

Такъ-то боролся этотъ геніальный человѣкъ съ нуждою и съ невѣжествомъ. Но если оставить въ сторонѣ эти тяготѣвшія надъ нимъ внѣшнія обстоятельства, то можно, пожалуй, признать его счастливымъ въ жизни, покрайней мѣрѣ въ томъ, что зависѣло отъ его собственной природы и отъ близкихъ его связей. Онъ нѣжно любилъ своего отца, почтеннаго капельмейстера и композитора, который долго держалъ сына въ строгой, но согрѣтой любовью, опекѣ. Письма Моцарта-сына къ отцу представляютъ богатый матеріалъ для уразумѣнія внутренней жизни этой геніальной натуры. Онъ любилъ жену, любилъ дѣтей, имѣлъ друзей, и вообще былъ счастливо обставленъ связями.

Да нельзя было и не любить взаимно Вольфганга Моцарта. Тайна его творчества заключается именно въ обиліи любви, которая проникала и, можно сказать, составляла всю его природу. Разсказываютъ, что, будучи ребенкомъ, онъ иногда спрашивалъ всѣхъ окружающихъ: любятъ ли они его, и если получалъ отъ кого-либо, хотя бы въ шутку, отвѣтъ отрицательный — горько плакалъ. Этотъ геніальный и величайшій поэтъ любви и анализаторъ всѣхъ ея видовъ былъ самъ — весь любовь.

Это была натура артистическая, многосторонняя или, если хотите — многострунная. Усиленная работа и величіе помысловъ и образовъ, которые онъ въ себѣ носилъ, не препятствовали ему быть тѣмъ, что называется: «веселымъ малымъ.» Онъ любилъ шумную бесѣду съ друзьями, за виномъ; сочувствіе къ его идеямъ, энтузіазмъ къ его произведеніямъ повергали его въ упоеніе. Сыновняя и супружеская любовь не исключали въ немъ любви *виновной*, той любви, которой заманчивость и ѣдкую сладость онъ такъ мастерски изобразилъ въ величайшихъ своихъ операхъ. Это вовсе не значитъ, что онъ былъ разврат-

никъ. Нѣтъ, развратникъ всегда бываетъ бездушенъ и неспособенъ къ высокой, чистой привязанности. У Моцарта это было просто результатъ многосторонней, плодовитой природы, жадной ко всѣмъ родамъ наслажденія, хотящей жить полною жизнью и не кастрирующею себя во имя долга, который онъ исполнялъ, коль скоро временныя его связи и минутныя наслажденія не нарушали въ немъ постоянной, искренней и чистой любви.

Вотъ тотъ человѣкъ, который былъ особенно способенъ къ созданію пажа Керубино и своего героя—донъ-Жуана. Онъ олицетворилъ въ нихъ стремленіе, которое самъ ощущалъ, но которому не позволялъ увлекать себя. Въ нихъ, въ этихъ типахъ, онъ изобразилъ его безусловно, какъ вѣчное стремленіе человѣчества. Ошибаются тѣ, которые видятъ въ типѣ донъ-Жуана нѣчто демоническое. Нѣтъ—это чисто человѣческое стремленіе, только возведенное на степень безусловности, обращенное въ идею и, при геніальности творца его, получившее характеръ колоссальности, которая только своими размѣрами и своей безусловностью похожа на нѣчто сверхъестественное.

Любовь во всѣхъ ея подраздѣленіяхъ: любовь платоническую, «мѣщанскую» фантастическую Моцартъ влилъ во всѣ свои оперы и представилъ её въ каждой нѣсколькими лицами. Въ «Свадьбѣ Фигаро», въ «Донъ-Жуанѣ», въ «Волшебной флейтѣ» есть цѣлые квартеты и секстеты любви, всевозможныхъ характеровъ.

Теперь понятно, почему именно Моцартъ былъ наиболѣе способенъ для того, чтобы создать вѣчный типъ стремленія къ наслажденію. Затѣмъ, является вопросъ, откуда же бралась у этого «веселаго человѣка» такая бездна трагизма, почему въ его произведеніяхъ поэма наслажденія постоянно граничитъ съ трагедіею?

Быть можетъ, далеко не для всѣхъ покажется страннымъ, если мы скажемъ, что въ такой впечатлительной, внутренно развитой, вѣчно мечтающей и вѣчно чувствующей природѣ, какъ у Моцарта, рядомъ съ инстинктомъ любви и наслажденія, его уму вѣчно, почти ни на моментъ не отставая, была присуща *мысль о смерти*. Вотъ почему творецъ величайшей изъ поэмъ любви — «Донъ-Жуана», былъ также творцомъ величайшей, безсмертной поэмы смерти: «Реквіема». Всѣмъ извѣстна таинственная исторія сочиненія этого «Реквіема». Моцартъ самъ открыто говорилъ, что пишетъ его для себя, и окончивъ это произведеніе, умирая повторялъ еще: «Не говорилъ ли я вамъ, что «Requiem» пишу для себя?». И это было не результатомъ болѣзненнаго настроенія измученнаго работою артиста. Нѣтъ, это было только какое-то инстиктивное сознаніе, что приближается тотъ часъ, о которомъ онъ давно думалъ, который мелькалъ въ его помыслахъ за стаканомъ вина, въ веселой бесѣдѣ, и производилъ въ его тайной творческой душѣ страшное tuba miram «Реквіема», рядомъ съ комическою пѣснью Папа-

гено (то и другое написано въ одномъ году). Моцартъ такъ освоился съ идеею смерти, столько разъ бесѣдовалъ съ нею, узнавая ея языкъ и частью, насколько позволяли человѣческія средства, передавая его въ своихъ мрачныхъ картинахъ, отъ которыхъ на самую любовь у него вѣетъ чѣмъ-то гибельнымъ, еще болѣе раздражающимъ ѣдкость и жгучесть ея изображенія, — что смерть какъ-бы подсказала ему ясно послѣдній его часъ.

Но онъ гораздо ранѣе познакомился съ нею и подчинился ея вдохновенію въ самыхъ своихъ веселыхъ грёзахъ. Въ то время, какъ онъ писалъ «Донъ-Жуана», эту dramma giocoso, съ такимъ страшнымъ началомъ и такимъ страшнымъ концомъ, вотъ какое признаніе послалъ Моцартъ своему отцу: «Не стану объяснять вамъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю успокоительнаго извѣстія отъ васъ; надѣюсь, что получу его, хотя привыкъ предвидѣть во всемъ худшее. Такъ какъ, въ сущности, смерть есть истинная цѣль жизни, то я, вотъ уже года два, такъ освоился съ мыслью объ этомъ истинномъ и лучшемъ другѣ человѣка, что образъ его, не только мнѣ не страшенъ, но, напротивъ, дѣйствуетъ на меня успокоительно и утѣшаетъ меня. И я благодарю Бога за то, что онъ научилъ меня видѣть въ смерти ключъ истиннаго нашего счастья. Я никогда не ложусь спать, не подумавъ, что завтра, быть можетъ, меня не будетъ болѣе, несмотря на мою молодость. И однакожъ, никто изъ знающихъ меня не скажетъ, что я печаленъ или въ дурномъ расположеніи; за эту-то милость я ежедневно благодарю моего Создателя и отъ души желаю, чтобы она была дарована всѣмъ людямъ.» Письмо это писано 4 апрѣля 1787 года; 28 мая отецъ Моцарта умеръ, а 4 ноября было первое представленіе «Донъ-Жуана». Смерть отца сильно подѣйствовала на Моцарта и природное расположеніе его бесѣдовать съ самимъ собою «о такихъ предметахъ» обратилось на нѣкоторое время почти въ галлюцинацію траурныхъ образовъ. Можно себѣ представить, съ какой грозной рельефностью подробностей они ему представлялись и какая была инструментовка у этой внутренней, никому неизвѣстной симфоніи! Но подвижная, именно въ силу своей многосторонности и жизненной силы природа Моцарта, скоро вывела его изъ печальной тюрьмы, въ которую было-замкнула его, слишкомъ близкая сердцу, катастрофа. Онъ возвратился въ кружокъ пріятелей, и наслажденіе жизнью вступило въ свои права. Но впечатлѣніе, произведенное на него смертью отца, сказалось съ неподражаемымъ краснорѣчіемъ въ одномъ мѣстѣ задуманнаго произведенія.

Мы сказали, что Моцартъ работалъ до изнеможенія. Но работа, которой онъ отдавался страстно, была работа внутренняя. Механическую часть работы: изложеніе мыслей на бумагу, онъ не любилъ и всегда откладывалъ ее до-нельзя. Вдова его, впослѣдствіи вышедшая

за перваго его біографа, г. Ниссена, разсказывала, что увертюру къ «Донъ-Жуану» онъ написалъ въ одну ночь. Моцартъ сочинялъ и писалъ «Донъ-Жуана» въ уединеніи, на дачѣ, лѣтомъ. На свободѣ и подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей создалъ онъ эту великую драму. Но когда все было готово, все уже было прорепетировано нѣсколько разъ и наступилъ канунъ представленія, увертюра еще не была написана. Моцартъ сидѣлъ вечеромъ съ друзьями и пилъ и толковалъ о вѣроятностяхъ успѣха. Наконецъ ему напомнили, что безъ увертюры не пойдетъ завтра опера. Онъ ушолъ на ночь въ кабинетъ и сѣлъ за скучную работу выраженія точками по линейкамъ своихъ готовыхъ мыслей. Работа была спѣшная и непривлекательная. Онъ писалъ и подкрѣплялъ себя пуншемъ. Наконецъ, его стало неодолимо клонить ко сну. Голова его постоянно приближалась къ бумагѣ, и онъ едва не засыпалъ, а все, дѣлая надъ собою усилія, продолжалъ писать. Для удержанія себя отъ сна, онъ просилъ жену разсказывать ему въ это время дѣтскія сказки: о «Замарашкѣ» и тому подобное; и такъ, среди пунша, полусна и сказокъ, онъ написалъ наконецъ то превосходное произведеніе, которое называется увертюрою «Донъ-Жуана.» Здѣсь первые же аккорды открываютъ мысль всей драмы; за ними, за эпизодомъ послѣдней сцены, тутъ изложеннымъ, начинается цѣлая исторія приключеній героя, обрисованная съ великою обдуманностью; она была готова въ головѣ, а написать ее можно было и въ полуснѣ. Утромъ стали переписывать, а вечеромъ положили музыкантамъ на пюпитры едва высохшія страницы, засыпанныя пескомъ. Оркестръ сыгралъ увертюру à livre ouvert. Этотъ пражскій оркестръ, исполняющій увертюру «Донъ-Жуана» à livre ouvert, былъ достоинъ того произведенія, которое ему было поручено. Судьба поблагопріятствовала Моцарту и въ пѣвцахъ. Партію донны Анны исполнила въ первый разъ Тереза Сапорети, партію донъ-Оттавіо — теноръ Бальони, партію Донъ-Жуана молодой баритонъ двадцати двухъ лѣтъ, и замѣчательной красоты — Басси. По преданію, Басси былъ первымъ и послѣднимъ донъ-Жуаномъ, то-есть, обольстительная его личность никогда не могла быть замѣнена въ этой роли.

Въ этой «веселой драмѣ» страшны и начало и конецъ. Первые аккорды увертюры — тѣ же самые, которыми обозначается въ послѣднемъ актѣ катастрофа. Первый выходъ донны Анны, преслѣдующей въ темнотѣ донъ-Жуана, это чудное тріо, въ которомъ полная бури фраза оркестра прерывается жгучими воплями женщины, мстящей за покушеніе на ея честь, поспѣшными увѣщаніями донъ-Жуана къ ней, чтобы она замолчала, и «фономъ» страха Лепорелло, на которомъ отражается вся эта сцена насилія — прямо покоряютъ слушателя композитору. Въ словахъ этихъ:

Non sperar se non m'uccidi...
Donna folle, invan tu gridi...
Che tumulto, o ciel, che gridi!...

нѣтъ рѣшительно никакого вдохновенія; здѣсь, какъ вездѣ, Да-Понте создалъ только положеніе, въ которое затѣмъ вложилъ жизнь Моцартъ, жизнь вполнѣ отъ него зависѣвшую. Увивающимися кольцами двувязныхъ нотъ захватывала, задерживала злодѣя борющаяся фраза донны Анны. Речитативомъ, жалкими воплями, полутонами сходятъ призывные крики ея о помощи. Genti! Servi! Первая фраза борьбы, возвращается за тѣмъ, но уже въ болѣе рѣзкомъ видѣ, въ видѣ речитатива: Ti saprò perseguitar; и подъ этимъ всѣмъ дрожаніе Лепореллова баса, которому такія штуки не въ диковинку, но котораго все-таки пробираетъ страхъ, такъ-что онъ бормочетъ про-себя что-то какъ будто и шутливое, но съ сознаніемъ, что такія шутки не къ добру.

Но вотъ является старикъ-отецъ на защиту своей дочери; онъ уже слабъ, но онъ рыцарь, онъ командоръ, и вотъ въ нетвердой рукѣ его блеститъ шпага. Какою твердостью звучитъ его вызовъ: «Оставь ее, негодный! сразись со мною»; какимъ величіемъ—его преднамѣренное оскорбленіе: «Ты хочешь бѣжать!» Эти аккорды *tutti* оркестра даютъ оскорбленію именно характеръ величія: слышно, что оно исходитъ отъ судьи, отъ отца, что въ немъ говоритъ кровная обида и священное право, а не заносчивость или увлеченіе. Затѣмъ сраженіе совершенно наглядно изображено звуками, можно даже сосчитать «смертельные ходы» шпаги убійцы; ихъ три: на первомъ *si* бэкаръ; затѣмъ еще два раза скрипки идутъ по тону выше, а басъ по тону ниже, пока, наконецъ, онъ замираетъ на воспроизведеніи, въ басовомъ ключѣ, того аккорда, который въ скрипичномъ ключѣ изобразилъ первый смертельный ходъ шпаги донъ-Жуана.

За этой борьбою слѣдуетъ страшное тріо басовъ: убійцы, умирающаго и свидѣтеля — Лепорелло. Отрывистые звуки, въ которыхъ выдыхается жизнь командора, выдѣляющаяся фраза *legato* донъ-Жуана: Ah, già cade il sciagurato, фраза, запечатлѣнная горечью, несмотря на свою твердость и связность, обнаруживающія самообладаніе этого грознаго завоевателя любви; наконецъ, тихіе, ровные, смертные тріолеты акомпанимента, послѣдовавшіе за только-что кончившеюся упорною и страшною борьбою, въ которой донъ-Жуанъ такъ неумолимо наносилъ ударъ за ударомъ, ускоряя темпъ — все это представляетъ едва ли не самое патетическое мѣсто въ оперѣ. Эта грозная, съ яркостью Рембрандта, съ мрачностью Мурильо написанная картина производитъ на слушателя потрясающее дѣйствіе въ самомъ началѣ. Затѣмъ слушатель, хотя и знаетъ, что ему предстоитъ dramma giocoso, исторія любви кавалера де-Теноріо и забавныхъ приключеній его слуги

Лепорелло, но онъ уже подготовленъ къ чему-то болѣе. Вотъ почему его потомъ вовсе не удивляетъ, когда статуя на конѣ, въ самомъ дѣлѣ, наклоняетъ голову на призывъ донъ-Жуана, хотя самого героя драмы это и удивляетъ. «Веселая драма» съ самаго начала переступаетъ черезъ трупъ.

За этою сценою является еще другая патетическая, дышащая страданіемъ, сцена, когда доннѣ Аннѣ, бѣгущей съ женихомъ на помощь къ отцу, представляется уже холодный трупъ старика-командора. Ei non respira più... Глубоко краснорѣчива повѣсть этого страданія, хотя и коротка:

Quel sangue, quella piaga, quel volto...

речитативъ, прерываемый жалобными, протяжными септимами нѣжнѣйшихъ инструментовъ оркестра. Но когда рыдающая дочь произноситъ фразу:

Tinto e coperto dal pallor di morte...

и голосъ ея, падая, замираетъ въ безнадежномъ отчаяніи, а оркестръ, послѣ короткаго траурнаго *tremolo*, откликается на это тремя ровными, какъ-бы равнодушными, полузаключительными трехзвучіями, точно констатирующими совершившійся фактъ, то сердце сочувствующаго слушателя надрывается. Онъ вполнѣ понимаетъ тотъ пронзительный крикъ, которымъ, наконецъ, разражается донна Анна (верхнее *la bémol)* и съ которымъ совпадаетъ прямо изъ гроба выходящій, мрачный, почти въ диссонансъ, отзывъ басовъ.

Эта сцена горя дочери надъ убитымъ отцомъ — цѣлая поэма, великая поэма. Видно, что нѣжно-любимый Моцартомъ отецъ умеръ у него въ то время, какъ онъ писалъ это геніальное воспроизведеніе скорби.

Дуэтъ: Fuggi crudele, достойно заключаетъ эту поэму. Донна Анна на моментъ забывается, она принимаетъ даже своего донъ-Оттавіо за злодѣя. Донъ-Оттавіо нѣжными словами напоминаетъ ей, ктó онъ. Въ этомъ дуэтѣ, вообще донна Анна преобладаетъ всѣмъ величіемъ своего трагизма надъ донъ-Оттавіо, который только нѣженъ. Но за то, сколько нѣжности въ его убѣжденіяхъ, въ его утѣшеніяхъ. Напрасно донъ-Оттавіо презираютъ; любовь его такъ сильна, такъ деликатна и такъ всесильна надъ нимъ, что любящаго человѣка, хотя бы и обыкновеннаго, но озареннаго такимъ свѣтомъ, презирать нельзя. Въ дуэтѣ, о которомъ мы говоримъ, донъ-Оттавіо, еслибы онъ былъ даже человѣкъ дѣятельный и съ страстями, столь же пылкими, какъ у донъ-Жуана, не могъ бы говорить иначе, какъ онъ говоритъ. Нѣжный, аккордъ утѣшенія:

... Lascia o cara
La rimembranza amara

и затѣмъ переходъ голоса на септиму внизъ, съ остановкою на ней:

Hai padre esposo in me

совершенно естественны и не означаютъ какого-либо личнаго свойства жениха донны Анны: здѣсь слышно только желаніе его утѣшить возлюбленную и относительное его спокойствіе. Вѣдь не его же отецъ убитъ; сверхъ того, онъ — мужчина и, въ данную минуту, ему прежде всего представляется задача этой минуты: привесть въ себя донну Анну, изступленную отъ горя. Онъ обѣщаетъ замѣнить ей отца и обѣщаетъ это съ такою нѣжною преданностью, что слова его дѣйствуютъ утѣшительно даже въ такую страшную минуту. Сцена заключается безсмертнымъ *allegro*: Che giuramento, o Dei!

Трагическій элементъ ярко выступаетъ затѣмъ въ сценѣ на кладбищѣ, которая сама по себѣ такъ весела: онъ проявляется здѣсь сперва единственно колоратурою, инструментовкою того хорала, который исполняетъ статуя. Тутъ сливаются въ грозные, сверхъестественные, глубоко-печальные аккорды тромбонъ усиливающій основныя ноты акомпанимента и фаготъ, съ гобоями и кларнетами, издающіе протяжные, унылые звуки.

Чтó сказать о прелестяхъ финала перваго акта, начиная съ тріо масокъ, продолжая минуэтомъ, и его переходомъ тономъ выше, и кончая той страшной бурею, которая разражается въ проклятіяхъ надъ головою преступника въ *allegro*, въ *ut majeur*:

Trema, trema scelerato....

и въ *tutti*:

Odi il tuon della vendetta
Che ti fischia intorno, intorno;
Sul tuo capo in questo giorno
Il suo fulmine cadrà.

Мы не можемъ распространяться до анализа хотя бы однихъ важныхъ мѣстъ партиціи «Донъ-Жуана» и «Свадьбы Фигаро». Да это и не нужно. Все, чтó можно о нихъ сказать, уже сказано другими, лучше чѣмъ бы могли сказать мы. Наша цѣль — только дать очеркъ творчества Моцарта, и цитируемыя нами мѣста приводятся только какъ примѣры.

«Свадьба Фигаро», какъ мы уже говорили, была написана за два года до «Донъ-Жуана», написана не по произвольному выбору композитора, а по заказу. Артисты, которымъ пришлось исполнять эту оперу въ первый разъ, назывались: г-жи: Стораче, Ласки, Мандини, Руссани, Готлибъ и пѣвцы: Бенуччи, Мандини, Оккели, Руссани. Пѣвцы второстепенные, за исключеніемъ одной Стораче, которой была поручена трудная партія графини. Невыгодность сюжета комедіи Бомарше для музыкальной обработки, безталанность артистовъ и преднамѣренно-

дурное исполненіе сдѣлали то, что опера эта, какъ мы уже сказали, пала въ Вѣнѣ. Моцартъ даже жаловался императору на пѣвцовъ, и императоръ велѣлъ сдѣлать имъ выговоръ. Но, нѣтъ сомнѣнія, что самъ сюжетъ былъ отчасти причиною неуспѣха. Надо было имѣть всю добрую волю пражцевъ и ихъ высокое музыкальное развитіе, чтобы оцѣнить съ перваго раза прелести музыки «Свадьбы Фигаро», не смотря на неудобство ея сюжета.

Нѣтъ сомнѣнія, что Моцартъ самъ не избралъ бы его; онъ былъ ему навязанъ потому, что комедія Бомарше пользовалась европейскою славой и была въ модѣ при германскихъ дворахъ, заботливо копировавшихъ въ то время французскіе обычаи и подчинявшихся безусловно литературному законодательству Парижа. Комедія Бомарше въ самомъ дѣлѣ прелестна; но все ея достоинство теряется въ музыкальной обработкѣ. Для оперы нужна простая сценическая программа, представляющая нѣсколько ясныхъ драматическихъ положеній. Дѣйствіе должно быть сжато въ этихъ положеніяхъ, а не происходить въ разговорахъ. Между тѣмъ, въ пьесѣ Бомарше, интрига до крайности запутана и вся сущность дѣйствія, вся обрисовка характеровъ заключается именно въ разговорахъ. Все это необыкновенно подвижно и блестяще — но все это пропадаетъ въ музыкѣ.

Комедію Бомарше передѣлалъ въ оперу тотъ же аббатъ Да-Понте и, надо отдать ему справедливость, сдѣлалъ все возможное, чтобы сохранить достоинства оригинала, передать бойкость пьесы, хотя и былъ принужденъ пожертвовать важными ея частями, напримѣръ, знаменитымъ монологомъ Фигаро и нѣкоторыми лицами, именно: Brid'oison, Gripe-soleil, Double-main, безъ которыхъ сцена суда теряетъ всю свою веселость и перестаетъ быть сатирою. Въ характерѣ Бартоло, Да-Понте отступилъ отъ Бомарше и особенно настоялъ на его ябедничествѣ. Онъ характеризовалъ этотъ типъ въ очень удачныхъ стихахъ:

Se tutto il codice dovessi volgere
Se tutto l'indice dovessi leggere....
Con un equivoco, con un sinonimo
Qualche garbaglio si troverà
Cull'astuzia, coll'arguzia,
Col giudizio, col criterio....
Si potrebbe.... E il birbo Figaro
Vinto sarà.

Эта арія Бартоло: La vendetta, oh, la vendetta!—одна изъ самыхъ драматическихъ въ музыкѣ «Свадьбы Фигаро». За восклицаніемъ всего оркестра тянется пронырливая фраза скрипокъ, повторяемая басами въ обратномъ слѣдованіи тоновъ.

У Да-Понте трудно сказать, ктó главное лицо въ пьесѣ; всѣ характеры кажутся второстепенными, потому что имъ нельзя было дать

развитія, и всѣ равными. Отсюда и для Моцарта истекла невозможность расположить ихъ въ подчиненіи, необходимомъ для представленія нѣсколькихъ типовъ законченныхъ. И онъ соблюлъ равенство между ними. Такимъ образомъ, явилась необходимость развивать ихъ попарно; и, въ самомъ дѣлѣ, въ оперѣ Моцарта—семь дуэтовъ. У Бомарше преобладающій типъ — самъ Фигаро, ловкій дѣлецъ и остроумный сатирикъ: Las de nourrir un obscur pensionnaire, on me met un jour dans la rue; et comme il faut diner quoiqu'on ne soit plus en prison, je taille encore ma plume et demande à chacun de quoi il est question: on me dit que pendant ma retraite économique, il s'est établi dans Madrid un système de liberté sur la vente des productions qui s'étend même à celles de la presse; et que, pourvu que je ne parle en mes écrits ni de l'autorité, ni du culte, ni de la police, ni de la morale, ni des gens en place, ni des corps en crédit, ni de l'Opéra, ni des autres spectacles, ni de personne qui tienne à quelque chose, je puis tout imprimer librement, sous l'inspection de deux ou trois censeurs.

Годится ли для музыки такая пьеса, въ которой политическая сатира занимаетъ не менѣе мѣста, какъ остроуміе интриги? Вотъ почему Фигаро у Моцарта вышелъ только разбитнымъ малымъ. Двѣ самыя популярныя аріи въ оперѣ: Se vuoi ballare, signor contino, имѣетъ характеръ веселаго минуэта, другая: Non più andrai, farfallone amoroso — (цитируемая донъ-Жуаномъ и Лепорелло за ужиномъ, какъ-бы модный современный имъ мотивъ) — характеръ военной пѣсни. Обѣ онѣ одушевлены веселостью пересмѣшника. Характеръ донъ-Базиліо совершенно вѣрно обрисованъ въ аріи in quegli anni съ минуэтомъ, гдѣ этотъ ползучій интриганъ разсказываетъ, какъ выгодно прикрываться ослиною шкурою (эта арія у насъ пропускалась). Характеръ графа Альмавивы и графини тоже скопированы Моцартомъ вѣрно съ Бомаршѐ. Въ дуэтѣ съ Сузанною: Crudel, perchè finora, и въ аріи: Vedró, mentr'io sospiro, выражается снѣдающая возмужалаго Альмавиву страсть къ Сузаннѣ, которая въ сущности капризъ, но обращается въ страсть именно препятствіями. Здѣсь, особенно въ аріи, выражается радость человѣка предвидящаго успѣхъ, но радость омраченная облакомъ угрызенія совѣсти. Самыя драматическія мѣста оперы именно тѣ, въ которыхъ дѣятелемъ является графъ, особенно оба тріо: Cosa sento! (гдѣ сверхъ великолѣпнаго тройнаго произнесенія главной фразы замѣчательно еще ядовитое напоминаніе донъ-Базиліо), когда графъ находитъ пажа у Сузанны, и Susanna, ór via sortite, когда графъ подозрѣваетъ его запертымъ у своей жены. Характеръ Розины Альмавива нѣсколько напоминаетъ характеръ донны Эльвиры, но имѣетъ болѣе меланхоліи и болѣе благородства (аріи: Porgi amor, и Dove son i bei momenti).

О типѣ пажа - херувимчика, мы уже говорили выше. На немъ

именно съ особеннымъ увлеченіемъ остановился пѣвецъ любви. Онъ, по условіямъ текста, не могъ дать ему полнаго развитія, преобладанія. Но онъ такъ многозначительно, такъ глубоко обрисовалъ его двумя аріями, романсами, что въ произведеніи Моцарта, можно сказать рѣшительно, преобладаетъ не Фигаро, какъ у Бомаршѐ, а именно пажъ Керубино. Какая прелесть, какое томленіе любви изображено въ аріи Non so più cosa son, cosa faccio! Мелодія наивная, дѣтская, но сколько скрыто сокровищъ опаснаго, упоительнаго чувства въ ней, какая нѣга въ ласкахъ басоваго акомпанимента, который какъ-бы качаетъ мысль виновную, дитя грѣха. Еще яснѣе выступаетъ эта жгучая поэзія грѣшнаго любопытства, эротическаго инстинкта, въ соблазнительной сценѣ переодѣванія Керубина у его крестной матери, Розины, при Сузаннѣ:

Voi che sapete,
Che cosa è l'amor,
Voi mi direte,
S'io l'ho nel cor.

Это усиленіе эффекта разнообразною модуляціею, эта трепещущая отъ волненія мысль — совершенство эротической поэзіи. Надо отдать справедливость г-жѣ Луккѣ: она исполнила обѣ эти аріи такъ, какъ будто самъ Моцартъ научилъ ее любить.

Увлекателенъ тотъ геній, котораго творчество вдохновлялось двумя сильнѣйшими ощущеніями человѣческой души: стремленіемъ къ наслажденію и грозою смерти, которому вѣчно присущи были первая и послѣдняя тайны человѣческой судьбы: любовь и смерть. Р.

ЗЕМСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЗЕМСТВО НА ЮГѢ РОССИИ, ВЪ БОРЬБѢ ЕГО СЪ СУСЛИКАМИ.

(Объ одной изъ причинъ голода.)

Представьте себѣ крестьянина, который весною занимаетъ у промышленника пять мѣръ пшеницы, для того, чтобы возвратить осенью цѣлую четверть; онъ собирается сѣять, послѣ зимы, въ которую питался пшенными лепешками, вмѣсто хлѣба. Скотъ его худъ, орудія чуть держатся, податей впереди много, а недоимки еще больше. Онъ сѣетъ, идутъ дожди, расти бы хлѣбу. Но нѣтъ!.... Въ іюнѣ и іюлѣ стоятъ на полѣ только стебли уничтоженныхъ колосьевъ; поле покрыто какою-то спутанною соломою; поплачетъ надъ нимъ крестьянинъ и станетъ собирать хоть плохой кормъ скоту. А бываетъ и такъ, что *чернѣетъ* посѣвное поле: все на немъ уничтожено, не осталось и соломы....

Такую картину представляли поля крестьянъ и землевладѣльцевъ за послѣдніе пять лѣтъ въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи, въ слѣдствіе сотенъ милліоновъ сусликовъ (овражковъ), которые какъ-бы вытѣснили хозяевъ изъ наслѣдія отцевъ. Почему бы не истреблять этихъ животныхъ?... Причинъ къ состраданію къ нимъ много: во 1-хъ, пресловутая южная лѣнь; во 2-хъ, суевѣріе, считающее за грѣхъ касаться бича божія; и въ 3-хъ, опасеніе того, что придется лить воду въ рѣшето—если я буду истреблять сусликовъ, а сосѣдъ будетъ сидѣть сложа руки! Истреблять-то ихъ легко и водой, и ловушками и отравой; но дѣло въ томъ, что для успѣха дѣла необходимо не упустить первыхъ дней весны, такъ какъ одна самка выводитъ за годъ до 25 дѣтенышей, и первый пометъ ея уже порождаетъ опять новое поколѣніе. Слѣдовательно, для успѣха истребленія, необходимо взяться за дѣло *одновременно*, на огромномъ пространствѣ и, повозможности, *раньше* весной; необходима еще *душа* въ дѣлѣ.

Послѣ всего сказаннаго понятно, что вопросъ объ истребленіи сусликовъ долженъ составить главную задачу земскихъ учрежденій; прекращеніе этого бѣдствія, угрожающаго самому существованію земства, должно составить славу едва подрастающаго самоуправленія также точно, какъ равнодушіе къ нему легло бы позоромъ на земскія учрежденія. Намъ кажется даже, что не только степняковъ, которыхъ морозъ по кожѣ подираетъ при всякомъ свисткѣ овражка, можетъ интересовать вопросъ объ истребленіи сусликовъ. Мы думаемъ, что къ этому вопросу должны отнестись внимательно всѣ люди практическіе и всѣ тѣ, которые желали бы поближе познакомиться съ одною изъ самыхъ плодотворныхъ отраслей дѣятельности земства. Вотъ почему мы изложимъ эпизодъ изъ исторіи истребленія сусликовъ земствомъ, на столько откровенно, сколько то возможно при существующихъ узаконеніяхъ.

Въ Александровской уѣздной земской управѣ, переписка которой съ административными лицами не составляетъ тайны, получено въ октябрѣ прошлаго года слѣдующее отношеніе начальника Екатеринославской губерніи:

«Изъ полученнаго мною, 12 сего октября, протокола бывшаго въ созывѣ Александровскаго уѣзднаго земскаго собранія, 24 минувшаго сентября, усмотрѣно мною, что собраніе установило на будущій 1868 годъ обязательное, для всѣхъ землевладѣльцевъ и сельскихъ обществъ, истребленіе сусликовъ, въ опредѣленномъ собраніемъ, по отношенію къ размѣру землевладѣнія, количествѣ.

«Вполнѣ раздѣляя необходимость принятія всѣхъ возможныхъ мѣръ къ истребленію сусликовъ, я не могу однакоже не принять во вниманіе: что обязательное истребленіе сусликовъ составляетъ особый видъ натуральной повинности, *не предусмотрѣнный въ уставѣ о земскихъ повинностяхъ;* между тѣмъ земскія учрежденія, по ст. 24 временныхъ для нихъ правилъ, не имѣютъ права вводить *новыхъ* родовъ или видовъ натуральной повинности, кромѣ существующихъ уже нынѣ; что если земское собраніе признавало необходимымъ изыскать средства содѣйствія, согласно пункту VIII ст. 2 Полож. о земскихъ учр., къ истребленію сусликовъ, наносящихъ вредъ хлѣбнымъ посѣвамъ, то оно въ правѣ было лишь установить на эту потребность, опредѣленнымъ въ Положен. о земск. учрежд. порядкомъ, денежный сборъ; при невозможности же установленія этого сбора, *истребленіе сусликовъ* посредствомъ натуральной повинности могло составлять лишь *предметъ ходатайства* о семъ со стороны земскаго собранія *къ начальнику губерніи,* власти котораго по закону принадлежитъ принятіе чрезвычайныхъ мѣръ въ случаяхъ общественныхъ бѣдствій; что, наконецъ, установленіе Александровскимъ земскимъ собраніемъ обязательнаго истребленія сусликовъ, какъ *введеніе новаго вида натуральной повинности,*

можетъ возбуждать не только жалобы, но даже противудѣйствіе со стороны сельскихъ обществъ и землевладѣльцевъ распоряженіямъ управы, чему и были уже примѣры, какъ видно изъ протокола Александровскаго земскаго собранія 24 минувшаго сентября (?), и полиція лишена будетъ возможности оказать содѣйствіе къ исполненію этихъ распоряженій, какъ неимѣющихъ законныхъ основаній.

«Я, по вышеприведеннымъ соображеніямъ, и на основаніи ст. 9 Полож. о земск. учрежденіяхъ, признаю постановленіе Александровскаго земскаго собранія, объ установленіи имъ вышеозначеннаго новаго вида натуральной повинности, не дѣйствительнымъ. О чемъ сообщаю земской управѣ.»

Не приступая теперь же къ *подробному* разсмотрѣнію всѣхъ обстоятельствъ, указанныхъ въ протестѣ г. губернатора, я ограничусь пока указаніемъ на сущность мнѣнія г. губернатора, состоящую въ томъ, что земскія учрежденія не въ правѣ требовать представленія отъ извѣстнаго числа десятинъ извѣстнаго числа убитыхъ овражковъ, и предпошлю подробному анализу всѣхъ доводовъ административной власти краткій историческій очеркъ о судьбахъ вопроса объ истребленіи сусликовъ въ Александровскомъ уѣздѣ.

Не со вчерашняго дня суслики истребляютъ наши хлѣба, и люди истребляютъ сусликовъ въ нашемъ уѣздѣ; съ давнихъ поръ палата государственныхъ имуществъ обязывала государственныхъ крестьянъ къ представленію извѣстнаго числа убитыхъ сусликовъ *отъ ревизской души*; такія же мѣры принимались и мировыми учрежденіями, но для *землевладѣльцевъ* истребленіе сусликовъ никогда не было *обязательно.* Административные циркуляры, по этому предмету, обыкновенно выражались, что податныя сословія слѣдуетъ *«обязать»* къ истребленію, а землевладѣльцевъ *«пригласить»* къ содѣйствію. Такого же рода отношеніе г. губернатора Барковскаго къ предводителю дворянства Александровскаго уѣзда было получено въ Александровскѣ и доложено, въ первый разъ съѣхавшемуся, земскому собранію около 2-хъ часовъ пополудни 10 апрѣля 1866 года; между тѣмъ, двумя часами раньше былъ рѣшенъ вопросъ объ истребленіи сусликовъ самимъ собраніемъ. Въ протоколѣ 10 апрѣля 1866 года, не опротестованномъ нынѣ протестующимъ начальникомъ губерніи и напечатанномъ съ его разрѣшенія, значится: «Во время засѣданія получено и доложено собранію отношеніе начальника Екатеринославской губерніи, къ Александровскому предводителю дворянства, о принятіи мѣръ къ истребленію овражковъ; *предлагаемыя въ этой бумагѣ мѣры падаютъ исключительно на податныя сословія.* Уже по этой причинѣ земское собраніе не находитъ возможнымъ принять предложенія начальника губерніи и единогласно постановляетъ: перейти къ очереднымъ заня-

тіямъ, такъ какъ вопросъ объ истребленіи сусликовъ, съ *земской точки зрѣнія*, имъ уже разсмотрѣнъ и рѣшенъ».

Административная борьба съ сусликами не давала результатовъ, не спасала посѣвовъ, это извѣстно каждому изъ здѣшнихъ жителей. Если же искать причинъ такихъ недостаточныхъ результатовъ, то, кромѣ тѣхъ невыгодъ, которыя неразлучны со всякими мѣропріятіями, не истекающими изъ самоуправленія, слѣдуетъ, прежде всего, остановиться на томъ, что истребленіе сусликовъ не было обязательно для *всѣхъ*, но только для податныхъ сословій уѣзда. Александровскому земству принадлежитъ честь *перваго* заявленія полнѣйшей равноправности всего населенія въ борьбѣ съ общественнымъ бѣдствіемъ. Такая постановка вопроса и дала собранію право сказать, какъ мы видѣли, что оно рѣшило вопросъ «съ *земской* точки зрѣнія»; но съ этой точкой зрѣнія слѣдуетъ ознакомиться ближе, поэтому припомнимъ хоть кратко исторію этого дѣла въ нашемъ собраніи, существующемъ съ апрѣля 1866 года.

Наше уѣздное земское собраніе имѣло уже три сессіи, но еще не было одной, въ которую вопросъ объ истребленіи сусликовъ не занималъ гг. гласныхъ и не подвергался всестороннему обсужденію. Въ первый разъ съѣхались гласные, для земскаго дѣла, 5 апрѣля 1866 г. и уже 9 апрѣля вопросъ объ огражденіи посѣвовъ отъ хищничества овражковъ занялъ большую часть засѣданія собранія. Не раздалось тогда, какъ и послѣ, ни одного голоса въ защиту сусликовъ, ни одного голоса *противъ* истребленія ихъ, *ни одного голоса противъ обязательности истребленія ихъ, для всѣхъ сословій безъ изъятія;* но мнѣнія расходились въ выборѣ наилучшихъ средствъ къ уничтоженію враговъ нашихъ полей: одни предлагали денежный налогъ на всѣ имущества, для того, чтобы изъ вырученной суммы уплачивать за всякаго истребленнаго овражка, или съ тою же цѣлью затратить часть продовольственнаго, или же ссуженнаго правительствомъ капитала; 2) другіе оспаривали установленіе новаго *денежнаго* налога, указывая на всеобщее безденежье и опасаясь, что плата за каждаго представленнаго въ управу убитаго овражка, можетъ не вызвать торговли ими въ такомъ размѣрѣ, чтобы истребленіе овражковъ сдѣлалось *повсемѣстнымъ*, т. е. достигло своей цѣли. Послѣднее мнѣніе, послѣ продолжительныхъ диспутовъ, взяло перевѣсъ, и 42 гласныхъ противъ 13 постановили: «обязать всѣхъ къ доставленію извѣстнаго числа овражковъ отъ десятины». Самый подесятинный размѣръ истребленія сусликовъ былъ разработанъ въ особой коммиссіи изъ 18 гласныхъ, въ числѣ коихъ было 8 гласныхъ изъ крестьянъ. 10 апрѣля, утверждена собраніемъ особая таблица, устанавливающая число овражковъ, обязательное къ истребленію отъ извѣстной нормы землевладѣнія; по этой таблицѣ, которую защищали въ коммиссіи и собраніи *гласные изъ*

крестьянъ, число овражковъ, требуемыхъ отъ десятины, уменьшается сообразно увеличенію числа десятинъ владѣемой земли.

Всѣ эти постановленія не встрѣтили тогда возраженій со стороны г. начальника губерніи, нынѣ протестующаго противъ буквальнаго повторенія ихъ, и приведены въ исполненіе.

Во вторую сессію собранія, т. е. въ засѣданіе перваго *очередного* собранія 24 октября 1866 года, оставлены собраніемъ неизмѣненными основныя начала предпринятаго имъ истребленія сусликовъ: а) обязательность подесятиннаго истребленія сусликовъ для лицъ всѣхъ сословій, и б) регрессивность подесятиннаго размѣра истребленія сусликовъ пропорціонально увеличенію землевладѣнія. Въ этомъ засѣданіи была утверждена собраніемъ болѣе точная разработка послѣдняго вопроса: уѣздъ раздѣленъ на 20 участковъ, избраны 20 попечителей изъ гласныхъ для наблюденія за истребленіемъ сусликовъ, и опредѣлены подробности о способѣ доставки и счета овражковыхъ хвостиковъ, представляемыхъ въ доказательство о числѣ истребленныхъ каждымъ животныхъ. Постановленіе 24 октября 1866 года, также приведено въ исполненіе, такъ какъ не встрѣтило возраженій со стороны того начальника губерніи, всѣ доводы протеста котораго мы теперь призваны обсудить.

Наконецъ, 20 сентября 1867 года съѣхались гг. гласные въ третій разъ, и это второе очередное собраніе постановило, какъ видно изъ сличенія протеста съ прежними протоколами, напечатанными съ разрѣшенія губернатора, истреблять овражковъ, какъ и прежде, т. е. на основаніи того постановленія, которое было повтореніемъ опредѣленія перваго чрезвычайнаго собранія 1 апрѣля 1867 года, и поэтому уже *дважды* было исполняемо, такъ какъ *дважды* оставалось безъ возраженій со стороны того самаго начальника губерніи, который нынѣ не соглашается на третье повтореніе такого постановленія, между тѣмъ какъ оно два раза признавалось имъ законнымъ. 20 сентября 1867 года, собраніе сдѣлало, если вѣрить слухамъ, къ прошлогоднему постановленію нѣсколько дополненій, не встрѣтившихъ возраженій со стороны начальника губерніи, который оспариваетъ, какъ видно изъ протеста, лишь тѣ основные принципы истребленія, на которые *онъ два раза изъявлялъ свое согласіе*, такъ какъ по статьѣ 94 полож. о земскихъ учр., если въ узаконенные сроки не послѣдуетъ отзыва начальника губерніи противъ постановленій собранія, то, какъ выражается законодатель, «постановленія собранія считаются получившими *согласіе* начальника губерніи»: но г. начальникъ губерніи имѣлъ еще и иной случай, не только молчаніемъ, но и дѣйствіемъ, выразить свое согласіе на то, чтобы земство требовало отъ извѣстнаго числа десятинъ, извѣстнаго числа убитыхъ овражковъ, противъ чего онъ нынѣ возражаетъ, находя, что такая мѣра установляетъ новый видъ натураль-

ной повинности, чего земскому собранію не предоставлено по закону. Этотъ случай представился г. начальнику губерніи при движеніи вопроса о штрафахъ за *неистребленіе* сусликовъ.

Вопросъ объ установленіи, въ законодательномъ порядкѣ, штрафа за неистребленіе сусликовъ долженъ былъ весьма естественно возникнуть одновременно съ установленіемъ обязательности истребленія сусликовъ, такъ какъ ничто не обязательно, пока неисполненіе его не карается закономъ. Таково и было происхожденіе вопроса о штрафахъ за *неистребленіе* сусликовъ въ Александровскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи: 10 апрѣля 1866 года, нашимъ собраніемъ постановлено ходатайствовать объ установленіи, въ *законодательномъ* порядкѣ, штрафа по одной коп. сер. за всякаго неистребленнаго овражка изъ *обязательной*, для землевладѣльца, *нормы*. Г. начальникъ губерніи не усмотрѣлъ въ то время, въ назначеніи подесятинной овражковой нормы истребленія сусликовъ, новаго вида натуральной повинности, какъ нынѣ, и изъявилъ согласіе на постановленіе собранія не только молчаніемъ, но дѣйствіемъ: его превосходительствомъ представлено ходатайство нашего уѣзднаго земскаго собранія на разсмотрѣніе высшаго правительства, чего бы онъ не сдѣлалъ, если бы и тогда, какъ нынѣ, онъ полагалъ, что штрафами за неистребленіе сусликовъ собраніе желало обезпечить исполненіе такого постановленія, которымъ собраніе превысило власть, предоставленную по закону, и вышло изъ круга дѣйствій, указанныхъ ему положеніемъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ не только не находило, чтобы Александровское земское собраніе нарушило законъ требованіемъ извѣстнаго числа овражковъ отъ десятины земли и стремилось оградить это свое незаконное постановленіе ходатайствомъ о штрафѣ, за неисполненіе его, но сочло нужнымъ передать это ходатайство нашего собранія на предварительное заключеніе Екатеринославскаго губернскаго земскаго собранія. По статьѣ 9 Полож. о земск. учр. право пріостанавливать исполненіе постановленій собранія принадлежитъ не только губернатору, но г. министру внутреннихъ дѣлъ. Отзыва отъ г. министра не послѣдовало; слѣдовательно, г. начальникъ губерніи протестуетъ нынѣ противъ буквальнаго повторенія такого постановленія, которое считается получившимъ согласіе г. министра внутреннихъ дѣлъ. 1866 года сентября 22, губернское собраніе постановило большинствомъ 39 голосовъ, противъ одного, повторить отъ губерніи ходатайство Александровскаго уѣзднаго земскаго собранія о штрафахъ за неистребленіе сусликовъ. И это ходатайство о наказаніи за неистребленіе тѣхъ сусликовъ, число которыхъ опредѣлено уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, для каждаго сельскаго общества и землевладѣльца, представлено высшему правительству тѣмъ же начальникомъ губерніи, который нынѣ возражаетъ противъ того права нашего уѣзднаго собранія, которое

ограждалось представленнымъ имъ ходатайствомъ нашимъ. Если справедливо, что 24 сентября 1867 года, Александровскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ вновь постановлено ходатайствовать объ установленіи въ законодательномъ порядкѣ штрафовъ за неистребленіе сусликовъ, такъ какъ о рѣшеніи этого вопроса собранію ничего не было сообщено за полтора года, то на этотъ разъ ходатайство собранія, которое два раза представлялось г. начальникомъ губерніи, имъ опротестовано, такъ какъ имъ признано «недѣйствительнымъ» (какъ выразился г. губернаторъ) все постановленіе объ истребленіи овражковъ, отъ 24 сентября 1867 года, въ составъ котораго входило и означенное ходатайство; здѣсь слѣдуетъ упомянуть впрочемъ о томъ, что на основаніи закона постановленіе собранія, въ слѣдствіе протеста губернатора, дѣлается недѣйствительнымъ лишь временно, т. е. пріостанавливается въ исполненіи, но не отмѣняется г. губернаторомъ (статьи 95 и 96 Полож. о земс. учрежд.).

Представленный мною историческій очеркъ доказываетъ, что Александровское уѣздное земское собраніе всегда относилось къ вопросу объ истребленіи сусликовъ, какъ къ одному изъ самыхъ существенныхъ; но, быть можетъ, никогда не отнеслось оно къ нему такъ живо, какъ въ тотъ самый день, въ который состоялось рѣшеніе, вызвавшее возраженіе г. губернатора. И почему? Потому въ особенности, что собраніе было поощрено добытыми результатами, было поощрено успѣхомъ и полагало, что достигло именно того момента, когда число овражковъ на столько уменьшилось, благодаря усиліямъ земства, что дружныя и настоятельныя усилія могутъ совершенно истребить ихъ. Первое истребленіе сусликовъ, какъ начатое только послѣ созыва земства, т. е. въ маѣ, слишкомъ поздно, не дало большихъ результатовъ; однако истреблено 1,994,890 овражковъ въ уѣздѣ. Въ 1867 году, т. е. въ первый же годъ послѣ открытія земскихъ учрежденій въ Александровскомъ уѣздѣ, всѣ мѣры къ истребленію приняты въ январѣ, т. е. вó-время, чего мы теперь не въ силахъ были сдѣлать, благодаря протесту г. губернатора. Результаты истребленія соотвѣтствовали принятымъ мѣрамъ: по десятинной нормѣ, опредѣленной собраніемъ, должны были быть представлены 5,543,631 овражковъ, а поступило 5,949,237 овражковъ, то есть 402,606 овражковъ *болѣе* того, сколько требовало собраніе, которые и зачтены въ прошлогоднюю, довольно значительную недоимку. Всего слѣдовательно истреблено усиліями Александровскаго земства за полтора года 7,941,127 овражковъ; если же принять во вниманіе то, что $^5/_6$ этого количества истреблены въ 1867 году, и къ тому же именно раньше появленія первыхъ дѣтенышей, то можно смѣло сказать, что земствомъ истреблены *десятки* милліоновъ овражковъ. Всѣ цифры заимствуются мною изъ нашихъ печатныхъ протоколовъ и дѣлъ управы

и потому имѣютъ характеръ неопровержимой достовѣрности. Всѣ мы помнимъ также, что въ прошломъ, 1867 году, мы, наконецъ, пользовались урожаемъ, и что этому урожаю, съ открытіемъ весны, угрожали миріады овражковъ. Что будетъ въ настоящемъ году, если земству помѣшаютъ истреблять сусликовъ и примутся за административныя мѣры истребленія, испытанныя въ теченіи десятилѣтій?... Но, неостанавливаясь на такой мрачной картинѣ, разсмотримъ подробно всѣ обстоятельства, подавшія поводъ къ возраженіямъ начальника губерніи; обратимся къ отзыву г. губернатора. Доводы этого отзыва состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Г. начальникъ губерніи полагаетъ, что «обязательное истребленіе сусликовъ составляетъ особый видъ натуральной повинности, не предусмотрѣнный въ уставѣ о земскихъ повинностяхъ; между тѣмъ земскія учрежденія по статьѣ 24-й временныхъ правилъ не имѣютъ права вводить новыхъ родовъ или видовъ натуральной повинности, кромѣ существующихъ уже нынѣ». Г. начальникъ губерніи, называя истребленіе сусликовъ *натуральною* повинностію, не подкрѣпляетъ этого мнѣнія никакими доказательствами; но мы, позволяя себѣ усумниться въ справедливости такого воззрѣнія, постараемся выяснить причины нашего сомнѣнія. Прежде всего предлагаемъ себѣ вопросъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ *натуральной* повинности. Натуральною повинностію слѣдуетъ называть какую нибудь обязательную *работу* на пользу общую, или же *поставку* чего нибудь натурой на пользу общую: такъ, дорожная повинность обязываетъ къ работѣ, постойная и подводная — къ доставленію необходимыхъ предметовъ натурой. Натуральная повинность, какъ всякая повинность вообще, въ извѣстномъ дѣйствіи податной единицы предполагаетъ *прежде всего* пользу *общественную*, изъ которой уже посредственно вытекаетъ польза самой податной единицы. Такъ, напримѣръ, если я выѣхалъ въ волостное правленіе на два дня съ парою лошадей, то отъ этого, прежде всего, выигрываетъ все общество, и затѣмъ и я самъ пріобрѣтаю выгоду, такъ какъ безпрепятственный проѣздъ служащихъ поддерживаетъ правильный ходъ административнаго дѣла. Точно также, если я доставилъ квартиру проходящимъ войскамъ, то прежде всего выигрываетъ *все общество* отъ моего содѣйствія къ существованію войска въ государствѣ, и затѣмъ уже и я самъ, какъ членъ этого общества, ограждаемаго войскомъ. Таково ли, между тѣмъ, дѣйствіе обязательнаго истребленія овражковъ?... Отнюдь нѣтъ: истребляя овражковъ на *своемъ собственномъ* посѣвномъ полѣ, я прежде всего, и гораздо болѣе другихъ, выигрываю *самъ*; я служу и обществу, но косвенно — только тѣмъ, что ограждаю сосѣда своего отъ вредныхъ животныхъ, которые могутъ перейти и къ нему. Но овражки, имѣющіе норы на моей землѣ, не перейдутъ къ сосѣду, пока мой собственный

хлѣбъ цѣлъ; они прежде всего съѣдятъ мой хлѣбъ, т. е. ближайшій къ ихъ мѣсту жительства, съѣдятъ его весь и, если его довольно, то могутъ и вовсе не перейти къ сосѣду; слѣдовательно, истребляя овражковъ, я служу почти исключительно себѣ самому. Поэтому, признавая истребленіе овражковъ за повинность, пришлось бы сказать, что эту *повинность*, я отбываю въ пользу *самого себя*, а мыслима ли подобная повинность? Очевидно, что установленіе обязательности истребленія овражковъ не есть установленіе повинности въ строгомъ смыслѣ слова, но только вынужденіе каждаго хозяина заботиться о самомъ себѣ, отъ чего выигрываетъ и общество. Впрочемъ, мы должны оговориться, не забывая о томъ, что и истребленіе овражковъ могло бы обратиться *въ натуральную* повинность въ извѣстныхъ случаяхъ. Такъ, напримѣръ, Константиноградское земство обязало всѣхъ крестьянъ уѣзда выходить на работу, для истребленія овражковъ съ тѣмъ, чтобы рабочіе передвигались изъ одного конца уѣзда въ другой, истребляя овражковъ на пути своемъ, истребляя ихъ не на *своей* землѣ, но на *чужихъ* земляхъ. Въ такомъ постановленіи, не опротестованномъ однако полтавскимъ губернаторомъ, для насъ очевидно установленіе обязательной работы на пользу общую, т. е. установленіе натуральной повинности. Но такъ ли поступило наше собраніе въ постановленіи, опротестованномъ г. губернаторомъ, не говоря уже о томъ, что оно было лишь повтореніемъ той резолюціи, на которую два раза соглашался г. министръ и начальникъ губерніи, нынѣ протестующій?

Развѣ собраніе наше возлагало на жителей извѣстную работу, или доставку чего бы то ни было натурой?... Правда, что овражковые хвостики представлялись натурой, но вѣдь не для пользованія ими, но для сожженія; а всякая повинность должна доставлять какой нибудь приходъ, должна представлять какое либо поступленіе, предназначаемое, конечно, не для сожженія. Правда и то, что истребленіе овражковъ требуетъ труда и работы. Но на кого же наше земство возлагало этотъ трудъ и эту работу?... *Только на желающихъ*, такъ какъ мы никому не мѣшали покупать овражковые хвостики, для представленія ихъ въ управу, вмѣсто того, чтобы трудиться самому надъ истребленіемъ овражковъ. Достовѣрно извѣстно, что дѣйствительно такая торговля существовала и въ довольно обширныхъ размѣрахъ; въ собраніи было даже заявлено, какъ разсказываютъ, о торговлѣ овражковыми хвостиками на базарахъ. Неужели работу хозяина, спасающаго свое собственное поле отъ овражковъ, возможно называть натуральною повинностію; неужели трудъ тѣхъ лицъ, которые истребляютъ овражковъ для того, чтобы торговать хвостиками ихъ на базарѣ, есть основаніе причислить къ натуральной повинности? Или обязательное страхованіе каждымъ своего жилья также повинность; или обязательное, для каждаго жителя, представленіе въ управу свѣ-

дѣній объ имуществѣ также *натуральная* повинность, *новый видъ* ея, не предусмотрѣнный въ уставѣ о земскихъ повинностяхъ?...

Намъ кажется, что мы доказали, что обязательное истребленіе овражковъ, установленное Александровскимъ земскимъ собраніемъ, производившееся двѣ весны сряду съ согласія министра и начальника губерніи, не составляетъ повинности въ строгомъ смыслѣ слова и, тѣмъ менѣе, можетъ быть названо натуральною повинностію, такъ какъ для всѣхъ желающихъ оно становится денежнымъ расходомъ на покупку овражковыхъ хвостовъ и никого не обязываетъ къ работѣ, или поставкѣ чего либо натурой, съ тѣмъ, чтобы общество пользовалось поставленнымъ плательщиками. Для того, однако, чтобы лучше усвоить себѣ точку зрѣнія г. начальника губерніи, согласимся на время съ его мнѣніемъ; будемъ считать обязательное истребленіе овражковъ натуральною повинностію и перейдемъ ко второму доводу его превосходительства.

2) Г. начальникъ Екатеринославской губерніи, назвавъ обязательное истребленіе сусликовъ *новымъ* видомъ натуральной повинности, полагаетъ, что при неудобствѣ установленія денежнаго сбора, для истребленія сусликовъ (привожу слова его превосходительства буквально) «*истребленіе сусликовъ* посредствомъ натуральной повинности могло составлять лишь *предметъ ходатайства* о семъ со стороны земскаго собранія *къ начальнику губерніи*, власти котораго, по закону, принадлежитъ принятіе чрезвычайныхъ мѣръ въ случаѣ общественныхъ бѣдствій». Остановимся прежде всего на внѣшней формѣ этой части отзыва, которая на этотъ разъ не лишена значенія. Въ приведенныхъ нами строкахъ идетъ рѣчь о ходатайствѣ земскаго собранія «къ начальнику губерніи», т. е. у начальника губерніи, между тѣмъ какъ по пункту XII, статьи 2-й Положенія, земское собраніе обращается съ ходатайствами не къ начальнику губерніи, но къ высшему правительству «*чрезъ* губернское начальство». Изъ редакціи приведенной нами части отзыва должно, слѣдовательно, заключить, что г. губернаторъ считаетъ губернское начальство уполномоченнымъ по закону къ истребленію сусликовъ посредствомъ натуральной повинности. Но какъ согласить съ этимъ мнѣніе, выраженное г. губернаторомъ въ первомъ пунктѣ отзыва, что обязательное истребленіе сусликовъ есть *новый видъ* натуральной повинности, не предусмотрѣнный закономъ. По ст. 11-й тома IV Свод. Зак. тотъ «кто дозволитъ себѣ, безъ надлежащаго законнаго разрѣшенія, установить, или *допустить* новую повинность», подлежитъ уголовной отвѣтственности. Въ силу этой статьи, если только обязательное истребленіе сусликовъ есть *новый* видъ повинности, то не только земство, но и администрація не въ правѣ установить ея, подъ угрозою уголовной отвѣтственности; если только г. начальникъ губерніи правъ на этотъ разъ, протестуя противъ истребленія сусли-

ковъ земствомъ, то двукратное допущеніе имъ этого «новаго вида» повинности въ Александровскомъ уѣздѣ подводило бы дѣйствія его подъ вышеприведенную 11-ю статью IV тома, чего мы, однако, вовсе не думаемъ. Очевидно, что если по какимъ бы то ни было соображеніямъ, возможно считать истребленіе сусликовъ натуральною повинностію, не навлекая на предъидущую дѣятельность свою кары закона, то отнюдь не новымъ, а старымъ, т. е. *узаконеннымъ* видомъ ея. Если же обязательное истребленіе сусликовъ есть натуральная повинность, допускаемая по закону, то раскладка оной и общій надзоръ за нею принадлежитъ не администраціи, но земскимъ учрежденіямъ, по статьѣ 22-й времен. правилъ; ясно, что и съ этой точки зрѣнія, съ которою мы, впрочемъ, не можемъ согласиться, Александровское уѣздное земское собраніе не нарушило закона, не превысило власти. Мы ужъ потому не можемъ согласиться считать истребленіе сусликовъ натуральною повинностью, что если бы это было такъ, то земскія учрежденія, по закону, были бы полнымъ хозяиномъ дѣла. Между тѣмъ, въ пунк. VIII, ст. 2-й Полож., мы читаемъ, что на земскія учрежденія возлагается «содѣйствіе» къ истребленію вредныхъ животныхъ. Предполагается, что часто побѣда надъ чрезвычайными бѣдствіями можетъ превзойти силы земства, что поэтому и правительственные органы обязаны бороться съ ними. Законодатель предполагалъ несомнѣнно, что въ этомъ дѣлѣ земство и администрація пойдутъ рука объ руку, помогая другъ другу. Не считая истребленія сусликовъ чьею-либо неприкосновенною привилегіею, такъ же точно разсуждало и собраніе; потому оно и постановило, 24 октября 1867 года, просить о содѣйствіи начальника губерніи къ тому, чтобы становые пристава немедленно исполняли законныя требованія 20-ти участковыхъ попечителей, избранныхъ собраніемъ, для наблюденія за истребленіемъ сусликовъ въ уѣздѣ. Отвѣта на это ходатайство не послѣдовало, хотя можно было усмотрѣть косвенный отвѣтъ на это заявленіе собранія, въ перепискѣ г. губернатора съ управой въ началѣ 1867 года, извѣстной журналистикѣ. Впрочемъ, взглядъ г. начальника губерніи на содѣйствіе полиціи къ исполненію постановленія собранія объ обязательномъ истребленіи сусликовъ выраженъ со всею точностію въ третьемъ и послѣднемъ доводѣ отзыва его, къ которому мы и переходимъ.

3) Въ числѣ причинъ, побуждающихъ г. Екатеринославскаго губернатора не согласиться на постановленіе собранія, его превосходительство указываетъ на то, что это постановленіе «можетъ возбуждать не только жалобы, но даже противудѣйствіе со стороны сельскихъ *обществъ* и *землевладѣльцевъ* распоряженіямъ управы, чему и были уже примѣры, какъ видно изъ протокола Александровскаго земскаго собранія 24 сентября (1867 года), и полиція лишена будетъ возмож-

ности оказать содѣйствіе къ исполненію этихъ распоряженій, какъ не имѣющихъ законныхъ основаній». Историческій очеркъ, съ котораго мы начали нашу статью, уже доказываетъ, что въ средѣ гласныхъ вопросъ объ истребленіи сусликовъ возбуждалъ всегда всеобщее сочувствіе, что противодѣйствія въ самомъ собраніи никогда не встрѣчалось; между тѣмъ земскіе гласные—не случайно съѣхавшіеся люди, но члены многочисленнаго собранія (60), мнѣніе которыхъ возможно считать общественнымъ мнѣніемъ, такъ какъ въ земскомъ собраніи всѣ сословія имѣютъ своихъ представителей. Три сессіи Александровскаго земскаго собранія прошли безъ того, чтобы когда нибудь кто нибудь высказался противъ истребленія сусликовъ, или указалъ на какія нибудь послѣдствія этой мѣры, кромѣ самыхъ благодѣтельныхъ. Но остановимся въ частности на тѣхъ двухъ общественныхъ группахъ, на которыя указываетъ отзывъ г. начальника губерніи, на отношеніи къ обязательному истребленію сусликовъ сельскихъ обществъ и землевладѣльцевъ.

Чтó касается первыхъ, то уже потому трудно ожидать отъ нихъ ропота противъ установленнаго собраніемъ истребленія овражковъ, что дѣло это для нихъ не ново: и до открытія земскихъ учрежденій имъ предписывалось истребленіе сусликовъ администраціею; но разница, для крестьянъ, между бывшими и настоящими распоряженіями касательно уничтоженія овражковъ, въ томъ, что теперь, послѣ того что завѣдывали дѣломъ управа и участковые попечители, встрѣчается гораздо менѣе злоупотребленій со стороны сельскихъ начальствующихъ лицъ и самое истребленіе сусликовъ происходитъ гораздо исправнѣе: сельскія общества могли слѣдовательно только выиграть отъ распоряженій земства, но никакъ не проиграть. Для того, чтобы еще лучше опредѣлить отношеніе ихъ къ этому вопросу, припомнимъ, какъ гласные изъ крестьянъ высказывались о немъ въ средѣ нашей, интересовались ли они тѣмъ, чтобы собраніе приняло самыя энергическія мѣры противъ давнишнихъ враговъ. Вотъ, чтó говорятъ факты: во вторую сессію собранія вовсе не было преній объ истребленіи сусликовъ, такъ какъ предложенія одного изъ гласныхъ, развившія предъидущее постановленіе, принято безъ преній, *единогласно*, т. е. и 17-ю гласными изъ крестьянъ, прибывшими для занятій во вторую сессію собранія (20 — 28 октября 1866 г.). Въ первую же сессію собранія, когда дѣло устраивалось и въ третью сессію, когда собраніе было подъ впечатлѣніемъ уже послѣдовавшихъ результатовъ, и когда были пренія о вопросѣ, гласные изъ крестьянъ приняли въ нихъ самое живое участіе; такъ, въ двухъ сессіяхъ 12 различныхъ гласныхъ изъ крестьянъ высказывались по этому вопросу, и большинство ихъ не одинъ разъ. Въ засѣданіи 9 апрѣля 1866 года, участвовали въ преніяхъ гг. Штахъ, Шелестъ, Петренко, Гавриленко; въ засѣданіи 24

октября 1866 года, высказывались по вопросу, кромѣ нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ, гг. Блохудоре, Безверхій, Сугуровъ, Янсенъ; членами спеціальной коммиссіи, для разработки вопроса, были избраны 8 гласныхъ изъ крестьянъ и въ числѣ ихъ, кромѣ нѣкоторыхъ уже поименованныхъ, гг. Ольмазовъ, Миллеръ, Гибертъ, Галовко. Изъ 12 лицъ крестьянскаго сословія, говорившихъ въ собраніи, никогда никто не выражалъ ничего иного, кромѣ самого теплаго сочувствія распоряженіямъ собранія. Правда, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ своевременное и энергическое истребленіе овражковъ шло успѣшно только потому, что населеніе ожидало штрафа за неистребленіе. Но, не говоря уже о томъ, во 1-хъ, что тамъ же гласнымъ выражалась признательность за энергію въ истребленіи сусликовъ, и во 2-хъ, о томъ, что управою получены письменныя заявленія такого же рода, неужели возможно мечтать о такомъ времени, когда всѣ безъ изъятія правильно поймутъ свою пользу; вѣдь выжидать такого времени значило бы мечтать о тѣхъ блаженныхъ дняхъ, когда не будетъ преступленій. Если бы кто и вѣрилъ въ возможность такого порядка вещей, то онъ, вѣроятно, согласился бы съ тѣмъ, что не намъ дождаться того, такъ какъ, до наступленія счастливыхъ временъ, суслики уничтожатъ хлѣбъ, а безъ хлѣба нельзя жить! Если бы и встрѣчалось противодѣйствіе распоряженіямъ собранія, то такія явленія могли бы повторяться только въ видѣ рѣдкихъ исключеній. На первое и, дастъ Богъ, послѣднее изъ такихъ исключеній указываетъ и г. начальникъ губерніи, вѣроятно, ссылаясь на протоколъ 24 сентября 1867 года. Говорятъ, что заявлено о противодѣйствіяхъ *одного* изъ гласныхъ изъ крестьянъ истребленію овражковъ и устройству школъ; но говорятъ также и то, что съ негодованіемъ поспѣшили отнестись прочіе гласные изъ крестьянъ къ заблужденіямъ своего собрата; поэтому, я считаю излишнимъ доказывать, какъ мало убѣждаетъ меня указаніе г. губернатора въ томъ, что собраніе встрѣтитъ противодѣйствіе сельскихъ обществъ стараніямъ его истребить сусликовъ. Скажу только, что отъ противодѣйствія *одного* лица до противодѣйствія сельскаго *общества*, какъ выражается г. губернаторъ, еще далеко; добавлю къ этому, что если описанный нами случай, на которомъ остановилось вниманіе начальника губерніи, считать за зловѣщій признакъ, который долженъ пріостановить дѣятельность собранія, то придется отречься не только отъ истребленія сусликовъ, но и отъ устройства школъ; между тѣмъ, мы знаемъ, какъ это дѣло у насъ подвигается и не по приказу, а исключительно по сочувствію сельскихъ обществъ. Обращаясь ко второй общественной группѣ, на возможность сопротивленія которой указываетъ г. губернаторъ, къ землевладѣльцамъ, я скажу только нѣсколько словъ: не въ Александровскомъ уѣздѣ ожидать сопротивленіи землевладѣльцевъ такимъ мѣрамъ, которыя служатъ къ пользѣ всего земства. Сами землевладѣльцы пред-

ложили переложеніе натуральной подводной повинности въ денежную, сами же они *первые* заявили о необходимости привлеченія всѣхъ сословій къ истребленію сусликовъ; только *содѣйствія*, а не противодѣйствія можемъ мы ждать отъ нихъ. Наконецъ, если бы и допустить вѣроятность противодѣйствія сельскихъ обществъ стремленіямъ земства уничтожить овражковъ, то есть ли основаніе не допустить такого же ихъ противодѣйствія и мѣрамъ администраціи? Скажу болѣе: противодѣйствіе не должно было бы никогда остановить собраніе въ его благотворной дѣятельности, и мы всегда были бы въ правѣ разсчитывать на помощь правительства нашимъ благимъ начинаніямъ; всякая недоимка въ податяхъ есть своего рода противодѣйствіе, а безъ взиманія податей мы не можемъ существовать. Я доказываю, что легче годъ или два прожить безъ уплаты налоговъ, если есть остатки прежнихъ сборовъ, чѣмъ за годъ или два наводнить уѣздъ сусликами, послѣ чего самое взиманіе податей можетъ надолго стать невозможнымъ. Понятно, что для полнаго успѣха отъ мѣръ собранія къ истребленію сусликовъ необходимо содѣйствіе правительства, такъ какъ всегда и вездѣ найдутся люди, которые не поймутъ своей собственной пользы и жестокостію по отношенію къ самимъ себѣ, пренебреженіемъ къ плодамъ собственнаго труда, нанесутъ ущербъ обществу.

Въ разсматриваемомъ нами отзывѣ г. начальника Екатеринославской губерніи, онъ говоритъ, что полиція будетъ лишена возможности оказать содѣйствіе къ исполненію распоряженій управы объ истребленіи сусликовъ, согласно постановленію собранія, какъ не имѣющихъ законнаго основанія. До сихъ поръ старался я доказать, что постановленіе Александровскаго уѣзднаго земскаго собранія объ истребленіи сусликовъ вполнѣ законно; поэтому, не могу я согласиться и съ тѣмъ, чтобы полиція не могла содѣйствовать къ осуществленію этого постановленія. По статьѣ 29-й устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, подлежатъ отвѣтственности всѣ, не исполняющіе законныхъ постановленій земскихъ собраній, а не опротестованное постановленіе собранія входитъ въ законную силу, т. е. получаетъ силу закона. Такимъ путемъ получили силу закона постановленія собранія объ истребленіи сусликовъ въ апрѣлѣ и въ октябрѣ 1866 года, а въ сентябрѣ 1867 года законъ, существовавшій полтора года съ согласія министерства и губернскаго начальства, пересталъ быть закономъ, такъ какъ послѣдовалъ отзывъ начальника губерніи противъ третьяго повторенія того самого постановленія, на которое онъ два раза изъявлялъ свое согласіе.

Читатели могли до сихъ поръ убѣдиться въ томъ, на сколько протестъ губернатора нарушаетъ интересы земства; но, по нашему мнѣнію, этотъ протестъ прежде всего нарушаетъ ту 9-ю статью Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, на которую онъ ссылается. Въ силу этой

статьи закона, не предоставлено губернатору право пріостанавливать исполненіе *всякаго* постановленія собранія, по благоусмотрѣнію; эта статья уполномочиваетъ губернатора возражать только противъ тѣхъ постановленій, которыя противны *закону* или *государственной пользѣ*. Врядъ ли кто нибудь станетъ доказывать, что дружныя усилія земства противъ сусликовъ противны пользамъ государства; если же такого абсурда доказать нельзя, то трудно не прійти къ заключенію, что вышеприведенный нами отзывъ губернатора направленъ не въ защиту, но въ ущербъ государственнымъ пользамъ; намъ, по крайней мѣрѣ, кажется несомнѣннымъ, что парализовать борьбу земства съ общественными бѣдствіями — значитъ наносить вредъ пользѣ государства. Кромѣ того, намъ кажется яснымъ до очевидности, что разсмотрѣнный нами протестъ начальника губерніи не защищаетъ и закона, будто бы нарушеннаго земскимъ собраніемъ. Мы слишкомъ уважаемъ земскія учрежденія для того, чтобы допустить, что три раза 60 гласныхъ совѣщались о дѣлѣ, и ни одного разу никто не догадался о томъ, что, истребляя сусликовъ, они совершаютъ беззаконіе. Мы слишкомъ уважаемъ и высшую администрацію, которая, какъ мы говорили, *два раза* выражала свое согласіе на распоряженіе земства, для того, чтобы допустить, чтобы она не только не возражала противъ незаконнаго постановленія, которымъ, по словамъ губернатора, земство превысило предоставленную ему власть, но подвергала на обсужденіе губернскаго собранія такое постановленіе уѣзднаго собранія, которымъ земство вышло изъ круга дѣйствій, предоставленнаго ему по закону.

Остается еще указать на одно изъ существеннѣйшихъ послѣдствій протеста: распоряженія объ истребленіи сусликовъ, довольно сложныя (раздѣленіе уѣзда на 20-ть участковъ, назначеніе центральныхъ пунктовъ въ каждомъ участкѣ, разсчетъ того, сколько овражковыхъ хвостиковъ слѣдуетъ отъ каждаго землевладѣнія, и сколько состоитъ недоимки за каждымъ, высылка книгъ для счета поступающихъ овражковыхъ хвостиковъ и проч.), должны быть сдѣланы управою въ декабрѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ самыхъ первыхъ числахъ января, такъ какъ первымъ срокомъ для представленія убитыхъ сусликовъ бывало 1 апрѣля; назначеніе позднѣйшаго срока вовсе не достигнетъ цѣли. Между тѣмъ время теперь уже упущено и, каковъ бы ни былъ исходъ этого грустнаго недоразумѣнія, уже успѣло пошатнуться только что начинавшее укореняться убѣжденіе населенія въ необходимости *повсемѣстнаго*, *одновременнаго* и *возможно ранняго* истребленія сусликовъ. Не дай Богъ быть пророкомъ въ этомъ дѣлѣ; не дай Богъ того, чтобы вновь мы посѣяли весною—*для сусликовъ*, какъ это дѣлалось пять лѣтъ сряду. А что, если это случится? Кто вознаградитъ насъ!... Въ виду возможности такихъ серьёзныхъ послѣдствій отъ личнаго усмотрѣнія, не пора ли оказывать большее довѣріе къ общественной совѣсти и

сознанію 60 представителей всѣхъ сословій и общественныхъ группъ, которыя посвятили три сессіи самой тщательной разработкѣ такого вопроса, который они, съ перваго дня призыва ихъ къ самоуправленію, считали краеугольнымъ камнемъ ввѣреннаго имъ земскаго хозяйства, вопросомъ о жизни и смерти.

Земское дѣло — многотрудное дѣло! Легко глумиться надъ ошибками начинающихъ, легко ставить въ вину всѣмъ ошибки не многихъ, легко упрекать земство въ томъ, что не видно осязаемыхъ результатовъ отъ дѣятельности его; легко, наконецъ, упрекать земскія учрежденія въ томъ, что онѣ преднамѣренно ищутъ столкновеній съ администраціей. Все это гораздо легче, чѣмъ подъ-часъ земству приходится дѣйствовать. Скажемъ однако и, совершенно искренно, опираясь на совершившіеся факты: мы вполнѣ довѣряемъ высшему правительству и вполнѣ убѣждены въ томъ, что оно никогда не дастъ заглохнуть земскимъ учрежденіямъ. Но, добавимъ къ этому, что уже теперь проявляются серьёзные симптомы, которые заслуживаютъ всего вниманія его: почти вездѣ едва могли состояться очередныя собранія изъ-за неявки гласныхъ. Неужели это объясняется однимъ *безпричиннымъ* равнодушіемъ ихъ къ дѣлу? Вы скажете, что не стóитъ тотъ быть дѣятелемъ, у кого слишкомъ скоро руки падаютъ. Правда, скажу вамъ въ отвѣтъ, но добавлю: вспомните, давно ли эти руки развязаны? Тогда и вы вѣроятно повторите за мною: такъ недавно, что въ *интересъ правительства* заинтересовать людей предстоящимъ имъ дѣломъ, т. е. дать имъ возможность *дѣйствовать*, извиняя даже то, если иной *наговоритъ* и такого, что̀ образовало бы диссонансъ въ однообразной гармоніи стараго порядка, которому навсегда нанесенъ ударъ настоящимъ царствованіемъ. *Какъ опытъ*, настоящій порядокъ можетъ имѣть значеніе; но не забудемъ также и того, что слишкомъ продолжительный опытъ можетъ повести къ дурнымъ обычаямъ, которые искореняются гораздо медленнѣе, чѣмъ удается водворить ихъ въ обществѣ, весьма воспріимчивомъ; оно еще мало ходило не на помочахъ и мало выработало изъ себя самого. Вспомнимъ кстати и о томъ, что нѣтъ возможности всего переиспытать самимъ, и что, заводя у себя дѣло, давно существующее у другихъ, возможно съ пользою заглядывать въ исторію для того, чтобы не терять времени на безполезные опыты.

БАР. Н. КОРФЪ.

3-го февраля, 1868 г.
Александр. уѣздъ Екатериносл. губ.

ОБОЗРѢНІЕ СУДЕБНОЕ.

ПОДСУДИМЫЕ И ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

Если дѣла, разсмотрѣнныя нами въ послѣднемъ обозрѣніи [1]), имѣютъ большое значеніе для того, чтобы уяснить пріемы, съ помощью которыхъ старый и новый судъ отличаютъ, наприм., преступника отъ больного, то они, тѣмъ не менѣе, не могутъ еще служить для полной характеристики присяжныхъ и судей, и выражать ихъ взглядъ на уголовное правосудіе. Случаи, хотя и не исключительные, но все же и не обыденные, не годятся для такихъ общихъ выводовъ. Нужно для этого брать не отдѣльные факты, не того или другого подсудимаго, а всю эту разнохарактерную толпу лицъ, сидѣвшихъ, до сихъ поръ, на скамьѣ подсудимыхъ, въ новыхъ судахъ, съ которой одни выходили на свободу, а другіе шли по тюрьмамъ, острогамъ и на каторгу.

До сихъ поръ еще нѣтъ систематическихъ отчетовъ объ уголовной дѣятельности новыхъ судовъ, этихъ первыхъ оффиціальныхъ отчетовъ, въ которыхъ, можно надѣяться, впервые явится не какая нибудь оффиціальная ложь, но дѣйствительно правдивыя данныя, годныя для статистическихъ выводовъ. Но не нужно дожидаться этихъ отчетовъ, чтобы знать,—какая среда выставила наибольшее число подсудимыхъ. Русское общество не представляетъ какихъ нибудь особенныхъ, необыкновенныхъ условій для того, чтобы у него являлись данныя, противныя выводамъ уголовной статистики другихъ странъ, въ которыхъ невѣжество и нищета матеріальная и умственная выставляютъ наибольшее число жертвъ каторги и тюрьмы. При этомъ, преступленія грубыя, открытыя, какъ разбой, грабежъ, кража со взломомъ и у насъ остаются достояніемъ подсудимыхъ изъ простого народа, а преступленія, въ которыхъ главную роль играетъ ловкость и хитрость, а не

[1]) См. выше, т. I, стр. 372 и слѣд.

грубая сила, какъ, напримѣръ, подлогъ, совершаются большею частію подсудимыми изъ болѣе образованнаго класса. Женщинъ на скамьѣ подсудимыхъ является меньше, нежели мужчинъ. По возрасту подсудимыхъ можно будетъ и у насъ сдѣлать тѣ же выводы, которые Н. Неклюдовъ [1]) дѣлаетъ изъ уголовной статистики Франціи, характеризуя слѣдующимъ образомъ преступленія, свойственныя каждому изъ возрастовъ: 1) Дѣтство (отъ 1 до 16 л.) отличается наклонностью къ кражѣ и зажигательству по глупости и неразумію; 2) юность (отъ 16 до 21 г.) имѣетъ наклонность къ преступленіямъ плотскимъ; 3) молодость (отъ 21 до 30 л.) наклонна къ сопротивленію и неповиновенію власти, къ насилію, или оскорбленію правительственныхъ чиновниковъ, затѣмъ къ дѣтоубійству, изгнанію плода, сокрытію рожденія младенца, похищенію женщинъ, тѣлеснымъ поврежденіямъ, убійству, грабежу, принужденію къ обязательствамъ, злоупотребленію довѣренности, фальшивой монетѣ, поддѣлкѣ банковыхъ билетовъ и, наконецъ, къ уклоненію отъ повинности военной службы; 4) зрѣлый возрастъ (отъ 30 до 40 л.) отличается наклонностью къ преступленіямъ политическимъ, злостному банкротству, подлогу, отравленію, отцеубійству; 5) пожилой возрастъ (отъ 40 до 50 л.) имѣетъ, повидимому, склонность къ лжесвидѣтельству, зажигательству, изгнанію плода, лишенію свободы, многобрачію; 6) старость (отъ 50 до 65 л.) наиболѣе наклонна къ взяткамъ, разрушенію или поврежденію чужой собственности, къ растлѣнію; и 7) дряхлость (отъ 65 до 100 л.), какъ періодъ разложенія или упадка всѣхъ силъ организма, не имѣетъ никакихъ свойственныхъ ей преступленій: какъ силы этого возраста упадаютъ до наименьшей величины, такъ и наклонности къ преступленіямъ достигаютъ въ немъ своего минимума. Наконецъ, — по временамъ года: число преступленій противъ лицъ увеличивается лѣтомъ, а зимою усиливаются преступленія противъ собственности, вслѣдствіе увеличивающихся потребностей нуждающагося населенія. Послѣднее особенно замѣчается въ мировыхъ судахъ Петербурга и Москвы. Тутъ, впрочемъ, можно еще подмѣтить особое явленіе: зимою не рѣдко дѣлаются мелкія преступленія для того, чтобы только попасть въ тюрьму. Въ такомъ случаѣ подсудимый тотчасъ же сознается въ преступленіи, изъявляетъ удовольствіе на приговоръ судьи и, довольный, идетъ въ тюрьму, надѣясь имѣть, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, теплый уголъ и пищу. Этотъ нѣмой, но выразительный протестъ пролетаріата противъ сытаго и обезпеченнаго общества, вызываетъ, конечно, на размышленіе.

---

[1]) «Уголовно-статистическіе этюды». Этюдъ первый. Статистическій опытъ изслѣдованія физіологическаго значенія различныхъ возрастовъ человѣческаго организма, по отношенію къ преступленію. С.-Петербургъ, 1865.

Само общество, говоритъ Кетле [1]), приготовляетъ преступленіе: преступникъ является только необходимымъ его орудіемъ; неся голову на плаху, преступникъ представляется лишь очистительной жертвой извѣстнаго общественнаго порядка, и его преступленіе есть не что иное, какъ послѣдствіе тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ онъ былъ поставленъ.

Если мнѣніе это справедливо — а ошибочность его еще нигдѣ и никѣмъ не доказана, — то становится понятнымъ, какое огромное значеніе должны имѣть приговоры самого общества надъ совершающимися въ его средѣ преступленіями. Приговоры эти выражаются въ вердиктахъ присяжныхъ, призываемыхъ въ судъ не для того только, чтобы, выслушавъ обвиненіе и защиту, сказать — совершилъ ли подсудимый извѣстный поступокъ, запрещенный закономъ, но чтобы и отвѣтить на вопросъ: виновенъ ли подсудимый въ взводимомъ на него обвиненіи. Въ этихъ-то отвѣтахъ и высказываются взгляды общества на нарушенія закона, нарушенія, которыя оно можетъ признавать для себя опасными или нѣтъ, и, въ послѣднемъ случаѣ, можетъ парализовать силу устарѣвшаго закона, неудовлетворяющаго его потребностямъ; въ нихъ видны стремленія общества оградить себя отъ такихъ нападеній, которыя, по его понятіямъ, грозятъ его свободѣ или безопасности. Для такой дѣятельности общества все равно: участвуютъ ли въ судѣ большое число свободныхъ гражданъ, составляя вполнѣ народное учрежденіе, какимъ являлись дикастеріи въ древней Греціи, или общество посылаетъ въ судъ нѣсколькихъ своихъ членовъ для произнесенія, по совѣсти, приговора о виновности, или невинности подсудимаго. Въ томъ и другомъ случаяхъ, значеніе постановленныхъ приговоровъ будетъ одинаково. Сравнивая дикастеріи и дикасты, этотъ первообразъ современнаго института присяжныхъ въ древнихъ Аѳинахъ, съ судомъ присяжныхъ Англіи и Америки, Гротъ, въ своей «Исторіи Греціи», приписываетъ имъ равныя достоинства и недостатки. «И присяжный и дикастъ — говоритъ Гротъ — представляютъ собою нормальнаго человѣка своего времени и своего края, человѣка, дѣйствительно чуждаго корыстныхъ видовъ и личнаго страха, и рѣшающаго дѣло согласно съ тѣмъ, что̀ онъ считаетъ за справедливость, или съ какимъ нибудь искреннимъ чувствомъ безпристрастія, милосердія, религіи или патріотизма, которое для него, въ настоящемъ случаѣ, замѣняетъ справедливость. Но онъ не чуждъ разнымъ сочувствіямъ, антипатіямъ и предразсудкамъ, которые тѣмъ могущественнѣе дѣйствуютъ, что онъ не сознаетъ ихъ присутствія, и что они, въ его понятіяхъ, нераздѣльны съ простымъ здравымъ смысломъ. При-

---

[1]) Sur l'homme et le développement de ses facultés, ou Essai de physique sociale, par Quetelet. Brux., 1836. t. II, p. 341.

сяжные опредѣляютъ приложеніе закона къ отдѣльнымъ случаямъ по общему чувству, или общему образу мыслей публики, иногда, конечно, не всей, но только одной особой части ея; судъ ихъ обезпечиваетъ общество противъ всего того, что хуже чувствъ и понятій большинства, въ особенности же отъ той склонности къ подкупу и къ раболѣпству передъ властью, которая такъ часто образуется въ лицахъ, имѣющихъ оффиціальное положеніе, но онъ не можетъ никакъ стать выше окружающаго общества» [1]). Онъ станетъ даже ниже этого общества тамъ, гдѣ званіе присяжнаго составляло бы привилегію одного какого либо сословія или незначительной части общества.

Наши присяжные засѣдатели, если и не могутъ считаться представителями всего русскаго общества, то, по крайней мѣрѣ, значительной его части. Званія присяжнаго лишены лица, не состоящія на службѣ государственной или общественной и не владѣющіе землею въ количествѣ 100 десятинъ, или другимъ недвижимымъ имѣніемъ цѣною въ столицахъ менѣе 2,000 рублей, въ губернскихъ городахъ и градоначальствахъ менѣе 1,000 рублей, а въ прочихъ мѣстахъ менѣе 500 рублей, или же получающіе жалованье, или доходъ отъ своего капитала, занятія, ремесла или промысла въ столицахъ менѣе 500, а въ прочихъ мѣстахъ менѣе 200 рублей въ годъ. Такимъ образомъ, у насъ званіе присяжнаго обусловливается цензомъ, который никакъ не можетъ быть названъ низкимъ. Напротивъ того, если бы цензъ этотъ былъ еще возвышенъ, то присяжные перестали бы являться представителями народной совѣсти, которая осуждаетъ или оправдываетъ извѣстныя дѣйствія безъ всякаго лицепріятія.

Но, независимо отъ характера той среды, изъ которой выбираются присяжные, на правильность ихъ приговоровъ вліяютъ еще другія обстоятельства, среди которыхъ они дѣйствуютъ. Если судьи не на столько самостоятельны, чтобы могли слѣдовать своему убѣжденію, то они будутъ пристрастно управлять ходомъ судебныхъ преній. Если правительство смотритъ на прокуроровъ, какъ на слѣпыхъ исполнителей воли министра, и не заботится о томъ, чтобы въ должность прокурора избирались только лица, соединяющія въ себѣ знаніе законовъ и искусство съ энергіей характера и человѣколюбіемъ, то поведеніе прокуроровъ въ судѣ будетъ отличаться пристрастіемъ и вредно дѣйствовать на присяжныхъ: безхарактерные присяжные уступятъ вліянію прокурора и произнесутъ несправедливый приговоръ; напротивъ, энергическіе присяжные, раздраженные пристрастіемъ прокурора, будутъ склоняться къ оправданію подсудимаго. Такимъ образомъ, справедливость приговоровъ присяжныхъ опредѣляется слѣдующими условіями: простотою и удобопонятностью судебныхъ преній, устраненіемъ

---

[1]) Изъ «Исторіи Греціи», Грота. Перев. Ненарокомова. С. Петербургъ, 1860.

всѣхъ обстоятельствъ, могущихъ ввести присяжныхъ въ заблужденіе, обстоятельнымъ и безпристрастнымъ изложеніемъ основаній въ пользу и противъ обвиненія, полной свободой защиты, свойствомъ вопросовъ, на которые присяжные должны дать отвѣтъ, и, главнѣе всего, поведеніемъ предсѣдателя, отъ котораго зависитъ управленіе преніями, наставленіе присяжныхъ и то впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго присяжные приступаютъ къ совѣщанію. Наконецъ, огромное вліяніе оказываетъ на присяжныхъ характеръ уголовнаго судопроизводства и законодательства: тайное производство предварительнаго слѣдствія, при которомъ подсудимый лишенъ защитника—а обвинительная власть, если не прямо, то косвенно можетъ вліять на производство слѣдствія—продолжительное лишеніе подсудимаго свободы до рѣшенія дѣла, и, наконецъ, несоразмѣрно жестокія наказанія, опредѣляемыя въ законѣ, вредно дѣйствуютъ на присяжныхъ, стѣсняя ихъ совѣсть и заставляя всѣми средствами заботиться объ облегченіи участи подсудимаго.

Судъ присяжныхъ не является, впрочемъ, единственнымъ дѣятелемъ всего русскаго уголовнаго правосудія. По уставамъ 20 ноября 1864 года, съ участіемъ присяжныхъ рѣшаются только дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, влекущихъ за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, при чемъ изъ вѣдѣнія ихъ исключены дѣла о государственныхъ преступленіяхъ. Въ этихъ послѣднихъ дѣлахъ, также, какъ и въ менѣе важныхъ уголовныхъ процессахъ, разсматриваемыхъ безъ присяжныхъ, вопросъ о виновности или невинности подсудимаго рѣшается самимъ судомъ, при чемъ, въ первомъ случаѣ, т. е. въ дѣлахъ о государственныхъ преступленіяхъ, къ составу суда присоединяются, какъ представители общества — губернскій и уѣздный предводители дворянства, городской голова и волостной старшина.

Но кѣмъ бы ни произносился приговоръ о виновности подсудимаго — самимъ ли обществомъ, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, или судьями — во всякомъ случаѣ, наказаніе за преступленіе опредѣляется закономъ. Законъ этотъ, конечно, можетъ перечислить всѣ поступки, которые онъ запрещаетъ подъ страхомъ наказанія, можетъ правильно распредѣлить различныя наказанія за различныя преступленія, можетъ затѣмъ указать — какія обстоятельства должны уменьшать и какія увеличивать наказаніе, но какъ бы положительный законъ близко ни выражалъ требованій общества, для котораго онъ постановленъ, онъ не можетъ охватить всѣхъ явленій жизни во всей ихъ многообразности. Допуская, что не всегда то нравственно, что́ законно, слѣдуетъ допустить и обратное. Нерѣдко можно встрѣтить поступокъ не безнравственный, но запрещенный закономъ, даже и въ такихъ обществахъ, гдѣ законы являются продуктомъ общественныхъ потребностей. Бываютъ, наконецъ, поступки безнравственные и противузаконные, но совершенные подъ вліяніемъ исключительныхъ обстоятельствъ, кото-

рыя парализовали свободную волю человѣка и, не смотря на присущее въ немъ сознаніе въ противузаконности и безнравственности извѣстнаго поступка, заглушили въ немъ чувство самосохраненія и какъ-бы втянули его въ преступленіе. Преступленіе это доказано. Подсудимый признанъ виновнымъ. Но слѣпое примѣненіе къ такому исключительному случаю общаго положительнаго закона представлялось бы если и правильнымъ, то не правосуднымъ. «Правосудіе», говоритъ бывшій министръ юстиціи, извѣстный И. Лопухинъ [1]), «выше законовъ. Оно есть дѣйствіе истины, вѣчной и непремѣнной. Законы суть только его орудія. И ежели случится такое, по обстоятельствамъ своимъ, дѣло, что общій на него законъ не сообразенъ самому существу правосудія, то постановленіе новаго, на случай сей, закона или рѣшеніе непосредственное такого дѣла есть обязанность и лучшее право законодательной власти, которая долженствуетъ быть священнымъ гласомъ правосудія, изрекающимъ оное въ судахъ и законахъ».

Измѣненіе общаго, положительнаго уголовнаго закона не можетъ принадлежать суду. Отъ суда требуется возстановленіе нарушеннаго права, а не милости. Присяжные или судьи могутъ признать или не признать подсудимаго виновнымъ въ взводимомъ на него обвиненіи, но, признавъ подсудимаго виновнымъ, судъ не можетъ освободить его отъ наказанія, или приговорить къ наказанію, опредѣленному закономъ за другое преступленіе. Судъ имѣетъ право смягчать наказаніе въ предѣлахъ, опредѣленныхъ закономъ, но переступать за эти предѣлы судъ не долженъ потому, что, въ противномъ случаѣ, онъ ставилъ бы свое личное усмотрѣніе, т. е. произволъ, выше закона, а это было бы противно общественному порядку, который держится закономъ, но не произволомъ. Измѣненіе же закона,—будетъ ли это уменьшеніе опредѣленнаго закономъ наказанія, или совершенное освобожденіе виновнаго отъ наказанія, т. е. полное помилованіе,—можетъ исходить только отъ верховной власти, въ чьихъ бы рукахъ власть эта ни находилась: въ рукахъ ли одного лица, или нѣсколькихъ лицъ.

Кому бы ни принадлежало право помилованія, во всякомъ случаѣ, оно всегда имѣетъ одну цѣль: соглашеніе справедливости, какъ она высказывается исторически въ законахъ, со справедливостью, какъ она опредѣляется въ живомъ общественномъ сознаніи народа. При этомъ, какъ всякое измѣненіе закона, или отступленіе отъ него, оно не можетъ быть обращаемо въ обыкновенное средство государственнаго управленія и должно быть употребляемо только въ крайнихъ случаяхъ, съ величайшею разборчивостью.

Въ государствахъ монархическихъ, право помилованія составляетъ

---

[1]) «Вопль стариннаго судьи», И. В. Лопухина. Чтен. Моск. общ. исторіи и древн. росс., 1862 г., кн. 2.

право, до того свойственное главѣ государства, какъ личному представителю верховной власти, что нельзя даже и представить себѣ монарха безъ права помилованія. Стоя высоко надъ отдѣльными партіями, не связанный законами, а потому вполнѣ отвѣтственный передъ своею совѣстью—глава государства является самымъ пригоднымъ органомъ права помилованія. Отвѣтственность же передъ короною и передъ обществомъ лежитъ, въ этомъ случаѣ, на тѣхъ учрежденіяхъ и лицахъ, которымъ предоставлено право ходатайствовать у верховной власти о милосердіи къ тѣмъ преступникамъ, которые такого милосердія дѣйствительно заслуживаютъ. Поэтому-то корона, какъ источникъ милосердія, въ правѣ требовать, чтобы къ ней доходили только тѣ дѣла, которыя милосердія достойны, чтобы просимое смягченіе наказанія не нарушало бы справедливости, или частныхъ интересовъ постороннихъ лицъ, чтобы, наконецъ, ей не представлялись недостойныя уваженія ходатайства, отказывая въ которыхъ корона являлась бы менѣе милосердою, нежели учрежденія или лица, рѣшившіяся на такое ходатайство. И если, поэтому, лица и учрежденія, имѣющія право представлять коронѣ судебные приговоры, по которымъ признается несправедливымъ примѣнить къ подсудимымъ установленное закономъ наказаніе, не будутъ пользоваться этимъ правомъ съ величайшею осторожностью и только въ случаяхъ исключительныхъ, не будутъ при этомъ относиться со всею строгостью и разборчивостью къ тѣмъ основаніямъ, по которымъ признается невозможнымъ примѣнить къ подсудимому общій законъ или будутъ просить о замѣнѣ тяжкаго наказанія другимъ, до того слабымъ, что это будетъ равносильно прощенію преступника, который прощенія недостоинъ, — то они будутъ виновны въ оскорбленіи короны, навлекая на нее обвиненіе въ жестокости или слабости. «Въ такомъ случаѣ», говоря словами Бентама, отвергающаго вообще помилованіе, какъ нарушеніе справедливости, кромѣ политическихъ преступленій, «право помилованія будетъ тяжело для рукъ, которыми оно дѣйствуетъ. Блескъ этого драгоцѣннѣйшаго преимущества короны угаснетъ, если, вмѣсто того, чтобы доставлять коронѣ любовь подданныхъ, оно будетъ подвергать его капризамъ мнѣній, оно будетъ ставить корону въ такое положеніе, что она не можетъ уступить просьбамъ безъ того, чтобы не подвергнуться подозрѣніямъ въ слабости и не можетъ показать себя неумолимою безъ того, чтобы не быть обвиненною въ жестокости» [1]).

Переходя отъ этихъ теоретическихъ разсужденій къ практикѣ нашего уголовнаго правосудія, слѣдуетъ напомнить, что у насъ помилованіе принадлежитъ исключительно верховной власти и можетъ быть

---

[1]) «Избранныя сочиненія Іереміи Бентама». Переводъ А. Пыпина и А. Невѣдомскаго. «Основныя начала уголовнаго кодекса», стр. 571.

лишь дѣйствіемъ монаршаго милосердія. При этомъ, сила и пространство дѣйствія милосердія, какъ изъятіе изъ законовъ общихъ, опредѣляются въ томъ самомъ высочайшемъ указѣ, которымъ смягчается участь виновныхъ или даруется имъ совершенное прощеніе, взысканіе же за вредъ и убытокъ, нанесенный частному лицу преступленіемъ, и въ случаѣ помилованія и прощенія не прекращается, также, какъ и церковное покаяніе, къ которому присужденъ виновный, и которое продолжается, или прекращается, по усмотрѣнію духовнаго начальства.

Никому, конечно, не запрещается прибѣгать къ монаршему милосердію. Но право ходатайствовать, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, о смягченіи наказанія подсудимымъ, заслуживающимъ особаго снисхожденія, при прежнемъ судебномъ порядкѣ, было предоставлено судамъ, хотя при этомъ имъ не дано было права представлять коронѣ ходатайства о совершенномъ прощеніи преступника. Дѣла этого рода вносились въ правительствующій сенатъ и оттуда восходили на высочайшее усмотрѣніе, или черезъ государственный совѣтъ, или прямо черезъ министра юстиціи.

Уставы 20 ноября 1864 года даровали новымъ судамъ право ходатайствовать, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, не только объ уменьшеніи опредѣляемаго закономъ наказанія далѣе предѣловъ, въ которыхъ предоставлено самому суду смягчать наказаніе подсудимымъ, заслуживающимъ снисхожденія; но и ходатайствовать о совершенномъ помилованіи преступника, признаваемаго достойнымъ монаршаго милосердія. Такіе приговоры суда представляются коронѣ черезъ министра юстиціи, который, такимъ образомъ, наравнѣ съ судомъ несетъ на себѣ отвѣтственность передъ короною и обществомъ за представленіе приговоровъ неосновательныхъ, за ходатайства о помилованіи такихъ преступниковъ, которые помилованія не заслуживаютъ.

Приговоры эти имѣютъ большое значеніе. Если въ вердиктахъ присяжныхъ засѣдателей выражаются воззрѣнія общества на подсудимаго и преступленіе, въ которомъ онъ обвиняется, то въ рѣшеніяхъ суда по дѣламъ, разсматриваемымъ имъ безъ участія присяжныхъ, а еще болѣе въ ходатайствахъ его о помилованіи, должны выразиться сами судьи, — ихъ стремленія, убѣжденія и взгляды на справедливость.

Характеристика современнаго русскаго общества была бы неполна, если бы мы, возобновляя въ памяти тѣ уголовныя дѣла, въ которыхъ наиболѣе ярко обрисовался судъ присяжныхъ, не перечислили всѣхъ, извѣстныхъ намъ до сихъ поръ, случаевъ, когда судьи признавали необходимымъ прибѣгнуть къ монаршему милосердію.

Начиная съ преступленій, угрожающихъ человѣческой жизни, мы остановимся прежде всего на преступленіи противъ жизни при самомъ ея началѣ, — именно на дѣтоубійствѣ.

До сихъ поръ намъ извѣстны четыре случая, въ которыхъ подсудимыя обвинялись въ убійствѣ рожденныхъ ими дѣтей, и *всѣ* признаны присяжными въ этомъ преступленіи *не* виновными. Припомнимъ эти дѣла:

Крестьянка Аграфена Артемьева (26 л.) родила незаконно прижитого младенца. Самое рожденіе, по показанію Артемьевой, происходило въ хлѣвѣ, причемъ она два раза впадала въ безпамятство и, въ промежутокъ между однимъ обморокомъ и другимъ, выронила ребенка, который не подавалъ голоса, за перегородку, гдѣ находились свиньи, вѣроятно и растерзавшія трупъ. Основываясь на томъ, что ребенка не существуетъ, что нѣтъ положительныхъ указаній на рожденіе младенца не живымъ, и что предположеніе о нечаянномъ паденіи его въ свиной хлѣвникъ невѣроятно, — обвинительная власть требовала признанія Артемьеву виновною въ намѣренномъ, хотя и безъ предумышленія, причиненіи смерти незаконнорожденному своему младенцу при самомъ разрѣшеніи имъ отъ бремени. По судебно-медицинскому освидѣтельствованію обнаружено, что роды были своевременные. На судебномъ слѣдствіи, спрошенный въ качествѣ эксперта, уѣздный врачъ Протопоповъ, нисколько не разъяснилъ дѣла своими показаніями, изъ которыхъ нѣкоторыя положительно обнаруживали незнакомство его съ предметомъ, о которомъ его спрашивали [1]). Въ своей обвинительной рѣчи, товарищъ прокурора долго доказывалъ тяжесть такого преступленія, какъ дѣтоубійство и при этомъ произнесъ тираду, значеніе которой объяснится ниже: «Преступленіе это тяжко потому, что убійца — мать, лишающая жизни своего беззащитнаго младенца, и при томъ въ такую минуту, когда она чувствуетъ можетъ быть болѣе, чѣмъ когда либо, кровную связь съ своимъ ребенкомъ». Защитникъ подсудимой, указывая на отсутствіе доказательствъ жизни ребенка и умерщвленія его матерью, просилъ судъ, предложить присяжнымъ не одинъ вопросъ о виновности Артемьевой въ лишеніи ребенка жизни, какъ этого требовалъ товарищъ прокурора, но еще и другой вопросъ о томъ: не виновна ли подсудимая въ сокрытіи трупа мертваго младенца. Присяжные, отвѣтивъ отрицательно на первый вопросъ, отвѣтили утвердительно на второй вопросъ, и Артемьева приговорена судомъ къ заключенію въ тюрьмѣ на 6 мѣсяцевъ.

Финляндская уроженка Елена Карваненъ (25 л.) родила, по ея по-

---

[1]) Показаніе это подробно разобрано въ «Архивѣ судебной медицины», 1867 г., № 2, въ ст. «Перечень уголовныхъ дѣлъ, разсматривавшихся съ участіемъ врачей-экспертовъ».

казанію, незаконно прижитого ребенка въ дровяномъ сарайчикѣ и видя, что онъ не дышетъ, думала, что онъ мертвъ и бросила его въ отхожее мѣсто. По судебно-медицинскому изслѣдованію акушера и врача оказалось, что найденный въ отхожемъ мѣстѣ ребенокъ былъ доношенъ и способенъ къ жизни, родился живымъ и умеръ отъ попавшей въ ротъ и носъ жидкости изъ нечистотъ отхожаго мѣста. Также, какъ и въ предъидущемъ дѣлѣ, по просьбѣ защитника подсудимой, присяжнымъ засѣдателямъ [1]) было предложено два вопроса, и они, отвѣтивъ отрицательно на первый вопросъ—виновна ли Карваненъ въ лишеніи жизни рожденнаго ею ребенка, признали ее виновною въ сокрытіи трупа мертваго младенца, но, по обстоятельствамъ дѣла, заслуживающею снисхожденія. На этомъ основаніи петербургскій окружный судъ приговорилъ Карваненъ къ заключенію въ тюрьмѣ на два мѣсяца. Но дѣло Карваненъ не кончилось въ окружномъ судѣ. Прокурорскій надзоръ нашелъ неправильнымъ предложеніе вопроса о томъ — виновна ли подсудимая въ сокрытіи трупа мертваго младенца, такъ какъ на это преступленіе не было указанія въ обвинительномъ актѣ, и судебное слѣдствіе не измѣнило вовсе обстоятельствъ, послужившихъ основаніемъ для выводовъ обвинительнаго акта. По протесту прокуратуры, дѣло дошло до кассаціоннаго сената, который протестъ этотъ призналъ неосновательнымъ, потому, что разрѣшеніе, въ каждомъ данномъ случаѣ, вопроса о томъ, измѣнилось ли, при судебномъ слѣдствіи, свойство обвиненія, по которому подсудимый былъ преданъ суду, вполнѣ зависитъ отъ того судебнаго мѣста, которое разсматриваетъ дѣло по существу. Изъ суда дѣло Карваненъ перешло въ печать и органъ министерства юстиціи. «Судебный Вѣстникъ» упрекалъ прокурорскій надзоръ въ томъ, зачѣмъ онъ не обвинялъ Карваненъ «въ предумышленномъ дѣтоубійствѣ». Основаніемъ къ этому, по мнѣнію газеты министерства юстиціи, должно было служить: «полное отсутствіе какихъ-либо приготовленій въ ожиданіи разрѣшенія отъ бремени, постоянное отрицаніе факта беременности и сокрытіе родового процесса». На сколько это мнѣніе газеты министерства юстиціи разумно, мы увидимъ ниже.

14 марта 1867 года, въ городѣ Суздалѣ, въ проруби рѣки Каменки, найденъ былъ мертвый младенецъ, завязанный въ тряпку съ перерѣзанною шеею и ушибленною головою. Врачъ, производившій осмотръ, заключилъ, что ребенокъ этотъ былъ доношенъ и рожденъ живымъ, смерть же послѣдовала ему отъ прекращенія дыханія и кровоизліянія, вслѣдствіе порѣза шеи, дыхательнаго горла и сосудовъ ихъ при сотрясеніи мозга отъ ушиба, нанесеннаго въ лѣвую, заднюю сторону головы.

---

[1]) Въ составѣ присяжныхъ засѣдателей находилось: четверо дворянъ и чиновниковъ, четверо купцовъ и четверо мѣщанъ и крестьянъ.

Подозрѣніе въ совершеніи преступленія пало на суздальскую мѣщанку Ольгу Гусеву (16 л.), бывшую незадолго передъ тѣмъ беременною, которая показала, что она родила мертваго ребенка, завернула его въ тряпку и спрятала сначала на чердакѣ, потомъ бросила въ прорубь, но ребенка не убивала. Слѣдуетъ замѣтить, что предварительное слѣдствіе вовсе не изслѣдовало принадлежность убитаго ребенка Гусевой и тождественность его съ тѣмъ, котораго она родила. Спрошенный въ судѣ, въ качествѣ эксперта, врачъ Мензе, ничего не могъ разъяснить въ этомъ отношеніи, и повторилъ сказанное въ актѣ осмотра. Также, какъ и въ первыхъ двухъ случаяхъ, присяжные не признали Гусеву виновною въ лишеніи жизни своего незаконнорожденнаго ребенка, а только виновною въ скрытіи трупа мертво-рожденнаго ребенка вслѣдствіе страха и стыда. За это Владимірскій окружной судъ приговорилъ Гусеву къ заключенію въ тюрьмѣ на 2 мѣсяца.

Дочь причетника, Агаѳья Виноградова (24 л.), будучи беременна, и почувствовавъ, какъ она говорила, боли, выбѣжала ночью изъ избы, гдѣ спала съ отцомъ и матерью и родила въ сѣнникѣ, стоя, незаконно ею прижитого ребенка, который и выпалъ на ледъ; почувствовавъ за тѣмъ сильныя боли, Виноградова ушла въ хлѣвъ и, уходя, слышала, что ребенокъ разъ пять крикнулъ, но когда она вернулась изъ хлѣва и подошла къ ребенку, то онъ уже не былъ живъ. Послѣ того она спрятала ребенка сначала въ пустое мѣсто за лѣстницей, а потомъ въ вырытую въ подпольи избы яму. Судебно-медицинское изслѣдованіе трупа ребенка удостовѣряло, что у него двѣ раны на головѣ и черепъ раздробленъ, по мнѣнію врача, ударомъ, нанесеннымъ съ значительною силою, твердымъ острымъ орудіемъ, отъ чего и послѣдовала смерть ребенка. Спрошенный на судебномъ слѣдствіи, въ качествѣ эксперта, врачъ Коссакъ объяснилъ, что раны, нанесенныя ребенку, не могли произойти при его паденіи на полъ сѣнника, гдѣ родила Виноградова. Товарищъ прокурора, обвинявшій Виноградову (онъ же обвинялъ и Гусеву), много и долго говорилъ о возмутительности преступленія, совершеннаго, «по его глубокому убѣжденію», Виноградовою. За отсутствіемъ уликъ онъ даже нашелъ возможнымъ воспользоваться плачемъ подсудимой и, указывая на рыдавшую, на скамьѣ подсудимыхъ, дѣвушку, увѣрялъ присяжныхъ, что это «не слезы невинной жертвы, а слезы, вызванныя страхомъ за послѣдствія своего преступленія». Все это нисколько не подѣйствовало на присяжныхъ [1]), отъ которыхъ товарищъ прокурора «требовалъ» признанія подсудимой виновною [2]) и они

---

[1]) Составъ присутствія присяжныхъ состоялъ преимущественно изъ однихъ чиновниковъ, двухъ крестьянъ и двухъ купцовъ.

[2]) Достойно замѣчанія, что обвинительная власть, опровергая показанія подсудимой о смерти ребенка отъ паденія, такъ какъ, по объясненію Виноградовой, она

на предложенный имъ вопросъ: виновна ли Виноградова въ томъ, что лишила жизни своего незаконнорожденнаго ребенка, при самомъ его рожденіи, отъ стыда и страха, безъ заранѣе обдуманнаго умысла, отвѣтили: «нѣтъ, не виновна.» Въ этомъ дѣлѣ, второго вопроса, относительно скрытія Виноградовою мертворожденнаго ребенка, присяжнымъ предложено, не было, и, благодаря этому, подсудимая, вѣроятно, подверглась вторичному преслѣдованію за это преступленіе.

Эти оправдательные приговоры присяжныхъ, одинаково рѣшавшихъ болѣе или менѣе однородныя дѣла, въ разныхъ мѣстностяхъ и въ различномъ составѣ, не могли не повліять на обвинительную власть, вынуждая обвинительныя камеры передавать суду присяжныхъ только такіе случаи, въ которыхъ есть положительныя доказательства дѣтоубійства. Только эта крайняя осторожность и объясняетъ, почему московская судебная палата не рѣшилась обвинять передъ присяжными итальянскую подданную Юлію Баронъ въ дѣтоубійствѣ, хотя обстоятельства этого дѣла мало отличаются отъ приведенныхъ четырехъ случаевъ. Марія Баронъ (21 года), будучи беременна въ первый разъ, показала, что почувствовавъ внезапно страданія, она ушла въ темный чуланъ, гдѣ страдала стоя, опершись рукой въ стѣну; послѣ сильныхъ болей она, чтобы ускорить рожденіе, невольно схватила младенца за голову, начала тянуть его, и онъ вскорѣ вышелъ, но, скользнувъ изъ рукъ, упалъ на полъ, а она потеряла сознаніе. Послѣ того Баронъ спрятала мертваго ребенка въ коммодъ и сказала сама объ этомъ, на другой же день, когда ее стали распрашивать. Профессоръ медицины, Минъ, вскрывавшій трупъ, пришелъ, между прочимъ, къ выводамъ, что младенецъ родился вполнѣ зрѣлымъ, къ продолженію жизни былъ способенъ, дышалъ и умеръ не въ актѣ родовъ, а отъ задушенія руками. Медицинскій же совѣтъ, не отвергая вообще возможности происхожденія смерти младенца во время акта родовъ, объясненнымъ въ показаніи дѣвицы Баронъ способомъ, не нашелъ однакожъ основанія, чтобы, въ данномъ случаѣ, признать вѣроятность происхожденія смерти младенца такимъ именно способомъ. Не смотря на такое условное заключеніе медицинскаго совѣта, московская судебная палата не признала возможнымъ видѣть въ дѣйствіяхъ Баронъ не только умышленнаго дѣтоубійства, но даже и такого, явно неосторожнаго поступка, въ которомъ бы сознательно участвовала ея свободная воля, «ибо осторожность, выражая собою обдуманность дѣйствій, возможна только въ спокойномъ состояніи духа и совершенно немыслима при томъ стра-

---

родила стоя, не старалась прежде всего выяснить присяжнымъ, при допросѣ эксперта, что роды, особенно же въ первый разъ, по всѣмъ до сихъ поръ произведеннымъ научнымъ наблюденіямъ, въ прямомъ стоячемъ положеніи невозможны. (Lehrbuch der Geburtshülfe v. Hohl. s. 573).

дальческомъ и безпомощномъ положеніи, въ какомъ находилась дѣвица Баронъ.» Но, отвергая фактъ умышленнаго дѣтоубійства, судебная палата предала ее суду московскаго окружнаго суда, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, за то, что она, подъ вліяніемъ стыда и страха, старалась скрыть тѣло умершаго, во время родовъ, младенца. Московскій же окружный судъ, разбиравшій дѣло 11 января 1868 года, и въ послѣднемъ обвиненіи оправдалъ Баронъ на томъ основаніи, что въ дѣйствіяхъ ея, хотя и положившей тѣло ребенка въ коммодъ, но объявившей о томъ хозяину дома, не заключается признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго въ уложеніи о наказаніяхъ.

Всѣ эти рѣшенія присяжныхъ и суда существенно отличаются отъ нашего стараго уголовнаго правосудія. Въ нихъ видно больше человѣчности. Но справедливы ли эти рѣшенія, правильны ли они — вотъ вопросы, на которые прежде всего слѣдуетъ дать отвѣтъ.

Конечно, на присяжныхъ, рѣшавшихъ участь подсудимыхъ, обвинявшихся въ дѣтоубійствѣ, не могла не влiять, до извѣстной степени, чрезмѣрная строгость нашего уголовнаго закона, хотя, сравнительно, менѣе жестокаго, чѣмъ уголовный законъ Франціи и другихъ государствъ Европы. За непредумышленное дѣтоубійство уложеніе о наказаніяхъ подвергаетъ женщину лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Но не одна тяжесть наказанія вынуждала у присяжныхъ оправдательные приговоры. Самый характеръ этого преступленія совершенно особенный; требуется крайняя осторожность для того, чтобы обвинить въ немъ женщину. Ближайшее знакомство съ характеромъ этого преступленія должно показать, насколько неумѣстны были различные способы, къ которымъ прибѣгала обвинительная власть, требуя отъ присяжныхъ обвинительнаго вердикта, и насколько разумными и правильными являются оправдательные приговоры присяжныхъ.

По мнѣнію извѣстнаго англійскаго юриста Уильяма Уильза, изъ всѣхъ преступленій, дѣтоубійство представляетъ, можетъ быть, наибольшія затрудненія въ опредѣленіи состава преступленія. Если трудно доказать, — была ли, въ данное время, женщина беременна, то еще труднѣе доказать—родился ли ребенокъ живымъ или нѣтъ: плавающія на водѣ легкія ничего въ этомъ случаѣ не удостовѣряютъ — ребенокъ во время родовъ можетъ сдѣлать одинъ вздохъ и тотчасъ же умереть съ лёгкими, наполненными воздухомъ. Скрытіе беременности и родовъ, служившее когда-то признаками дѣтоубійства, объясняется, въ настоящее время, и въ теоріи и въ практикѣ, естественнымъ чувствомъ стыда, желаніемъ отдалить минуту открытія позора. Случайности, неизбѣжно связанныя съ родами, даже и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, безконечно увеличиваются особыми затрудненіями, сопровождающими незаконные и тайные роды, лишенные всякаго по-

собія, вслѣдствіе побужденія стыда и страха, желанія скрыть то, что происходитъ, недостатка помощи и сочувствія со стороны другихъ, а отчасти и вслѣдствіе неумѣнья сохранить жизнь дитяти [1]). Самыя средства, къ которымъ прибѣгаетъ женщина подъ вліяніемъ сильнаго страха и боли съ тою цѣлію, чтобы облегчить рожденіе, часто дѣлаются причинами неумышленнаго умерщвленія дитяти.

На этомъ основаніи, раны и другіе признаки насилія не могутъ считаться вѣрными уликами умышленнаго злодѣянія и не представляютъ основанія для заключенія объ умышленномъ убійствѣ, если другія обстоятельства не доказываютъ ясно, что эти раны нанесены съ умысломъ ребенку, родившемуся живымъ. Наконецъ, говоря объ умыслѣ, нельзя не обратить вниманія на то психическое разстройство, въ которое впадаетъ женщина при наступленіи родовъ. Въ сочиненіяхъ акушеровъ и учебникахъ судебной медицины мало говорится о случаяхъ безпамятства, потери сознанія, бѣшенства и изступленія, которымъ подвергаются женщины во время родовъ. Но по словамъ знаменитаго профессора акушерства Голя [2]), ученаго въ этомъ отношеніи вполнѣ авторитетнаго, это объясняется только тѣмъ, что такіе случаи бываютъ преимущественно съ женщинами, рождающими тайно безъ помощи врачей и акушерокъ. Еще въ 1834 году извѣстные врачи, Монгомери, Юнгъ, Патерсонъ, замѣчали временную потерю сознанія у рождающей женщины. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта потеря сознанія сопровождается судорогами и можетъ перейти въ изступленіе. Если наступленіе такого безсознательнаго состоянія, говоритъ Голь, возможно у родильницъ, окруженныхъ заботами и ласкою, то, конечно, у тайно рождающихъ оно еще возможнѣе. Женщина, при началѣ родовъ, испытываетъ волненіе и страхъ, и ей, подобно тому, какъ это бываетъ съ животными, ищущими скрытаго мѣста для родовъ, осо-

---

[1]) Всѣмъ акушерамъ извѣстно, какъ необходима помощь во время родовъ, и какъ часто ребенокъ, родившійся живымъ и способнымъ къ жизни, можетъ умереть, если различными способами не будетъ возбуждена или поддержана начинающаяся самостоятельная жизнь ребенка. Достаточно, напримѣръ, указать, что замедленіе нѣсколькими минутами выхожденія плечей послѣ рожденія головы ребенка, или выхожденія головы послѣ родившагося туловища можетъ окончательно убить ребенка послѣ того, какъ начинается его первое дыханіе. Равнымъ образомъ, ребенокъ можетъ умереть отъ того, что первое дыханіе его было несовершенно, вслѣдствіе засоренія дыхательныхъ путей и отсутствія необходимыхъ при каждыхъ родахъ пособій. При родахъ обыкновенныхъ, не скрываемыхъ, женщина никогда не остается въ этомъ критическомъ положеніи одна—ей всегда дается, болѣе или менѣе, опытная помощь, но и не смотря на это, «смерть отъ упущенія» встрѣчается очень не рѣдко. Что же сказать про тѣ случаи, гдѣ женщина разрѣшается отъ бремени одна, большею частью въ первый разъ.

[2]) Lehrbuch der Geburtshülfe mit Einshluss der geburtshülflichen Operationen und der gerichtlichen Geburtshülfe, von Dr. Anton Friedrich Hohl, O. Ö. Professor und Director des Königl. Entbindungsinstituts zu Halle. Leipzig. 1855.

бенно, если она знаетъ, что роды откроютъ ея тайну, что съ рожденіемъ на свѣтъ ребенка ихъ обоихъ ожидаетъ жалкая участь, упреки и насмѣшки безжалостнаго общества,—также свойственно желаніе отыскать скрытое отъ людей мѣсто. И вотъ тутъ, гдѣ нибудь вдали отъ людей и ихъ помощи, предоставляя себя на произволъ судьбы, принужденная сдерживать все усиливающіяся страданія съ постоянною мыслью, что первый крикъ ея или ребенка выдастъ обоихъ, и смутною надеждою, что ребенокъ родится не живой,—въ послѣднія минуты родовъ, женщина приходитъ въ такое состояніе душевнаго разстройства, въ которомъ умъ ея помрачается, сознаніе исчезаетъ, и она легко впадаетъ въ изступленіе. Невольно она направляетъ руки къ предмету боли, къ головѣ ребенка. И съ окончаніемъ родовъ не тотчасъ еще возвращается сознаніе и потерянныя временно умъ и воля.

Такое состояніе бываетъ, конечно, не у всѣхъ тайно рождающихъ, и тутъ-то является обязанность врача-эксперта отличить, въ показаніяхъ подсудимой, правду отъ лжи. Для этого, говоритъ Голь, врачъ долженъ справиться о прошедшей жизни подсудимой, о цѣли, которую она могла имѣть въ преступленіи, о вліяніи беременности на ея здоровье, о ея нравственномъ и религіозномъ настроеніи. Онъ долженъ обратить вниманіе на ея темпераментъ, характеръ, бо́льшую или меньшую чувствительность къ страданіямъ, ея умственное развитіе въ виду того, что у слабыхъ умомъ животная сторона, особенно при сильныхъ боляхъ, проявляется сильнѣе, сопровождаясь потерею сознанія и бѣшенствомъ. Но такъ какъ въ однихъ случаяхъ подобное разстройство душевныхъ способностей бываетъ кратковременно, а въ другихъ оно проходитъ не вдругъ, то врачъ-экспертъ долженъ изъ хода родовъ, изъ способа, какимъ было совершено покушеніе на жизнь ребенка, изъ поведенія подсудимой послѣ родовъ, выяснить передъ судомъ — была ли въ данномъ случаѣ потеря сознанія продолжительна, или она миновала скоро. Наконецъ, относительно жизни ребенка, врачъ долженъ выводить свое заключеніе главнымъ образомъ изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ роды, а никакъ не ограничиваться положеніемъ дыхательныхъ органовъ, развѣ, если онъ желаетъ и можетъ, положеніемъ этихъ органовъ, доказать, что послѣ родовъ ребенокъ не дышалъ.

Если бы мы захотѣли найти отвѣты на всѣ эти вопросы и сомнѣнія, возникающія въ процессахъ о дѣтоубійствахъ въ дѣлахъ, рѣшенныхъ нашими присяжными, то мы не только не нашли бы этихъ отвѣтовъ, но даже очень скоро бы убѣдились, до какой степени показанія нашихъ врачей-экспертовъ были по большей части неясны, сбивчивы и даже противорѣчили одно другому. Насколько неудовлетворительны были показанія врачей-экспертовъ, на столько же представляются слабыми тѣ улики, на которыхъ строила обвинительная власть свои обвиненія, обнаруживая въ нихъ болѣе усердія къ исполненію мнимой

своей обязанности обвинить во что́ бы то ни стало, нежели знакомство съ судебной медициной, этой необходимой вспомогательной науки для каждаго юриста. Этотъ послѣдній упрекъ мы дѣлали представителямъ обвинительной власти по дѣлу Протопопова и повторяемъ его теперь, въ надеждѣ, что, быть можетъ, рядъ неудачныхъ обвиненій въ дѣтоубійствѣ приведетъ нашихъ юристовъ къ тому сознанію, о которомъ говоритъ извѣстный криминалистъ, слѣдователь, адвокатъ и судья—Пильсъ:—«Мнѣ становилось скверно, когда я, съ видомъ человѣка смыслящаго, списывалъ результаты судебнаго медицинскаго изслѣдованія, понимая ихъ такъ же мало, какъ мало понимаетъ монахиня псалтирь, по которому молится» [1]). Упрекъ этотъ относится, впрочемъ, не къ однимъ представителямъ обвинительной власти. По дѣлу крестьянки Матрены Тачкиной, обвинявшейся въ ярославскомъ окружномъ судѣ за предумышленное убійство, отъ стыда и страха, своего незаконнорожденнаго ребенка, предсѣдательствовавшій въ судѣ, судья, въ заключительномъ словѣ присяжнымъ, между прочимъ, сказалъ:—«Докторъ-экспертъ показалъ, что при осмотрѣ онъ нашелъ, что ребенокъ родился живымъ и былъ задушенъ; предположеніе или заключеніе это онъ основалъ на томъ, что легкія были въ такомъ состояніи, что видно, что онъ дышалъ. Но я обязанъ сказать, что тутъ можно ошибиться, такъ какъ медицинская наука говоритъ, что ребенокъ можетъ дышать въ послѣднее время еще въ утробѣ матери. О томъ, въ какой степени безусловно вѣрно это предположеніе, судить вамъ». Присяжные признали Тачкину невиновною въ убійствѣ. Но, по протесту товарища прокурора, дѣло это перешло въ кассаціонный департаментъ сената, который приговоръ суда и рѣшеніе присяжныхъ отмѣнилъ [2]) на томъ основаніи, что предсѣдательствовавшій судья, дѣлая юридическую оцѣнку показаній экспертовъ, позволилъ себѣ изложеніе такихъ обстоятельствъ, которыя не были предметомъ ни судебнаго слѣдствія, ни заключительныхъ преній, и, прибавимъ мы отъ себя, показываютъ совершенное его незнакомство съ начальными понятіями физіологіи.

Въ виду всего этого нельзя не отнестись съ полнымъ уваженіемъ и признательностью къ приговору общественной совѣсти, такъ разумно и осторожно выразившемуся въ рядѣ оправдательныхъ вердиктовъ нашихъ присяжныхъ, отказавшихся признать достовѣрнымъ преступленіе, противное человѣческой природѣ и не доказанное ясными и достовѣрными уликами.

---

[1]) «О необходимости для юристовъ изученія судебной медицины». Статья професс. берлинск. универс. Лимана. Изд. Н. И. Ламанскаго.

[2]) Рѣшеніе кассаціоннаго уголовнаго департамента сената 8 ноября 1867 г. Сборн. рѣшен. ст. 605.

Намъ до сихъ поръ неизвѣстно еще ни одного случая, въ которомъ бы присяжнымъ пришлось разрѣшать вопросъ по обвиненію въ преступленіи, сходномъ съ дѣтоубійствомъ, — именно, по обвиненію женщины въ изгнаніи плода. Но, судя по приговорамъ въ дѣлахъ о дѣтоубійствѣ, трудно думать, чтобы и въ этихъ обвиненіяхъ присяжные были менѣе осторожны и склонны къ оправданію. Предположеніе это подтверждается и тѣмъ, что доказать умышленное изгнаніе плода почти невозможно. Лучшіе современные врачи-акушеры признаютъ, что всѣ существующія, такъ называемыя абортивныя средства, за исключеніемъ средствъ механическихъ, на столько лишь дѣйствительны, на сколько, въ данномъ случаѣ, женщина имѣетъ предрасположеніе къ потерѣ плода, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія извѣстныхъ органовъ. Поэтому, случается, что одной женщинѣ достаточно выпить какого нибудь невиннаго настоя, чтобы произвести изгнаніе плода, между тѣмъ, какъ въ другомъ случаѣ, самые сильные пріемы этихъ средствъ не произведутъ никакого результата. Одной женщинѣ достаточно чихнуть, танцовать, оступиться, принять теплую ванну, — и плодъ изгнанъ; въ другихъ случаяхъ безнаказанно переносится верховая ѣзда, прыжки и т. п. Никто не будетъ считать ванну или танцы абортивнымъ средствомъ и на нихъ строить обвиненіе въ умышленномъ изгнаніи плода, а между тѣмъ всѣ внутреннія абортивныя средства, едва ли болѣе дѣйствительны, чѣмъ эти, повидимому, невинныя удовольствія.

Трудно, конечно, сказать навѣрное, по какимъ причинамъ оправдываются присяжными лица, обвиняемыя въ дѣтоубійствѣ: отъ того ли, что они обращаютъ должное вниманіе на особую трудность доказать это преступленіе, или отъ того, что присяжные, въ самомъ дѣлѣ, склонны оправдывать женщинъ, уличенныхъ въ этомъ преступленіи ясными доказательствами. Несомнѣнно только, что и уголовная практика Англіи, Франціи и Германіи представляетъ весьма часто оправдательные приговоры присяжныхъ по обвиненіямъ въ дѣтоубійствѣ и однородныхъ съ нимъ преступленіяхъ. На сколько въ этомъ случаѣ представляется справедливымъ уголовный законъ, преслѣдующій такія преступленія тяжкими наказаніями, можно вывести заключеніе изъ словъ англійскаго юриста Уильза, обращенныя имъ къ приговорамъ англійскихъ присяжныхъ, но которыя могутъ относиться и къ нашимъ присяжнымъ засѣдателямъ. «Неоднократно заявлялось — говоритъ Уильзъ, — что въ случаяхъ подобнаго рода чувство человѣка беретъ верхъ надъ требованіями строгой справедливости и допускаетъ пустыя и натянутыя предположенія для объясненія обстоятельствъ, представляющихъ несомнѣнныя улики. Если это мнѣніе справедливо, то оно представляетъ важный упрекъ отправленію уголовнаго правосудія

и показываетъ, что въ этомъ случаѣ законъ противорѣчитъ общественному чувству».

Отъ преступленія, грозящаго человѣческой жизни при самомъ ея началѣ, отъ опасностей, которымъ подвергается рождающійся ребенокъ отъ своей матери, представляется естественнымъ переходъ къ преступленіямъ, совершающимся въ чертѣ семейнаго союза, къ тѣмъ семейнымъ драмамъ, которыя разыгрываются въ русскомъ обществѣ между отцами и дѣтьми, между мужьями и женами.

Не нужно долго углубляться въ изученіе русскаго общества для того, чтобы убѣдиться, что главными источниками этихъ преступленій являются, съ одной стороны, невѣжество и неразвитость, а съ другой то, далеко не нормальное положеніе, въ которое иногда ставится у насъ отношеніе мужчины къ женщинѣ.

Уголовный законъ преслѣдуетъ, какъ преступленіе, связь мужчины съ женщиной, не освященную церковью, и, подвергая виновныхъ наказанію, онъ возлагаетъ на мужчину обязанность обезпечить участь ребенка, родившагося отъ такого незаконнаго союза. Все это ставитъ, тѣмъ не менѣе, несчастную женщину, оставленную человѣкомъ, съ которымъ она жила, въ крайне тяжкое положеніе. Поддавшись увлеченію, не предвидя, быть можетъ, всѣхъ тѣхъ невзгодъ, которыя грозятъ ей самой и ея дѣтямъ среди общества, снисходительно дозволяющаго обходить законъ, не имъ самимъ установленный, но неумолимо преслѣдующаго явное, открытое нарушеніе закона, женщина вступаетъ въ связь съ мужчиной, не прибѣгая къ санкціи церкви. Отъ этой связи рождаются дѣти. Забота объ нихъ лежитъ на матери; но она не въ силахъ одна выдержать всю тягость этихъ заботъ, часть которыхъ, конечно, должна лежать и на отцѣ. Но отецъ уже бросилъ эту, непризнанную закономъ и обществомъ, семью. Законная жена можетъ явиться въ *гражданскій судъ* и потребовать помощи отъ мужа, средствъ на содержаніе себя и дѣтей, и судья обязанъ удовлетворить ея требованіе. Этого права не имѣетъ другая: она сначала должна доказать, путемъ *уголовнаго слѣдствія*, что она находилась въ преступной, по закону, связи съ отцомъ своихъ дѣтей. Доказывая это, она становится тотчасъ же во враждебное къ нему отношеніе. Если этотъ человѣкъ недостаточно добросовѣстенъ, то онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы съ своей стороны доказать, что женщина, съ которою онъ жилъ, была продажная, что она жила не съ нимъ однимъ, что, наконецъ, ея дѣти — не его дѣти. При такомъ порядкѣ вещей не удивительно, что только крайняя нужда и совершенное отсутствіе средствъ къ жизни могутъ вынудить женщину къ тому, чтобы начинать дѣло. Это доказываютъ и происходившіе до сихъ поръ процессы. Въ нихъ не являлось женщинъ сколько нибудь обез-

печенныхъ. Но за то нельзя сказать, чтобы мужчины, къ которымъ они предъявляли свои требованія, были сами бѣдны. Мы не помнимъ ни одного случая, чтобы въ такихъ дѣлахъ являлись крестьяне; по большей части это были лица весьма достаточныхъ сословій. Такъ какъ наказаніе за пребываніе въ союзѣ, не освященномъ церковью — незначительно и не влечетъ за собою никакого лишенія или ограниченія правъ, то дѣла этого рода рѣшаются судомъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей. При этомъ уголовный судъ, рѣшая вопросъ о виновности или невинности подсудимаго, опредѣляетъ и размѣръ той суммы, которую, по своимъ средствамъ, обязанъ давать отецъ на содержаніе своихъ незаконныхъ дѣтей и ихъ матери. Опредѣлить этотъ размѣръ бываетъ всегда трудно, потому что виновный употребляетъ всѣ усилія, чтобы доказать свою бѣдность, и если это не всегда удается вполнѣ, то все же, въ большей части извѣстныхъ намъ случаевъ, размѣръ этого содержанія былъ вообще не высокъ.

Отъ незавидной участи незаконныхъ дѣтей и ихъ матерей, обратимся къ законной семьѣ, къ законнымъ дѣтямъ, матерямъ и отцамъ, мужьямъ и женамъ.

Какое основаніе лежитъ прежде всего въ отношеніяхъ родителей и дѣтей?

Положеніе дѣтей въ семьѣ зависитъ вполнѣ отъ родителей. Родительская же власть такъ обширна, что даже по достиженіи дѣтьми совершеннолѣтія, они могутъ, по одному требованію родителей, подвергнуться довольно тяжкому наказанію. Такая, почти неограниченная, безконтрольная власть, уже успѣла проявить себя въ новыхъ судахъ самымъ яркимъ образомъ. Въ нѣсколькихъ процессахъ, рѣшенныхъ присяжными, общество могло видѣть несостоятельность такого положенія, изъ котораго дѣти могли выйдти только однимъ путемъ — путемъ преступленія. Произнося обвинительный приговоръ, присяжные не только обвиняли виновныхъ, но они тѣмъ самымъ обвиняли тотъ порядокъ вещей, при которомъ совершаются подобныя преступленія.

Дворяне Владиміръ и Екатерина Умецкіе, землевладѣльцы тульской губерніи, не только показали всю чудовищность звѣрства, которое можетъ господствовать въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, но еще и всю безнаказанность такого звѣрства. Эта почтенная чета владѣла населеннымъ имѣніемъ въ Тульской губерніи. Каковы должны были быть отношенія у нихъ къ крестьянамъ, если они изъ 22 бывшихъ у нихъ дѣтей, сохранили въ живыхъ только пять, обращаясь съ ними самымъ безчеловѣчнымъ образомъ: голодъ, холодъ и побои — вотъ все, чѣмъ пользовались дѣти въ родительскомъ домѣ. Дочь, четырнадцати лѣтъ Ольга, не выдержала такой жизни. Она готовилась къ самоубійству и рѣшилась на поджогъ. За него-то она судилась въ тульскомъ

окружномъ судѣ. Присяжные, въ составѣ 7 дворянъ, 1 купца и 4 крестьянъ, признали Ольгу Умецкую невиновною въ поджогѣ, но признали родителей ея виновными въ томъ, что, злоупотребленіемъ родительской власти, вовлекли малолѣтнюю дочь свою въ совершеніе поджоговъ, не приводили ее къ исповѣди по достиженіи 7-ми лѣтняго возраста, и, кромѣ того, мать Ольги, въ нанесеніи ей поврежденія безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія. При этомъ, трудно сказать, изъ какихъ побужденій присяжные признали обоихъ подсудимыхъ заслуживающими снисхожденія, но, судя по другимъ случаямъ, можно думать, что они боялись чрезмѣрной строгости уложенія о наказаніяхъ. Въ такомъ случаѣ, опасенія ихъ оказались напрасными: въ уложеніи не нашлось наказанія для родителей, даже звѣрски злоупотребляющихъ своею властію, и окружный судъ не приговорилъ Умецкихъ къ наказанію за вовлеченіе дочери ихъ въ преступленіе злоупотребленіемъ родительскою властью, а только подвергъ ихъ, за неприводъ дочери къ исповѣди, внушенію отъ духовнаго и замѣчанію отъ гражданскаго начальствъ, да за нанесеніе Екатериною Умецкою дочери своей поврежденія, повидимому, впрочемъ гораздо менѣе значительнаго, чѣмъ побои отца, — подвергнулъ ее заключенію въ тюрьмѣ на 6 мѣсяцевъ.

Напрасно было бы видѣть въ дѣлѣ Умецкихъ исключительный случай, такъ же какъ и выводить изъ него общее правило. Но оно заслуживаетъ вниманія въ томъ отношеніи, что доказываетъ возможность злоупотребленія родительской властью, слишкомъ неограниченной закономъ, даже въ средѣ достаточнаго, такъ называемаго, образованнаго класса.

Если такія дѣла могутъ твориться въ образованномъ классѣ, то, конечно, въ массѣ неразвитого, простого народа еще болѣе преобладаетъ господство грубой, физической силы. Но тутъ, съ теченіемъ времени, положеніе мѣняется. Если въ достаточномъ классѣ члены семьи расходятся, по мѣрѣ достиженія дѣтьми возраста, при которомъ они начинаютъ жизнь отдѣльно отъ родителей, то въ крестьянской семьѣ часто этого не бываетъ. Дѣти выростаютъ, женятся, но продолжаютъ жить съ своими родителями. Родители старѣются, дряхлѣютъ, теряютъ силы и уже физически не могутъ господствовать надъ всею семьею. Тогда не рѣдко случается, что дѣти, пріобрѣтая въ свою очередь силу, начинаютъ обнаруживать господство надъ родителями. Битые въ малолѣтствѣ сами, дѣти отплачиваютъ тѣмъ же родителямъ.

До сихъ поръ, если не ошибаемся, не было еще дѣлъ, начатыхъ по жалобамъ крестьянскихъ дѣтей на своихъ родителей; по крайней мѣрѣ намъ неизвѣстно ни одного случая въ этомъ родѣ, похожаго на дѣло дворянъ Умецкихъ. Въ московскомъ окружномъ судѣ началось-было дѣло о крестьянкѣ Лукерьѣ Абрамовой, обвинявшейся въ покушеніи на убійство дочери своей Пелагеи, которую она бросила

въ печь послѣ ссоры съ мужемъ, но оно осталось нерѣшеннымъ потому, что при судебномъ слѣдствіи обвинительная власть вмѣстѣ съ защитникомъ подсудимой признали необходимымъ освидѣтельствовать, черезъ экспертовъ, душевное состояніе Абрамовой.

Но, если до сихъ поръ намъ неизвѣстно еще дѣлъ о злоупотребленіи родительскою властью въ крестьянской семьѣ надъ малолѣтными дѣтьми, то все же изъ другихъ дѣлъ достаточно ясно обрисовались тѣ грубыя, ненормальныя отношенія, которыя господствуютъ въ крестьянской семьѣ между взрослыми дѣтьми и ихъ родителями.

Въ нѣсколькихъ процессахъ, сыновья обвинялись не только въ дурномъ обращеніи съ родителями, преимущественно отцами, но даже въ нанесеніи имъ такихъ побоевъ, отъ которыхъ слѣдовала смерть. Изъ этихъ дѣлъ, большею частію, при судебномъ слѣдствіи обнаруживалось, что драку начиналъ отецъ, по привычкѣ бить сына и, забывая, что физическая сила болѣе не на его сторонѣ, иногда платился, за свою старую привычку — жизнью.

Ошибочно было бы при этомъ думать, что на такія, повидимому, ужасныя преступленія, способны только дурныя дѣти и глубоко безнравственныя натуры. Во многихъ случаяхъ присяжные признавали смягчающія вину обстоятельства, а одно дѣло доходило до верховной власти, по ходатайству суда о смягченіи преступнику опредѣленнаго закономъ наказанія.

Это послѣднее дѣло разсматривалось 16 октября 1867 года въ московскомъ окружномъ судѣ. Судился крестьянинъ Иванъ Харитоновъ за убійство отца. Присяжные признали его виновнымъ въ томъ, что, безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, а въ запальчивости или раздраженіи, хотя и не случайно, нанесъ отцу своему, Харитону Антонову, рану въ животъ, отъ которой послѣдній умеръ; вмѣстѣ съ тѣмъ присяжные признали, что преступникъ, по обстоятельствамъ дѣла, заслуживаетъ снисхожденія. Судъ приговорилъ Ивана Харитонова къ опредѣленному уложеніемъ наказанію — лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, заключенію въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на 3 года и 6 мѣсяцевъ и къ отдачѣ затѣмъ его подъ надзоръ общества, если оно пожелаетъ его принять, на 4 года. Но при этомъ судъ обратилъ вниманіе на то, во-первыхъ, что, по отзывамъ свидѣтелей и окольныхъ людей, Харитоновъ всегда былъ хорошимъ семьяниномъ и покорнымъ сыномъ, и самое преступленіе совершилъ единственно подъ вліяніемъ сильнаго раздраженія отъ нанесенныхъ ему отцомъ побоевъ; во-вторыхъ, что Харитоновъ болѣе десяти мѣсяцевъ, до рѣшенія дѣла, содержался подъ стражею и, въ третьихъ—на бѣдственное состояніе семейства Харитонова, состоящаго изъ жены и трехъ малолѣтнихъ дѣтей, которыхъ онъ пропитывалъ своими трудами.

На основаніи этихъ обстоятельствъ окружный судъ призналъ возможнымъ ходатайствовать объ облегченіи участи Ивана Харитонова тѣмъ, чтобы, лишивъ его всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему, правъ и преимуществъ, заключить въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на 1 годъ, а затѣмъ отдать его подъ особый надзоръ общества на 4 года. Это ходатайство суда уважено верховною властью 23 ноября 1867 года.

Другое дѣло, также доходившее до верховной власти, еще болѣе обрисовываетъ тѣ отношенія, въ которыя становятся члены семьи, и которыя вызываютъ преступленія.

Безсрочно-отпускной рядовой Іосифъ Курятинъ признанъ присяжными виновнымъ въ умышленномъ удушеніи своей тещи, крестьянки Ефимовой, и 7 сентября 1867 г. московскимъ окружнымъ судомъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на 8 лѣтъ, а по прекращеніи этихъ работъ—къ поселенію въ Сибири навсегда. Постановивъ этотъ, основанный на законѣ приговоръ, судъ не могъ не обратить вниманія на особыя обстоятельства этого дѣла. Курятинъ, по показанію свидѣтелей, спрошенныхъ подъ присягою на судебномъ слѣдствіи, человѣкъ нрава самаго кроткаго и тихаго, въ буйственныхъ поступкахъ и какихъ-либо преступленіяхъ никогда замѣченъ не былъ. Убилъ Ефимову Курятинъ за то, что она была виновницею невѣрности любимой имъ жены, которую теща подстрекала къ обману мужа и отговаривала ее исполнять его добрые совѣты. Совершивъ преступленіе, Курятинъ не только не скрылъ его, хотя имѣлъ къ тому полную возможность, но тотчасъ же послѣ убійства самъ добровольно объявилъ о немъ. Эти-то обстоятельства привели окружной судъ къ убѣжденію въ необходимости ходатайствовать объ облегченіи участи Іосифа Курятина, и, согласно съ этимъ ходатайствомъ, участь его облегчена тѣмъ, что онъ лишенъ правъ состоянія и сосланъ въ отдаленныя мѣста Сибири на поселеніе.

Длинный рядъ уголовныхъ дѣлъ обрисовалъ со всѣхъ сторонъ отношенія мужа и жены въ различныхъ слояхъ общества. По большей части, лица, такъ называемаго благороднаго сословія, или даже просто достаточные, требовали въ подобныхъ случаяхъ суда при закрытыхъ дверяхъ, стыдясь, передъ людьми, обнаружить тѣ возмутительные поступки, которые дѣлались у себя дома, съ глазу на глазъ. Въ дѣлахъ между крестьянами, вѣроятно, даже и не знающими, что можно просить о закрытомъ судѣ, все это обнаруживалось во всей наготѣ, рельефно и просто. Въ этихъ-то дѣлахъ особенно замѣчательны приговоры присяжныхъ потому, что въ нихъ вполнѣ долженъ былъ отразиться тотъ взглядъ, какой имѣетъ само общество на семейныя отношенія

своихъ сочленовъ. Дѣла эти еще интересны и тѣмъ, что въ нихъ, смотря по характеру лицъ, участвующихъ въ брачномъ союзѣ, видны тѣ пути, на которые обращаются эти лица неразрывностью церковнаго брака.

Молодой крестьянинъ, двадцати лѣтъ, Ефремъ Королевъ женился на молодой дѣвушкѣ 18-ти лѣтъ, Пелагеѣ Демьяновой. Уже черезъ 6 недѣль послѣ свадьбы онъ началъ бить свою жену, женщину тихую, скромную, работящую. Билъ онъ ее безъ всякой причины чѣмъ ни попало — кулакомъ, кнутомъ, науздкомъ, которымъ привязываютъ лошадей. Билъ ее и при людяхъ; чужіе его унимали, а мать его заставляла еще жену просить у него прощенія. Несчастная женщина рѣшилась, наконецъ, освободиться отъ такой жизни и — повѣсилась. Но ее во-время сняли съ петли и привели въ чувство. А мужа ея, Королева, предали суду за жестокое обращеніе съ женою, вынудившее ее на самоубійство. Дѣло это разсматривалось въ Рязанскомъ окружномъ судѣ 16 декабря 1867 года, и въ составъ присутствія присяжныхъ вошли 4 купца, 5 крестьянъ и 3 чиновника. При судебномъ слѣдствіи нѣкоторые изъ свидѣтелей отвергали даже жестокое обращеніе Королева съ женою, и изъявляли удивленіе тому, «что будутъ сажать въ острогъ мужа за то, что онъ жену побьетъ». Подсудимый желалъ навести сомнѣніе на нравственность своей жены, а защитникъ его объяснялъ побои, ревностью и воззрѣніемъ той среды, въ которой жилъ подсудимый, на неограниченную власть мужа. Но все это не подѣйствовало на совѣсть присяжныхъ, и они признали Королева виновнымъ въ томъ, что, пользуясь принадлежащею ему надъ женою властью, неоднократно билъ ее и такимъ злоупотребленіемъ власти, соединеннымъ съ жестокостью, довелъ ее до рѣшимости на самоубійство. За это Королевъ приговоренъ къ тюремному заключенію на 4 мѣсяца. Было замѣчено, что, послѣ объявленія приговора, въ публикѣ выражали опасеніе за участь женщины, которая снова остается подъ властью своего жестокаго мужа. Опасеніе это вполнѣ справедливо. Мужъ, конечно, въ тюрьмѣ не исправится, а сдѣлается еще хуже, и Пелагеѣ Демьяновой остается только выбрать одно изъ тѣхъ средствъ, къ которымъ до сихъ поръ прибѣгаютъ мужья и жены, не желающіе жить вмѣстѣ.

Крестьянка Устинья Филиппова дала-было клятву никогда не выходить замужъ, но родители уговорили ее, и она, по ихъ просьбѣ, вышла за крестьянина Дмитрія Семенова. Съ первыхъ же дней супружества она почувствовала къ мужу непреодолимое отвращеніе, которое все расло и, наконецъ, достигло такой степени, что она, по ея словамъ, готова была «купить мужу смерть». Она дѣйствительно купила ядъ, и, чтобы отравить мужа, спекла двѣ лепешки съ мышьякомъ. Во-время она удержалась отъ преступленія, и только по несча-

стному случаю лепешку съѣлъ, вмѣсто, мужа ямщикъ, Арсеній Степановъ, и умеръ отъ отравы. Смерть Степанова открыла покушеніе Филипповой, и за него она судилась въ кашинскомъ окружномъ судѣ. Присяжные засѣдатели, въ составѣ 11 крестьянъ и одного купца, признали Филиппову, во всемъ сознавшуюся, виновною только въ томъ, что приготовила лепешки съ ядомъ, чтобы отравить мужа, но удержалась отъ покушенія на убійство по собственному побужденію и раскаянію. При этомъ они признали ее заслуживающею снисхожденія, и судъ приговорилъ ее къ заключенію въ тюрьмѣ на два мѣсяца и церковному покаянію, по распоряженію духовнаго начальства.

Крестьянинъ Василій Катковъ въ молодыхъ лѣтахъ, по приказанію своихъ родителей и противъ собственной воли, вступилъ въ бракъ съ Евфросиньею Яковлевою. Съ первыхъ же дней супружества Евфросинья стала отличаться худымъ поведеніемъ, и это заставило Каткова, чтобы избавиться отъ нея, вступить въ военную службу. Катковъ сдѣлался матросомъ. Съ 1844 по 1851 годъ, онъ не имѣлъ о женѣ никакихъ извѣстій, а жена его, въ отсутствіе Каткова, прижила нѣсколько дѣтей. Въ теченіе 20-ти лѣтъ несъ Катковъ безпорочную службу и, при живой первой женѣ, вступилъ во второй бракъ съ крестьянкою Лукерьею Михайловою. Быть можетъ, счастье ожидало его въ этомъ новомъ союзѣ, но его поступокъ открылся въ іюнѣ 1864 года, и онъ посаженъ въ тюрьму. По счастію для него, онъ судился не старымъ судомъ. Дѣло о немъ затянулось, и только 19 сентября 1867 года онъ судился присяжными засѣдателями въ петербургскомъ окружномъ судѣ. При очевидности преступленія, оправдательный приговоръ былъ невозможенъ. Но, признавая отставного матроса Василія Каткова виновнымъ въ томъ, что при живой женѣ, Евфросиньѣ Яковлевой, онъ вступилъ во второй бракъ, съ Лукерьею Михайловою, присяжные вмѣстѣ съ тѣмъ признали, что по обстоятельствамъ дѣла онъ заслуживаетъ снисхожденія. Съ своей стороны, судъ, приговаривая Каткова къ опредѣленному закономъ наказанію—лишенію всѣхъ особенныхъ правъ состоянія и отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на три года, нашелъ, что наказаніе это превышаетъ мѣру вины Каткова, и ходатайствовалъ передъ верховною властью объ облегченіи участи Каткова тѣмъ, чтобы, по снятіи съ него медалей и лишеніи его всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, заключить въ арестантскія роты на 1 годъ, по освобожденіи изъ которыхъ отдать на 4 года подъ особый надзоръ полиціи, и предать его церковному покаянію по усмотрѣнію духовнаго начальства. Это ходатайство суда высочайше уважено 28 октября 1867 г.[1]).

---

[1]) Въ старой судебной практикѣ не рѣдки бывали случаи второго брака при живой первой женѣ. Одно изъ такихъ дѣлъ въ 1854 году восходило изъ государствен-

Къ сожалѣнію, враждебныя отношенія мужа и жены порождаютъ не одни, приведенныя нами, преступленія. Жизнь съ нелюбимымъ человѣкомъ продолжается иногда слишкомъ долго; ей нѣтъ конца, изъ нея нѣтъ, кажется, другого исхода, кромѣ смерти. Рядъ убійствъ мужей женами и женами мужей, сопровождаемыхъ нерѣдко жестокостью и обдуманностью, подтверждаетъ эту мысль. Такія убійства случаются едва ли не чаще, нежели убійства съ корыстною цѣлью грабежа. Стóитъ взять любой сборникъ уголовныхъ процессовъ, въ которыхъ помѣщаются наиболѣе важныя уголовныя дѣла, рѣшенныя до сихъ поръ присяжными, чтобы убѣдиться въ этомъ. Въ недавно изданномъ сборникѣ г. В. Леонтьева [1]), который не обнаруживаетъ никакого поползновенія угождать страсти публики къ скандалу, изъ десяти уголовныхъ дѣлъ помѣщены слѣдующія пять: мѣщанина Верентинова, обвиненнаго въ нанесеніи женѣ своей тяжкихъ побоевъ и истязаній, причинившихъ ей смерть; крестьянина Василья Горлова, обвиненнаго въ утопленіи жены своей; крестьянина Иванова, обвинявшагося въ убійствѣ жены своей, и крестьянки Волоховой, обвинявшейся въ убійствѣ своего мужа, но оправданныхъ по бездоказательности обвиненія, и, наконецъ, канцелярскаго служителя Алексѣева, обвиняемаго въ предумышленномъ убійствѣ жены своей, но дѣло о которомъ еще не рѣшено, вслѣдствіе возбужденнаго сомнѣнія о душевномъ его разстройствѣ [2]).

наго совѣта на высочайшее воззрѣніе, съ ходатайствомъ объ уменьшеніи слѣдовавшаго по закону наказанія. Дѣло это объ отставномъ полковникѣ Александрѣ Тимоѳеевѣ (78 л.), признанномъ виновнымъ во вступленіи во второй бракъ при жизни первой жены и въ скрытіи для того существованія прежняго брака. За это Уложеніе подвергало Тимоѳеева лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Но, принявъ во вниманіе долговременную службу Тимоѳеева, воинскія заслуги и глубокую его старость, государственный совѣтъ ходатайствовалъ объ уменьшеніи слѣдовавшаго Тимоѳееву наказанія и согласно съ этимъ ходатайствомъ наказаніе Тимоѳееву ограничено заключеніемъ его, на остатокъ дней жизни, въ монастырь безъ лишенія принадлежащихъ ему правъ и преимуществъ. (Сборникъ Высочайше утвержденныхъ мнѣній государственнаго совѣта, по дѣламъ о подсудимыхъ, участь которыхъ была смягчена по какимъ-либо особеннаго вниманія заслуживающимъ обстоятельствамъ, съ 1846 по 1863 г.).

[1]) «Оправданные, осужденные и укрывшіеся отъ суда». В. Н. Леонтьева. Спб., 1868.

[2]) Всѣ эти дѣла болѣе или менѣе извѣстны читающей публикѣ. Послѣднее дѣло,— Алексѣева, особенно долго занимало нашу печать, благодаря тому, что московская медицинская газета (№ 25, 1867) и «Москва» (№ 110) возстали на судъ за то, что онъ пріостановилъ рѣшеніе дѣла до изслѣдованія душевнаго состоянія подсудимаго. Медицинская газета обнаружила только свое незнакомство съ предметомъ, о которомъ взялась судить, какъ это и доказано въ «Архивѣ судебной медицины», 1867 г., кн. 4. Но почтенная газета «Москва» (которой возражалъ докторъ Чеховъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», 1867 г. № 256 и «Архивъ», 1867 г., № 4) дошла до заключенія, «что на мѣстѣ судей должны сѣсть врачи», и «надъ острогами вывѣшена надпись «домъ умалишенныхъ».

Пожалуй, скажутъ, что всѣ преступленія, совершаемыя въ крестьянской семьѣ, имѣютъ своимъ источникомъ только грубость и жестокость нравовъ, а не нормальныя отношенія въ бракѣ мужчины и женщины. Но довольствоваться такимъ выводомъ было бы крайне близоруко. Въ такъ-называемомъ образованномъ и даже просто достаточномъ классѣ, легче находятъ выходъ изъ брачнаго союза, когда онъ становится ненавистенъ, не прибѣгая къ преступленію. Мужъ и жена иногда добровольно расходятся, иногда, не расходясь, обзаводятся на сторонѣ новою семьею, и потомъ являются въ судъ уголовный доказывать прелюбодѣйную жизнь супруга или обращаются къ полицейской власти, и, при ея помощи, получаютъ право на отдѣльное жительство. Въ крестьянскомъ быту семья связана общимъ хозяйствомъ; мужъ и жена, по необходимости, живутъ и работаютъ вмѣстѣ, и у каждаго изъ нихъ нѣтъ въ селѣ другой дѣятельности, кромѣ дѣятельности въ семьѣ и хозяйствѣ. Жить порознь имъ мѣшаютъ извѣстныя религіозныя вѣрованія и совершенно особыя условія домашней жизни. Оттого-то простому человѣку нѣтъ того выхода, какой устроили себѣ, на подобный случай, люди достаточнаго класса. Къ тому же, натура неразвитая, какъ-то неохотно соглашается на сдѣлку и не любитъ прибѣгать къ среднимъ мѣрамъ, никогда никого не удовлетворяющимъ; она хочетъ прямо и открыто уничтожить препятствія къ достиженію желаемаго блага, и изъ каторги семейной жизни идетъ на каторгу въ рудникахъ и заводахъ.

Уже и теперь можно изъ новой уголовной практики указать дѣла, которыя подтверждаютъ, что отношенія супруговъ въ средѣ достаточнаго и, такъ называемаго, образованнаго класса подъ-часъ не лучше, чѣмъ въ крестьянскомъ быту. Припомнимъ дѣло отставнаго поручика Спицына, хотя и оправданнаго петербургскимъ окружнымъ судомъ по обвиненію въ угрозахъ лишить жизни свою жену, но признаннаго виновнымъ въ жестокомъ съ женою обращеніи и за это приговореннаго къ тюремному заключенію на 10 мѣсяцевъ и церковному покаянію [1]). Другое дѣло, которое должно было разсматриваться въ петербургскомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ, 21 минувшаго февраля, но неизвѣстно почему отложено, краснорѣчиво по одному своему названію. Это — дѣло о прапорщикѣ Николаѣ Разнатовскомъ, обвиняемомъ въ покушеніи на убійство жены, — нѣсколькими выстрѣлами изъ револьвера.

---

[1]) Въ послѣдствіи рѣшеніе окружнаго суда и судебной палаты, отмѣнившей это рѣшеніе, уничтожены кассаціоннымъ департаментомъ сената на томъ основаніи, что по мѣсту совершенія важнѣйшаго преступленія дѣло о Спицынѣ должно производиться въ судебныхъ мѣстахъ Царства Польскаго (Рѣш. уголов. кас. департ. Прав. сената 1867 года 15 февр. № 46).

Всѣ эти преступленія, совершаемыя супругами другъ надъ другомъ кажутся ужасными, — преступники — злодѣями и извергами. Но поговорите объ этомъ съ судьями, слѣдователями и адвокатами, и они скажутъ, что нерѣдко эти люди, совершающія ужасныя преступленія, люди очень обыкновенные, даже добродушные. И вовсе эти люди не думаютъ, чтобы совершенное ими преступленіе — хорошее дѣло; они его большею частью совершили необдуманно, случайно. Это вполнѣ понятно, если принимать за источникъ преступленія не инстинкты или характеръ человѣка, а тѣ ненормальныя отношенія, въ которыя онъ поставленъ къ окружающимъ его людямъ. Само собою разумѣется, что чѣмъ эта ненормальность сильнѣе, тѣмъ чаще совершаются преступленію. Трудно, кажется, не видѣть въ этомъ рядѣ преступленій, совершаемыхъ супругами другъ надъ другомъ, — громкаго протеста, конечно, не противъ брака, но противъ того положенія, въ которое они поставлены иногда по отношенію другъ къ другу. Это понимается самимъ обществомъ уже давно. Это высказалъ и человѣкъ, глубоко нравственный и религіозный, искренно любившій человѣчество и мечтавшій о преобразованіи людскихъ отношеній въ обществахъ, обновленныхъ переворотомъ, или молодыхъ по своей политической жизни. Мы говоримъ о Бентамѣ, котораго возмущало положеніе общества въ старомъ европейскомъ мірѣ, и который много работалъ, въ надеждѣ примѣнить выработанныя имъ, ко благу человѣчества, теоріи, сначала въ революціонной Франціи, которая даровала ему званіе французскаго гражданина [1]), а потомъ въ Америкѣ и Россіи, приготовлявшейся къ преобразованіямъ императоромъ Александромъ I, съ которымъ Бентамъ долгое время былъ въ перепискѣ [2]).

---

[1]) Для Франціи — Бентамъ начерталъ планъ новаго устройства французскихъ судилищъ и проектъ объ усовершенствованіи тюремнаго заключенія. За этотъ проектъ Бентамъ удостоился званія французскаго гражданина въ 1792 году, когда званіе это дано было другимъ замѣчательнымъ людямъ: Песталоцци, Вашингтону, Клопштоку, и проч.

[2]) Желая составить для всѣхъ свободныхъ націй общій кодексъ законовъ (Codification Proposal, addressed by J. B. to all Nations professing liberal opinions, or Idea of a proposed all-comprehensive Body of Law), Бентамъ входилъ въ переписку съ сѣверо-американскими властями (Маддиссономъ и Снейдеромъ) и императоромъ Александромъ I (Papers relat. Codification and Publ. Instruction incl. Correspondence with the Russian Emperor and diverse authorities in the Americ. Unit. States). Но, не по волѣ Бентама, усилія его и труды остались безъ примѣненія. Въ перепискѣ своей съ Снейдеромъ, губернаторомъ Пенсильваніи, онъ съ желчью отзывался объ американскихъ легистахъ и ихъ вліянію приписывалъ отказъ пенсильванскаго сената въ принятіи его предложеній. А въ одномъ изъ писемъ къ императору Александру, благодарившему Бентама за его готовность быть полезнымъ Россіи и предлагавшему ему войти въ сношеніе съ коммиссіей составленія законовъ, Бентамъ говорилъ о безполезности подобныхъ сношеній, указывалъ на нерасположеніе къ нему членовъ коммиссіи, имѣющихъ, по его мнѣнію, интересъ невозможности долѣе тянуть ввѣренное имъ дѣло и,

Вотъ, что говоритъ Бентамъ о бракѣ:

«Пожизненный бракъ есть самый естественный, наиболѣе соотвѣтствующій потребностямъ и условіямъ семейной жизни, наиболѣе благопріятный для отдѣльныхъ лицъ и вообще для всѣхъ. Если бы законы не установляли пожизненности брака, т. е., если бы законы ограничивались только тѣмъ, что давали бы санкцію договору, то и въ такомъ случаѣ пожизненные браки были бы всегда самые обыкновенные, потому что наиболѣе соотвѣтствуютъ интересамъ обоихъ супруговъ. Любовь со стороны мужа, любовь и предусмотрительность со стороны жены, просвѣщенная мудрость родителей и заботливость ихъ о дѣтяхъ, все содѣйствуетъ тому, чтобы брачный договоръ былъ пожизненный.

«Но, что должны мы были бы подумать, если бы женщина включила въ договоръ такую статью: «Мнѣ не дозволено будетъ оставить тебя, если бы мы возненавидѣли другъ друга даже съ бо́льшею силой, чѣмъ съ какой теперь любимъ другъ друга». Такое условіе показалось бы просто безумнымъ; въ немъ есть нѣчто противорѣчащее и нелѣпое, что́ поражаетъ съ перваго взгляда: не готовъ ли былъ бы каждый признать, что подобный обѣтъ есть слѣдствіе необдуманности, и что человѣколюбіе требуетъ его уничтожить.

«Но это жестокое и нелѣпое условіе не требуется женщинами, не составляетъ предмета желанія и для мужчины, а налагается на обоихъ брачущихся, какъ неизбѣжность. Законъ неожиданно вмѣшивается между договаривающимися сторонами, застигаетъ ихъ въ минуту разгара страстей юности, когда въ будущемъ ничего не видно, кромѣ счастія, и держитъ къ нимъ такую рѣчь: «Вы вступаете въ бракъ въ надеждѣ, что будете счастливы; а я объявляю вамъ, что вы вступаете въ тюрьму, и какъ только вступите въ нее, дверь за вами будетъ замуравлена. Я буду безчувственъ къ вашимъ воплямъ, и если бы даже вы стали бить другъ друга вашими оковами, я не допущу вашего освобожденія.

«Если бы законъ не иначе дозволялъ брать себѣ опекуна, управляющаго, товарища, какъ съ условіемъ, чтобъ онъ оставался таковымъ на вѣки, то не сказалъ ли бы каждый, что это — тираннія,

---

наконецъ, на доказанную, въ глазахъ Бентама, бездарность членовъ коммиссіи, которая объясняетъ нежеланіе ихъ воспользоваться содѣйствіемъ иностраннаго сотрудника. Но это не мѣшало перепискѣ Бентама лично съ самимъ императоромъ, который питалъ къ нему глубокое уваженіе. При этомъ, желаніе Бентама—принести пользу, было всегда до такой степени безкорыстно, что едва ли можно отвергать достовѣрность факта, на который указываютъ его біографы: получивъ отъ императора Александра I подарокъ, какъ знакъ особаго къ нему расположенія, Бентамъ даже не раскрылъ ящика, въ которомъ былъ присланъ этотъ подарокъ и возвратилъ его назадъ, чтобы не потерять независимость своихъ мнѣній.

безуміе. Мужъ есть вмѣстѣ и опекунъ, и управитель, и товарищъ, и даже болѣе, а между тѣмъ въ бо́льшей части цивилизованныхъ странъ не иначе можно взять себѣ мужа, какъ на вѣки.

«Замѣтимъ, наконецъ, что когда смерть становится единственнымъ средствомъ освобожденія, то столь страшное положеніе не должно ли вводить въ страшныя искушенія и преступленія? Число печальныхъ примѣровъ, оставшихся неизвѣстными, можетъ быть еще гораздо значительнѣе, чѣмъ число извѣстныхъ».

Производившіяся до сихъ поръ уголовныя дѣла объ убійствахъ и насиліяхъ могутъ навести на мысль, что человѣческая жизнь и личность подвергаются серьёзной опасности отъ постороннихъ членовъ общества менѣе, нежели въ семейномъ союзѣ. За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ убійство и насиліе являлись только средствомъ для пріобрѣтенія чужого имущества, было немного, сравнительно, дѣлъ о нападеніи на человѣческую жизнь подъ вліяніемъ страсти, запальчивости, въ дракѣ. Эти причины, вызывающія преступленія, дѣйствуютъ не одинаково на людей образованныхъ и неразвитыхъ: большинство преступниковъ, въ дѣлахъ этого рода, являлось изъ простого народа. Это объясняется обстановкою крестьянской жизни, которая ведетъ къ тому, чтобы человѣкъ въ ней огрубѣлъ, ожесточился или пропалъ въ покорномъ отчаяніи. Такія крайности выказываются въ крестьянскомъ сословіи рѣзко и рельефно. Но неслѣдуетъ думать также, чтобы такъ называемый образованный классъ обладалъ всѣми средствами для правильнаго развитія. И тутъ не мало обстоятельствъ, воспитывавшихъ до послѣдняго времени отсутствіе уваженія къ личности и правамъ другихъ и вырабатывающихъ натуры, способныя къ насиліямъ. Нужно при этомъ еще сказать, что пьянство нерѣдко играетъ въ этихъ преступленіяхъ такую же роль, какъ и страсти, одинаково заглушая въ человѣческомъ сознаніи всякія нравственныя понятія.

15 сентября 1865 года, въ Москвѣ, въ ренсковомъ погребѣ, сынъ чиновника, Николай Орвидъ, будучи очень пьянъ, сначала ругалъ бывшихъ въ погребѣ Фолькмана, Рейнсена и Вигонда, а затѣмъ схвативъ какой-то ножъ, нанесъ всѣмъ троимъ раны. Первые двое отдѣлались легкими поврежденіями, а Вигондъ, черезъ девять дней умеръ въ больницѣ. За нанесеніе раны, отъ которой послѣдовала смерть, Орвидъ, рѣшеніемъ московскаго окружного суда, приговоренъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Томскую губернію, съ воспрещеніемъ отлучки изъ мѣста, назначеннаго для его жительства въ продолженіе года и выѣзда въ другія губерніи и области Сибири въ продолженіе двухъ лѣтъ. Но такъ какъ на смерть Вигонда, кромѣ нанесенной раны Орвидомъ, имѣли вліяніе, какъ это обнаружено было показаніями экспертовъ при судебномъ слѣдствіи, и другія побочныя

обстоятельства, и Орвидъ, до произнесенія надъ нимъ приговора долгое время находился подъ стражею, то окружный судъ ходатайствовалъ объ облегченіи участи Орвида съ тѣмъ, чтобы, по лишеніи нѣкоторыхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, заключить его въ смирительный домъ на 2 года. Ходатайство это Высочайше уважено 27 іюля 1867 года.

Другое дѣло, объ убійствѣ также въ средѣ образованнаго класса, въ которомъ подсудимымъ явился шестнадцати-лѣтній мальчикъ, окончилось весьма тяжкимъ для него наказаніемъ. Дѣло это происходило въ Новгородѣ. Гимназистъ Ламбинъ, 16½ лѣтъ, застрѣлилъ своего товарища, 19 лѣтъ, Труфанова, котораго онъ считалъ, какъ это можно вывести изъ судебнаго слѣдствія, счастливымъ соперникомъ своей юношеской любви. Защитникъ подсудимаго старался доказать, что выстрѣлъ изъ пистолета послѣдовалъ случайно, безъ умысла со стороны Ламбина. Но улики были слишкомъ ясны. Присяжные, въ составѣ 7-ми крестьянъ, 2-хъ мѣщанъ, 2-хъ купцовъ и одного чиновника, признали Ламбина виновнымъ въ умышленномъ убійствѣ и въ совершеніи его съ полнымъ разумѣніемъ. На этомъ основаніи новгородскій окружный судъ приговорилъ Ламбина къ лишенію правъ состоянія и каторжнымъ работамъ на 8 лѣтъ. Нѣкоторымъ, замѣтили Новгородскія губернскія вѣдомости, рѣшеніе это показалось слишкомъ строгимъ. Но въ виду обстоятельствъ дѣла едва ли можно было ожидать иного приговора отъ суда, не имѣющаго права миловать. Можно было только развѣ надѣяться, что судъ на этотъ разъ воспользуется своимъ правомъ и обратится съ [ходатайствомъ о милости къ верховной власти.

Въ теченіе минувшихъ двухъ лѣтъ, только одинъ разъ пришлось присяжнымъ произнести свой приговоръ о преступленіи, весьма строго до сихъ поръ наказывавшемся, не смотря на то, что общество всегда относилось къ нему снисходительно.

Между маіоромъ Тугановымъ и отставнымъ штабсъ-ротмистромъ Щербовымъ произошла ссора. Первый нѣсколько разъ обругалъ Щербова подлецомъ и, получивъ за это ударъ по лицу, вызвалъ его на дуэль. Поединокъ этотъ состоялся въ присутствіи двухъ секундантовъ, корнета Кушелевскаго и отставного поручика Свистунова. Противники сдѣлали по три выстрѣла, при чемъ Щербовъ промахнулся, а Тугановъ ранилъ его въ ногу. Вслѣдствіе этого возникло дѣло, разсматривавшееся 25 апрѣля 1867 года въ ржевскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. При этомъ обвинялись: маіоръ Али Пшемахъ Тугаловъ въ томъ, что онъ вызвалъ на поединокъ Щербова, нанесъ ему рану, отнесенную врачами къ тяжелымъ поврежденіямъ; корнетъ Кушелевскій и отставной поручикъ Свистуновъ въ томъ, что, принявъ на себя обязанность секундантовъ, допустили противниковъ до поединка; поручикъ Шагаровъ въ томъ, что принесъ

вызовъ Туганова на поединокъ къ Щербову, и, не успѣвши примирить ссорившихся, не объявилъ о томъ своему начальнику; отставной штабсъ-ротмистръ Щербовъ въ томъ, что, принявъ сдѣланный ему вызовъ, употребилъ оружіе противъ своего противника, хотя съ его стороны поединокъ кончился безъ кровопролитія. Присяжные признали всѣхъ подсудимыхъ невиновными, за исключеніемъ Туганова, признаннаго ими виновнымъ въ нанесеніи на поединкѣ легкой раны, но по обстоятельствамъ дѣла, заслуживающимъ снисхожденія, и приговореннаго судомъ къ содержанію на гауптвахтѣ въ продолженіе шести мѣсяцевъ.

Всякій, кто помнитъ прежніе судебные приговоры, по которымъ иногда тяжкими наказаніями поплачивались люди за то только, что они подчинялись господствующимъ предразсудкамъ о поединкѣ, тотъ не можетъ не согласиться, что рѣшеніе присяжныхъ и суда, по которому подвергся наказанію только виновникъ поединка, вполнѣ соотвѣтствуетъ справедливости. Оно, какъ нельзя болѣе, согласуется съ мнѣніемъ императрицы Екатерины II: «О поединкахъ не безполезно здѣсь повторить то, что́ утверждаютъ многіе и что́ другіе написали: что самое лучшее средство предупредить сіи преступленія есть наказывать наступателя, сирѣчь того, кто подаетъ случай къ поединку, а невиноватымъ объявить принужденнаго защищать честь свою, не давши къ тому никакой причины [1])».

Наибольшее число дѣлъ о личныхъ оскорбленіяхъ не доходило до суда присяжныхъ; они большею частію производились и рѣшались въ мировыхъ судахъ. Общество, привыкшее къ кулачной расправѣ, выработавшее даже пословицу — брань на вороту не виснетъ, не могло не породить, особенно же на первыхъ порахъ, цѣлую массу подобныхъ процессовъ. Страннымъ казалось многимъ господамъ, что они не въ правѣ обругать слугу; притѣсненіемъ считали хозяева, что съ нихъ берутъ штрафы за какой нибудь тычекъ, данный работнику или работницѣ. Сначала даже вопль негодованія раздавался со всѣхъ сторонъ противъ новаго порядка, при которомъ ни драться, ни ругаться, по крайней мѣрѣ даромъ, — не позволялось. Но уже теперь, съ небольшимъ въ два года, нравы нѣсколько измѣнились и дѣлъ о личныхъ оскорбленіяхъ стало въ мировыхъ судахъ замѣтно меньше. Изъ этой первой поры, когда во всей своей неприкосновенности обнаружились наши привычки и нравы, осталось въ памяти одно дѣло, о которомъ въ то время много говорилось и печаталось, но которое достойно вниманія и теперь — до такой степени оно представляетъ

---

[1]) Наказъ Екатерины II, данный коммисіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, ст. 234.

«знаменіе времени». Мы говоримъ о дѣлѣ протоіерея Борисоглѣбскаго. Обстоятельства этого дѣла не многосложны и слишкомъ извѣстны.

Мировой судья, выслушавъ въ этомъ дѣлѣ обѣ стороны и свидѣтелей, призналъ фактъ оскорбленія г-жи Штофъ протоіереемъ Борисоглѣбскимъ въ публичномъ мѣстѣ. За тѣмъ, принявъ въ соображеніе высокое положеніе обвиняемаго, обязывавшее его быть болѣе строгимъ и разборчивымъ въ своихъ поступкахъ, судья приговорилъ протоіерея Борисоглѣбскаго къ высшей мѣрѣ наказанія, опредѣленнаго 131 ст. уст. о нак. нал. мир. суд., т. е. аресту на одинъ мѣсяцъ, съ тѣмъ, что рѣшеніе это предварительно должно быть сообщено духовному вѣдомству. При производствѣ дѣла у мирового судьи самъ Борисоглѣбскій, сколько намъ помнится, не возбуждалъ сомнѣнія о томъ, что онъ не подсуденъ мировому суду. Къ тому же неопредѣленность выраженій консисторскаго устава, опредѣляющаго кругъ дѣятельности судовъ духовныхъ — можетъ возбуждать въ этомъ отношеніи безконечные споры. Мировой съѣздъ, которому жаловался Борисоглѣбскій на приговоръ судьи, разрѣшая только вопросъ о подсудности этого дѣла, 10 іюля 1867 года, призналъ, что оно подлежитъ разсмотрѣнію духовнаго суда и, отмѣнивъ приговоръ мирового судьи 5 участка, дѣло по обвиненію протоіерея Борисоглѣбскаго передалъ для законнаго распоряженія мѣстному епархіальному начальству [1]). Спустя полгода, въ газетахъ напечатанъ слѣдующій указъ петербургской духовной консисторіи:

Санктпетербургская духовная консисторія, разсмотрѣвъ дѣло о протоіереѣ церкви, что при Демидовскомъ домѣ призрѣнія трудящихся, Дмитріѣ Борисоглѣбскомъ, обвиняемомъ въ нанесеніи оскорбленія словами женѣ кандидата Штофъ (бывшій содержатель филантропической читальни, по высочайшему повелѣнію, закрытой), Екатеринѣ Штофъ, между прочимъ находитъ, что 1) г. мировой судья 5 участка, у котораго разбиралось это дѣло, вопреки закону, принялъ къ своему разбирательству дѣло, ему неподсудное, что признано уже самимъ мировымъ съѣздомъ и разъяснено опубликованными по подобнымъ же дѣламъ рѣшеніями кассаціоннаго департамента правительствующаго сената; 2) производилъ разбирательство пристрастно и одностороние, не обративъ никакого вниманія на неприличный поступокъ самой г-жи Штофъ, который былъ первымъ поводомъ къ непріятному столкновенію съ нею протоіерея Борисоглѣбскаго, и въ нарушеніе 138 ст. уст. о нак. нал. мир. суд., подвергъ протоіерея Борисоглѣбскаго наказанію унизительному и тяжкому, совпадающему, для священнослужителя, съ временнымъ лишеніемъ правъ (каковое лишеніе можетъ зависѣть только отъ епархіальнаго епископа) священнослуженія и публичнымъ униженіемъ его нанесъ оскорбленіе не только ему самому, но въ лицѣ его духовному сану и цѣлому сословію духовенства,—консисторія опредѣляетъ: предоставить протоіерею Борисоглѣбскому, какъ непосредственно потерпѣвшему отъ такихъ дѣйствій мирового судьи, искать съ него, если пожелаетъ, удовлетворенія себѣ, гдѣ и какъ слѣдуетъ отъ дѣла

---

[1]) Руководство для мировыхъ судей. Н. Неклюдова. Уставъ уголовнаго судопроизводства, стр. 71.

сего особо, о чемъ для объявленія Борисоглѣбскому, послать указъ мѣстному благочинному, самое же дѣло, считая рѣшоннымъ, сдать по порядку въ архивъ.

Печатая этотъ указъ, нѣкоторые усомнились въ его достовѣрности и повѣрили его существованію только потому, что послѣ появленія его во многихъ газетахъ, содержаніе его не было опровергнуто консисторіею. Это сомнѣніе понятно. Въ два года наше общество успѣло уже отвыкнуть по крайней мѣрѣ отъ явнаго нарушенія закона и превышенія власти.

Изъ опредѣленія мирового съѣзда извѣстно, что съѣздъ передалъ епархіальному начальству дѣло по обвиненію протоіерея Борисоглѣбскаго въ оскорбленіи г-жи Штофъ. Что дѣло это разсматривалось консисторіею, это видно изъ начала приведеннаго указа. Но за тѣмъ изъ того же указа оказывается, что консисторія разсматривала еще правильность дѣйствій мирового судьи, хотя такое дѣло къ ней попасть не могло. Остается слѣдовательно думать, что это одно и тоже дѣло и что въ самой консисторіи дѣло по обвиненію г. Борисоглѣбскаго превратилось въ дѣло по обвиненію мирового судьи. Не останавливаясь на томъ, признаетъ ли духовное начальство поступокъ протоіерея Борисоглѣбскаго съ г-жею Штофъ приличнымъ или нѣтъ, нельзя не замѣтить въ указѣ консисторіи если не превышенія власти, то по крайней мѣрѣ, неправильное толкованіе закона. Въ немъ, между прочимъ, говорится, что мировой судья принялъ къ своему производству дѣло, ему неподсудное по закону, «какъ это разъяснено опубликованными по подобнымъ дѣламъ рѣшеніями кассаціоннаго департамента сената». Какой законъ нарушенъ судьею, — въ указѣ не сказано; въ немъ не указаны также и рѣшенія кассаціоннаго сената по «подобнымъ дѣламъ». Сколько намъ извѣстно, — рѣшеніе кассаціоннаго сената по дѣлу капитанъ-лейтенанта Панютина, жаловавшагося на священника Лихачева за клевету [1]), представляло, до дѣла Борисоглѣбскаго, *единственный* случай, въ которомъ разрѣшался вопросъ о подсудности лицъ духовнаго званія мировымъ учрежденіямъ. Далѣе — на основаніи какого закона консисторія почла себя въ правѣ разсуждать о дѣйствіяхъ мирового судьи, лица, какъ должно быть извѣстно консисторіи, не духовнаго званія и потому ей неподсуднаго, — и за тѣмъ признавать разбирательство судьи пристрастнымъ и одностороннимъ, тогда, какъ даже мировой съѣздъ не разсматривалъ вовсе приговора мирового судьи по существу дѣла. Что касается предоставленія консисторіею протоіерею Борисоглѣбскому права искать съ мирового судьи удовлетворенія «гдѣ и какъ слѣдуетъ», зачисленія дѣла рѣшеннымъ и сдачи его въ ар-

---

[1]) Рѣшеніе уголовн. кассаціоннаго департамента правительствующаго сената 10 мая 1867 года, № 181.

хивъ, то во всемъ этомъ рѣшеніи можетъ имѣть значеніе только «сдача дѣла по порядку въ архивъ», потому, что не существуетъ такого судебнаго мѣста, для котораго было бы обязательно предоставленіе консисторіею Борисоглѣбскому какого-то иска объ удовлетвореніи. О томъ, на сколько правильны разсужденія консисторіи, будто бы рѣшеніе мирового судьи нанесло оскорбленіе не только самому протоіерею Борисоглѣбскому, но, въ лицѣ его, духовному сану и цѣлому сословію духовенства,—объ этомъ распространяться нечего. Слѣдуя аргументаціи консисторіи придется признать, что всякое рѣшеніе суда, если оно отмѣняется высшею инстанціею, наноситъ оскорбленіе не только тому лицу, противъ котораго первоначальное рѣшеніе было постановлено, но и всему сословію, къ которому оно принадлежитъ. Мы недумаемъ также, чтобы являлось что́-нибудь подобное по дѣламъ, рѣшаемымъ консисторіями въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшенія консисторій признаются неправильными святѣйшимъ синодомъ.

Похвально, конечно, членамъ сословія ревниво оберегать достоинство своего сословія. Въ такомъ случаѣ петербургской консисторіи слѣдуетъ обратить свою дѣятельность въ другую сторону и наблюдать за тѣмъ, чтобы лица, духовнымъ саномъ облеченныя, носили его съ достоинствомъ. Служитель церкви не чиновникъ, дѣятельность котораго теряется въ сотнѣ другихъ подобныхъ. На священника устремлены взгляды цѣлаго прихода, иногда нѣсколькихъ сотенъ и тысячъ человѣкъ, которые мнѣніе свое объ одномъ лицѣ нерѣдко переносятъ на все сословіе, къ которому онъ принадлежитъ. Общее понятіе о духовенствѣ давно уже составлено въ нашемъ обществѣ. «Мы съ прискорбіемъ видимъ — говорила еще императрица Екатерина II—что народъ нашъ простой весьма удаленъ еще отъ должнаго направленія, такъ, что и самые многіе священники, пастырскій санъ на себѣ носящіе, не токмо не вѣдаютъ истиннаго пути къ просвѣщенію народному, но и будучи сами часто малограмотные, нерѣдко простому народу служатъ собственнымъ примѣромъ къ поврежденію» [1]). Къ несчастію «подобные примѣры къ поврежденію» остаются еще и теперь. Скоро послѣ рѣшенія мирового съѣзда по дѣлу Борисоглѣбскаго, судился въ томъ же съѣздѣ священникъ Шишовъ за нанесеніе полицейскому служителю удара по лицу, и приговоренъ къ аресту на $1\frac{1}{2}$ мѣсяца; жалоба же Шишова на этотъ приговоръ оставлена кассаціоннымъ департаментомъ сената, 10 января 1868 г., безъ уваженія. А въ калужскомъ окружномъ судѣ, 25 ноября 1867 г., священникъ Богоявленскій признанъ виновнымъ въ оскорбленіи миро-

---

[1]) Инструкція коммисіи для окончательнаго устройства церковныхъ имѣній, 29 1762 г. — О движимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи, изслѣдованіе В. Милютина, стр. 557.

вого судьи, при исполненіи имъ обязанностей службы, ругательными и неприличными словами, произнесенными въ пьянствѣ. Если къ этимъ прискорбнымъ случаямъ прибавить еще тѣ печальные факты объ отношеніяхъ мѣстнаго духовенства къ нижегородской консисторіи, о которыхъ говорилось недавно въ газетѣ «Современный Листокъ», гдѣ въ письмѣ къ редактору выяснялись всѣ злоупотребленія и притѣсненія, дѣлаемыя священникамъ въ консисторіи и поборы съ нихъ и со всѣхъ тамъ взимаемые, — то сама собою выяснится та дѣятельность, которая требуетъ всей энергіи духовнаго вѣдомства, если оно дѣйствительно проникнуто желаніемъ оберегать достоинство своего сословія.

Нападеніе человѣка на чужую собственность — съ цѣлью истребленія ея, или пріобрѣтенія ея себѣ, для улучшенія матеріальнаго своего благосостоянія, — выражается въ большинствѣ уголовныхъ дѣлъ, производившихся, до сихъ поръ, въ мировыхъ и общихъ судахъ. Накопленіе въ окружныхъ судахъ огромнаго числа дѣлъ о присвоеніи чужого имущества, посредствомъ кражи со взломомъ, вызвало даже предположеніе объ измѣненіи существующаго порядка судопроизводства и о передачѣ дѣлъ, о кражахъ со взломомъ, внутреннимъ мировымъ судьямъ, которые, по уставамъ 20 ноября 1864 года, рѣшаютъ только дѣла о простой кражѣ, на сумму ниже 300 рублей, совершаемой въ первый или второй разъ лицами непривилегированныхъ сословій. Мы не будемъ останавливаться на этомъ предположеніи и доказывать его несостоятельность. Это уже сдѣлалъ раньше насъ К. К. Арсеньевъ [1]) и трудно, конечно, вмѣстѣ съ нимъ не признать, что для ускоренія дѣлопроизводства, нельзя жертвовать такой гарантіей правильнаго приговора, какимъ являются въ окружныхъ судахъ присяжные, которыхъ нѣтъ въ мировыхъ учрежденіяхъ.

Нападеніе на чужую собственность, имѣющее цѣлью не пріобрѣтеніе этой собственности, а только повреждение ея, выражалось, по большей части, поджогомъ. Конечно, пускается «красный пѣтухъ» иногда для того, чтобы воспользоваться въ общей суматохѣ чужимъ добромъ, но едва ли еще не чаще, по крайней мѣрѣ, въ минувшіе два года, суду присяжныхъ приходилось рѣшать вопросъ о виновности подсудимыхъ, обвинявшихся въ поджогѣ изъ мести, изъ желанія отплатить кому-нибудь за сдѣланное зло. При той трудности, съ которою вообще сопряжено производство слѣдствія о поджогахъ, не удивительно, что въ большинствѣ дѣлъ, присяжнымъ приходилось рѣшать вопросъ о виновности по немногимъ указаніямъ и уликамъ.

---

[1]) Спб. Вѣд. 1868, № 10.

Отъ того-то въ этихъ дѣлахъ, присяжные, въ своихъ приговорахъ, выражались крайне осторожно и, быть можетъ, какъ многимъ казалось, слишкомъ снисходительно. Но напрасно было бы на это жаловаться. И если присяжные сами, по большей части, собственники или, по крайней мѣрѣ, люди обезпеченные, признавали, по совѣсти, справедливымъ оправдать подсудимаго, нападавшаго огнемъ на чужую собственность, то, значитъ, должны быть особыя причины, косвенно вліявшія на такіе приговоры.

До сихъ поръ мы не помнимъ, чтобы въ поджогѣ обвинялось лицо, принадлежащее къ образованному классу. Всѣ подсудимые были крестьяне или мѣщане. Въ числѣ обвиняемыхъ были и женщины, обвинявшіяся въ поджогахъ имущества своихъ мужей изъ мести и злобы. Этотъ фактъ, въ виду того, что говорилось выше о супружескихъ отношеніяхъ, не подтверждаетъ ли приведенное нами мнѣніе Бентама. Въ числѣ обвинявшихся были и дѣти.

Крестьянинъ Иванъ Глазовъ съ малолѣтства, какъ говорили свидѣтели, отличался лѣнью. За это его билъ отецъ, но побои не помогали; броситъ Иванъ работу, да и уйдетъ себѣ изъ села на нѣсколько дней, Богъ знаетъ куда. Не веселое ему было житье: женился онъ 20-ти лѣтъ, но женѣ надоѣло его безпутное поведеніе, и она ушла отъ него, а онъ возненавидѣлъ свое село и своихъ односельцевъ. Не разъ онъ самъ просилъ, чтобы общество его куда-нибудь услало. Но общество не исполнило его просьбы и дорого за это поплатилось. Сначала Глазовъ попадался въ легкихъ воровствахъ, а наконецъ поджегъ село и, во время суматохи, укралъ у односелки своей 111 р. 50 к., со взломомъ сундука. Поджогъ, по сознанію самого Глазова на предварительномъ слѣдствіи, которое онъ, впрочемъ, отвергалъ въ судѣ, онъ сдѣлалъ закуренною папиросою, которую бросилъ въ ворохъ сухого хвороста у забора. Отъ поджога сгорѣло 48 домовъ и истреблено пожаромъ недвижимаго имущества на 4,183 р. и движимаго на 1,885 рублей. Глазовъ обвинялся въ умышленномъ поджогѣ и кражѣ во время пожара въ московскомъ окружномъ судѣ. Присяжные признали Глазова виновнымъ въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ, отъ чего произошелъ пожаръ, и въ кражѣ во время пожара. За это судъ приговорилъ его къ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ отдачѣ въ арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на 3 года и 1 мѣсяцъ.

Крестьянка Анна Бѣленовская, плохая была жена и дурная мать; отчего не любила она мужа и дѣтей, осталось неизвѣстно. Свидѣтели показывали только, что мужъ ея былъ человѣкъ тихій, хорошій, а она давно уже пьянствовала и развратничала. И какъ ни просилъ ея мужъ бросить пьянство, ничто не помогало. Наконецъ, 24 мая 1867 года, Бѣленовская пришла въ мужнинъ сѣновалъ, закурила сигару и бро-

сила ее въ сѣно. Это было днемъ, и пожаръ скоро потушили. За это Бѣленовская (42 л.) обвинялась въ рязанскомъ окружномъ судѣ въ умышленномъ поджогѣ. Присяжные, въ составѣ 3 купцовъ и 9 чиновниковъ, признали Бѣленовскую виновною въ умышленномъ поджогѣ и она приговорена къ лишенію правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь.

Крестьянинъ Іонъ Павловъ обвинялся въ московскомъ окружномъ судѣ въ поджогѣ риги и амбара, принадлежавшихъ помѣщицѣ Аникѣевой. Уликами противъ подсудимаго приводилось то, что возлѣ риги, не задолго до пожара, видѣли человѣка похожаго на Павлова, что были замѣтны слѣды ногъ отъ риги къ тому мѣсту, гдѣ спалъ Павловъ, и наконецъ, что онъ дѣлалъ, передъ пожаромъ, угрозы управляющему имѣніемъ, къ которому принадлежала рига и амбаръ. Присяжные, въ составѣ 3 чиновниковъ, 2 купцовъ и 7 крестьянъ, признали Павлова невиновнымъ.

Крестьянка Ѳекла Антонова, 17 лѣтъ отдана была замужъ за крестьянина Ивана Нефедова. До свадьбы женихъ и невѣста даже не знали другъ друга — дѣло было слажено стариками по ихъ экономическимъ разсчетамъ. Ѳекла попала въ большую семью, взыскательную на работу, зажиточную и скупую, которая смотрѣла на Ѳеклу, какъ на рабочую силу. Мужъ, хотя и молодой, но простоватый и забитый, не имѣющій голоса въ семьѣ, не могъ внушить къ себѣ любовь Ѳеклы. Это ему не нравилось, онъ жаловался сосѣдямъ. Вскорѣ послѣ свадьбы Ѳекла занемогла, у нея открывается рана на ногѣ. Но ни семья, ни мужъ не обращаютъ на это вниманія. Ѳекла ходитъ лечиться къ матери въ другую деревню и на лекарство распродаетъ свое приданое. Все это не нравится въ семьѣ мужа, и Ѳеклѣ запрещаютъ ходить къ матери. Настаетъ рабочая пора: отъ жару и пыли въ незаживленной, открытой ранѣ, заводятся черви. Потихоньку Ѳекла рѣшается идти къ матери за помощью; свекоръ замѣтилъ это и посылаетъ за Ѳеклой мужа, который и ворочаетъ ее домой насильно. Но Ѳекла — женщина съ характеромъ; она сознаетъ свое право и идетъ жаловаться старшинѣ на мужа и на семью, которая ее не лечитъ и не пускаетъ лечиться. Видно, права была Ѳекла, если старшина призвалъ къ себѣ свекра и мужа и уговаривалъ ихъ отпустить Ѳеклу полечиться. Но свекоръ не соглашается.—«Вздоръ, теперь рабочая пора, надобно работать, лѣниться можно послѣ», отвѣчаетъ онъ. Проснулось въ старшинѣ чувство состраданія къ бѣдной женщинѣ, и онъ, помимо воли свекра и мужа, отпускаетъ Ѳеклу къ матери. Болѣе недѣли живетъ она тамъ; но не успѣла еще поправиться, какъ уже свекоръ ѣдетъ за ней и привозитъ домой. Какую глубокую ненависть ко всѣмъ окружающимъ должна была воспитать въ Ѳеклѣ эта жизнь въ семьѣ мужа въ теченіе перваго года замужства!

Спустя два дня послѣ того, какъ Ѳеклу насильно привезли домой,— въ деревнѣ пожаръ. На другой день — опять пожаръ. Спустя нѣсколько дней, четыре раза загоралась въ разныхъ мѣстахъ деревня, и всякій разъ, очевидно, отъ поджога. Сначала не знали въ деревнѣ,— на кого и подумать; всѣ Ѳеклу знали за женщину честную, хорошую. Но, наконецъ, подозрѣніе пало на нее, когда пожаръ начался отъ того мѣста, отъ той постройки, отъ которыхъ шла Ѳекла. Это было въ сентябрѣ 1864 года. Ѳеклу арестовали и посадили въ тюрьму. Старымъ, формальнымъ порядкомъ производилось слѣдствіе 3 года, собирались доказательства для обвиненія, между тѣмъ мужъ Ѳеклы умеръ, а она все сидѣла въ острогѣ. Наконецъ, 21 марта 1867 года, ее привели въ рязанскій окружной судъ для обвиненія въ семи умышленныхъ поджогахъ. Полтора часа совѣщались присяжные, въ составѣ 2 дворянъ, 3 купцовъ, 1 мѣщанина и 6 крестьянъ, и признали Ѳеклу Антонову невинною въ взводимыхъ на нее обвиненіяхъ.

13-лѣтній мальчикъ Алексѣй Незнакомовъ явился на свѣтъ въ бѣдномъ крестьянскомъ семействѣ, въ которомъ и безъ него было тѣсно и голодно. Скоро, послѣ его рожденія, умерла мать, и отецъ его взялъ другую жену. Не весело жилось мальчику подъ игомъ мачихи. Онъ лишенъ всякихъ заботъ не только о его нравственномъ, но даже и физическомъ воспитаніи. Предоставленный самому себѣ, какъ хищный звѣрь, восьмилѣтній мальчикъ самъ сыскиваетъ себѣ пропитаніе. Голодный ребенокъ нищенствуетъ, а когда ему не подаютъ милостыни,— онъ крадетъ хлѣбъ, кашу, лепешки,—все, чѣмъ можетъ онъ утолить голодъ. Не любитъ его за это деревня. Отецъ его наказываетъ,— сажаетъ на цѣпь, но не кормитъ. Мальчикъ продолжаетъ красть что̀ попадется подъ руку и начинаетъ красть деньги. Ему за это достается, и начинается глухая борьба между маленькимъ и хитрымъ воромъ и окружающими его людьми. Борьба эта кончается, въ 1865 году, двумя поджогами. При предварительномъ слѣдствіи было сознаніе 11-лѣтняго мальчика въ этихъ поджогахъ, но сознаніе, вынужденное довольно обманнымъ образомъ: одинъ разъ былъ подосланъ къ нему знакомый ему крестьянинъ, обѣщавшій взять его къ себѣ въ работники и дать рубль, если онъ сознается; а въ другой разъ другой крестьянинъ выманилъ у него это сознаніе кускомъ пирога. Почти два года Незнакомовъ просидѣлъ въ тюрьмѣ прежде, нежели былъ преданъ суду рязанскаго окружнаго суда по обвиненію въ двухъ поджогахъ, совершенныхъ съ полнымъ разумѣніемъ. Подсудимый въ судѣ отказался отъ прежняго своего сознанія. Кромѣ этого сознанія, улики оставались слабыя. Присяжные, въ составѣ 7 дворянъ, 1 купца и 4 крестьянъ и мѣщанъ признали Незнакомова невиннымъ.

По объявленіи этого приговора, предсѣдательствовавшій судья обратился къ Незнакомову съ вопросомъ: «Мальчикъ! Куда же ты теперь пойдешь, есть ли у тебя здѣсь родные? — «Я не знаю», отвѣтилъ Незнакомовъ также просто, какъ онъ, въ началѣ засѣданія, отвѣтилъ на вопросъ о томъ, сколько ему лѣтъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ, священникъ села Любичъ, от. Некрасовъ, сжалился надъ несчастнымъ, заброшеннымъ существомъ и объявилъ суду, что онъ возьметъ его на свое попеченіе.

Сколько несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, сидѣвшихъ до сихъ поръ на скамьѣ подсудимыхъ, — а ихъ ужъ сидѣло много — могутъ позавидовать Незнакомову! Съ ними не случилось того, что́ съ нимъ. Если присяжные и оправдали ихъ и тѣмъ доставили удовольствіе жалостливой публикѣ, то они нисколько не измѣнили бы судьбу подсудимыхъ, если бы ихъ и обвинили. Ихъ жизнь и среда въ тюрьмѣ и на свободѣ одинаковы; въ обоихъ случаяхъ она ихъ приведетъ опять на скамью подсудимыхъ. Представитель обвинительной власти сказалъ про Незнакомова, что онъ «видитъ въ немъ человѣка, въ которомъ кроются задатки великихъ преступленій». Это правда. Но вѣдь Незнакомовыхъ у насъ тысячи, и неужели общество, въ лицѣ своихъ присяжныхъ, обвиняющее и оправдывающее этихъ своихъ маленькихъ враговъ, только этимъ и ограничитъ свою дѣятельность, не пожелаетъ даже вдуматься, — откуда, изъ какой среды выходятъ эти маленькіе нравственные уроды. А вѣдь вдуматься въ это слѣдуетъ, хотя бы изъ чувства самосохраненія.

Прослѣдите жизнь ребенка, какимъ былъ Незнакомовъ, особенно, если онъ рождается не въ деревнѣ, а въ городѣ, въ семействѣ рабочаго класса. Тутъ дѣти остаются не только безъ малѣйшаго образованія, но даже безъ призора. Въ семьѣ господствуетъ пьянство и нищета. Сберечь нечего изъ трудовыхъ копѣекъ—онѣ пропиваются. Ребенокъ голодаетъ и начинаетъ нищенствовать; этимъ онъ даже облегчаетъ своихъ родителей—онъ самъ зарабатываетъ себѣ хлѣбъ. Быть можетъ, онъ и радъ былъ бы работѣ, какъ обрадовался ей и Незнакомовъ, съ радости даже сболтнувшій о своемъ поджогѣ, но работы онъ скорѣе не достанетъ, его ничему не учатъ, онъ, какъ Незнакомовъ «ничего не знаетъ». Привыкнувши ловко стаскивать, что́ плохо лежитъ, онъ достигаетъ, наконецъ, того возраста, когда онъ дѣлается членомъ того общества, среди котораго родился. Вступая въ общество, онъ считаетъ себя въ правѣ пользоваться отъ него извѣстною долею извѣстныхъ благъ, составляющихъ достояніе всѣхъ его членовъ. За это, быть можетъ, онъ и самъ готовъ былъ бы стараться объ увеличеніи общей суммы благъ, находящихся въ распоряженіи этого общества; но онъ ничего не получаетъ отъ общества. Какое чувство,

кромѣ злобы, ненависти, должно при этомъ явиться у личностей, въ родѣ Незнакомова. Ихъ давитъ сила, они сначала не смѣютъ рѣшиться на открытое нападеніе на общество. Начинается обманъ, притворство, ожесточеніе на все окружающее. Подъ страхомъ голодной смерти, съ безпрестаннымъ опасеніемъ остаться безъ куска хлѣба, они всѣ силы употребляютъ на хитрость, на обманъ. Истинныя начала честности и права такая жизнь не вырабатываетъ. За то мошенничество кажется имъ ловкимъ подвигомъ, подлогъ — ловкой штукой. Въ открытой борьбѣ съ обезпеченнымъ обществомъ, они кичатся смѣлостью своихъ нападеній, тяжестью наносимыхъ ими общественной безопасности ударовъ. Спросите защитниковъ подсудимыхъ, присяжныхъ-повѣренныхъ, и они вамъ скажутъ, какъ пріобрѣвшіе себѣ извѣстность воры и мошенники тщательно скрываютъ отъ своихъ товарищей, если они попались на мелкомъ воровствѣ. Ему стыдно явиться даже въ судъ — онъ въ этомъ видитъ торжество своихъ враговъ. Ни въ одномъ преступленіи эта борьба неразвитаго развращеннаго нищетою и невѣжествомъ люда не проявляется такъ ярко, какъ въ преступленіяхъ противъ собственности — въ кражѣ. Начиная по мелочамъ, эти бывшіе Незнакомовы все спокойнѣе и спокойнѣе налагаютъ свою руку на чужое добро. Что за дѣло, что оно чужое. Они этого не знаютъ, или не хотятъ знать, какъ въ былое время не знали, сколько имъ лѣтъ, и есть ли у нихъ отецъ и мать. Развѣ ихъ кто-нибудь училъ различать свое отъ чужого; развѣ ихъ кто-нибудь научилъ пріобрѣтать честно, открыто свое. И этотъ отдѣльный міръ живетъ бокъ-о-бокъ съ образованнымъ и сытымъ обществомъ, ведя съ нимъ неустанную борьбу, съ опасностью попасться ему въ руки. Хорошо еще, скажетъ иной, какъ попадешься съ чѣмъ-нибудь порядочнымъ, а то вдругъ съ пустяками:—«Пожалуйста, вы до поры до времени никому не говорите, особенно смотрителю, что я попался въ кражѣ со взломомъ банки съ вареньемъ; вѣдь это срамъ, мнѣ стыдно въ глаза-то всѣмъ смотрѣть. Магазины на десятки тысячъ обчищалъ, и съ рукъ сходило, подозрѣніемъ отдѣлывался. А тутъ вдругъ за банку варенья въ судъ съ архангелами поведутъ». Такъ просилъ одинъ арестантъ своего защитника, желая хоть нѣкоторое еще время скрыть отъ своихъ товарищей позоръ — попасться съ банкой варенья, и хоть въ теченіе нѣсколькихъ недѣль сохранить за собою репутацію «дѣльнаго» человѣка.

Отчего же зависитъ дальнѣйшая жизнь этого особаго міра, какъ не отъ той среды, не отъ тѣхъ условій, которыя постоянно подготовляютъ ему новыхъ членовъ. Вѣдь не родятся же одни люди «съ задатками великихъ преступленій», а другіе безъ нихъ. Напротивъ того, нельзя ли, послушавши нѣсколько процессовъ въ родѣ Незнакомова, придти къ заключенію, что если бы теперешніе судьи, обвинители,

защитники и присяжные, родились и воспитывались въ той средѣ, въ какой родился и воспитывался Незнакомовъ, то и они бы всѣ стояли во главѣ противузаконнаго ремесла, и въ силу самаго своего превосходства и искусства уже подверглись бы тюремному заключенію или ссылкѣ.

«Надѣюсь, — писалъ Робертъ Овэнъ въ 1812 году, — что теперь не найдется человѣка, на столько невѣжественнаго, который бы предполагалъ, что человѣческая природа, проявляющаяся въ дитяти нищеты, бѣдности и наклонностей, ведущихъ къ преступленіямъ и наказаніямъ, совсѣмъ не та природа, которая создаетъ поклонника моды, ожидающаго славы отъ ея безумія и произвола. Надѣюсь, что никто не думаетъ, что какой-то неопредѣленный, слѣпой, безсознательный процессъ самой природы, независимо отъ воспитанія, образуетъ чувства и привычки купца, земледѣльца, юриста, духовнаго, военнаго, моряка, частнаго и незаконнаго грабителя общества; не думаемъ, что человѣческая природа различна въ различныхъ обществахъ, напримѣръ, въ обществѣ евреевъ, и во всевозможныхъ религіозныхъ сектахъ, существовавшихъ прежде, или существующихъ въ настоящее время. Нѣтъ! человѣческая природа, за исключеніемъ мелкихъ различій, встрѣчающихся во всѣхъ сложныхъ явленіяхъ природы, вездѣ одна и таже. Она, безъ исключеній, повсюду пластична, и съ помощію разумнаго воспитанія можно образовать изъ дѣтей какого угодно сословія, людей совершенно другого класса; можно пріучить ихъ считать истиннымъ и добродѣтельнымъ, и даже умирать въ защиту такого образа дѣйствій, который ихъ родители привыкли признавать ложнымъ или порочнымъ, и въ борьбѣ съ которымъ также охотно пожертвовали бы своею жизнью.

«Измѣненіе человѣческаго характера возможно при перемѣнѣ той общественной обстановки, въ которой живетъ человѣкъ. Эта послѣдняя перемѣна должна быть совершена посредствомъ улучшенія матеріальнаго быта массъ и посредствомъ воспитанія новыхъ поколѣній на совершенно новыхъ началахъ» [1]).

Въ производившихся до сихъ поръ уголовныхъ дѣлахъ объ убійствахъ, съ цѣлью грабежа, подсудимыми являлись преимущественно лица необразованнаго класса; эти убійства совершались иногда надъ родственниками и отцами, чтобы ускорить полученіе ожидаемаго на-

[1]) Объ образованіи человѣческаго характера. Спб., 1865.

слѣдства. Сколько намъ извѣстно, въ теченіе минувшихъ двухъ лѣтъ въ новыхъ судахъ являлся только одинъ подсудимый, изъ образованнаго класса, виновный въ убійствѣ и грабежѣ. Это былъ—Даниловъ, приговоренный московскимъ окружнымъ судомъ къ лишенію правъ состоянія и каторжнымъ работамъ на 9 лѣтъ.

Изъ дѣлъ этого рода въ одномъ случаѣ, вслѣдствіе ходатайства суда, наказаніе преступника было уменьшено милосердіемъ верховной власти.

Отставной рядовой Герасимъ Прохоровъ, признанный присяжными засѣдателями виновнымъ въ предумышленномъ убійствѣ крестьянина Тихона Васильева, съ цѣлью воспользоваться его лошадьми и санями, 20 мая 1867 года приговоренъ московскимъ окружнымъ судомъ къ снятію съ него медалей, лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ, а по прекращеніи работъ, за истеченіемъ срока или по другимъ причинамъ, къ поселенію въ Сибири навсегда.

Но, при этомъ вызванные на судебное слѣдствіе, эксперты признали крайнюю степень слабоумія подсудимаго, какъ въ настоящее время, такъ и во время совершенія имъ убійства, вслѣдствіе чего, подсудимый не могъ сознавать ни всей важности содѣяннаго имъ преступленія, ни тяжести слѣдующаго за это наказанія. Кромѣ этого показанія экспертовъ, въ указѣ объ отставкѣ Прохорова сказано, что онъ уволенъ отъ военной службы въ 1864 году по болѣзни и несообразности въ поступкахъ, не уступающей леченію. Поэтому, согласно съ ходатайствомъ окружнаго суда, участь Герасима Прохорова облегчена тѣмъ, что, по снятіи съ него медалей и лишеніи всѣхъ правъ состоянія, онъ сосланъ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

На сколько преступленія противъ собственности вызываются крайней нуждой и бѣдственнымъ положеніемъ преступниковъ, это всего болѣе видно изъ производившихся, въ окружныхъ судахъ, дѣлъ о простой кражѣ и кражѣ со взломомъ, совершенныхъ лицами привилегированныхъ сословій, которыя, какъ извѣстно, наказываются за это преступленіе строже—они всегда лишаются принадлежащихъ имъ по состоянію правъ и преимуществъ.

До сихъ поръ намъ извѣстно не болѣе 30-ти случаевъ, въ которыхъ дворяне и чиновники обвинены въ присвоеніи чужого имущества; изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, 20 подсудимыхъ сдѣлали кражу на сумму менѣе 50-ти рублей. Такіе преступники, какъ дворянинъ Ѳедоръ Спокcаревъ, виновный въ кражѣ со взломомъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ и денегъ 1 руб. 31 коп. [1]), или Петръ Сафоновъ, ви-

[1]) Судился въ Устюжскомъ окружномъ судѣ 3 ноября 1867 года и приговоренъ

новный въ кражѣ ночью муки и мѣшка у крестьянина, всего на 5 рублей [1]), или, наконецъ, коллежскій секретарь Ивановъ, похитившій изъ прихожей комнаты Псковского губернскаго правленія пальто и другія вещи и признанный присяжными совершившимъ это преступленіе по крайности и неимѣнію никакихъ средствъ къ пропитанію [2]), — совершенно ясно показываютъ тѣ побужденія, изъ которыхъ нерѣдко нарушаются права собственниковъ.

Присяжные, — сами, если не всегда собственники, то, по крайней мѣрѣ, люди болѣе или менѣе обезпеченные, понимаютъ это очень хорошо; ихъ напрасно было бы упрекать, что въ дѣлахъ этого рода обнаруживаютъ излишнюю строгость и боязнь за свои карманы и имущества. Такого упрека наши присяжные не заслуживаютъ. Это доказываютъ самые приговоры ихъ, въ разныхъ мѣстностяхъ и въ различномъ составѣ, въ которыхъ они безъ особыхъ, повидимому, обстоятельствъ, вызывающихъ снисхожденіе къ преступнику, признавали его заслуживающимъ снисхожденія, а иногда даже оправдывали лицъ, обвиняемыхъ въ кражѣ, послѣ собственнаго признанія подсудимыхъ.

По одному дѣлу о кражѣ, судъ призналъ возможнымъ ходатайствовать о пониженіи наказанія, передъ верховной властью.

Вдова коллежскаго секретаря Дарья Никитина, признанная присяжными засѣдателями виновною въ кражѣ бѣлья, оцѣненнаго въ 85 копѣекъ, но по обстоятельствамъ дѣла заслуживающею особаго снисхожденія, петербургскимъ окружнымъ судомъ приговорена къ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ей правъ и преимуществъ и къ заключенію въ тюрьмѣ на 1 мѣсяцъ. Но такъ какъ стоимость похищеннаго составляла всего лишь 85 копѣекъ, все похищенное возвращено владѣльцу, и Никитина содержалась по этому дѣлу подъ стражею болѣе года, такъ, что срокъ предварительнаго заключенія несравненно превосходилъ тотъ, который ей слѣдовалъ по закону, за совершенное ею преступленіе, то окружный судъ ходатайствовалъ объ облегченіи участи подсудимой. Облегченіе это, по предположенію суда, могло состоять въ томъ, чтобы при приведеніи надъ Дарьею Никитиною приговора въ исполненіе въ отно-

---

къ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Тобольскую губернію.

[1]) Судился въ Устюжскомъ окружномъ судѣ 19 ноября 1867 года и приговоренъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ тюрьмѣ на $1^1/_2$ мѣсяца.

[2]) Судился въ псковскомъ окружномъ судѣ 10 іюня 1867 года и приговоренъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ тюрьмѣ на 1 мѣсяцъ.

шеніи тюремнаго заключенія, она не была лишена присвоенныхъ ей правъ и преимуществъ. Ходатайствуя о такомъ облегченіи, окружный судъ поступалъ не согласно съ прежней уголовной практикой, по которой кража принадлежала всегда къ преступленіямъ, имѣвшимъ, для лицъ привилегированныхъ сословій, а для дворянъ въ особенности, неминуемымъ послѣдствіемъ лишеніе присвоенныхъ состоянію правъ и преимуществъ. По высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему вслѣдствіе ходатайства окружного суда, Никитина освобождена отъ дальнѣйшаго тюремнаго заключенія, но подвергнута лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ей правъ и преимуществъ.

Если въ большинствѣ преступленій противъ собственности, посредствомъ похищенія чужого имущества, подсудимыми являлись люди изъ необразованнаго класса и нерѣдко вовлекавшіеся въ преступленіе крайнею нуждою и безвыходнымъ положеніемъ, то этихъ заключеній нельзя вывести изъ производившихся до сихъ поръ дѣлъ о воровствѣ-мошенничествѣ и, преимущественно, о подлогахъ. До сихъ поръ присяжнымъ приходилось судить за подлогъ часто не крестьянъ и нищихъ, а людей принадлежащихъ къ привилегированному сословію и при томъ такихъ, которыхъ не голодъ вовлекалъ въ преступленіе. Быть можетъ это отчасти объясняетъ, почему въ приговорахъ по этимъ дѣламъ присяжные рѣдко выказываютъ такое снисхожденіе къ подсудимому, какое мы до сихъ поръ встрѣчали при другихъ обвиненіяхъ.

Извѣстный въ старыхъ судебныхъ мѣстахъ ходатай по дѣламъ, Александръ Бильбасовъ, признанъ былъ присяжными виновнымъ въ томъ, что получилъ отъ князя Сергѣя Гагарина, черезъ графа Петра Шувалова и повѣреннаго его, Адольфа Дмоховскаго, деньги и документы, па сумму болѣе 30,000 рублей, для передачи ихъ женѣ штабсъ-ротмистра Надеждѣ Кушниковой, но вмѣсто того присвоилъ эти деньги и документы себѣ. При этомъ для того, чтобы получить эти деньги и документы отъ князя Гагарина и графа Шувалова, Бильбасовъ употребилъ подложно составленную отъ имени Кушниковой росписку. За эти преступленія Бильбасовъ, рѣшеніемъ петербургскаго окружнаго суда, приговоренъ къ лишенію особенныхъ правъ состоянія и ссылкѣ на житье въ Томскую губернію [1]).

Отставной маіоръ князь Иванъ Трубецкой (62-хъ лѣтъ), черезъ 20 дней послѣ смерти 80-лѣтней вдовы премьеръ-маіора Авдотьи Евлашевой, представилъ 30 марта 1856 г. въ бронницкій земскій судъ два

---

[1]) Это рѣшеніе суда и присяжныхъ, вслѣдствіе несоблюденія нѣкоторыхъ формъ уголовнаго судопроизводства, отмѣнено кассаціоннымъ департаментомъ сената 26 января 1868 года, и Бильбасовъ вновь будетъ судиться по обвиненію его въ мошенничествѣ и подлогѣ, въ другомъ отдѣленіи петербургскаго окружного суда.

документа о принятіи отъ него Евлашевою, 10 іюля 1855 года, на сохраненіе полуимперіаловъ на 8,240 р. и кредитныхъ билетовъ на 12,000 руб. Въ этихъ сохранныхъ роспискахъ значилось, что по просьбѣ Евлашевой онѣ писаны коллежскимъ регистраторомъ Василіемъ Косидоровымъ, и послѣ его подписи слѣдовала подпись Евлашевой и свидѣтелей Конобровскаго и Цвѣтнева. Через три дня Трубецкой взялъ изъ земскаго суда эти росписки назадъ, а мѣсяца два спустя объявилъ, что эти росписки имъ потеряны въ Москвѣ. Въ декабрѣ же 1856 года, Трубецкой вновь представилъ ко взысканію двѣ росписки Евлашевой, такого же содержанія, какъ и прежнія, но только съ другимъ числомъ, не 10 іюля, а 2 іюля 1856 года и безъ подписей писавшаго ихъ и свидѣтелей. При этомъ въ поданномъ прошеніи Трубецкой заявилъ, что потерянныя имъ росписки Евлашевой отъ 10 іюля были писаны вмѣсто росписокъ отъ 2 іюля, и что эти послѣднія росписки должны бы считаться не дѣйствительными, еслибы онъ не затерялъ первыя. Долго розыскивали черезъ публикаціи гг. Косидорова, Конобровскаго и Цвѣтнева, но нигдѣ ихъ не нашлось. А между тѣмъ дѣло о взысканіи Трубецкимъ съ наслѣдниковъ Евлашевой все тянулось, и только десять лѣтъ послѣ того, какъ оно началось, указомъ сената 1866 года дѣло это обращено къ уголовному производству, вслѣдствіе заявленія наслѣдницею Евлашевой о подлогѣ представленныхъ Трубецкимъ росписокъ. Въ новыхъ судахъ дѣло пошло быстрѣе. Вызванные къ судебному слѣдователю эксперты, сличавшіе почеркъ на сохранныхъ роспискахъ съ почеркомъ Трубецкого, нашли что оба почерка схожи. Тогда Трубецкой заявилъ, что вслѣдствіе болѣзни память у него слаба, но что онъ припомнилъ о томъ, что дѣйствительно сохранныя росписки писаны имъ, Трубецкимъ, но по просьбѣ Евлашевой. Затѣмъ 4 декабря 1867 года, князь Трубецкой обвинялся въ московскомъ окружномъ судѣ за поддѣлку двухъ сохранныхъ росписокъ и представленіе ихъ ко взысканію. На судебномъ слѣдствіи новые эксперты показали, что подпись Евлашевой на сохранныхъ роспискахъ сходна съ другими, несомнѣнными ея подписями. Но свидѣтели, люди служившіе у Евлашевой, показали, что они не слыхали никогда, чтобы Косидоровъ, Конобровскій и Цвѣтневъ были у Евлашевой; а Трубецкого она чуждалась до того, что приказывала запирать окна и говорить, что она больна, при приближеніи его экипажа. Присяжные, въ составѣ 6 чиновниковъ и 6 купцовъ не признали князя Трубецкого виновнымъ въ поддѣлкѣ сохранныхъ росписокъ, но — въ представленіи ко взысканію поддѣльныхъ росписокъ, зная, что подписи на нихъ поддѣланы. За это судъ приговорилъ князя Ивана Трубецкого къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ состоянія и ссылкѣ на житье въ Тобольскую губернію.

27 іюня 1867 года, въ петербургскомъ окружномъ судѣ судился домашній учитель дворянинъ Михаилъ Прудниковъ, 40 лѣтъ, за подлогъ. Средства къ жизни подсудимаго были скудныя — онъ жилъ уроками итальянскаго языка и литературнымъ трудомъ, состоявшимъ между прочимъ въ писаніи политическихъ брошюръ, изъ которыхъ защитникъ его просилъ обратить вниманіе на двѣ: «Чего хочетъ Польша» и «Польскій катихизисъ», написанныя въ 1863 году. Кромѣ того Прудниковъ поднесъ Государю Императору стихотвореніе къ портрету Его Величества, за которое ему объявлена высочайшая благодарность, и императрицѣ программу своего сочиненія о расколѣ. Подлогъ Прудникова заключался въ томъ, что онъ въ 1863 же году приготовилъ книгу, выданную будто бы женѣ тайнаго совѣтника Ольгѣ Ѳедоровнѣ Голицыной для записыванія пожертвованій въ пользу вдовъ и сиротъ офицеровъ и солдатъ, убитыхъ при усмиреніи польскихъ мятежниковъ въ царствѣ польскомъ; въ книгѣ этой онъ подписался за петербургскаго предводителя дворянства графа Шувалова, его секретаря Арцымовича и приложилъ печать. Съ этою книгою Прудниковъ ходилъ по Петербургу и собиралъ въ свою пользу деньги; всего имъ было уже собрано 650 рублей, когда онъ попался полиціи 4 декабря 1863 года.

Присяжные засѣдатели (въ составѣ 4 дворянъ, 2 купцовъ, 5 мѣщанъ и 1 крестьянина) признали Прудникова виновнымъ въ составленіи подложной книги для записыванія пожертвованій и въ выманиваніи, подъ видомъ благотворительныхъ приношеній, въ свою пользу, денегъ, но совершившимъ это преступленіе по крайности и неимѣнію никакихъ средствъ къ пропитанію и работѣ. За это преступленіе Прудниковъ приговоренъ судомъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ губернію Томскую или Тобольскую.

Но при этомъ окружный судъ, какъ сказано въ приговорѣ, «принимая во вниманіе: а) полное раскаяніе и чистосердечное сознаніе, высказанныя подсудимымъ во все время производства о немъ дѣла; б) вполнѣ подтвердившуюся при предварительномъ слѣдствіи актомъ осмотра, занимаемой подсудимымъ квартиры, а на судебномъ слѣдствіи присяжнымъ свидѣтельскимъ показаніемъ, крайнюю бѣдность подсудимаго, которая и вовлекла его въ совершенныя имъ преступленія; в) оффиціально объявленную подсудимому въ 1866 году высочайшую благодарность за поднесеніе на высочайшее Его Императорскаго Величества имя литературнаго произведенія; г) милостивый отзывъ Государыни Императрицы о представленномъ въ 1857 году, на благосклонное воззрѣніе Ея Императорскаго Величества, учено-литературномъ трудѣ подсудимаго; д) что со времени совершенія Прудниковымъ преступленія протекло $3^1/_2$ года и онъ дважды содержался по этому

дѣлу подъ стражею; е) что послѣ освобожденія его въ 1864 году изъ-подъ стражи, какъ выше сказано, онъ удостоился получить высочайшую благодарность, и, кромѣ того, по засвидѣтельствованію митрополита Месопотамскаго Макарія, у коего Прудниковъ находился домашнимъ секретаремъ, при отличномъ поведеніи и ревностномъ исполненіи возлагаемыхъ на него порученій, много содѣйствовалъ его высокопреосвященству къ устройству во ввѣренной ему метрополіи училищъ; ж) что такимъ образомъ раскаяніе Прудникова представляется истиннымъ, и поступками своими онъ доказалъ свое исправленіе»,—призналъ справедливымъ ходатайствовать передъ Императорскимъ Величествомъ о смягченіи участи Михаила Прудникова тѣмъ, что, вмѣсто слѣдующаго ему по закону наказанія, сдѣлать ему отъ суда внушеніе».

Это ходатайство суда высочайше уважено 12 октября 1867 года, при чемъ вмѣнено Прудникову въ наказаніе время, проведенное имъ подъ стражею во время производства о немъ дѣла. Внушеніе отъ суда сдѣлано Прудникову въ публичномъ засѣданіи, 3 ноября 1867 года.

Мы далѣе не будемъ продолжать обзора различныхъ преступленій, противъ частныхъ лицъ и ихъ имуществъ, разсматривавшихся въ новомъ уголовномъ судѣ, такъ какъ уже и въ разсказанныхъ до сихъ поръ дѣлахъ довольно отчетливо обрисовались судьи и присяжные, ихъ рѣшенія и приговоры.

Мы не станемъ спѣшить различными выводами изъ этого обзора, такъ какъ двухлѣтняя уголовная практика слишкомъ коротка, чтобы представлять довольно данныхъ для общихъ заключеній. Да и не это имѣли мы цѣлью въ началѣ обозрѣнія. Мы хотѣли только показать нашему обществу различныхъ подсудимыхъ и нѣкоторыя изъ преступленій, которыя оно порождаетъ, привести тѣ приговоры, которое оно само произноситъ надъ подсудимыми, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей. Приговоры эти, по нашему убѣжденію, могутъ служить отвѣтомъ какъ тѣмъ, кто обвинялъ нашъ судъ присяжныхъ въ какомъ-то трусливомъ обереганіи собственности, такъ и тѣмъ, кто хотѣлъ видѣть, въ этихъ приговорахъ, опасность для существующаго порядка.

Но нашъ обзоръ былъ бы неполонъ, если бы мы не упомянули, въ заключеніе, о томъ впечатлѣніи, которое выносятъ сами присяжные изъ суда, и преимущественно изъ дѣлъ о нарушеніи правъ собственности. Уже теперь, послѣ двухлѣтняго опыта, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ присяжные засѣдатели увидѣли, что еще не все ими сдѣлано произнесеніемъ обвинительнаго или оправдательнаго приговора, и что со стороны обезпеченнаго въ своихъ нуждахъ общества, нужна еще

и другая дѣятельность. Присяжные уже имѣли время убѣдиться въ томъ, что какъ ни важно произнесеніе надъ виновнымъ — осудительнаго, и надъ невиннымъ — оправдательнаго приговора, но еще важнѣе не бросать подсудимыхъ, обвиненныхъ и оправданныхъ, на произволъ судьбы, а ввести ихъ въ среду людей нравственно свободныхъ, вырвать изъ той жизненной обстановки, которая явилась для нихъ источникомъ преступленія, и съ неотразимою, для ихъ собственныхъ средствъ, силою втянетъ ихъ снова, приведетъ въ тюрьму и посадитъ на скамью подсудимыхъ.

Съ этою цѣлью, присяжные засѣдатели города Петербурга, уже заявили, какъ мы слышали, въ нѣсколькихъ сессіяхъ окружнаго суда, свое желаніе устроить рядомъ съ судомъ другое учрежденіе, имѣющее цѣлью принять на себя попеченіе надъ тѣми, изъ бывшихъ подсудимыхъ, которые или оправданы, или выдержали заключеніе по судебному приговору, и отъ которыхъ общество отворачивается въ то именно время, когда они въ немъ всего болѣе нуждаются. Слышно было также, что на устройство такого попечительства готовятся пожертвованія по мѣрѣ возможности и средствъ каждаго.

Многіе скажутъ, что эта мѣра палліативная, что она не улучшитъ матеріальнаго быта массы, что она не пресѣчетъ въ корнѣ источника преступленія, — матеріальную и умственную нищету. Все это, конечно, справедливо, и спорить противъ этого нельзя.

Но нельзя также не признать, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о спасеніи людей, лучше сдѣлать хоть что нибудь, нежели ничего.

В. И.

ЕЖЕМѢСЯЧНАЯ ХРОНИКА.

1-го марта, 1868.

Промышленное развитіе силъ какого бы то ни было народа есть результатъ распространенія въ немъ знаній, образованности. Но насъ стараются нѣкоторые увѣрить, что знаніе и образованность не одно и тоже, что реальныя гимназіи могутъ сообщить массу знаній, но не образованность, что классическія гимназіи даютъ именно образованность, которая не можетъ быть достигнута въ реальныхъ гимназіяхъ. Развивая подобную тему до конца, «Московскія Вѣдомости» дошли надняхъ сами, въ одной изъ своихъ передовыхъ статей, до того, до чего, по ихъ мнѣнію, дошли защитники реальнаго образованія. «Это было— говорятъ они о послѣднихъ—возмутительное наругательство надъ истиной, это было безсовѣстное искаженіе фактовъ и извращеніе понятій, это была оргія обмановъ». А вотъ, по ихъ мнѣнію, въ чемъ состоитъ истина. Реальная гимназія, — объявляютъ они самымъ категорическимъ образомъ — есть именно то, что «нѣмцы называютъ Bürgerschule, т. е. *мѣщанская школа*, или школа для образованія будущихъ ремесленниковъ, будущихъ лавочниковъ» (sic!) и т. п. Не это ли оргія обмановъ? Увѣрить себя и увѣрять другихъ, что у нѣмцевъ образованіе дѣлится по сословіямъ, и что одни дѣти народа воспитываются въ *мѣщанскихъ* школахъ, а другія дѣти того же народа отдаются въ *не-мѣщанскія* школы; подъ послѣдними разумѣются именно классическія гимназіи. Но этимъ не ограничиваются наши классики: открывъ, наконецъ, ту истину, что реальныя школы есть собственно мѣщанскія школы, и потому гимназія не можетъ быть реальная, такъ какъ это повело бы къ названію гимназіи мѣщанскимъ заведеніемъ, «Московскія Вѣдомости» вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ точнѣйшее опредѣленіе реальному образованію. «Вмѣсто реальнаго образованія, утверждаютъ они, скажите—образованіе поверхностное, лишенное внутренней силы, образованіе средней руки, предоставленное людямъ не предназначающимъ себя для высшихъ спеціальностей знанія и обществен-

ной дѣятельности». Итакъ, нѣмецкія превосходныя *Bürgerschule*, эти *мѣщанскія* школы, гдѣ господствуетъ реальное образованіе, есть не что иное, какъ заведенія, гдѣ получается «поверхностное образованіе», «образованіе, лишенное внутренней силы», «образованіе людей, которые не могутъ быть послѣ допущены ни до какой общественной дѣятельности»! Но не назовутъ ли такія разсужденія — «возмутительнымъ поругательствомъ надъ истиной», «безсовѣстнымъ искаженіемъ фактовъ и извращеніемъ понятій»?

Мы не коснулись бы этого вопроса классицизма и реализма, если бы въ истекшемъ мѣсяцѣ классики, объяснившіе намъ значеніе реальнаго образованія, какъ образованія мѣщанскаго, не пустили въ ходъ истинно печальный слухъ о томъ, будто бы «новый уставъ нашихъ гимназій и прогимназій подлежитъ въ настоящее время пересмотру». Для успокоенія нашихъ читателей, мы можемъ противопоставить этому «слуху» два факта, опровергающіе его.

Въ первомъ нумерѣ (1868) журнала, издаваемаго на счетъ министерства народнаго просвѣщенія, мы читаемъ «Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета министра народнаго просвѣщенія за 1866 годъ». Этотъ отчетъ открывается слѣдующимъ основоположеніемъ, которое, повидимому, ограждаетъ насъ отъ упомянутаго слуха: «Смѣю думать, говоритъ г. министръ народнаго просвѣщенія, что при ясно сознанной и указанной правительствомъ системѣ народнаго образованія, главнѣйшая дѣятельность министерства (народнаго просвѣщенія) должна заключаться *не столько въ составленіи новыхъ законодательныхъ работъ*, сколько *въ тщательномъ примѣненіи на дѣлѣ* одобренныхъ главныхъ началъ. Къ счастію, менѣе всѣхъ другихъ вѣдомствъ, можетъ министерство народнаго просвѣщенія поставить себѣ преимущественною задачею достигать необходимыхъ улучшеній путемъ законодательнымъ и письменнымъ порядкомъ: вся жизнь его—въ школѣ и на самомъ дѣлѣ, въ лицахъ, которымъ ввѣряются важныя обязанности учителей народа» и т. д. А извѣстно, что послѣдняя система народнаго образованія выражена у насъ въ уставѣ 19 ноября 1864 года, и эта, именно, система признается «ясно сознанною и указанною правительствомъ»; намъ говорятъ весьма компетентные люди, что для министерства народнаго просвѣщенія нѣтъ надобности «въ составленіи новыхъ законодательныхъ работъ». Но вотъ и другой фактъ, опровергающій слухъ о какихъ-то новыхъ законодательныхъ работахъ по министерству народнаго просвѣщенія. Недавно обнародовано высочайшее повелѣніе о преобразованіи учебныхъ заведеній на Кавказѣ и за Кавказомъ, и государственный совѣтъ, по этому поводу, мнѣніемъ положилъ, чтобы новый учебный уставъ на Кавказѣ былъ составленъ, «примѣняясь въ главныхъ началахъ къ общему уставу 19 ноября 1864 года». Если правительство, въ дальнѣйшихъ своихъ реформахъ, требуетъ «примѣненія въ глав-

ныхъ началахъ» къ послѣднему уставу, то слухъ о новомъ колебаніи этого устава едва ли заслуживаетъ вѣроятія. Дѣйствительно, на Кавказѣ теперь утверждено имѣть 6 гимназій: изъ нихъ только одна чисто-классическая (въ Ставрополѣ); три—съ однимъ латинскимъ языкомъ и двѣ — реальныя.

Откуда же могъ, однако, пойти тотъ странный слухъ? Вѣроятно, поводъ къ нему подало другое мѣсто въ томъ же «Отчетѣ» мин. нар. просв. за 1866 годъ, гдѣ говорится, что получены заключенія попечителей округовъ, «касательно тѣхъ измѣненій, которыя *слѣдовало бы* произвести въ немъ», т. е. въ уставѣ. Но не смотря на это «слѣдовало бы», мы продолжаемъ вѣрить прежде высказаннымъ началамъ объ излишествѣ «новыхъ законодательныхъ работъ» по мин. нар. просвѣщенія, и что *не слѣдуетъ* терять время на новую перестройку, новые комитеты и т. п.

Тотъ же самый «Отчетъ» успокоиваетъ всѣхъ относительно того взгляда на реальное образованіе, по которому оно является *мѣщанскимъ*, какъ въ «Недорослѣ» Фонъ-Визина обозвана спеціально географія: «Во всѣ предшествующія Вашему Императорскому Величеству царствованія, обращалось почти исключительное вниманіе правительства на высшія и среднія учебныя заведенія; къ образованію же массы народа, для которой высшее и среднее образованіе, говоря вообще, недоступно, приложено было мало заботъ, отчасти потому, что около половины крестьянскаго сословія находилось въ крѣпостномъ правѣ... Я смѣю думать, что отличительная черта просвѣтительнаго царствованія Вашего Императорскаго Величества, по вѣдомству всемилостивѣйше ввѣреннаго мнѣ министерства, должна состоять въ образованіи народа, Вами, Всемилостивѣйшій Государь, освобожденнаго и призваннаго пользоваться благами новыхъ учрежденій, вызывающихъ *потребность знанія, для извлеченія изъ нихъ наибольшей пользы*». Могутъ ли говорить такимъ образомъ признающіе необходимость «знанія для извлеченія наибольшей пользы изъ новыхъ учрежденій», какими являются именно земскія учрежденія, судебный институтъ,—и въ то же время утверждать, что къ знанію, особенно полезному для земскихъ учрежденій и судебнаго института, относятся исключительно греческій и латинскій языкъ, а лавочники могутъ ограничиться грамотностью? Мы только спрашиваемъ это, и напоминаемъ читателямъ отрывокъ изъ рѣчи Лоу, 11 января, приведенной нами въ послѣдней хроникѣ: «Членамъ палаты общинъ, говоритъ онъ, классическое образованіе можетъ быть нужно для цитатъ, но среднему классу нужны познанія, которыя пріучаютъ къ наблюдательности, къ ясному, точному пониманію вещей, къ сужденію на основаніи фактовъ, къ самостоятельной работѣ; классическое образованіе—такъ говорятъ нынѣ въ Англіи — не можетъ дать ничего этого».

Мы должны однако сознаться, что какъ, не смотря на мысль объ излишествѣ новыхъ законодательныхъ работъ, оказалась возможность замѣтить, что все-таки *слѣдовало бы* заняться нѣкоторыми законодательными работами, такъ и по этому вопросу, хотя заботы о народномъ образованіи признаны торжественно славою нашего времени, но, оказывается въ другихъ мѣстахъ «Отчета», что нужно «подвигаться впередъ осторожными, но твердыми шагами». Въ чемъ же должна состоять осторожность, при содѣйствіи правительства успѣхамъ народнаго образованія, и въ чемъ замѣчена неосторожность западныхъ правительствъ? Западныя правительства тратятъ огромныя суммы на одни субсидіи по народному образованію; Англія въ теченіе 30-ти лѣтъ издержала $2^1/_2$ милл. фунт. стерл. на одно приготовленіе учителей, и въ Пруссіи на одинъ этотъ предметъ издерживается *третья* часть всей суммы, отпускаемой на народныя училища. Въ нашемъ министерствѣ народн. просвѣщ. находятъ, что «было бы не раціонально (?) и даже практически невозможно слѣдовать этому примѣру». У насъ въ 1866 году, изъ нѣсколькихъ милліоновъ, отпускаемыхъ на министерство народнаго просвѣщенія, было издержано собственно на народное просвѣщеніе *200,000 рубл.;* «а въ 1867 г.,—замѣчаютъ въ «Отчетѣ» —и эта сумма должна значительно уменьшиться»! По тому значенію, которое придано въ «Отчетѣ» для нашего времени народному образованію, поставленному выше средняго и высшаго, странно встрѣтиться съ цифрою 200,000 и съ извѣщеніемъ объ уменьшеніи ея. У насъ—говоритъ «Отчетъ»—«принимая въ соображеніе теперешнія потребности нашего народнаго образованія, едва ли слѣдуетъ, съ цѣлію подвинуть его впередъ, прибѣгать къ тѣмъ способамъ, которые употребляются въ другихъ европейскихъ государствахъ. У насъ, *на первыхъ порахъ*, необходима, кромѣ религіознаго образованія, разумная грамотность, то-есть, отчетливое чтеніе и письмо, и основныя начала счисленія». Но кто можетъ взять на себя смѣлость—мы исключаемъ фельетонистовъ—раздѣлить развитіе народа на первую пору, вторую и т. д., и сказать: «вы, русскіе мужички, вамъ, *на первыхъ порахъ*, довольно читать и писать, а тамъ увидимъ, можно будетъ и еще что нибудь прибавить».

Мы не полагаемъ, чтобы правительство должно было себя обременить всѣми расходами по народному образованію; конечно, можетъ быть есть возможность дешевле администрировать, или во всякомъ случаѣ не дѣлать администрацію дороже самого производства; быть можетъ, найдутъ непомѣрною роскошью издавать журналъ на счетъ министерства и тратить на него чуть не $^1/_{10}$ часть того, что̀ тратится на образованіе 70 милліоновъ народа, и т. п. Но необходимо для правительства ожидать многаго отъ частной предпріимчивости и только помогать ей. Между тѣмъ, мы встрѣчаемъ въ «Отчетѣ» ту мысль, что

приготовленіе учителей для народныхъ школъ — роскошь, а это-то и есть собственно настоящее дѣло. Намъ говорятъ, что — «не существуетъ другого средства разрѣшить столь важную задачу, какъ обратиться къ содѣйствію духовенства, которое стоитъ ближе всѣхъ къ народу» и т. д. Но оно уже давно стоитъ близко къ народу, а результаты таковы, что мы теперь начинаемъ только мечтать, нельзя ли какъ-нибудь распространить у насъ хоть грамотность. Земство дѣлаетъ, дѣйствительно, одно попытки къ приготовленію учителей. Какъ отнеслось къ этимъ попыткамъ министерство народнаго просвѣщенія: «Министерство—сказано въ «Отчетѣ»—относится вполнѣ *доброжелательно* къ подобнымъ попыткамъ, и *старается* содѣйствовать имъ». Нельзя вмѣнять доброжелательности въ заслугу себѣ, когда рѣчь идетъ о государственномъ учрежденіи, каково земство; а что касается до *старанія* содѣйствовать ему, то едва ли это стараніе было велико, потому что оно противно убѣжденіямъ министерства, которое положительно выражается, нѣсколько страницъ ниже, что «приготовленіе учителей для начальныхъ училищъ *не можетъ служить пока предметомъ особыхъ заботъ для правительства и земства*». Въ какой же степени можно стараться содѣйствовать земству въ приготовленіи учителей, и въ тоже время про себя думать, что это не можетъ служить предметомъ заботъ ни земства, ни правительства? Приходится стараться о томъ, въ безполезности чего мы убѣждены, и притомъ на основаніи мысли, что у насъ «существуютъ въ наличности готовыя для сего силы». Эти «въ наличности готовыя для сего силы» — уже названы выше; подъ ними разумѣется духовенство. Католичество не страдаетъ упрекомъ въ недостаткѣ образованности, а въ какой степени вредно народное образованіе, предоставленное духовенству, даже и образованному, — объяснять эту истину не нужно тому, кто не зараженъ духомъ папизма и католичества. Таково наблюденіе исторіи, котораго нельзя опровергнуть; и мы сами знаемъ кое-что о вредномъ вліяніи на народную образованность духовенства, даже и весьма образованнаго. Бороться съ зломъ клерикальнаго образованія въ одномъ углу, и въ другомъ стоять на клерикальной точкѣ зрѣнія — едва ли безопасно въ будущемъ. Кто читалъ у насъ выше изслѣдованіе А. Н. Попова о доводахъ католическаго духовенства въ пользу необходимости возлагать народное образованіе на духовныхъ, какъ стоящихъ ближе къ народу и его совѣсти, тотъ не очень увлечется подобными же заблужденіями въ другихъ случаяхъ, и скажетъ:

Timeo Danaos, et dona ferentes!

Постоянная недостаточность средствъ у насъ къ народному образованію можетъ почти равняться случайному недостатку нынѣшней зимы къ народному продовольствію. Можно сказать, что въ отношеніи народ-

наго образованія мы испытываемъ также голодъ, если менѣе мучительный физически, то не менѣе опасный. Въ одномъ изъ большихъ центровъ населенія, въ Москвѣ, въ истекшемъ году было отказано въ поступленіи въ гимназію 229 лицамъ!!... Развѣ это нельзя назвать голодомъ? Еще недавно, въ такомъ городѣ, какъ Рязань, цѣлый годъ нельзя было учиться—и чему!—русскому языку, а въ Калугѣ, два года нѣтъ учителя русскаго языка. Въ виду такихъ фактовъ, едва ли придетъ въ голову заботиться о новыхъ законодательныхъ работахъ. Конечно, современное бываетъ результатомъ предъидущаго времени; но г. министръ утверждаетъ, что среднія учебныя заведенія составляли до сихъ поръ исключительное вниманіе правительства; безъ сомнѣнія, это же выражалось и въ тогдашнихъ отчетахъ по министерству народнаго просвѣщенія; но при всемъ томъ мы находимся, какъ будто неожиданно, въ состояніи голода по народному образованію, какъ нежданно, негаданно, очутились нынѣшній разъ въ состояніи голода по народному продовольствію.

Мы имѣли уже случай говорить о послѣднемъ въ февральской хроникѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ учреждена, по предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника, «Коммиссія для доставленія пособій жителямъ Россіи пострадавшимъ отъ неурожая» (высочайшее повелѣніе объ этомъ послѣдовало 23 января), фактъ голода признанъ оффиціально и евфемизмы лишились своего утѣшительнаго дѣйствія даже въ сферѣ самыхъ солидныхъ и осторожныхъ людей.

Оффиціяльныя свѣдѣнія о дѣятельности «Коммисіи» показываютъ, что отъ голода пострадали наиболѣе губерніи: Архангельская (вся), Смоленская (вся) и Финляндія, а сверхъ того часть еще девяти губерній, именно: Вологодской, Витебской, Могилевской, Новгородской, Олонецкой, Орловской, Петербургской, Псковской и Тверской. Вотъ какую широкую полосу охватило бѣдствіе! Извѣстія о немъ потекли теперь рѣкой, со всѣхъ концовъ охваченной зломъ огромной мѣстности. Изъ Кеми (Арханг. губ.), въ которой числится всего 1,670 душъ населенія, сообщаютъ, что туда пришло болѣе 1,000 человѣкъ голодныхъ; понятно, что нельзя же не дѣлиться съ ними хлѣбомъ, независимо даже отъ чувства человѣколюбія, такъ какъ ѣсть подлѣ голоднаго невсегда удобно. Чтобы представить себѣ, до какой степени уже достигло зло, достаточно припомнить, что въ Архангельскѣ еще въ ноябрѣ хлѣбные торговцы продавали послѣдніе остатки запасовъ хлѣба, а въ Финляндіи уже въ то время народъ голодалъ, пробавляясь хлѣбомъ съ различною примѣсью.

Не останавливаясь на отдѣльныхъ фактахъ, возьмемъ итоги:

Въ Финляндіи жителей считается около .	1	мил.	799	тыс.
» Архангельской губерніи около . . .			284	»
» Смоленской губерніи около	1	»	135	»
Всего .	3	мил.	218	тыс.

Итакъ, въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ голодъ признанъ общимъ бѣдствіемъ всѣхъ мѣстностей, находится население слишкомъ въ 3 мил. 118 тыс. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не сообщено свѣдѣній о томъ, какія именно части остальныхъ 9 губерній страдаютъ отъ голода.

Населеніе 9 исчисленныхъ выше губерній составляетъ слишкомъ 8 мил. 232 тысячи [1]).

Такимъ образомъ, бѣдствіе простирается на губерніи, въ которыхъ числится слишкомъ 11 мил. 350 тыс. душъ. Правда, голодъ въ 9 губерніяхъ не является зломъ повсемѣстнымъ, такъ что нельзя отнесть всѣ ихъ восемь милліоновъ населенія къ голодающимъ. Но если мы возьмемъ хоть треть ихъ населенія, то получимъ цифру—2 мил. 744 тыс., которая съ приведеннымъ итогомъ населенія губерній, повально страждущихъ отъ голода, 3 мил. 118 тыс., представитъ цифру—5 мил. 862 тысячи населенія, которое нуждается въ помощи.

Что̀ значитъ въ сравненіи съ этой цифрою результаты благотворительности, какъ бы усердна и продуктивна она ни была? Что̀ значитъ 50 к., даже рубль на человѣка въ мѣстностяхъ наиболѣе страждущихъ? Не рубль и не два надо, чтобы прокормитъ человѣка до осени, давъ ему еще средства засѣять поле.

Говоря такъ, мы не имѣемъ въ виду навесть на читателя уныніе. Дѣло въ томъ, что бѣдствію надо смотрѣть прямо въ глаза, какъ всякому врагу, чтобы совладать съ нимъ. Нынѣшній примѣръ особенно наглядно показываетъ, что̀ значитъ скрывать отъ самихъ себя факты. Замѣтимъ одно, что совершенно напрасно нѣкоторые возложили всю вину на земство, такъ какъ попеченіе о народномъ продовольствіи возложено на обязанность земскихъ учрежденій, которымъ сданы и продовольственные капиталы и поручено завѣдываніе запасными магазинами. Мы не видимъ пользы отъ лицемѣрія и умалчиванія фактовъ въ чью-либо пользу. Что не всѣ земства предусмотрѣли неурожай и своевременно приготовились встрѣтить голодъ, это правда. Такъ, напр., тверское земство по крайней мѣрѣ не сообщало свѣдѣній о голодѣ, и потому можно бы пожалуй подумать, что оно и не занималось имъ вовсе. Но мы лишены права выводить такія заключенія, такъ какъ не вся дѣятельность земскихъ учрежденій вообще подлежитъ и подвергается гласности. Во всякомъ случаѣ, намъ могутъ указать на нѣсколько извѣстныхъ примѣровъ распорядительности земствъ въ этомъ отношеніи (напр. новгородскаго). При подобнаго рода упрекахъ обыкновенно забывается, когда, въ какомъ видѣ и въ дѣйствительности ли, а не только на бумагѣ, сдано земству все то, что̀ подлежало сдачѣ ему по числовымъ даннымъ; не было ли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ этомъ отношеніи, нѣкоторыхъ недоумѣній относи-

---

[1]) Изъ числа населенія Петерб. губ. мы при этомъ исключили населеніе столицы.

тельно исправности и безплодныхъ поисковъ за цифрами, которыя, продолжая царствовать на бумагѣ давно и, конечно, безъ чьей-либо вины, а по запутанности счетовъ, обращались въ миѳы? Достаточно для того указать, напр., на факты въ отчетѣ бывшей петербургской земской управы относительно продовольственнаго капитала.

Изъ журнальныхъ постановленій «Коммиссіи», видно, что первымъ рѣшеніемъ ея было — собрать отъ начальниковъ губерній, по совѣщанію ихъ съ предводителями дворянства, предсѣдателями земскихъ управъ и «другими могущими быть полезными лицами», точныхъ свѣдѣній о степени неурожая и нуждахъ населенія. Прежде всего, разумѣется, необходимы вѣрныя и подробныя свѣдѣнія. Впрочемъ, Коммиссія совершенно основательно начала дѣло вспоможенія, не ожидая ихъ, такъ какъ дѣло слишкомъ спѣшно. Нельзя не благодарить «Коммиссію» за то, что, въ противность бюрократическимъ преданіямъ, она, въ число источниковъ для свѣдѣнія, ввела категорію «другихъ могущихъ быть полезными лицъ». Мы утверждали въ послѣдній разъ именно о важности частныхъ свѣдѣній и указали на редакціи, какъ на главные ихъ центры. Насъ не поняли, и возразили намъ невозможностью посылать корреспондентовъ во всѣ концы Россіи. Дѣло не въ посылкѣ корреспондентовъ, а въ живой связи редакціи съ своими читателями, чѣмъ такъ сильны редакціи заграничныхъ газетъ. Сильныя обвиненія на администрацію все-таки отзывались убѣжденіемъ, что не мы-молъ виноваты, а она; другими словами: «мы ждемъ всего отъ одной администраціи!»

«Коммиссія» не рѣшилась ограничиться административными свѣдѣніями, любопытный образчикъ которыхъ представляетъ «Нижегородскій Сборникъ», изданный оффиціальнымъ статистическимъ комитетомъ. Въ Нижегородской губерніи въ десять лѣтъ воровство увеличилось на 179%, грабежи на 274%, убійства на 56% и поджигательства на 61%. Цифры краснорѣчивыя и, замѣтимъ еще разъ — оффиціальныя. Стóило изслѣдовать такое замѣчательное явленіе, и вотъ, стали собирать свѣдѣнія. Министерство внутреннихъ дѣлъ, лѣтомъ 1864 года, обратило на этотъ предметъ вниманіе мѣстной администраціи. Вслѣдствіе того, нижегородскій губернаторъ предписалъ губернскому правленію «войдти въ ближайшее и подробнѣйшее изысканіе дѣла». Изысканіе было поручено одному совѣтнику. Совѣтникъ, какъ человѣкъ основательный, «прежде всего занялся необходимымъ собраніемъ различныхъ данныхъ за 10 лѣтъ отъ уѣздныхъ судовъ, магистратовъ, полицейскихъ управленій» и проч. Собиралъ эти данныя совѣтникъ, а потомъ умеръ; умеръ уже въ январѣ 1865 года. *Тогда*, въ мартѣ 1866 года, губернское правленіе препроводило все дѣло къ секретарю *статистическаго комитета*, прося его о составленіи записки съ мнѣніемъ. Итакъ, дѣло объ изысканіи мѣръ для

возстановленія безопасности края попало въ статистическій комитетъ». Любопытно при этомъ наблюдать за наблюденіями оффиціальныхъ лицъ. Предводители дворянства, мировые посредники и исправники сказали, что причиной всему — освобожденіе крестьянъ; нѣкоторые мировые посредники приписали умноженіе разбоевъ увеличенію заработковъ (!), развитію пароходства по Волгѣ, и «вообще развитію промышленныхъ силъ губерніи». Духовенство же объяснило увеличеніе воровства и грабежей: «освобожденіемъ крестьянъ, уничтоженіемъ тѣлесныхъ наказаній, расколомъ» и т. п.

Между тѣмъ, ясное сознаніе истинныхъ причинъ голода необходимо, какъ вѣрнѣйшее средство къ предупрежденію подобнаго бѣдствія въ будущемъ. Во всякомъ случаѣ, атмосферическія причины голода относительно не могутъ быть важны. Предъ нами общій фактъ тотъ, что земледѣліе въ Россіи, независимо отъ всякихъ атмосферическихъ явленій, находится далеко не въ блестящемъ положеніи. Но какіе изъ этого слѣдуетъ дѣлать выводы? Есть люди, которымъ по этому поводу приходятъ самыя оригинальныя мысли; иные едва-едва не договариваются до необходимости возстановленія крѣпостного права.

Какъ ни велика была бы общественная благотворительность, но на нее опереться въ настоящемъ случаѣ нельзя. При всей раціональности дѣйствія «Коммиссій» въ Петербургѣ и въ Москвѣ, ихъ средства далеко не равносильны злу. Пруссія представила доказательство необходимости государственныхъ мѣръ въ подобныхъ случаяхъ. Къ этому мы можемъ присоединить и собственный опытъ во время голода у насъ въ 1833 году, когда были поражены бѣдствіемъ весь югъ и нѣсколько сѣверо-западныхъ и среднихъ губерній, однимъ словомъ, пространство съ населеніемъ до 14½ милл. душъ. Наиболѣе пострадали тогда губерніи: Екатеринославская, Херсонская, Полтавская, Воронежская и Кавказская область. Правительство раздѣлило нуждавшіяся губерніи на классы и примѣнило къ нимъ, по мѣрѣ нужды, цѣлый рядъ энергическихъ мѣръ, а именно: ослабило мѣры взысканія недоимокъ по 17 губерніямъ и областямъ; сложило пени за недоимки съ помѣщичьихъ имѣній во вторую половину 1834 года по 13 губерніямъ, вывело въ иныя мѣста большую часть войскъ изъ Новороссійской и Полтавской губерній; перенесло закупку провіанта для войскъ въ Остзейскія губерніи; разрѣшило безденежную выдачу паспортовъ; усилило работы по добыванію соли, «до такого количества, на какое можетъ явиться рабочихъ»; отсрочило платежи по займамъ изъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій и банковъ подъ залогъ имѣній, съ прощеніемъ процентовъ за время отсрочки; разсрочило казенныхъ долговъ слишкомъ на 1 милл. руб.; отсрочило рекрутскій наборъ и народную перепись въ 13 губерніяхъ и областяхъ; возвысило контрактную плату содержателямъ почтъ, плату за продовольствіе рекрутскихъ

партій и командъ; назначило пособіе деньгами и хлѣбомъ канцелярскимъ чиновникамъ и писцамъ, служащимъ въ духовныхъ правленіяхъ, сиротамъ духовнаго вѣдомства, отставнымъ солдатамъ и вообще нуждающимся; разрѣшило безпошлинный ввозъ иностраннаго хлѣба, котораго и было привезено около 700 т. четв., но вывоза хлѣба не останавливало; послало довѣренныхъ лицъ для раздачи 180 т. р. прямо на руки бѣднымъ, наконецъ, что̀ всего важнѣе—назначило сумму 29 милл. 768 слишкомъ тысячъ рублей на покупку хлѣба и денежныя ссуды изъ казны, разныхъ мѣстныхъ капиталовъ и заимообразно изъ банковъ. Сверхъ этой суммы были отпущены изъ военныхъ магазиновъ съ возвратомъ и безъ возврата около 57,000 четв. Для собранія свѣдѣній и исполненія мѣръ по оказанію помощи, была основана цѣлая организація, состоявшая изъ особыхъ уѣздныхъ продовольственныхъ коммиссій, которыя еще раздѣлялись на попечительства. При закупкахъ хлѣба было принято за правило не дѣлать ихъ вдругъ и въ большихъ размѣрахъ въ одной мѣстности. Операція по закупкѣ огромныхъ партій хлѣба за границею для Петербурга была даже поручена, въ видѣ частнаго предпріятія, торговому дому Штиглицъ и сохранялось въ великой тайнѣ, что операція эта была совершена насчетъ правительства.

Нѣтъ сомнѣнія, что правительство приметъ «противъ нынѣшняго голода или неурожая», — какъ ни называй бѣдствіе, все равно, — мѣры государственныя, при чемъ примѣръ 1833 года будетъ, конечно, у него въ виду. Различіе положенія администраціи въ этомъ отношеніи, въ то время и нынѣ, заключается въ существованіи нынѣ земскихъ учрежденій. Но это различіе только для администраціи, а не для государства. Во-первыхъ, земства не могутъ принять ни одной мѣры, зависящей отъ власти законодательной; во-вторыхъ, средства ихъ скудны. Но земства все-таки существуютъ, и этотъ фактъ, не снимая съ государства обязанности принять государственныя мѣры къ облегченію бѣдствія, можетъ значительно облегчить государству примѣненіе ихъ. Довольно уже того, что учрежденная нынѣ коммиссія обращается къ земству за свѣдѣніями и предоставляетъ въ распоряженіе земства часть суммъ собранныхъ частной благотворительностью. Намъ кажется, что земство, въ этомъ случаѣ, призвано впервые показать, что сверхъ своего, такъ сказать, воспитательнаго характера и своего постояннаго, регулирующаго мѣстное хозяйство дѣйствія, оно можетъ, въ годину испытаній, явиться рычагомъ народнаго самосохраненія. Въ обществѣ и прессѣ уже поднимается вопросъ о займѣ для оказанія дѣйствительной помощи отъ голода. Но заемъ есть только видъ собранія денегъ; на кого же падетъ неизбѣжный результатъ займа—налогъ? Въ послѣднее время предлагали налогъ на капитальную ренту, т. е. на проценты, получаемые каждымъ владѣтелемъ разнаго рода государственныхъ бумагъ.

Предлагали, чтобы правительство для продовольствія народа, удержало хотя бы за одинъ годъ 10% изъ всей суммы процентовъ, платимыхъ имъ по внутреннимъ займамъ, что́ уже съ однихъ выигрышныхъ займовъ дало бы милліонъ рублей. Считая справедливымъ подвергнуть пошлинѣ всю вообще капитальную ренту, говорятъ, что полпроцента съ мильярда и болѣе бумажныхъ фондовъ государственныхъ и разныхъ обществъ (промышленныхъ) было бы прочнымъ основаніемъ дѣла о помощи. Въ подкрѣпленіе этой мысли, ссылаются на подать съ доходовъ въ Англіи.

Нельзя не согласиться, что мысль о подобномъ налогѣ на капитальную ренту—обращаетъ во всякомъ случаѣ на себя особое вниманіе. Она тѣмъ особенно практична, что дала бы возможность, установивъ поспѣшно предлагаемый налогъ, отпустить тотчасъ же, съ возвратомъ этимъ путемъ, значительные капиталы на оказаніе пособій въ большихъ размѣрахъ, въ видѣ усиленія общественныхъ работъ, и въ видѣ ссудъ Но внезапный налогъ въ 10% со всего дохода получающихъ проценты слишкомъ великъ; потребовать, наприм., съ капиталиста, получающаго 5,000 руб., ренты—500 руб., и именно только съ капиталиста, значило бы не подвесть его подъ общій уровень плательщиковъ податей, а просто взвалить на него одного помощь въ данномъ случаѣ потому только, что съ него легко взять, такъ какъ капиталъ его въ рукахъ правительства, или же можетъ быть извѣстенъ правительству изъ книгъ акціонерныхъ компаній. Сверхъ того, надо имѣть въ виду, что въ отношеніи собственно къ кредиторамъ государства эта мѣра имѣла бы значеніе пониженія ренты на 10%, что, разумѣется, отозвалось бы и на цѣнности процентныхъ бумагъ, какъ то было вездѣ, гдѣ подобная операція (réduction de la rente) была совершена, хотя и по инымъ соображеніямъ, именно вслѣдствіе паденія капитальной ренты вообще въ государствѣ. Но пониженіе государственной ренты съ 4% до 3 или съ 3% до 2 совершалось съ предоставленіемъ рентнерамъ права взять свои вклады обратно.

Такимъ образомъ, налогъ на капитальную ренту, вообще, кажется намъ мѣрою весьма практическою, но правительство, въ отношеніи своихъ обязательствъ, находится здѣсь въ щекотливомъ положеніи. Положимъ, вы — человѣкъ торговый, и рѣшились пожертвовать сами значительную сумму въ помощь бѣдствующимъ; это — хорошо! но что́ скажутъ, если въ видѣ вашей собственной жертвы, вы объявите вашимъ кредиторамъ, что заплатите имъ, положимъ, хотя бы только разъ, въ первый ихъ срокъ полученія съ васъ процентовъ, на одну десятую менѣе, чѣмъ слѣдуетъ, въ томъ предположеніи, что они не посѣтуютъ за доставленіе имъ такимъ образомъ участія въ вашей благотворительности? Скажутъ ли они вамъ, какъ сказали палаты прусскому правительству: «Не стѣсняйтесь и этой суммою; понадобится, такъ берите и больше!»

Вотъ въ такихъ-то случаяхъ, въ минуты нужды народной, земства могутъ оказать пользу не только какъ простые исполнители. Право правительства предлагать земствамъ вопросы не ограничено закономъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы созвать комитетъ изъ членовъ отъ земства, отъ акціонерныхъ компаній и отъ банковъ, — по той же мысли, по которой призваны въ тарифную коммиссію депутаты отъ промышленныхъ сословій, и какъ призывались депутаты отъ землевладѣльческаго сословія въ редакціонныя коммиссіи по крестьянскому дѣлу, и предоставить такому комитету рѣшить вопросъ о чрезвычайномъ налогѣ по случаю голода, то опираясь на рѣшеніе этого комитета, правительству легко было бы узнать, на что́ именно удобнѣе можетъ пасть налогъ (быть можетъ и нѣсколько видовъ налога); а если бы налогъ палъ на кредиторовъ государства, то щекотливость рѣшенія этого вопроса для одного административнаго пути была бы устранена.

Въ ожиданіи мнѣнія такого комитета, на чей счетъ и въ какой мѣрѣ отнесть издержку по случаю голода, правительство теперь же могло бы оказать пособіе изъ своихъ наличныхъ средствъ, или путемъ займа, предоставивъ съ этою цѣлью нѣкоторыя суммы въ распоряженіе именно земствъ (съ обязательствомъ отчетовъ), такъ какъ имъ ближе всего извѣстны мѣстныя нужды, и такъ какъ депутатамъ отъ нихъ пришлось бы потомъ участвовать въ изысканіи средствъ для покрытія этого чрезвычайнаго расхода. Земства, такимъ образомъ, явились бы полезными посредниками между нуждами населенія и средствами, на которыя можно разсчитывать.

Если голодъ представилъ случай наблюдать надъ благотворительностью, какъ народною чертою нашего характера, то мы имѣли въ тоже время возможность замѣтить, что у насъ склонность къ благотворительности не исключаетъ сильнаго развитія въ личныхъ интересахъ на счетъ общественной пользы. Не вездѣ оказывается такое стремленіе одного класса жить въ ущербъ другимъ, и надобно согласиться, что это послѣднее наше свойство приноситъ *постоянно* гораздо болѣе вреда, чѣмъ можетъ принести пользы вся наша склонность къ благотворительности, въ ея *временныхъ* проявленіяхъ. Что́ значитъ наша благотворительность въ сравненіи съ вредомъ, о которомъ хлопочутъ наши фабриканты-протекціонисты, отстаивая свои выгоды, и съ насиліемъ здравому смыслу, стараясь доказать, что дань, которую платитъ имъ страна, находится въ интересахъ всей страны. Громадные барыши, реализируемые нашими бумагопрядильщиками — не есть ли это тяжелый налогъ на всю страну, такъ какъ наши хлопчатобумажныя издѣлія преимущественно назначены для внутренняго сбыта? Платя сами за хлопокъ не болѣе 10-ти рублей за пудъ, они употребляютъ на производство пряжи 5-ть рублей, и продаютъ товаръ по 18-ти рублей. Итакъ, съ каждаго пуда они имѣютъ чистаго ба-

рыша по меньшей мѣрѣ 3 рубли. На нѣсколько сотъ пудовъ пряжи, изготовляемой на большой фабрикѣ въ день, это представляетъ тройную сумму въ рубляхъ. А между тѣмъ, именно эти фабриканты едва ли не болѣе всѣхъ кричатъ противъ пониженія тарифа, которое и предполагается-то только съ фискальной цѣлью, да всего на 25 процентовъ.

По словамъ нашихъ протекціонистовъ, малѣйшее прикосновеніе къ этимъ громаднымъ барышамъ отзовется прежде всего на рабочихъ; фабрики закроются, рабочимъ нечего будетъ ѣсть. Вотъ къ такого-то рода благотворительности мы еще болѣе способны, чѣмъ къ подаянію.

Возьмемъ другой примѣръ, изъ преній тарифной коммисіи: закавказскій край снабжаетъ Россію *150-ю тысячами* пудъ керосину, а сѣверныя и западныя губерніи наши потребляютъ его *550 тысячъ* пудъ. Между тѣмъ, закавказскіе производители нефти и керосина требуютъ повышенія пошлины на привозную нефть и керосинъ, требуютъ пошлины въ 1 рубль на пудъ очищеннаго керосина. Итакъ, не будучи даже въ состояніи ни добыть все потребное количество этого продукта, ни доставлять его на сѣверъ по громадности разстоянія, они требуютъ, чтобы одна часть Россіи платила возвышенную пошлину съ важнаго предмета потребленія для того только, чтобы у нихъ на мѣстѣ возвысилась цѣна его и возрасли ихъ барыши, а другая часть осталась бы совсѣмъ безъ освѣщенія, такъ какъ потребность превышаетъ въ пятеро внутреннее производство. Коммиссія не согласилась на это баснословное требованіе и ограничилась пошлиной съ очищеннаго керосина въ 55 коп. Но почему это сдѣлала коммиссія? Она сдѣлала это съ фискальною цѣлью; она отказалась дать премію закавказскимъ производителямъ потому только, что это уменьшило бы доходъ государства. Но не ясно ли, что надо же будетъ коснуться вопроса о пересмотрѣ тарифа и съ цѣлью прямо-экономическою, и нельзя не пожалѣть, что дѣло это, по необходимости, снова отложится лѣтъ на десять, если не болѣе.

Изъ журнала тарифной коммиссіи по 1-му отдѣлу (жизненные припасы) мы видимъ, что она рѣшила совсѣмъ отмѣнить пошлины на хлѣбъ всякаго рода въ зернѣ. Это не составитъ важнаго измѣненія ни въ смыслѣ фискальномъ, такъ какъ весь пошлинный сборъ съ зерноваго хлѣба составлялъ не болѣе 10 т. руб. въ годъ, ни въ смыслѣ шага къ освобожденію отъ ига протекціонизма, такъ какъ ввозный хлѣбъ, конечно, не составляетъ конкурренціи нашему. Но замѣчательно сознаніе самой коммиссіи, что временная отмѣна пошлинъ съ зерноваго хлѣба, допускавшаяся только въ моменты крайней нужды населенія, не могла предупреждать чрезмѣрнаго вздорожанія хлѣба въ мѣстностяхъ приморскихъ и пограничныхъ.

Какъ образецъ разсужденій нашихъ протекціонистовъ, сошлемся

на мнѣніе, поданное депутатами московскаго мануфактурнаго совѣта и владимірскаго мануфактурнаго комитета, по нѣкоторымъ статьямъ тарифа. Эти депутаты находятъ напр., что предположенное пониженіе пошлины съ привозной горчицы не нужно, такъ какъ оно слишкомъ *незначительно*, а потому, вслѣдствіе его, потребленіе этого продукта не усилится; да сверхъ того, замѣчаютъ, что привозъ иностранной горчицы и при существующей пошлинѣ значительно *увеличился*. Между тѣмъ, они же доказываютъ, что пошлину съ крѣпкихъ иностранныхъ напитковъ не слѣдуетъ понижать потому, что проектируемое пониженіе слишкомъ *значительно*, и еще потому, что вслѣдствіе его привозъ этихъ продуктовъ (падающій вслѣдствіе внутренней конкурренціи) *не увеличится;* будучи увѣрены въ томъ, что предположенное пониженіе пошлинъ съ горчицы и крѣпкихъ напитковъ само по себѣ не можетъ усилить ихъ потребленія, они между тѣмъ считаютъ необходимымъ напомнить, что необходимо охранять горчичное производство въ Сарептѣ, какъ важную отрасль сельскаго хозяйства, и нашъ хлѣбный спиртъ, который приноситъ акцизный доходъ.

Такъ-то, въ рукахъ нашихъ протекціонистовъ, всякій фактъ обращается въ доводъ, въ защиту ихъ «благотворительности»; бумагопрядильное производство надо поддерживать налогомъ потому именно, что оно сильно развито (участь тысячъ рабочихъ и т. д.); добываніе нефти необходимо поддерживать именно потому, что оно мало развито (его не хватаетъ и на одинъ южный край); горчицу не трогайте потому, что ввозъ ее и безъ того увеличивается; крѣпкихъ напитковъ не понижайте, потому что они падаютъ; виноградныхъ винъ не впускайте изъ-за границы потому, что у насъ развивается свое винодѣліе.... А не развивается ли у насъ, спросимъ мы, «винодѣліе», т. е. дѣланіе вина, въ тверской губерніи еще болѣе, чѣмъ въ Крыму и на Кавказѣ? Не играетъ ли у насъ, именно благодаря высокой пошлинѣ, недопускающей чистыхъ дешевыхъ сортовъ иностранныхъ винъ, сандалъ—роль винограда? Не служитъ ли громадное развитіе поддѣлки внутреннихъ винъ, поддѣлки вредной для народнаго здоровья, лучшимъ доказательствомъ, что вмѣсто «очищенія» иностранныхъ винъ чрезмѣрными пошлинами, слѣдовало бы дѣйствительно «очистить» наши вина усиленіемъ конкурренціи для нихъ? Иностранныя вина у насъ тоже поддѣлываются самымъ безобразнымъ образомъ, и въ Петербургѣ едва ли можно найти сколько нибудь чистое вино дешевле 1 руб. 50 коп. за бутылку. И чтожъ? такъ мы и будемъ продолжать поддерживать это почтенное «винодѣліе» тверской, московской и с.-петербургской губерній высокими налогами?

Быть можетъ протекціонистамъ и эта отрасль отечественной производительности кажется почтенною, потому что она отечественная? Они, пожалуй, и здѣсь готовы забыть, что интересъ потребителей не менѣе «отечественный», и что народное здоровье въ отечествѣ имѣетъ бо-

лѣе правъ на «охраненіе», чѣмъ интересы нашихъ сѣверныхъ «винодѣловъ».

Протекціонисты всегда ссылаются въ подкрѣпленіе своихъ измышленій на Америку. Они даже находятъ, что можно быть протекціонистами и либералами вмѣстѣ, потому что вѣдь вотъ же Соединенные Штаты — республика, стало быть, страна либеральная, а между тѣмъ въ ней существуетъ высокій тарифъ. Этотъ аргументъ прелестенъ по своей наивности. Вѣдь были же Соединенные Штаты республикою, стало быть либеральною страною, и въ то время, когда законы ихъ защищали рабовладѣніе. Что, если бы на этомъ основаніи, кто нибудь изъ противниковъ освобожденія крестьянъ у насъ, сказалъ: «Я могу быть либераломъ и крѣпостникомъ вмѣстѣ; я либералъ, но не увлекаюсь безусловными теоріями, не хочу ломать въ силу ихъ родное, выработанное нашею исторіею; взгляните на Соединенные Штаты:—тамъ законъ заботливо охраняетъ родное производство хлопка, основанное на невольничествѣ, а потому охраняетъ и невольничество. Соединенные Штаты — республика, стало-быть либеральная страна, и на что ужъ намъ быть либеральнѣе Соединенныхъ Штатовъ»!

Этотъ либералъ-крѣпостникъ говорилъ буквально то же самое, что́ говорятъ наши либералы-протекціонисты. Ихъ разсужденіе не менѣе наивно. Дѣло въ томъ, что въ законодательствѣ страны могутъ долгое время уживаться принципы совершенно противоположные; устройство правленія можетъ быть либерально, а соціальная организація основана на неравенствѣ, торговое же законодательство на принципѣ олигархіи, монополіи, эксплуатаціи всѣхъ, въ пользу нѣсколькихъ, въ силу фальшиво-понятаго интереса государства. Совсѣмъ другое дѣло въ раціональной теоріи, въ общемъ взглядѣ на начала, благотворныя для общества. Здѣсь предполагается цѣльность, которая недопускаетъ противоположности принциповъ. Либерализмъ есть цѣлая система свободы; но свобода въ общественномъ устройствѣ есть равенство правъ; свобода во всѣхъ отрасляхъ предпріимчивости есть отсутствіе монополіи, вольная конкуренція. Вы можете быть противниками принципа свободы во всей дѣятельности человѣчества, и признавать, что нельзя обойтись безъ вѣчной опеки, регламентаціи всей народной жизни, «покровительства» то «національной обработкѣ хлопка»—въ видѣ невольничества, то «національному земледѣлію— въ видѣ прикрѣпленія рабочаго къ землѣ, то «національному промышленному труду»—въ видѣ обложенія всего народа податями въ пользу нѣсколькихъ производителей, которые или не хотятъ отказаться отъ громадныхъ барышей или взялись за дѣло непригодное при мѣстныхъ условіяхъ—вы вольны думать такъ. Но вы можете имѣть и иной взглядъ на человѣческую дѣятельность, и думать, что свобода—лучшая регламентація во всѣхъ отношеніяхъ потому именно, что естестественное взаимно-

дѣйствіе силъ губитъ только искусственные интересы, а всякому здравому, естественному и потому плодотворному предпріятію служитъ лучшею опорою... Вы можете избрать то или другое воззрѣніе; но выхватывать изъ противоположныхъ системъ части и сопоставлять ихъ произвольно, являться то либералами - рабовладѣльцами, то либералами - протекціонистами, значитъ обманывать себя самихъ и заслуживать — предполагая искренность — названіе людей *недодумавшихся*.

Замѣтимъ въ заключеніе, что ссылаться на примѣръ Соединенныхъ Штатовъ въ оправданіе протекціонизма, особенно странно теперь, когда въ этой странѣ обнаруживается полный упадокъ и кораблестроительства, и желѣзнаго производства и хлопчато-бумажнаго производства. Примѣръ, по истинѣ, малодоказательный для подкрѣпленія протекціонистской теоріи!

Въ области политики иностранной за послѣднее время обращали на себя особенно вниманіе: вопросъ о мнимыхъ вооруженныхъ шайкахъ па границахъ Молдавіи, переходъ во Францію ганноверскихъ легіонеровъ, измѣненія въ англійскомъ кабинетѣ, и пренія во французскомъ законодательномъ корпусѣ по закону о печати.

Вооруженныя шайки въ Румыніи оказались миѳомъ; по крайней мѣрѣ никто не могъ указать опредѣленно, въ какомъ именно пунктѣ онѣ находились, и каковъ былъ ихъ составъ. Однако же, подозрѣніе въ ихъ существованіи подало западной дипломатіи поводъ сдѣлать представленія румынскому правительству и вызвало формальное увѣреніе со стороны румынскаго правительства, что такихъ шаекъ вовсе не было, а «если бы онѣ были, то румынское правительство приняло бы противъ нихъ мѣры». Это увѣреніе дано было бухарестскимъ кабинетомъ Франціи. Французскія же оффиціозныя газеты придавали наиболѣе важности слуху о шайкахъ, эксплуатируя его противъ Россіи.

Итакъ, мы видимъ, что положеніе въ восточномъ вопросѣ осталось то же: Россія продолжаетъ, путемъ своего дипломатическаго печатнаго органа, свидѣтельствовать о своемъ миролюбіи, а западная, и особенно французская дипломатія, недовѣрчиво слѣдитъ за самою тѣнью предпріятій, приписываемыхъ Россіи на востокѣ, и заботливо располагаетъ свои фигуры для противопоставленія ей «шаха» на каждомъ шагу: сперва была, на очереди, Кандія, потомъ сдѣлали ходъ въ Сербіи, наконецъ, повторили его въ Румыніи. Въ виду искренне мирныхъ заявленій нашего правительства и дѣйствительной невѣроятности военныхъ замысловъ со стороны Россіи, при нынѣшнемъ состояніи ея финансовъ, въ этихъ упражненіяхъ французской дипломатіи едва ли не слѣдуетъ видѣть нѣкотораго донкихотства, желанія показать дешевымъ образомъ свое величіе и похвалиться побѣдами надъ соперникомъ, который не борется.

Но въ общемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ уже проявилась искра

того коренного несогласія, которое рано или поздно подкопаетъ коалицію по поводу восточнаго вопроса и дастъ Россіи возможность сдѣлать что нибудь въ пользу турецкихъ христіанъ. Въ послѣдней книжкѣ мы говорили, что дружба Франціи съ Пруссіею не можетъ быть прочною, и что Россія можетъ съ увѣренностью ожидать удобнаго случая двинуть восточный вопросъ хоть на шагъ впередъ. Дѣло о переходѣ ганноверскаго легіона во Францію, дѣло само по себѣ пустое, показало съ тѣхъ поръ, какъ въ самомъ дѣлѣ не прочно было пресловутое сближеніе Франціи съ Пруссіею. Оффиціознымъ французскимъ газетамъ на этотъ разъ пришлось даже опровергать заключеніе союза Пруссіи съ Россіею. Итакъ, «особенная» дружба между Пруссіею и Франціею не выдержала пробы даже одного мѣсяца... Нашъ берлинскій корреспондентъ знакомитъ читателей съ интересами прусской политики и отношеніями берлинскаго кабинета къ вѣнскому и парижскому—подробнѣе, и мы ограничимся въ этомъ случаѣ ссылкою на него.

Измѣненія въ британскомъ кабинетѣ имѣютъ характеръ чисто-случайный: болѣзнь торійскаго премьера графа Дэрби. Давно уже ставили вопросъ о премьерствѣ Дизраэли. Препятствіемъ этой комбинаціи считали только гордость аристократовъ, составляющихъ кабинетъ. Но вопросъ рѣшился наконецъ утвердительно. Четыре герцога, сидящіе въ кабинетѣ, подчинились предводительству неаристократическаго вождя. Кабинетъ не усилится этой перемѣною. Лордъ Дэрби имѣлъ преобладающее вліяніе на палату пэровъ, и несмотря на относительную неважность этого почтеннаго собранія въ нынѣшнемъ политическомъ балансѣ Великобританіи—его надо замѣнить тамъ другимъ leader'омъ. Отсюда необходимость перехода сына его, лорда Стэнли, министра иностранныхъ дѣлъ, въ верхнюю палату. Первый министръ останется leader'омъ общинъ, какъ онъ былъ до сихъ поръ, въ должности канцлера казначейства. Но въ политическомъ мірѣ Англіи считается большимъ неудобствомъ отсутствіе, изъ преобладающей въ странѣ палаты общинъ, министра иностранныхъ дѣлъ.

Грустное чувство овладѣваетъ нами, когда намъ приходится быть хотя издали свидѣтелями разработки политическихъ вопросовъ въ современной Франціи. На этой трибунѣ, съ которой нѣкогда бросались въ свѣтъ сѣмена новыхъ идей, съ которой летѣли искры, зажигавшія свѣтильникъ свободы въ странахъ самыхъ далекихъ, лепечется теперь азбука общественнаго прогресса; тѣ люди, которые нѣкогда провозглашали послѣднія слова современныхъ стремленій, требуя немедленнаго ихъ примѣненія, должны нынѣ защищать самые первоначальные элементы свободнаго развитія. Дѣятели прежняго, парламентскаго времени являются среди слугъ второй имперіи, какъ тѣни прошлаго, тѣни плачевныя, и потому что люди эти пережили времена свободы, и потому что они являются въ наполеоновской палатѣ, гдѣ нѣкто Шнейдеръ при-

зываетъ къ порядку Жюля Фавра,—и потому наконецъ, что въ этомъ паденіи Франціи есть доля ея собственной вины. При нынѣшнихъ преніяхъ о положеніи печати, Тьеръ признавался въ своей ошибкѣ стѣсненія печати сентябрьскимъ закономъ 1835 года; но не въ ошибкѣ ему слѣдовало бы признаться, а въ винѣ, въ той деморализаціи, которую онъ и Гизо внесли въ парламентскую жизнь Франціи, въ извращеніи представительнаго правленія, въ замѣнѣ общенароднаго дѣла интересами одного класса, а борьбы идей — интригами личныхъ партій, стряпаньемъ на той кухнѣ, откуда выходили искусственныя коалиціи, пока наконецъ огонь, разведенный для приготовленія антиминистерскихъ банкетовъ, не опрокинулъ кастрюлей и не упразднилъ самый вопросъ о томъ, которая изъ нихъ лучше....

Законъ о печати, обсуждающійся въ законодательномъ корпусѣ — результатъ императорскаго письма 19 января прошлаго года. Почему то, что̀ обѣщано въ прошломъ январѣ, теперь еще только обсуждается? Отвѣтъ на этотъ вопросъ объясняетъ вмѣстѣ и тѣ колебанія, ту неувѣренность, которыя замѣчались въ отношеніи правительства и преданнаго ему большинства къ нынѣ обсуждаемому проэкту. Г. Персиньи, повѣренному императора, одному изъ авторовъ нынѣшней системы, приписываютъ слова, которыя вполнѣ объясняютъ и письмо 19 января 1867 года, и задержку его исполненія, и нынѣшнія колебанія: «Имперія находится въ такомъ положеніи — сказалъ онъ — что для спасенія ея необходимъ или большой шагъ впередъ или большой шагъ назадъ.»

Который же шагъ избирать? Безвыходность борьбы въ Мексикѣ и торжество Пруссіи указывали на необходимость *увлечь* Францію. Но увлечь Францію можно только впередъ; вотъ и явилось письмо императора 19 января прошлаго года: это былъ шагъ впередъ, къ такъ называемому вѣнчанію зданія. Обѣщано было облегченіе положенія печати, допущеніе политическихъ собраній и т. д. Облегченіе на практикѣ было дано печати фактическою отмѣною предостереженій. Но что̀, если шагъ впередъ ведетъ къ той пропасти, въ которую брошено было все то, что было лишняго на улицахъ Парижа, на третью ночь послѣ 2 декабря 1851 года? Что если рука, протягиваемая къ примиренію, будетъ схвачена, какъ безоружная? Что если путь утвержденія диктаторства посредствомъ уступокъ свободѣ ведетъ не къ вѣнчанію зданія, а именно къ той пропасти, о которой страшно и вспомнить?

И вотъ, обсужденіе законовъ о печати и правѣ сходокъ откладывается до другой сессіи, а за фактическимъ послабленіемъ прессѣ слѣдуетъ привлеченіе къ суду десятка главныхъ газетъ....

Но какъ не исполнить императорскаго обѣщанія? Не представить закона о печати нельзя, его и представили. Но въ послушномъ большинствѣ правительство имѣетъ отличную машину, чтобы нейтрализи-

ровать свой порывъ либерализма. Хорошо, если лѣвая рука знаетъ, что даетъ правая; но еще удобнѣе, если лѣвою рукою можно отнять то, что даешь правою.

До самаго послѣдняго момента не знали, какая инструкція будетъ дана большинству, и съ какой цѣлью законъ о печати представленъ: для того ли, чтобы онъ былъ утвержденъ, или для того, чтобы онъ былъ отвергнутъ. Наконецъ, государственному министру Руэ, который уже подавалъ въ отставку, удалось успокоить и убѣдить къ послѣдовательности. Руэ самъ откровенно признался (засѣданіе 4 февраля н. с.) въ происходившемъ кризисѣ. Онъ высказалъ убѣжденіе, что сильное правительство никогда не должно отступать предъ исполненіемъ своихъ обѣщаній, и тутъ же увѣрялъ, что правительство не вѣритъ въ опасность своего шага; но въ такомъ случаѣ почему же оно хотѣло «отступить?» Какъ бы то ни было, г. Руэ удалось убѣдить императора къ шагу впередъ, и въ тотъ же день императоръ выѣхалъ изъ дворца не въ каретѣ, а верхомъ.

Новый законъ о печати представляетъ, дѣйствительно, важныя для нея облегченія въ сравненіи съ дѣйствовавшимъ до сихъ поръ закономъ 17 февраля 1852 года. Онъ отмѣняетъ необходимость правительственнаго разрѣшенія на изданіе газеты или журнала, систему административной кары посредствомъ предостереженій, понижаетъ штемпельный сборъ съ политическихъ газетъ съ 6 сантимовъ до 5, отмѣняетъ личное заключеніе за проступки по дѣламъ печати. Было бы излишне распространяться о благодѣтельности этихъ облегченій, особенно же того изъ нихъ, которое ставитъ журналиста по отношенію ко взысканіямъ въ общность всѣхъ гражданъ, освобождая его отъ спеціальной юрисдикціи, въ которой одна изъ заинтересованныхъ сторонъ сама изрекаетъ приговоръ надъ другою.

Но законъ этотъ сохраняетъ въ силѣ требованіе залога, возвышаетъ штрафы до огромныхъ суммъ (до половины залога, т. е. до 25 тысячъ франковъ), вводитъ штемпель въ 2 сантима на право печатанія объявленій въ изданіяхъ не-политическихъ, и—главное—предоставляетъ дѣла по проступкамъ печати не суду присяжныхъ, а суду исправительному, наиболѣе зависящему отъ правительства. Остановимся на минуту на этихъ ограниченіяхъ. Требованіе залога съ политическихъ органовъ имѣло значеніе, когда во Франціи система правленія была основана на цензѣ. Если имущественный цензъ обусловливалъ самое основаніе политической дѣятельности, то онъ могъ существовать и для политическихъ органовъ печати, ограничивая ихъ число, какъ онъ ограничивалъ число избирателей. Но, при системѣ всеобщаго избирательства, требованіе залога утрачиваетъ всякую связь съ политическимъ устройствомъ и является только какъ мѣра предосторожности для осуществленія денежныхъ взысканій. Такимъ об-

разомъ, журналистика и въ этомъ отношеніи ставится внѣ общихъ гражданскихъ правъ. Вѣдь не требуютъ же залога отъ каждаго коммерческаго предпріятія для обезпеченія его солидности, не требуютъ залога отъ сановника, которому поручаются дѣла государства, для обезпеченія взысканія съ него въ случаѣ, если онъ употребитъ во зло оказываемое ему довѣріе.

Неравенство штемпельной подати съ изданій политическихъ и неполитическихъ не имѣетъ раціональнаго основанія. Если подать взимается съ объявленій, то она должна быть равна для всѣхъ изданій, печатающихъ объявленія; если же она взимается (что уже само по себѣ странно) за право заниматься политикою, то съ изданій неполитическихъ ея взимать не слѣдуетъ. Покажемъ, что значитъ для газетъ во Франціи штемпельный сборъ. «Что платитъ за свой патентъ самый богатый банкиръ?» спросилъ Гарнье-Пажесъ (засѣданіе 4 февраля). «1,000 франковъ», продолжалъ онъ. «Между тѣмъ, газета, которая печатается въ 10 т. экземплярахъ, платитъ 600 франковъ въ день, то есть 219 тысячъ фр. въ годъ. Газета же, которая печатается въ 40 тысячахъ экземпляровъ—876 тысячъ франковъ. Вотъ, что стоитъ патентъ газеты». Гарнье-Пажесъ напомнилъ далѣе, что въ Пруссіи штемпельный сборъ съ газетъ совсѣмъ будетъ отмѣненъ съ 1869 года.

Объ изъятіи проступковъ по дѣламъ печати отъ суда присяжныхъ говорить нечего. Цѣль этой мѣры слишкомъ понятна, и она есть только одинъ изъ видовъ той системы, которая журналиста ставитъ внѣ гражданскаго равенства, и отводитъ для него особое мѣсто, впередъ предполагая въ немъ злоумышленника, противъ котораго государство не можетъ быть слишкомъ сильно вооружено.

Общія пренія о новомъ законѣ были отмѣчены молчаніемъ государственнаго министра и краснорѣчивою защитою свободы печати со стороны оппозиціи. Жюль Симонъ сказалъ, что онъ будетъ поддерживать новый законъ, какъ замѣтный шагъ впередъ, хотя самъ убѣжденъ, что печать должна быть безусловно - свободна. Пелльтанъ, въ рѣчи, полной горечи, какъ всегда, разобралъ новый законъ по всѣмъ суставамъ, объявилъ, что онъ предвидитъ столько же осужденій журналистовъ, сколько процессовъ противъ нихъ, что онъ видитъ цѣлую процессію осужденныхъ, которые пройдутъ, не теряя бодрости: Ave Caesar, morituri te salutant!—и заключилъ такимъ напоминаніемъ: «Всѣ правленія сваливали на печать свои неудачи; но спасли ли ихъ мѣры противъ нея? Комитетъ общественной безопасности гильотинировалъ журналистовъ; гдѣ же онъ, этотъ комитетъ? Директорія ихъ ссылала; гдѣ директорія? Первая имперія изгоняла ихъ; гдѣ же она сама? Реставрація подвергала ихъ цензурѣ; что сталось съ реставраціей? Печать пережила ихъ всѣ, вѣчно поражаемая, но вѣчно на

ногахъ, идущая впередъ, несмотря на испытанія, роковыми шагами, какъ судьба» (засѣданіе 29 января).

Тьеръ защищалъ свободу печати, какъ свободу мысли. Онъ тоже напомнилъ нынѣшнему правительству, что оно проходитъ чрезъ критическій моментъ: «Для всѣхъ правительствъ — однажды настанетъ рѣшительная минута; всѣ сожалѣли, по очереди, что упустили ее. Исторія смотритъ на насъ: старайтесь, чтобы она не поставила васъ въ ряду тѣхъ, кто упустилъ свой критическій моментъ». Новый министръ внутреннихъ дѣлъ, съ замѣчательною ограниченностью и сухостью, защищалъ законъ. Ж. Фавръ возставалъ противъ стѣсненія печати, между прочимъ приведя тотъ доводъ, что оно низвело Францію на третьестепенное положеніе въ Европѣ (засѣданіе 31-го января). Законъ нашелъ въ министрѣ юстиціи, Барошѣ, болѣе талантливаго и болѣе ловкаго защитника, чѣмъ въ г. Пинарѣ. Онъ первый высказалъ собранію расположеніе правительства соглашаться, по мѣрѣ возможности, съ поправками, которыя будутъ представлены (засѣданіе 1-го февраля).

Мы не станемъ излагать здѣсь всего хода преній. Скажемъ только, что въ засѣданіи 4-го февраля, послѣ рѣчи государственнаго министра, была принята, большинствомъ 215 противъ 7, первая статья закона, заключающая его сущность, именно отмѣну предварительнаго разрѣшенія для изданія журнала или газеты. Мы называемъ это сущностью новаго закона потому, что другое важное постановленіе его — отмѣна административнаго произвола во взысканіяхъ — на дѣлѣ уже не ново, такъ какъ предостереженій, уже почти годъ, не даютъ во Франціи. Малочисленность оппозиціи, вотировавшей противъ 1-й статьи, тѣмъ болѣе замѣчательна, что послѣ сильныхъ выходокъ служащаго правительству депутата-журналиста Граньé (изъ Кассаньяка) всѣ думали, что законъ, «не велятъ» утвердить, а потому настроеніе всего большинства было положительно враждебно закону. Достаточно было рѣчи министра, чтобы большинство растаяло до цифры *семи.* Это достойные семь—ядро «клуба Аркадской улицы» (черезчуръ преданные слуги).

Большинство однако дало по одному пункту волю своей свирѣпости относительно прессы. Оно возвратило въ коммиссію статью закона, отмѣняющую личное задержаніе. Впрочемъ, какъ говорятъ, императоръ самъ расположенъ понизить штемпельный сборъ еще на одинъ или два сантима и провесть отмѣну личнаго задержанія. Само собою разумѣется, что большая часть поправокъ представленныхъ либералами, была отвергнута. Сюда принадлежатъ: предоставленіе печати на судъ присяжныхъ, отмѣна запрещенія изгнанникамъ подписывать статьи во французскихъ изданіяхъ, разрѣшеніе свободнаго обсужденія преній

палатъ и т. д. Замѣчательно, впрочемъ, что меньшинство, подававшее голосъ за поправки, держалось между цифрами 45 — 60 голосовъ.

Изъ послѣднихъ засѣданій, посвященныхъ преніямъ закона о печати, самое бурное было засѣданіе 24-го (12-го) февраля, происходившее въ годовщину февральской революціи. Крайній ретроградъ, баронъ Жеромъ Давидъ, предсѣдательствовалъ въ этомъ засѣданіи (за болѣзнію президента) и закрылъ его безъ всякой причины, какъ только издатель газеты Siècle, Говенъ, хотѣлъ заговорить объ извѣстномъ дѣлѣ Кервегена. Тутъ едва не произошла настоящая схватка, и только загасивъ газъ, могли «очистить» собраніе.

Итакъ, въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ мы возвратились ко дню 24-го февраля 1848 года, тому дню, въ который были опрокинуты кастрюли. Мы видѣли, что не только ораторы оппозиціи, но и «страсбургскій и булонскій другъ», герцогъ Персиньи, усматриваетъ въ настоящей минутѣ кризисъ для правительства. Тьеръ подтвердилъ это, а онъ знакомъ съ предвѣстіями. Шагъ назадъ могъ бы обратить кризисъ изъ его скрытой формы въ наружное проявленіе. Но вопросъ въ томъ: можетъ ли нынѣшнее правительство расчитывать на упроченіе идя впередъ; возможно ли забвеніе, возможно ли довѣріе? Все это вопросы, интересные не для одной Франціи, если подумать, что внезапное исчезновеніе нынѣ дѣйствующаго порядка въ этой странѣ не можетъ обойтись безслѣдно для общихъ дѣлъ Европы.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

24-го (12-го) февраля.

Въ послѣднее время, во внѣшней политикѣ Пруссіи были два пункта, около которыхъ исключительно вращалось вниманіе здѣшней публики. Ее занималъ, во-первыхъ, *вопросъ* о томъ, какъ отнесутся другъ къ другу въ ближайшемъ будущемъ Пруссія и Австрія, будутъ ли онѣ, въ случаѣ европейской войны, стоять другъ за друга, или другъ противъ друга? Берлинское общество интересовалось также «*Красною книгою*» (то есть, собраніемъ дипломатическихъ документовъ о нѣмецкихъ, римскихъ и восточныхъ дѣлахъ), представленною австрійскимъ правительствомъ своему парламенту и которая, указывая на то, какимъ образомъ *вело* себя это правительство недавно въ своей внѣшней политикѣ, даетъ возможность гадать о томъ, какъ *поведетъ* оно себя въ будущемъ.

Правда, что въ подобныхъ собраніяхъ документовъ и сообщеній, назначенныхъ для обнародованія, дипломаты не любятъ раскрывать

свои завѣтныя мысли. Изрѣченіе Таллейрана о томъ, что способность говорить дарована человѣку для того, чтобы скрывать свои мысли,—и теперь служитъ первою заповѣдью дипломатическаго міра, отражаясь въ радугѣ желтыхъ, синихъ и красныхъ книгъ, которыми мы наполняемъ наши библіотеки изъ желанія поковылять за ходомъ современной исторіи. Дипломаты любятъ подвергать «синія книги» своей редакціи, при томъ случаются многія странныя вещи. Нынѣ почти окончательно успокоившійся, но прежде весьма часто упоминаемый Давидъ Юрквартъ, непримиримый противникъ лорда Пальмерстона, котораго онъ открыто называлъ тайнымъ союзникомъ Россіи, находилъ въ свое время столь важные пропуски и вставки въ синихъ книгахъ, что ихъ нельзя не признать недобросовѣстными. «Красная книга» тоже даетъ очевидныя доказательства своей неполноты, — она совершенно обходитъ, напримѣръ, зальцбургское свиданіе между императорами Наполеономъ III и Францомъ-Іосифомъ. Во время этого свиданія баронъ Бейстъ былъ далеко не въ такомъ миролюбивомъ настроеніи духа, которое онъ столь охотно принимаетъ на себя теперь; къ счастію, графу Андрасси, представителю Венгріи, удалось тогда неоспоримо доказать Наполеону, что для Австріи и Венгріи необходимо сохраненіе мира. Какъ бы то ни было, хотя историческая критика подобныхъ дипломатическихъ изданій должна имѣть въ виду, что ей приходится имѣть дѣло никакъ не съ безусловною истиною, однако эти изданія, благодаря двумъ другимъ обстоятельствамъ, пріобрѣтаютъ все-таки значеніе положительныхъ свѣдѣній. Въ самомъ дѣлѣ, всякая дипломатія, обнародывая подобные документы, имѣетъ въ виду убѣдить общество въ томъ, что она вела свои дѣла умно и въ интересахъ страны, — въ дипломатическихъ изданіяхъ, слѣдовательно, можно замѣтить, съ какой точки зрѣнія, и въ какомъ видѣ желали бы показать дипломаты свой образъ дѣйствій; — это во-первыхъ. Во-вторыхъ и самый искусный дипломатъ нѣтъ-нѣтъ, да и выболтаетъ то, что́ у него на сердцѣ; пользуясь этимъ обстоятельствомъ, намъ удается иногда довесть его до признанія.

«Красная книга» интересна не только по содержанію, но и по изложенію. Барону Бейсту, изъ-подъ пера котораго выходили важнѣйшіе документы, нельзя не отдать справедливости въ томъ, что писать мы мастера хоть куда, и не будь онъ министромъ, онъ могъ бы быть журналистомъ.

Первая часть «Красной книги» занимается нѣмецкими дѣлами и состоитъ изъ предисловія, въ которомъ излагается сущность того, что напечатано подробно въ дипломатическихъ бумагахъ, и развивается руководящая идея австрійской политики. О стремленіяхъ этой политики предисловіе говоритъ такъ: «Большія пожертвованія, понесенныя Австріею вслѣдствіе событій 1866 года, показали ей, что благо-

получіе ея, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, возможно только при твердой рѣшимости преслѣдовать, какъ внутри такъ и извнѣ, политику мира и чистосердечнаго примиренія. Императоръ и всѣ народы его монархіи остались при томъ убѣжденіи, что борьба, которую пришлось предпринять Австріи противъ двухъ могущественныхъ противниковъ, не была ни несправедливою, ни безславною. Но это убѣжденіе свободно отъ всякой мысли о возмездіи, и Австрія, со времени пражскаго мирнаго договора, питаетъ къ Пруссіи и Италіи тѣже миролюбивыя и дружественныя чувства, которыми исполнена она въ своихъ отношеніяхъ со всѣми другими державами.» Это, конечно, благородныя и мудрыя намѣренія. Баронъ Бейстъ полагаетъ, что онъ руководился ими и въ Люксембургскомъ вопросѣ; онъ говоритъ объ этомъ въ другомъ мѣстѣ своего предисловія: «Проектъ присоединенія великаго герцогства люксембургскаго къ Франціи вызвалъ сильныя затрудненія, доходившія въ началѣ апрѣля 1867 года до грознаго несогласія между Франціею и Пруссіею. Хотя потеря историческаго положенія въ Германіи не означаетъ прекращенія всякихъ сочувствій Австріи къ ея прежнимъ сочленамъ по союзу, и хотя въ былыя времена австрійскія войска защищали Люксембургъ противъ Франціи, австрійское правительство не могло все-таки принять сторону Пруссіи въ этомъ спорѣ. Въ дѣлѣ столь далекомъ отъ ея нынѣшнихъ интересовъ, Австрія и не должна была подвергать себя новымъ затрудненіямъ и жертвамъ. Да, со времени разложенія Германіи, положительное международное право уже не представляло никакихъ достаточныхъ основаній для притязаній Пруссіи. Съ другой стороны, правительство императора не желало извлекать своихъ собственныхъ выгодъ изъ войны между Франціею и Пруссіею и заботилось, поэтому, вполнѣ искренно о томъ, чтобы въ умѣ императора Наполеона и французскихъ государственныхъ людей не возникла увѣренность въ содѣйствіи Австріи въ случаѣ войны противъ Пруссіи.» Уже это безпристрастное положеніе, принятое Австріею, должно было, по мнѣнію предисловія «Красной книги», способствовать сохраненію мира, но баронъ Бейстъ пошелъ еще дальше и принялъ на себя посредничество. «Ему (австрійскому правительству) — говоритъ онъ — пришлось при этомъ вооружиться высокою степенью осторожности, ибо оно желало избѣгнуть какъ всякаго давленія на Пруссію, такъ и всякаго подозрѣнія въ томъ, что оно подстрекаетъ Пруссію къ сопротивленію противъ Франціи, съ цѣлью вызвать между ними столкновеніе». Эта система каченія, признаваемая австрійскимъ государственнымъ канцлеромъ верхомъ дипломатической ловкости, удалась, и усиліямъ барона Бейста слѣдуетъ приписать, по мнѣнію «Красной книги», созваніе лондонской конференціи, которая положила конецъ люксембургской распрѣ. Я не ставлю здѣсь вопроса о томъ, не преувеличиваетъ ли баронъ Бейстъ значе-

ніе своей роли во всемъ этомъ дѣлѣ, и не могли ли Пруссія и Франція придти къ тому же соглашенію и безъ добрыхъ услугъ барона Бейста, руководствуясь просто тѣми фактами, что ни та ни другая изъ нихъ не можетъ разсчитывать на какихъ бы то ни было союзниковъ, и что возможный выигрышъ, ожидаемый отъ данной войны, не находится въ прямомъ соотношеніи съ вѣрнымъ проигрышемъ. Во всякомъ случаѣ, политика подобнаго посредничества дурна уже потому *одному*, что она не приноситъ посреднику ни чьей благодарности, какъ это дѣйствительно случилось и теперь.

Переходя къ разбору самыхъ документовъ съ цѣлью извлечь изъ нихъ все новое и важное въ историческомъ отношеніи, намъ необходимо ихъ пояснять напоминаніемъ объ одновременныхъ событіяхъ и о другихъ, въ различныя времена обнародованныхъ дипломатическихъ актахъ. Всѣхъ молчаливѣе держало себя до сихъ поръ прусское правительство, и нельзя говорить съ полною опредѣлительностью даже о томъ, имѣлъ ли графъ Бисмаркъ какое нибудь серьёзное мнѣніе на счетъ войны съ Франціею изъ-за Люксембурга. *Возможность* ея онъ, конечно, сознавалъ и считалъ поэтому необходимымъ поискать союзниковъ на подобный случай. При этомъ онъ осторожно постучался къ Австріи—это положительный фактъ, неоспоримо вытекающій изъ обнародованныхъ документовъ,—это важнѣйшій пунктъ всей «Красной книги», имѣющей, быть можетъ, главною цѣлью выставить этотъ фактъ на самомъ видномъ мѣстѣ и тѣмъ посѣять начало новой распри между Франціею и Пруссіею.

Первыя положительныя извѣстія о люксембургскомъ дѣлѣ получены въ дипломатическихъ кругахъ въ половинѣ марта мѣсяца, а 22 числа баронъ Бейстъ уже пишетъ объ этомъ предметѣ въ частномъ письмѣ къ князю Меттерниху, австрійскому послу при тюльерійскомъ дворѣ. Онъ говоритъ въ немъ, что обстоятельства въ высшей степени благопріятны для Бисмарка: Люксембургъ принадлежитъ къ таможенному союзу, пруссаки занимаютъ крѣпость,—beati possidentes! Во время переговоровъ между кабинетами о судьбѣ народа, признаваемаго нѣмецкимъ, Бисмарку легко созвать нѣмецкій патріотизмъ вокругъ прусскаго знамени. Если Франція возбудитъ противъ себя весь нѣмецкій народъ, то это будетъ «funeste». Итакъ, первымъ движеніемъ барона Бейста было объявить о томъ, что у Пруссіи есть отличные шансы; этотъ фактъ нужно имѣть въ виду, иначе трудно понять дальнѣйшее развитіе австрійской политики. Около того же времени въ публику проникли слухи о будто бы совершившейся уже продажѣ великаго герцогства Люксембургъ, — эти слухи возбудили весьма живое движеніе, отразившееся въ прессѣ и потомъ въ сѣверо-германскомъ парламентѣ, гдѣ депутатъ Беннигсенъ сдѣлалъ, 1-го апрѣля, запросъ графу Бисмарку. Беннигсенъ спрашивалъ, извѣстно ли правительству о перего-

ворахъ между Франціею и нидерландскимъ королемъ, и не можетъ ли оно дать парламенту, «всѣ партіи въ которомъ готовы поддержать правительство наисильнѣйшимъ образомъ, для отраженія всякой попытки, оторвать древнюю нѣмецкую область отъ общаго отечества», увѣреніе въ томъ, что «оно рѣшилось, вмѣстѣ съ своими союзниками, обезпечить, не смотря ни на какія опасности, соединеніе великаго герцогства съ остальною Германіею, и въ особенности право Пруссіи содержать свой гарнизонъ въ люксембургской крѣпости!» Беннигсенъ развилъ свой запросъ въ блестящей рѣчи. Бисмаркъ, въ отвѣтѣ на нее, сообщилъ палатѣ всѣ дошедшія до него свѣдѣнія о переговорахъ по люксембургскому дѣлу, но не далъ положительнаго отвѣта на вторую часть запроса, потому что выраженія, въ которыхъ сдѣланъ запросъ, «хотя вполнѣ приличны народному представительству, основанному на національной почвѣ»,—не подобаютъ, однако, дипломату до тѣхъ поръ, пока есть какая нибудь возможность удержать международныя отношенія на мирной ногѣ. Поэтому, вмѣсто рѣшительнаго «да» или «нѣтъ», Бисмаркъ сказалъ слѣдующее: — «Союзныя правительства полагаютъ, что ни одна чужеземная держава не станетъ нарушать несомнѣнныя права нѣмецкихъ государствъ и нѣмецкихъ населеній. Они увѣрены, что въ состояніи оберегать подобныя права и защищать ихъ путемъ мирныхъ переговоровъ, не нарушая дружественныхъ отношеній къ сосѣдямъ, сохраняемыхъ Пруссіею до сихъ поръ къ общему удовлетворенію всѣхъ союзныхъ правительствъ». Читая этотъ отвѣтъ въ настоящее время, невозможно понять, какимъ образомъ собраніе пришло отъ него въ восторгъ: Бисмаркъ не сказалъ ничего такого, что̀ могло бы послужить впослѣдствіи орудіемъ укора. Восторгъ этотъ объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что собраніе считало права Германіи и Пруссіи на Люксембургъ «несомнѣнными», и было, во всякомъ случаѣ, увѣрено въ томъ, что точно также думаетъ и графъ Бисмаркъ.

Блаженъ кто вѣруетъ, тепло тому на свѣтѣ!

Въ первые дни апрѣля мѣсяца, баронъ Бейстъ началъ свою посредническую дѣятельность въ Парижѣ и Берлинѣ. Онъ сдѣлалъ два предложенія: Люксембургъ долженъ или остаться въ рукахъ Голландіи, причемъ прусскія войска обязаны очистить крѣпость, или присоединиться къ Бельгіи, которая отказалась бы за то, въ пользу Франціи, отъ той полосы земли съ мелкими крѣпостями, которыя оставались при Франціи въ 1814 году, но потомъ были отняты отъ нея и отданы Нидерландамъ въ 1815. Замѣчательно, что австрійскіе дипломаты занимались преимущественно этимъ вторымъ предложеніемъ, которое доставляло Франціи нѣкоторое увеличеніе и которое, по увѣреніямъ барона Бейста, было признано графомъ Бисмаркомъ «достой-

ною сдѣлкою». Какъ бы то ни было, императоръ Наполеонъ, потерпѣвъ неудачу въ своемъ первоначальномъ планѣ, не пожелалъ изъ-за ничтожнаго куска земли предстать передъ Европою олицетвореніемъ страсти къ расширенію границъ своего государства и потому отклонилъ это предложеніе. Съ того времени, его единственною цѣлью становится принужденіе пруссаковъ къ очищенію люксембургской крѣпости; для удовлетворенія этого желанія, Наполеонъ рѣшался, повидимому, даже на войну. Съ другой стороны, графъ Бисмаркъ не спѣшилъ очищеніемъ. Онъ справился сперва у южно-германскихъ правительствъ, не желаютъ ли они употребить всѣ свои силы на защиту Люксембурга. На этотъ первый вопросъ ему отвѣтили рѣшительнымъ «да». Но когда Бисмаркъ спросилъ ихъ далѣе, готовы ли эти правительства въ военномъ отношеніи, можетъ ли, напримѣръ, Баварія выставить въ поле 80,000 человѣкъ? ему отвѣчали: «нѣтъ!» Само собою разумѣется, что подобный отвѣтъ значительно ослабилъ поползновеніе Бисмарка довести споръ до крайняго раздраженія. Изъ Мюнхена, между тѣмъ, старались установить союзъ между Австріею и Пруссіею. Баварскій посолъ при вѣнскомъ дворѣ, баронъ Брай, началъ было, не касаясь прямо животрепещущаго вопроса, объяснять барону Бейсту необходимость сближенія между Германію и Австріею. Южно-германскія государства должны составить между собою по возможности твердый союзъ; этотъ союзъ можетъ соединиться съ сѣверогерманскимъ союзомъ, а оба вмѣстѣ, въ качествѣ новаго германскаго союза, должны войти въ союзныя отношенія съ Австріею. Бейстъ, объясняя эти переговоры въ депешѣ къ Траутманнсдорфу, представителю Австріи въ Мюнхенѣ, не находитъ «выраженія своему изумленію, что въ Германіи такъ поспѣшно сознали необходимость обратиться къ той самой Австріи, всѣ германскія связи которой были порваны столь рѣшительно, и удаленіе которой изъ германскаго союза было объявлено въ торжественныхъ договорахъ главнымъ условіемъ будущей организаціи Германіи». Бейстъ упрекаетъ посланника по поводу союзныхъ договоровъ, заключенныхъ между южно-германскими правительствами и Пруссіею, и заключаетъ вовсе не дипломатическою вѣжливостью, совѣтуя Траутманнсдорфу не поощрять князя Гогенлое къ поступкамъ въ родѣ посредничества 1866 года. Почти невѣроятно, что князь Гогенлое нисколько не смутился передъ этимъ грубымъ отказомъ. Князь послалъ даже — въ половинѣ апрѣля — графа Тауффкирхена сперва въ Берлинъ, гдѣ онъ имѣлъ нѣсколько свиданій съ Бисмаркомъ, и потомъ въ Вѣну, куда графъ явился уже съ нѣкоторыми порученіями и отъ прусскаго министра. Баронъ Бейстъ, между тѣмъ, получилъ уже изъ Берлина кое-какія намеки на то, что Пруссія склонна вступить въ союзъ съ Австріею. Объ этихъ сообщеніяхъ Бейстъ говоритъ въ одной изъ депешъ къ барону Вимпфену, австрій-

скому послу въ Берлинѣ,—депеша эта особенно замѣчательна въ томъ отношеніи, что въ ней разбираются шансы войны между Франціею и Пруссіею вовсе не такъ, какъ въ частномъ письмѣ отъ 22-го марта къ Меттерниху. Бейстъ «вполнѣ понимаетъ», что, въ случаѣ войны, Пруссія можетъ внушать могущественное довѣріе «силою и готовностью, одушевленіемъ и превосходнымъ вооруженіемъ своей арміи», но онъ не можетъ не признать важности тѣхъ «соображеній», которыя показываютъ, что война Пруссіи противъ Франціи—дѣло весьма рискованное. Взрывъ до сихъ поръ тщательно подавляемаго недовольства французской націи связанъ съ величайшими политическими и соціальными опасностями, и хотя эти опасности общи всей Европѣ, однако, Пруссіи придется въ этомъ случаѣ первой подвергнуться вліяніямъ этой жестокой бури. Рѣшительное преимущество Франціи состоитъ, во-вторыхъ, во флотѣ;—нестѣсняемый англійскимъ трезубцемъ, этотъ флотъ окажетъ Франціи небывалую въ прежнія германско-французскія войны услугу и отвлечетъ значительную часть прусскихъ боевыхъ силъ. Эта диверсія воспрепятствуетъ Пруссіи оказать южно-германскимъ государствамъ ту защиту, которая обѣщана имъ по формально заключеннымъ договорамъ. Всѣ эти опасности и неудобства такого рода, что ихъ нельзя предотвратить въ рѣшительную минуту союзомъ съ Россіею». Разобравъ такимъ образомъ всѣ шансы, австрійскій министръ заключаетъ: «Еслибъ мы преслѣдовали политику возмездія противъ Пруссіи, мы должны были бы ощутить нѣкоторое стремленіе скорѣе раздуть опасную искру, чѣмъ затушить ее». Въ той же депешѣ Бейстъ объявляетъ, что Пруссіи слѣдовало бы выступить съ положительными предложеніями.

Едва отправили эту депешу въ Берлинъ, какъ графъ Тауффкирхенъ появился въ Вѣнѣ. О предметѣ веденныхъ съ нимъ переговоровъ извѣщаетъ Бейстъ въ депешѣ къ графу Вимпфену, отъ 19 апрѣля. Посредникъ привелъ проектъ такого союза, какіе заключаются обыкновенно между независимыми государствами, и онъ осмѣлился предложить Австріи отъ имени Пруссіи большія выгоды, состоящія въ вѣчной гарантіи нѣмецкихъ и во временной гарантіи не-нѣмецкихъ владѣній Австріи! Бейстъ отвѣчалъ на это въ такомъ смыслѣ: Этого недостаточно! А вотъ неугодно ли вамъ уничтожить вполнѣ или отчасти пражскій договоръ и событія войны 1866 года;—если угодно, поговоримъ еще, если нѣтъ—нѣтъ!—На этомъ и покончилась, конечно, попытка достигнуть соглашенія между Австріею и Пруссіею, потому что измѣнить тотъ результатъ войны 1866 года, въ силу котораго Австрія удалена отъ Германіи, и который для Пруссіи гораздо важнѣе присоединенія Ганновера—значило бы, въ глазахъ Бисмарка, совершить надъ собою политическое самоубійство—и притомъ самоубійство постыдное.

Часть дипломатическихъ актовъ «Красной книги» посвящена южно-германскому вопросу. Австрія считаетъ союзные договоры южно-германскихъ государствъ и таможенный парламентъ нарушеніями пражскаго мира, но она не думаетъ ни противорѣчить имъ, ни признать ихъ за нѣчто совершившееся,—она предоставляетъ себѣ такимъ образомъ право найти въ нихъ поводъ къ распрѣ въ какое нибудь время. Но Пруссія, между тѣмъ, раздраженная обнародованіемъ «Красной книги», уже успѣла предупредить Австрію. Позвольте мнѣ теперь, прежде чѣмъ я перейду къ этой новѣйшей фазѣ австро-прусскихъ препирательствъ, предпослать нѣкоторыя замѣчанія о положеніи Австріи относительно Пруссіи вообще.

Въ недавно появившемся, и уже заслужившемъ всеобщія и справедливыя похвалы, сочиненіи полковника Бланкенбурга о нѣмецкой войнѣ 1866 года (Der deutsche Krig im Jahre 1866), авторъ, развивая свою мысль о характерѣ современныхъ войнъ, приходитъ къ тому заключенію, что войны становятся все болѣе и болѣе народными, то есть такими, въ которыхъ принимаютъ участіе всѣ члены воюющихъ народовъ. На его взглядъ, такъ тому и быть слѣдуетъ. Случилась война, стала война неизбѣжною въ историческомъ развитіи народа, то ее слѣдуетъ вести серьёзно, чтобы побѣда или пораженіе порѣшили спорный вопросъ на многія поколѣнія. Войны, какъ искусство для искусства, изъ-за военной чести, изъ неопредѣленныхъ симпатій и антипатій, или изъ-за прихоти государей и жажды къ славѣ, — такія войны стали почти невозможными, и возможность ихъ слабѣетъ все болѣе и болѣе. Въ народной войнѣ, какъ понимаетъ ее Бланкенбургъ, дѣло идетъ объ окончательномъ уничтоженіи одной изъ воюющихъ сторонъ, объ истребленіи его враждебныхъ силъ на долгое время. Не всѣ войны послѣдняго полувѣка подходятъ подъ это опредѣленіе народной войны. Многія предпринимались въ этомъ смыслѣ, но не доведены до своего окончательнаго результата. Мирные договоры, слѣдующіе за такими недоконченными войнами, никогда не бываютъ продолжительными, и вмѣсто одной войны въ этихъ случаяхъ наступаетъ нерѣдко цѣлая военная эра, которая продолжается до тѣхъ поръ, пока не удовлетворятся потребности современной эпохи. Такою, не во-время прерванною войною, была итальянская 1859 года; такою же является и австро-прусская война 1866 года. Многіе предавались по этому поводу многимъ иллюзіямъ въ миролюбивомъ духѣ, но всѣхъ меньше графъ Бисмаркъ. Въ настоящее время мы знаемъ, что въ тѣ жаркіе іюльскіе дни заставило Пруссію отказаться отъ продолженія своихъ побѣдъ, и отъ водруженія прусскаго знамени на башняхъ Вѣны и Пешта. Бисмаркъ высказалъ это недавно въ частномъ разговорѣ съ генераломъ Шурцомъ, бывшимъ прусскимъ революціонеромъ и освободителемъ Кинкеля, возвратившимся изъ Америки посѣтить

свою родину. «Не французы заставили заключить миръ — сказалъ графъ — а холера». Справедливости этого объясненія нельзя не повѣрить, потому что, кто могъ опредѣлить, какое опустошеніе произведетъ эта зараза въ рядахъ войска, уже измученнаго длиннымъ походомъ. Съ пруссаками могло случиться тоже самое, что было во время крымской компаніи съ войсками генерала Эспинасса въ Добруджѣ; — взять на себя подобную отвѣтственность не рѣшился ни одинъ прусскій государственный человѣкъ. Съ тою арміею Пруссія лишилась бы своей главной силы, потому что Пруссія, какъ страна всеобщей обязательной службы, можетъ пополнять свою армію не иначе, какъ съ величайшимъ трудомъ. Во всякомъ случаѣ, война осталась неоконченною и прерванною, и этотъ перерывъ есть только отсрочка. Когда императоръ Францъ-Іосифъ назначилъ своимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ барона Бейста, то въ Пруссіи, Германіи и, можно сказать, по всему міру всѣ заговорили въ одинъ голосъ: это политика возмездія противъ Пруссіи! Бейстъ поспѣшилъ, конечно, объявить это общее мнѣніе грубою клеветою, и многіе люди, отличающіеся неисправимымъ добродушіемъ, — ихъ особенно много въ Германіи — клянутся съ тѣхъ поръ и богомъ и маммономъ, что баронъ Бейстъ успѣетъ, путемъ христіанской любви, примирить зло съ добромъ. Но развѣ возможно, развѣ сообразно съ человѣческою природою, чтобы Бейстъ, бывшій впродолженіи всей своей политической карьеры вѣчнымъ антиподомъ Пруссіи и питающій ненависть къ Бисмарку какъ къ своему счастливому сопернику, — чтобы онъ отказался отъ мысли о томъ, какъ бы поскорѣе и получше восторжествовать надъ своими врагами. Между обоими правительствами господствуетъ, не смотря на дружественныя завѣренія и на случающіяся иногда проявленія доброй воли, глубокое взаимное недовѣріе, и оба они имѣютъ основаніе не довѣрять другъ другу. Будемъ справедливы. Союзъ съ Пруссіею во время шлезвигъ-гольштейнской войны принесъ Австріи только разочарованіе, главнымъ образомъ, впрочемъ, по винѣ до невѣроятности неспособныхъ австрійскихъ государственныхъ людей, — и Австрія имѣетъ, поэтому, полное право жаловаться на Пруссію. Но это преимущество омрачено интригами Австріи въ германскомъ сеймѣ и не разъ высказавшимся намѣреніемъ унизить Пруссію. Но и съ удаленіемъ этой причины взаимнаго неудовольствія, одна мысль о Венгріи въ состояніи исполнить Австрію величайшимъ недовѣріемъ къ Пруссіи. Во время войны 1866 года, Пруссія пустила тысячи тонкихъ нитей въ Венгрію, чтобы имѣть тамъ кое-какую опору на всякій случай. Венгрія была тогда исполнена ненавистью къ Австріи. При неожиданно быстромъ окончаніи войны, венгерскій легіонъ, формировавшійся въ Пруссіи подъ руководствомъ Клапки, въ дѣйствіе не пошелъ. Въ прошломъ году въ публику попало Богъ-знаетъ какимъ путемъ извѣщеніе прус-

скаго посла въ Вѣнѣ, барона Вертера, о томъ, что Венгрія видитъ въ Пруссіи своего естественнаго друга. Самый фактъ извѣщенія былъ, правда, отвергнутъ прусскою оффиціальною газетою, но въ Австріи знали, вѣроятно, въ чемъ дѣло. Баронъ Вертеръ сталъ съ тѣхъ поръ лицемъ крайне непріятнымъ вѣнскому двору, и хотя австрійское правительство не потребовало прямо отозванія его, однако берлинскій кабинетъ не разъ уже получалъ намеки въ этомъ смыслѣ. Теперь между Австріею и Венгріею уже возстановлены добрыя отношенія, и Венгрія задобрена, но вѣра въ продолжительность этой дружбы слишкомъ слаба даже въ самой Австріи, и не одни фанатическіе централисты только опасаются въ настоящее время, что имъ скоро придется снова выступить противъ Венгріи.

Долго накоплявшееся недовольство разразилось съ прусской стороны страшнымъ взрывомъ. Даже, въ послѣднее время, когда при новомъ цислейтанскомъ министерствѣ, либеральные элементы котораго, въ родѣ Бергера, Гербста, Гискры (который, будучи бургомистромъ въ городѣ Брюннѣ, успѣлъ, во время пребыванія тамъ прусскихъ войскъ, заслужить своимъ благоразуміемъ, безстрашіемъ и вѣрноподданностью, какъ милость короля и дружественное уваженіе Бисмарка, такъ и благодарность и признательность императора), не обѣщали ничего враждебнаго противъ Пруссіи и какъ бы служили доказательствомъ тому, что отношенія между Пруссіею и Австріею должны улучшиться въ будущемъ, — даже теперь внезапное покровительство, оказанное австрійскимъ кабинетомъ ганноверскому иностранному легіону (который получилъ австрійскіе паспорты для отправленія во Францію) вызвало здѣсь обильный потокъ самыхъ жестокихъ обвиненій и жалобъ на Австрію, и въ особенности на барона Бейста. Такъ называемый ганноверскій легіонъ, или австро-ганноверскій, какъ любятъ называть его здѣшнія оффиціозныя газеты по весьма легко-объяснимой причинѣ, состоитъ изъ такихъ ганноверцевъ, которые, не пожелавъ отправлять прусскую военную службу, бѣжали за границу. Съ самаго начала они получили тамъ весьма значительныя субсидіи, источникомъ которыхъ служитъ Гитцингъ, — есть даже доказательство тому, что многіе изъ этихъ ганноверцевъ пустились въ бѣгство вслѣдствіе особыхъ заманчивыхъ предложеній. Въ настоящее время легіонъ состоитъ изъ 700 человѣкъ,—сначала онъ пребывалъ въ Нидерландахъ, потомъ въ Швейцаріи, и перешелъ теперь во Францію, гдѣ и размѣщенъ по квартирамъ; однако, до сихъ поръ еще не вполнѣ дознано, удалены ли офицеры отъ солдатъ, то есть, уничтожена ли военная организація легіона. Семьсотъ человѣкъ, впрочемъ, неопасны для Пруссіи,—но они все-таки угроза, они служатъ представителями надеждъ на возвращеніе прежняго порядка въ Ганноверѣ. Для французовъ эти ганноверцы являются живымъ свидѣтельствомъ недовольства присоединенныхъ къ

Пруссіи земель настоящимъ положеніемъ Германіи. Это — нравственное оружіе, которымъ можно отлично воспользоваться въ случаѣ войны. Прусское правительство не можетъ не сознаться въ томъ, что оно само много виновато въ этомъ обстоятельствѣ, потому что дало королю Георгу значительныя денежныя средства, пользуясь которыми, онъ ведетъ на всѣхъ пунктахъ безкровную войну противъ Пруссіи. Такъ, на прусскія деньги содержится газета «La Situation», которая имѣетъ въ виду говорить французамъ на всѣ голоса, что угнетенная Германія ждетъ ихъ, какъ своихъ избавителей; на прусскія деньги снова возжигается въ Ганноверѣ уже успокоившаяся, какъ казалось, страсть къ демонстраціямъ; на прусскія деньги нанятъ былъ экстренный поѣздъ въ Гитцингъ для празднованія серебряной свадьбы ганноверской королевской четы; — наконецъ, кто знаетъ, какими еще другими путями истрачиваются прусскія деньги! Графъ Бисмаркъ сочинилъ на своемъ вѣку много геніальныхъ выраженій, но въ его словахъ, произнесенныхъ во время парламентскихъ преній по поводу закона о вознагражденіи низверженныхъ государей, слышится только парадоксъ, будто только бѣдные претенденты могутъ быть опасными; въ несостоятельности этого парадокса Бисмаркъ имѣетъ теперь случай убѣдиться на самомъ дѣлѣ. Я, впрочемъ, не думаю доказывать, что происки ганноверскаго короля опасны, — во всякомъ случаѣ они непріятны. Само правительство почти не чувствовало, въ какое дурное положеніе ставитъ оно самого себя, потому что, терпѣливо допуская столь открытое посмѣяніе надъ своими правами, оно лишается уваженія людей, принимающихъ эту терпимость за слабость. Г. Гейдтъ, министръ финансовъ, заявилъ уже въ палатѣ господъ, отъ имени правительства, что если махинація короля Георга не прекратится, и если онъ не перестанетъ злоупотреблять своимъ пребываніемъ въ Гитцингѣ, то правительство наложитъ секвестръ на всѣ его имѣнія и не выдастъ ему ни одного талера ренты до тѣхъ поръ, пока не будетъ честнаго исполненія договора и съ его стороны. Въ тотъ же день король Георгъ подвергъ испытанію справедливость и серьёзность этого заявленія, — онъ объявилъ пріѣхавшимъ въ Гитцингъ ганноверцамъ, что онъ увѣренъ, что вернется въ Ганноверъ свободнымъ королемъ и, быть можетъ, подобно своимъ предкамъ, въ болѣе широкій Ганноверъ. До сихъ поръ неизвѣстно, дѣлало ли прусское правительство, по поводу этой рѣчи, какія-нибудь представленія въ Вѣнѣ, гдѣ она и безъ того произвела весьма дурное впечатлѣніе. Объясненіе, конечно, найдется, и въ этомъ случаѣ прибѣгнутъ, по всей вѣроятности, къ какой нибудь тонкости. Въ тотъ самый день, когда король Георгъ произнесъ свою рѣчь, палата господъ еще не изъявила согласія на заключенный договоръ, — этотъ договоръ, поэтому, не былъ утвержденъ вполнѣ, и можно сказать, что онъ нисколько не обязывалъ ганновер-

скаго короля. Прусское правительство полагаетъ, вѣроятно, что послѣ гитцингской демонстраціи королю трудно будетъ выкинуть новую штуку, и что король, получивъ столь ясное предостереженіе, не осмѣлится бросить новаго вызова Пруссіи. Австрійское правительство, впрочемъ, тоже позаботится о томъ, чтобы изъ-за гостепріимства, оказываемаго ганноверскому королевскому семейству, не возникали никакія непріятности.

Прусское правительство заслуживало, впрочемъ, бо̀льшаго уваженія со стороны короля Георга, потому что провести въ парламентъ законъ о вознагражденіи, стоило Бисмарку не малаго труда. Безъ преувеличенія можно сказать, что, какъ въ странѣ, такъ и въ палатахъ, едва ли былъ хотя *одинъ* голосъ за громадную цифру вознагражденія. Сломить это сопротивленіе могло только вліяніе Бисмарка, ссылавшагося на желаніе самого короля и грозившаго, въ случаѣ неудачи, подать въ отставку. Уже по этому поводу правая сторона палаты депутатовъ проявляла нѣкоторое поползновеніе къ оппозиціи противъ министерства;—при другомъ случаѣ, эта оппозиція дошла до открытаго разрыва между консервативною партіею и графомъ Бисмаркомъ.

Дѣло состояло вотъ въ чемъ. Когда въ прошломъ году пріѣзжали сюда ганноверскіе депутаты (вызванные на совѣщаніе о будущемъ управленіи Ганновера), министерство объявило имъ о королевскомъ соизволеніи предоставить Ганноверу въ полное распоряженіе особый фондъ на земскія нужды. Капиталъ этого «провинціальнаго фонда» долженъ былъ состоять изъ такой суммы, чтобъ ежегодные проценты съ нея простирались до 550,000 талеровъ. Благодаря этому обѣщанію, принятому въ Ганноверѣ съ восторгомъ, выборы въ Ганноверѣ оказались весьма благопріятными для Пруссіи. Тамъ не избрали ни одного приверженца старыхъ порядковъ. Всѣ ганноверскіе депутаты, принадлежавшіе, кромѣ одного, къ національно-либеральной партіи, поддерживали изо всѣхъ силъ и вполнѣ политику правительства; во внутреннихъ дѣлахъ они подавали голоса всегда съ лѣвою стороною противъ правительства. Не смотря на то, Бисмаркъ обращался съ ними весьма почтительно;—поведеніе ганноверцевъ, однако, вызвало неудовольствіе со всѣхъ сторонъ палаты. Свои ганноверскія учрежденія эти депутаты находили столь прекрасными, что не желали разстаться ни съ однимъ изъ нихъ; чтобы спасти свои «испытанныя особенности», ганноверцы осаждали трибуны палаты столь упорно, что одинъ изъ ихъ противниковъ сказалъ въ шутку: «Изъ трехъ ораторовъ вы всегда найдете 4 ганноверцевъ, не считая представителя за Штаде». Оппозиція ганноверцевъ противъ внутренней политики разгнѣвала консервативную партію, и въ органахъ этой-то партіи появилась впервые мысль о наказаніи ганноверцевъ лишеніемъ ихъ (то есть, ганноверцевъ) провинціяльнаго фонда. Этимъ намекамъ не придавали

сначала особеннаго значенія, но вскорѣ оказалось, что правая сторона стремится наказать не ганноверцевъ только, но и графа Бисмарка.

Причины тому были весьма отдаленныя. Съ тѣхъ поръ, какъ Бисмаркъ научился во Франкфуртѣ, въ качествѣ прусскаго посланника при германскомъ сеймѣ, «высокой дипломатіи», онъ покинулъ узкіе взгляды своей партіи, и эта разница между нимъ и ею росла тихо и незамѣтно все шире и шире. Интереснымъ доказательствомъ этого можетъ служить письмо Бисмарка, посланное имъ въ 1860 году, когда онъ былъ посломъ въ С.-Петербургѣ, къ одному изъ своихъ пріятелей, и которое, впослѣдствіи, было обнародовано вмѣстѣ со многими другими. До него дошелъ слухъ о томъ, что различныя нѣмецкія газеты приписываютъ ему мысль о союзѣ съ Франціею, или, какъ онъ выражается, ведутъ противъ него клеветническій походъ. Онъ возражаетъ на это (въ томъ же письмѣ): «Впродолженіе всего моего пребыванія въ Германіи, я всегда совѣтовалъ полагаться только на собственныя (т. е. прусскія), а въ случаѣ войны и на національныя силы Германіи. Но глупая болтовня нѣмецкой прессы вовсе не замѣчаетъ того, что, нападая на меня, она работаетъ противъ лучшей части своихъ собственныхъ стремленій. Будь я австрійскимъ государственнымъ человѣкомъ, или нѣмецкимъ государемъ и австрійскимъ реакціонеромъ, на подобіе герцога мейнингенскаго, то наша «Крестовая газета» приняла бы и меня подъ свое покровительство. Лживость тѣхъ инструкцій извѣстна всѣмъ нашимъ сторонникамъ; но такъ какъ я являюсь старымъ членомъ партіи, имѣющимъ несчастіе въ нѣкоторыхъ мнѣ хорошо извѣстныхъ вещахъ придерживаться *собственныхъ взглядовъ*, то про меня охотно распускаютъ разныя клеветы. Но жестокій судъ въ собственномъ лагерѣ и между друзьями-однокашниками несравненно несправедливѣе такого же суда противъ враговъ». Эти горькія слова показываютъ, что Бисмаркъ уже въ тѣ времена имѣлъ объ Австріи и другихъ предметахъ «собственные взгляды», непривившіеся партіи «Крестовой газеты». Когда, два года спустя, Бисмаркъ вступилъ во главу управленія, его провозглашали, правда, воплощеніемъ консервативнаго начала. Съ тѣхъ поръ, во все продолженіе конституціонной «борьбы», между нимъ и консервативною партіею не было, повидимому, никакихъ несогласій. Консерваторы восторгались каждою стѣснительною мѣрою правительства, допуская всякое смѣлое толкованіе противъ любого изъ параграфовъ конституціи. «Безбюджетное управленіе» прославлялось и въ прозѣ и въ стихахъ, какъ какая-то недосягаемая мудрость и спасеніе государства. Самая жалкая игра словами служила для прославленія Бисмарка, какъ высокого генія страны. Барабаны реакціи непрерывно били тревогу и звали въ штурмъ противъ «внутренняго Дюппеля», то-есть противъ конституціи и свободы. Но когда графъ Бисмаркъ поссорился съ Австріею, лица консерваторовъ вдругъ вы-

тянулись, но только *одинъ* изъ нихъ, баронъ Герлахъ, выдержалъ характеръ, удалившись отъ политической дѣятельности. Остальные не могли отдѣлиться отъ правительства, — они и теперь продолжали одобрять все, чтó говорилъ и дѣлалъ Бисмаркъ, и тоже поссорились съ Австріею; они подали свой голосъ за присоединеніе новыхъ провинцій, не смотря на то, что пять лѣтъ тому назадъ они не могли досыта накричаться противъ «разбойника Кавура»; они признали ограниченіе верховной власти государей, вступившихъ въ сѣверо-германскій союзъ; они нашли прекраснымъ учрежденіемъ прямую поголовную подачу голосовъ, которая въ прежнее время казалась имъ наиужаснѣйшимъ изъ всѣхъ ужасовъ, Но, наконецъ, одумались они. Они начали готовить измѣну и кричать. Осиный рой двинулся съ мѣста, зажжужалъ и вылетѣлъ.

Во главѣ заговора стоялъ Бодельшвингъ, бывшій министръ финансовъ и членъ въ министерствѣ Бисмарка до 1866 года, бюрократъ старой школы. Во время «борьбы», онъ придавалъ себѣ видъ, что онъ конституціоннѣе своихъ сотоварищей и имѣетъ нѣкоторыя сомнѣнія на счетъ безбюджетнаго управленія государствомъ. Онъ оставался, какъ говорили, на своемъ постѣ только потому, что у него большая семья и нѣтъ никакого имѣнія. Онъ ждалъ открытія вакансіи въ оберъ-президенты (провинцій), — послѣ министерскаго мѣста, оберъ-президентское наивыгоднѣйшее изъ всѣхъ гражданскихъ. Но предъ войною онъ вдругъ покинулъ министерство. Это походило на бѣгство передъ лицемъ врага; такъ понималъ это самъ Бисмаркъ. Избранный въ нынѣшнюю палату депутатовъ, Бодельшвингъ сталъ вождемъ крайней правой стороны. Стремленія этой фракціи не возбуждали серьёзнаго опасенія въ правительствѣ до тѣхъ поръ, пока не наступила очередь вопроса о провинціальномъ фондѣ. Въ консервативныхъ кружкахъ и консервативныхъ газетахъ ловко распространяли слухъ о томъ, что правительство съ удовольствіемъ понесетъ пораженіе закона о ганноверскомъ фондѣ, и что оно раскаявается въ своемъ прошлогоднемъ обѣщаніи. Правительство приказало своимъ органамъ объявить, что всѣ эти слухи невѣрны, но правая сторона палаты продолжала вести себя такъ, какъ будто оффиціальныя опроверженія не заключаютъ въ себѣ ничего серьезнаго. Бисмаркъ понялъ, наконецъ, что ударъ направляютъ не на ганноверскій фондъ, а на него самого. При такихъ предзнаменованіяхъ начались пренія о провинціальномъ фондѣ. Крайняя правая сторона и крайняя лѣвая высказались сообща противъ правительства; остальныя партіи подали голоса отчасти за правительство, отчасти противъ. Бисмаркъ принялъ на себя главное бремя защиты и нанесъ жестокіе удары правой сторонѣ. Обѣ стороны наговорили другъ другу много непріятныхъ вещей, и, какъ всегда бываетъ при желаніи скрыть свое главное намѣреніе, преувеличили зна-

ченіе спорнаго вопроса. Защитники фонда видятъ въ немъ краеугольный камень децентрализаціи и истиннаго, чисто-нѣмецкаго самоуправленія. Изъ провинцій, говорятъ они, а не изъ общинъ должно исходить самоуправленіе. Лѣвая сторона видитъ, напротивъ, въ децентрализаціи этого рода распаденіе самаго государства; — самоуправленіе говоритъ она, и говоритъ совершенно справедливо, должно исходить изъ общины. Правая сторона недовольна тѣмъ, что правительство, благодѣтельствуя новымъ провинціямъ, обижаетъ старыя, которыя остаются при своихъ жалобахъ не смотря на то, что правительство обѣщало даровать такіе же фонды и старымъ провинціямъ. Существенный интересъ представляетъ такимъ образомъ борьба Бисмарка съ правою стороною, которую онъ и погналъ передъ собой, какъ гнѣвный Ахиллъ гналъ троянцевъ. Первою жертвою новаго Ахилла былъ Дистъ, который сказалъ, что если онъ подастъ голосъ въ законѣ о ганноверскомъ фондѣ, то подвергнется упрекамъ своихъ избирателей. Бисмаркъ, обладающій имѣніями въ избирательномъ округѣ Диста, отвѣчалъ ему: «Мнѣ извѣстенъ этотъ избирательный округъ лучше, нежели самому депутату. Если онъ боится упрековъ своихъ избирателей, то я пропишу ему рецептъ противъ этихъ упрековъ. Пусть онъ скажетъ имъ только, что онъ подалъ свой голосъ вмѣстѣ со мною, и они, конечно, простятъ его». Во время преній Бисмаркъ замѣтилъ, что онъ требуетъ отъ правой стороны полной поддержки, что поддержка въ половину безполезна для правительства. На это отвѣчалъ, на второй день преній, баронъ Браухитшъ, представитель за городъ Эльбингъ. Начавъ свою рѣчь несчастною цитатою изъ рѣчи Цицерона противъ Катилины: «Quousque tandem!» которая, разумѣется, оскорбила Бисмарка, Браухитшъ объявилъ ему, отъ имени своей партіи, что онъ не намѣренъ пребывать въ безусловномъ повиновеніи у министерства. «Мы—говорилъ онъ при постоянно возраставшемъ одобреніи партіи,—мы стояли за министерство во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, мы многимъ жертвовали и готовы вести себя точно также и въ будущемъ, но при одинаковыхъ обстоятельствахъ *(Одобреніе справа)*,—но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что мы избраны лишь для того, чтобы идти вмѣстѣ съ министерствомъ, — объ этомъ намъ никто не говорилъ до сихъ поръ *(Одобреніе справа)*, на это мы несогласны *(Одушевленное одобреніе справа)*, и на это мы никогда не согласимся *(Бурное одобреніе справа)*. Мы будемъ поддерживать правительство, на сколько дѣятельность его соотвѣтствуетъ нашимъ убѣжденіямъ *(Одобреніе справа)*, но безусловно говорить намъ: «Вы избраны для того, чтобы поддерживать министерство во всякомъ случаѣ», значитъ говорить неправду *(Одобреніе справа)*, —мы не изъ такихъ *(Одобреніе справа)*.

На это объявленіе войны Бисмаркъ отвѣчалъ блистательною, и то спокойною и убѣдительною, то страстною рѣчью. Сначала онъ спо-

койно объяснилъ, почему ему нужна полная поддержка консервативной партіи, а съ этимъ объясненіемъ согласится всякій политикъ.

«Почти каждое дѣло, сказалъ онъ, можетъ быть начато двумя, тремя и многими путями. Всѣ дороги ведутъ въ Римъ. Можно было и это дѣло начать иначе. Который путь вѣрнѣе, который ошибочнѣе—рѣшитъ будущее, быть можетъ, позднее будущее, когда насъ не будетъ. Но ошибка, отъ которой гибнутъ правительства, заключается въ колебаніяхъ,—сегодня желаютъ этого, завтра того; сегодня это обѣщаютъ, завтра не исполняютъ ни того ни другого. Подобной ошибки я желаю избѣжать во что́-бы то ни стало. Избравъ однажды свой путь, правительство должно идти впередъ, безъ всякихъ колебаній вправо или влѣво. Если оно не исполнитъ этого, то оно станетъ слабымъ, и отъ этой слабости пострадаетъ цѣлое государство». За тѣмъ, онъ напомнилъ консерваторамъ, какъ онъ три года сряду выдерживалъ въ палатѣ всякія бури, имѣя за собою только 11 приверженцевъ (такъ ничтожна была консервативная партія съ 1862 по 1864 годъ). Бисмаркъ спрашиваетъ консерваторовъ, что́ бы сталось съ ихъ партіею, если бы *онъ* въ 1862 году, когда король Вильгельмъ призвалъ его въ министерство, сказалъ: «нѣтъ»;—онъ спрашиваетъ ихъ, находились ли бы они теперь въ палатѣ, еслибъ правительство не поддержало ихъ на выборахъ; при этомъ онъ обронилъ весьма важное слово, сказавъ, что правительство, если ему не удастся опереться на консервативную партію безусловно, будетъ вынуждено пріискать опору въ другомъ мѣстѣ и образовать, вмѣсто нынѣшняго консервативнаго министерства, «министерство коалиціонное». Въ заключеніе, онъ прибавилъ: «Я не боюсь никакихъ столкновеній, это я доказалъ, честно выдерживая всѣ случайности столкновенія съ палатою впродолженіи трехъ лѣтъ сряду, но я не намѣренъ обращать ихъ въ какое-то національное учрежденіе».

Трудно изобразить то громадное впечатлѣніе, которое произвела эта рѣчь сперва въ палатѣ, а потомъ и во всей странѣ. Пораженіе правой стороны было ужасное, но — и къ этому слѣдуетъ отнестись съ уваженіемъ — она не струсила, и подала голосъ противъ фонда. Судьба дня висѣла на волоскѣ. Министерству пришлось сдѣлать уступку и измѣнить свое первоначальное предложеніе посредствомъ поправки одного изъ членовъ свободно-консервативной партіи, г. Кардорфа; — эта поправка даетъ ганноверской провинціи не капиталъ, а только ежегодную ренту въ 500,000 талеровъ. Поправка Кардорфа принята 197-ю голосами противъ 192, то есть, большинствомъ всего въ пять голосовъ; да и этою побѣдою правительство обязано полякамъ, которые, не смотря на свою систематическую оппозицію, подали въ этомъ случаѣ свои голоса за правительственное предложеніе, такъ какъ они, по принципу, придерживаются по возможности широкой децентрализаціи въ управленіи. Между людьми, подавшими голосъ противъ правитель-

ства, находится не менѣе 19 ландратовъ, которыхъ считали до сихъ поръ вѣрнѣйшими изъ вѣрныхъ, много государственныхъ совѣтниковъ, каммергеровъ и т. п., — короче сказать, консервативная оппозиція оказалась изумительно глубокою и обширною. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что она вполнѣ разсчитывала всѣ шансы на успѣхъ.

Послѣ баллотировки, графъ Бисмаркъ тотчасъ же явился къ королю, представилъ ему отчетъ о засѣданіи и попросился въ отпускъ. Король вполнѣ одобрилъ поведеніе министра и далъ ему отпускъ. Затѣмъ послѣдовало одно изъ тѣхъ событій, которыя придаютъ, отъ времени до времени, конституціонной исторіи Пруссіи нѣкоторую примѣсь патріархальныхъ порядковъ. Въ тотъ же вечеръ состоялся балъ при дворѣ, на который явилось значительное число депутатовъ, принадлежащихъ къ консервативной партіи. Къ каждому изъ тѣхъ консерваторовъ, которые подали свой голосъ противъ министерства, король обращался весьма гнѣвно и осыпалъ ихъ упреками. Онъ сказалъ барону Дензану, одному изъ самыхъ отъявленныхъ реакціонеровъ, произведенныхъ въ дворяне во время коронаціи: «Вы хотѣли прогнать Бисмарка. Если онъ уйдетъ, за нимъ уйдутъ и консерваторы». Другому депутату онъ замѣтилъ: «Если удалится мой первый министръ, съ нимъ вмѣстѣ удалюсь и я». Когда депутатъ Финке сослался, въ отвѣтъ на королевскіе упреки, на собственную совѣсть, король спросилъ: «Неужели вы думаете, что у меня нѣтъ совѣсти?» Даже г. Форкенбекъ, предсѣдатель палаты депутатовъ, уважаемый королемъ за его посредническую дѣятельность при окончаніи конституціоннаго столкновенія съ палатою, — даже Форкенбекъ подвергся упрекамъ короля; но эти упреки были взяты назадъ, когда король узналъ, что Форкенбекъ подалъ свой голосъ за правительство. Свободнымъ консерваторамъ, хотя они высказались *за* министерство, досталось не мало, — особенно же ихъ вождю, графу Бетузи-Гюку, которому пришлось признаться въ томъ, что своимъ отпаденіемъ отъ правой стороны онъ сталъ причиною всей кутерьмы. Графъ Бисмаркъ тоже былъ на балѣ, не смотря на то, что взялъ отпускъ для поправленія здоровья, и веселился отъ души. И въ самомъ дѣлѣ, видѣть вытянутыя физіономіи своихъ противниковъ — наслажденіе не малое. До послѣдняго времени консерваторы видѣли личное вмѣшательство короля противъ либераловъ, и имъ всѣмъ нравилось подобное вмѣшательство. Но роли перемѣнились, и консерваторамъ пришлось испытать вмѣшательство короны на собственныхъ своихъ особахъ. Придворный балъ показалъ свое вліяніе на другой день: при вторичной, рѣшительной баллотировкѣ, поправка Кардорфа принята 200 голосами противъ 168; десятка два депутатовъ, слѣдовательно, воздержались вовсе отъ подачи голоса. Восемь дней спустя тотъ же вопросъ предсталъ передъ палатой господъ; этотъ краткій срокъ успѣлъ до того присмирить «вы-

сокую палату», что въ ней нашлось только 14 членовъ крайней правой стороны, которые подали голосъ противъ ганноверскаго фонда; за фондъ оказалось 127 голосовъ. Консервативная партія надѣется этимъ путемъ возстановить свое согласіе съ Бисмаркомъ, но я сомнѣваюсь въ возможности этого согласія. Знаменитые люди съ реакціонерными убѣжденіями часто измѣняются, вступая въ должность министровъ, и становятся тогда либералами. Исторія представляетъ много такихъ примѣровъ. Подобное политическое обращеніе происходитъ обыкновенно такимъ образомъ, что старыя догмы и слова повторяются попрежнему, но практика постоянно противорѣчитъ имъ. Обращенный реакціонеръ защищаетъ радикальныя реформы консервативными аргументами. Окружающій міръ обманывается нѣкоторое время, потомъ начинаетъ замѣчать перемѣну, и, наконецъ, повинуется уже не слову своего вождя, а дѣлу. Такъ и Бисмаркъ. Онъ знаетъ, что ломка и перестройка Германіи невозможна при помощи консервативной партіи. Эта партія смотритъ на прусское государство какъ на свои домены. Къ чему ей германское единство, если это единство сопряжено для консерваторовъ съ пожертвованіемъ ихъ собственнаго могущества? Бранденбурго-померанское министерство пріятнѣе для нихъ, чѣмъ всѣ эти новыя провинціи. Консерваторы не имѣютъ никакого желанія преобразовать Германію, да у нихъ и не появится подобное желаніе. Этимъ-то и рѣшается вопросъ между Бисмаркомъ и консерваторами, и если первому крайне трудно разстаться съ своими консервативными принципами и консервативными партизанами, ему все-таки придется разстаться съ ними, если онъ не желаетъ подвергнуть опасности великое дѣло своей жизни. Кромѣ того, правительство не можетъ не сознавать того, что Австрія своимъ возвѣщеніемъ рѣшительно либеральной политики во внутреннихъ дѣлахъ ведетъ изумительную пропаганду въ общественномъ мнѣніи всей Германіи, между тѣмъ какъ консервативная политика прусскаго правительства нигдѣ не пріобрѣтаетъ друзей и даетъ возможность сепаратизму все смѣлѣе и смѣлѣе подымать голову. Въ Саксоніи, вслѣдствіе чрезвычайно ловкой агитаціи, настроеніе противъ Пруссіи становится до невѣроятности враждебнымъ и вызывающимъ; въ Баваріи выборы въ общій германскій таможенный парламентъ дали полную побѣду противникамъ единства Германіи; мы видѣли выше, какими надеждами обольщается ганноверскій король, — курфирстъ гессенскій, слѣдуя его примѣру, тоже открыто заявляетъ надежду на скорое возвращеніе въ свои владѣнія. Бисмаркъ можетъ воскликнуть, подобно древнимъ римлянамъ: Videant consules ne quid detrimenti respublica capiat!

Въ моей послѣдней корреспонденціи (см. январскую книжку) я подробно изложилъ борьбу за свободу рѣчи въ прусскомъ парламентѣ и о важнѣйшемъ событіи ея, процессѣ депутата Твестена. Въ

настоящемъ письмѣ мнѣ предстоитъ продолжать мой разсказъ. Палата господъ приступила къ преніямъ о предложеніи Ласкера (принятомъ палатою депутатовъ) не ранѣе 15 февраля, — предложеніе Ласкера, какъ извѣстно, толкуетъ 84-ю статью конституціи въ смыслѣ полной свободы рѣчи. Политическая и юридическая мудрость почтенныхъ господъ правой стороны измыслила въ этотъ промежутокъ времени изумительный проектъ. Она рѣшила образовать изъ членовъ обѣихъ палатъ особый трибуналъ для суда надъ проступками, совершаемыми посредствомъ рѣчей въ парламентѣ. Приговоры этого трибунала должны приводиться въ исполненіе обыкновенными судами. Кромѣ того, въ этотъ же трибуналъ должны перейти нѣкоторыя тяжкія преступленія, какъ государственныя измѣны и т. д., которыя обсуждаются не въ обыкновенныхъ судахъ, а въ государственномъ (Staatsgerichtshof) судилищѣ, и которыя вообще не должны прикрываться парламентскою безотвѣтственностью. Объ этомъ предложеніи можно сказать словами Шиллера (въ Донъ-Карлосѣ):

Gut ausgesonnen, pater Lamormain,
Wär' der Gedanke nicht sogar gescheut,
Man wär' versucht ihn herzlich dumm zu nennen!

При тягучести всѣхъ понятій о подобныхъ проступкахъ, парламентъ обратился бы, относительно всякой оппозиціи, въ преддверіе тюрьмы, на которомъ можно было бы написать, какъ на преддверіи Дантовскаго ада:

Lasciate ogna speranza, voi ch'entrate!

Частный человѣкъ, даже публицистъ, *можетъ* постараться не входить въ столкновеніе съ закономъ, но депутатъ не можетъ, потому что онъ обязанъ говорить свободно. Разсказывая о какомъ нибудь несчастномъ положеніи, онъ не можетъ знать, оскорбляютъ ли его заявленія кого нибудь и даже не клевещетъ ли онъ, когда въ его жалобу, напримѣръ, вкрадутся какія нибудь неточности. Отъ него можно требовать только одного — чтобы онъ поступалъ *bona fide*, и чтобы, въ противномъ случаѣ, собраніе осуждало его *нравственно*. Такое осужденіе, заявляемое предсѣдателемъ собранія въ силу данной ему дисциплинарной власти, могло бы вполнѣ удовлетворить чувство справедливости и нравственное сознаніе націи. Дисциплинарная власть предсѣдателя надъ палатою доведена въ нѣкоторыхъ законодательствахъ до права изгнанія членовъ изъ стѣнъ парламента, напримѣръ, въ Англіи, во Франціи при реставраціи и Луи-Филиппѣ, а также въ нѣкоторыхъ мелкихъ нѣмецкихъ государствахъ. Опытомъ доказано, впрочемъ, что такое расширеніе предсѣдательской власти, хотя признается весьма благоразумнымъ въ теоріи, ведетъ на практикѣ къ

самымъ печальнымъ результатамъ. Всемірною извѣстностію пользуются два такихъ случая въ англійскомъ парламентѣ: случай съ Уилксомъ, сдѣлавшійся безсмертнымъ въ письмахъ Юніуса, и случай съ лордомъ Кокрэкомъ. Уилксъ былъ избранъ въ парламентъ въ Миддльсексѣ въ 1769 году. Король писалъ первому министру Норту, что изгнаніе Уилкса изъ палаты общинъ было бы весьма «кстати» и должно быть исполнено. Изгнаніе воспослѣдовало вслѣдствіе уилксовскаго пасквиля, признаннаго парламентомъ наглою и неосновательною клеветою. Уилксъ былъ снова избранъ въ члены палаты общинъ, — парламентъ отвѣтилъ на эти выборы признаніемъ ихъ незаконными и допустилъ на свои скамьи кандидата меньшинства. Но уже въ 1782 году эта парламентская резолюція была торжественно вычеркнута изъ парламентскихъ книгъ. Лордъ Кокрекъ пустилъ, въ 1814 году, на лондонской биржѣ слухъ объ отрѣшеніи Наполеона отъ престола съ цѣлію произвести громадную спекуляцію, и былъ приговоренъ судомъ къ большому денежному штрафу, тюремному заключенію и выставкѣ къ позорному столбу. Парламентъ изгналъ его изъ своей среды большинствомъ 140 голосовъ противъ 40. Однако его снова избрали въ Уестминстерѣ и онъ опять занялъ свое мѣсто въ палатѣ, не встрѣтивъ никакого сопротивленія. Еще извѣстнѣе изгнаніе Манюеля въ 1827 году изъ французской камеры. Этотъ случай, можетъ быть, способствовалъ болѣе всякого другого паденію Карла X и Бурбоновъ.

«*Gescheut*» (въ смыслѣ вышеприведенныхъ словъ Шиллера) былъ проектъ господъ потому, что творцы этого проекта расчитывали на то, что большинство палаты господъ останется навсегда консервативнымъ, и что, слѣдовательно, палата господъ—такъ какъ упомянутый трибуналъ долженъ состоять изъ одинаковаго числа членовъ обѣихъ палатъ—пріобрѣтетъ весьма удобное орудіе противъ либеральной оппозиціи въ палатѣ депутатовъ. Этотъ проектъ, впрочемъ, показался неудобнымъ даже самой палатѣ господъ, и она отвергла его, не смотря на поддержку новаго министра юстиціи, Леонгардта (изъ чего видно, что этотъ министръ придерживается убѣжденій крайней правой стороны). Но, отвергнувъ этотъ проектъ, палата отвергла также и всѣ другіе, и не пришла ни къ какому положительному рѣшенію. Замѣчательно, однако, что предложеніе о введеніи въ прусскую конституцію постановленій союзной конституціи о свободѣ рѣчи въ парламентѣ (союзная конституція снимаетъ съ депутатовъ всякую отвѣтственность за произнесеніе рѣчей), принятое въ прусской палатѣ депутатовъ, нашло въ палатѣ господъ 40 сторонниковъ; — эта цифра показываетъ, что и въ консервативныхъ кружкахъ мысль о свободѣ парламентской рѣчи пріобрѣтаетъ, наконецъ, нѣкоторое гражданство. Въ процессѣ Твестена, между тѣмъ, судъ (Kammergericht) отмѣнилъ свой приговоръ и замѣнилъ двухлѣтнее тюремное заключеніе, при-

сужденное первымъ судомъ, 300 талеровъ штрафу. Это признаніе весьма интересно и важно, потому что судъ объявляетъ, что онъ остается при своемъ мнѣніи относительно покровительственной силы 84 параграфа конституціи, и лишь исполняетъ указъ верховнаго суда. Камеровый судъ ослабляетъ наказаніе, потому что признаетъ смягчающимъ обстоятельствомъ тотъ фактъ, что самъ верховный судъ держался прежде иного мнѣнія и признавалъ 84 параграфъ конституціи охранявшимъ каждаго депутата отъ *всякихъ* преслѣдованій за рѣчи, произносимыя въ парламентѣ. Дѣло переходитъ теперь въ верховный судъ, потому что Твестенъ подалъ еще одну аппелляцію ради принципа.

Среди либеральной партіи происходитъ такое же разложеніе, какое мы видѣли среди консервативной партіи при разрывѣ между Бисмаркомъ и крайней правой стороною. Старыя взаимныя отношенія между либералами не соотвѣтствуютъ новымъ политическимъ обстоятельствамъ. Крайняя лѣвая сторона въ палатѣ депутатовъ состоитъ, впрочемъ, только изъ одного единственнаго члена, доктора Іоганна Якоби. 15 числа, когда государственный бюджетъ подлежалъ окончательной баллотировкѣ, Якоби поднялся съ своего мѣста и сказалъ: «Я заявлялъ уже въ 1864 году, что пока существуетъ настоящее министерство, до тѣхъ поръ я не дамъ моего одобренія государственному бюджету. Приговоръ, произнесенный мною въ то время, нисколько не поколебленъ ни военными, ни дипломатическими или парламентскими успѣхами министерства, и я, потому, какъ тогда такъ и теперь, не желаю доставлять денежныя средства для продолженія такого управленія, которое, по моему убѣжденію, приноситъ вредъ какъ прусскому, такъ и германскому отечеству». Затѣмъ только онъ одинъ подалъ голосъ противъ утвержденія бюджета. За двѣ недѣли до того, Якоби высказалъ, въ рѣчи къ своимъ избирателямъ, новую програму своей партіи (которая во всякомъ случаѣ несравненно многочисленнѣе внѣ парламента). Онъ отправляется отъ той мысли, что въ Пруссіи почти нѣтъ ничего такого, на чемъ можетъ развиваться и укрѣпляться истинно конституціонная жизнь, что народная партія недостаточно вѣрна своимъ собственнымъ основнымъ положеніямъ, страдаетъ нерѣшительностью въ борьбѣ и совершенно неспособна на переобразованіе государственныхъ учрежденій. Цѣлью ставитъ онъ «народное самоуправленіе», а средствомъ къ достиженію ея признаетъ соединеніе соціальной реформы съ политическою, а также союзъ демократовъ всѣхъ странъ. Что̀ касается до соціальнаго вопроса — это необходимость, признанная всѣми партіями. Несомнѣнно, что по всей западной Европѣ готовится великій общественный переворотъ, который вызывается стремленіемъ рабочихъ классовъ, усматривающихъ, при помощи распространяющагося между ними образованія, ослабленіе неравенства

между ними и высшими классами, — ослабить по возможности и даже окончательно уничтожить и другое неравенство, создаваемое «господствомъ капитала». Поднятіе краснаго знамени французской революціи 1848 года было первымъ насильственнымъ взрывомъ. Соціальная демократія была побита на улицахъ Парижа во время страшныхъ іюльскихъ дней. Подобно французской революціи 1789 года, сперва подавленной на долгое время, но всегда оказывавшей свое вліяніе на весь міръ, революція 1848 года поставила на очередь соціальный вопросъ. Въ Англіи и Германіи это движеніе не такъ бурно и не столь революціонно, какъ во Франціи, но за то оно гораздо разсудительнѣе, тягучѣе и упорнѣе французскаго. Рабочіе все лучше и лучше понимаютъ, какая могущественная сила заключается въ ассоціаціи, и все болѣе научаются пользоваться своими политическими правами; имущественные классы, съ своей стороны, начинаютъ видѣть, что перевѣсъ, доставляемый имъ капиталомъ, несправедливо великъ. Поэтому-то, слѣдуя примѣру нѣкоторыхъ англійскихъ фабрикантовъ, и здѣсь въ послѣднее время сдѣлана попытка однимъ изъ фабрикантовъ ввести своихъ рабочихъ въ общее владѣніе фабрикою. Съ этою цѣлью онъ разложилъ цѣнность своей фабрики на паи; рабочіе, пріобрѣтая паи, становятся участниками въ управленіи фабрикою и въ веденіи всего производства. Однако, я не стану теперь излагать всѣ подробности этого дѣла, потому что надѣюсь современемъ, когда поулягутся волны политической жизни, поговорить пообстоятельнѣе о развитіи и настоящемъ положеніи соціальнаго вопроса. Я хочу теперь не больше, какъ указать на «темную точку» на горизонтѣ. Нынѣшнее поколѣніе еще можетъ утѣшаться извѣстною мыслью—«après nous le déluge!» Однако, настанетъ, наконецъ, то время, когда исполнится соціальная реформа, о которую разобьется безусловное господство капитала, возрастающее съ роковою быстротою до крайней безграничности. И произойдутъ тогда страшные кризисы, среди которыхъ общественный порядокъ пріобрѣтетъ новую основу.

Что касается до второго средства Якоби, до союза демократической партіи,—стремленіе къ нему было въ этой партіи и прежде, но союзъ постоянно разбивался о національныя притязанія отдѣльныхъ демократій. Французскіе демократы проявляютъ такую же страсть къ Рейну, какъ шовинисты, и если нѣмцы пожелаютъ послѣдовать совѣтамъ Якоби и перестанутъ вооружаться, то ихъ за-рейнскіе сосѣди не станутъ долго задумываться о томъ, занять ли или не занять тѣ прекрасныя земли, которыя считаются ими съиздавна ихъ естественною и правомѣрною собственностью. Цѣль Якоби таже, какъ говоритъ онъ самъ, что и женевскаго конгресса мира, то-есть учрежденіе свободныхъ соединенныхъ государствъ (штатовъ) Европы. Эта мысль, впрочемъ, найдена не женевскимъ конгрессомъ и не г. Якоби. Пер-

вый высказалъ эту мысль (но безъ всякаго республиканскаго оттѣнка, приданнаго ей въ программѣ женевскаго конгресса), насколько мнѣ извѣстно, Юлій Фрöбель въ своемъ сочиненіи: «Америка и Европа», которое у васъ, вѣроятно, извѣстно *); оно особенно интересно именно для Россіи. Фрöбель относится къ Россіи гораздо справедливѣе и сочувственнѣе большинства иностранныхъ писателей, разсуждающихъ о ней самымъ невѣжественнымъ образомъ. Съ независимостью Америки, такъ начинаетъ Фрöбель свои разсужденія, съ возрастающимъ могуществомъ и значеніемъ Соединенныхъ - Штатовъ произошла въ отношеніяхъ политическаго равновѣсія міра значительная перемѣна, которую не примѣчаетъ до сихъ поръ большинство даже образованныхъ европейцевъ? Нѣсколько времени передъ освобожденіемъ Соединенныхъ - Штатовъ, къ западной Европѣ начала постепенно прирастать русская держава и вмѣстѣ съ тѣмъ изчезала географическая граница Азіи. Но Россія, какъ восточная часть Европы, и какъ нація, политически вторгающаяся въ отношенія европейскаго Запада, должна была вмѣстѣ съ своими азіятскими составными частями считаться скорѣе прибавкомъ европейскаго міра, чѣмъ міромъ совершенно особаго рода. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Соединенныхъ - Штатахъ проявился противоположный полюсъ новаго и всемірнаго порядка вещей, въ противоположность ему открывается смыслъ и культурно-географическаго положенія Россіи въ средѣ всего образованнаго человѣчества. Западная Европа, которою ограничивалась впродолженіи долгаго періода времени государственная система историческихъ націй, составляетъ лишь посредствующее звѣно великой политической *тройни*, въ образѣ которой началъ развиваться образованный міръ. При этомъ развитіи, каждое отдѣльное государство приняло измѣненное положеніе, поясняемое Фрöбелемъ двумя схемами. Положеніе *историческихъ* (то-есть исторію творившихъ) державъ до провозглашенія американской независимости, до раздѣленія Польши и распаденія Германскаго Союза было слѣдующее:

Англія. Скандинавія. Россія.
Франція. Польша.
Германія.
Испанія. Италія. Турція.

После упомянутыхъ событій, оно обратилось въ слѣдующее:

С.-Америка. Скандинавія. Россія.
Англія. Пруссія.
Франція.
Испанія. Австрія.
Ю.-Америка. Италія. Турція.

---

*) Мы имѣли случай познакомить нашихъ читателей съ сочиненіями Юл. Фрöбеля, въ одной изъ «Литературныхъ хроникъ», см. 1866, т. III, отд. III, стр. 105 и слѣд. — *Ред.*

Въ этой схемѣ есть одна пророческая истина: Фрöбель предвидѣлъ уже въ то время, когда еще существовалъ Германскій союзъ, будущее разъединеніе между Австріею и Пруссіею, совершившееся лишь въ 1866 году. О дружественныхъ отношеніяхъ между Россіею и Америкою Фрöбель дѣлаетъ нѣсколько прекрасныхъ замѣчаній. «Не простымъ равнодушіемъ къ отвлеченному вопросу о принципѣ», говоритъ авторъ, «не простою терпимостью только обусловливаются дружественныя отношенія между Соединенными-Штатами и Россіею, не смотря на взаимную противоположность республиканизма и монархіи. Между обѣими политическими крайностями существуетъ также и сочувствіе, основанное на извѣстныхъ общихъ характеристическихъ чертахъ, на извѣстныхъ общихъ особенностяхъ положенія, общихъ интересахъ и общаго направленія силы. Одинаковая юность, хотя не въ одномъ и томъ же смыслѣ, сходныя отношенія въ природѣ широко разстилающихся, и въ значительной части еще новыхъ пространствъ, забираемыхъ во владѣніе, сходныя прогрессомъ постоянно продолжающихся открытій, а также посредствомъ колонизаціи и покоренія грубыхъ народностей; тоже сосѣдство слабѣйшихъ и въ распаденіи находящихся государствъ, тоже соперничество съ европейскимъ Западомъ развили въ обѣихъ націяхъ одинаковый реальный взглядъ на вещи, одинаковую безпокойную страсть къ странствіямъ, одинаковое стремленіе къ политическому расширенію, одинаковую историческую безправность, одинаковое сознаніе на могуществѣ основаннаго господства надъ другими и одинаковую надежду на великую и славную будущность. Важная разница между ними заключается лишь въ томъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ жизнь націи разливается во всей массѣ и даетъ индивидуальную самостоятельность каждой отдѣльной личности. Но Россія и Соединенные Штаты развиваются по сходнымъ путямъ, хотя въ противоположныхъ формахъ».

Между тѣмъ, какъ этотъ нѣмецъ открываетъ Россіи широкое поле блестящей будущности, другой нѣмецъ старается о предкахъ нынѣшней русской націи, о великой славянской семьѣ. Заглавіе книги, о которой я намѣренъ сейчасъ говорить, не обѣщаетъ русскому читателю ничего интереснаго, это какія-то «Алеманскія странствованія» (Alemannische Wanderungen) Адольфа Бакмейстера или, можетъ быть, Бацмейстера (Bacmeister). Авторъ ведетъ васъ на прогулку между Инномъ и Рейномъ съ цѣлью осмотрѣть тамъ повсюду разбросанные слѣды кельтовъ и римлянъ (слѣды первыхъ остались теперь только въ названіяхъ мѣстъ); въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ встрѣчается съ названіями, которыя наводятъ его хотя на сомнительную, но въ тоже время и въ высшей степени вѣроятную мысль о распространеніи славянскихъ поселеній до самаго Боденскаго озера. Авторъ полагаетъ, однако, что тамошнія славянскія колоніи состояли не изъ свободныхъ людей, но

изъ военноплѣнныхъ. Что народы селили своихъ военноплѣнныхъ не въ пограничныхъ областяхъ, а внутри собственной страны, такое предположеніе не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго; однако этому противорѣчатъ нравы X и XI вѣковъ. Плѣнные обработывали поле своего побѣдителя, а послѣдній жилъ всегда въ своемъ имѣніи. Бакмейстеръ видитъ въ названіяхъ (мѣстностей), составленныхъ изъ «Winidon», то-есть старо-высоконѣмецкаго дательнаго падежа отъ «Wenden» (венды, славяне) съ присоединеніемъ нѣмецкихъ личныхъ именъ, такія славянскія колоніи, которыя находились въ крѣпостномъ состояніи (pflichtig) у нѣмецкихъ господъ. Такъ, въ одной грамотѣ 905 года встрѣчается названіе «Adelharteswinden», въ грамотѣ 1034 года — Ruthhardeswinden, въ 1057 году — Regenharteswinden, и т. д. Мнѣ кажется гораздо вѣроятнѣе, что здѣсь идетъ дѣло дѣйствительно о самыхъ отдаленныхъ, западныхъ форпостахъ славянскаго племени, уцѣлѣвшихъ отдѣльными островками, послѣ отлива великой волны переселенія народовъ, и сдѣлавшихся потомъ добычею германскаго племени. Въ пользу этого предположенія говоритъ и тотъ фактъ, что Бакмейстеръ прослѣдилъ эти поселенія по длинной цѣпи до самаго Боденскаго озера. Уже 30 лѣтъ тому назадъ, великій изслѣдователь кельтскаго племени, Іоганнъ Каспаръ Цейссъ (Zeuss) доказалъ, въ своемъ трудѣ о «нѣмцахъ и сосѣднихъ племенахъ» (Die Deutschen und die Nachbarstämme), что венды спускались съ высоты Франкенвальда, въ средней Баваріи, до Редницы и Айша. Почему бы не дойти имъ и до Боденскаго озера? Въ этомъ предположеніи не окажется ничего удивительнаго, если припомнить сходныя явленія въ средніе вѣка. Такъ, Эмиль де-Борхграве (Borchgrave) доказываетъ, въ своей «Histoire des colonies belges, qui s'établirent en Allemagne pendant le XII-e et le XIII-e siècle», что фламандскія племена распространялись до Трансильваніи.

Первое славянское имя, встрѣтившееся Бакмейстеру на баварской почвѣ, было «Leugast» въ округѣ Тишенпрейтъ-Лейгастъ; по древнимъ документамъ, это Липагастъ, привѣтливый звукъ — цитирую автора слово въ слово — на высотахъ Байришенвальда, ибо онъ обозначаетъ липовую прогулку, или просто «подъ Липами», какъ говорятъ теперь въ нѣкогда славянскомъ Берлинѣ [1]). (Авторъ, чисто-кровный южный нѣмецъ, не упускаетъ ни одного удобнаго случая упрекнуть сѣверныхъ нѣмцевъ, и особенно пруссаковъ, напоминаніемъ имъ о томъ, что въ дѣйствительности они вовсе не чистые нѣмцы, потому что въ ихъ жилахъ течетъ и славянская кровь.) Подобныя славянскія корчмы существовали, впрочемъ, въ большомъ числѣ въ веселой баварской землѣ, — такъ, близъ Лейгаста было два Шоргаста. Другія положительно славянскія названія въ той мѣстности суть: villa Slopece in

---

[1]) «*Unter-den-Linden*» называется лучшая улица въ Берлинѣ.

pago Ratensgowe (1024 года), Сельбитцъ (Silewice, по документу 1035 года). Шмёльцъ въ округѣ Кронахѣ, называвшійся въ грамотѣ 1194 г. Smoulnoe,—несомнѣнное сходство съ словомъ «Смоленскъ». Въ Виртембергѣ часто встрѣчается названіе (мѣстностей) Winnenden, — а многія изъ названій составлены съ прилагательнымъ: «windish» (вендскій), напримѣръ: Windish-Boxenfeld, Windisch-Pfedelbach. Первое изъ этихъ названій вдвойнѣ славянское, ибо Боксенфельдъ происходитъ отъ славянскаго слова «букъ» — буковое поле. Слово Пфедельбахъ остается до сихъ поръ необъясненнымъ. Я не стану входить въ дальнѣйшія подробности объ этимологической части сочиненія Бакмейстера, — для любопытныхъ достаточно и этихъ указаній. Тамъ, на берегу Боденскаго озера, существовали въ незапамятныя времена поселенія обитателей свайныхъ построекъ. Кельты, современные, быть можетъ, Гомеру, сожгли эти поселенія, и потомъ сами жили тамъ впродолженіи многихъ вѣковъ. Затѣмъ явились римляне и внесли туда свою культуру. Великая волна переселенія народовъ, германскія и съ ними славянскія племена смяли эту культуру. Только та часть волны, въ которой заключался нѣмецкій элементъ, вошла тамъ въ берега,— славянская доля, стремившаяся покрыть германскую, разбилась объ утесы и покатилась назадъ.

Глава о славянскихъ поселеніяхъ, впрочемъ, короче всѣхъ другихъ и менѣе всѣхъ обработана; за то въ изслѣдованіи мѣстныхъ названій кельтскаго и римскаго происхожденія авторъ обнаружилъ основательную ученость, много остроумія и извѣстный «школьно-учительскій» юморъ лучшаго качества. Ученою шутливостью этого рода, доступною, впрочемъ, только небольшому кругу ученыхъ, или по крайней мѣрѣ образованныхъ людей, особенно отличался Фалльмерайеръ; смѣлыя параллели Момзена въ сущности иногда тоже не что иное, какъ подобныя гелертерскія шутки.

Какъ бы то ни было, Бакмейстеръ не лишенъ ни историко-филологической снаровки, ни фантазіи, необходимой для поэта и историка, ни художественной кисти для изображенія историческихъ картинъ. Древніе народы Востока, пишетъ онъ въ своемъ предисловіи, подобно народамъ Запада, любили называть себя первобытными обитателями своихъ странъ, *terra editi*, какъ говоритъ Тацитъ. Но вскорѣ, въ безсознательномъ противорѣчіи съ этою страстью къ самовосхваленію, встрѣчаются уже темныя, неопредѣленныя воспоминанія о томъ времени, когда ихъ отцы двигались по лицу земли, чтобы послѣ долгихъ странствованій осѣсться наконецъ въ новой отчизнѣ. То, о чемъ они мечтательно догадывались, освѣщено теперь свѣтомъ науки и вполнѣ очевидно для новѣйшихъ народовъ. Мы—иностранцы на землѣ, говоритъ библія. И мы дѣйствително иностранцы, на томъ клочкѣ земли, которую мы называемъ нашею страною. Никто не скажетъ теперь, когда

именно первый германскій воинъ выступилъ черезъ Уралъ и Волгу и водрузилъ свое копье въ европейскую почву, а между тѣмъ, неизвѣстная страна, открывшаяся передъ первымъ германцемъ, была уже населенною. За нѣсколько вѣковъ до нашего лѣтосчисленія, среднюю Европу, отъ Иберійскаго полуострова до Дуная, облегало широкимъ поясомъ кельтское племя, вышедшее, подобно германскому и славянскому, изъ Азіи отдѣльною вѣтвью *арійскаго* первобытнаго народа. Южная Германія была тоже населена кельтами. Если бы племена, слѣдуя другъ за другомъ, отпечатывали на забираемыхъ ими земляхъ древнія названія, то намъ легко было бы, при помощи филологической геологіи, снимать одну исторію культуры за другою и выставить за стекломъ кабинетныхъ шкафовъ ископаемые предметы филологіи. Или, если бы они, по крайней мѣрѣ, щадили то, что̀ попадало въ ихъ руки, то мы имѣли бы теперь карту изъ прелестной мозаики кельтскихъ, римскихъ, германскихъ, славянскихъ и другихъ названій. Но племена боролись между собою, побѣждали, угнетали, или терпѣли и мѣшались. Кельты, римляне и германы жили вмѣстѣ въ разные періоды и въ разныхъ сочетаніяхъ, они уступали свое мѣсто другъ другу весьма медленно, и до настоящаго дня кровь всѣхъ этихъ племенъ течетъ въ швабскихъ жилахъ.

Такъ говоритъ ученый. Люди, находящіеся среди политическаго движенія, должны также не забывать, въ пылу жаркой борьбы національностей, что развитіе человѣчества исходитъ не изъ отчужденія и дѣленія народовъ и племенъ, но отъ сближенія и сліянія ихъ между собою. Въ южной и западной Германіи, изслѣдователь повсюду нападаетъ на обильныя воспоминанія о римлянахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, прилежныя раскопки и изысканія дали возможность возстановить почти полную топографію римскаго періода. Нашъ авторъ набрасываетъ немногими штрихами живую картину того времени: «Въ береговомъ пескѣ Боденскаго озера, долго работала сѣкира свайныхъ обитателей. Затѣмъ на этой военной границѣ подымается новая, дѣятельная жизнь: являются латинская рѣчь и латинское право, римскія добродѣтели и пороки, процвѣтаютъ торговля и ремесла, — въ Аугсбургѣ еврей-купецъ уже предлагаетъ пурпуровыя ткани, итальянское сельское хозяйство смѣняетъ первобытную обработку земли, воздвигаются римскіе храмы и римскія бани. Баденъ, эта гордая Aurelia Civitas Aquensis, уже въ тѣ времена пользовался своими горами во благо и во зло. Уже въ тѣ времена посѣдѣлый въ битвахъ вождь легіоновъ могъ прохлаждать свои раны подъ защитою *Diana Abnoba*; уже въ тѣ времена римскіе и галльскіе гуляки, levissimus quisque Gallorum, и также levissima quaeque Gallorum могли посвящать въ тайны великосвѣтской жизни бѣлокураго германскаго юношу. Многія большія дороги, пришедшія теперь въ упадокъ, стонали когда-то подъ мѣрнымъ

шагомъ легіоновъ и варварской конницы, двигавшихся со всѣхъ концовъ міра по римской командѣ. Въ Беннингскомъ гарнизонѣ былъ трибунъ родомъ изъ Sicca Veneria, что въ Африкѣ, въ Оффенбергѣ въ Баденѣ былъ центуріонъ изъ Арменіи, а въ Шлоссау пограничную линію защищалъ центуріонъ изъ Синопа [1]). За римскими легіонами слѣдовали варвары. Тамъ, на Рейнѣ, вблизи Боденскаго озера, гдѣ когда-то кельты, истребивъ огнемъ хижины жителей свайныхъ построекъ, оставили за собою глубокіе слѣды, гдѣ многими вѣками позже третій испанскій легіонъ врубилъ свое безсмертіе въ гранитъ Шварцвальда,—тамъ, спустя еще нѣсколько столѣтій, на разбитомъ римскомъ мозаичномъ полу строилъ свою избу алеманнъ Гизило, названную сосѣдями (по древне-высоко-нѣмецкому) da ze der Gizilungen, превратившуюся потомъ, путемъ незначительнаго измѣненія въ звукахъ, нѣкоторой перемѣны въ нравахъ и обычаяхъ, религіи и налоговъ, въ нынѣшній Гейсслингенъ».

Мимоходомъ упомяну о появленіи у насъ первой половины біографіи извѣстнаго поэта Гейне, составленной Адольфомъ Штродтманномъ. Авторъ съ большимъ прилежаніемъ собралъ все, что хотя сколько нибудь объясняетъ житейскія отношенія Гейне, и что могло оказывать вліяніе на его умственное и поэтическое развитіе. Біографъ обратилъ особенное вниманіе на вѣрную оцѣнку отношеній Гейне къ іудейству. Не смотря на переходъ въ христіанство незадолго до пріобрѣтенія ученой степени, Гейне былъ связанъ съ іудействомъ всѣми силами своей души и сердца. Глава «О новой Палестинѣ» изображаетъ въ высшей степени замѣчательное духовное возрожденіе евреевъ, возбужденное Моисеемъ Мендельсономъ въ послѣдней четверти XVIII вѣка.

Въ изящной литературѣ не появилось ни одного замѣчательнаго произведенія. Въ литературныхъ и политическихъ газетахъ очень хвалятъ романъ Ганса Гопфена: «Испорченъ въ Парижѣ» (Verdorben zu Paris), но въ немъ нѣтъ ничего особеннаго. На здѣшней сценѣ появилась недавно новая нѣмецкая оригинальная опера Лангерта, кобургскаго капельмейстера: «Die Fabier», составленная по одноименной драмѣ Густава Фрейтага. Эта опера имѣетъ *succès d'estime*, но она едва ли удержится на сценѣ.

Объ однообразіи и узкости здѣшней общественной жизни трудно составить себѣ хотя какое нибудь понятіе. Я повѣрю, что еще есть люди, которые издерживаютъ больше чѣмъ получаютъ, но эти бѣдняки вовлекаютъ въ несчастіе развѣ своего портного; существуютъ здѣсь и «galante Damen»; однако впродолженіи 10-ти лѣтъ только одна изъ нихъ дозволила себѣ такую роскошь, какъ купé и грума. Есть здѣсь мужья, не вполнѣ вѣрные своимъ женамъ, но жены, вѣроятно, не

[1]) Всѣ эти подробности извлечены, разумѣется, изъ древнихъ памятниковъ.

ревнивы, потому что уже съ незапамятныхъ временъ не слышно ни объ одной семейной трагедіи. Фельетонистъ можетъ погибнуть у насъ съ голоду въ четыре недѣли, если не умреть со скуки въ двѣ недѣли. Неудивляйтесь, поэтому, если эта сторона моего письма выходитъ слишкомъ краткою. Хвалить берлинцевъ за это я не намѣренъ. Шиллеръ говоритъ, правда, что тѣ женщины всѣхъ лучше, о которыхъ говорятъ всего меньше. Но я не вѣрю въ добродѣтели Берлина. Онъ былъ уже разъ далеко не добродѣтельнымъ, и не знаю, когда именно исправился онъ. Набожнѣе онъ не сталъ, философичнѣе тоже нѣтъ. Источникомъ здѣшней добродѣтели является флегма, безстрастность. Она недопускаетъ великихъ пороковъ, но за то имѣетъ другое неудобство: она низводитъ добродѣтель въ посредственность. к.

ОЧЕРКИ И ЗАМѢТКИ.

ГОЛОДЪ ВЪ ВОСТОЧНЫХЪ ПРОВИНЦІЯХЪ ПРУССІИ.

(Письмо въ Редакцію.)

М. Г.

Бѣдствіе, обнаружившееся внезапно во многихъ мѣстностяхъ Россіи, вызвало вашу послѣднюю «Ежемѣсячную Хронику» мимоходомъ къ сравненію съ Пруссіею. Позвольте познакомить вашихъ читателей нѣсколько ближе съ нѣкоторыми подробностями этого дѣла у насъ.—Въ парламентской жизни, каждое важное событіе находитъ себѣ прежде всего обширное поприще для обсужденія, критики, преній въ самыхъ палатахъ. Дѣйствительно, нашъ ландтагъ нѣсколько разъ имѣлъ случай въ послѣднее время заниматься печальнымъ положеніемъ Восточной-Пруссіи, пораженной голодомъ, и успѣлъ найти не мало средствъ къ облегченію тяжелой участи пострадавшихъ провинцій. При этомъ обнаружилась со всею очевидностью вся польза публичности общественныхъ дѣлъ и свободнаго обсужденія вопросовъ въ печати и съ парламентской трибуны, что такъ иногда оспаривается многими. Правда, особенное положеніе политическихъ партій въ настоящую минуту, парламентскія столкновенія съ министерствомъ, сдѣлали пренія, по поводу голода, слишкомъ продолжительными и упорными; особенно борьба шла за вопросъ: ктó виноватъ въ томъ, что не довольно своевременно были приняты мѣры противъ наступившаго бѣдствія? Администрація въ Восточной-Пруссіи не могла однако оправдаться въ этомъ отношеніи, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что весьма давно, еще въ августѣ, опытные сельскіе хозяева и нѣкоторыя газеты обращали вни-

маніе на приближающееся зло, но этимъ предостереженіямъ не придали большого значенія. Администрація въ свое оправданіе могла сказать развѣ только то, что послѣднее зло, и неожиданное, а именно, морозы, пришло весьма поздно, и голодъ принялъ вдругъ чудовищные размѣры. Но еще въ октябрѣ правительство начало уже прибѣгать къ нѣкоторымъ мѣрамъ. Помочь было тѣмъ болѣе легко, что въ В.-Пруссіи не могло случиться безусловнаго недостатка въ съѣстныхъ припасахъ — средства къ сообщенію такъ велики, что ежедневно можно доставить потребное количество хлѣба — но можно было бояться за недостатокъ денегъ. Притомъ, причиною голода оказывался не одинъ плохой урожай, не слѣпой случай; причина голода лежала весьма глубоко. Болѣе богатая провинція не досталась бы въ жертву голода такъ легко, вслѣдствіе одного неурожая. Истинная причина голода въ Восточной-Пруссіи кроется въ слабомъ развитіи промышленныхъ силъ провинціи, предавшейся исключительно земледѣлію. Эта причина разъяснена и превосходно развита въ мемуарѣ, представленномъ еще въ ноябрѣ министру торговли и юстиціи однимъ изъ старѣйшихъ членовъ кенигсбергскаго купечества. Ни одна провинція, въ тяжелую годину испытанія, отъ 1806 до 1814 года, не понесла столько жертвъ для государства, какъ В. и З. Пруссія. Слѣды того не изгладились по сіе время. По наступленіи мира, правительство обратило все свое вниманіе на новыя провинціи, и пренебрегло восточными. Даже Таможенный-Союзъ (Zollverein), который былъ такъ благодѣтеленъ для государства и всей Германіи, легъ тяжелымъ камнемъ на эти послѣднія провинціи. Онѣ были преданы исключительно земледѣлію, и даже умѣренный тарифъ былъ для нихъ потому невыносимымъ гнетомъ. Если, напримѣръ, считать, что поднимется пошлина на желѣзо, въ размѣрѣ не болѣе какъ 20 зильбергрошей на центнеръ, и допустить, что ежегодно требуется на человѣка среднимъ числомъ 30 фунтовъ желѣза, то уже и такое повышеніе пошлины составитъ для восточныхъ провинцій налогъ въ 600,000 талеровъ, которые пойдутъ въ пользу другихъ провинцій, производящихъ желѣзо. Прежде въ Кенигсбергѣ существовало огромное число фабрикъ для раффинированія индѣйскаго сахару. Вслѣдствіе покровительства, которое было оказано свекло-сахарному производству, тѣ фабрики пали. Вышло на одно! Въ отношеніи шоссейныхъ дорогъ, рельсоваго пути и во многихъ другихъ отношеніяхъ, В.-Пруссія стоитъ далеко позади другихъ провинцій. Достаточно нѣсколькихъ цифръ, чтобы указать вообще на степень этого различія. Въ 1864 году, въ Вестфаліи, приходилось на каждаго человѣка 11 тал. 18 згр., помѣщенныхъ въ сберегательныя кассы; въ Саксоніи — почти 18 тал.; въ Бранденбургѣ — 4 тал.; а въ В.-Пруссіи — всего только 18 зильбергрошей!! Въ 1860 г., въ обществахъ страхованія отъ огня считалось: въ Бранденбургѣ, на человѣка — 282 тал.;

въ Саксоніи—264 тал., а въ В.-Пруссіи—только 125 талеровъ! Отсутствіе капитала и кредита составляетъ тяжкое бремя для землевладѣльцевъ. Нигдѣ не происходила въ такой массѣ продажа имѣній съ публичнаго торга, какъ въ В.-Пруссіи, и цѣна на землю, которая поднимается въ другихъ частяхъ государства, тамъ пала въ послѣдніе годы отъ 25% до 50%. При такомъ положеніи вещей, до неурожая не далеко.

Первыя мѣры, принятыя правительствомъ, состояли въ томъ, что тарифъ желѣзныхъ дорогъ на перевозку съѣстныхъ припасовъ былъ значительно пониженъ еще въ октябрѣ, и изъ наличныхъ фондовъ отпущены деньги съ цѣлью открыть въ широкихъ размѣрахъ полезныя публичныя работы, какъ-то постройка шоссейныхъ дорогъ и т. п.

$^{3}/_{15}$ ноября собрался ландтагъ, но въ первыя засѣданія онъ мало останавливался на обсужденіи мѣръ противъ ожидаемаго голода. Хотя тронная рѣчь упомянула коротко о стѣснительномъ положеніи В.-Пруссіи, но уже 30 ноября (12 декабря) министръ финансовъ распорядился выдать администраціи въ Кенигсбергѣ и Гумбинненѣ (близъ русской границы) 1.200,000 талеровъ билетами ссудныхъ кассъ (они были выпущены въ 1866 г. во время войны, и потомъ снова извлечены), которыя не были еще уничтожены, съ тѣмъ, чтобы нуждающіеся землевладѣльцы могли у нихъ занимать безъ процентовъ. Какъ разъ въ это время, только-что успѣли сдѣлать то распоряженіе, раздался въ В. Пруссіи первый отчаянный крикъ: люди умираютъ съ голоду! Тогда обратились, наконецъ, и къ частной благотворительности, призывая ее на помощь мѣрамъ, принятымъ заранѣе. $^{8}/_{20}$ декабря устроился здѣсь «Vaterländische Frauenverein», которое немедленно организировало сборы и устроило въ страдающихъ провинціяхъ своихъ корреспондентовъ въ Bezirks-Zweig- и Kreis-Vereine.

Одновременно съ тѣмъ, обнаружилась и борьба партій, которая обошлась не безъ крайностей, съ обѣихъ сторонъ. Оппозиція говорила: —Видите! правительство тутъ виновато кругомъ!—Оффиціозныя газеты, напротивъ, долгое время оспаривали вообще существованіе какой бы то ни было опасности, и прибавляли:—Оппозиція хочетъ изъ голода устроить себѣ политическій капиталъ!—Одинъ органъ крайней правой стороны выразился въ постыдной статьѣ такимъ образомъ: «Жители В. Пруссіи извѣстны, какъ торговцы лошадьми; и лгать — имъ привычное дѣло!» Болѣе предусмотрительные оффиціальные органы рѣшились держаться средняго пути; голодъ уже наступилъ; отрицать его нѣтъ возможности, такъ какъ и само правительство сдѣлало уже воззваніе къ частной благотворительности. Демократическія газеты выступили съ доказательствами, и доставляли извѣстія, отъ которыхъ волосы становились дыбомъ.

Но услуга ,которую могутъ приносить въ этихъ случаяхъ газеты,

состоитъ прежде всего въ тѣхъ *отношеніяхъ*, которыя слагаются между публикою и органами печати; въ этихъ *отношеніяхъ* и заключается вся сила послѣднихъ. Читатели газеты должны быть, такъ сказать, сотрудниками ея, или иначе газета не будетъ имѣть корней. Гдѣ этого нѣтъ, гдѣ газета составляется въ кабинетѣ, тамъ она не можетъ имѣть никакой силы. Вотъ потому я принимаю на себя смѣлость возразить вашему хроникеру, высказавшему упрекъ русскимъ газетамъ за недостатокъ инниціативы. Прусскія газеты также не обнаружили инниціативы, но ихъ редакціи за то представляютъ постоянную тѣсную связь съ страною. Посмотрите на нихъ! Онѣ наполнены перепискою съ своими же абонентами; изъ городовъ, изъ деревень имъ пишутъ мѣстные жители, кто въ «Zukunft», кто въ «Volkszeitung», другіе въ «Vossische Zeitung» или въ «Nationalzeitung» и т. д.; всякій сообщаетъ свои дѣла, знакомыя ему близко; изъ этого богатаго матеріала пресса вырабатываетъ свои статьи *).

На Рождествѣ начались необыкновенные холода; работа на открытомъ воздухѣ сдѣлалась невозможною; бѣдствіе дошло до крайнихъ предѣловъ. Вмѣшательство политическаго элемента увеличивало обоюдныя обвиненія. Оппозиція утверждала, что деньги, собранныя тѣми «Frauen-Verein», раздавались пристрастно, и при томъ такимъ лицамъ, которыя обѣщали при выборахъ подавать голосъ за правительство. Вслѣдствіе того, въ Гумбинненѣ образовался комитетъ изъ извѣстныхъ членовъ оппозиціи, куда посылала свой сборъ вся оппозиція: такъ, «Zukunft», органъ крайней лѣвой стороны, доставилъ туда 23.000 тал., и почти столько же «Vossische Zeitung». Эти комитеты (оба, и правительственный, и оппозиціонный) раздаютъ съѣстные припасы, топливо, одежду, и заботятся о томъ, чтобы доставить нуждающимся работу.

---

*) Нашъ почтенный корреспондентъ дозволитъ намъ сдѣлать небольшое замѣчаніе въ объясненіе сказаннаго хроникеромъ журнала о русскихъ газетахъ. Мы не думали требовать отъ нашихъ газетъ того, чего не представляютъ и прусскія; мы именно говорили о «кабинетномъ» характерѣ нашихъ газетъ и о недостаткѣ живой связи между ними и публикой. Притомъ мы только указывали на это, какъ на *фактъ*, не входя въ изслѣдованіе причинъ самаго факта. «С.-Петербургскія Вѣдомости» съ своей стороны возразили намъ, что въ Россіи сношенія редакціи съ своими корреспондентами слишкомъ тяжелы и отвѣтственны; со всѣхъ сторонъ, начали намъ указывать на примѣръ газеты «Москва», которая получила даже второе предостереженіе (въ ноябрѣ) за «преувеличенное изображеніе нуждъ по случаю бывшаго въ нѣкоторыхъ губерніяхъ неурожая». Мы признаемъ всю силу этихъ доводовъ, но повторяемъ одно, что мы не обвиняли русскія газеты; мы только, какъ говорится, засвидѣтельствовали фактъ, и тѣмъ думали указать на необходимость устраненія мало по малу причинъ, которыя вызываютъ существованіе такого «факта». Намъ замѣтили, что наши «разсужденія хороши, но хороши..: для Пруссіи!» Мы думаемъ, наоборотъ, въ Пруссіи наши разсужденія были бы излишни, какъ излишне указаніе на то, что солнце свѣтитъ.

Ред.

Въ деревняхъ, пасторы, землевладѣльцы, учителя, принимаютъ на себя заботу о бѣдныхъ. Во всемъ этомъ правительство не участвуетъ, и держится строго того принципа, что забота о бѣдныхъ есть дѣло общинъ, и держится до того, что рѣшительно отказалось отъ мысли учредить общій налогъ въ пользу одной провинціи. Но за то правительство сдѣлало другое, а именно, оно выдало на Кенигсбергскій округъ: 1) 250,165 тал. заимообразно на постройку провинціальныхъ шоссе; 2) на постройку общественныхъ зданій и дорогъ 350,390 тал.; 3) на занятіе работами 480,000, и на помощь бѣднѣйшимъ 55,000 тал.; всего же на работы 988,455 тал. и на бѣднѣйшихъ 55,000 тал.; итого, слишкомъ 1 милліонъ на Кенигсбергскій округъ. Подобнымъ же образомъ раздѣленъ и другой капиталъ въ 1,300,000 талеровъ на округъ Гумбиннена. Кромѣ того, ожидаютъ конца холодовъ, чтобы продолжать дѣятельно желѣзную дорогу изъ Торна въ Инстербургъ. Частной благотворительности мы обязаны также много, и въ половинѣ января опасность голода была уже устранена. Но за то теперь начали тѣмъ тревожнѣе смотрѣть въ будущее, и увидѣли, что главная опасность еще впереди: не только бѣдные, но даже и жители средней руки остались безъ сѣмянъ, и нечѣмъ засѣвать поля. Въ виду такого обстоятельства, наше правительство, которое, какъ извѣстно, избѣгаетъ давно увеличенія расходовъ, ставящаго его въ зависимость отъ палаты,—съ трудомъ рѣшилось, но все же рѣшилось, какъ говорится, раскусить кислое яблоко; долго говорили о необходимости держаться принципа, чтобы каждый помогалъ себѣ (но въ минуту опасности разсуждать такимъ образомъ все равно, что дать кому нибудь утонуть ради того, что принципъ повелѣваетъ, чтобы каждый помогалъ самъ себѣ); но, наконецъ, правительство получило согласіе у ландтага на 3 милліона талеровъ для пріобрѣтенія сѣмянъ въ пользу В.-Пруссіи, и при этомъ выразили, что въ случаѣ надобности оно можетъ пойти дальше. Теперь надобно надѣяться, что несчастная провинція не только спасена въ эту минуту, но и увидитъ скоро лучшую будущность. Печальныя событія дали *всѣмъ* серьезный урокъ, и поставили на видъ необходимость оживить начало самоуправленія, пострадавшее много отъ застоя нашего законодательства.

Л. К.

Берлинъ, $^{15}/_{27}$ февраля, 1868.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ФЕВРАЛЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Древности. Труды московскаго Археологическаго общества. Томъ I, выпускъ 1-й, 1865; вып. 2-й, 1867. М.

Древности. Археологическій Вѣстникъ, издаваемый Московскимъ археологическимъ обществомъ подъ редакціей д. чл. А. А. Котляревскаго. М. 1867. 4 вып.

Едва ли можно подвергать сомнѣнію фактъ, что въ нашемъ обществѣ,—въ томъ, для котораго главнымъ образомъ существуетъ литература,—наука и разные относящіеся къ ней предметы и понятія далеко еще не получили права гражданства, или относительно своей дозволительности (потому что еще многіе изъ научныхъ предметовъ и понятій подвергаются въ этомъ смыслѣ сомнѣнію и даже преслѣдованію), или относительно своей пригодности и интереса (потому что еще многое считается въ этомъ смыслѣ безполезнымъ, и способнымъ занимать только немногихъ исключительныхъ чудаковъ или спеціалистовъ). Къ этому послѣднему разряду наукъ, въ ходячихъ понятіяхъ, въ особенности относится археологія: къ чему она можетъ служить и какой интересъ она можетъ представлять, этого до сихъ поръ не понимаютъ очень многіе изъ такъ называемыхъ образованныхъ людей.

Понятно, что такого рода представленія о наукѣ археологіи составляютъ одинъ изъ тѣхъ, къ сожалѣнію, слишкомъ многочисленныхъ предразсудковъ, какіе еще съ большой силой держатся въ массѣ нашего общества, и которые надобно назвать предразсудками незнанія или невѣжества,— потому что въ настоящемъ своемъ объемѣ и смыслѣ археологія далеко вышла изъ разряда вещей, способныхъ интересовать только безжизненнаго гелертера, или такихъ вещей, о которыхъ можно писать только латинскія диссертаціи. Но если безучастіе общества къ археологіи, равнодушіе къ памятникамъ древности, неумѣнье обращаться съ ними и сберегать ихъ, отсутствіе интереса къ археологическимъ изданіямъ, и составляютъ фактъ весьма чувствительный и прискорбный для археолога, то этотъ фактъ имѣетъ однако свое объясненіе, и вина общества становится не такъ велика, какъ можно думать съ перваго взгляда. Его безучастіе имѣло свои основанія въ томъ положеніи, какое занимала русская археологическая литература.

Современная археологія стала наукой чрезвычайно обширной и разнообразной, такъ что часто трудно опредѣлить ея формальные предѣлы и объемъ ея содержанія. Изслѣдованіе вещественныхъ памятниковъ древняго быта, знаній и искусства уже теперь становится цѣлой исторіей древней человѣческой цивилизаціи и древнѣйшихъ періодовъ въ жизни націй:

изслѣдованіе памятниковъ архитектуры доходитъ до свайныхъ построекъ и дольменовъ; изслѣдованіе орудій приводитъ къ грубымъ орудіямъ такъ-называемаго каменнаго періода; изученіе древняго быта дѣлаетъ необходимымъ изслѣдованіе существующихъ теперь грубыхъ и первобытныхъ бытовыхъ формъ у дикарей, или вообще у народовъ низшей степени культурнаго развитія, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно дѣлаетъ необходимымъ изслѣдованіе внутренней стороны этого быта, слѣдовательно языка, понятій, миѳовъ, и т. д. Однимъ словомъ, полное изслѣдованіе археологическаго вопроса влечетъ за собой множество разнообразныхъ изысканій, такъ что археологія постоянно встрѣчается и сливается съ исторіей цивилизаціи, языкознаніемъ, миѳологіей, съ различными антропологическими изученіями, наконецъ, даже съ геологіей, потому что древнѣйшіе слѣды человѣка принадлежатъ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, о которыхъ говоритъ исторія геологическихъ формацій. Современная археологія затрагиваетъ много подобныхъ вопросовъ, въ высшей степени любопытныхъ исторически, потому что въ этихъ вопросахъ лежитъ начало историческаго развитія, въ которомъ наше время служитъ послѣднимъ звѣномъ. Орудія каменнаго періода раскрываютъ предъ нами почти непонятную для насъ теперь эпоху человѣческой жизни, эпоху, которой и не подозрѣвала прежняя наука; сравнительно-филологическое изученіе языковъ, относительно бытовыхъ предметовъ, металловъ, время-счисленія, звѣроловнаго или пастушескаго быта, указываетъ на цѣлые продолжительные періоды, въ теченіе которыхъ шла борьба человѣка съ природой, борьба за существованіе, когда совершались трудные подвиги, дѣлались открытія и изобрѣтенія, складывались первыя грубыя понятія и представленія. Археологія въ своихъ различныхъ отрасляхъ мало по малу разъясняетъ намъ эти темные и долгіе періоды, и въ первый разъ наводитъ насъ на вѣрныя представленія о младенческой порѣ человѣчества и націй. Переходя къ болѣе близкимъ, болѣе историческимъ временамъ, новѣйшая археологія знакомитъ насъ съ древними цивилизаціями Африки и Азіи, объясняетъ памятники Египта, раскапываетъ и реставрируетъ остатки Ниневіи и Вавилона, въ Палестинѣ дѣлаетъ любопытныя открытія по библейской и христіанской древности и т. д. Изученіе средневѣковыхъ памятниковъ становится все болѣе и болѣе необходимымъ элементомъ историческаго изложенія народныхъ судебъ, потому что въ характерѣ памятниковъ археологія указываетъ характеръ создававшей ихъ мысли и фантазіи, и съ помощью памятниковъ дѣлаетъ болѣе нагляднымъ внутренній историческій ходъ національнаго развитія...

Такъ громаденъ объемъ содержанія, который болѣе или менѣе усвоиваетъ себѣ современная археологія,—въ обширномъ смыслѣ, она обнимаетъ необозримый періодъ древнѣйшей жизни человѣчества. Но въ такомъ многообъемлющемъ характерѣ археологія есть наука еще очень новая. Тѣ вспомогательныя знанія, которыя помогли ей расширить свою точку зрѣнія, какъ языкознаніе, миѳологія, антропологическія изученія, только въ недавнее время пріобрѣли то развитіе, при которомъ они способны были оказать археологической наукѣ свои услуги. Строго научное сравнительное языкознаніе, напр., считаетъ свое существованіе всего нѣсколькими десятками лѣтъ, также какъ и миѳологія; столько же нова геологія, впервые указавшая научными фактами на истинный возрастъ земли и глубокую древность органической жизни; антропологія опять только теперь, въ эти послѣднія десятилѣтія, пріобрѣтаетъ прочную опору въ различныхъ отрасляхъ естествознанія; далѣе, самое фактическое изученіе древнихъ памятниковъ, орудій каменнаго или бронзоваго вѣка, развалинъ Вавилона или Ѳивъ, чтеніе іероглифовъ и гвоздеобразныхъ подписей и т. д., — все это пріобрѣтено наукой главнымъ образомъ уже въ нынѣшнемъ столѣтіи. Великіе ученые, положившіе начало этому новому глубокому изученію, еще въ наше время окончили и оканчиваютъ свои труды. Христіанская археологія, несмотря на много предшествовавшихъ трудовъ прежняго времени, также главнымъ образомъ въ нынѣшнемъ столѣтіи приходитъ къ строгой научной формѣ, которую она могла пріобрѣсти подъ вліяніемъ болѣе точной исторіи христіанства, какая начинается только въ новѣйшихъ трудахъ исторической геологіи, — и болѣе критическаго и систематическаго изученія искусства.

Такимъ образомъ, археологическая наука коснулась разнообразныхъ и любопытныхъ сторонъ въ исторіи человѣческаго развитія; мало

того, она въ сущности касалась самыхъ основныхъ моментовъ въ этой исторіи, потому что говорила о первыхъ началахъ цивилизаціи, и правильное разрѣшеніе археологическихъ вопросовъ могло оказывать самое существенное вліяніе на цѣлое понятіе историческаго развитія. Сводя миѳическіе періоды къ реальному смыслу, изображая на памятникахъ градаціи человѣческихъ понятій, удаляя всякій фантастическій идеализмъ, археологія давала отличную подкладку и для болѣе реальнаго пониманія всей исторіи.

Но въ этомъ обширномъ своемъ значеніи археологія была до сихъ поръ слишкомъ мало извѣстна большинству обыкновенныхъ читателей, и не только у насъ, но и на западѣ. Какъ наука, археологія еще не пришла къ законченной системѣ, она еще находится въ порѣ своего образованія; можно сказать, что она даже не опредѣлила съ точностью своихъ положительныхъ границъ. Наличный матеріалъ ея разсѣянъ во множествѣ изслѣдованій, не только въ области собственно археологіи, но и въ другихъ смежныхъ съ ней наукъ, естествознанія, антропологіи, исторіи и т. д. Чтобы обнять во всей полнотѣ древнѣйшіе періоды быта, надо владѣть обширнымъ запасомъ различныхъ знаній, рѣдко совмѣщаемыхъ однимъ человѣкомъ; а частныя изслѣдованія становились, по необходимости, слишкомъ спеціальны для читающей массы. Даже въ западныхъ литературахъ рѣдки сочиненія, въ которыхъ бы содержаніе археологическаго знанія излагалось въ его всесторонней полнотѣ,—хотя есть множество превосходныхъ частныхъ трудовъ. И если въ западной литературѣ мало писателей, которые бы обобщили археологическое знаніе, то въ нашей — отсутствіе знакомства съ предметами археологіи было вопіющее. Русскій читатель только изрѣдка имѣлъ возможность прочитать въ журналѣ отрывочную переводную статью о какомъ нибудь частномъ предметѣ, безъ начала и конца. Очень естественно, что онъ не имѣлъ и возможности составить себѣ понятіе объ общемъ смыслѣ науки и о важности ея указаній и выводовъ.

А русская археологія? Эта археологія до самаго послѣдняго времени была въ очень жалкомъ положеніи. Археологическіе вопросы начали занимать нашихъ ученыхъ съ самыхъ первыхъ началъ науки русской исторіи; эти вопросы поднимались уже въ XVIII-мъ столѣтіи нѣмецкими и русскими учеными, начавшими изслѣдованія по русской исторіи, составлявшими первыя ученыя описанія Россіи. Карамзинъ далъ этимъ вопросамъ должное мѣсто въ своей исторіи; но сдѣлано было еще слишкомъ немного; ученые, которые брались за подобные предметы, еще не въ силахъ были одолѣть всей массы матеріала, обращались часто къ вещамъ, слишкомъ маловажнымъ или только оригинальнымъ, и — «банное строеніе», «тмутараканскій камень» входили наконецъ въ пословицу. Конечно, труды нѣмецкихъ академиковъ и нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія доставили много важныхъ указаній, но археологія еще долго не могла стать прочно и пріобрѣсти научную форму. Самые любители древности и изслѣдователи ея, отыскивавшіе у продавцовъ всякаго хлама такъ называемой ими «дичи», не внушали должнаго уваженія къ наукѣ и не давали о ней истиннаго понятія: памятникъ древности оставался въ глазахъ большинства только курьезомъ, и остроты объ «Ярославовыхъ голенищахъ» въ самомъ дѣлѣ не были лишены соли и мѣткости. Археологія долго оставалась чисто эмпирическимъ знаніемъ, дѣломъ дилеттантскаго любопытства, и считалось возможнымъ трактовать археологическіе вопросы съ прибавкой къ нимъ романическихъ арабесковъ. Такимъ эмпирикомъ былъ, напр., Сахаровъ, впрочемъ человѣкъ съ своими несомнѣнными заслугами дѣлу; такія арабески бывали нерѣдки въ сочиненіяхъ г. Снегирева. Описанія памятниковъ, преимущественно церковныхъ, начинаются довольно давно; наша литература насчитываетъ довольно значительное количество описаній церквей и монастырей, но до очень недавняго времени подобныя описанія отличались тѣмъ же эмпирическимъ характеромъ, и слѣдовательно, не имѣли настоящаго научнаго значенія. Вѣкъ памятника опредѣлялся по личной наглядкѣ, по преданіямъ или даже просто на-угадъ: извѣстныя преданія, сохранявшіяся благочестивымъ воспоминаніемъ, выдавались безъ всякой повѣрки за положительный фактъ, такъ что иной разъ вещь, сработанная несомнѣнно не раньше XVI-го вѣка, считалась произведеніемъ XI-го, и т. п. Очевидно, что многое въ этихъ описаніяхъ могло стать достояніемъ науки не иначе, какъ послѣ новой провѣрки людьми

болѣе компетентными. Наиболѣе обработанной и правильно освѣщенной частью русской древности была археографія, т. е. описаніе и опредѣленіе памятниковъ письменности. Первые серьезные труды по этой части, совершенные Востоковымъ и Калайдовичемъ, были уже трудами высокаго научнаго достоинства, и послѣ нихъ археографія, хотя и разработывалась эмпириками, но имѣла уже свои прочныя основанія.

Такое положеніе вещей еще нельзя назвать прошедшимъ въ нашей археологической дѣятельности. Въ «Вѣстникѣ Европы» еще недавно помѣщенъ былъ разборъ книги, въ которой можно было указать всѣ отмѣченные нами недостатки. Понятно, что подобные труды мало помогаютъ распространенію здравыхъ понятій и свѣдѣній, и самому движенію науки. Наша русская археологія нуждается еще въ объясненіи общихъ научныхъ основаній и критическихъ пріемовъ. Еслибы литература могла распространить такія здравыя понятія, то масса мѣстныхъ археологическихъ описаній могла бы быть составлена болѣе удовлетворительнымъ и критическимъ образомъ, а наука извлекала бы изъ частныхъ трудовъ больше положительныхъ результатовъ, чѣмъ она извлекаетъ теперь; люди, которые теперь такъ смѣло рѣшаютъ археологическіе вопросы, ссылаясь на преданія или полагаясь на глазомѣръ, могли бы научиться болѣе серьезному обращенію съ наукой. А эта наука, повидимому, должна бы внушать къ себѣ извѣстное уваженіе, когда мы теперь на каждомъ десятомъ словѣ говоримъ о своихъ русскихъ національныхъ началахъ, отрицаемся отъ запада и тому подобное. Чтобы говорить о національныхъ началахъ надо изучить ихъ, и между прочимъ — въ прошедшемъ; если въ своей старинѣ мы видимъ палладіумъ чистой русской стихіи, мы должны познакомиться съ памятниками этой старины, и выучиться обращаться съ ними. Но настоящее изученіе, которое бы дало намъ право призывать, какъ аргументъ, старину и національныя начала, это изученіе совершается дѣйствительно и успѣшно только извѣстнымъ научнымъ путемъ. Этотъ научный путь, къ сожалѣнію, извѣстенъ у насъ очень мало; задорныя фразы опровергаются — въ жизни, большимъ равнодушіемъ, напр., къ памятникамъ старины, — въ литературѣ, продолжающимся господствомъ упомянутаго эмпиризма.

Въ такихъ условіяхъ началъ свою дѣятельность Московское Археологическое Общество, основанное въ концѣ 1864 года. Передъ нами лежитъ теперь 1-й томъ его изданій, заключающихъ болѣе или менѣе обширныя археологическія изслѣдованія, и нѣсколько выпусковъ «Вѣстника», гдѣ ведется лѣтопись занятіямъ Общества и помѣщаются мелкія археологическія статьи и замѣтки, библіографія археологической литературы и т. п. Въ уставѣ Общества, вообще сходномъ съ уставами другихъ ученыхъ обществъ, мы замѣтимъ только пунктъ, что обыкновенныя засѣданія Общества происходятъ при постороннихъ посѣтителяхъ, и о нихъ заблаговременно извѣщается въ газетахъ: это, конечно, прекрасная мѣра, которая можетъ способствовать возбужденію въ публикѣ интереса къ занятіямъ Общества, и заслуживаетъ подражанія со стороны тѣхъ, которые не знакомы съ этой мѣрой. Переходимъ къ изданіямъ Общества.

Эти изданія своимъ характеромъ произвели на насъ самое благопріятное впечатлѣніе. Ихъ еще немного, но и изъ этого немногаго видно уже совершенно, что Общество (предсѣдатель — графъ А. С. Уваровъ, секретарь — К. К. Герцъ, редакторъ «Вѣстника» — А. А. Котляревскій) стоитъ на уровнѣ той задачи, которая предстоитъ русской археологіи, и что въ немъ есть ученыя силы, хорошо владѣющія методомъ и критикой современной науки. Имя графа А. С. Уварова, — которому, повидимому, принадлежитъ особенно дѣятельное участіе въ трудахъ Общества, — уже давно имѣетъ почетную извѣстность въ области русской археологіи; имена многихъ изъ членовъ основателей и сотрудниковъ въ изданіи Общества (гг. Герцъ, Котляревскій, Аѳанасьевъ, Забѣлинъ, Иловайскій и мн. др.) достаточно извѣстны въ литературѣ, чтобы нужно было говорить объ ихъ ученой компетентности. Изданія, вышедшія теперь, представляютъ уже много любопытнѣйшихъ изысканій, продолженіе которыхъ можетъ оказать самую существенную услугу наукѣ русской археологіи.

Мы не имѣемъ здѣсь возможности подробно знакомить читателя съ содержаніемъ «Древностей», и ограничимся указаніемъ наиболѣе важныхъ статей. Первый выпускъ «Древно-

тей» открывается вступительной рѣчью председателя: «О дѣятельности, предстоящей Московскому Археологическому Обществу», гдѣ гр. Уваровъ, очертивъ, въ немногихъ словахъ, развитіе археологической науки на западѣ, представляетъ очень вѣрную картину тѣхъ трудностей, какія встрѣчаетъ археологія у насъ, при господствующемъ пренебреженіи къ памятникамъ старины и при отсутствіи археологическихъ свѣдѣній. Московское Археологическое Общество поставило себѣ цѣлью заботиться, сколько возможно, о сбереженіи самыхъ памятниковъ, нерѣдко уничтожаемыхъ невѣжествомъ, приводить ихъ въ извѣстность, распространять интересъ къ предмету въ обществѣ и издавать ученые труды русскихъ археологовъ. Между прочимъ, въ своей рѣчи гр. Уваровъ указалъ одну мѣру, которая, по его мнѣнію, можетъ возбудить интересъ къ русской археологіи и существенно содѣйствовать ея успѣхамъ; это—ученые съѣзды. Такое указаніе совершенно справедливо. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы даже первые опыты подобныхъ съѣздовъ и не удовлетворили ожиданіямъ (какъ многіе не удовлетворены, напр., недавнимъ съѣздомъ естествоиспытателей въ Петербургѣ), то въ концѣ концовъ, этотъ обычай, въ которомъ столько простого и серьезнаго смысла, мы полагаемъ, вошелъ бы однако въ нравы, и, въ этомъ случаѣ, былъ бы дѣйствительно сильнымъ орудіемъ научнаго образованія. Кромѣ многихъ внѣшнихъ причинъ, затрудняющихъ у насъ введеніе такого обычая, нельзя не сказать, что и ученые нравы наши, еще нуждающіеся въ нѣкоторой полировкѣ, могли бы представить въ этомъ отношеніи немалое затрудненіе. Мы полагали бы, однако, что съ теченіемъ времени съѣзды и здѣсь могли бы дѣйствовать съ пользой.

Затѣмъ, слѣдующая статья: «Церковный диптихъ V-го вѣка», также принадлежитъ гр. Уварову. Это трактатъ изъ христіанской археологіи, науки, къ сожалѣнію, слишкомъ мало извѣстной въ нашей литературѣ и однако полной глубокаго историческаго интереса. Изслѣдованіе гр. Уварова можетъ, конечно, показаться слишкомъ спеціальнымъ для обыкновеннаго читателя, — оно беретъ только отдѣльный памятникъ и обставлено тѣми техническими подробностями, которыя мало знакомы читателю, хотя, при нѣкоторомъ вниманіи, могли бы быть ему достаточно понятны. Диптихъ (слово греческое) соотвѣтствуетъ русскимъ складнямъ, т. е. складнымъ образамъ, и предметъ изслѣдованія составляетъ между прочимъ изображеніе Благовѣщенія, находящееся въ одномъ древнемъ диптихѣ, принадлежащемъ къ собранію графа Уварова. Подобныя изображенія имѣютъ свою исторію, и интересъ ея заключается въ томъ, что эти изображенія отражаютъ собой постоянное развитіе, которое проходила идея изображаемаго церковнаго предмета или событія. Искусство уже очень рано стало служить религіознымъ цѣлямъ христіанства, и западная археологія уже собрала множество матеріала для исторіи этого христіанскаго искусства, его техники и содержанія: каждое изображеніе имѣетъ свою генеалогію, отдѣльные члены которой служатъ представителями отдѣльныхъ эпохъ или ступеней въ развитіи самого понятія или вѣрованія. Гр. Уваровъ, посредствомъ сличенія изображеній на его диптихѣ съ другими извѣстными памятниками этого рода, пришелъ къ выводу, что диптихъ относится къ V-му столѣтію,— между прочимъ, онъ приводитъ указаніе, что Благовѣщеніе стали изображать послѣ 431 года или третьяго вселенскаго собора въ Ефесѣ, когда былъ положенъ конецъ несторіанской ереси.

Статья графа Уварова вызвала возраженіе г. Казанскаго, который, впрочемъ, не могъ съ своей стороны опровергнуть положеній, выставленныхъ въ этой статьѣ, и ограничился только одними общими соображеніями о томъ, что Благовѣщеніе было, вѣроятно, изображаемо раньше этого времени, а въ заключеніе подвергъ сомнѣнію и самый способъ археологической критики, принятый въ статьѣ гр. Уварова. Г. Казанскій недоволенъ всего больше тѣмъ, что не было дано рѣшающаго значенія *преданію,* на которое онъ самъ, главнымъ образомъ, опирается. «Вообще, говоритъ онъ, при археологическихъ изслѣдованіяхъ, преданіе есть всегда надежнѣйшій руководитель потому, что оно само есть живая устная археологія. Часто грѣшитъ противъ этой истины наука въ настоящее время и не безъ крайняго противорѣчія себѣ самой. Она тщательно собираетъ и много цѣнитъ преданія и сказанія народныя, сохраняющіяся въ настоящее время, и упорно, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвергаетъ древнія преданія, близкія къ временамъ самыхъ событій. Основываясь на немногихъ фактахъ, она издаетъ

свою теорію и упорно отвергаетъ то, что не подходитъ подъ эту теорію....» Г. Казанскій приводитъ въ примѣръ такого легкомыслія геологію, которая, по словамъ его, самоувѣренно доказывала отсутствіе человѣка въ дилувіальную эпоху (?), и наконецъ, должна была сознаться въ своей ошибкѣ. Если г. Казанскій думаетъ, что геологія ошибается, когда не слѣдуетъ преданію, и что эта ошибка заключается въ доказательствахъ отсутствія человѣка въ дилувіальную (?) эпоху, то онъ находится повидимому въ недоразумѣніи относительно сущности дѣла. Геологія дѣйствительно расходится съ преданіемъ, но разногласіе заключается не въ этомъ, и ей до сихъ поръ еще не приходилось сознаваться въ своей ошибкѣ относительно этого разногласія. Далѣе, г. Казанскій продолжаетъ: «Если не безопасно археологіи отрываться отъ древнихъ преданій, то вмѣстѣ съ тѣмъ она не должна терять изъ виду и настоящее. Въ настоящемъ живетъ еще многое древнее. Археологія лишается твердой опоры, когда, разрывая связь съ настоящимъ, углубляется въ древнія времена, не изслѣдовавъ надлежащимъ образомъ ближайшаго прошедшаго. Начиная спускаться въ глубокій мракъ древности съ первыхъ ступеней, археологія удобнѣе замѣтитъ переходъ отъ новой жизни къ древней и мало по малу привыкнетъ различать предметы и въ глубокомъ мракѣ. Когда долгимъ рядомъ наблюденій изслѣдователь убѣдится въ *живучести* нѣкоторыхъ обычаевъ, вѣрованій, обстановки жизни; тогда онъ не *задумается,* встрѣтивъ гдѣ либо *перерывъ свидѣтельствъ, возвести* существованіе ихъ *и далѣе,* чѣмъ доказываютъ монументальныя свидѣтельства, тогда онъ оцѣнитъ и всю важность преданія, замѣняющаго вещественные памятники легко уничтожаемые» и проч. (стр. 219). Г. Казанскій опять въ недоразумѣніи, полагая, что *живучесть* извѣстной вещи мѣшаетъ положительно опредѣлять ея начало, которое когда нибудь именно было; и что *перерывъ свидѣтельства* можно такъ легко пополнить преданіемъ, когда этотъ *перерывъ* можетъ означать именно несуществованіе вещи. Гр. Уваровъ въ своемъ отвѣтѣ на замѣтку г. Казанскаго, разобравъ самымъ обстоятельнымъ образомъ его возраженія, опираясь на признанные наукою факты, выражаетъ совершенное несогласіе съ г. Казанскимъ относительно значенія преданія, какъ «надежнѣйшаго руководителя» въ археологіи. «Авторъ, замѣчаетъ гр. Уваровъ, ясно опредѣляетъ, о какомъ именно преданіи онъ говоритъ, разумѣя тутъ преданіе «обычаевъ, вѣрованій, обстановки жизни». Такое преданіе, по нашему мнѣнію, трудно назвать надежнѣйшимъ руководителемъ въ наукѣ, которая нуждается въ положительныхъ данныхъ. Для русской археологіи въ особенности, мы ежедневно убѣждаемся въ пагубномъ вліяніи однихъ изустныхъ преданій и поверхностныхъ свѣдѣній о нашей старинѣ». Мы приводили выше примѣръ того, какимъ образомъ одинъ и тотъ же памятникъ изъ «обстановки жизни» одни изъ нашихъ археологовъ относили къ XI-му вѣку, а другіе, и болѣе доказательно, къ XVI-му; этотъ примѣръ дѣйствительно существуетъ въ русской археологіи, и первое опредѣленіе основывалось на преданіи, другое—на положительныхъ данныхъ. «Сколько неосновательныхъ мнѣній о нашихъ древностяхъ, продолжаетъ гр. Уваровъ, перешло и переходитъ обыденно устными преданіями? Сколько неточныхъ описаній, потому что они основаны на одномъ преданіи! Отечественная наша археологія навѣрно стояла бы теперь на степени науки, еслибъ доселѣ не довольствовались часто одними преданіями, а обращались бы къ самимъ источникамъ. Археологія, какъ математика, требуетъ точности: въ одной цифрѣ подтверждаютъ выводы, а въ другой памятники, доведенные ученою разработкою и критикою до степени вѣрныхъ и положительныхъ данныхъ; подобно цифрамъ, служатъ они точною и крѣпкою опорою всей науки» (стр. 228). Съ этими словами нельзя, конечно, не согласиться, и нельзя не пожелать, чтобы научная критика имѣла, наконецъ, въ нашей литературѣ подобающее ей мѣсто. Статья гр. Уварова представляетъ прекрасный примѣръ этой научной критики и яснаго пониманія научныхъ требованій.

Статья г. Аѳанасьева: «Примѣръ вліянія языка на образованіе народныхъ вѣрованій и обрядовъ», приводитъ не мало любопытныхъ соображеній и отличается обыкновеннымъ у автора богатствомъ указаній въ области миѳологіи. Впрочемъ, рядомъ съ ней, полезно читать замѣчанія, сдѣланныя на нее во 2-мъ выпускѣ, гдѣ г. Потебня приводитъ не мало филологическихъ и миѳологическихъ поправокъ, весьма вообще дѣльныхъ и основательныхъ.

Г. Котляревскій,—ученый писатель, до сихъ юръ еще не ознаменовавшій своей дѣятельноти ни однимъ цѣлымъ и большимъ трудомъ такой ожидается отъ него теперь), но не сморя на то, имѣющій и теперь очень авторитетый голосъ въ русской археологіи, — напечаалъ въ изданіи Московскаго Общества весьма юбопытный трактатъ: о «Металлахъ и ихъ бработкѣ въ до-историческую эпоху у племенъ ндо-европейскихъ», который можетъ быть проитенъ съ интересомъ не только записнымъ рхеологомъ, но и обыкновеннымъ любознаельнымъ читателемъ. Г. Котляревскій, съ свойтвеннымъ ему умѣньемъ, или вѣрнѣе сказать алантомъ, старается свести въ цѣлое изыскаія новѣйшей археологіи объ извѣстности и потребленіи металловъ въ древнѣйшую пору вропейской цивилизаціи. Свое изслѣдованіе нъ раздѣляетъ на нѣсколько частныхъ вопроовъ, именно: какому народу принадлежатъ рудія *каменнаго вѣка* въ Европѣ? — названія еталловъ у индо-европейскихъ племенъ; ареологическіе выводы отсюда;—металлы у скиовъ. Обширное знакомство съ археологичекой литературой, въ самыхъ разнородныхъ ея трасляхъ, точность критики, остроуміе вывоовъ,—качества, которыми обыкновенно отлиаются труды г. Котляревскаго,—являются, конечно, и въ этомъ трудѣ. Это одна изъ лучшихъ татей въ «Древностяхъ».

Далѣе — «Скиѳскія могилы, Чертомлыцкій урганъ», статья г. Забѣлина, весьма занимаельный разсказъ о раскопкахъ, которыя производятся въ южно-русскихъ степяхъ и доставляютъ много драгоцѣнныхъ (часто въ букальномъ смыслѣ) матеріаловъ для археологиеескаго изученія этихъ мѣстностей, гдѣ въ древности скиѳская жизнь встрѣчалась съ греческой цивилизаціей. Чертомлыцкій курганъ есть одна изъ самыхъ большихъ «могилъ», въ которыхъ обыкновенно находятъ всего больше археологической добычи, еще не растащенной и не перерытой искателями кладовъ. Статья г. Забѣлина даетъ весьма отчетливое понятіе о характерѣ этихъ могилъ, о процессѣ раскапыванія и о положеніи вещей, которыя бываютъ находимы въ гробницахъ. Статья любопытна тѣмъ болѣе, что г. Забѣлинъ уже много лѣтъ занимается этой археологической практикой и говоритъ съ большимъ знаніемъ дѣла.

Затѣмъ слѣдуютъ еще небольшія изслѣдованія г. Котляревскаго о «Скандинавскомъ кораблѣ на Руси», и г. Иловайскаго о «Вѣчевой степени», т. е. той «степени» или ступени (извѣстнаго возвышенія), которая была принадлежностью вѣча, и вступленіе на которую было знакомъ достоинства посадника. Г. Котляревскій, въ своей статьѣ, останавливается на томъ чудномъ и изукрашенномъ кораблѣ, который описывается въ былинахъ о Соловьѣ Будиміровичѣ и гостѣ Садкѣ: авторъ объясняетъ символическое значеніе этихъ изображеній корабля, и находитъ источникъ ихъ въ скандинавскомъ вліяніи.

Мы указали главныя статьи перваго выпуска «Древностей», и изъ этого указанія читатель можетъ видѣть разнообразіе ихъ археологическаго содержанія. Не менѣе занимателенъ и второй выпускъ, вышедшій недавно. Боясь утомить вниманіе читателя, мы назовемъ только главныя статьи.

«Недремлемое око Спасово» (отрывокъ изъ русской символики), гр. Уварова, представляетъ новое изслѣдованіе изъ церковной археологіи, исполненное съ такимъ же знаніемъ дѣла, какъ и упомянутое нами выше. «О Долѣ и сродныхъ ей существахъ», изслѣдованіе г. Потебни: авторъ обнаруживаетъ большія свѣдѣнія въ миѳологіи, особенно славянской, и, что у насъ еще очень рѣдко, хорошо знакомъ съ методами сравнительно-филологическихъ изслѣдованій, въ которыхъ наши ученые до сихъ поръ позволяютъ себѣ не мало произвола. Нѣсколько общихъ замѣчаній о значеніи миѳическаго воззрѣнія, высказанныхъ авторомъ по поводу мнѣній г. Буслаева, по нашему мнѣнію, очень важны (стр. 164 — 167). Много вѣрныхъ поправокъ сдѣлалъ также г. Потебня къ статьѣ г. Аѳанасьева, о которой мы упоминали выше.

За изслѣдованіями, болѣе или менѣе обширными, въ «Древностяхъ» слѣдуютъ и «Археологическія извѣстія», особый отдѣлъ, посвященный небольшимъ замѣткамъ, археологическимъ новостямъ, извѣстіямъ о новыхъ открытіяхъ и т. п.; и наконецъ, отдѣлъ библіографическій. Въ этомъ послѣднемъ въ особенности любопытенъ обзоръ «Новыхъ трудовъ по археологіи Востока, Греціи и Рима», составленный г. Герцемъ. Авторъ извѣстенъ давно своими археологическими трудами, и его обстоятельное обозрѣніе новѣйшей литературы по указанному предмету можетъ быть прочитано съ

интересомъ всякимъ образованнымъ читателемъ. Затѣмъ, въ общей библіографіи представляется весьма полный перечетъ новыхъ археологическихъ сочиненій въ иностранной и русской литературѣ съ отчетливыми рецензіями.

«Археологическій Вѣстникъ» предназначенъ для изслѣдованій меньшаго объема и для текущихъ занятій общества. Здѣсь также дается мѣсто библіографіи и печатаются протоколы засѣданій. Мы не будемъ останавливаться на этомъ изданіи, потому что общій характеръ его тотъ же, какой мы видѣли въ «Трудахъ».

Вообще, изданія Московскаго Археологическаго Общества производятъ самое благопріятное впечатлѣніе, и мы желаемъ имъ всего успѣха, какой только возможенъ для подобнаго изданія въ нашемъ обществѣ. Археологическіе труды, напечатанные въ изданіяхъ Общества, стоятъ на уровнѣ современной науки, и это ручается за ту пользу, какую принесетъ продолженіе ихъ для русской археологіи, до сихъ поръ ведущей нѣсколько случайное существованіе. Мы находимъ весьма разумнымъ со стороны Общества, что оно даетъ болѣе широкій смыслъ археологическому вопросу, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ въ нашей литературѣ, и полагаемъ, что разработка археологіи въ этомъ смыслѣ можетъ именно содѣйствовать распространенію лучшихъ понятій о предметѣ въ массѣ общества, отъ которой такъ много зависитъ самое сохраненіе памятниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ это можетъ сообщить и собственно русскимъ изслѣдованіямъ болѣе широкую и болѣе научную точку зрѣнія, чѣмъ какая еще остается въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ нашихъ археологическихъ изысканій (чему примѣръ мы имѣли случай указывать въ статьѣ г. Казанскаго).

Общество понимало также необходимость цѣльнаго систематическаго труда по русской археологіи, который бы могъ служить нѣкоторой точкой опоры для дальнѣйшихъ археологическихъ изысканій или сводомъ собранныхъ доселѣ свѣдѣній. Съ этой цѣлью оно начало собирать и печатать въ своихъ изданіяхъ «Матеріалы для археологическаго Словаря». Такое изданіе, конечно, весьма необходимо; программа его, принятая обществомъ, кажется намъ достаточно обдуманной и полной,—и мы думали бы, что Общество могло бы съ большой пользой для дѣла предложить своимъ членамъ обратить особенное вниманіе на эту сторону ихъ общихъ интересовъ. Труды подобнаго рода бываютъ вообще очень благотворны для науки. Книга, въ которой всякій желающій удобно можетъ найти необходимыя свѣдѣнія не имѣя надобности тратить время на поиски въ разсѣянныхъ статьяхъ и во многихъ изданіяхъ, такая книга, составляющая нѣкотораго рода энциклопедію и общій итогъ существующаго научнаго матеріала — вообще распространяетъ свѣдѣнія гораздо сильнѣе, чѣмъ могутъ это сдѣлать цѣлые ряды частныхъ отдѣльныхъ трактатовъ, идущихъ одни за другими безъ связи и системы и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить крайне полезнымъ пособіемъ для самихъ ученыхъ, облегчая справки и сберегая время. Мы понимаемъ очень хорошо всю трудность полнаго и всесторонняго исполненія такой задачи, при новости русской археологіи, какъ науки, при недостаточномъ числѣ компетентныхъ ученыхъ, и т. д., но мы придаемъ ей огромную важность и полагаемъ, что Московское Общество, такъ прекрасно начавшее теперь свою дѣятельность, еще увеличило бы цѣну своихъ трудовъ, если бы направило свои усилія въ особенности къ этой или подобной задачѣ. Мы знаемъ и другую трудность этого дѣла, которая заключается въ самихъ ученыхъ: спеціалистъ, преданный своему дѣлу, не легко берется за работу, выходящую изъ круга его занятій въ настоящую минуту, и нѣсколько скучаетъ дѣломъ вынужденнымъ, какимъ необходимо было бы приготовленіе статей для словаря по требованіямъ алфавита; онъ скучаетъ также и писаніемъ вещей, давно извѣстныхъ въ наукѣ, которыя составляютъ для него рутину, и которыя однако совершенно необходимы въ подобной книгѣ; наконецъ, статья для словаря, руководства, энциклопедіи и т. п., требуетъ всегда особенной точности и нерѣдко можетъ потребовать большого труда и времени для какихъ нибудь нѣсколькихъ строкъ. Но мы желали бы, чтобы всѣ эти трудности стали, въ глазахъ почтенныхъ ученыхъ, на второй планъ передъ неоспоримой пользой такого изданія, — появленіе котораго было бы въ литературѣ событіемъ.

Наука можетъ успѣшно развиваться въ обществѣ только параллельно съ тѣмъ, какъ распространяются общія понятія этой науки въ массѣ. Для этого распространенія общихъ понятій именно и необходимы изданія общаго, элементарнаго и энциклопедическаго характера.

юпейскія литературы давно уже богаты поnaго рода изданiями, которыя обыкновенно чшаются и распространяются параллельно движеніемъ самихъ наукъ. У нѣмцевъ, эта ребность — ученому оріентироваться въ наъ самому и оріентировать обыкновеннаго чиеля, вызвала, наконецъ, кромѣ множества гихъ разнородныхъ изданій, знаменитую, мадную энциклопедію наукъ и искусствъ, па и Грубера. Какъ бѣдны мы въ этомъ отвеніи, страшно сказать; и нѣтъ сомнѣнія, отсутствіе у насъ подобныхъ, даже и невненно меньшихъ по объему, изданій, съ юй стороны есть слѣдствіе малаго развитія ературы и образованія, а съ другой и прича этого малаго развитія...

Но «Археологическій Словарь», по нашему нію, еще далеко не составилъ бы всего, могли бы сдѣлать археологи для успѣха ей науки, въ обществѣ, и вмѣстѣ для ея ственнаго развитія. Дѣло въ томъ, что налитература вообще не доставляетъ почти какихъ способовъ для правильнаго и сколько будь обширнаго изученія наукъ, знакомство которыми необходимо археологу. Въ этой гературѣ нѣтъ почти совсѣмъ общихъ книгъ руководствъ по археологіи вообще, по истоискусства, по миѳологіи и т. д., не говоря е о спеціальныхъ отдѣлахъ этихъ наукъ, торые, однако, въ европейской литературѣ гаты замѣчательными сочиненіями и класческими книгами. И мы не можемъ не приать ненормальнымъ такого положенія научй литературы, гдѣ она, представляя читатеразработку подробностей, отсылаетъ его за ѣми общими основаніями къ иностранной тературѣ. При такомъ положеніи вещей, наная литература предмета замедляется въ ея бственномъ движеніи, и ученые труды поволѣ будутъ оставаться только частными потками, которыя не избавятъ любознательнаго ловѣка отъ необходимости интересоваться руководиться только иностраннымъ, и мало ниматься русскимъ — тогда какъ тѣ же учеіе и заботятся теперь о томъ, чтобы обраать его къ этому русскому....

Прежде всего, большую пользу оказали бы еводы классическихъ книгъ по археологіи, торіи искусства и т. д.,—потому что русской тературѣ нужно усвоить себѣ содержаніе ропейской науки, и для этого ей еще нѣтъ ка необходимости (или, если угодно, въ настоящую минуту даже и возможности) передѣлывать вновь работу, уже сдѣланную, и она можетъ воспользоваться готовымъ содержаніемъ. Такого рода труды многіе считаютъ у насъ ниже своего ученаго достоинства; мы не понимаемъ этого высокомѣрія вообще относительно европейской науки, и въ частности въ отдѣлѣ археологіи. Наша литература, мы сказали, ничего цѣлаго и общаго по этому предмету не имѣетъ, и мы могли бы съ должнымъ «піэтетомъ» смотрѣть на литературу Европы, которая укажетъ намъ длинный рядъ замѣчательныхъ произведеній по всѣмъ отраслямъ археологической литературы, и сошлется напр. въ исторіи искусства на такія имена, какъ Шназе, Куглеръ, Дижонъ, Пиперъ, Ваагенъ и т. д. и т. д. Еслибы оказалось, что наши ученыя силы довольно значительны и не удовлетворялись бы простой передачей чужого, тѣмъ лучше: иностранныя сочиненія могли бы явиться въ дополненномъ и усовершенствованномъ видѣ, съ большимъ развитіемъ тѣхъ отдѣловъ, которые относятся къ русской археологіи, съ указаніемъ новѣйшихъ изслѣдованій, съ описаніемъ аналогическихъ фактовъ, представляемыхъ русской археологіей и т. п. Серьезная работа подобнаго свойства равняется самостоятельному труду, но въ общей суммѣ приноситъ большую прибыль литературѣ, потому что содѣйствуетъ распространенію въ обществѣ основныхъ началъ науки, безъ которыхъ разработка ея частностей въ отдѣльной, собственно не богатой, литературѣ будетъ оставаться случайной и непрочной. Наша археологія еще такъ молода, что, по нашему убѣжденію, такая забота объ элементарныхъ ея потребностяхъ была бы совершенно умѣстна. — Московское Археологическое Общество чувствовало такую потребность, когда въ числѣ своихъ задачъ поставило составленіе археологическаго словаря, и конечно было совершенно право, когда находило нужнымъ собрать существующій запасъ археологическихъ свѣдѣній и дать русской литературѣ книгу общаго основнаго характера. Мы вполнѣ сочувствуемъ этому предпріятію и думаемъ, что Общество оказало бы литературѣ еще большую услугу, еслибы рядомъ съ этимъ обратило вниманіе и на указанную нами сторону дѣла: русская археологія пріобрѣла бы тогда еще болѣе прочную основу.

А. П—нъ.

Библіографическія и Историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова. Составилъ *В. Кеневичъ.* Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1868. Стр. 290. Ц 1 р.

Изданіе этихъ «Примѣчаній» приготовлено было ко дню столѣтней годовщины рожденія Крылова, что было въ февралѣ нынѣшняго года, и это едва ли не лучшее изъ того, чѣмъ русская литература хотѣла ознаменовать годовщину. Г. Кеневичъ уже нѣсколько времени тому назадъ началъ печатать отдѣльныя замѣтки о басняхъ Крылова; теперь онъ собралъ эти замѣтки въ одно цѣлое, расположивъ ихъ по хронологическому порядку самыхъ басенъ. Свои побужденія къ этому труду г. Кеневичъ высказываетъ такимъ образомъ. Крыловъ, говоритъ онъ, почти съ выхода первой его басни сдѣлался любимцемъ публики; за исключеніемъ двухъ-трехъ примѣровъ, литературная критика относилась къ нему только съ похвалами, и у своихъ современниковъ Крыловъ не нашелъ строгой, безпристрастной, правильной оцѣнки. Позднѣйшія статьи о Крыловѣ представляли или біографію писателя, или чисто литературную оцѣнку басенъ, почти не касаясь историческаго значенія его произведеній. Правда, не одинъ разъ была высказана мысль, что почти каждая оригинальная басня Крылова была вызвана какимъ-нибудь современнымъ общественнымъ явленіемъ и событіемъ; но всѣ замѣчанія, какія были только сдѣланы объ этой сторонѣ предмета, были крайне скудны и не представляли достаточно данныхъ для опредѣленія отношеній басенъ Крылова къ современной дѣйствительности.

«Между тѣмъ—говоритъ г. Кеневичъ—многія басни, оторванныя отъ исторической почвы, лишаясь своего настоящаго значенія, пріобрѣтаютъ совершенно другой смыслъ; многіе нравоучительные выводы кажутся до того общими мѣстами, что, повидимому, даже не могутъ найти примѣненія къ дѣйствительности. Оно и не можетъ быть иначе: забывъ или вовсе не зная тѣхъ обстоятельствъ, съ которыми связано литературное произведеніе, мы не можемъ ни правильно понять его, ни вѣрно опредѣлить направленіе дѣятельности писателя».

Съ этой мыслью г. Кеневичъ взялся за свой трудъ. Самъ онъ впрочемъ не дѣлаетъ здѣсь никакихъ общихъ выводовъ, и только собираетъ матеріалы для рѣшенія. Прежде все онъ приводитъ басни въ хронологическій п рядокъ, по тѣмъ прямымъ или косвенны указаніямъ, какія находилъ въ своихъ исто никахъ; затѣмъ почти къ каждой баснѣ о представляетъ примѣчанія, въ которыхъ опр дѣляетъ ея источникъ, сравниваетъ преж басни Крылова съ ея прототипами у Эзо Федра, Лафонтена и др., приводитъ указа (если они есть) о поводахъ къ сочиненію басн указываетъ современныя обстоятельства и т.

Однимъ изъ важнѣйшихъ пособій при это трудѣ служили г. Кеневичу рукописи Крыло находящіяся въ Публичной Библіотекѣ и у Савельева, и эти послѣднія въ особенности. В этихъ рукописяхъ г. Кеневичъ нерѣдко нах дилъ указанія на время сочиненія басенъ, кромѣ того, онъ нашелъ здѣсь множество в ріантовъ, по которымъ могъ слѣдить за пр цессомъ литературной работы у Крылова. Эт варіанты приведены г. Кеневичемъ, вмѣстѣ тѣми, какія онъ находилъ въ разныхъ пер печаткахъ.

Въ заключеніе книги помѣщенъ въ хроно гическомъ порядкѣ списокъ статей о Крыло до настоящаго времени.

Трудъ г. Кеневича исполненъ чрезвычайно добросовѣстно. Правда, для обыкновеннаго читателя онъ слишкомъ сухъ, слишкомъ переполненъ цифрами, варіантами и цитатами, въ которыхъ рѣдко можно найти страницу историческаго разсказа; но тѣ, кто ближе интересуется вопросами исторіи литературы, отдадутъ справедливость внимательному труду г. Кеневича и найдутъ въ немъ не одно важное указаніе.

Авторъ «Примѣчаній» совершенно справедливо указываетъ на необходимость объяснить историческія отношенія басенъ Крылова для опредѣленія дѣятельности этого писателя, самъ онъ находитъ пока невозможнымъ рѣшеніе этого вопроса, такъ какъ свидѣтельства современниковъ, собранныя до сихъ поръ, еще очень ограниченны, и самая исторія эпохи, а главнымъ образомъ царствованія Александра I. слишкомъ мало извѣстна. Мы думали бы однако. что рѣшеніе этого вопроса, которымъ должно опредѣлиться мѣсто Крылова въ исторіи общественнаго развитія, если и не можетъ быть сдѣлано теперь со всей точностью, то все-таки возможно въ приблизительной формѣ. Для этого

иблизительнаго рѣшенія достаточно и тѣхъ, тя немногихъ, но положительныхъ указаній, кія существуютъ относительно нѣкоторыхъ сенъ и до извѣстной степени раскрываютъ ношеніе Крылова къ разнымъ серьезнымъ просамъ общественной жизни. Притомъ басни всегда такъ загадочны по своему смыслу, обы для пониманія ихъ нужна была цѣлая ъ исторія. Въ иныхъ случаяхъ такая исто- я освѣщаетъ для насъ смыслъ басни и при- етъ ей особенный, живой интересъ, когда мы наемъ, что волкъ въ баснѣ «Волкъ на Псарнѣ» юбражаетъ Наполеона, а ловчій Кутузова; и что «Демьянова Уха» изображала чтеніе Бесѣдѣ русскаго слова у Державина; но та- й интересъ нерѣдко остается только чисто некдотическимъ. Онъ остается анекдотиче- имъ и въ другихъ случаяхъ, гдѣ басня обли- етъ общественные пороки и общественные достатки, взяточничество, казнокрадство, вся- го рода дурные нравы и т. п.,—каковы боль- ая доля въ басняхъ Крылова. Знать дѣйстви- льные поводы было бы важно тамъ, гдѣ, какъ басняхъ «Двѣ бритвы», «Рыбьи пляски», естрыя овцы» и т. п., указаніе дѣйствитель- го повода опредѣляетъ степень сатирической лы и смѣлости: общественнаго смысла въ нихъ евозможно не предполагать,—но вопросъ, от- сятся ли онѣ къ болѣе крупнымъ, или болѣе елкимъ вещамъ, имѣетъ существенную важ- сть для опредѣленія значенія басни, и мо- етъ сдѣлать ея смыслъ крупнымъ или некруп- ымъ. Здѣсь историческія указанія о первона- льномъ сатирическомъ назначеніи басни были особенно важны; отчасти они и существуютъ, скудость ихъ можетъ быть дополнена сличе- ями и аналогіями. Наконецъ, еще въ иномъ азрядѣ басенъ, историческое указаніе опять чего не измѣняетъ въ характеристикѣ воззрѣ- й писателя: таковы, напр., по нашему мнѣ- ю, басни «Водолазы» и «Сочинитель и раз- йникъ», для которыхъ мы не находимъ бла- пріятнаго объясненія, на что и на кого бы и собственно ни мѣтили. Такимъ образомъ, опросъ о значеніи басенъ Крылова по отно- енію къ исторіи общества и общественныхъ онятій намъ кажется довольно разрѣшимъ и настоящее время, и надобно желать, чтобы аши историки-литераторы обратили наконецъ ниманіе на эту сторону дѣла, объясненіе ко- рой въ первый разъ представитъ намъ дѣя- тельность Крылова въ ея настоящемъ истори- ческомъ свѣтѣ.

А. П—нъ.

Памятники дипломатическихъ сношеній древней России съ державами иностранными. По Высочайшему повелѣнію изданные II-мъ Отдѣл. собственной Е. И. В. канцеляріи. Т. IX. Сношенія царя и великаго князя Петра Алексѣевича съ римскимъ императоромъ Леопольдомъ въ 1698—1699 гг. Спб. 1868. Стр. 1230. Ц. 2 р.

Съ 1849 г., II-е Отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи предприняло цѣлый рядъ изданій памятниковъ, относящихся къ древней нашей исторіи. Въ 1850 г., начато было изданіе «Дворцовыхъ разрядовъ» и окончено въ 1855 въ четырехъ большихъ томахъ съ приложеніемъ особой книги къ 3-му тому, заключающей въ себѣ рукописи разрядовъ, открытыя уже послѣ изданія этого тома. Въ 1853 г. начато и въ 1855 окончено изданіе общихъ «Разрядныхъ книгъ по оффиціальнымъ спискамъ», въ двухъ томахъ, къ которымъ, впослѣдствіи, въ 1865 г. изданъ указатель, съ приложеніемъ нѣсколькихъ снимковъ съ рукописей этихъ книгъ. Изданіе «Памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными», началось съ 1851 г. и продолжается и въ настоящее время. Указывая на эти изданія нельзя не вспомнить съ благодарностію имени графа Д. Н. Блудова, просвѣщенному вниманію котораго они обязаны своимъ появленіемъ. Всѣ эти изданія производились подъ главною редакціею А. Н. Попова съ участіемъ въ разныхъ изъ нихъ В. М. Ундольскаго, Н. Д. Бѣляева, А. Ѳ. Бычкова, А. Ѳ. Тюрина и И. К. Калугина.

Изданный теперь IX-й томъ заключаетъ первую, по плану издателей, серію этого изданія, въ которую вошли сношенія древней Россіи съ римскими императорами. Въ этомъ томѣ, и въ VIII-мъ, помѣщены всѣ документы, относящіеся къ такъ-называемому *великому* посольству и къ дипломатическимъ переговорамъ, находившимся съ нимъ въ связи. Это посольство любопытно особенно потому, что въ немъ *инкогнито* или, какъ выражено въ самыхъ памятникахъ—*подъ прикрывательствомъ*—находился самъ Петръ Великій, предпринявшій путешествіе по Европѣ съ цѣлію лично познакомиться съ просвѣщенными странами и для

изученія *корабельнаго дѣла*. Хотя собственно о личной дѣятельности царя, мало свѣдѣній въ этихъ документахъ, однако изъ свободы дѣйствій великихъ пословъ по разнымъ предметамъ, особенно по избранію на польскій престолъ саксонскаго курфирста, гдѣ она выразилась съ крайнею настойчивостію, изъ постоянной ихъ заботы о наймѣ въ царскую службу корабельщиковъ и разныхъ мастеровыхъ, и изъ распоряженій о приготовленіи и о покупкѣ нужныхъ для судостроенія вещей, ясно выражается та воля, которая давала направленіе всѣмъ дѣйствіямъ великаго посольства, въ которыхъ отразились всѣ задушевныя мысли и стремленія царя о задуманныхъ имъ преобразованіяхъ въ Московскомъ государствѣ.

Документы, помѣщенные въ IX т., обнимаютъ сношенія царя Петра Алексѣевича съ римскимъ императоромъ Леопольдомъ въ 1698—1699 годахъ, изъ которыхъ наиболѣе любопытны тѣ, въ которыхъ подробно описано пребываніе царскаго посла, думнаго совѣтника Прокофья Богдановича Возницына на съѣздѣ въ Петеръ-Варадинѣ, вмѣстѣ съ уполномоченными отъ союзныхъ государей, куда онъ былъ посланъ для заключенія мира съ турками. Изъ этого описанія оказывается съ одной стороны полное недоброжелательство цесарскихъ и польскаго уполномоченныхъ къ Россіи, стремившихся удалить царскаго посла отъ непосредственныхъ сношеній съ турками, и скрывавшихъ отъ него свои намѣренія и дѣйствія; съ другой, искусство царскаго уполномоченнаго, при всѣхъ окружавшихъ его затрудненіяхъ, и хранить интересы Россіи, и заключить съ турецкими уполномочными такое перемиріе, какого требовало тогдашнее положеніе Россіи. Сверхъ того, въ этомъ томѣ помѣщено описаніе пріѣзда въ Москву цесарскаго посланника Игнатія Гваріента, съ порученіемъ отъ императора Леопольда подтвердить прежнюю дружбу съ царемъ, но особенно за тѣмъ, чтобы провѣдать о движеніяхъ царскихъ войскъ и замыслахъ русскаго двора, по заключеніи перемирія съ турками.

Нельзя не обратить также вниманія на расходныя книги великаго посольства, помѣщенныя въ приложеніи къ этому тому. Издатель отступилъ въ этомъ случаѣ отъ принятаго въ другихъ томахъ правила, не печатать расходныхъ посольскихъ книгъ, которыя значительно бы увеличили объемъ и такъ уже огромнаго изданія. Но мы не можемъ не одобрить, допущеннаго въ этомъ именно случаѣ, исключенія изъ правила потому, что расходныя книги посольства, въ которомъ находился самъ Петръ Великій, представляютъ особенный интересъ.

Мы слышали, что вторая серія памятниковъ будетъ заключать сношенія съ итальянскими государствами и начнется сношеніями съ папскимъ дворомъ, гдѣ въ первый разъ появится въ печати статейный списокъ посольства іезуита Поссевина и его переговоры съ Іоанномъ Грознымъ.

Записки адмирала Семена Ивановича Мордвинова. Писанныя собственною его рукою. Спб. 1868. Стр. 78. Ц. 75 к.

Автобіографическія записки Дмитрія Борисовича Мертваго, 1760—1824. Изд. «Русск. Арх.» Москва. 1867 г. Стр. 168. Ц. 1 р.

Литература мемуаровъ у насъ не богата. Русская исторія до-петровскихъ періодовъ совсѣмъ лишена этого важнаго пособника, и нынѣшній историкъ, разработывая эти періоды на основаніи актовъ и лѣтописей, оживляетъ свой разсказъ только записками иностранцевъ. Мемуары русскихъ дѣятелей XVIII и нынѣшняго вѣка немногочисленны, и хотя въ числѣ ихъ находятся важные источники, но, за однимъ исключеніемъ, нѣтъ такихъ, которые представляли бы полныя картины какой либо эпохи нарисованныя дѣятелями первостепенными. Впрочемъ, втеченіи послѣднихъ лѣтъ двѣнадцати появилось въ свѣтъ довольно много мемуаровъ, самое существованіе которыхъ было неизвѣстно; другіе были извѣстны и служили даже источниками при изслѣдованіяхъ, но не издавались до времени по той или другой причинѣ.

Къ числу первыхъ принадлежатъ записки Д. Б. Мертваго, къ числу вторыхъ—записки адмирала С. И. Мордвинова. Интересъ первыхъ заключается именно въ томъ, что онѣ представляютъ картину порядковъ и условій нашей администраціи конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, начерченную человѣкомъ ученымъ и свидѣтелемъ честнымъ; вторые представляютъ только интересъ лѣтописи, но при всей своей сухости и краткости, оне важны для исторіи нашего флота.

Адмиралъ С. И. Мордвиновъ былъ отецъ iѣе извѣстнаго адмирала графа Николая менoвича Мордвинова, столь популярнаго своe время члена государственнаго совѣта. миралъ С. И. Мордвиновъ (род. 1701, ум. 77 г.) находился въ числѣ молодыхъ двонъ, которыхъ обученіемъ и распредѣленіемъ разнымъ отраслямъ службы занимался самъ этръ. Мордвиновъ былъ въ числѣ первыхъ рдемаринов посланныхъ заграницу и отданъ лъ во французскую службу, гдѣ даже полулъ чинъ. Достигнувъ высшихъ чиновъ, Морвиновъ былъ одинъ изъ устроителей нашего орского управленія. Императоръ Петръ III ручилъ ему начальство надъ всѣмъ флотомъ управленіе адмиралтейскою коллегіею, а имратрица Екатерина II, въ день вступленія юего на престолъ, послала его, съ адмираломъ алызинымъ въ Кронштадтъ, «для важнаго ла», какъ онъ выражается самъ, необъясняя, рочемъ, въ чемъ оно состояло. Изъ дальнѣйихъ словъ его, приходится заключить, что ю состояло въ приведеніи флота къ присягѣ. тобы показать, какъ относятся записки Морзинова къ событіямъ, приведемъ слѣдуюія строки: «Іюня 18-го призванъ я былъ къ осударю (Петру III) въ Раненбомъ, для нѣкоторыхъ повелѣній. 28-го іюля Государыня мператрица Екатерина Алексѣевна вступила а престолъ»..... Въ большей части случаевъ, иски Мордвинова представляютъ только нтересъ краткой лѣтописи; но для историка усскаго флота въ нихъ найдется весьма много анныхъ, почему они и были изданы вслѣдствіе аспоряженія морского министерства, въ архиахъ котораго хранится подлинникъ. Текстъ ополненъ примѣчаніями, которыя занимаютъ ъ книжкѣ болѣе мѣста, чѣмъ самыя записки.

Записки Д. Б. Мертваго, обнимающія пеіодъ 1760—1824 годовъ, представляютъ больюй интересъ особенно по участію автора ъ военномъ управленіи въ 1807—1810 гг. въ ажной должности генералъ-провіантмейстеa, и по отношеніямъ его къ Аракчееву. Мрачная картина злоупотребленій и произвоа въ царствованіе императора Павла Петроича и въ началѣ царствованія Александра Іавловича въ яркихъ краскахъ возстаетъ подъ еромъ не подкупнаго автора. Дѣятельная лужба его относилась только къ первому пеіоду силы Аракчеева, отъ котораго онъ и терпѣлъ постоянное гоненіе. Первая глава записокъ Д. Б. Мертваго была напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и затѣмъ, полный текстъ въ «Русскомъ Архивѣ. Вышедшая книга есть только оттискъ изъ этого изданія.

Княжна Тараканова и принцесса Владимірская. Изд. Д. Кожанчикова. *П. Мельникова.* Спб. 1868 г. Стр. 290. Ц. 1 р. 25 к.

Это только перепечатка статьи «Русскаго Вѣстника» въ прошломъ году, подписанной М.—Г. Мельникову принадлежитъ нѣсколько статей о томъ же предметѣ въ разныхъ изданіяхъ. Статья, вышедшая теперь отдѣльно, есть сводъ всего, что извѣстно до сихъ поръ о женщинѣ, назвавшей себя княжною Таракановою; самостоятельнаго изслѣдованія она не представляетъ. Это — компиляція, написанная по случаю появленія въ «Чтеніяхъ» Московскаго общества исторіи и древностей свѣдѣній, доставленныхъ о княжнѣ Таракановой графомъ В. Н. Панинымъ. Въ этихъ чтеніяхъ помѣщено было извлеченіе изъ записки, составленной во II Отдѣленіи собственной его величества канцеляріи, съ приложеніемъ многихъ писемъ Екатерины и гр. Орлова и т. д.

Мы имѣли уже случай говорить подробнѣе о статьѣ г-на М. въ Литературной хроникѣ нашего журнала (1867, т. IV, отд. III стр. 36), и потому теперь не останавливаемся на ней. Замѣтимъ только небрежность, съ какою у насъ нѣкоторые «изслѣдователи» рѣшаются относиться къ предмету своихъ «изслѣдованій». Вотъ статья, съ значеніемъ чисто-компилятивнымъ, такъ какъ даже никакой своей мысли въ ней нѣтъ, и эта статья является въ видѣ книги, въ то самое время, когда ее слѣдовало передѣлать, потому что за выходомъ въ свѣтъ важныхъ новыхъ свѣдѣній о ея предметѣ, она утратила даже свое значеніе, какъ компиляція. Въ самомъ дѣлѣ, со времени составленія ея вышла въ свѣтъ, сперва въ Берлинѣ по-нѣмецки (см. декабрьскую книжку «Вѣстн. Евр.»), потомъ на русскомъ языкѣ полная записка въ изданіи Русскаго Историческаго Общества. Къ этой запискѣ приложены нѣкоторые документы, остававшіеся неизвѣстными г. Мельникову, (какъ напр. важное письмо Екатерины къ гр. Орлову, 12 ноября 1774, изъ котораго видно, что сама императрица подала мысль завлечь «княжну Тараканову» на русскій корабль). Ме-

жду тѣмъ, авторъ преспокойно отпечаталъ въ видѣ отдѣльной книги свою статью изъ «Р. В.», безъ всякаго дополненія. Такимъ образомъ, книга его въ настоящее время является компиляціею *не всего* извѣстнаго о ея предметѣ.

Основныя начала финансовой науки. *К. Г. Рау*, проф. въ Гейдельбергѣ. Переводъ съ пятаго нѣмецкаго изданія, подъ редакціей В. Лебедева. Т. II. Спб. 1868. Стр. 372. Ц. 2 р.

Рау, какъ финансистъ, не имѣетъ того значенія, какое принадлежитъ ему какъ экономисту. Сочиненіе его, переведенное на русскій языкъ (I-й томъ вышелъ подъ редакціею А. Корсака, II-й подъ редакціею В. Лебедева), важно особенно по богатству фактовъ, приводимыхъ въ немъ для примѣра. Поэтому г. Лебедевъ очень хорошо сдѣлалъ, что не «оставилъ всѣ эти» примѣчанія, хотя, по мнѣнію его, высказанному въ предисловіи, нѣкоторыя изъ нихъ можно было опустить. Богатство приведенныхъ примѣровъ именно и есть главное достоинство книги. Въ вопросѣ о протекціонизмѣ и свободной торговлѣ Рау, признавая совершенство принципа свободной торговли, оговариваетъ необходимость его постепеннаго примѣненія тамъ, гдѣ промышленность создана высокимъ тарифомъ. Сочиненіе Рау очень полезно какъ справочная книга, тѣмъ болѣе, что въ ней приняты въ соображеніе и факты послѣднихъ годовъ (до 1866 г.)

Опытъ общепонятнаго изложенія нѣкоторыхъ началъ финансовой науки съ примѣненіемъ ихъ къ Россіи. Соч. *А. Шипова.* Выпускъ 1. Спб. 1868. Стр. 124. Ц. 70 к.

Обзоръ основаній раціональнаго тарифа, примѣненнаго къ потребностямъ Россіи. Соч. *А. Шипова.* I. Спб. 1868. Стр. 44. Ц. 35 к.

Одинъ изъ нашихъ протекціонистовъ, г. Шиповъ, выказываетъ такое рвеніе въ защитѣ дорогихъ ему началъ, что оба предпринятыя имъ, небольшія сочиненія, имѣющія цѣль полемическую, выпускаетъ по частямъ, брошюрами. Опытъ изображенія «нѣкоторыхъ» началъ финансовой науки, само собой разумѣется, не можетъ имѣть научнаго значенія уже потому, что касается только «нѣкоторыхъ» началъ, да и тѣхъ съ цѣлью исключительно-полемическою. Обзоръ финансоваго управленія и налоговъ въ Англіи и Франціи сдѣланъ не дурно, и въ немъ вся серьезная часть брошюры. Главными причинами нашихъ экономическихъ затрудненій авторъ выставляетъ: акцизную систему, имѣющую въ виду «развитіе въ народѣ необузданнаго пьянства», *господствующую* у насъ систему либеральныхъ пошлинъ (!) и нашу кредитную систему. Въ первомъ выпускѣ неконченa еще третья глава, а всѣхъ будетъ пять. Итого, весь опытъ изложенія нѣкоторыхъ началъ финансовой науки составитъ страницъ 200 малаго формата въ $^1/_{16}$.

«Обзоръ основаній раціональнаго тарифа» — сдѣланъ въ размѣрѣ и съ характеромъ нѣсколькихъ газетныхъ статей. Въ № 35 «Москвича» мы нашли продолженіе книжки, лежащей передъ нами, въ которомъ авторъ приступаетъ къ примѣненію выведенныхъ имъ «раціональныхъ началъ». Все разстройство нашего общественнаго и государственнаго хозяйства объясняется «насильственнымъ подавленіемъ народнаго труда». Вотъ какъ легко опровергать науку: стоитъ только передѣлать ея терминологію, наклеить ярлыки собственнаго произведенія, обратить свободу торговли въ «насильственное подавленіе народнаго труда», а акцизную систему, основанную на «развитіи въ народѣ необузданнаго пьянства» назвать «свободною торговлею» виномъ—и дѣло будетъ сдѣлано. «Основаніе раціональнаго тарифа» г. Шипова мы рекомендуемъ, какъ руководство для пріятныхъ jeux de société, для упражненій въ иносказаніяхъ, ребусахъ, шарадахъ, метаморфозахъ и т. д.

Философія уголовнаго права въ популярномъ изложеніи. *А. Франка,* профессора въ Collège de France. Переводъ Д. Слонимскаго. Спб. 1868. Стр. 244. Ц. 1 р.

Г. Франкъ придерживается въ криминальной теоріи ученія либерально-посредствующаго. Онъ исходитъ не изъ физіологическихъ фактовъ, удостовѣренныхъ и признанныхъ положительною наукою, а изъ отвлеченнаго умозрѣнія, изъ ученія о добрѣ и злѣ и значеніи ихъ, какъ понятія прирожденнаго человѣку. Онъ — идеалистъ, но идеалистъ либеральный, какихъ много. Онъ отрицаетъ всякое сходство между преступною и больною волею, но отрицая и всѣ основанія права наказанія, придуманныя криминалистическою философіею, а именно: принципъ искупленія, принципъ рав-

смѣрнаго воздаянія зломъ за зло и пр., останавливается на *правѣ самосохраненія*. Между тѣмъ, право самосохраненія уже вовсе не идеальное право, а необходимость, т. е. право естественное. Такимъ образомъ, система, выведенная изъ отвлеченныхъ принциповъ понятія о добрѣ и злѣ, приходитъ къ системѣ устрашенія, которая уже не оправдывается справедливостью, а просто объясняется удобствомъ. Франкъ, какъ всѣ приверженцы посредствующихъ мнѣній, остается безъ теоріи строго-раціональной. Смертную казнь, этотъ вѣнецъ системы устрашенія, онъ отрицаетъ.—Книжка, изложенная популярно, во всякомъ случаѣ интересна. Переводъ не дуренъ, хотя можно замѣтить, что нѣкоторыя иностранныя слова, какъ напр. «Дебиторъ» и «Законъ Тальона (!)» слѣдовало замѣнить русскими.

Исторія индуктивныхъ наукъ отъ древнѣйшаго и до настоящаго времени. *Вильяма Уэвелля.* Переводъ М. А. Антоновича. Т. III. Спб. 1868. Стр. 624. Ц. 2 р.

Въ этомъ томѣ превосходный трудъ Уэвелля еще не конченъ. Недостаетъ конца исторіи физіологіи, всей исторіи геологіи, біографическихъ приложеній и т. д. Издатели хотятъ дополнить слѣдующій, послѣдній выпускъ хронологическимъ указателемъ естественно-научныхъ открытій и библіографическимъ указателемъ литературы естествознанія. Переводъ цѣлой исторіи естественныхъ наукъ прежде всего требуетъ полнаго знакомства съ ихъ терминологіею. На сколько условіе это выполнено въ переводѣ названнаго нами сочиненія—предоставляемъ судить спеціалистамъ.

Сочиненія Диккенса и Теккерея. Торговый домъ Домби и сынъ, романъ *Чарльса Диккенса*. Переводъ И. Введенскаго. 2 тома. Спб. 1868. Стр. 544 и 557. Ц. 3 р.

Переводъ И. Введенскаго давно извѣстенъ и пользуется хорошею репутаціею въ литературномъ отношеніи. Нельзя не пожалѣть, что переводчикъ посягнулъ на оригинальность англійскаго слога, и заставилъ «англичанъ» Диккенса употреблять типическія выраженія русскаго языка, какъ бы желая тѣмъ удержать за ними оригинальность подлинника. Во всякомъ случаѣ, Введенскій принадлежалъ къ числу лучшихъ нашихъ переводчиковъ, и послѣ него мы рѣдко встрѣчаемъ его искусство и талантъ.—Цѣна, по числу страницъ и формату книгъ, относительно, пожалуй, не велика. Но подумайте, что англійскій оригиналъ, изданный не хуже и конечно удобнѣе (въ 3 томикахъ), можно купить здѣсь за 2 рубля, и кромѣ того, русскій переводъ является не новымъ изданіемъ.

Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита московскаго. Состав. *Н. В. Сушковъ.* Съ фотографическимъ портретомъ. Москва. 1868. Стр. 163. Ц. 2 р. 50 к.

Авторъ, въ 1828 г., имѣлъ первый случай узнать ближе покойнаго Филарета, митрополита московскаго. Объясненіемъ личныхъ событій, приведшихъ въ Москву Н. В. Сушкова, начинаются его «Записки». Въ 1863 г., авторъ напалъ на мысль «собрать и сохранить возможно полныя свѣдѣнія о жизни м. м. Филарета»; при жизни его, Н. В. Сушковъ «иное разсказывалъ ему для повѣрки, и очень немногое читалъ ему». Судя по изданному нынѣ, авторъ успѣлъ собрать весьма разнообразные матеріалы и присоединилъ къ тому свои личныя воспоминанія, болѣе или менѣе любопытныя. Указываемъ въ особенности на «Приложенія», гдѣ можно встрѣтить не мало весьма интересныхъ документовъ. На первомъ мѣстѣ помѣщены письма протоіерея Соколова, «мистика и мартиниста», духовному надзору котораго авторъ былъ отданъ покойнымъ Филаретомъ въ 1828 году; изъ послѣдующихъ документовъ укажемъ на переписку Филарета, тогда архіепископа московскаго, съ новгородскимъ митрополитомъ Серафимомъ, и письмо А. С. Шишкова, министра народнаго просвѣщенія, къ послѣднему, отъ 21 ноября 1824 г., по тому случаю, что указомъ св. синода типографской конторѣ было предписано остановить печатаніе и продажу катихизиса, сочиненнаго Филаретомъ, только-что за годъ предъ тѣмъ разсмотрѣннаго, одобреннаго св. синодомъ, и изданнаго по высочайшему повелѣнію.

До Филарета, какъ видно, дошелъ еще только слухъ о томъ, и потому онъ пишетъ:

«Непонятно, чѣмъ, и какъ, и почему приведено нынѣ (1824 г.) въ сомнѣніе дѣло (т. е. катихизисъ) столь чисто и совершенно утвержденное всѣмъ, что есть священнаго на земли.

«Не великая была бы забота, естьли бы сомнѣніе угрожало только личности человѣка, бывшаго орудіемъ сего дѣла; но не угрожаетъ ли оное іерархіи? Не угрожаетъ ли церкви?

«Если сомнительно православіе катихизиса, столь торжественно утвержденнаго св. синодомъ, то не сомнительно ли будетъ православіе самого святѣйшаго синода? — Допущеніе сего сомнѣнія не потрясётъ ли іерархіи до основанія, не возмутитъ ли мира церкви? Не произведетъ ли тяжкаго церковнаго соблазна?

«Судъ, который надъ дѣяніемъ святѣйшаго синода произнесетъ одинъ священникъ (если то правда, что одному священнику поручено дать мнѣніе о катихизисѣ, синодально утвержденномъ), увѣритъ ли всю церковь и не обнаружитъ ли только разрушеніе іерархическаго порядка чрезъ допущеніе такого суда?

«Не нужно сказывать В. В., что надъ дѣяніемъ святѣйшаго синода, касательно ученія вѣры, вѣрный и достойный принятія судъ, по правиламъ святыя, соборныя и апостольскія церкви, можетъ быть не иной, какъ судъ чрезвычайный полнаго собора помѣстнаго или вселенскаго, подъ покровительствомъ государя императора» и т. д.

Митрополитъ Серафимъ, въ своемъ отвѣтѣ, замѣтивъ, что «удовлетворительно отвѣчать не можетъ», старается успокоить архіепископа, и заключаетъ письмо словами: «Итакъ, потерпи, пастырь добрый,—терпѣніе не посрамитъ; оно доставитъ Вамъ опытность, которая и въ послѣдствіи времени крайне полезна Вамъ будетъ, что я имѣлъ случай и самъ надъ собою дознать».

Далѣе, мы находимъ: «Письмо м. м. Филарета» къ одному изъ своихъ родственниковъ; «О тѣлесныхъ наказаніяхъ съ христіанской точки зрѣнія», и т. д. Въ заключеніе, укажемъ на весьма любопытныя «Воспоминанія, относящіяся къ восшествію на престолъ государя императора Николая Павловича», писанныя 25 лѣтъ спустя м. м. Филаретомъ, по просьбѣ, какъ замѣчаетъ авторъ «Записокъ», одной глубокочтимой митрополитомъ особы. Рукопись была доставлена Н. В. Сушкову преосвященнымъ Леонидомъ 26 августа 1865 г.

POST-SCRIPTUM.

Настоящая книжка нашего журнала кончалась уже печатаніемъ, когда мы полу-
ли отъ сенатора М. К. Цеймерна письмо, по поводу присоединенной нами замѣтки
ь статьѣ: „Стефанъ Баторій подъ Псковомъ" (см. февраль, стр. 728, ссылка). Мы
мѣстили ту замѣтку безъ всякаго желанія нарушить чей либо интересъ, и только
тѣли слышаннымъ нами пополнить извѣстіе о рукописи, которое было сообщено
торомъ статьи. Если въ наши показанія вкрадывается неточность, мы всегда го-
вы съ благодарностью помѣстить у себя все, что можетъ содѣйствовать къ возста-
вленію истины. Вотъ, содержаніе письма:

М. Г.

Въ февральской книжкѣ, 1868 года (стр. 725), издаваемаго подъ вашею редакціею журнала Вѣстникъ Европы», напечатана статья: «Стефанъ Баторій подъ Псковомъ», по новымъ докумен-мъ, изданнымъ Академіею наукъ, съ слѣдующимъ замѣчаніемъ въ ссылкѣ: «Къ извѣстію г. ояловича объ исторіи рукописи дневника необходимо сдѣлать дополненіе и вмѣстѣ поправку. . Н. Поповъ при проѣздѣ своемъ чрезъ Рязань, въ 1854 г., первый узналъ отъ архіепископа авріила, что еще въ бытность его въ Могилевѣ, онъ подарилъ сенатору Цеймерну замѣча-ельные документы, которые онъ желалъ бы сдѣлать общедоступными. А. Н. Поповъ, по воз-ращеніи своемъ въ Петербургъ, разсказалъ о томъ гр. Блудову, который уговорилъ владѣтеля укописи пожертвовать ее въ Публичную библіотеку, а приготовленіе къ изданію было поручено . Н. Попову. По докладу гр. Блудова, 28 апрѣля 1855 года, мысль объ изданіи и планъ его, ъ изложеніемъ всего содержанія рукописи, былъ высочайше одобренъ. Подъ надзоромъ А. Н. Іопова, была снята копія текста и приготовленъ русскій переводъ г. Сѣдлецкимъ. Оставалось справить и свѣрить окончательно переводъ, но, по докладу барона М. Корфа, 21 іюня 1862 ода все дѣло было передано въ Академію наукъ. О судьбѣ русскаго перевода мы ничего не наемъ».

По поводу этого замѣчанія, необходимо сдѣлать и съ моей стороны дополненіе и вмѣстѣ оправку. Рукопись эту, дѣйствительно, получилъ я отъ покойнаго архіепископа Гавріила, но е въ Могилевѣ, какъ сказано въ дополненіи, а въ Рязани, по слѣдующему случаю: во время евизіи мною рязанскихъ судебныхъ мѣстъ, зимою 1847 и 1848 гг., я имѣлъ честь познако-иться съ преосвященнымъ Гавріиломъ, который часто бесѣдовалъ со мною о русской исто-іи, и въ одну изъ этихъ бесѣдъ показалъ мнѣ хранившуюся у него помянутую рукопись и алъ ее прочитать. Познакомившись такимъ образомъ съ этимъ драгоцѣннымъ для русской сторіи памятникомъ, я почелъ долгомъ выразить преосвященному свое мнѣніе о необходи-юсти отдачи рукописи въ какое либо публичное хранилище для сбереженія ея и сдѣланія оступною лицамъ, интересующимся отечественною исторіею. По прошествіи нѣсколькихъ ѣтъ, проѣздомъ чрезъ Рязань, я посѣтилъ преосвященнаго и, заведя разговоръ о рукописи, новь намекнулъ о необходимости принять мѣры къ сохраненію этого манускрипта, вслѣд-твіе чего преосвященный владыка и отдалъ ее въ мое распоряженіе. Сообразно съ цѣлію, ля которой рукопись была мнѣ передана, я, вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ Рязани, доз-олилъ сдѣлать изъ нея извлеченія гг. Буссе и графу Платеру, изъ коихъ первый помѣстилъ ти извлеченія въ журналѣ «Das Inland» (1853, № 11) и въ повременномъ изданіи «Остзейскаго Общества Исторіи и Древностей» (Mittheilungen aus der Livländischen Geschichte, 1857, Band VIII, Ieft 3).

Затѣмъ, обратился ко мнѣ нѣкто (сколько мнѣ помнится, тайный совѣтникъ Бреверпъ), отъ имени графа Блудова, прося дозволить снять копію съ этой рукописи, для изданія ея въ свѣтъ, на что я вполнѣ согласился. Но какъ, за тѣмъ, въ теченіе около двухъ лѣтъ, ни рукописи, ни извлеченія изъ нея, въ свѣтъ не появлялось, то я, опасаясь за эту ввѣренную мнѣ драгоцѣнность, рѣшился взять ее обратно. Получивъ рукопись, уже въ 1855 году, я принесъ въ даръ Императорской Публичной библіотекѣ, при письмѣ на имя барона М. А. Корфа, въ которомъ я выразилъ желаніе преосвященнаго, «чтобы все, относящееся до Россіи, издано было въ свѣтъ, и приняты были мѣры къ сохраненію самой рукописи, чтобы она была доступна для любителей науки».

Послѣ этого, при встрѣчѣ съ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ, на балѣ у ея императорскаго высочества государыни великой княгини Маріи Николаевны, я разсказалъ ему о такомъ своемъ распоряженіи, и графъ одобрилъ его; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъявилъ нѣкоторое сожалѣніе, что рукопись передана не Академіи наукъ.

Настоящимъ хозяиномъ манускрипта я считалъ не себя, а преосвященнаго Гавріила, которому принадлежитъ честь открытія и сохраненія этого драгоцѣннаго документа, и по этому я внесъ его въ Публичную библіотеку отъ его имени, и какъ бы по его порученію. Сообразуясь съ моимъ взглядомъ, и начальство библіотеки за это приношеніе признательность свою изъявило преосвященному, и въ ознаменованіе оной поднесло ему свои изданія. Въ послѣдствіи преосвященный меня благодарилъ за таковыя мои распоряженія.

Изъ этого изволите видѣть, м. г., что рукопись не оставалась у меня въ сокрытіи, что покойный графъ Дмитрій Николаевичъ вовсе не уговаривалъ меня отдавать ее въ Публичную библіотеку, и что въ подобномъ уговариваніи не было и надобности, ибо самъ я считалъ своею обязанностью заботиться о цѣлостномъ сохраненіи ея на общую пользу.

Покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, напечатать мое письмо въ ближайшемъ № вашего журнала.

Примите и проч.

М. Цеймернъ.

24 февраля, 1868 года.

М. Стасюлевичъ.

…орическія монографіи и Изслѣдованія Николая Костомарова. Смутное время Московскаго государства въ началѣ XVII ст. Т. I и II (т. IV и V). Изд. Д. Кожанчикова. Спб. 1868. Стр. 396 и 373. Ц. за 3 т. 6 руб.

…ашимъ читателямъ уже хорошо извѣстенъ этотъ …ирный трудъ Н. И. Костомарова, изданный въ …ѣстникѣ Европы» 1866 и 1867 гг. До сихъ поръ …тъ трудъ не вызвалъ ни одной серьезной, на…ой критики, которой вполнѣ заслуживали и …тересъ, возбужденный имъ въ обществѣ, и …мое имя автора; между тѣмъ, первая часть …мутнаго времени», а именно, «Названный царь …митрій» вышла въ журналѣ почти уже два года …му назадъ. Во всякомъ случаѣ, новое изданіе …явилось прежде критики на первое. Къ сожа…нію, мы должны замѣтить, что второе изданіе, …мѣя предъ собою печатный текстъ, могло бы …ыть сдѣлано съ бо́льшимъ тщаніемъ. Не гово…имъ уже о томъ, что только при второмъ томѣ …мѣщено особое заглавіе его: «Царь Василій …уйскій и Воры», а при первомъ томѣ забыли …а обертке, и даже на заглавномъ листѣ, помѣ…тить заглавіе тома, и такимъ образомъ, первый …омъ явился въ свѣтъ безъ заглавія. Но гораздо …уже еще то, что указанныя редакціею «Вѣстника …вропы» и весьма важныя опечатки остались не…исправленными и въ изданіи Д. Е. Кожанчикова; …между тѣмъ какъ опечатки никогда не заслужи…ваютъ новаго изданія. Стоило только сдать въ …типографію экземпляръ журнала, исправивъ его …предварительно по указаніямъ опечатокъ, кото…рыя были приложены нашею редакціею; но и это …послѣднее и самое легкое дѣло не было сдѣлано.

…Дневникъ Іоанна Георга Корба, секретаря посольства отъ имп. Леопольда I къ царю Петру I, въ 1698—1699 гг. Перев. съ латинск. Б. В. Женева и М. И. Семевскаго. Изд. Императорскаго Общ. Ист. и Древн. Росс. М. 1868. Стр. 381. Ц. 3 руб.

Не смотря на важное значеніе мемуаровъ Корба для исторіи первой эпохи преобразованій Петра В., мы только теперь пріобрѣтаемъ первый полный переводъ этого интереснаго памятника для русской исторіи. Къ своимъ путевымъ замѣткамъ, Корбъ присоединилъ подробное описаніе возвращенія Петра В. изъ чужихъ краевъ, стрѣлецкаго бунта, его усмиренія, съ любопытными замѣтками о внутреннемъ бытѣ «московитянъ» и вообще нашей цивилизаціи конца XVII вѣка. Переводчики приложили нѣкоторые планы и рисунки, которыми снабженъ оригиналъ, съ описаніемъ ихъ содержанія; текстъ объяснили примѣчаніями въ необходимыхъ случаяхъ, и приняли на себя важный въ изданіяхъ подобнаго рода трудъ составить азбучный указатель лицъ.

Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 гг. Акад. П. Пекарскаго. Спб. 1867. Стр. 88. Ц. 35 к.

Покойный проф. Милютинъ познакомилъ насъ съ содержаніемъ перваго русскаго ежемѣсячнаго журнала, основаннаго при Академіи въ 1755 г., подъ редакціею исторіографа Миллера: «Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія». Акад. П. П. Пекарскій обратился къ весьма любопытной внутренней жизни редакціи этого первенца русской журналистики, ея закулисной сторонѣ, и треволненіямъ, возбужденнымъ цензурными условіями. Источникомъ послѣднихъ были, впрочемъ, распри между самими академиками, и преимущественно вражда Ломоносова къ Миллеру. Отношенія послѣднихъ авторъ описалъ весьма подробно, снабдивъ свой разсказъ новыми документами. Подписная годовая цѣна на журналъ была 2 руб. (на «Спб. Вѣд.» — 2 р. 50 к.). Сотрудниками журнала являлись какъ академики, такъ и посторонніе лица. Изъ содержанія журнала исключались «высокія науки, которыхъ разумѣть невозможно» безъ спеціальнаго знанія. Печатались и стихи; за одинъ «мадригалъ Саккѣ, актрисѣ итальянскаго вольнаго театра», редакціи досталось, такъ какъ стихи не понравились при дворѣ, а почтенный академикъ не посѣщая оперы, думалъ, что Сакко — парижская актриса. Вражда къ журналу Ломоносова, а потомъ отъѣздъ Миллера въ Москву положили предѣлъ изданію.

Теорія нравственныхъ чувствъ, или Опытъ изслѣдованія о законахъ, управляющихъ сужденіями, естественно составленными нами, сначала о поступкахъ прочихъ людей, а затѣмъ о нашихъ собственныхъ. Соч. Ад. Смита. Перев. П. А. Бибикова. Спб. 1868. Стр. 515. Ц. 2 р.

Настоящее сочиненіе, по справедливому замѣчанію Бокля, должно быть разсматриваемо, какъ неизбѣжное дополненіе знаменитаго «Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатствъ народовъ», доставившее Ад. Смиту славу основателя политической экономіи. «Въ «Теоріи нравственныхъ чувствъ» — говоритъ Бокль — авторъ изслѣдуетъ сочувственную сторону человѣческой природы; въ «Богатствѣ народовъ» — своекорыстную ея сторону». Встрѣчая въ дѣйствительности на каждомъ шагу, что поступками человѣка руководитъ попеременно то любовь къ себѣ, то любовь къ ближнему, Ад. Смитъ анализировалъ оба эти побужденія къ дѣятельности человѣка, и такимъ образомъ построилъ двѣ отдѣльныя теоріи: теорію симпатіи, и теорію богатства. Развитіе первой теоріи и составляетъ содержаніе настоящаго сочиненія, которое явилось въ подлинникѣ еще въ 1759 г., и теперь въ первый разъ переведено на русскій языкъ. Для сравненія и объясненія присоединены въ концѣ перевода письма Кондорсе къ Кабанису «О симпатіи».

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

выходитъ въ 1868 году, 1-го числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ; шесть томовъ въ годъ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ

съ доставкою и пересылкою:

С.-Петербургъ и **Москва**. Годъ, **15** руб. — Полгода, **8** руб.
Губерніи . . . . „ **16** „ — „ **9** „

За-границу подписка принимается только на годъ, съ приложеніемъ къ цѣнѣ въ губерніяхъ за пересылку по почтѣ въ бандероляхъ: **2** руб. въ *Пруссію* и въ *Германію;* **3** руб. въ Бельгію; **4** руб. во Францію и Данію; — **5** руб. въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію; — **6** руб. въ Швейцарію; — **7** руб. въ Италію и Римъ.

Городская подписка принимается, въ *Петербургѣ:* въ Главной Конторѣ «Вѣстника Европы» (открыта, при книж. маг. А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ пр., у Казан. моста, по буднямъ отъ 9 ч. ут. до 9 ч. веч., и по праздникамъ отъ 12 ч. до 3 ч. пополуд.); и въ *Москвѣ:* въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Иногородная и заграничная подписка высылается, *по почтѣ*, исключительно: *въ Редакцію* журнала «Вѣстникъ Европы» (Галерная, 20), или прямо въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ. — Подписывающіеся лично обращаются въ мѣста, указанныя для городской подписки.

Подписывающіеся лично въ Главной Конторѣ «Вѣстника Европы», для обезпеченія себѣ правильной и своевременной доставки книжекъ, требуютъ выдачи билета, вырѣзаннаго изъ книгъ Конторы журнала, а не книжнаго магазина, и съ помѣткою дня выдачи билета.

Подписка безъ доставки (годъ — 14 р.; полгода — 7 р. 50 к.) принимается въ мѣстахъ, указанныхъ для городской подписки.

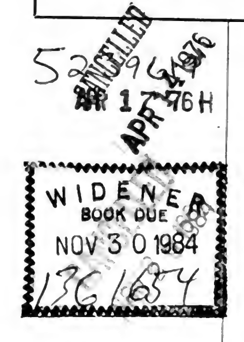
NB. *Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную сдачу экземпляровъ въ Почтамтъ только предъ тѣми, кто сообщаетъ ей нумеръ и число мѣсяца: или почтовой квитанціи, или билета, вырѣзаннаго изъ книгъ Главной Конторы «Вѣстника Европы».*

☞ Въ случаѣ недоставки Почтамтомъ сданныхъ ему въ порядкѣ экземпляровъ, ☜ редакція обязуется немедленно выслать новый экземпляръ въ замѣнъ утраченнаго, но не иначе, какъ по предъявленіи подписчикомъ свидѣтельства отъ мѣстной Почтовой Конторы, что требуемый нумеръ книги не былъ высланъ на его имя изъ Газетной Экспедиціи.

Желающіе пріобрѣсти полный экземпляръ «Вѣстника Европы» за 1867 годъ (четыре тома: 8 руб. безъ доставки) обращаются въ Главную Контору журнала. — Гг. Иногородные — исключительно въ редакцію (Спб. Галерная, 20), съ приложеніемъ 1 руб. для пересылки годового экземпляра.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

3 2044 019 213 594

CANCELLED
APR 1976
WIDENER
BOOK DUE
NOV 3 0 1984

